Грегори

БЕНФОРД

Тоска по бесконечности

Тоска по Бесконечности
Грегори Бенфорд

Аннотация
Грегори Бенфорд. Тоска по Бесконечности.
МОЦАРТ И МОРФИЙ
233° по Цельсию
И СНОВА МАНАССАС
ВНИЗ ПО РЕКЕ
  Глава I. ВЫСАДКА НА БЕРЕГ
  Глава II. ВЕТРЫ, НЕСУЩИЕ СМЯТЕНИЕ
  Глава III. ЗОМБИ
  Глава IV. МИСТЕР ПРЕСТОН
  Глава V. ЗАМОРОЖЕННАЯ ДЕВУШКА
  Глава VI. ПУТЬ НАЗАД
  Глава VII. ТУРБУЛЕНТНОСТЬ
  Глава VIII. ВСЕПОЖИРАЮЩИЙ ЛЕД
  Глава IX. КАИР
  Глава X. ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗОМОВ
  Глава XI. В ЛАБИРИНТЕ ПРОШЛОГО
  Глава XII. ВОДОВОРОТ
  Глава XIII. ПОГОНЯ
  Глава XIV. ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ
Червь в колодце
Погружение

Париж покоряет всех
Тайное знание
Танец для Шивы
Медленная симфония массы и времени
Тоска по бесконечности
Топологическое путешествие
Водородная стена
Головная ударная волна
Чревоточина
Тёмные небеса
Отсюда в Вечность. Эссе

Аннотация

Грегори Бенфорд. Тоска по Бесконечности.

Содержание:

Грегори Бенфорд. Моцарт и морфий (рассказ, перевод А. Колобова)

Грегори Бенфорд. 233° по Цельсию (рассказ, перевод О. Колесникова)

Грегори Бенфорд. И снова Манассас (рассказ, перевод М. Савиной)

Грегори Бенфорд. Вниз по реке (повесть, перевод И. Тогоевой)

Грегори Бенфорд. Червь в колодце (рассказ, перевод А. Новикова)

Грегори Бенфорд. Погружение (повесть, перевод В. Гольдича, И. Оганесовой)

Дэвид Брин, Грегори Бенфорд. Париж покоряет всех (рассказ, перевод О. Битова)

Грегори Бенфорд. Тайное знание (рассказ, перевод А. Новикова)

Грегори Бенфорд. Танец для Шивы (рассказ, перевод Ю. Соколова)

Грегори Бенфорд. Медленная симфония массы и времени (рассказ, перевод Е. Голубевой)

Грегори Бенфорд. Тоска по бесконечности (рассказ, перевод В.П. Ковалевского, Н.П. Штуцер)

Грегори Бенфорд. Топологическое путешествие (рассказ, перевод Ю. Соколова)

Грегори Бенфорд. Водородная стена (рассказ, перевод А. Новикова)

Грегори Бенфорд. Головная ударная волна (рассказ, перевод Г.В. Соловьёвой)

Грегори Бенфорд. Червоточина (рассказ, перевод А. Колосова)

Грегори Бенфорд. Тёмные небеса (повесть, перевод А. Новикова)

Грегори Бенфорд. Отсюда в вечность (эссе)

Грегори Бенфорд.
Тоска по Бесконечности.

МОЦАРТ И МОРФИЙ

Это странное, но стильное научно-фантастическое произведение — творение одного из лучших авторов F&SF. Последние книги Грега Бенфорда — «Приливы света» и «За занавесом ночи» (в соавторстве с Артуром Ч. Кларком). Бенфорд также был ведущим в серии радиопередач Пи-Би-Эс, выходившей в 1991 году под названием «Галактическая одиссея».

> *Как рабочую гипотезу для разрешения загадки нашего существования я готов выдвинуть предположение, что наша Вселенная самая интересная из всех возможных, и именно людям суждено сделать ее такой.*
>
> ***Фримен Дайсон, 1988***

> *Теория суха, мой друг,*
> *Но древо жизни вечно зеленеет.*
>
> ***Гёте, «Фауст»***

Думаю, что тем летом, когда Господь, похоже,

захотел остановить меня, я все же проник немного в Его замыслы.

Понимаю, что это не совсем обычный способ для научного изложения, которому свойственна серьезность и напыщенность. Но все же прислушайтесь, пожалуйста. Я попытаюсь рассказать о таких вещах, разговора о которых ученые стараются избежать, хотя эти-то скрытые ритмы и первостепенны для нашего ремесла.

Я живу в небольшой общине, чьи домики растянулись по берегу Тихого океана наподобие доброжелательной улыбки, сверкающей в золотых лучах солнечного света. Этому неослабевающему блеску словно в насмешку противостоял мрачный хаос, царящий в моей голове, сражающейся с физическими формулами. Целые дни я проводил за работой во внутреннем дворике, а за полоской песка раскинулась с евклидовой грацией синь океана, уходящая в перспективе в неизмеримую бесконечность. А оттуда все струился нескончаемый свет, делая до боли очевидной уродливость моих уравнений — единственного изъяна в природе.

У меня вошло в привычку завершать тщетные потуги разработчика теории частиц пробежкой по пляжу вечером. Соленый воздух прочищал

мне мозги. Красное солнце висело низко, и я не спеша трусил по теплому, похрустывающему песку, наблюдая как океанские валы накатывают на берег. Я не обратил внимания, что впереди собрались какие-то люди, и поэтому первый выстрел застал меня совершенно врасплох.

Несколько подростков кинулись врассыпную, а сухопарый парень, лет около двадцати, целился в них из маленького, поблескивающего никелем пистолета и что-то выкрикивал. Я принял за аксиому, что пистолет должен быть заряжен холостыми — выстрел прозвучал негромко.

Стрелявший ругался на мальчишку, пробегавшего справа от меня. Я все еще тупо продолжал бежать, не сворачивая, когда раздался второй выстрел. Мальчишка почти поравнялся со мной, и пуля свистнула над моим ухом — тсиииип!

Это уж точно не холостой. Следующие сто метров я пролетел за десять секунд, взрывая внезапно ставший очень вязким песок и только раз оглянувшись назад. Звук третьего выстрела долетел до меня, но воплей больше не было — только ругательства того сухопарого парня, который пятился наверх по бетонным ступенькам и пытался не дать сбившимся снова в группу подросткам приблизиться к нему.

Издалека было видно, как он выстрелил в последний раз, уже не стараясь попасть в кого-нибудь, а просто удерживая их на расстоянии. Потом он повернулся и побежал вверх по улице.

Я потрусил обратно, через толпу собравшихся на пляже зевак. Видимо, не поладили из-за наркотиков: подростки хотели надуть худого, и он вышел из себя.

Полицейские схватили его через несколько минут. Я видел, как ему зачитали его гражданские права… и внезапно в моем мозгу появилась зацепка относительно вычислений, которыми я занимался весь день. Просто вот так, взяла и появилась.

Черчилль однажды заметил, что ничто так не взбадривает, как просвистевшая мимо вас пуля.

Возможно, этим и объясняется мой творческий спурт всю следующую неделю. Я нашел несколько свежих математических приемов, новое сопряженное преобразование. Задачи решались сами собой.

Я пытался тогда создать модель Вселенной, не отталкивающуюся от предположений о количестве ее измерений. Мы привыкли к нашим трем уютным пространственным координатам и вечнотекущему времени — то есть, к четырем

измерениям. Когда Господь создавал Вселенную, чем был обусловлен этот выбор? Могли бы основные законы, управляющие Вселенной, работать, скажем в шести измерениях? Двадцати шести?

Такой вопрос, конечно, отдает наглостью. *Кто* или что может обусловливать деяния Бога?

Но все же мое воображение свободно витало в лабиринтах формул, ручка спешила заносить их на бумагу. Я сидел в необычайном оживлении и созерцал пляж внизу, где судьба — «тсиииип!» — миловала меня.

Я прервал свои размышления, чтобы слетать на восток к родителям, на их золотую свадьбу. В Алабаме стояла жара, тяжесть тамошнего воздуха как-то успокаивала.

Когда долго блуждаешь в потемках, что свойственно исследователям, в разговорах с родителями хочется коснуться темы нейтральной, в которой все одинаково несведущи: политики, детей, экономики. Я чувствовал, что выхожу из колеи беспристрастной математики, являющейся, по моему убеждению, основой всего.

Мы с отцом после утренней церковной службы ехали на прием по случаю годовщины. Это был влажный, солнечный день. Я лениво вдыхал запах сосновой смолы, разлившийся в воздухе,

когда отец притормозил возле предупреждающего знака. Мы снова тронулись, и тут что-то ворвалось в поле зрения. Это была машина, вынесшаяся из-за телефонного шкафа-распределителя. Я крикнул: «Стой, папа!» — в одно слово. Отец нажал на тормоза, и та машина врезалась нам в крыло.

Лобовое стекло разлетелось алмазными осколками. Стальной обломок вонзился мне в голову. Боли я не почувствовал, но по лицу потекла кровь.

Крики и боль в виске. Отец притянул меня к себе, стеклянные осколки посыпались на дно машины. Я спустил ослабевшие ноги на мягкий гудрон и помог отцу стянуть с себя рубашку.

Мы перетянули ею рану, чтобы остановить кровь, а я все повторял: «…закололи как свинью…» — пораженный потоком крови, хлеставшим из меня.

В узле, туго стянувшем голову, будто в кулаке, была зажата моя жизнь. Прислонившись к машине, я почувствовал легкость, воздушность в теле. Судя по геометрии столкновения, отец успел спасти меня: нажми он на тормоз чуть позже, та машина протаранила бы нас насквозь.

— Еще бы чуть-чуть — и конец, — пробормотал

отец.

Люди в другой машине были сильно потрясены. После внезапного ошеломляющего столкновения в наступившей тишине все кругом снова медленно-медленно стало сливаться воедино. Босая женщина-водитель. Машина из проката. У женщины сломана рука. Эта женщина сидит в придорожной канаве, измазанная красной глиной, раскачивается и стонет.

Отец принял все сдержанно, но в ушах моих звенела тревога. Сосны пахли еще острее. Широкие листья трав, азалии, яркие желтые цветы — изощренные орудия размножающейся, полной жизни природы. До невероятия четкий мир вокруг и мое упорное присутствие в нем требовали столь же ощутимого объяснения.

Преследовавшая меня в то тусклое серое лето загадка была порождением моего вечного желания привести все к общему знаменателю. Оно присуще всем физикам.

Дух Эйнштейна все еще движет нами, и мы пытаемся найти объединяющий Вселенную принцип в симметрии, заключенной в законах, управляющих материей. Все великие ученые стремились к унификации: Ньютон, Эйнштейн… и в самом деле, природа часто начинает свой

великий труд с чего-то незамысловатого, единого. Вначале гомогенный, океан каким-то образом дифференцировался на клетки и микроорганизмы, хищников и жертв. Наши общие бесприметные обезьяньи предки нарушили свою симметрию, произведя нас такими как мы есть: с замысловатыми языковыми символами и культурами. Появление разнообразия из общности — вечный процесс.

Мы все стремимся найти то первозданное единство. Мы надеемся, что вся природа развилась из безмятежной симметрии. Единый управляющий Закон, по мере того как расширялась Вселенная, распадался на составляющие, расщепляя единство, выплескивая на поверхность бытия четыре известных нам теперь силы.

Но что за странные это силы. Гравитация удерживает нас на нашей одинокой планете. Электромагнитные силы дарят свет, который нашептывает нам 6 далеких галактиках, о странных космогониях. Звезды мерцают в бескрайней черной пустоте, подогреваемые сливающимися атомами, которые подчиняются силам слабого взаимодействия. А под кажущейся незыблемостью материи таится большая сила — клей, скрепляющий ядро.

Я работал тогда, чтобы отыскать самую первичную, единую силу. Ни один лабораторный эксперимент не может привести нас к ней, потому что требуемые энергии должны быть сопоставимы с теми, что возникли в самый первый момент времени. Поэтому составить карту белых пятен Главного Закона предстоит аргонавтам по морям математики.

Вслушайтесь в дыхание нашей Вселенной, Земли, атомного ядра, наконец, крохотной былинки, называемой сверхнитью. Каждый шаг вглубь материи перекрывает двадцать порядков. Вот как далеко продвинулись наши теории.

Такая бесконечная малость очень меня тогда заботила. Образ крохотной трепещущей сверхнити преследовал меня и ночью, в снах.

Иногда я просыпался с головной болью, все еще возвращавшейся после аварии. Мне было неприятно осознавать, что мой мозг защищен лишь хрупкой костяной раковинкой, словно заложник грубых сил. Разум в осаде.

Одна моя подруга отозвалась однажды о мозге, как о «компьютере из плоти». Она занималась исследованиями искусственного интеллекта, и в моменты, когда боль затихала, я часто вспоминал ее грубое, но, возможно, верное замечание. Хотя

я все еще стремился найти разгадку лабиринтов теории.

В конце сентября я делал последние приготовления перед тем, как отправиться а конференцию в Индию, когда начались боли в животе. У детей были те же симптомы, и я решил, что это обычный грипп, ходивший по округе. Несколько дней вылежал, ожидая, что все пройдет. Чувствовал себя уже нормально, немного температурил, а боль сместилась куда-то ниже.

На полдня отправился в университет, чтобы встретиться с дипломниками. И там около двенадцати часов дня боль резко усилилась. Не мог встать. Мир сжался в шарик, а я был словно пришпилен в его центре. Я позвонил доктору, который вел прием неподалеку от университета, записался на прием и стал пересиживать боль. Она затихла, и я уже начал думать, что мир вернется к свей обычной линейной логике. Но анализы показали высокий уровень лимфоцитов в крови, жар и небольшое обезвоживание. Едва руки доктора дотронулись до моего правого бока, боль пронизала насквозь.

Врач решила, что это аппендицит и что меня надо срочно перевести в кабинет интенсивной терапии. Я подумал, что она поднимает слишком

много шума из ничего, и попросил просто дать чего-нибудь обезболивающего. Хотелось лечь в больницу рядом с домом, где были знакомые врачи. И, хотя по долгу службы уже вызвали машину скорой помощи, я убедил себя в том, что мне уже лучше, сел в собственную машину и поехал вниз по дороге в каньон. Белые холмы блестели под невыносимо ярким солнцем.

У меня и вправду начался перитонит. Вскоре мимо меня уже плыли флюоресцентные лампы коридора, по которому анестезиолог вез меня в операционную. Он сказал, что я обладаю большой выносливостью к боли, ведь аппендикс явно воспалился и должен бы меня сильно беспокоить. Я спросил, когда начнут действовать транквилизаторы. Он было начал: «Ну…» — и вот я уже лежу, уставившись в потолок моей палаты, двенадцатью часами позже.

Ночь прошла хорошо, спокойно. Утром врач сообщил мне, что его подозрения оправдались — тот приступ, в офисе, был вызван разрывом аппендикса. К моменту операции гной уже разлился. Я попросил показать мой аппендикс, и мне принесли его немного позже, красный бугорчатый отросток, сверху весь покрытый белыми пятнышками. Я спросил, что это были за пятныш-

ки, и сестра небрежно заметила: «А, это гангрена. Просто усеян».

Доктор сказал, что он уверен на шестьдесят процентов — антибиотикам не справиться с гангреной, охватившей мой кишечник. Но душу математические вероятности не убеждают. Конечно, я надеялся, что попаду в счастливые сорок процентов.

На следующее утро я понял, что обманулся. Меня всего лихорадило. После полудня я встал и немного походил, но когда медсестра попробовала помочь мне проделать это вечером, я уже не мог подняться. Меня тошнило чем-то горьким и мерзким; санитар стал объяснять, что собирается ввести трубки; а потом какой-то шланг пополз через нос в горло; бутылка рядом начала наполняться коричневой желчью, ровным быстрым потоком.

Ночью я не смог уснуть, даже под действием транквилизаторов. Кто-то говорил, что не надо давать мне слишком много снотворного, чтобы не подавлять работу центральной нервной системы. Этого я не понимал, но тогда уже все было как в тумане.

И тут началось. Пришел доктор и сказал, что антибиотики не действуют и количество лим-

фоцитов растет. Еще кто-то настаивал, чтобы я пользовался чудной трубкой со стаканчиком на конце и легким шариком внутри, которую мне накануне дала медсестра. В нее надо было дуть, удерживая шарик в воздухе и тренируя тем самым свою дыхательную систему. Это казалось глупым — я дышал нормально — но все же немного поупражнялся и попросил поесть. Меня не кормили, а давали все через капельницу, только иногда разрешали пососать кусочек льда.

Меня окружали дергающиеся, нечеткие фигуры в белых халатах. Температура каждые два часа повышалась на градус, жена остужала мне лоб влажной тряпочкой, хотелось есть. Я не понимал, каким образом они хотели вылечить меня, не давая еды. Они только тараторили по-своему и добавляли новые флаконы к действующему набору антибиотиков. Надели кислородную маску, но в голове от этого не прояснилось. От спазма сосудов капельница перестала функционировать. Какой-то человек все тыкал в мою руку иголкой, пытаясь найти неспавшуюся вену. Аккуратно и вежливо я попросил его отвалить. И принести мне что-нибудь поесть.

Меня уложили пониже, чтобы доктор мог применить в области сердца субклавиальную

трубку. Она станет регулировать кровообращение, и тогда можно будет наладить капельницу. Затем я покатился под мягким холодноватым светом флюоресцентных ламп в большую тихую комнату. «Отделение интенсивной терапии», — сказал чей-то бас. Некоторое время я полежал абсолютно спокойно и расслабленно, видимо, — дела серьезные. Парень с трубкой и шариком куда-то делся, но сестры все равно заставляли меня проделывать это упражнение, что казалось мне по-прежнему страшно глупым, ведь я же не собирался прекращать дышать? Если бы они дали мне чего-нибудь поесть, я сразу пошел бы на поправку.

Когда раздражение прошло, я вдруг почувствовал, что дико устал. Я всю ночь не спал. Трубки мешали двигаться. А тут они еще ввели катетер, кстати, совсем безболезненно, и тогда я почувствовал себя подсоединенным ко всем этим машинам вокруг, переставшим быть независимым существом, а скорее, элементом слаженно работающей системы. Если я буду тихо лежать со сложенными на груди руками, то, может, мне удастся отдохнуть, а если я смогу отдохнуть, то выкарабкаюсь. Поэтому я сосредоточился на этой несводимой дальше единице действительности,

погрузившись после инъекции морфия в блаженство, когда я мог позабыть обо всем мире и позволить ему позаботиться обо мне.

Я проснулся вечером. Мне снились гигантские цилиндры и пирамиды, с грохотом перекатывающиеся по синей бесконечной равнине, и огромные геометрические конструкции, весело резвящиеся на глади океана прямо перед моим домом…

На следующее утро меня вернул к действительности врач. Будто я вдруг вынырнул посреди чьей-то чужой жизни. Мне стало лучше. Видимо, оттого что ввели новые редкостные антибиотики, которые чуть сбили жар, градусов до сорока. Но опасность еще не отступила, и следующий день должен был стать переломным.

Комнату по-прежнему пронизывал режущий глаза свет. Пришла моя жена в платье с широкой юбкой, волосы собраны в хвост, как в молодые студенческие годы. Я пошутил над этим, но ни она, ни медсестры не поняли шутки. У порога смерти только и оставалось кутаться в лохмотья остроумия.

Жена принесла мой плеер и несколько кассет. Так я смогу отключиться от больничной обстановки, как от шумов аэропорта со всеми его

взлетами и посадками. Мне хотелось покатиться далеко-далеко по той синей равнине из снов: она манила.

Я попросил сестру надеть мне наушники и включить пленку. Девушка как-то странно глянула, может, не поняла моих слов? Потом мелодия рондо унесла меня прочь.

Едва начинался приступ, сразу давали морфий. Почти каждый час я требовал инъекции, взмывал над больничными простынями и уносился по эфирным каналам; приняв Моцарта и морфия, я скользил под самым потолком комнат, где хорошо одетые люди умиленно смотрели на меня, прервавшего их изысканный ужин: телятина с цветной капустой, приправленная острыми соусами; комнат, куда надеюсь еще вернуться и повидаться со старыми знакомыми, на которых теперь нет времени, потому что надо лететь вдоль мягко освещенных желтых потолков, над алыми кушетками и блестящими белыми скатертями, и улыбками, и блаженством. К синим правильным фигурам. Моцарт видел этот бесконечный гавот и находил способ включиться в него, устремиться ввысь, мчаться и скользить, все дальше и дальше, к всесодержащей субстанции, не имеющей веса.

Физики не живут в реальном мире. Мы стали

настолько расщеплены (еще одно жаргонное научное словечко), что считаем любое прикосновение реальности безнадежно грубым, неким забавным приближением.

От осязаемой материи мы легко ускользаем к сказкам о полях и частицах. С податливостью резины эти поля подчиняются четким дифференциальным уравнениям.

За ними лежат более глубокие выводы: группы симметрий связывают изощренными математическими формулами поля и частицы. Большинство физиков, занимающихся частицами, работают именно в этой области.

Но теперь мне открылась бездна более глубокой абстракции: группы симметрий сами по себе не наделены волей, и их лучше всего рассматривать как состояния, реализованные в десятимерном пространстве-времени. В этой большей вселенной наши скучные деяния, совершаемые в трех пространственных измерениях и времени, — просто мышиная возня.

И еще: сверхнити. Их динамика определяет конкретные состояния, возможные в том десятимерном мире. Вибрация их движений в этой неизмеримо большей вселенной вздымает прилив, выплескивающийся в низшие измерения, и

далеко распространяется, подобно кильватерной волне океанского лайнера.

Именно это я и наблюдал в последующие дни. Все было там. Абстракции — да, но я также ощущал полные энергии и движения кинэстетические чувства, наполняющие математику. Я мог завязывать сверхнити в узлы, делать с ними все, что хотел. Несмотря на свою крохотность, они должны были повиноваться непоколебимой логике математики. Я знал.

Когда по прошествии недели доктор снял швы, он небрежно заметил:

— Знаете, вы были моим самым тяжелым случаем за год. Еще двенадцать часов, и вас бы не стало.

Хоть я и не совсем оправился, в ноябре все-таки поехал в Индию — было важно не дать тому странному новому духу спокойного восприятия смертности увести меня из реального течения жизни.

Как-то незаметно я утратил страх смерти. Могила более не казалась мне полным тайн пределом, а скорее, неким скучным местом за тонкой, как паутинка, перегородкой. Однажды эту тонкую черту придется пересечь, но для меня это событие больше не имело всепоглощающего,

сверхважного значения. И по причинам, которые я не мог выразить, многие вопросы меньше заботили меня теперь, казались ерундой. Жизненно необходимыми стали люди, которых я знал, а все остальное измельчало, ушло на второй план.

Все, кроме работы. Я проводил очень много времени во дворике, наблюдая за классическим пространством, очерченным голубым морем.

Расчеты заняли всего несколько недель. Они оказались успешными, в том ограниченном смысле, в котором теории могут повлиять на мир. Да, они предсказали частицы, обнаруженные в недавно проведенных экспериментах на сверхускорителе. Действительно, эти вычисления описывают все четыре известных нам силы. Гравитация возникает, как проявление событий в десятимерном пространстве-времени.

Отсюда вытекает, что существует другой тип времени. В той системе наш усеченный континуум образует поверхность более общего, организованного через сверхнити пространства-времени. Из того мира все, что мы видим здесь, походит на поверхность мыльного пузыря, колеблющегося в воздухе. У пузыря нет конца, нет границы, и поэтому для нас нет резкого перехода в высшую систему координат.

Это подразумевает, что время, в общем смысле, нескончаемо. Конечно, это не наше время, а, скорее, длительность в высших измерениях. Существование этого абсолютного времени, возможно, одно из самых поразительных математических открытий.

Но что это означает? Мы ищем абсолютную единую теорию, выводящую из фрагментированных сил нашей хромой Вселенной Универсальную силу. Хотя даже это всего лишь набор правил и уравнений.

Что вдыхает огонь в математические выкладки и создает Вселенную, требующую описания? Теперь, когда достигнута единая модель, мы в какой-то мере ответили на вопрос, поставленный еще греками: «Что есть Вселенная?»

Мой ответ — мы испытываем события высших измерений. Наша обозримая Вселенная — тень высшей сферы.

Сейчас можно задуматься и над большей загадкой: «Почему существует Вселенная?» Задаться этим вопросом — значит попытаться познать мысль Господню.

Способны ли мы на это? В сравнении с мировоззрением, возникающим из наших последних открытий, список из четырех сил выглядит

слишком удобным, приспособленным к нашим потребностям. Гравитация приобретает большее значение в сооруженной мною модели, потому что, несмотря на то что это слабейшая из четырех сил, ее постоянное воздействие может заставить материю сжаться до неописуемо малых размеров.

Это означает, что мы можем так никогда и не узнать, работают ли наши теории. Как их проверить? Мы же, в конце концов, не можем заглянуть в мир сверхнитей.

Лишь бесстрастная красота математики может вести нас. Но куда идет этот извилистый путь?

Мы даже не можем решить задачу о движении трех тел, следуя ньютоновской теории гравитации. В моей теории ни для чего нет никаких решений.

Поэтому нет определенности. Даже самая превосходная модель дает нам, в конечном счете, лишь набор уравнений. Но теперь эти закорючки описывают события высших миров, огромных векторных пространств, где неуловимые сущности танцуют свои дифференциальные вальсы.

Все это очень далеко от мира людей. Хотя мы, теоретики, как я понял, до смешного сильно привязаны к нему.

У нас, теоретиков, есть свой дом с прекрасным видом, достаточный уровень доходов, цифровые стереосистемы и импортные машины, уставшие от наших чудачеств супруги — и мы беспечно считаем, что разрешили парадокс нашего существования как мыслящего животного. Но какой компас нас ведет, когда мы плывем в кильватерной струе проходящих мимо, невидимых глазу океанских лайнеров?

В Агре я поднялся рано, чтобы увидеть Тадж Махал. В первых розовых лучах он был похож на призрак.

Тадж мерцал над роскошными садами, похожий на игрушку, пока я не осознал, насколько огромен был выстроенный целиком из белого мрамора дворец. Правитель, построивший его как гробницу для своей жены, намеревался построить еще и черный Тадж на другом берегу протекавшей позади реки. Он бы лежал, похороненный там, а длинный крутой мост соединял бы оба дворца.

Но его сын, рассудив, во сколько обошелся первый Тадж, сослал своего отца на последние семь лет его жизни в форт из красного песчаника в миле от города. Когда старый правитель был уже слишком болен, чтобы сидеть, он лежал и смот-

рел на белый Тадж в зеркало до самой смерти.

Я понимаю, мои слова не походят на обычно звучащие в этом зале. Пожалуйста, тем не менее не примите мои странный под-ход за знак неуважения. Я глубоко благодарен Нобелевскому Комитету.

Я попытался поговорить о восприятии науки человеком, потому что мы все, в конце концов, заперты в границах нашего собственного, ограниченного сознания. Если труд, за который я был удостоен такой чести, поднимает больше вопросов, чем разрешает, то это определено условиями нашего существования. Мы постоянно боремся с безмерностью.

Мы кажемся такими маленькими. И все же некая гордыня заставляет нас считать, что мы что-то значим в этом мире.

У философов есть парафраз:

> *Что разум есть? — Ну, не материя для разговора.*
>
> *Что есть материя? — Тут разума не хватит.*

Но посмотрите на микропроцессы, управляемые квантовой механикой. Материя не инертна. Она активна, она постоянно выбирает между

вариантами, следуя законам вероятности. Разум существует, по крайней мере в том смысле, что природа делает выбор.

Давайте теперь поднимемся на уровень нашего мозга. Этот хрупкий контейнер усиливает воздействие процессов, происходящих на квантовом уровне, тех единичных выборов, которые совершают в нашей голове молекулы. Мы применяем рычаг масштаба к лежащим более глубоко вероятностным событиям. Мы — увеличители.

А теперь перейдем еще выше. Сама Вселенная выказывает некоторые признаки дизайна, по крайней мере в вопросе выбора основных физических констант. Если бы эти цифры были другими, ни существование жизни, ни даже стабильность звезд не были бы возможны во Вселенной.

Или, в свете моих вычислений, взгляните на реальность других измерений. Возможно, они свернуты, словно крохотные свитки. Возможно, они просто лежат за пределами нашего знания, за исключением тех проявлений, которые я сумел вычислить. Мы не знаем — пока.

Хотя теперь мы имеем свидетельства умственной работы на многих уровнях физической реальности. Мы можем оказаться всего лишь частью большего действа. Например, мы в какой-то

мере участвуем в размышлениях Вселенной о самой себе.

Мы скорее всего никогда не уверимся в этом с достаточной физической точностью. Моя последняя работа и работы других исследователей предполагают тем не менее, что высшие сущности влияют на течение нашего времени, пусть издалека, но глубинно.

Уравнения могут лишь подсказать, намекнуть, описать. Они ничего не могут объяснить.

Но я лично подозреваю, что наш осажденный мозг все же имеет значение. Каким-то образом. Для чего-то.

Конечно, очень легко сказать, что в некоем далеком измерении у времени нет конца. Но для нас как личностей он-то точно есть: перестрелки, автомобильные катастрофы, болезни.

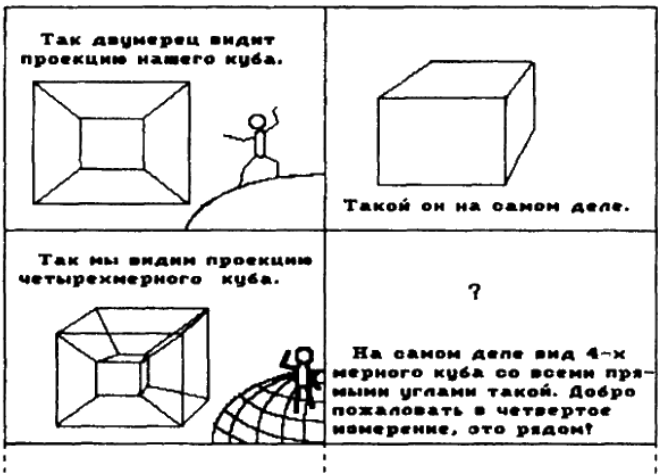
Однако нам дан маленький маячок восприятия, через божественный язык математики. Может быть, для существ, подобных нам, этого достаточно.

…За Тадж Махалом текла неглубокая река, к которой вели широкие мраморные ступени. Справа заходили в воду индуисты. Некоторые совершали омовение в священных водах; другие медитировали. Слева те же индуисты отправ-

лялись в последний путь. Трупы более богатых жителей Агры сперва сжигали на погребальных кострах, а затем пепел бросали в реку. Тех же, чьи родственники не могли позволить себе оплатить сожжение, после скромной церемонии выбрасывали с пристани на илистую отмель или в воду, если река поднималась. Это делали обычно ранним утром.

В первых лучах рассвета, я наблюдал, как канюки пируют на отмели. Они быстро справились со своей задачей и в пять минут не оставили и следа от трупа. Тогда птицы снялись и улетели. Тадж стоял на берегу позади меня, безмятежно вечный, его цвет неуловимо менялся вместе с лучами солнца, которое поднималось над деревьями, холодный, совершенный купол гробницы мерцал, отбрасывая назад величественные тени. Каким-то образом в этом древнем, чужом мне месте все, казалось, находилось в соответствии друг с другом. Смерть наставала, так и должно было быть. Из этого простого факта вытекала неподвижность Индии. Я подумал о Моцарте и услышал слабую, словно звучащую издалека мелодию, почувствовал, что без усилий скольжу над морщинами коричневого пыльного мира, где бесконечно многообразие фрагментов и

безостановочно кипение страстей, смотрел на падальщиков и на купальщиков, чувствуя медленное, грустное колебание двух несовпадающих миров.



Чем можно ограничить размерность мира? А помещается ли (см. рис.) четырехмерная мысль

в трехмерном разуме? Или вот еще вопрос — какова толщина той трехмерной страницы четырех и более — мерной книги, где, возможно, записаны параллельные трехмерные миры, один из которых кажется таким реальным. И не приходится ли нам довольствоваться лишь тенями объяснений?

233° по Цельсию

Конечно, шел дождь. Беспрестанный, серый, моросящий, размывая расчерченную четкость города и превращая ее в нечто туманное и двусмысленное. Алексу казалось, что каждый раз, когда он покидал свою уютную квартиру в центре города, небеса опускали на него свои холодные влажные ласки.

Он перебежал через широкую улицу, хотя движение было слишком редким для возможности дорожного происшествия. Машины в эти дни были такой же редкостью, как и правительства, заслуживающие доверия, причем по сходным причинам. Нефтяные скважины истощались, а промышленные конгломераты бесследно поглощали все последние технические идеи.

Это все, что было известно Алексу о том, как обстоят дела, как с обывательской, так и с научной точек зрения. Он воспринимал погоду как личное оскорбление, особенно будучи доведенным до кипения "прогнозистами" из 3Д, которые сообщали что-нибудь типа: "Как мы все знаем, повышение давления на широте Великой

Метрополии способствовало (ха-ха) циклоническому скоплению влажных кучевых облаков в прибрежных районах..." и так далее, все дальше и дальше, в византийские просторы вычурной, витиевато разукрашенной метеорологии.

А все это означало, думал Алекс, пока холодные капли тонкими струйками стекали ему за шиворот, обыденную унылую неприглядность: с погодой вечно что-нибудь не в порядке из-за выхлопов мифических такси, которых никогда не оказывается рядом, когда они нужны. Вы только представьте себе, на что были похожи все эти улицы каких-то тридцать лет назад! И даже меньше. Представьте себе эти проспекты, этот чудный старый мир. Машины парковали у обочин, просто под открытым небом, на улицах, безо всякой охраны, которая отпугивала бы желающих повеселиться на чужом автомобиле.

- А ну, зонтец... - услышал он, а затем и увидел нищего, угрожающе помахивающего короткой черной дубинкой.

- Проваливай! - отреагировал Алекс, похлопав по несуществующей кобуре под пальто. Нищий пожал плечами и, хромая, поплелся прочь. Невелика победа, но Алекс почувствовал прилив гордости.

Дом с облупившейся штукатуркой он обнаружил в глухом проулке, скрючившийся в тени вымершей фабрики. Почтовый ящик квартиры 2F был до отказа забит старыми письмами и газетами. Алекс поднялся по скрипучей лестнице, морщась от вони, исходившей от старых половиков и следов невоздержанности собак и кошек. Он бессознательно искал признаки, подтверждающие, что дверь с табличкой "2F" уже была взломана. Однако краска была чиста, как кожа старой девы. Что же, возможно, ему действительно везло. Он выудил из кармана массивный ключ. Замок заело, потом он щелкнул, и ключ повернулся с недовольным скрежетом; электронной сигнализацией здесь и не пахло.

Он невольно задержал дыхание, когда дверь распахнулась. Действительно ли он видел какие-то неясные очертания во мраке комнаты? Это была последняя и самая старая из квартир дяди Херба. Все их адреса были записаны аккуратным, мелким почерком в описи имущества. Там, правда, не упоминалось, что иногда дядя Херб не посещал свои драгоценные сокровищницы по несколько лет.

Все прочие были опустошены, ободраны, разграблены. Старые пивные банки и груды му-

сора свидетельствовали о регулярных набегах местных банд. В квартире на Монтегю Алекс задержался слишком долго, оплакивая утраченные сокровища, упоминаемые в описи. Трое латиносов со взглядами убийц ворвались туда в тот момент, когда он изучал содержимое нескольких измятых коробок, оставшихся от дядиного богатства. Они восприняли его как вторгшегося в их владения чужака, поколотили и потребовали "арендную плату", заявив, злобно ухмыляясь, что они полноправные домовладельцы, и коробки были у них на хранении, платном, разумеется. "Народ владеть эта "фатера", поэтому ты платить народ", - объявил самый короткий из них.

В любой из них сокровищ было явно маловато, но сейчас...

Дверь скрипнула. Алекс пошарил по стене и нащупал выключатель. Смутные очертания превратились в четкие, бесконечные ряды - книги!

Длиннющие серые стальные полки заполняли всю комнату. У пола и потолка они были закреплены на случай подземных толчков. Он недоумевал, как балки этого дома могут выдерживать такую тяжесть. Алекс протиснулся между рядами и обнаружил сзади тускло освещенные комнаты, также загроможденные. Четырехком-

натная квартира, полностью лишенная мебели, окна заколочены, кухня узнаваема только по газовому подводу для отсутствующей плиты.

Впрочем, нет - в задней комнате притаилось облезлое кресло и торшер, похожий на аиста. Здесь было святилище дяди Херба, место, где, как было сказано в завещании: "скоротал много долгих вечеров в компании веков минувших". Дядя Херб часто вставлял в письменную речь старинные витиеватости, такие же, как оборчатый абажур цвета слоновой кости на этом торшере.

Книги стояли на полках так плотно, что после того, как Алекс просмотрел четвертую часть, у него уже болели мышцы рук. Он распечатал матовый полимерный чехол, и азот с шипением вырвался наружу. Надписанные и датированные "Марсианские хроники"! Алекс ласково и осторожно погладил пожелтевшие страницы. Запах стареющей древесины, такой резкий и не поддающийся описанию, ударил ему в нос. К тому же первое издание. Жаль только, что надписанное. Ненадписанные являлись большей редкостью, насколько он помнил.

Все равно, наверное, стоящая вещь. Он вставил книгу обратно на полку, уже раскаиваясь в том, что он пошел на поводу у минутной слабости и

распечатал чехол, лишив книгу ее защиты в виде инертного газа. Он напевал про себя, изучая ряды книг, стоящие на полках, читая их названия, которые мельтешили у него перед глазами на расстоянии дюйма друг от друга. "Бесконечная война" в яркой обложке. Тянущееся почти на метр собрание романов Е.Е. "Док"'а Смита, тоже весьма неплохо оформленное. "Последние и первые люди" в первом издании 1930 года. Алекс слышал, что о ней говорили как о первой онтологической эпической поэме в прозе. Фраза застряла у него в мозгу. Конечно, он ее не читал.

А сборники! Целые ряды с яркими корешками, зазывавшими покупателей, которые теперь уже обратились в пыль. Алекс вздохнул. Видимо, все в двадцатом веке было захватывающим, изумительным, интригующим и даже пикантным. Героини, попавшие в беду, с юбками, задранными достаточно высоко, чтобы были видны очаровательные черные подвязки и значительная часть обтягивающих штанишек. Незнакомцы преувеличенно зверской наружности. Остроконечные серебристые ракеты с блестящими обводами.

Сборники занимали самую большую комнату. В коридоре начинались роскошные журналы. Алекс не устоял перед искушением с треском

открыть один из экземпляров журнала "Кольер" с захватывающей космической эпопеей Вернера фон Брауна, оформленный фантастическими иллюстрациями Бонестела (как явствовало из интригующей аннотации). "На Луну!"

Ну, там Алексу довелось побывать, и, надо сказать, это не стоило тех денег, что он заплатил за путешествие. Он растянул руку, цепляясь за стены, когда кубарем катился вниз в одной из пещер. Малая гравитация, конечно, производила впечатление, серьезный ответ страдающему от пресности обычной жизни, но по возвращении на Землю он еще месяц чувствовал себя как воздушный шарик.

Пока он пробирался вдоль стеллажей, книги окружали его со всех сторон. На вскидку, здесь их были десятки тысяч, самая большая часть, оставшаяся от коллекции дядя Херба.

Одному богу известно, что было в остальных, пробормотал он, выбираясь из темных проходов к выходу. В завещании было сказано верно насчет этой квартиры - это все была научная фантастика. Ни одного издания в жанре фэнтези или ужасов, оскверняющих коллекцию. Дядя Херб был очень щепетилен в вещах, которые для Алекса не представляли никакого значения.

Никаких романов, совмещающих в себе ракеты и размахивающих мечами варваров, никаких сладострастных вампиров, судя по обложкам.

Алекс помедлил в дверях и оглянулся назад, вздохнув. Блестящие останки утраченного прошлого. Он вспомнил, о каком благоговейном трепете упоминали британские археологи, добравшиеся до гробницы Тутанхамона. Только на сей раз исследователь сам был владельцем найденного сокровища.

Он вышел наружу, в холодную слякоть, удовлетворенно похмыкивая. Он унаследовал от дяди Херба порочные гены библиофила, но не в такой острой форме. Ему нравилась шероховатая поверхность книг, глянцевый блеск переплетов, шуршание перелистываемых страниц. Но читать? Никто этого больше не делал. И уж конечно, для коллекционера стоимость вещи нисколько не зависела от ее практической полезности.

Менее чем через час, развалясь на корейском лощеном диване, окруженный домашним комфортом, он разговаривая с Луизой Кеплер по видеофону, глядя на ее изображение на настенном экране. На лице были явные признаки того, что ее оторвали от важного дела, однако Алекс не позволил себе даже малейшим движением брови

показать, что он это заметил, - никогда наперед не знаешь, как это будет воспринято. Луиза была ловкой, осторожной деловой женщиной, но по собственному опыту Алекс знал, что у таких людей часто бывают всякие скрытые комплексы, которые лучше не затрагивать.

- Мне нужно увидеть всю коллекцию, - сказала Луиза, глядя куда-то в сторону от экрана.

- Конечно, но я бы посоветовал тебе взять с собой телохранителя. - Ему не нравилось, когда деловой партнер, которому он звонил, казалось был одновременно занят чем-то еще, постоянно отвлекаясь на какой-то невидимый на экране предмет.

- В те места мне следовало бы поехать на танке, - улыбнулась Луиза, наконец-то одарив его дразнящей синевой своих глаз. Он сделал крупный план и удостоверился, что это был их настоящий цвет, даже без защитных линз, скрывающих лопнувшие кровеносные сосудики - плату за соблазны большого города.

- Ты уже делала индексацию? - Он хотел побыстрее закончить с этим делом. Кредиторы не ждали, а умирал дядя Херб очень долго.

- Конечно. Я только что пропустила ее через налоговую программу. - Алекс прохладно кивнул.

Так вот что ее отвлекало. Легка на подъем! Его пробрала легкая дрожь и сожаление о том, что плата за отопление в этом месяце еще не была внесена. Термометр у него в перстне показывал 8 градусов Цельсия. Взглянув на окно, он увидел, что уголки покрыты корочкой льда. - Я надеюсь, что мы поладим на сходной цене...

- Алекс, мы уже вели дела вместе. Ты знаешь, что меня трудно провести.

Он заморгал.

- А разве что-то не так?

- Книги, Алекс? Ранние видео - да. Компакт-диски первого поколения - замечательно, никто ведь не знал, что их срок годности - семь лет, если их специально не сохранять. Это - редкость. - Она скривила губы.

- Но это - еще более старинное, намного...

- Согласна, но кого это интересует? Печатные тексты, Алекс?

- Но ты должна попробовать, - сказал он поспешно.

- А ты уже пробовал? - с сарказмом спросила она.

- Ну... немного...

- Детишки еще пытаются. Но не настолько, чтобы это вылилось во что-то реальное.

- Но это же была, ну... литература будущего.

- Их будущее, наше прошлое - ну и что из этого? - Высокие скулы придавали нечто величественное ее лицу. Она поплотней завернулась в свои меха.

Его познания в научной фантастике черпались в основном из огромного количества видеокниг, которые можно было достать. Теперь, когда этот жанр уже мертв, был некий шарм в воскрешении старинных, наивных, странно возвышенных произведений - но, конечно, только в форме развлечения - чтобы компенсировать дороговизну их перевода в видео.

- В них все-таки есть какое-то примитивное очарование, - произнес он неуверенно.

- Но все это так плоско! Так примитивно по сравнению с тем, что может быть сделано с драматическим сюжетом. - Она покачала головой.

Алекс раздраженно сказал:

- Послушай, я позвонил тебе не для того чтобы обмениваться критическими замечаниями об искусстве.

- Это уж точно. Я полагаю, ты рассчитываешь получить за них некую сумму.

- Да, причем как можно скорее. Были некоторые, э-э, имущественные расходы.

- Я могу подняться аж до двенадцати сотен иен.

- Двенадцать... - в первый раз в жизни Алексу не пришлось разыгрывать неприятное изумление после того, как была названа цена. Он задохнулся, пытаясь что-нибудь сказать, но только ловил воздух открытым ртом.

Луиза добавила:

- Если ты обеспечишь перевозку из того района и подобающее хранилище.

- Пере... - он прокашлялся. Двенадцать сотен составляли арендную плату лишь за два месяца, или трехмесячное отопление, по новым тарифам.

- На сегодняшний день это очень неплохая цена.

- Луиза! Но это просто смешно!

Она покачала головой.

- Ты отстал от времени. Это было бы хорошим бизнесом лет десять назад, не позже.

- Мой дядя потратил целое состояние на одни журналы! Полная подписка "Эмейзинг"! Я помню, как он покупал последний номер.

Она улыбнулась с неожиданной теплотой:

- Ах, уходящий век техники, не так ли?

- Совершенно точно. Великая биоинженерия.

- Но все это довольно скучно, я бы сказала. Великая эпоха книгопечатания уже завершилась.

- Это ничего не значит, - сказал Алекс, постепенно приходя в себя и пытаясь поколебать ее спокойствие. Он поплотней обернул одеяло вокруг занемевших ног. Может, ему стоит вскочить и заорать, чтобы добиться какого-то психологического преимущества, а заодно заставить кровь вновь прилить к окоченевшим конечностям? Вместо этого он хрипло прорычал: - Ты пытаешься меня надуть!

Она медленно и задумчиво покачала головой, рыжие локоны рассыпались по плечам. Алекс не мог не восхититься ее ловкостью. Она держалась так легко и естественно, одновременно пытаясь его ограбить!

- Ты не понимаешь пост-литературный мир, Алекс. Мы же занимались с тобой афишами, старинными автомобилями, надгробными украшениями. То были действительные ценности для коллекционера, а книги - нет.

- Но в той квартире такое богатство истории! Полные собрания сочинений всех мастеров периода расцвета жанра. От Андерсона до Желязны. Пурнель и Олдис, Хайнлайн и Лем - все!

- И все это ничего не стоит. Слушай, я знаю, в каком ты сейчас положении. Позволь мне...

- Я не нуждаюсь в благотворительности, Луиза.

- Говоря начистоту, он нуждался, но лучше сейчас было держаться независимо.

- Вот другие квартиры Херба - там были действительно ценные вещи. - Она отвела взгляд от экрана, погрузившись в воспоминания. - Жаль, что он плохо о них позаботился.

- Это были хорошие районы, когда он покупал там квартиры для хранения своих коллекций. Учитывая налоговый контроль, это был лучший способ их использования. - Если он заговорит ее, у него будет шанс заставить ее поднять цену.

- Да и сейчас тоже, - задумчиво отозвалась она. - Я хорошо знала Херба. Он был настоящий коллекционер, да и человек хороший. Я давно советовала ему выбросить книги.

Подобная манера разговора была обычна для партнеров, но сейчас Алекс чувствовал, что она его раздражает. Он вспомнил слухи о том, что некоторые деловые партнерши дяди Херба были одновременно его любовницами, и вдруг ему пришло в голову, что Луиза, которая в тот момент сидела со взглядом, устремленным куда-то вдаль и плотно сжатыми губами, вспоминала какое-то из жарких свиданий.

Ее взгляд вернулся из Неведомого и стал деловым.

- О'кей, пятнадцать сотен. Это потолок.

- Позвони мне, когда успокоишься, Алекс.

Она отключилась и исчезла с экрана.

Он успокоился за видеокнигой. Его любимый проектор был похож на книгу с обложкой из буйволовой кожи и трубчатым корешком. Он вставил цилиндр с "Последним из могикан" и удовлетворенно наблюдал, как на оживающих стенах его комнаты разворачивались картины исторической драмы, перенеся его на веселую пирушку. Развлечения были необходимы в это ненавистное время, когда все, кто мог, уже перебрались в места с более теплым климатом. Неудачников же добивало поднятие уровня океана, доставляя прочим сардоническое наслаждение.

Отвлекаемый своими собственными проблемами, Алекс потерял сюжетную линию, и тогда открыл книгу-проектор и начал как бы изнутри просматривать движущуюся картинку. У "книги" была только одна страница. Цилиндрическое устройство в его корешке проецировало изображение в трех измерениях, давая возможность более подробно изучить место действия и детали, касающиеся главных персонажей драмы. Он высветил текстовое примечание, относящееся к

некоторым историческим данным и подолгу изучал его, пока действие на стенах замирало. Когда он перевернул единственную страницу, действие автоматически перешло к следующей сцене.

Последнее время Алекс месяцами следил за хитросплетениями сюжета "Последних из могикан". Погружение в место и время, в котором восхитительно были смешаны фантазия, зрелищность, история и философия. Сложная драма была представлена многими гранями, целые сюжетные линии можно было изменять по своей воле. Алекс редко вторгался в сюжет, недолюбливая активное взаимодействие с происходящим. Он предпочитал естественный ход времени, чувство неотвратимости событий, вытекающих одно из другого. Реальный мир требовал большего взаимодействия, чем ему бы хотелось; конечно, не искал он его и в своих грезах. Старомодные аннотации были всего лишь несколькими абзацами печатного текста, самый минимум, чтобы не утомить зрителя. Он даже немного почитал, заинтересованный меню трапезы, которую индеец делил с хорошо сложенной белой женщиной. Женщина с аппетитом причмокнула губами, и в этот момент ее корсаж соскользнул, под пристальным взглядом его расширившихся глаз. Алекс

наблюдал за бликами пламени, играющими на ее полных, похожих на налитые молочно-белые груши, грудях, и тут у него возникла одна идея.

- Алекс, - произнесла Виконтесса, - они изумительны.

- Лучшие из того, что у меня есть, - сказал он, уже сообразив, что лучший способ завладеть вниманием этих людей - держаться скромно и таинственно. - Большая редкость.

- Просто трудно поверить, не правда ли? - Виконтесса весело тряхнула своими белокурыми локонами. - И те люди БЫЛИ именно такими?

Алекс не имел ни малейшего понятия о том, что она имела в виду, однако ответил:

- О, да, ничто так не заходит за грани, как крайности, - чем надеялся произвести впечатление глубокомыслия. Слишком часто его остроты даже ему самому казались немного "не того", но Виконтесса сейчас ничего не заметила, повернувшись, чтобы поприветствовать других гостей.

Он относился к ним с той смесью страха и презрения, которая так хорошо знакома тем, чьи таланты вечно зарыты в землю, поскольку здесь был сам мэр и его последнее увлечение - женщина с шафрановой кожей, гладкой, как у подростка, и с глазами тысячелетней древности.

Они кружились по необъятным апартаментам, как будто под музыку неслышного гавота, маневрируя между тесными кучками восторженных просителей. Мэр, богатый мошенник, был извечной темой пересудов в очень широких кругах. Его улыбающийся лик реял над городом, собранный из искусственных облачных образований, в сопровождении вездесущей рекламы напитков.

Невероятно, но эта лощеная парочка направляясь в сторону Алекса.

- О, мы слышали! - спутница мэра выдохнула с жаром. - Вы так изобретательны!

Мэр пробормотал что-то, на что Алекс даже не обратил внимания, будучи совершенно ошеломленным грациозной жизнерадостной женщиной. Алекс покашливал, моргал и наконец выдавил:

- Что вы, ничего особенного, правда.

- Я просто не могу ждать! - произнесла безупречно сложенная женщина с весьма правдоподобным энтузиазмом.

Алекс раскрыл рот для ответа, пытаясь выдать что-нибудь глубокомысленное. Но она уже была уводима мэром, повиснув у него на руке, будто была всего лишь миражем, сотворенным уличным фокусником.

Алекс вздохнул, наблюдая, как ее лебединая

шея исчезла в одной из кучек восторженных трутней.

- Ну а я поговорю с тобой подольше, - услышал он голос Луизы, незаметно подошедшей к нему в этот момент.

Она была ослепительна. Ее медные волосы мягко вились, лаская плечи, воркуя и нашептывая что-то, когда роскошные пряди скользили и извивались - последнее достижение биокосметики.

Алекс скрыл свое удивление.

- Это уже значительно дольше, чем я ожидал, - предусмотрительно ответил он.

- О, нет, ты становишься предметом всеобщего увлечения. - Она тряхнула своими ослепительными волосами.

- Когда я получил приглашение прийти и, ну, сделать свое маленькое дело, я совсем не ожидал столкнуться с такой... такой...

- Такой бешеной популярностью? - Луиза скромно и ободряюще улыбнулась. - Я знала, поэтому и настояла на этом приглашении.

- А, - осторожно сказал Алекс. Он усиленно пытался сохранить уверенность в том, что его голова на самом деле не отделилась от тела и не пустилась волчком по комнате, подхваченная призрачной силой этого места. Через ближайшую

прозрачную стену он увидел словно бы предательский обрыв, открывающий вид вниз, в серую промозглую реальность улиц. Град сыпался на город на расстоянии лишь нескольких футов от него. Небоскреб - самое неприятное на языке слово, подумал он.

Все-таки сумасшедшие контрасты составляли неотъемлемую часть городского шарма: бездомные, кашляющие за окнами ресторанов, в то время как сильные мира сего внутри облизывают свои десертные ложечки; продавцы жареных каштанов, обслуживающие смеющиеся пары в смокингах и роскошных платьях...

Даже на этой, кажущейся почти интимной, вечеринке присутствовали контрасты, хотя и прикрываемые демократичной вежливостью. В углу стояла женщина, чья неуверенная поза и обтягивающее платье явно выдавали в ней жительницу восточных бедных кварталов, изо всех сил старавшуюся выглядеть как обитательница престижной западной части города. Разве она не знала, что одеваться, как будто не замечаешь холода в комнатах, было капризом высокой моды прошлого года? Алекс машинально поправил уютный толстый твидовый пиджак, одолженный им для этого случая.

- ...и мне бы никогда не пришло в голову делать из этого всего лишь развлекательное шоу, - закончила Луиза.

Невероятно, но Луиза смотрела на него с восхищением. Он осознал, что до этого мгновения он просто скользил по жизни. А сейчас уважение, которое читалось в ее глазах, вдруг потрясло его. У него зазвенело в ушах. В своей жизни он встречал много людей, которые зарабатывали на хлеб своим умом, своим отточенным чувством переменчивого стиля. Но все они ничего не значили для него. Он понял, что высочайший профессионализм Луизы - это вовсе не все, что так привлекало его в ней. Ее искусные ходы, неподражаемое чувство здравого смысла и еще... эти глаза, эти волосы, эта кошачья грация, искусно скрывающая чувственные тайны ее тела. Виконтесса материализовалась около них, словно один из персонажей модного шоу из тумана. Послышался ее шепот:

- Ты не думаешь, что... пора?

- О, да, конечно.

Толпа заволновалась и отхлынула от них, как волны Красного моря. Виконтесса сделала несколько формальных объявлений, объяснила правила молчаливого аукциона, а затем обрати-

лась к собравшимся с витиеватой вступительной речью. Слегка взмокший, несмотря на прохладу в комнате, Алекс раскрыл свой кейс и вынул первый экземпляр.

- Я хочу предложить вам "Триллинг уондер сториз", номер за июнь 1940 года, содержащий "Путешествие в никуда" - что ж, полагаю, теперь-то мы туда уже прибыли.

В их смехе было плохо скрываемое нетерпение. Карандаши застрочили по аукционным карточкам.

- Следующее: "Старлинг сториз", с обещанным "полным романом о будущем в этом номере". И если вы еще не напуганы, то перейдем к следующему экземпляру.

Постепенно он приближался к гвоздю программы.

- Ну, а теперь - романы. "Странный Джон", о супергении, свидетельствующий о том, что не только в наши дни быть интеллигентом - значит быть чудаком. У меня есть оба первых издания - английское и американское. Оба - подлинные.

Луиза с одобрением наблюдала за ним. Он объявил еще дюжину романов, перемежая все это шутками. Утопии, технологические грезы.

Слуги собирали аукционные карточки, одно-

временно подсчитывая общую сумму. Виконтесса одобряюще кивнула ему, сложив из большого и указательного пальцев "О", что явно свидетельствовало об успехе. Отлично. Тонкость заключалась в сборе сумм без остановки представления.

- Я счастлив, что вижу такую великодушную щедрость. - Алекс осторожно продолжал: - Напоминаю что собранные деньги пойдут на строительство первой бескнижной библиотеки для несчастных бедняков. А теперь...

Они зашумели от нетерпения.

Чтобы сильнее распалить аудиторию, Алекс решил: больше журналов с шокирующими обложками. Прекрасный экземпляр "Эйр вондер сториз" 1930 года, с изображенным на обложке летающей тарелкой, как бензопила, разрезающей пассажирский самолет. И наконец, "Эмейзин сториз", на обложке которого Нью-Йорк гибнет под сползающими ледниками.

- Нам же не надо этого, не так ли? - спросил Алекс.

- Нееееет! - радостно взревела аудитория.

- Так пусть прошлое защитит нас! - воскликнул он и поднес зажигалку к груде, которую уже устроил в еще не разожженном камине. Журна-

лы занялись первыми, с ревом превращаясь в брызжущие искрами факелы.

Конечно, топить дровами было запрещено уже десятилетие назад. Даже использование для этого старой мебели считалось преступлением. Правительство обложило бы налогом даже выдыхаемый углекислый газ, если смогло. А уж о такой дерзости никто не мог даже подумать...

От старых журналов, высохших за столетие, занимались толстые романы. Их жесткие пыльные переплеты чернели и вспыхивали по краям. Тома раскрывались, когда возгорался клей корешков. Пламя освещало их страницы, пожирая их и навсегда забирая их из Будущего, которое они так и не смогли предсказать.

Холодная комната ожила, когда жар от очага коснулся их напряженных лиц. Алекс отступил от разгоравшегося пламени. Этот момент наступал всякий раз. Он проделывал этот трюк всего лишь несколько раз, но его странная власть уже распространялась по городу. То, что сначала вызывало лишь удивление, сейчас превратилось в модное увлечение. Мгновенная слава - все двери открыты перед ним - и все это за груду никчемной бумаги.

Блики пламени плясали на их вытянувших-

ся лицах, в их восхищенных глазах, взгляды с любопытством устремлены на камин. Ему уже доводилось наблюдать эту трансформацию на дюжине вечеринок, но только сейчас у него мелькнул проблеск понимания, что все это значило для них. Древнее тепло будило в них чувство запретного потворства своим желаниям, воспоминания о бурных эпохах, знакомых их прадедам. Но оно также уничтожало те времена, отвергало их безудержный оптимизм и неосознанное бахвальство. Да, вот оно пришло - холодом повеяло из их глаз, когда пламя взметнулось и на них дохнуло жаром. "Старлинг сториз" вспыхнули и начали раскрываться, потрескивая и шипя. Ньюйоркский ледник на глянцевой обложке журнала превращался в черный дым.

МЕСТЬ. Вот что они чувствовали.

Месть той эпохе, которая предала их. Возмездие тому времени, которое они бессознательно хотели превзойти, но так и не смогли. И потому ненавидели и презирали. Время Привилегированного Прошлого.

- Пошли отсюда, - шепнула Луиза.

Алекс видел, что мэр и его подруга были в состоянии транса. Из этих людей никто больше не нуждался в нем. Его измена уже совершилась,

дядя Херб вновь был предан.

Они стороной начали пробираться к выходу. Рев пламени заглушал их уход. Луиза тесно прижималась к нему - обещание награды. Ее холодный профессионализм растаял в тепле пламени, жар которого подействовал даже на нее - коллекционера.

Двигаясь по ковру в направлении выхода, Алекс увидел, что произошедшее было вовсе не только хулиганской выходкой. Толпа грелась у огня, они стояли гордо выпрямившись, плечи расправлены. Он позволил этим людям ненадолго сбросить мертвую руку прошлого.

Не стремясь к этому, Алекс принес им облегчение. И, может быть, даже надежду.

С Луизой вместе он поспешил в холодную, удивительно манящую ночь.

И СНОВА МАНАССАС[1]

Когда твою машину подстрелят в первом же сражении первой войны века - это не самое ужасное на свете, только ничего хуже Брэдли никак не мог придумать. Они встали чуть свет. Брэдли подбил своего приятеля Пола присоединиться к нему, и они полетели низко над холмами взглянуть на грандиозное скопление людей и техники. Чтобы их не засекли радары, Брэдли скользил над самыми верхушками деревьев, и верхние ветки порой хлестали по брюху корпуса. Еще до восхода солнца приятели вылетели на роскошном бесшумном корабле и скользили над широкими полями с расчетом на то, что поднимающееся солнце ослепит расположенные на земле оптические датчики.

Зрелище было воистину захватывающим. Сверкающие колонны, едкий дым над руинами, доносящиеся издалека приглушенные звуки сражения.

А потом их подстрелили.

---

[1] Примечания: 1

При Манассасе произошло первое крупное сухопутное сражение американской Гражданской войны (21 июля 1861 года).

Попали не прямо, а, к счастью, вскользь. Кренясь в прошитом снарядами воздухе, корабль смог перелететь через две гряды холмов. Приземлились они тяжело и остались живы только благодаря подушкам безопасности.

Из потерпевшей крушение машины им помогли выбраться оказавшиеся поблизости люди из военного отряда, и мальчикам не оставалось ничего, кроме как пойти со спасителями. Похоже на то, что командовал тут Декстер, крупный и загорелый мужчина, который сказал им:

- Мы получили известие, что по этой дороге движется группа мехов. Держитесь с нами, тогда, может, уцелеете.

- Еще чего! - вспылил Брэдли.

- Здесь небезопасно, парень, - отрезал Декстер. - Вы безалаберные избалованные дети, и вы угнали корабль. Может, сегодня вам хоть что-то втемяшится в головы.

Он усмехнулся, обнаружив отсутствие двух передних зубов, и махнул рукой, приказывая продолжать путь в неясном свете раннего утра.

Еды ни у кого не было, но даже если бы была, то с ними бы делиться не стали - так решил Брэдли. Бой за западным холмом отрезал все пути снабжения этих некогда сельскохозяйственных

угодий.

К середине утра они добрались до перекрестка и сразу же по ошибке подстрелили меха-рабочего. Он заметил отряд в старой дубовой роще на склоне холма и со всей возможной для него скоростью бросился прочь. Он принадлежал к классу R, такой хромированный и блестящий.

Женщина с длинной палкой на плече внезапно скинула свою ношу, прицелилась - и прогремел такой громкий выстрел, что Брэдли подпрыгнул. R-мех упал.

- На сегодня первый, - констатировала женщина, которую тут называли Ангел.

- Должно быть, разведчик, - сказал Декстер.

- За что? - воскликнул пораженный происшествием Брэдли, когда они шли вниз по склону к механизму.

Рассветный воздух все еще был прохладным и влажным.

- Мехи отступают? - нерешительно предположил Пол.

Декстер кивнул:

- Сюда движутся. Держу пари, они ужасно напуганы.

Справа в спине у механизма виднелась небольшая дыра, выстрел пробил расположенный там

сервопривод.

- Неплохой выстрел, - произнес кто-то из мужчин.

- Я ж говорила: эти штуковины работают, - гордо заметила Ангел. - На сей раз я хорошенько прицелилась. Помогает.

До Брэдли внезапно дошло, что люди несут с собой не просто механические стержни, а оружие, изготовленное на заводах, где работали исключительно люди. "Орудия убийства, - изумился мальчишка. - Совсем как в стародавние времена. Упоминания о них встречаются, например, в драмах, но сами уже лет сто как незаконны!"

- Может, этот мех просто испугался, - предположил Брэдли. - Его программное обеспечение позволяет испытывать такое чувство.

- С помощью бипера мы послали предупредительный сигнал, - сказал Декстер, хлопнув по ранцу у себя на спине. - Вот прямо отсюда, из этой маленькой штуковины. Если мехи не хотят нарваться на неприятности, им нужно всего-навсего медленно подойти к нам и лечь, чтобы мы взглянули на их программные кубы.

- Блокировали их?

- Конечно. Как еще сможем мы быть уверены?

- Этот удирал, ясно как белый день, - сказала

Ангел, перезаряжая винтовку.

- Может, он просто не понял, - стоял на своем Брэдли. - Модели R - проворные, ловкие, их социальные навыки хоть куда.

- Разумеется, понял, - заявила Ангел, открывая центральный порт механизма и вытаскивая оттуда идентификационный куб. Смотрите, он из Санфрана.

- Если он не конфедерат, то зачем ему забираться в такую даль? - спросил чернокожий мужчина по имени Нельсон.

- Верно, - согласился Декстер. - Пометь его как солдата армии южан. - Тут он вручил Брэдли наручный коммуникатор. - Учет будем вести добросовестно. Парень, ты сегодня будешь заносить данные.

- Конфедерат, значит. Ясно, - сказал Брэдли, вводя информацию в коммуникатор. Это простое занятие было как нельзя кстати, оно успокаивало и помогало привести в порядок свои чувства.

- Уж будь уверен! - возбужденно заверил Нельсон. - Только посмотри на него. Какой сообразительный мех, поумней прочих, пытался спастись. Удирал от нас, людей. Ведь к западу отсюда мы только что смяли немало механизмов.

- Никогда не могла себе позволить такую хро-

мированную штуковину, - произнесла Ангел. - И они тоже знали об этом. Один из мехова класса R скалился на меня в супермаркете, пытался выхватить банку соевой тушенки. - Она саркастически рассмеялась. - Тогда на полках уже почти ничего не осталось.

- Изящная вещица, да? - Нельсон пнул механизм, который покатился вниз по склону.

- Только вы его испортили, - подал голос Брэдли.

- Закатите его вон в ту яму, чтобы с дороги не было видно, - приказал Декстер. И жестом показал на Пола. - Ты пойдешь с другим отрядом. Эй, Мерсер!

Вперед шагнул верзила, который только что пытался, минуя шипы, осторожно сорвать плоды с растущей в овраге колючей груши. Все изголодались.

- Перейдешь через дорогу, спустишься вниз и устроишь засаду, - велел ему Декстер. Возьмешь с собой этого парня - тебя ведь Пол зовут, верно? - он поможет тебе. Мы встретим их на перекрестке огнем.

Мерсер ушел вместе с Полом. Брэдли помог Ангелу дотолкать мертвого меха до оврага. Робот катился вниз и взмахивал руками, оставляя средь

весенней травы свежие сырые рытвины. Потревоженная земля источала влажные ароматы. На всякий случай люди прикрыли блестящий корпус прелой листвой, а Декстер к тому времени уже разместил своих людей на позиции.

Поодаль от асфальтированного перекрестка они организовали нечто вроде засады. Брэдли понял: им нужно, чтобы перекресток выглядел безопасным. Нужно, чтобы мехи двигались быстро и не останавливались.

Во время работы Брэдли услышал идущий от горизонта раскатистый низкий звук, словно где-то там, вдалеке, пробудился великан. С того места, где он стоял, просматривались обе дороги, по которым из района боевых действий могли катить мехи. Брэдли с уважением отметил, что Декстер одновременно находится будто бы повсюду и выкрикивает приказы.

Взрослые взволнованно обсуждали, как пойдет дело с мехами, насколько просто их одурачить и даже спровоцировать на драку между собой, - законы и акронимы действительно мало что значили для механизмов, но новомодным течением пропитывали массовую культуру. Брэдли про себя посмеялся этому. И на миг его тревогу пересилило чувство собственного превосходства.

Весеннее утро было свежим, показавшееся из-за дальнего холма солнце грело спины. В такое время все отлично растет, но заброшенные поля никто не возделывал. Здесь должны были бы работать мехи, заботиться о будущем урожае. Но вместо этого они отправились за неровные гребни холмов, чтобы биться с людьми, которые, как втайне надеялся Брэдли, надерут им задницу. Хотя у мехов задницы нет, напомнил он себе.

Вдвоем с Декстером они залегли за бугорком на склоне холма. Декстер бубнил в рацию, лицо его подергивалось от нетерпения и тревоги. Брэдли смаковал густой запах молодой травы и лениво размышлял, не отведать ли ему свежей зелени. Декстер присматривал за возводимой отрядом баррикадой, потом сказал:

- Знаю, мы находимся слишком близко от дороги, но, пока есть патроны, выражение "слишком близко" неуместно. С нашим оружием лучше подобраться к неприятелю как можно ближе. Когда роботы движутся быстро, их легче подкараулить, но и им тоже проще поразить нас.

Брэдли заметил, что сейчас Декстер проявляет больше нетерпения, чем когда находился со своим отрядом. На памяти Брэдли он вел себя так впервые. По крайней мере, в цивилизованном

мире.

- Важно знать, что в крайнем случае можно и отступить, - продолжал Декстер.

Брэдли нравился Декстер, и он спросил у вояки:

- Как вы научились сражаться?

Вопрос озадачил Декстера, и он ответил:

- Хобби у меня такое. Я анализировал великие римские кампании в Африке, Азии, а также изучал здешние войны с индейцами.

- Они любили устраивать засады?

- Было такое дело. Конечно же, когда сыны Альбиона изобрели паровые автоматы, тогда да, римляне смогли диктовать условия всем племенам и не на шутку их беспокоить. - Тут Декстер искоса взглянул на мальчика и спросил: - А ты изучаешь историю, парень?

- Меня зовут Брэдли, сэр. Родители не разрешают мне читать о сражениях. Они не устают повторять, что мы выше всего этого.

- Ах, да! Всеобщая Церковь Справедливости?

- Да, сэр. Они говорят, что…

- Эта чепуха годится для людей. Другое дело - мехи.

- В чем их отличие?

Вглядываясь в дорогу, Декстер цыкнул зубом

и сказал:

- Они нелюди. Игра по правилам.

- Думаете, их сложно победить?

Декстер усмехнулся:

- Эволюция трудилась над нами пару миллионов лет. Они же появились лет пятьдесят назад.

- Неужели только в тысяча восьмисотом? А я думал, что роботы у нас были всегда.

- Вздор. История для детишек все равно что темный лес.

- Нет, сэр. Мне известны такие значимые факты, как День американской независимости от Империи, а также Имперский запрет на такое оружие, как у вас, и еще…

- Сынок, история - это не только даты, которые тоже далеко не только цифры. Что с того, что мы наконец-то избавились от римлян? Они были горсткой малодушных трусов, и все. "Мирная Империя" - оксюморон, парень. Этот 3D, ребятки, пичкает вас всякой дрянью, не позволяя увидеть войну даже на экране, разве что изредка покажет изрядно приукрашенные исторические картинки, так что неудивительно, что вы не знаете, с какого конца ружье стреляет.

Брэдли счел это заявление несправедливым, но, понимая, что Декстер - не обычный для него

человек, промолчал. Игра по правилам? Что бы это значило? Игра по правилам - это когда все довольны и каждый может победить.

Или мир не так прост, как прежде полагал Брэдли? Здешний чудный воздух звенел и потрескивал, отчего покалывало кожу, трепетали нервы.

Вернулась Ангел и, тяжело дыша, устроилась возле установленной на треноге тяжеленной штуковины.

Ниже по склону с винтовкой в руках расположился Нельсон. Он тоже установил треногу, на которой пристроил некую систему из множества цилиндров и темных стальных скользящих частей, - такого Брэдли раньше видеть не доводилось. Обливаясь потом, Нельсон засунул в это сооружение длинную изогнутую коробку, которая со щелчком встала на очевидно предназначенное ей место. Мужчина улыбнулся, явно довольный тем, что составные части правильно взаимодействуют друг с другом.

Брэдли пытался угадать функции всех этих различных видов оружия, когда услышал, как по дороге на большой скорости приближается машина. Он взглянул на бегущую с дальних холмов извилистую черную ленту асфальта и увидел

между стволов ясеней нечто громоздкое.

Это оказался открытый грузовик с кузовом, набитым мехами. У этих были корпуса цвета меди. Наверное, фабричные роботы. Одинаковые, как упакованные в коробку яйца, они поблескивали в лучах солнца.

Декстер пробормотал что-то в рацию и показал на три мелово-белых камня у дороги - они были похожи на мишени. Грузовик миновал перекресток и выскочил на прямой участок дороги как раз перед Брэдли. Подъем здесь становился круче, а потому, проезжая мимо камней, грузовику пришлось сбросить скорость.

Брэдли никак не мог понять, откуда здесь взялись роботы - по крайней мере, не знал наверняка, - а потом выбросил эту мысль из головы. Сердце бешено стучало от возбуждения. Затаившийся рядом с ним Декстер напоминал кота, который отлично знает, где сидит канарейка, и готов в любой миг вонзить в нее когти.

Когда грузовик поравнялся с камнями-ориентирами, Ангел открыла огонь. Такого грохота Брэдли еще никогда не слышал, и первым его желанием было зарыться головой в траву. Когда он осмелился снова взглянуть на дорогу, то увидел, как грузовик закрутило вокруг оси, а потом он

слетел в овраг и покатился вниз.

Медные роботы словно в замедленной съемке вылетали из кузова. Большинство из них приземлилось в траву и осталось неподвижно лежать на земле. Грузовик тяжко ударился о каменный выступ, и его падение прекратилось. Несколько мехов поднялись с земли и попытались спрятаться за грузовиком, полагая, быть может, что их обстреливает только одно орудие, но тут расположившийся напротив, через дорогу, отряд открыл огонь. Механизмы вновь попадали и затихли. В маленькой долине стало тихо. Брэдли слышал, что мотор грузовика все еще работал, потом неожиданно взвыл и умолк.

- Я попала прямо в приборную панель, видели? - громко отчиталась Ангел.

Хотя Брэдли этого не приметил, но все же ответил:

- Да, мэм, так и есть.

- Всегда бы так, - кивнул Декстер. - Если не нужно стрелять в каждого по отдельности, выходит хорошая экономия боеприпасов.

- Похоже на то, роботы моделей S и F, ужасно тяжелые! - крикнул Нельсон.

Ангел кивнула и усмехнулась:

- Будет проще скинуть их в овраг.

Декстер не слышал этого разговора, он находился рядом с Брэдли и говорил в рацию:

- Майрон, организуй людей, уберите это с дороги. С помощью ключей ручного управления можно заставь их топать ко дну оврага, там бежит ручей. Пусть сами прыгнут в воду.

- А как же грузовик? - спросил Брэдли, поражаясь собственной смелости.

Декстер на секунду нахмурился, потом сказал:

- Те, кто поедет по дороге следом, решат, что мы ударили с воздуха. На западе такое вчера частенько случалось.

- Сегодня что-то не видно наших самолетов, - заметил Брэдли.

- Мы несем потери. Уцелевшие остались на земле, потому что на закате некоторые мехи стали попадать по нашим. Троих подбили в небе. Только мехи не знают об этом. Они решат, что сегодня происходит то же, что и вчера, и этому грузовику просто не повезло. - Декстер улыбнулся и осмотрел свою винтовку, из которой, впрочем, до сих пор не сделал ни одного выстрела.

- Пожалуй, пойду помогу им, - сказал Брэдли и начал было вставать.

- Нет, у нас не так много ключей. Парни знают, как ими пользоваться. Ты лучше присматривай

за дорогой.

- Но мне бы хотелось…

- Помолчи, - велел Декстер тоном одновременно небрежным и не терпящим Возражений.

Брэдли достал бинокль и принялся изучать дорогу. Утреннее солнце уже здорово припекало, и над долиной поднималось марево. Мальчик сперва никак не мог понять, действительно ли на расстоянии нескольких километров что-то движется, или это только ему кажется, но вскоре убедился в реальности происходящего. Он сообщил Декстеру, тот предупредил остальных, и мехов стали убирать с глаз долой в сумасшедшей спешке.

Роботы в самом деле были мертвы, но люди могли задействовать их резервные мощности и заставить на колесах или гусеницах катиться по дороге, чтобы затем опрокинуться в овраг и нырнуть в ручей. До Брэдли доносились взрывы смеха, которыми команда провожала мехов, с фонтанами брызг кувыркавшихся в коричневую воду. Некоторых коротило, они махали конечностями и крутились вокруг своей оси, комично имитируя движения пловцов. Это продолжалось считаные секунды, потом они тоже тонули.

Нельсон взбежал на холм с длинной трубой на

спине и сказал:

- Вон гранатомет, о котором ты просил. Ренсинк не очень-то хотел отдавать эту штуковину.

Декстер рассматривал дорогу в бинокль.

- Оставь здесь. У нас тут повыше, чем у Ренсинка.

Декстер взял металлическую трубу, больше всего напоминающую телескоп, с помощью которого Брэдли со своими друзьями изучал небо. Мальчик спросил нерешительно:

- Если вы, сэр, не собираетесь стрелять из своей винтовки, э-э-э, я бы…

- Хочешь взять ее, да? - усмехнулся Декстер.

- Ну да, я подумал, что если вы не…

- Ну конечно. Держи. Стрелять нужно вот так. - Он показал как. - Держишь таким вот образом, прицеливаешься по этой линии. Я сам работал на станке, так что знаю, что к чему, - штуковина отличная. Чтобы сделать оружие, нам пришлось выучиться всем тонкостям ремесла старых добрых времен.

Брэдли ощутил вес и важность предмета, который держал в руках, и робко попытался прицелиться вдоль дороги. С осторожностью невинного любовника коснулся курка. Если он просто надавит на прохладный кусочек метал-

ла, то продырявит - ну, возможно, продырявит - корпус движущегося меха. И в грядущем хаосе больше не нужно будет иметь с ним дело. Таким вот образом размышлять о сложном вопросе казалось легче. И эта простота пришлась Брэдли по душе.

Мехи приближались небыстро, и теперь, глядя в бинокль, Брэдли смог разглядеть почему. Они катили на самодвижущихся машинах, представлявших собой трехколесные средства, платформы из блестящей латуни.

Платформы двигались медленно, - возможно, их запас энергии был на исходе. Пока Брэдли наблюдал за ними, один из механизмов развернул солнечную батарею, остальные последовали его примеру, только это не помогло, и двигались они по-прежнему медленно. Эти мехи совсем не походили на изящных бытовых роботов, которые носились по велосипедным дорожкам с разнообразными поручениями от хозяев. Тут были преимущественно механизмы класса N и P.

Нажимая на педали передними манипуляторами, они выехали на перекресток. Передний заметил у обочины грузовик, сообразил, что здесь что-то не так, и поднажал. Хотя приказа от Декстера не поступало, Нельсон выстрелил в робота и

попал. Первый мех кувыркнулся, его конечности попали в собственный цепной привод. Ангел не вытерпела и тремя выстрелами уложила трех мехов. Грянул хор выстрелов и взрывов - ни одно оружие не звучало как другое, - и в этой какофонии Брэдли нажал на курок и ощутил удар в плечо.

Он целился в движущийся в самом конце маленькой колонны механизм, и когда вновь взглянул на дорогу, тот со скрежетом металла об асфальт катил, заваливаясь набок и рассыпая сноп искр.

- Остановитесь! Прекратить огонь! - заорал Декстер. Грохот стрельбы смолк, и остался слышен только лязг механизмов, скатывающихся в овраг.
- Убрать их с дороги, быстро! - приказал Декстер.

Он махнул Брэдли, показывая рукой вниз, и мальчик помчался взглянуть на развороченные механизмы вблизи. На бегу ему показалось, что механизмы остались практически целы за исключением нескольких вмятин, но вблизи оказалось, что в каждом зияет по нескольку дыр. Он улучил момент и взглянул на раскрасневшегося Пола, который тяжело дышал, прикрыв глаза. Было не до разговоров.

Мужчины и женщины с помощью ключей

ручного управления вновь оживили механизмы, кроме одного, у которого полностью снесло заднюю часть. Брэдли помог троим мужчинам поставить его на колеса и докатить до эвкалиптовой рощи. Там его опрокинули в яму и забросали ветками. Брэдли поискал взглядом робота, которого сам подстрелил, но уже не смог отличить его от прочих.

Мальчика охватило тревожное предчувствие. В ноздри бил острый запах трав и деревьев. Брэдли взбежал по склону вверх, отыскал винтовку, которую уже считал своей, и залег в траве рядом с Декстером.

Он просто втягивал в себя воздух и разглядывал винтовку, состоявшую из всяких сложных деталей. Декстер бросил ему три обоймы и коробку патронов в медных капсулях. Надпись на коробке гласила, что патроны бронебойные. Брэдли неловко возился с винтовкой, учась заряжать обойму, но вдруг встрепенулся и поставил оружие на предохранитель. Вдалеке послышался шум гусеничного механизма.

Он приближался. Перекресток сейчас ничем не отличался от всех прочих, никаких явных признаков засады, но отряд Мерсера установил на дороге две мины. Их было уже не отличить

от асфальта. Брэдли знал, где они находятся, по ориентиру - белым камням, - и еще поверхность мин была более гладкой, чем асфальт.

Интересно, могут ли мехи почуять мины. Их органы чувств по некоторым параметрам превосходили человеческие, но кое в чем уступали. Брэдли понял, что никогда не задумывался о внутреннем мире механизмов - не больше, чем о внутреннем мире животных. Хотя понять механизмы не составляло труда. В принципе, их можно было оцифровать и детально изучить.

Лязг приближавшегося транспортника вытеснил из головы мальчика праздные размышления.

- Активируйте! - крикнул Декстер, и прозвучавшее в его голосе напряжение было созвучно возбуждению Брэдли.

Словно в видеоигре, из-за растущих вдоль дороги деревьев показалась большая гусеничная машина. Она была полна мехов, которые болтало и трясло, на прицепной платформе их тоже набилось множество. Когда Брэдли перевел взгляд на заминированный участок дороги, мины сразу же бросились ему в глаза, подобно паукам на белоснежной скатерти. Вся долина трепетала и переливалась в ярком свете. В нос били запахи,

ладони холодила блестящая винтовка.

Брэдли показалось, что робот-водитель непременно заметит мины, остановится и отъедет назад. А мехи-пассажиры спрыгнут с платформ и покатятся по дороге, стреляя по людям лазерами, переделанными из промышленных в боевые. Брэдли доводилось слышать о механизмах, которые умудрялись обойти ограничительные программы и начинали сражаться. Брэдли крепче сжал винтовку. Он чувствовал близость Декстера, который тоже целился из странного оружия, наподобие телескопа, и Ангела, которая вполголоса ругалась, выжидая.

- Если бы они были как мы, то остановились бы при первых признаках заварушки, - пробормотал Декстер. - Затем рассредоточились бы по обеим сторонам дороги и атаковали, обойдя нас с флангов.

- Думаете, они так и сделают? - озадаченно спросил Брэдли.

- Не-а. Нет у них того, что есть у нас.

- И что… что же это? - Брэдли было известно о разнообразных специальных возможностях, которыми обладали механизмы.

- Яйца.

Взгромоздившиеся на платформу гусеничной

машины механизмы обозревали дорогу, цепляясь манипуляторами за борта на крутых поворотах.

И тут один из них заметил мины и выбросил по направлению к ним серворычаг. Передние мехи предупреждающе взвыли, гусеничный грузовик дал по тормозам и съехал на обочину. Остановился у края оврага, тяжко заскрежетал и дал задний ход.

С передней платформы грузовика спрыгнули три меха. Брэдли взял на мушку одного из них, и тут прогремела серия взрывов, заставив мальчика вздрогнуть и позабыть обо всем на свете.

Капот грузовика растворился в голубом облаке. С жутким грохотом прицепная платформа отлетела назад.

В воздухе замелькали точки, подобно темному фонтану, взлетали ввысь осколки и падали на склон оврага. Поблизости от Брэдли на землю шлепнулись крупные обломки механизмов, и он зарылся лицом в траву. Вскрикнул, когда его ударило по колену, потом что-то перелетело через него. По спине забарабанили камни.

Когда Брэдли поднял голову, то ожидал увидеть на дороге лишь груду обломков. В ушах звенело. Может, он совсем оглох? Сквозь дым он увидел, как от развороченного грузовика ковыляют

несколько механизмов. Их было пять, и держались они вместе.

Он вскинул винтовку и поспешно выстрелил в переднего робота. Тот упал, Брэдли пальнул в следующего, потом еще раз, и видел он только вихрь теней и крутящиеся, движущиеся кляксы.

Стреляла Ангел, и Нельсон тоже, резкий треск выстрелов напоминал звук, который получается, когда бежишь вдоль забора, ведя по нему палкой. Через несколько секунд на дороге уже не осталось ни одного механизма.

Но два засели в овраге. Клубился серый дым.

Брэдли увидел, как из дыма, подобно сполоху света, выскочил механизм. И услышал, как вскрикнула и выругалась Ангел. С руки у нее потекла кровь.

В воздухе на миг мелькнул другой сполох света и миновал Ангела, но третий выбил у нее оружие, которое с громким треском разлетелось на детали. Брэдли прицелился в механизм и палил до тех пор, пока не потерял из вида его, а также второго, который осел на землю и затих.

Долину накрыла плотная тишина. Горел грузовик, но на дороге больше ничто не двигалось.

Ангел стонала, Нельсон бросился ей на помощь, на ходу вытаскивая походную аптечку. Убедив-

шись, что с Ангелом все будет в порядке, Декстер и Брэдли медленно двинулись по направлению к дороге.

- Держу пари, что это был последний большой отряд. Теперь-то мы без проблем доставим наших беспризорников.

Брэдли с трудом переставлял ноги, они стали тяжелыми, как колоды. Он махнул Полу, который уже стоял на дороге, но не хотел ни с кем разговаривать. Воздух был каким-то хрустящим, напоенным всевозможными запахами, которые будто наслаивались друг на друга, подобно разным видам мороженого с сиропом.

- Эй! - крикнул из кабины грузовика Мерсер. - Тут у них еда!

Внимание всех присутствующих переключилось на кабину. Мерсер вытащил коробки с сухим пайком, несколько банок консервов и упаковку безалкогольного напитка.

- Это что-то новенькое - мехи возят с собой еду, - удивилась Ангел.

Несколько минут они поглощали провизию, пока не послышался крик Пола:

- Тут у них человек!

Пол стоял над телом мальчика, наполовину скрытым под мертвым мехом. И Брэдли понял,

что отряд механизмов прикрывал собой этого парня, защищал от пуль.

- Он еще жив, - сказал Пол. - Только едва-едва.

- Еда предназначалась ему, - проговорил Мерсер.

Брэдли склонился над раненым. Пол бережно поддержал голову мальчика, но было ясно, что надежды нет: белое лицо говорило о большой кровопотере, лужа крови растекалась вокруг и уже подсыхала коричневатой ржавчиной. И здесь нет установки криоконсервации. Посиневшие губы затрепетали, и мальчик прошептал:

- Плохо… мама… больно…

- На идентификационной карточке записано, что парень находится под наблюдением мехов, - сказал Декстер.

- Как такое возможно? - спросила Ангел.

- Тут сказано, что он психически уязвимый. Эти механизмы оказывали ему медицинскую помощь.

Декстер перевернул корпус одного меха и обнаружил эмблему касты Н.

- Какого черта они спутались с мехами из армии южан? - раздраженно вопросил Нельсон, явно жалея, что не на ком сорвать зло.

- Простая случайность, - сказал Декстер. - Не-

разбериха. Наверное, они сочли, что поступают правильно, вывозя подопечного из зоны военных действий.

- Проклятие, - снова выругался Нельсон. Потом безмолвно зашевелил губами.

Брэдли встал на колени и прогнал с лица умирающего мух. Попробовал дать ему воды, только взгляд мальчика был уже далеко, вода ручейком стекала по щеке. Ангел пыталась осмотреть рану, но взгляд у нее был словно восковой.

- Проклятая война, - проговорил Нельсон. - Мехи, они виноваты в этом.

Брэдли взял у Пола саморазогревающуюся чашку бульона и еще раз попытался напоить мальчика. На вид тому было не больше пятнадцати, и он невидящим взглядом уставился в безоблачное небо. На руку ему села бабочка, трепеща крылышками в свете косых желто-золотых солнечных лучей, и запустила хоботок в подсыхающую коричневую кровь. Брэдли отрешенно подумал: "Разве бабочки едят кровь?" Тут раненый поперхнулся, бабочка взмыла вверх, и ее подхватил ветерок, а когда Брэдли снова взглянул вниз, мальчик был уже мертв.

Некоторое время они стояли возле тела. Дорога была усыпана обломками корпусов, клубками

спутанных внутренностей механизмов, кусками взорванного грузовика. На сегодня с засадами покончено, и дорогу никто не собирался расчищать.

- Знаете, эти механизмы по оказанию медицинской помощи, они довольно умны, - проговорил Пол. - Просто они приняли неверное решение.

- Может статься, они были поумней этого мальчика, - заметил Брэдли. Погибший парень был не намного его младше, но глаза у него были пустые. - Но тем не менее он был человек.

Приподнятое настроение и душевный подъем, который Брэдли ощущал все утро, улетучились.

- Ну и дела, да? - сказал он, не обращаясь ни к кому конкретно. Другие тоже так делали, просто говорили что-то ветру и, пока тот уносил слова, начинали наводить порядок.

И все же яркость и жизненная сила воздуха пока оставались при нем. Никогда еще Брэдли не чувствовал себя настолько живым. Внезапно ласковый и защищенный мир, окружавший его с рождения, показался ему ограниченным и лживым, показался западней. Все человеческое общество обитало в коконе, в бархатном чехле, за которым присматривали механизмы.

Люди давно нашли альтернативу войне: мате-

риальные блага. И простая человеческая доброта. Человеческая доброта.

Может, отныне все это в прошлом.

Ничего, не беда. Не то чтобы теперь они обрели мир, который хотели, но жизнь острую и пикантную, с зернистым привкусом войны. Прежде Брэдли обитал в кристальных мирах разума под спокойными безукоризненно-чистыми покровами, и его тело истосковалось по сырой земле и ее влажным тайнам.

Нельсон вместе с Мерсером собирали знаки отличия мехов.

- Хочешь АВ? Здесь мы нашли одного. Должно быть, его настигли и прихватили с собой эти рабочие мехи, - сказал Брэдли Нельсон.

- Я только запишу серийные номера, - машинально отвечал Брэдли, не желая разговаривать с Нельсоном больше, чем необходимо. И ни с кем другим тоже. Слишком уж много болтовни.

Он занес цифры в свой коммутатор, потом спихнул корпуса мехов с дороги.

К нему подошел Декстер и спросил:

- Уверен, что не хочешь взять один? - В руках у него был лазер одного из мехов-конфедератов. Черный, ребристый, блестящий. Ангел сохранит один на память. Наверное, всю жизнь будет

рассказывать историю о своем ранении и показывать лазер, который, быть может, ранил ее.

Брэдли взглянул на элегантную и странно чувственную вещицу, заманчиво блестевшую на солнце.

- Нет.

- Уверен?

- Уберите эту проклятую штуковину.

Декстер озадаченно взглянул на него и отошел прочь. Брэдли смотрел на мехов, которых сталкивал с дороги, и пытался думать о том, как они отличались от того мальчика, который, скорее всего, был глупее их, но мысли затуманивало воспоминание о том, как приятно было держать в руках винтовку, вдыхать сладкий запах травы и стрелять по целям, которые появлялись на перекрестке в ярком солнечном свете. Размышлять на такой полуденной жаре было сложно, и вскоре Брэдли вообще перестал думать. Так проще.

ВНИЗ ПО РЕКЕ

Волшебная сказка первое, что учит ребенка образному мышлению.

Бруно Беттельхайм, «О пользе магических чар»

Глава I
ВЫСАДКА НА БЕРЕГ

Мальчик все плыл и плыл по серебристой реке в поисках отца.

Скорчившись на дне ялика, несомого переменчивым течением, он следил за поплавком на конце лесы, привязанной к корме. Он уже два дня ничего не ел. Жирная желтая рыбина мелькнула в мутноватой воде, но наживку не взяла.

Любопытство пересилило голод, и мальчик склонился над водой, чтобы узнать, ходит ли эта рыбина поблизости. Но увидел лишь собственное отражение в свинцово-серой, отливающей металлом воде.

Странно: на голове у его отражения красовалась соломенная шляпа, которую он уронил за борт еще вчера. Мальчик уставился на эту отраженную шляпу, чувствуя, что угодил в ловушку времени, отражавшего прошлое и умудрившегося постоянно плыть вровень с его яликом. Заодно он внимательно изучил и собственную вчерашнюю физиономию: выражение лица вполне оптимистичное, на лбу копоть от костра, из-за

ушей-лопухов торчат клоки грязных волос.

Внезапно он отшатнулся от борта плоскодонки. Придонное течение, завихряясь точно струи жидкого металла, поднималось прямо к нему, просвечивая сквозь тонкую «кожу» реки. Один всплеск этой дряни, и ялик просто пойдет ко дну. От ощущения близкой опасности во рту сразу пересохло, а в горле застрял колючий комок.

В глубине, под мутной водой медленно разливалось желтоватое сияние: это ртуть прокладывала себе путь по дну реки и мутила воду. Предательство таилось в каждом движении этого жидкого металла, который то вспучивался пузырями, то вытягивался, как змея, то превращался в многорукое чудовище или в этакую Медузу Горгону с развевающимися волосами-змеями. Тысячи ползучих электрических тварей, вооруженных страшными клыками, скользили в металлических извивах течения, подобные затаившимся ширококрылым драконам.

Мальчик снова лег на дно ялика и лежал неподвижно, надеясь, что чрезмерно уплотнившаяся ткань времени несколько поредеет. Его безвольное тело содрогалось в приступах мучительной тошноты, и, чтобы отвлечься, он стал смотреть на вершины темных деревьев, склонившихся

над водой.

Всемирная стена пятнами просвечивала сквозь чащу леса; на ней поблескивали яркие вспышки не погасшего еще пожара. Мир словно свернулся в трубку, и единственная уцелевшая река сверкающей змеей вилась меж скал и лесов. Вдали просторный туннель, точно высверленный в космическом пространстве, терял свои четкие очертания и расплывался туманом. Временами за очередной сверкающей излучиной реки мальчик мог видеть большой город. А позади, вверх по оси времени, был еще различим огромный изгиб Вселенной — гигантская холмистая возвышенность, тонувшая у горизонта в слепящей дымке. Мальчику все время хотелось вытащить бинокль, посмотреть в него и наконец увидеть…

Что-то глухо ударилось о дно лодки. Что-то тяжелое и явно движущееся.

Мальчик затаил дыхание. Обычно ялик плыл легко, как перышко, откликаясь на любую перемену течения и каждый вздох ветра, и лишь набирал скорость, спускаясь по течению этой серебристой реки — реки времени.

Мелькавшие у него над головой стволы и ветви деревьев, покрытых грубой корой, уступили место проблескам яркого света. На мгновение

он даже пожалел о том полумраке, что царил меж лесистых берегов и был способен укрыть его в случае опасности. В этих небесах никогда не было солнца, и звезд мальчик тоже никогда не видел и не знал даже, что означает это слово. Свет, дробясь и мерцая, исходил от самой земной коры, точнее, от покрывавшей ее корки неких извержений, похожих на вулканические и испещривших бесчисленными брызгами весь противоположный конец этого свернутого в трубку мира. По словам отца, эти переливы красок являли собой трансмутировавшее эхо гигантских столкновений неведомых энергетических зарядов, похожее на дальние зарницы чудовищной грозы, — непознаваемый и неисчезающий результат бессмысленного насилия, неподвластного человеческому разуму.

Вдруг поверхность воды пошла рябью.

Мальчик мгновенно сел и схватил весло. Какая-то тощая усатая тварь вылетела из воды и щелкнула зубами прямо у него над головой. Он успел пригнуться и ударить усача веслом. Отвратительная шишковатая голова с узкими желтыми глазами-щелками качалась над подернутой рябью водой. Усач выдохнул из своего металлического нутра ядовито-зеленый дым и

снова бросился в атаку. Мальчик что было сил замахнулся веслом и чуть не разрубил мерзкую тварь пополам.

Чудовище, порожденное придонными ртутными течениями, пронзительно закричало, плюхнулось в воду и исчезло. Мальчик опустил весло и принялся поспешно грести. Позади снова послышался плеск, и он еще сильнее заработал веслом, выгребая на глубину.

Когда клубы зеленого дыма унесло прочь и вода вокруг наконец успокоилась, мальчик направил лодку к берегу. Оставаться на середине реки было тоже опасно: обладавший мощными челюстями хищник мог в один миг сцапать его и утащить на дно, а мог и лодку пополам перекусить, если б сумел преодолеть тяжелое медлительное придонное течение — серебристо-серые потоки ртути с красновато-коричневыми вкраплениями брома. Видимо, очередной всплеск турбулентности заставил ужасную тварь подняться на поверхность, и это вполне могло повториться.

Стертые руки горели, дыхание с хрипом вырывалось из груди, и мальчик, с трудом подогнав лодку к берегу, перепрыгнул через борт и, торопливо шлепая по воде, вытащил ялик на сушу. Он привязал лодку к деревцу, росшему у самой воды,

и укрыл ее разлапистыми густыми ветками.

Полный тревожных предчувствий, растратив последние силы, он решил, что пора немного подкрепиться, и достал несколько кусочков вяленого мяса, синеватого и волокнистого, но все же способного хоть немного утишить голод.

Поев, он стал внимательно осматривать раскинувшуюся перед ним, точно пологий купол, равнину. Вдали виднелись леса и пятна влажной распаханной земли. Но это ни о чем ему не говорило — во всяком случае, в подобной местности да еще у реки можно было ожидать чего угодно. И он решил пойти на разведку. Здесь было гораздо ближе к устью реки. А прошлой ночью он уснул, убаюканный темнотой и плеском воды, и вполне мог, несомый довольно быстрым течением, проплыть мимо нескольких городов, скрытых скалистыми берегами. На этой огромной и молчаливой реке ритмы земли почти не ощущались; она упорно несла одинокий ялик вниз по течению, вниз по оси времени, и ничего поделать с этим мальчик не мог.

Он поднялся повыше, на один из холмов, постоянно ощущая безмолвное воздействие времени. Сперва оно могло показаться похожим на теплый летний ветерок, но способно было мгновенно

высосать всю энергию из любого, кто попытался бы ему противодействовать. Вскоре мальчик увидел небольшой лесок — переплетение стволов и ветвей, покрытых сине-зеленой листвой. Деревья спускались почти к самой воде. Никаких признаков человеческого присутствия заметно не было. Так что мальчик испуганно вздрогнул, когда из-за толстого ствола дерева вдруг появился какой-то человек со старинным короткоствольным ружьем с раструбом на конце. Ружье было очень похоже на утконоса.

— Как тебя звать-то? — усмехнулся мужчина, глядя на него, и смачно сплюнул.

— Джон.

— Вверх по реке идешь?

Лучше избежать прямого ответа, чем лгать, решил мальчик и сказал:

— Ищу, чего бы поесть.

— Нашел?

— Нет, еще не успел.

— Ну, далеко-то ты не уйдешь: в двух шагах страшная буря прошла. — Мужчина широко улыбнулся, раздвинув тонкие бескровные губы, за которыми виднелись коричневые зубы. — Я видел, как людям руки напрочь отрывало.

«Значит, он понимает, что просто так подняться

сюда из низовий было бы невозможно», — подумал Джон и беспечным тоном сказал:

— Я с другой стороны приплыл, сверху. А на берег вышел в том месте, где лежит огромное старое дерево.

— Знаю я это место. Бывал там. Неподалеку от этого дерева ягод и грибов страсть как много. А сюда-то ты зачем пожаловал?

— Да я слыхал, что тут большой город есть.

— Скорее городишко, сынок. И по-моему, тебе лучше тут остаться, в диких краях, с нами вместе.

— А вы — это кто?

— Ну, я и еще несколько парней. — Улыбка у мужчины была будто приклеенной; уголки губ неласково опущены вниз.

— Нет, мистер. Мне пора идти дальше.

— А моя девочка утверждает, что у тебя тут срочные дела! — И мужчина грозно тряхнул своим мушкетоном.

— Да вы что! У меня же ни гроша нет.

— А нам твои деньги и ни к чему, парень. Зато тебе самому мои дружки точно обрадуются.

И он снова взмахнул мушкетоном, приказывая Джону идти вперед. Поскольку пока что никакой возможности удрать от этого типа не было,

Джон быстро пошел в указанном направлении, а мужчина, наставив прямо на него широченное дуло, следовал за ним на удобном для выстрела расстоянии.

На самом деле мушкетон этот представлял собой украшенный резьбой плод одного из деревьев, которые Джон видел и раньше. Подобное оружие росло в виде тяжелых стручков на деревьях с ужасно скользкой корой. Когда «стручки» созревали, они как бы разбухали и становились такими твердыми, что их приходилось распиливать. Мушкетон выглядел как настоящий — с фланцем, уходившим прямо в приклад. Подобное оружие, будучи воткнутым во влажную плодородную землю, быстро прорастало и в свою очередь начинало давать плоды: пулеметные ленты. По размерам ствола мушкетона Джон догадался, что это вполне зрелое оружие, способное сделать не один выстрел.

Он, спотыкаясь, продирался сквозь заросли травы с острыми как нож краями и слушал презрительные комментарии типа с мушкетоном по поводу неуклюжести «некоторых». Наконец они выбрались на розоватую глинистую тропу. Похититель явно собирался притащить Джона в логово к таким же, как он сам, мерзавцам, но

ни одной стоящей мысли насчет того, куда именно его тащат, что все это значит и как отсюда сбежать, мальчику в голову не приходило. Кто они, простые воры или компания педерастов? О педерастах он уже не раз слышал и даже видел их собственными глазами.

Однако хищный внимательный взгляд человека с мушкетоном свидетельствовал о чем-то большем, лежавшем за пределами знакомого мальчику мира. О пока еще неведомой ему трясине взрослой жизни.

Как же все-таки поступить?.. Но разум точно забуксовал.

Тропа резко пошла вверх. Вскоре Джон совсем запыхался. Как и большая часть дорог и тропинок, эта тропа была проложена почти перпендикулярно реке, а потому, следуя по ней, человек не испытывал ни леденящего душу давления настоящего момента, ни вызывавшего тошноту ощущения полета в пропасть, вызванного скольжением вниз по оси времени. Джон надеялся, что тропа в итоге приведет их в сухие коричневатые холмы предгорий. Насекомые с жужжанием висели над головой в неподвижности навевавших сон мимолетных мгновений. Еще немного…

Джон свирепо подстегивал собственные мыс-

ли. Вот они уже миновали зеленое холмистое поле, вот впереди, за угловатой излучиной реки, сталью блеснул довольно глубокий ручей, журча сбегавший с холма. Мальчик вдруг обратил внимание на дохлую мускусную летучую мышь, валявшуюся прямо на глинистой тропе.

Все мускусные твари пахнут противно, а эта мышь, видно, сдохла по крайней мере сутки назад, так что все вокруг пропиталось исходившим от нее зловонием.

Однако Джон ничем не проявил своего отвращения. Затаил дыхание и все. Рядом что-то шептал ручей, но этот слабый голосок времени лишь на мгновение замедлил его шаг. Рядом с дохлой летучей мышью валялась сбитая грозой ветка и горка мусора, оставшаяся после ливня. Иссиня-черная шкурка твари, раздувшейся на жаре, натянулась и потрескалась.

Мальчик перешагнул через дохлую мышь, прошел еще несколько шагов и оглянулся. Смуглое лицо его пленителя исказилось. Громко сопя от отвращения, он шарахнулся от мускусной мыши, потерял равновесие и запрыгал на одной ноге, дрыгая в воздухе второй. Дуло его мушкетона ушло в сторону.

Джон тут же схватил валявшийся на тропе сук

и, не раздумывая, бросился на мужчину. При этом он невольно набрал в грудь воздуха, и от страшной вони его чуть не стошнило. Пришлось даже зажать себе рот. Сильно замахнувшись своим суком, он услышал характерный стук — ветка, видимо, ударилась о деревянный приклад — и чуть не упал.

Мужчина вскрикнул от боли; ружье вылетело у него из рук и плюхнулось в ручей… где и растворилось без следа с пронзительным шипением и легким хлопком, после которого в воздух поднялось прозрачное облачко оранжевого дыма. Увидев это, мужчина только рот раскрыл от удивления, потом посмотрел на Джона… и отступил назад.

— Так, теперь займемся тобой!

Собственно, Джон сказал первое, что пришло ему в голову, но постарался сказать это басом и с самым грозным видом.

Когда рядом протекает ручеек, способный запросто переварить любую металлическую вещь, схватка с противником может кончиться тем, что и сам в мгновение ока растворишься в такой «водичке». Джон чувствовал, что колени у него стали ватными от страха, а сердце стучит где-то в горле.

И вдруг этот тип бросился бежать. Он удирал со всех ног, вскрикивая на бегу коротко и хрипло.

Джон сперва прямо-таки остолбенел от удивления, а потом тоже бросился бежать, спасаясь от убийственной вони, исходившей от дохлой летучей мыши. Остановился он только на опушке, у обвитого каким-то ползучим растением куста, и оглянулся назад.

В груди его пела гордость. Он не побоялся сразиться с взрослым мужчиной, с вооруженным противником!

И только позднее он понял, что испуг того типа был вполне закономерным: на него с увесистой дубиной бросился весьма мускулистый юнец с абсолютно дикими глазами. Ничего удивительного, что он на всякий случай предпочел сбежать. Впрочем, сбежал он все-таки позорно, и выбившаяся у него из штанов грязная рубашка хлопала на ветру, словно хвост убегающего оленя!

Глава II
ВЕТРЫ, НЕСУЩИЕ СМЯТЕНИЕ

Джон сразу бросился в сторону от тропы, ведущей к холмам, — на тот случай, если смуглолицый мужчина вместе со своими приятелями все-таки вздумает его искать. Мальчик спустился по течению ручья вниз и шел до тех пор, пока его не одолела усталость. Он надеялся, что на таком расстоянии от реки ему удастся избежать той страшной бури времени, о которой упоминал его пленитель. Но, похоже, тот не врал.

Реку, впрочем, все равно было видно с любой сколько-нибудь достойной внимания возвышенности, а холмы так и толпились вокруг, поскольку и сами горы виднелись невдалеке. С такого расстояния поверхность реки казалась удивительно чистой, лишь слегка расцвеченной красновато-коричневыми пятнами придонного ила и серебристыми или свинцово-серыми мазками, свидетельствовавшими о смертельно опасных подводных течениях.

Проснувшись, Джон первым делом отыскал гроздь каких-то мучнистых ягод и съел их. По-

завтракав, он снова пустился в путь, все время ощущая странное покалывание в ямке под затылком. Потом эта пульсирующая боль переместилась и заполнила всю грудь. Глаза щипало. Воздух казался каким-то слоистым, издали доносились глухие удары.

Мальчик поднял глаза. По ту сторону затянутой легким туманом долины была видна противоположная часть этого мира — странная, точно покрытая коркой запекшейся лавы холмистая местность; среди холмов виднелись крупные пятна растительности, небольшие озерца, извилистые ручьи… В общем, типичный бассейн крупной реки.

Пока мальчик смотрел вдаль, купол небес у него над головой развернулся, точно мехи аккордеона — однажды он видел, как на этом допотопном инструменте играла какая-то старая дама, — а потом вдруг снова сжался. Джон тоже чувствовал, что сжат, стиснут со всех сторон. Ребра его трещали, шею сдавило, ноги тянуло в разные стороны — казалось, его собрались разорвать пополам…

Вокруг скрипели и раскачивались деревья. Одно старое черное дерево с грохотом рухнуло совсем рядом с ним, и он тоже упал на влажную и

пахучую плодородную землю там же, где и стоял, и во все глаза смотрел, как сжатый, скрученный в гигантскую воронку мир устремляется вниз по временной оси. Наконец компрессионная волна прошла, и все вокруг словно бы вздохнуло с облегчением и расслабилось. Это было похоже на рвотную судорогу какого-то огромного чудовища. Земля постанывала, шатались скалы. Последний раскат грома гигантским молотом ударил по лесу.

За свою жизнь мальчик видел только пять подобных временных бурь, но эта была самой страшной. Когда он достал свой бинокль, чтобы посмотреть, как буря катится дальше по течению, то впервые увидел вдалеке шпили города и то, как закачался один из них от удара этой чудовищной волны.

Странное дело, но все это время он только и думал что об этом городе — «городишке», как назвал его тот тип. Слово «город» было непривычным для Джона. Город казался ему местом, лишенным какого бы то ни было соприкосновения с дикой природой. Неуязвимым для нее.

Он быстро шел вперед. Фиолетовые вспышки уходящей грозы освещали могучие деревья и широкую полосу всемирной стены, уходившей

далеко за горизонт, к дальнему концу свернутого в трубку мира. Мысли о городе не оставляли мальчика. И еще он думал о том, что в этом городе, возможно, сумеет напасть на след отца. В общем, он и думать забыл о временной буре.

Вдруг горло снова перехватило тошнотой. Влажный воздух вокруг задрожал, искривился, искажая перспективу; ветер задул как бы сразу со всех сторон.

Ноги отказывались слушаться, и ему приходилось постоянно следить, куда он ступает. Руки его то становились тяжелыми, как бревна, и безжизненно повисали, то вдруг, став совсем легкими, сами собой начинали раскачиваться при ходьбе. Просто повернуть голову, не обдумав заранее это движение, он не мог: это означало почти наверняка упасть на землю. Задыхаясь, с огромным трудом он продолжал идти. Бесконечно долго тянулись часы. Он останавливался, чтобы перекусить и немного вздремнуть, и снова шел. Сам воздух, казалось, высасывал из него силы; по всему телу бегали мурашки, словно выписывая на коже какие-то замысловатые узоры.

Онемение конечностей прекратилось, когда Джон резко свернул на дорогу, ведущую к городу. Он буквально валился с ног от усталости, но три

шпиля по-прежнему звали его вперед, сияя белоснежной белизной. Это был самый прекрасный город на свете! Дома из светлого дерева стройными рядами стояли вдоль аккуратно вымощенных улиц, прямых как стрела; тротуары были выложены квадратами серо-голубой плитки.

И на улицах было столько народу, что не сосчитать! Дамы в пышных нарядах осторожно переступали через кучки лошадиного навоза, грубоватые циркачи веселили толпу у городских стен, толстые веселые торговцы и краснорожие лоточники зазывали покупателей; на лотках и в лавчонках можно было купить все что угодно — от сластей до пил и топоров. Толпа спорила, хваталась, шумела, и люди вокруг Джона кишели, точно хлопотливые муравьи.

Мальчику показалось, что приноровиться к подобной жизни — все равно что попробовать напиться из водопада. И он бродил по шумным улицам среди забранных решетками окон, никем не замеченный и никому не нужный, прекрасно сознавая, что одет в лохмотья, а на голове у него ужасная шляпа с обвисшими полями. Теперь он искал то единственное, что действительно знал, — реку.

По широким каменным тротуарам тоже текла

река, но людская; город постепенно заливала звенящая от насекомых жара. Некоторые люди дремали прямо на улице, похоже совершенно лишившись способности передвигаться; мальчик не раз видел, как они вдруг неловко оседали в кресла с продавленными плетеными сиденьями, опускали подбородок на грудь и надвигали шляпу на самые глаза. Вдруг Джон застыл на месте: огромная шестиногая свиноматка с потомством, похрюкивая, проследовала мимо него к рынку. Ей явно было чем поживиться среди сломанных упаковочных клетей и корзин.

А за этой ленивой, вяло текущей рекой людей простиралась настоящая река, отчасти скрывавшаяся в тени всемирной стены, отдельные участки которой ярко вспыхивали, отражая дневной свет. Выйдя к реке, Джон скинул заплечный мешок и, усевшись на парапет причала, стал смотреть на бесконечные волны, в которых то и дело мелькали серебристые пятна, испускавшие ядовитый дымок и тут же исчезавшие.

— Работу ищешь? — услышал он чей-то хриплый голос.

Голос принадлежал парнишке, который был чуть старше Джона, но гораздо крупнее, широкоплечий, в едва сходившейся на груди залатанной

рубахе. Впрочем, глаза у парня были теплые, мечтательные.

— Может, и работу. — Деньги ему так или иначе понадобятся.

— Тогда кое-что разгрузить придется. Рук-то в порту вечно не хватает. — Парнишка протянул Джону широкую ладонь. Они обменялись рукопожатием. — Меня Стэн зовут.

— А меня — Джон. Груз-то тяжелый?

— Средний. Ну и дронеры, конечно, помогут.

И Стэн большим пальцем небрежно показал на пять абсолютно бесформенных фигур, сидевших вдоль ограждения. Джон видел таких и раньше, только в верховьях реки их называли «зомби» или же «зомы». Позы у всех были совершенно одинаковые: ноги раскинуты, руки безвольно обвисли, вес тела полностью сосредоточен на нижней части позвоночника, а само тело согнуто под неестественно острым углом. Ни один нормальный человек не в состоянии долго сидеть в такой позе. А этим, похоже, было вполне удобно. Они, наверно, были готовы на все, лишь бы не быть совсем мертвыми.

— Ты что, впервые здесь? — спросил Стэн, присаживаясь возле Джона на корточки и соскребая что-то с глыбы волнолома сломанным огрызком

карандаша.

— Да, только что приплыл.

— На пароме?

— Нет, на ялике. Я причалил к берегу чуть выше того места, где временная буря прошла.

Стэн присвистнул.

— А сюда неужели пешком пришел? Далеко! И эта проклятая трясучка тебя носом в грязь не ткнула?

— Пыталась.

— Трудно тебе будет теперь свой ялик отыскать.

— Да нет, схожу и пригоню. Мне надо еще спуститься вниз по реке.

— Правда? — Стэн просиял. — А сам ты издалека?

— Не знаю, как тебе объяснить…

— Ну, с Горы Ангелов? Или из Рокпорта?

— Да, слышал я эти названия. И Албертс видел, только туман был сильный.

— Так ты из самых верховий, что ли? Раз мимо Рокпорта проплывал… Но ты ведь совсем мальчишка!

— На самом деле я гораздо старше, просто выгляжу так, — сухо возразил Джон.

— И акцент у тебя какой-то чудной!

Джон от злости даже зубами скрипнул:

— А по-моему, у тебя!

— Мне всегда казалось, что если так далеко уплыть от родных мест, спустившись по реке времени, так заболеешь, или спятишь, или еще что… — Стэн, похоже, действительно был потрясен до глубины души. Во всяком случае, он смотрел на Джона, широко раскрыв глаза, полные искреннего изумления.

— Я не случайно сюда попал. — «Ох, как глупо! Это ведь и ребенку ясно!» — подумал он. Пришлось остановиться и… кое-что разведать.

— А что тебя интересует?

Джон смущенно заерзал. Господи, вообще ни о чем даже упоминать не следовало! Ведь понятно же: чем меньше люди о тебе знают, тем меньше вреда они могут тебе причинить.

— Да так… Одно сокровище.

— Водород? Тут у нас многие водородом торгуют. В банках.

— Нет, это скорее… — Джон лихорадочно подыскивал подходящее слово. — Драгоценности. Старинные. Рубины там всякие и тому подобное.

— А ты не врешь? Я тут ничего подобного никогда не видел.

— Это большая редкость. Они остались с древ-

них времен — их всякие дамы и лорды носили.

Стэн даже рот приоткрыл и языком поцокал, что, по всей вероятности, свидетельствовало об интенсивной мыслительной деятельности.

— Э-э… А кто это такие?

— Первобытные люди. Жили ужасно далеко отсюда, в самых верховьях. Они потому были такими богатыми, что их самих было очень-очень мало. В общем, всякие там сапфиры и золотые штуковины с них прямо-таки падали. Они их на руках и на шее носили.

Стэн еще шире разинул рот:

— Чесслово?

— Ага. И у них всяких таких украшений было, как пыли на дороге! Иногда им это надоедало, и дамы самые красивые камни, сверкавшие, точно спелые ягоды, целыми пригоршнями налепляли себе на шляпы. Тогда большие шляпы носили, с широкими полями. А если случалось наводнение и люди тонули, то эти шляпы, украшенные драгоценными камнями, уплывали — разумеется, вниз по течению.

— Шляпы? — Рот Стэна, казалось, уже никогда не закроется.

Джон пренебрежительно махнул рукой и пояснил:

— Да уж конечно не такие, как у меня! Не драные и не с обвисшими полями. Это были очень красивые шляпы, немного похожие на те, что в Оклахоме носят. И сделаны они были… из чистого водорода!

— Из водо… — Стэн запнулся; на лице его было написано полнейшее недоумение, и Джон понял, что надо как-то выпутываться.

— Понимаешь, в те доисторические времена водород был еще легче, чем теперь. Вот они из него шляпы и делали. А самые богатые даже ткали из него ткани и шили всякие модные куртки, красивые воротники и тому подобное.

Стэн подозрительно на него глянул и нахмурился.

— Но я никогда не видел никого, кто бы…

— Ну и что? Учти, именно так все и было! Я ведь, собственно, за этим и отправился в путешествие. Эти допотопные дамы и лорды, можно сказать, износили весь запас водорода! Вот почему теперь он стоит так дорого.

— О! — не произнес, а скорее выдохнул Стэн. — Нет, это же надо! Я что хочу сказать: известно, что водород — самый легкий и самый энергетически заряженный, так что ничего удивительного, если он каждому крупному подрядчику нужен. Или,

скажем, машиностроителю. Да только где ж его достать? А ты-то, — он остро глянул на Джона, — откуда все это знаешь?

— Интересно, откуда мальчик все узнал? — попытался отшутиться Джон. — Да оттуда! Ведь мы там, в верховьях, куда ближе к древности, чем вы. Между прочим, у нас многие занимаются поисками таких «водородных шляп». Их приносит сверху река и выбрасывает на берег.

Стэн нахмурился:

— Тогда зачем же ты сюда пожаловал?

У Джона похолодело в желудке.

«Ну вот я и попался! — подумал он. — Сейчас Стэн поймет, что все это выдумки, и тогда мне придется плохо. А кроме того, я не смогу подзаработать, и придется сегодня ложиться спать голодным».

Однако уже через мгновение он не моргнув глазом втолковывал Стэну:

— Дело в том, что в верховьях все шляпы, выброшенные на берег, практически собраны. Вот я и надеялся поохотиться здесь на те, что успели проплыть мимо нас незамеченными.

— А-а-а… — протянул задумчиво Стэн, вполне, видимо, удовлетворившись таким объяснением.

А потом снова принялся задавать Джону во-

просы насчет старинных шляп и охотников за сокровищами: как это следует делать? как сам Джон выискивает на берегу шляпы? удалось ли ему уже что-нибудь найти? и так далее.

Джон испытал огромное облегчение, услышав чей-то клич: «В гавань индукционный корабль входит!»

И вся сонная набережная мигом оживилась.

Глава III
ЗОМБИ

Джону показалось, что этот большой белый корабль возник на поверхности вод совершенно неожиданно: вдруг сразу стал виден весь его изящный четкий силуэт. Судно быстро приближалось к пристани, рассекая воды реки — так острый меч способен рассекать щит, сделанный из легкой пены. Во все стороны от носа корабля разлетались тяжелые серо-стальные брызги ртути.

Судно было трехпалубным; поручни украшены золотой резьбой; капитанская рубка на верхней палубе походила на египетскую пирамиду. Огромные старомодные колеса, занимая большую часть каждого борта, вращались все медленнее, издавая мелодичное монотонное гудение. Лишь эти колеса — являвшиеся на самом деле индукционными дисками, благодаря которым электропровод достигает покрытого жидким металлом дна, а электрические импульсы заставляют тяжелое судно двигаться вперед, — не затронула вечная привычка речного народа к

украшательству. Причудливые завитушки спускались с каждого пиллерса, а сверху пиллерсы были коронованы прихотливыми капителями со старинным орнаментом. На мостике виднелись скульптурные изображения ангелов-хранителей, а шлюпбалки, утлегари [2]и верхушки мачт украшали увесистые позолоченные шлемы.

Пассажиры столпились у резных поручней, почувствовав, что судно замедляет ход. В воздух взметнулась речная пена, из-под кормы на каменный причал плеснула волна, послышался свисток, и быстрые руки палубных матросов перебросили на причал толстые канаты.

Стэн, ловко поймав одну из чалок, крикнул Джону:

— Пошли скорей!

Казалось, сам влажный воздух на пристани и на причале неведомым образом коагулировался, создав плотную толпу людей, буквально поглотившую корабль. Упаковочные клети и тюки подавались вниз с помощью лебедок; тут же с грохотом подкатывались вагонетки, куда все это грузили, и Джон заметил, что вокруг него в основном работают зомби, а толпа людей состоит

---

[2] Примечания: 2

Утлегарь — рангоутное дерево, служащее продолжением бушприта. (*Прим. ред.*)

главным образом из пассажиров и людей, кого-то встречающих или провожающих; все они что-то орали, махали руками и прямо на пристани заключали самые разнообразные сделки.

Стэн раздавал команды направо и налево, а зомби довольно вяло им подчинялись. От напряжения рты у них постоянно были открыты, и струйки слюны тянулись до самой груди. Это были самые настоящие искусственно оживленные трупы, в которые лишь недавно вдохнули немного жизненных сил, но силы эти быстро иссякали, и зомы становились все более апатичными.

Это были в основном мужчины, предназначенные специально для тяжелой работы. Впрочем, рядом с Джоном работала весьма крепкого сложения бабища, которая в перерывах между поступлениями груза весьма недвусмысленным жестом клала руку ему на гениталии. Джон, естественно, тут же стряхивал ее лапищу, но вонь, исходившая от женщины-зомби, так и застревала в носу, мешая нормально дышать.

Все зомби страстно хотели жить. Возможно, они понимали, что в лучшем случае через несколько месяцев так или иначе превратятся в бесформенную груду плоти, источающую удушливые миазмы. Сердитый взгляд Джона женщину-зом-

би отнюдь не остановил; она ухмыльнулась и принялась ощупывать его ягодицы. Весь дрожа, он поспешил отойти от нее подальше.

И тут же налетел на какого-то уж совсем обтерханного зома, который медленно повернулся к нему и забормотал:

— Джон. Джон. Джон.

Мальчик жадно вглядывался в его подернутые смертной дымкой глаза, в безвольно обвисший рот. Кожа, больше похожая на пергамент, собралась в складки на костлявом изможденном лице. Что-то шевельнулось в памяти Джона: эти скулы определенно кого-то ему напоминали… И острый нос тоже…

— Джон… Отец…

— Нет! — вырвалось у мальчика.

— Джон… подойди сюда… Время…

Зомби неуверенно коснулся его плеча. Видимо, это были последние мгновения его «второй жизни». От совершенных усилий магическая энергия уходила из него, точно вода из прохудившегося ведра.

— Ты не мой отец! Убирайся!

Зомби еще шире открыл рот, захлопал глазами и снова потянулся к мальчику.

— Нет!

Джон изо всех сил оттолкнул его. Зомби упал. Он даже и не пытался устоять на ногах — рухнул как подкошенный, растопырив во все стороны руки и ноги, и лежал как выброшенная на берег медуза, глядя подернутыми туманной пленкой глазами вдаль, туда, где был виден край света.

— Эй, он мешает тебе? — спросил Стэн.

— Да нет… Просто они меня уже достали!

Джон еще раз вгляделся в физиономию валявшегося на земле зомби и решил, что этот тип никак не может быть его отцом. Да он был и не похож на него совсем!

— Не обращай на него внимания. Пусть пока там полежит, — примирительным тоном посоветовал Стэн. — У нас еще работы полно.

В течение всей остальной разгрузки Джон старался даже не смотреть в сторону этой бесформенной груды плоти. Женщины старались аккуратно перешагнуть через лежавшего на земле зомби, а проходивший мимо мужчина пнул его ногой, но он даже не пошевелился.

Работать приходилось в поте лица, потому что новые пассажиры уже поднимались на борт. А когда Джон, сопровождавший первую партию вагонеток, вернулся из близлежащего пакгауза, лишь грязноватая рябь на поверхности реки

свидетельствовала о том, что здесь только что разгружалось большое судно.

Глава IV
МИСТЕР ПРЕСТОН

День этот показался Джону ужасно длинным. Перед его глазами прошло немыслимое количество бочонков, бочек и деревянных клетей, которые нужно было открепить, разобрать и расставить по полкам пакгауза. Стэн числился помощником одного из представителей крупной импортирующей компании, и у него был постоянный круг обязанностей, так что он и Джону за весь день буквально передохнуть не давал.

Зомби, работавшие на погрузке и разгрузке судов, очень быстро выходили из строя, и вскоре Стэн привел новую смену. Того, что безжизненной грудой рухнул на землю, Джон больше не видел и искать его на грязных задах пакгауза среди других зомби не стал.

Трудовой день наконец кончился, когда большой и хорошо видимый кусок всемирной стены, нависавший над причалами, отчетливо потемнел, создавая вокруг некое подобие сумерек. Это было очень удачно, потому что люди по-прежнему предпочитали ложиться спать в темноте,

и хотя настоящей смены дня и ночи больше не наблюдалось, нескольких часов сна в довольно густых сумерках было вполне достаточно, чтобы более или менее выспаться. А однажды Джону довелось видеть настоящую ночь, которая продолжалась, если можно так выразиться, несколько дней, и люди вокруг стали открыто опасаться, что всемирная стена вообще навсегда погасла. Когда же сернистый свет все-таки вспыхнул снова, источая к тому же удушливый жар, многие пожалели, что проявили подобное нетерпение.

Стэн отвел Джона в бордингауз, где жил и сам, и устроил его там, дав ему перед ужином всего несколько минут, чтобы умыться холодной речной водой. Джона просто потрясло богатство стола в бордингаузе; там мгновенно уничтожались огромные количества еды, и при этом жующие рты ни на минуту не закрывались. Вот внесли огромное блюдо с дикими курочками, зажаренными до золотистого цвета, но дичь расхватали и съели буквально в мгновение ока, и Джон так и не успел дотянуться до блюда. Впрочем, Стэн как-то ухитрился сцапать двух курочек и поделился с приятелем.

Тощий человечек с козлиной бородкой, си-

девший напротив Джона, был, видимо, особо озабочен тем, чтобы его устам не приходилось скучать, и весьма успешно чередовал жевание, отпускание шуточек и сплевывание обглоданных птичьих костей в бронзовую пепельницу, стоявшую на столе. Это, к сожалению, получалось у него далеко не всегда аккуратно.

Стэн ел только с помощью ножа и все время беспечно засовывал его прямо в рот, а Джон все-таки постарался раздобыть вилку и даже успел проглотить несколько ложек бобов, сильно напоминавших резину, и некоторое количество тушеного мяса с неприятным душком, но тут подали десерт: довольно странное блюдо, представлявшее собой крохотный островок орехов посреди моря крема. Кто-то из курильщиков коснулся этого крема своей сигарой, и крем вспыхнул. Стэн съел свою порцию целиком и с наслаждением откинулся на спинку плетеного стула, ковыряясь в зубах острием блестящего ножа. Он делал это так беспечно и так вызывающе нагло, что Джон прямо-таки в восхищение пришел.

После десерта Джону больше всего хотелось лечь спать, но Стэн потащил его гулять. Побродив по запруженным толпой улицам города, они в итоге оказались за стойкой какого-то бара, где

владычествовала огромных размеров женщина, явно изрядно выпившая. Язык ее так и мелькал, то и дело облизывая губы, а глаза вращались как заведенные, и она напевала какую-то бесконечную балладу, смысл которой Джон так и не смог уловить. Под конец великанша с грохотом рухнула на пол, и трое мужчин с трудом подняли ее и понесли прочь. Интересно, думал Джон, это так задумано или вышло случайно? Впрочем, в любом случае финал номера оказался более впечатляющим, чем само пение.

Стэн угостил нового приятеля темным пивом и поспешил воспользоваться моментом, чтобы отдать Джону заработанное за день: разумеется, Джон выглядел бы настоящим жадиной, если б в ответ не заказал еще пива, которое тут же и принесли. Он уже наполовину опустошил вторую кружку и начинал думать, что вечер, в общем, удался, да и город совсем не плох, а уж его новый друг — и вовсе парень хоть куда. Он уже готов был полюбить весь мир, когда вдруг вспомнил, что отец его как-то сказал, будто у них в семье всегда выбрасывали извлеченную из бутылки пробку, зная точно, что она больше не понадобится.

Это воспоминание встревожило его, и он нахмурился, но Стэн тут же постарался его развеселить:

вытянув ноги, он одну из них положил на стол, снял башмак, и Джон увидел на его обтянутой носком ступне смешную физиономию. Шевеля пальцами, Стэн мог заставить эту физиономию то сдвигать сердито брови, то улыбаться, то моргать глазами. При этом он все время перебрасывался с «ногой» всякими смешными репликами. Однако Джона это представление навело на воспоминания о сиротском приюте. В первый же вечер, холодный и дождливый, его сосед, долговязый мальчишка, вытащил из-под одеяла ногу в сером носке, изображая крадущуюся крысу, а Джон решил, что это действительно крыса, и, бросив в нее нож, пронзил «артисту» ногу насквозь. Из-за этого воспитанники приюта надолго невзлюбили его.

Он улыбнулся, вспомнив эту историю, и отхлебнул еще пива. Вдруг Стэн весь побелел, глядя на Джона, и тот понял, что у него за спиной кто-то стоит.

Обернувшись, он увидел высокого мужчину в кожаной куртке и черных штанах; на голове у него довольно небрежно сидела синяя фуражка с золотым галуном. Никто, кроме настоящего шкипера, не мог носить такую фуражку!

— М-мистер… мистер Престон… — пробормотал Стэн.

— Что, господа, коротаете вечерок за пивом? Надеюсь, вы не слишком заняты и мы можем немного поговорить о деле?

Мистер Престон улыбнулся — довольно добродушно, но сохраняя строгое выражение лица, как и подобает представителю единственной поистине независимой профессии, какая была известна Джону. Правителям вечно мешает парламент; министры знают, как удушающи порой объятия избирателей; даже школьные учителя, пользующиеся среди учеников неимоверной властью, полностью зависят от горожан.

А вот над шкипером, который водит суда по серебристой реке, никто не властен! Капитан судна или его владелец может, конечно, отдать несколько приказаний, пока разогреваются электромоторы, но на этом его правление и окончено. А потом полновластным хозяином на судне становится шкипер; он может командовать сколько угодно и ни у кого не спрашиваясь, будучи просто недосягаемым для критики со стороны простых смертных.

Мистер Престон решительно вытащил из-под соседнего столика стул и с грохотом придвинул его к их столу.

— Я слышал, ты прибыл сюда с самых верхо-

вий? — обратился он к Джону.

— Я… Это вам Стэн сказал? — Джон старался выиграть время, чтобы иметь возможность обдумать ответ.

— Да, он обронил словечко. А что, нельзя было? — Мистер Престон внимательно посмотрел на Джона, и его крупный рот чуть дрогнул в усмешке под коротко подстриженными каштановыми усами.

— Да нет, сэр, что вы! Хотя он, возможно, несколько преувеличивает…

— Но он сказал мне, что ты бывал даже выше Рокпорта.

— Да, но Рокпорт я видел мельком, в тумане. Знаете, это был такой ужасный густой туман жемчужного цвета, который…

— А далеко ли до твоих родных мест от Рокпорта?

— Не очень далеко.

— Ты и в Каире был?

— Я… Да, но только я мимо прошел.

— Опиши, каким он тебе показался.

— Ну-у… Огромный! Куда больше этого города.

— А гору ты видел? И песчаную отмель рядом с подводными скалами?

— Нет, я ни отмели, ни скал что-то не заметил.

— Верно. Там их и нет. А гора на что похожа?

— На пену, вздымающуюся до небес!

— Вот как? И куда же эта пена падает?

— В реку, конечно. И еще взлетает, изогнувшись дугой, над второй вершиной горы.

— И ты под этой дугой прошел?

— Нет, сэр. Я старался плыть как можно ближе к противоположному берегу. Там течение не такое сильное.

— Разумно. Эта дуга существует еще со времен моего детства, и ни один из тех, кто пытался преодолеть бешеное течение прямо под нею, в живых не остался.

— Я тоже об этом слышал.

— От кого?

— От одного парня. У нас, в верховьях.

— И далеко это отсюда?

Настоящему шкиперу не соврешь, но правду можно немного и приукрасить. Джон еще отхлебнул пива, довольно крепкого, надо сказать, и весьма питательного — похоже, кое-кто в баре ужинал именно пивом, а потому шум там стоял ужасный, — и осторожно сказал:

— Я начал свое путешествие с одного плеса чуть выше Каира…

Мистер Престон с интересом наклонился впе-

ред и с понимающим видом покивал ему.

— Точно. Там здоровенная отмель, и нужно обходить ее очень осторожно. Песок, верно?

— Нет, сэр. Черный металл.

Мистер Престон откинулся на спинку стула и сделал знак официанту, который крутился поблизости, сбивая грязный ковер, чтобы принес еще три пива.

— И это верно, — сказал он Джону. — Там со дна поднялась и вышла наружу целая рудная жила. Видимо, в результате какого-то катаклизма. В книгах говорится, что на дне было нечто вроде действующего вулкана, плюющегося расплавленным металлом, так что это совсем не ртуть, которой в реке полно. И еще в книгах пишут, что этот вулкан или гейзер забил вдруг прямо из-под всемирной стены.

— Но разве это возможно? А что же тогда находится за стеной?

— Нам этого знать не дано, сынок.

— Пожалуйста, сэр, не называйте меня «сынок»!

Кустистые брови мистера Престона тут же сдвинулись на переносице; его явно озадачила столь быстрая перемена в настроении Джона и в его голосе, мгновенно ставшем суровым. Шкипер

сделал какой-то неопределенный жест рукой и сказал:

— Ну что ж, мистер Джон, я готов взять вас к себе на судно в качестве лоцмана.

Стэн изумленно смотрел то на одного, то на другого. Небывалое дело: два жалких портовых грузчика сидят и выпивают с настоящим шкипером! Да это все равно что мокрой речной крысе обедать за одним столом с мэром города! А уж последняя часть разговора его и вовсе потрясла.

— Лоцмана? — не выдержал Стэн.

— Ну да, на мое судно. С тех пор как я в последний раз ходил в Каир, было по крайней мере пять мощнейших временных бурь. А теперь мне придется подняться на моей «Начис» чуть выше, а никаких достоверных сведений о теперешнем состоянии реки в тех местах у меня нет.

— Но я совсем не уверен, что достаточно хорошо знаю реку, чтобы служить вам лоцманом! — Джон колебался, охваченный вихрем невнятных мыслей и чувств.

— Тебе довелось пережить хотя бы одну такую бурю?

— Даже две, сэр. Только я их, можно сказать, издали видел.

— Ну, по-моему, это вообще единственный

способ их увидеть! — воскликнул с наигранной веселостью Стэн, все еще потрясенный неожиданным предложением шкипера.

Мистер Престон поморщился, услышав это заявление, однако согласно кивнул. Лицо его посуровело: он явно и сам не раз попадал в бури времени, и, возможно, едва спасся, потеряв немало друзей.

— А ты по реке на ялике легко прошел? — вновь обратился он к Джону.

— Когда как. Я и на веслах шел, и с шестом. Если честно, мне просто повезло: течение само меня вынесло.

— В воронки, образованные таким шквалом, обычно затягивает более тяжелые суда. И то, что ты плыл в легкой лодчонке да еще и на веслах, видимо, и послужило причиной твоего спасения, — сказал шкипер. — Электросудно при всей своей мощи обязательно должно быть достаточно маневренным. А от его массы полностью зависит и его судьба.

Джон молча пил пиво. Потом задумчиво протянул:

— Но я еще не решил, хочу ли я возвращаться в верховья, сэр…

— Ничего, уж я постараюсь, чтобы тебе не ка-

залось, что ты зря туда вернулся! — Штурман подмигнул ему и внимательно на него посмотрел, словно пытаясь что-то прочесть у него на лице. — Надеюсь, и у тебя там какие-то дела найдутся.

«Может, и найдутся», — подумал Джон, и сразу же перед его мысленным взором возникло лицо того зомби, и он почувствовал, что стены бара словно смыкаются, желая задавить его.

Действительно, воздух в зале был прокурен насквозь; клубы голубоватого дыма покачивались возле неярких желтоватых светильников, висевших на стенах; светильники напоминали людские головы в шляпах. Джон тщетно пытался изгнать из души любые мысли о том зомби, однако его снова охватило мучительное чувство неуверенности. Как же ему узнать, кто этот зомби? А вдруг он — его отец? Нет, обязательно нужно его отыскать и как следует расспросить!

— Сэр, видите ли… Можно, я дам окончательный ответ завтра? Мне еще нужно покончить с одним делом…

Изумление, отразившееся на лицах Стэна и мистера Престона, показалось Джону почти смешным. А уж когда он встал, поставив недопитый бокал на стол, и вышел, громко стуча каблуками (выпил он все-таки явно лишнее!)

и гордо подняв голову, они и вовсе опешили. А Джон, так и не прибавив больше ни слова, кивнул им и исчез за порогом.

Глава V
ЗАМОРОЖЕННАЯ ДЕВУШКА

Чернильного цвета неясные фигуры все еще двигались перед мысленным взором Джона, когда он постучался в дверь дома мистера Престона, по-прежнему пребывая во власти ночи.

Утро было довольно хмурое; серый свет едва просачивался сквозь туман, который прихотливыми извивами полз над крышами домов и над тихой рекой. Джон с трудом различил в тумане белые колышки ограды возле дома мистера Престона. Жемчужного цвета метелки декоративной травы торчали вдоль выложенной кирпичом дорожки, ведущей к порогу. Дом даже при столь слабом освещении выглядел замечательно. Крытое крыльцо из светлой сосны; массивные опоры украшены резными капителями с растительным орнаментом…

Джон еще раз ударил в обитую железом дверь молотком, и почти сразу после этого бронзовая ручка повернулась, как по сигналу, и дверь распахнулась. Какой-то гном, возможно немой (во всяком случае, он не сказал ни слова!), повел

Джона по коридору, застланному ковром.

Мальчик не ожидал подобного великолепия и с восторгом рассматривал красивую мебель красного дерева, новую электрическую люстру под желтым бумажным абажуром и целую коллекцию замечательных статуэток. Приведя Джона в гостиную, гном разинул рот, лишенный языка, и продемонстрировал мальчику красную татуировку на плече, полагавшуюся всем слугам; видимо, он хотел как-то объяснить свое молчание.

Стены украшало множество картин и разнообразных сувениров — свидетельств бесчисленных путешествий хозяина дома. Названия некоторых картин Джон прочитал: «Над водопадами Авраама», «Поиски в сердце вулкана», «Средоточие света», «Поединок с судьбой». И еще там было очень много книг; некоторые весьма необычные. Джону очень хотелось рассмотреть их при более ярком освещении, но стоило ему протянуть руку и взять «Корабль времени и крушение мира», как послышались тяжелые шаги и он, обернувшись, увидел перед собой мистера Престона в синем с золотым шитьем мундире шкипера.

— Надеюсь, ты уже уладил все свои дела? — не слишком ласково осведомился мистер Престон.

Только теперь Джон понял, как глупо вел себя вчера, столь вызывающим образом покинув бар. Город, в темноту улиц которого он погрузился после охрипшего от множества полупьяных голосов пивного зала, сразу словно проглотил все прочие его мысли. Он долго пробирался по узким улочкам, вдоль которых громоздились безобразные дома, готовые вот-вот рухнуть и раздавить все, что находится внизу. Дома нависали над улицами, точно стены ущелий, закрывая собой бледное небо. Мостовые были влажными от тумана. В этом лабиринте Джон то и дело спотыкался о распростертые на земле тела, а то и наступал на них. Эти тела были, скорее, похожи на кучи старой одежды, выброшенной на помойку.

Хозяева зомби так и бросали их там, где те упали, уверенные, что они и с места не двинутся без очередной «подкормки». Джону понадобилось несколько часов, чтобы найти того зома с безвольно отвисшей челюстью, с которым он говорил на пристани; немало времени прошло и прежде, чем он убедился, что этот зомби не просто «отдыхает», выжатый как лимон. Нет, зом был действительно мертв; окоченевшие ноги раздвинуты, руки уперты в бока — этакая чудовищная пародия на танец.

Утром здоровенный хозяин зомби только пожал плечами, увидев труп, и бросил его в фургон на утилизацию. Вопросы Джона он попросту отмел: имен он не знает, а в каких местах этих зомов набрали, вообще понятия не имеет. Еще раз взглянув на мертвое лицо своего знакомца, Джон вдруг почувствовал необъяснимую тревогу, словно зом, умерев окончательно, приоткрыл свою заветную тайну. Он действительно чем-то напоминал Джону отца, хотя мальчик и не видел его с детства, да и его воспоминания о родителях были затуманены гневом, тоской и нищетой, которые ему пришлось пережить впоследствии.

И вот теперь, с железной решимостью выпрямив усталую спину, расправив плечи, Джон стоял с высоко поднятой головой у роскошного, отделанного дубом камина и отвечал на вопросы сурового мистера Престона.

— Хорошо, сэр, я согласен.

— Отлично, черт побери! — обрадовался шкипер. — Ты завтракал?

Блинчики и жареное мясо, которые подала домоправительница мистера Престона, быстро отвлекли Джона от мрачных размышлений. Тем более что шкипер без конца рассказывал ему всякие местные байки.

Джон пока что вполне успешно вешал мистеру Престону на уши всякую лапшу насчет истинной цели своего путешествия вниз по реке и отвлекся от этого напряженного занятия, лишь начав более внимательно рассматривать всякие странные и забавные вещицы, расставленные на полках и развешанные на стенах.

Там были различные кристаллы и необычно окрашенные камни явно вулканического происхождения, браслет, сплетенный из волос то ли бабки, то ли прабабки мистера Престона, пять кремневых наконечников для стрел, сохранившихся с незапамятных времен, а также несколько вполне заурядных изделий современных ремесленников. Рядом в бронзовых рамках стояли фотографии и портреты каких-то испуганно глядевших детишек и престарелых тетушек и дядюшек — все эти люди стояли или сидели в самых нелепых позах и были одеты явно по-праздничному, то есть имели, с их точки зрения, наилучший вид для того, чтобы сохраниться в вечности.

Но все это была сущая чепуха по сравнению с большим прозрачным кубом, что стоял в гостиной на отдельном столике и явно в ней доминировал. От куба веяло холодом, и Джон

решил, что это обыкновенная глыба льда, однако, пока он ел, по гладким скользким стенкам куба не сползла ни одна капля воды. Внутри в синевато-белом сиянии были как бы впаяны в лед странные предметы — золотая филигрань, лучистый кристалл кварца, два больших насекомых с колючими усами и статуэтка прелестной юной девушки с рыжими волосами и в летящих белых одеждах.

Джон просто объелся вкусными блинчиками, политыми патокой, и выпил почти целый кофейник кофе, когда случайно заметил, что у одного из насекомых чуть шевельнулось крыло. Продолжая внимательно слушать штурмана, излагавшего ему, так сказать, черновой набросок собственной биографии (тома эдак в четыре!), Джон не сводил глаз с девушки внутри куба, заметив, что она очень-очень медленно поворачивается на пальчиках правой ноги, а платье ее слегка закручивается, обнимая приподнятую левую ножку, и мягко разлетается, точно раскрывшиеся лепестки нежного цветка.

Теперь оба усатых насекомых, завершив замедленный взмах своих прозрачных, точно осенняя паутинка, крылышек, направлялись к девушке. Их выпуклые фасеточные глаза хищно поблес-

кивали, и этот блеск показался Джону весьма зловещим.

— Ах вот ты куда смотришь! — сказал шкипер, заметив его пристальный взгляд. — Это они охотятся. Красивые, правда? Когда-то я мог смотреть на них часами. Борода раза три отрасти успевала.

— А эта девушка… Она что, живая?

— Видимо, да. Хотя и не могу этого утверждать наверняка. И не знаю, почему она такая крошечная.

— А откуда это у вас?

— Издалека привез, из самых низовий.

— Я ничего подобного в жизни не видал!

— И я тоже. Нет, правда, судя по уровню мастерства… В общем, мне кажется, что эта девушка — живая.

— Живая? Но ведь она ростом с ноготь!

— Я думаю, она только кажется такой маленькой благодаря некоему световому эффекту.

— А жуки?

— Жуки действительно почти такой же величины, что и девушка. Но, возможно, они искусственно увеличены — то есть с ними проделан как бы обратный вариант этого фокуса.

— А если не увеличены? Если они такие боль-

шие и есть?

— В таком случае они повеселятся всласть, добравшись наконец до девицы. — Шкипер усмехнулся. — Эта игрушка стоила мне недельного заработка. Хотя, если честно, она просто омерзительна, не так ли?

И Джон с ужасом ощутил ледяное дыхание, вырывавшееся из куба, внутри которого время текло слишком медленно и беззвучно. Ему вдруг страшно захотелось вдребезги разбить этот сине-белый загадочный предмет, освободить точно увязнувшее в патоке время, выпустить на волю изуродованные длительным тюремным заключением эпохи и перспективы. Однако игрушка эта принадлежала шкиперу, а такие, как он, лучше других понимают выверты времени. Возможно, подобные вещи и должны принадлежать именно им.

И тем не менее мальчик почувствовал облегчение, когда наконец покинул гостиную шкипера и нырнул в туман, клубившийся за порогом.

Глава VI
ПУТЬ НАЗАД

В тот же день они должны были отойти от причала. Никогда прежде Джон не испытывал такого ужаса и восторга, как в те мгновения, когда поднимался по сходням на гудевшую и дрожавшую палубу судна.

Никогда прежде он не бывал на индукционных кораблях, лишь с глубочайшим почтением, сознавая собственную ничтожность, смотрел издали, как они вспарывают речную гладь своими острыми носами. Мистер Престон коротко кивнул ему, и это равнодушно-деловитое приветствие было совсем не похоже на их вольное и неторопливое общение за завтраком. Без особых церемоний Джону выдали и документы, свидетельствовавшие о том, что он принят на службу. Члены команды обменялись рукопожатием с новым «лоцманом», глядя на него примерно с тем же холодным равнодушием, с каким смотрели на любого из пассажиров. Люди, просто купившие билет, для них абсолютно никакого значения не имели, как, впрочем, и уборщики с официанта-

ми, разместившиеся в трюме. Но по некоторым взглядам, брошенным искоса, Джон, в общем, понял, что по крайней мере на время этого рейса его в члены команды все-таки приняли.

— Ты был на реке, когда в верховьях пронесся последний шквал? — спросил мистер Престон, когда они поднялись на капитанский мостик.

— Нет, сэр. Я успел высадиться на берег и лодку вытащил. Так что эту бурю я как бы стороной обошел.

— Хм… Это плохо… А как ты думаешь, пройти мы там сможем?

— Думаю, да, сэр.

Погрузка заканчивалась. Корабль едва сдерживал себя, так ему хотелось поскорее отправиться в путь, и без конца посылал сигналы полной готовности — мощное бренчание, слышное отовсюду. Груз, доставляемый вагонетками, так и летел на борт, и палубные лебедки с лязгом опускали его в трюмы. Работали в основном зомби, нелепые, то и дело налетавшие друг на друга. Запоздалые пассажиры, чертыхаясь, опасливо сгрудились среди ящиков и бочонков, ожидавших погрузки. Жены, держа в руках картонки со шляпами и тяжелые сумки с продуктами, сердились на потных мужей, тащивших основной багаж и

орущих детей. Телеги и тележки, нагруженные чемоданами и большими ковровыми сумками, грохотали по булыжной мостовой, двигаясь по самым немыслимым траекториям и то и дело сталкиваясь; чемоданы, разумеется, падали и раскрывались, вдребезги разбивались кувшины с вином, а воздух казался густым от ругани.

Джону очень нравились царившая вокруг суета, деловитый шум и жужжание моторов. Контролер крикнул; «Все не поместятся! Пожалуйста, сойдите на берег!» Прозвучал колокол, и заполненные народом палубы «Начес» как бы оттеснили крикливую толпу, заставив ее по сходням излиться на причал, точно приливную волну. Сквозь эту волну еще пытались пробиться последние пассажиры. Потом сходни подняли, и какой-то высокий человек, только что примчавшийся на пристань, попытался перепрыгнуть на борт через полосу воды. Он, разумеется, сорвался, однако ему все же удалось уцепиться за выступ в металлической обшивке судна, и члены команды втащили его на палубу, но при этом из заднего кармана его брюк вывалился кошелек и упал в реку. Толпа на берегу засмеялась, а какая-то пассажирка с трудом удержала этого бедолагу, который хотел уже прыгнуть следом за своим

кошельком.

За всем этим Джон наблюдал, находясь в полной безопасности: из капитанской рубки. Рубка была очень элегантная и, казалось, вся из стекла; Джону пришлось даже приглядеться, прежде чем он понял, что в ней обычные четыре стены. Капитан и владелец судна стоял рядом со шкипером; оба были в темно-синей с золотом форме. Прозвучал сигнальный свисток, на гюйсштоке взвился оранжевый флаг, и корабль медленно отошел от причала. Палуба вздрогнула. Маслянистый дым повалил из трех высоких труб, расположенных на корабельных миделях.

Толпа на набережной выкрикивала последние прощальные слова, а корабль уплывал все дальше и дальше, явно убыстряя ход по мере того, как его индукционные рамки приходили в соприкосновение с придонными потоками жидкого металла. Джон смотрел, как с ошеломляющей быстротой уменьшаются городские дома, а люди на набережной превращаются в крошечные фигурки, а затем и в едва различимые розоватые пятнышки.

— Мы выходим на стремнину времени, — пояснил мистер Престон в ответ на встревоженный взгляд Джона. — Я сразу подключился к течени-

ям. Именно поэтому все на берегу кажется нам таким неестественно маленьким и искаженным.

А на берегу уже ничего и различить толком было невозможно — какие-то красные и синие пятна. И все из-за скачка во времени и пространстве. Толчки волн отдавались по всему корпусу судна низким басовым гудением, которое Джон чувствовал даже сквозь толстую подошву ботинок.

Преодолеть саму протяженность времени, вырваться из его уверенной и прямодушной хватки… Джон чувствовал, как мерзкая тошнота сжимает горло. Ему стало страшно, ибо они еще больше ускорили движение — не просто увеличили скорость, но увеличили само количество движения, которое, как он знал, правит во Вселенной, но которое никто не в силах определить с помощью органов чувств, ибо движение — это смешанная сила, объединяющая время и пространство.

Прочная палуба вдруг стала скользкой и извилистой; уплотнившийся воздух пел и расщеплялся, подобно молниям; весь мир вокруг стал каким-то странно пятнистым… Весь организм Джона сопротивлялся воздействию мощных затяжных приливов и отливов времени; грудь была

стиснута; в животе что-то булькало и переливалось; колени подгибались и были как ватные… Потом вдруг, причем безо всяких усилий со стороны его сознания, мышцы и сухожилия вновь обрели прежнюю упругость, тошнота прошла, и он судорожно, всем ртом вдохнул воздух, обнаружив, что воздух этот пропитан речной влагой и приятен на вкус.

— Все! Кажется, обрели равновесие. — Мистер Престон, видимо, давно уже наблюдал за мальчиком. — Я так и знал, что ты быстро очухаешься.

— А если б я не очухался?

Шкипер пожал плечами:

— Высадил бы тебя на берег на следующей стоянке. Больше тут ничего не остается.

— А как же пассажиры?

— Ничего, им внизу полегче. А на мостике приливные волны всегда бьют сильнее.

— Волны? — Джон окинул взглядом речной простор: поверхность воды была ровной, точно столешница.

— Не речные. Волны времени. Пассажиры, у которых с головой не все в порядке, могут просто лечь и не вставать, пока мы не доберемся до нужного им места. Они, собственно, по большей части так и поступают.

Джон всегда считал, что главная задача шкипера — удержать судно на плаву и успешно миновать все отмели и прибрежные скалы, что, в общем, не так уж и трудно, поскольку река очень широка. Но, молча наблюдая за мистером Престоном и за тем, как он аккуратно обходит каждый вздувшийся на поверхности пузырь густой коричневой придонной жижи, как вместе с водой буквально обтекает блестящие, точно золотистый расплавленный металл, бромистые отмели, как с изяществом танцора без конца вращает рулевое колесо с дубовыми спицами и дирижирует звериным оркестром индукционных двигателей, как он руководит командой в целом, мальчик понял, сколь сложны возложенные на плечи шкипера задачи. Прервать исполнение столь элегантного «гавота» каким-то вопросом казалось Джону не только опасным, но и совершенно непростительным преступлением. И кроме того, это было так красиво!

Ответственность шкипера Джон постиг в полной мере, когда какая-то торговая шаланда, стремительно несшаяся вниз по реке, чуть не столкнулась нос к носу с могучей «Начес». Не желая отклоняться от заранее проложенного курса, мистер Престон решил наказать наглецов

и буквально срезал два длинных рулевых весла шаланды. Едва смолк хруст и скрежет, как из уст краснорожих торговцев, сидевших в шаланде, взметнулся целый фонтан отборных ругательств. Лицо мистера Престона осветила радостная улыбка: цель была не только достигнута, но и противник в отличие от бессловесной команды «Начеса» *мог дать отпор!*

Шкипер даже высунулся наружу и тоже осыпал неосторожную шаланду проклятиями. По мере того как шаланду уносило течением все дальше от корабля, ругательства торговцев слышались все слабее, а мистер Престон, напротив, все прибавлял громкости, яростно призывая на головы идиотов гнев таких богов и такие кары, о каких Джон никогда даже не слышал. Когда же шкипер наконец снова задраил иллюминатор, то казался совершенно успокоившимся, словно не только излил весь имевшийся запас ругательств и проклятий, но и полностью избавился от напряжения, связанного с отплытием.

— Господи, сэр, ну и здорово вы им дали! — сказал кто-то у Джона за спиной.

Оказалось, что это Стэн. Он прямо-таки весь лучился, с восхищением слушая этот поток сквернословия.

Но появился он явно некстати. Мистер Престон пронзил его гневным взглядом:

— Ты кто такой? Палубный матрос, а лезешь со своим мнением! А ну-ка быстро носом в палубу!

Так что прошло еще несколько часов, прежде чем Джон понял, почему Стэн вообще оказался на судне. Его новый приятель все это время доводил до блеска и без того безупречно чистую каюту шкипера, драил железный трап и оттирал захватанные грязными руками сосновые поручни. Когда Джон отыскал его на корме, он наслаждался миской похлебки из черных бобов. Выразительно на него глянув, Стэн сказал:

— Сокровища — вот из-за чего я подписал контракт! Палубному матросу платят сущие гроши, а от течения времени меня укачивает и уже через секунду начинает тошнить. Но я не сдамся!

— Сокровища? — удивился Джон.

— Ну да, эти водородные шляпы. Я их все время высматриваю. Только никто никогда их не видел в наших местах. Во всяком случае, в низовьях никто ни одной не встречал. Так что, наверное, ты все-таки промахнулся, спустившись так далеко. Эти шляпы точно попадаются значительно выше!

Джон молча кивнул и стал слушать болтовню

Стэна о звездных сапфирах и огромных рубинах, которые только его и ждут. Он с трудом сдерживался, чтобы не рассмеяться и не рассказать этому дуралею всю правду. С другой стороны, это вранье, собственно, и помогло ему завести друга там, где он этого никак не ожидал: в том страшном городе.

— Хотя жалко, конечно, что тебе пришлось прервать свои *настоящие*поиски, — лицемерно посочувствовал ему Стэн.

— Что? — Джон тоже сунул в рот полную ложку бобов, чтобы не выдать себя: странное замечание Стэна застало его врасплох.

— Ты снова промахнулся, — ехидно заметил Стэн. — Тот зом и был тем, кого ты так хотел отыскать. Только ты хотел найти этого человека в его первой жизни, а она тоже осталась гораздо выше по течению.

И как только этому Стэну удалось, заглотнув наживку с идиотской историей про водородные шляпы, узнать практически всю правду насчет отца? Джон был поражен. Он что-то проворчал в знак согласия, неохотно кивнул и умолк; все дальнейшие разговоры на данную тему он решил полностью пресекать.

Еще спускаясь вниз по реке, он понял, что нель-

зя позволять другим развлекаться за твой счет сентиментальными историями о бедном мальчике, лишенном материнской любви и сильной отцовской руки, которому пришлось влачить жалкое существование в недружелюбной холодной атмосфере благотворительного заведения. Дело ведь обстояло совсем не так. Но если б он действительно рассказал людям всю правду, все тут же отшатнулись бы от него, побледнев от ужаса.

Глава VII
ТУРБУЛЕНТНОСТЬ

Глубина начиналась почти у самого берега. Придонные потоки брома и ртути вступали во взаимодействие с индукционными спиралями, насыщая судно необходимой энергией, а течение здесь было довольно быстрым, и на поверхность не успевали подняться ядовитые пары, разъедавшие корпус судна. В общем, стоять на вахте оказалось довольно легко.

Мистер Престон объяснил Джону, что «Начес», в отличие от других судов, должен прижиматься к берегу. Ну а встречные суда лениво выбирали самую середину, пользуясь сильным течением. Мальчик быстро научился некоторым приемам, помогавшим преодолевать подводные скалы, отмели, излучины и островки, то и дело встречавшиеся на пути. Однако он почти сразу пришел к выводу, что если когда-нибудь станет шкипером, то всегда будет только спускаться по реке вниз, а вверх по течению пусть поднимаются всякие психи.

Впрочем, временные шквалы с одинаковым

удовольствием трепали суда, идущие в оба конца.

Тьма, в которой словно слышался чей-то шепот, окутала корабль, когда они пересекали реку перед очередной петлей времени и находились точно на середине. А ведь согласно прогнозам, которые давались в городе только вчера, буря должна была пройти как раз в тех местах, от которых «Начес» теперь уже изрядно удалился.

— Быстро движется! — мрачно заметил мистер Престон, не сводя глаз с рулевого колеса.

Перед ними вырос столб белой, точно кипящей пены, исказив очертания берега и подернув красноватой дымкой лес и дальний луг. Джон, забившись в уголок рубки, старался припомнить и сообщить шкиперу каждую мелочь о той временной буре, которую пережил несколько дней назад. Но сведения его оказались ни к чему: шквал все набирал силу и в итоге, свернувшись узлом, превратился в некое подобие восьмерки, разбрызгивая черную воду и поднимая со дна фонтанчики жидкого серого металла.

Дождь хлестал по стеклам рубки. Гигантская циклоническая воронка словно всосала в себя весь свет. В небесах сверкали синие молнии. Глянув на берег, Джон увидел, что очертания

деревьев расплылись окончательно, превратившись в некое подобие паутины. Ветер, налетая со всех сторон одновременно, безжалостно хлестал судно, пригибал деревья к самой земле, выворачивал наизнанку листву, так что она казалась почти белой. По кронам деревьев словно цветные волны шли, и деревья испуганно всплескивали своими руками-ветвями.

Одна из корабельных труб с визгом раскололась и накренилась; верхушка ее рухнула на палубу, откатившись к носу. Матросы, правда, сразу же высвободили обломок и сбросили его за борт. Среди них Джон увидел и Стэна, который яростно что-то пилил, хотя ветер почти сбивал людей с ног. Из уст матросов то и дело вырывались проклятия, которые Джон мог прочитать по губам, но слов слышно не было: страшные порывы ветра тут же уносили прочь любой звук.

Да и ветер был необычный. Он рвал воздух в клочья, настолько искажая видимость, что казалось, будто матросы на палубе то движутся еле-еле, то вдруг начинают метаться с лихорадочной быстротой, а тела их при этом то уменьшаются, то увеличиваются, полностью теряя естественную форму под воздействием неких невидимых сил.

Затем — сссттт! — возник полный вакуум, по-

бедоносным сиянием взмыв в небеса. Неземной свет залил палубу, но берега скрывались во мгле. Верхушки деревьев то исчезали, то снова становились видимыми и раскачивались так, словно сражались с воображаемым противником. На середине реки вздымались валы пены.

Еще одно «сссттт!», удар, треск, и судно, подняв тучу брызг, рухнуло с высоты человеческого роста в какую-то горячую шипящую жидкость. На мгновение воздух вокруг стал темным, как смертный грех, а в небесах раскатисто прогремел гром — точно пустые бочки скатились по каменной лестнице.

И судно вышло из грозы. На расстоянии воронка посреди спокойной реки казалась просто бутафорским эффектом.

— На этот раз турбулентность времени оказалась не такой сильной, — заметил шкипер.

Но Джон думал иначе. Впрочем, он старался вообще ни о чем не думать. Усевшись на табурет, он хотел всего лишь побыстрее прийти в себя.

Когда позднее они встретились со Стэном, тот был очень удивлен тем, что рассказал ему Джон.

— Я был весь перекручен? И чуть на шпагат не сел? Да ты что! Я ничего подобного не чувствовал!

И Джон понял, что любой сдвиг во времени и пространстве связан с восприятием конкретного человека. Впрочем, обломок корабельной трубы, которую поспешно и в поте лица ремонтировали Стэн и другие матросы, явно свидетельствовал о том, сколь сильны могут быть и объективные изменения в потоке времени.

Подойдя почти вплотную к противоположному берегу, они осторожно огибали большую алюминиевую отмель, которая тускло поблескивала и была способна в одно мгновение содрать с корабля всю обшивку. Где-то здесь Джон тогда оставил свой ялик. Взяв у мистера Престона бинокль, он пытался разглядеть на берегу ветку с сине-зелеными листьями, которой отметил это место, но отчего-то ее не обнаруживал.

— Наверное, мой ялик кто-то украл! — гневно воскликнул мальчик.

— Или съел, — улыбаясь, заметил шкипер.

— Я его не выращивал! Он не живой. Я его сам сделал — с помощью пилы и молотка!

— В таком случае его, возможно, поглотило время, — пожал плечами мистер Престон.

Берега казались странно водянистыми, какими-то жидкими, словно представляли собой некую сине-зеленую эмульсию. Судно с трудом

ползло вверх по течению, а Джон, глядя вокруг, чувствовал, что уважение его к шкиперу все растет. Ничто на берегу не сохраняло свою форму достаточно долго, чтобы можно было решить, что же это такое в действительности. Холмы таяли, как сливочное масло, забытое на обеденном столе теплым воскресным днем.

И все же мистер Престон умудрялся заставить судно, танцующее на волнах, буквально изгибаться от носа до кормы, обходя очередное препятствие. Иначе, говорил он, корабль в мгновение ока собьется с курса и налетит на какую-нибудь корягу или топляк, распорет себе брюхо и надолго застрянет. Мутные глубины, в которых текут сонные потоки жидкого металла, способны устроить ловушку для любого судна и при любой глубине под килем.

Внезапно корабль тряхнуло: он буквально срезал кусок островка, возле которого возник небольшой водоворот времени, скрывая и без того затянутую туманом поверхность реки. «Начес» прошел так близко от лесистого берега, что деревья зашумели, а ветки застучали и зацарапали по корме, чуть не сбросив в реку чересчур любопытного пассажира, — кстати, после этого случая пассажир поспешил сойти на берег на первой же

стоянке и позабыл даже свой саквояж. Он сбегал по сходням, бормоча что-то насчет ужасных видений — обезглавленных женщин, которые являлись ему прямо в воздухе. Матросы веселились и строили рожи. И Джон вместе с ними.

Глава VIII
ВСЕПОЖИРАЮЩИЙ ЛЕД

О капризах индукционных судов ходили леденящие кровь легенды. Большая часть тех, кто жил рядом с рекой — а люди в основном все-таки предпочитали не жить с нею рядом! — хорошо знали истории о том, как индукционные суда внезапно возникали у причала, словно явившись из небытия, и с удивительной поспешностью ссаживали на берег пассажиров, разгружались и тут же отчаливали, завывая моторами, а через несколько секунд снова пропадали из виду: сперва, правда, уменьшаясь в размерах и истончаясь, затем иногда поднимаясь в воздух и после этого уже окончательно превращаясь в ничто.

Пассажиры других судов, пытавшихся догнать индукционный корабль, испытывали такое давление, словно их хочет раздавить чья-то протянутая сверху могучая длань. Кроме того, у них появлялось ощущение страшной усталости — особенно у тех, кто поднимался вверх по течению. В общем, люди старались селиться подальше от реки, даже если родились на ее бе-

регах, — что-нибудь в одном дне ходьбы от нее. При известном напряжении сил нормальный человек довольно легко мог добраться пешком или на лошади до ближайшего города на берегу, чтобы подороже сбыть выращенный им урожай или что-то купить. Большинство считало: пусть лучше индукционные суда плавают вверх и вниз по течению, торгуя различными грузами и возвращаясь назад с полными трюмами диковинок, заказанных местными жителями по каталогам с яркими картинками.

Кое-кто, впрочем, решался плавать на таких судах пассажиром, купив билет до того или иного пункта и желая не только попасть туда, но и совершить весьма рискованную прогулку по реке, испытывая себя. Пассажирские каюты «Начес» были убраны прямо-таки роскошно: мягкие кресла и диваны, двери из светлого дерева, украшенные филигранной резьбой — обычно в резьбе использовался какой-нибудь изысканный орнамент и сюжет из истории знаменитых искривлений времени и пространства.

В главной кают-компании вся стена была увешана цветными фотографиями великих шкиперов. А в каютах первого класса, где дверные ручки были фарфоровые, целую стену занимал

телеэкран, при должном уходе дававший отличное изображение. В барах были закругленные по углам потолки, чуть тронутые элегантной позолотой, а светильники на стенах напоминали посверкивающие на солнце капли дождя.

Днем пассажирам не возбранялось посещать общественные места в одних рубашках, без пиджака. К их услугам также был отличный парикмахер, в заведении которого всегда можно было взять чистое полотенце, чистую расческу и новый кусок прозрачного мыла.

Все это производило на Джона неизгладимое впечатление. Он никогда еще, даже дома у шкипера, не видел такой красоты и роскоши. Пассажиры, садившиеся на судно близ маленьких жалких деревушек, во множестве разбросанных по берегу, вызывали у него в первые дни истинное преклонение. Однако три дня плавания придали ему уверенности в себе, и он тоже стал посматривать на пассажиров в запыленной, помятой одежде с некоторым презрением, подражая более старым членам экипажа.

Однако он отлично понимал, что до шкипера ему далеко, как до неба. Морщины на лице мистера Престона свидетельствовали о многочисленных пережитых им катаклизмах, во время

которых сталкивались различно заряженные потенциалы времени. Речь шкипера отличалась удивительным богатством — от куртуазной и элегантной лексики образованного жителя низовий до грубоватого народного говора, полного поговорок и бранных словечек. Шкиперы прекрасно понимали, что каждое плавание — это поход в вечность.

Джон старался всегда быть под рукой, чтобы в случае необходимости мистер Престон мог воспользоваться его знаниями. Впрочем, этим его нужность на судне и ограничивалась. И если индукционные кольца вдруг замирали в неподвижности, Джон кубарем скатывался вниз вместе с остальными матросами, повинуясь любой отрывисто произнесенной шкипером команде. Сам же мистер Престон, разумеется, всегда оставался наверху.

Просторное машинное отделение всегда было наполнено шумом и криками потных кочегаров, орудовавших лопатами. Та сила, что двигала судно вверх по оси времени, была порождена — причем совершенно независимо от времени — огромным медным механизмом, вращавшимся между магнитами, похожими на черных мамонтов.

Процесс перемещения в прошлое высасывал из стонущего металла огромное количество энергии. Но, без конца пересекая реку от одного берега к другому, огибая рифы и бромистые отмели, шкипер порой направлял судно как бы перпендикулярно течению, и тогда получалось, что они поднимаются вверх, если воспринимать это с точки зрения бега самой воды, но спускаются вниз, если воспринимать это с позиций временных петель.

Иных доказательств, что это действительно так, отыскать было невозможно, но однажды Джону показалось, что он видел вдали огромный корабль, похожий на призрак. Корабль странно вспыхнул и в мгновение ока стал реальностью: из больших толстых труб он изрыгал клубы черного дыма, а орудийные порты мерцали фиолетовым светом. Корабль плыл не по воде, а по воздуху, словно чудовищное насекомое; винты его перемалывали туман над водой. Больше всего судно было похоже на гигантского, раздувшегося от крови москита, который решился напасть на металлического кита, распростертого внизу.

Потом — сссттпп! — просвистел ветер, и там, где только что плыл корабль, блеснула пустая поверхность реки, и тут же крик с нижней палубы

возвестил полный аврал.

Стэн показал Джону трубы и кабели, уже покрывшиеся молочно-белым льдом толщиной с ладонь. Расположенные рядом бойлеры усиленно гнали в помещение жаркий воздух, однако поток времени внутри самих труб и кабелей так быстро высасывал из них энергию, что лед никак не таял.

Джон вместе с остальными членами команды принялся скалывать и соскребать лед. Это оказалось весьма трудным занятием. Когда здоровенный кусок льда отвалился и упал Джону прямо в руки, он успел разглядеть одну из труб, ведущих внутрь индукционного двигателя. Обычно такая блестящая, поверхность этой медной трубы была сейчас жутковато черной.

Нагнувшись пониже и чуть не ткнувшись в трубу носом, Джон услыхал, как трещит даже воздух, замерзающий от соприкосновения с металлом.

— Эй, держись подальше! — крикнул ему кто-то из матросов и рывком оттащил его от трубы как раз в тот момент, когда во льду вдруг открылось странное отверстие, щелкнувшее краями, точно хищная пасть; затем края отверстия столь же внезапно сомкнулись, и воздух, с шумом устремившийся в создавшийся вакуум, мгновенно сам

себя заморозил, успев всосать и новую порцию воздуха.

А вот матросу, работавшему неподалеку, повезло значительно меньше: он умудрился вморозить в твердокаменную глыбу льда сразу три пальца, попав ими в одну из таких внезапно приоткрывшихся щелей. Однако на его крики, похоже, никто не прореагировал; никто даже головы не повернул; все думали только о том, как бы побыстрее сбить с труб и кабелей ледяной панцирь. Однако лед нарастал с невероятной быстротой.

Один из кабелей, просев под все возрастающей тяжестью, с резким щелчком вылетел из гнезда. Послышалось тонкое пение тока высокого напряжения, и Джону стало по-настоящему страшно.

Он и раньше слышал истории об индукционных судах, полностью замерзших таким вот образом — из-за неописуемого холода, вызванного инверсивным потоком времени, из всего на свете высасывающим тепло, воздух и жизнь. Такие корабли-жертвы обнаруживались порой совсем не там, где был пункт их назначения, а на расстоянии многих лет и миль оттуда — этакие вечные айсберги цвета слоновой кости, спокойно плывущие по реке времени, кажущейся такой мирной и спокойной.

Джон изо всех сил рубил лед, вооружившись кузнечной кувалдой. Мороз стонал, пожимал плечами, потрескивал суставами, но по-прежнему усиливался, стеная от боли, точно живое существо.

В противоположном углу моторной снова послышался крик — хищный лед поймал за лодыжку какую-то женщину. Снаружи доносились пронзительные вопли бури. Дохнуло ледяным ветром, словно возмещая нехватку кислорода. Матросы тоже закричали от неподдельного ужаса.

И тут, перекрывая все вопли и шумы, раздался рык капитана:

— Отставить! Ровней, ребята! А ну навались на ваги! Томсон, давай быстрей! Да разбей ты его, сынок!

И вдруг вой ветра стих, лед перестал нарастать…

— Ага, — вздохнул с облегчением капитан, — наконец-то наш шкипер соизволил выровнять курс!

Джон даже немного обиделся за мистера Престона: ни один шкипер в мире не способен точно рассчитать вектор флуктуаций времени. Куда справедливей было бы сказать, что это мистер

Престон вытащил их из поставленной временем ловушки!

Между прочим, о судах, которыми управляли действительно неумелые шкиперы, истории рассказывали страшные. Некоторые индукционные корабли, поднимавшиеся вверх по реке, полностью выходили из-под контроля и превращались в настоящие айсберги с напрочь вмороженной в лед командой. А те суда, что спускались по течению, превращались порой в раскаленные добела глыбы металла и взрывались задолго до того, как успевали достигнуть легендарного водопада у конца времен.

Но капитан «Начес» явно не желал вспоминать ни одну из этих историй. И Джон понял, сколь уязвимо положение шкипера на корабле и какую жесточайшую критику вызывают его действия при малейшем просчете или ошибке.

Глава IX
КАИР

Фляги и бочонки всех форм и размеров загромождали причал, но из рубки прекрасный зеленый город был виден неплохо.

Даже скучные здания коммерческих складов и пакгаузов буквально тонули в зелени декоративных кустарников и покрытых молодой травкой газонов. Жители Каира поистине достигли совершенства в искусстве выращивания практически любой вещи на своих богатых суглинках. Это искусство, кстати весьма быстро распространявшееся и уже завоевавшее популярность, пригождалось повсюду: куда проще было вырастить, скажем, готовый дом, чем сажать и выращивать деревья только для того, чтобы потом срубить их, очистить от коры и распилить на доски, брусья, стропила, подпорки, перекладины, лестницы и так далее.

Однако искусство это, такое веселое с виду, требовало глубоких знаний, ибо приходилось проникать в самую суть природы живых вещей.

У причала на «Начес» три раза ударили в ко-

локол. Члены команды таких судов, особенно жители верховий, часто имеют в каждом порту по возлюбленной и особым сигналом возвещают, какой именно корабль прибыл, чтобы уважаемые дамы могли встретить его в порту — порой для того лишь, чтобы час или два провести со своим любовником, а потом помахать ему рукой на прощанье, когда он отправится дальше. Капризный нрав реки времени приводил к чересчур многочисленным и чересчур поспешно заключенным связям. Зато почти на каждой стоянке и капитан, и команда могли наслаждаться новым «блюдом», не менее аппетитным и абсолютно необременительным. Если, конечно, у них хватало на это сил.

Какая-то краснолицая особа, громко топая, промчалась мимо Джона по сходням, когда он сходил на берег. Он даже головы ей вслед не повернул, думая лишь о том, что сегодняшний вечер проведет здесь, в самом большом из речных портов.

В ушах у него все еще звучали разнообразные истории, рассказанные шкипером и членами команды, и он чувствовал, что судьба и ему тоже вскоре бросит свой вызов. А потому сразу же направился в муниципалитет и просмотрел регистрационные списки горожан. Но никакой

записи, касавшейся его отца, там не обнаружил. Впрочем, надежда, что удастся найти какой-то след отца, была весьма смутной. Вряд ли его отец допустил бы, чтобы за ним следом тащился какой-то клочок бумаги — точно бродячий пес, который в любую минуту может его укусить. Подавив разочарование, Джон постарался разжечь в душе былой гнев, теперь всего лишь тлевший, и этот огонь дал ему запас новой энергии.

Вскоре его догнал Стэн, и они вместе принялись исследовать улицы Каира, причем Стэн без умолку болтал, а Джон упорно молчал и шел вперед, сунув руки в карманы и совершенно обалдев от того, что видел.

Саморастущие дома появлялись из плодородной почвы целиком, без единого шва. Торговцы семенами пользовались яркой неоновой рекламой, и отовсюду на прохожих глядели огромные буквы объявлений, написанных с помощью новых технологий: «Мастерство растет без помощи мастерка!», «Домопитомник» и даже «Цветущие дома с доставкой на дом!».

Джон и Стэн заходили в охрипшие от множества голосов бары, в красивые, с прозрачными арочными кровлями пассажи, видели какие-то ползучие, расположенные ровно по кругу здания

многочисленных промышленных предприятий, и все эти дома были сделаны аккуратно и безо всяких усилий со стороны строителей, а выглядели очень элегантно. Их шелковистая древесина обладала душистым, чуть тяжеловатым ароматом. Во дворах они заметили немало женщин, работавших на станках, которые росли прямо из влажной земли.

Стэн спросил у одной из работниц, почему они не выращивают и одежду прямо на кустах, и она со смехом ответила:

— Мода слишком быстро меняется, сэр! За ней не угонишься, если ждать, пока твое платье вырастет.

И женщина презрительно фыркнула, глянув на штаны и куртку Стэна, давно утратившие всякую форму.

В общем, вся эта роскошь и процветание вызвали у Стэна лишь желание напиться, и вскоре они с Джоном уже брели по какой-то подозрительно темной улочке, где воняло, как выразился Стэн, «использованным пивом».

В этом районе Джон заметил множество женщин, выглядевших как-то странно и неряшливо — в ярко-красных бюстье или в черных корсетах на косточках. Полуодетые женщины

стояли на пороге почти каждого дома, призывно глядя на юношей, и Джон почувствовал, что краснеет. И сразу же вспомнил одну историю, случившуюся с ним в той школе, которую был вынужден посещать и в которой над ним вечно смеялись, потому что он был из приюта.

Однажды тренер легкоатлетической секции выдал мальчикам по листку особой бумаги и ручку с симпатическими чернилами и велел рисовать кружок каждый раз, когда им случится мастурбировать — «обмениваться рукопожатием с лучшим другом», как он выразился. Невидимые чернила должны были смягчить любые неловкие ситуации.

В конце месяца все мальчики сдали листки тренеру. Он развесил их рядами, задернул шторы и включил специальную лампу. В фиолетовом свете лампы кружки постепенно становились видимыми, и мальчишки примолкли.

«Вот, — приговаривал тренер, — так и Господь все ваши грехи видит!»

С помощью этой акции тренер надеялся отвратить мальчиков от занятий онанизмом, ибо, как считалось, подобные развлечения высасывают последние мозги. Однако же демонстрация «кружков» привела лишь к бесконечным спорам

и похвальбе. Стоило мальчикам выйти из класса, и каждый принялся утверждать, что «кружков» у него куда больше, чем у остальных. Но самым большим оказалось число 107.

Джон набрал всего лишь 86 «кружков» и был этим несколько смущен, чувствуя, что если б знал, для чего все делается, то легко набрал бы сотню, а то и больше.

И теперь, в Каире, где впервые в жизни женщины были для него абсолютно доступны, он начал сомневаться в собственных возможностях, да и возбуждения почти не испытывал: эти женщины, что подмигивали ему блестящими глазами хищниц, манили наманикюренным пальчиком и кокетливо поднимали иссиня-черную бровь, отчего-то совсем его не привлекали. Кроме того, он чувствовал, что было бы неправильно заняться этим здесь и сейчас, когда не решены куда более важные проблемы. Стэн, правда, отпустил пару шуток по поводу его смущенного вида, но Джон уверенно ответил на шутки автоматной очередью ругательств: «уроки» мистера Престона явно не прошли даром.

Он так разозлился на Стэна, что у него даже живот заболел. Бросив приятеля, уже начавшего торговаться с какой-то обладательницей молоч-

но-белой кожи, огненно-рыжих волос и широких, как река, бедер, Джон быстро пошел прочь и вскоре исчез из виду, растворившись в сгущавшейся тьме ночного города.

Глава X
ПОВЕЛИТЕЛЬ ЗОМОВ

Он буквально утонул в лабиринте окутанных чернильной темнотой улиц. До него долетали невнятные реплики прохожих, но он не прислушивался, а упрямо шел неведомо куда по темным портовым кварталам, скрывавшимся в тени гигантских складов и фабрик. Жизнь здесь била ключом: заключались самые разнообразные сделки, шла торговля «временной» рабочей силой, то есть зомби. Здесь же располагались литейные мастерские, лавки, торгующие самой разнообразной техникой — маслобойками, льночесалками и тому подобным, — высились огромные темные элеваторы, приспособленные для хранения любых зерновых культур. И все это произрастало на участках плодородной земли в специальных питомниках, где искусство ухода за выращенными вещами достигло невероятных высот.

Впрочем, нельзя было не отметить, что недостатки у подобного способа все-таки были. Мерзкая желтая слизь покрывала булыжные

мостовые Каира; эта скользкая дрянь липла к подошвам, явно стремясь употребить в пищу и человеческую плоть. Глубокие сточные канавы, больше похожие на траншеи, были полны вонючей жижи; в одних эта жижа застаивалась и загустевала, приобретая отвратительный коричневатый оттенок, а в других текла свободно почти вровень с краями канавы и тротуаром.

У каждого здания торчала огромная бочка высотой в два-три этажа, являвшаяся как бы отростком самого здания и выбросившая свои корни-ходули далеко в стороны, чтобы поддерживать в равновесии ту огромную массу дождевой воды, которая скапливалась в бочке. Вблизи реки всегда было достаточно трудно содержать колодцы в порядке, тем более в жарком Каире. Мимолетные, но мощные ливни — вот и все, что доставалось этому городу. И словно для того, чтобы эта мысль запомнилась Джону как следует, туман вдруг начал сгущаться, и вскоре капли дождя уже пятнали его куртку.

Он спустился в нижнюю часть города, где улицы были тихи и пустынны, точно в воскресный день. Впрочем, по стальным значкам на ветхих домишках он легко догадался о причине подобной тишины. Значки представляли собой

довольно сложные и какие-то изломанные шифры или монограммы, похожие на прихотливо переплетенную паутину. Несмотря на темноту, Джон сумел все же различить символ бизнеса, связанного с торговлей зомби: в орнамент этих знаков были вплетены череп и кости.

«Должно быть, виною всему мое вечное невезение», — подумал он, потому что как раз в эту минуту всемирная стена почти перестала светиться.

Когда ветер разметал сеявшие мелкий дождь тучи, оставив в воздухе промозглую сырость, Джон увидел высоко над головой кусок всемирной стены, как бы перекрытый островком наносного песка, из-за чего данная часть города, по всей видимости, большую часть суток оставалась весьма слабо освещенной. Значит, торговцы зомби решили разместиться именно здесь, во мраке этих жалких улочек…

Джон помочился на стену одного из зданий, решив, что дополнительная влага только поспособствует его дальнейшему росту, но все же предусмотрительно отошел для отправления столь естественной надобности в темный переулок. И слава богу: по улице, на которой он только что стоял, проследовал, шаркая ногами, целый

полк женщин-зомби.

Зомы были кожа да кости, холодные, желтолицые, с каким-то ошалелым видом посматривавшие по сторонам. Вдруг одна из женщин заметила Джона, ухмыльнулась, раззявив свою страшную пасть, и хищно облизнула губы; потом она одной рукой задрала юбку, а второй ткнула указательным пальцем в причинное место и вопросительно приподняла брови. Джон был настолько потрясен этим непристойным жестом, что так и застыл с незастегнутыми штанами. Наконец женщина-зомби пожала плечами и двинулась следом за своими жалкими товарками. Лишь через несколько мгновений замершее от ужаса сердце Джона вновь забилось, и он поспешил привести себя в порядок.

Все давно уже воспринимали зомби как нечто необходимое и естественное, созданное исключительно для того, чтобы выполнять самую тяжелую и неприятную работу. Но сколько Джон ни уверял себя в этом, дыхание у него все же перехватило, в груди еще долго чувствовалось некоторое стеснение, а сердце билось неровными скачками. Он поглубже вдохнул теплый воздух, напоенный ароматами зелени и земли, и прошептал свое излюбленное заклятие.

Сначала он ничего не почувствовал, но потом чья-то невидимая рука ласково сжала его руку. То была мозолистая трудовая рука немолодого человека. Он с детства ощущал прикосновение этой руки, особенно в тяжелые моменты; с того самого дня, когда его отец исчез в крови и огне и весь его мир разом рухнул.

Да, это началось именно тогда, в ту самую ночь. Каким-то образом Джону всегда было ясно, что в царстве духов непременно поймут и причину этого пожара, и жаркую ненависть, сжигавшую его душу. Тогда он просто поднял вверх руку, ощущая сжатым кулачком жар пылавшего дома, и тут же почувствовал, как чья-то твердая теплая ладонь накрыла и ласково стиснула его пальцы.

Годы спустя, когда с ним произошел еще один весьма неприятный случай, он попытался разглядеть, чья же это рука. Однако и сама рука, и ее хозяин оставались невидимыми, хотя прикосновение руки он чувствовал отчетливо, а в воздухе, точно осенняя паутинка на солнце, светились какие-то крошечные кристаллы — по всей видимости, это и было некое проявление сущности невидимого хозяина руки. И выглядело это гораздо более реальным, чем какие-то демоны или манна небесная.

Рука, протянутая Джону из мира духов, помогла и на этот раз, придав ему сил. Несколько приободрившись и осмелев, он пошел по улице, разглядывая фасады домов, освещенные тусклыми масляными светильниками и высматривая того, кто был ему нужен: истинного повелителя зомов.

И вскоре он его нашел. Это был высокий мужчина в угольно-черном костюме, похожий отчего-то на трубочиста. Он сидел в просторном кабинете за допотопным письменным столом с каменной столешницей и царапал старинным пером по листу пергамента. В стенах комнаты имелись глубокие альковы, погруженные во тьму.

— Я ищу своего… отца. Я подумал, может быть…

— Да, да, — пробормотал мужчина. — Старая история. Ладно, проходи и смотри сам.

Подобная реакция ошеломила Джона настолько, что лишь несколько минут спустя он до конца осознал, что именно видит перед собой.

Мрачные масляные светильники отбрасывали тусклый желтоватый свет на длинные ряды поставленных «елочкой» дощатых столов, на каждом из которых лежал труп взрослого человека. Тела были не в саванах, а в обычной и порой

весьма грязной рабочей одежде. Джон шел по проходу, вглядываясь в бескровные застывшие лица. Затем он прошел вдоль альковов; там оказались тела детей, завернутые в белые саваны.

Каждое тело было как бы накрыто металлической клеткой штативов. Различные оживляющие жидкости бледных цветов стекали по трубкам в ноздри мертвецов и в ритмично работавшие, но находившиеся вне тел сердца — узловатые красные мешки мускулов, прикрепленные к ребрам зомов снаружи. Хитроумное зелье неторопливо делало свое дело, проходя сквозь сердце и посылая слабые импульсы от едва вздымавшейся груди в толстый кишечник и дальше — к дрожащим нижним конечностям. Выполнив свою задачу, жидкости, став темно-зелеными, изливались из анального отверстия и стекали в узкие канавки, сделанные в толстых досках пола.

Слушая доносящиеся со всех сторон стук капель и тихое журчание, Джон вернулся к ужасающих размеров письменному столу хозяина — островку света в этом леденящем и каком-то липком полумраке — и сказал:

— Его здесь нет.

— Ничего удивительного. Они у нас не задерживаются. — По глубоко посаженным глазам

хозяина ничего прочесть было нельзя.

— А вы не помните, к вам не попадал мужчина… похожий на меня?

— Имя-то у него было?

Джон назвал имя отца. Даже всего лишь произнеся его, он почувствовал, как шевельнулся в душе застарелый гнев, и невольно скрипнул зубами. Повелитель зомов внимательно посмотрел на него, медленно перелистал регистрационный журнал в кожаном переплете и сказал:

— Нет, у меня он не числится. А знаешь, я, пожалуй, кое-что припоминаю…

Джон так и вцепился ему в плечи:

— Что?

— Потише. Потише, я сказал! — Повелитель зомов отшатнулся, и Джон выпустил его. Тот выпрямился, встряхнулся, как курица, которую только что потоптал петух, и заорал: — Кретины чертовы! Вечно вы сюда без спросу вваливаетесь и начинаете…

— Говори, что ты вспомнил!

Видимо, голос Джона звучал так, что хозяин ужасного заведения замолчал, внимательно посмотрел на него, а потом вполне миролюбиво сказал:

— Да вот я как раз и пытаюсь вспомнить. И

нечего тебе его у меня на столах искать. Этот человек… он как-то связан с нашим бизнесом.

— С торговлей зомби?

— Да. По-моему, он один из поставщиков.

От неожиданно нахлынувших воспоминаний Джону стало трудно дышать. Его отец работал лишь время от времени и где придется; он всегда легко находил работу и столь же легко с ней расставался. И всегда эта работа попахивала криминалом.

— Ты, по всей видимости, прав… — пробормотал он.

— Ну да. Он примерно раз в неделю приводит сюда целый взвод.

— Откуда?

— Говорит, что добывает их по деревням.

— Да, похоже на то.

Хозяин заведения концом старинной ручки с железным перышком перелистал страницы своей амбарной книги. И только тут Джон заметил, что он однорукий.

— Да, вот: поставщик зомов, лицензия номер… Ну и так далее. — На Джона он не смотрел. — Если хочешь, взгляни, кого он недавно набрал.

— Да? А где?

— У него есть сарай, где он их держит. Наберет

достаточно и сюда приводит для подкормки, чтоб у них силы были.

— Где же этот сарай?

— Он как-то говорил, что кварталах в семи отсюда.

— В какую сторону?

— На углу улицы Благовещения. Здоровенный такой сарай под жестяной крышей.

Джон спешил по скользким от дождя улицам, покрытым слизистой дрянью, и от волнения умудрился два раза сбиться с пути. Когда он уже подходил к нужному сараю, то увидел, что из задней двери выскользнула какая-то темная фигура. Человек этот торопливо бросился прочь, не заметив спрятавшегося в тени Джона. В сарае же не оказалось никого, кроме пяти зомов, лежавших на дощатых нарах. Трупы были заморожены; бронзовые таблички с номерами прикрывали их лица. Отвратительный вкус предательства, который Джон давно уже чувствовал во рту, все усиливался. Он поспешно осмотрел пустые комнаты — в них, по всей видимости, зомы трудились днем. В тусклом сером свете все предметы вокруг казались призрачными и будто таившими некую угрозу.

Даже не осмотрев еще помещение до конца,

Джон понял, что повелитель зомов явно обвел его вокруг пальца. Возможно, он сразу узнал его и, пока Джон искал этот сарай, успел каким-то образом предупредить отца, и тот снова ускользнул.

Я, конечно, не умнее этих гадов, думал Джон, зато я моложе! Минут десять он бежал, сломя голову, по лабиринту темных улиц, пока не заметил впереди знакомую темную фигуру. Однако этот человек тоже бросился бежать, хлопая развевающимися полами пальто. Пробегая мимо рынка, он вдруг свернул и помчался стрелой меж абсолютно пустых рядов прилавков.

Он явно гораздо лучше Джона знал, куда нужно бежать, а потому все время выигрывал расстояние. Но каждый раз Джон упорно нагонял его. Наконец они оба вылетели на широкую Гальвец-стрит, ведущую прямо в порт, и помчались по ней.

Теперь убегавшему деваться было некуда. Он скатился по широким каменным ступеням на причал и прыгнул в привязанную к столбику моторную лодку довольно странной формы, торопливо стараясь запустить двигатель.

Джон услышал, как мотор кашлянул и громко застучал без перебоев. В отчаянном рывке он попытался было догнать лодку, но она вырвалась

на речной простор раньше, чем он сбежал по каменным ступеням на причал.

Моторка с воем устремилась вверх по реке, и Джон, ощущая во рту все тот же отвратительный кислый вкус, понял, почему у этого суденышка такая странная форма: лодка была снабжена индукционными спиралями.

А беглец даже ни разу не оглянулся.

Глава XI
В ЛАБИРИНТЕ ПРОШЛОГО

Три глубоких, звучных удара колокола проплыли над величественным покоем реки, а несколько мгновений спустя послышалось эхо, тройное, но как бы несколько укороченное.

— Ага, значит, мы совсем близко от электрической дуги, — сказал мистер Престон.

Джон, прищурившись, вгляделся во тьму.

— Ничего не видно!

— Удары колокола, искаженные ветром времени, вернулись к нам в виде тройного эха. Это самый верный признак. Лучше даже, чем когда видишь дугу собственными глазами, потому что она порой полностью искривляет пространство, искажая визуальное представление о нем.

Честно говоря, Джон все-таки предпочел бы увидеть эту дугу собственными глазами, увидеть эти предательски вздыбленные вспененные волны, потому что у него на глазах, когда он спускался вниз по течению, такая дуга в щепки разнесла чью-то плоскодонку. Глухое шипение разнеслось над поверхностью реки. Джон

мучительно ощущал свое одиночество, свою оторванность от людей, от кипящего жизнью теплого Каира, хотя от этого города их пока что отделяло всего несколько часов пути.

По правому борту во тьме высилась плотная стена темного леса, временами чуть светлевшая и становившаяся просто серой. Мистер Престон снова позвонил в колокол, и на этот раз эхо откликнулось быстрее и громче.

А потом река, казалось, распахнула свои одежды, обнажив сперва пенистое придонное течение, затем ряд великолепных водяных арок, взметнувшихся к небесам. Джон и мистер Престон молча вскочили и встали, широко расставив ноги и словно бросая вызов могущественному противнику. Но когда судно подошло ближе к аркам, стараясь держаться берега, поверхность воды перед ними оказалась гладкой, как зеркало; на ее серой глади расплывались сероватые полосы ртути, а в неестественно застывшем воздухе вспыхивали, точно радужные флаги, клочья сверкающего тумана.

И вдруг это кажущееся спокойствие будто раскололось. От страшного удара грома зазвенели стекла в рубке.

— Ого! — воскликнул мистер Престон и резко

хлопнул по кнопке на приборной доске, увеличивая мощность индукционных двигателей. Палуба так и затряслась от их гула.

— Ну что, она такая же, как и в прошлый раз? — спросил он Джона, не сводя глаз с великолепных арок над рекой, которые теперь вспыхивали мерцающим розовым и синим огнем.

— Да, сэр. Только самая высокая арка была потолще внизу.

— Неужели ты проплыл прямо под ними?

— Что вы, сэр! Я вылез на берег вон у той песчаной отмели.

— И был, черт побери, глубоко прав!

А Джону тогда, совершенно измученному бесконечной болтанкой, ничего другого и не оставалось. Но он больше ничего говорить не стал. Палуба под ногами раскачивалась, подпрыгивала, жалобно стонала…

— У берега здесь сплошные водовороты, — сказал шкипер с затаенной тревогой. — Пока дугу не пройдешь, покоя не жди. Может так закрутить, что и костей не соберешь.

Они летели вдоль берега, так близко прижимаясь к нему, что ветки деревьев хлестали по корабельным трубам. Туман приобрел какой-то воспаленно-розовый оттенок, моторы басови-

то гудели, и дрожь во всем корпусе корабля передавалась Джону через подметки ботинок, пронизывая его насквозь.

— Держись крепче, впереди большая волна! — крикнул мистер Престон, хотя все и так старались держаться за любую опору. И тут волна ударила в борт судна.

После этого удара «Начес» так закрутило, что судно погрузилось в воду чуть ли не по капитанский мостик. На сей раз дуга пролегала точно поперек реки — страшная раззявленная пасть ртутно-бромистого чудовища, в которой бурлили потоки коричневой и серебристой жижи, завиваясь и переплетаясь, словно линии магических символов. Корабль завертелся волчком, в точности как любимая детская игрушка Джона, которую когда-то подарила ему мать и которая обладала удивительной способностью стоять вертикально, пока не закончится вращение. Джон почувствовал, что его сейчас вывернет наизнанку, и воспоминания о детстве тут же улетучились.

Вращение, впрочем, продолжалось не более нескольких секунд, а затем на рубку обрушился чудовищный водяной вал. Судно накренилось и почти легло на борт. Временной момент враще-

ния пилой впился в стонущую обшивку. Один из вихрей так стиснул «Начес», что буквально «сжевал» одну из корабельных труб. Джон совершенно оглох от грохота; в ушах стоял звон. Огромные рубиновые молнии то и дело светящимися деревьями вставали над водой; пугающие блики метались по палубам судна, точно лаская их. Кругом слышались крики. Нет, не крики — вопли!

Сперва двигаясь поперек течения, а затем несомый им, корабль сделал резкий рывок и высвободился из пут дико воющего урагана. Через несколько секунд они миновали очередную излучину реки и стали на якорь под прикрытием лесистого берега. Обычно подобные непредвиденные остановки шкипер судна воспринимает как досадную оплошность со своей стороны, но в данном случае остановку после прохождения столь серьезного препятствия на временной оси можно было счесть даже неким вознаграждением — вроде жалких чаевых, которые оставляют официантам после обильного банкета.

После того как они буквально с барабанным боем пробивались вверх по реке, их вдруг окутала полная тишина. Джон во все глаза смотрел на берег, выискивая запомнившиеся ему приметы,

и на реку, пытаясь заметить вдали ту моторку, на которой уплыл человек в темном костюме.

Он никому не рассказывал о своих переживаниях и приключениях, и тем не менее мистер Престон время от времени внимательно на него поглядывал. А Стэн, вдоволь поиздевавшись над ним из-за его трусливого бегства от проституток, продолжал приставать к нему с дурацкими вопросами о несуществующих «водородных» шляпах. Так что Джону приходилось не только все время что-то выдумывать в ответ, но и стараться подмечать то, что происходит на реке и на берегу, где сплошной стеной высился густой лес.

Джону здешнее богатство природы казалось более весомым, таинственным и всеобъемлющим, чем богатство расположенных в низовьях крупных городов, хотя эти свои чувства он вряд ли сумел бы выразить словами, ибо ему пока не хватало ни знаний, ни опыта, чтобы как следует распробовать дикую природу на вкус. Понимание ее, хотя бы частичное, достигается лишь с годами и, возможно, является единственным вознаграждением за прожитую жизнь. Впрочем, некоторые предпочитают называть это мудростью.

Он только еще начинал понимать, сколь могучи, хотя и неуловимы порой, причинно-

следственные связи, неторопливо и неуклонно осуществляющие свою работу в мире дикой природы, да и во всей реальной действительности, пронизывая все ее бескрайние перспективы, все царства, все бесконечно малые структуры, связанные с неразрывным единством дерева и листа.

Молодые должны прокладывать свой путь в мире, представляющем собой гигантскую головоломку, думал Джон, дивясь бесконечной смене цветов и ароматов на реке и на берегу и чувствуя себя учеником этой вечной текучести и одновременно ее пленником. Он знал, что серебристая красавица-река может внезапно разгневаться, потемнеть, вскипеть пеной и засосать судно в свои темные глубины или же, напротив, зашвырнуть его в небесную высь, взорвавшись вдруг могучим гейзером. И то, и другое, думал он, будет очень красиво, но тем не менее принесет неизбежную смерть.

Продолжая размышлять об этом, Джон, впрочем, довольно живо общался с окружающими и отвечал на вопросы мистера Престона насчет известных ему подводных скал и отмелей. Одновременно он не спускал глаз с проплывавших мимо огромных плотов из толстенных светлых

бревен, за которыми вполне могла спрятаться та моторка. На буксирах, тащивших эти плоты, размещались целые семьи — так же как и на громоздких баржах или на юрких торговых шаландах, что плавают от деревни к деревне и продают всякую всячину. На таких судах суетились у плиты хозяйки, на палубе висело выстиранное белье, а детишки громко приветствовали проходивший мимо корабль. Джон так увлекся разглядыванием чужой жизни, что испытал острый приступ раздражения, услышав громкий крик Стэна:

— Видел? Вон она! Точно она!

Стэн, торчавший на пассажирской палубе, скатился по трапу и, перевесившись через поручни, втащил на борт целую кучу какого-то мусора, плывшего по реке, а потом еще и нахально приволок все это в рубку шкипера.

При виде столь наглого вторжения мистер Престон нахмурился и стал покусывать ус, но вытолкать Стэна из рубки Джон не успел: почти сразу он с изумлением увидел у того в руках нечто, похожее на серый цветок.

— Это же шляпа! Настоящая шляпа! — пузырился от восторга Стэн. — Чистый водород, чесслово! И стоит, небось, черт знает сколько! Нет, чессло-

во, вы только посмотрите!

И Стэн с гордостью продемонстрировал им целую кучу каких-то брошек, заколок и тому подобного. Все эти штуковины горкой возвышались в серой, цвета ружейной стали шляпе. Во всяком случае, этот предмет, к величайшему удивлению Джона, действительно очень походил на шляпу. «Шляпа» была практически невесомой, но казалась тем не менее весьма прочной, а сложенные в нее драгоценности светились каким-то загадочным внутренним светом.

— И ведь это ты меня к ней привел! Чесслово! — восклицал потрясенный Стэн. — Нет, Джон, я никогда тебе этого не забуду! И непременно с тобой поделюсь! Да, сэр! Чесслово!

— Ага… — только и сумел выдавить из себя Джон.

Даже мрачный мистер Престон заулыбался, когда принялся рассматривать содержимое «шляпы».

— Никогда ничего подобного не видел! Так все-таки откуда же ты родом? Из каких верховий? — спросил он у Джона.

— Это еще очень далеко отсюда.

Больше он ничего не смог сказать в ответ, хотя это действительно так и было. Вот только берега

казались ему какими-то странными, изломанными и незнакомыми, словно ему изменяла память.

Впрочем, странности в очертаниях берегов пугали его не так уж сильно; куда страшнее были опасения, связанные с тем, что его обман раскроется: ведь история про шляпы была чистейшей выдумкой, однако он даже намекнуть на это не посмел. И вдруг Стэн действительно выловил из реки пресловутую «водородную шляпу», причем прямо-таки усыпанную драгоценными камнями! Да эта «шляпа» стоила месячного заработка многих людей!

Некоторое время Джон ошалело разглядывал загадочную вещь, но вскоре ему пришлось снова сосредоточиться: изменчивая река времени предъявляла к путешественникам все новые и новые требования. Под руководством мистера Престона он начинал понимать, что поверхность реки, этого поразительного единства воды и металла, представляет собой как бы удивительную книгу, написанную на каком-то древнем языке, которого он прежде не знал. Но теперь тайный смысл этой таинственной книги понемногу становился ему понятен; каждый поворот, каждая новая отмель рассказывали свою историю, и ни

одна страница в этой книге не была пустой.

Кто-то из пассажиров, вероятно, мог просто залюбоваться, скажем, внезапно возникшим на поверхности реки буруном, но для истинного речника это был как бы крик, выделенный в тексте курсивом и предупреждавший о случившемся здесь кораблекрушении или же о подводной скале, над которой поток времени и пространства свивается в спираль, грозя верхним ее концом проломить саму всемирную стену.

Пассажиры охали и ахали при виде прелестных картинок, которые рисовала им серебряная река, но не способны были прочесть ни единого слова из той повести, которую на самом деле рассказывали им волны. Одинокое бревно, плывущее поперек курса судна, могло оказаться чудовищем с острыми, как пила, зубами, предвкушающим вкусный обед в виде деревянной обшивки корабля. А красивые широкие кольца за кормой свидетельствовали о придонных вихревых течениях, способных в один миг целиком слопать индукционную катушку.

Порой мистер Престон принимался размышлять вслух — особенно когда они уже обошли очередное препятствие и впереди видна была только чистая поверхность реки.

— Интересно, что это за коричневое пятно там расплылось, а? Ты как думаешь? По-моему, это отмель. Наверно, металл со дна поднялся и теперь постепенно растворяется под воздействием брома. А вон то гладкое блестящее пятно видишь? Это тоже отмель, только будущая; и она будет куда больше, когда мы назад пойдем. В этих местах река только и делает, что ловушки индукционным судам ставит, можешь мне поверить.

Но все-таки чаще мистер Престон задавал вполне конкретные вопросы, потому что течение здесь было очень быстрым и каким-то непостоянным. Река, казалось, пляшет, точно вспоминая что-то веселое и от радости выплескиваясь на берега. Они видели, проплывая мимо, как какой-то фермер ссыпает в реку целый воз земли, надеясь, видимо, укрепить берег и уберечь свой клочок земли от обезумевших волн. Он даже возвел какое-то довольно нелепое ограждение из рельсов, сулившее, впрочем, лишь мимолетный покой, ибо его строитель и сам понимал, что яростный поток все равно вскоре разнесет вдребезги созданные им оковы и раскидает их в разные стороны, а ему останется лишь с горьким смехом смотреть, как река творит очередное беззаконие, словно рассердившись на него за

попытку сохранить свою собственность и унося прочь его имущество.

Вскоре мистер Престон привел на борт какого-то местного жителя, оказавшегося человекомпамятью, так называемым Помнящим прошлое, или сокращенно ПП. Он должен был помочь им пробраться сквозь головоломные временные сдвиги. И познакомившись с ним, Джон впервые понял, какое это несчастье — хранить в своей памяти прошлое. Ведь это означало, что все минувшие события становятся как бы равноценными.

Помнящий прошлое, смуглый коротышка, устроившись на капитанском мостике, совсем неплохо провел «Начес» сквозь первые два временных сдвига, умело обходя все подводные скалы и коряги, но во время третьего сдвига вдруг начал рассказывать длиннющую историю о дереве с зубами вместо корней, которое некогда упало в воду у подветренного берега.

Он не позволил шкиперу приблизиться к этому берегу, а когда они миновали опасное место, сразу перешел к истории о знаменитом «кипящем» лете, во время которого то «зубастое» дерево и сгорело, а от этого «кипящего» лета — к подробному рассказу о титаническом труде фермера

Финна, который спас свой урожай, построив искусственную плотину; потом рассказал, что жена этого Финна сбежала со священником, хотя потом обнаружилось, что никакой он не священник, а беглый уголовный преступник родом откуда-то из верховий.

Затем ПП высказал мнение о том, что случившееся с Финном и его женой должно было бы привести (однако же не привело!) к полному пересмотру здешних законов, ибо законы должны сочетаться с движением людей вверх и вниз по оси времени, особенно супругов. После этого он благополучно перешел к скандальному поведению некоей «дамы в красном платье», которая, танцуя со всеми мужчинами по очереди и «размахивая перед каждым своими юбками», соблазняла их, желая найти такого, кто уехал бы с нею за всемирную стену. А уж от этой истории было рукой подать до весьма невнятных рассуждений относительно тех танцев, которым ПП когда-то учился.

Танцы он, разумеется, тут же и продемонстрировал, так что мистеру Престону пришлось напомнить этому типу, что в его обязанности прежде всего входит наблюдение за рекой и курсом судна, пока их не вынесло на какую-нибудь

алюминиевую отмель.

ПП несколько встряхнулся, однако уже через несколько минут вновь пустился в весьма нудные воспоминания, и это начиналось снова и снова, стоило чему-то привлечь его внимание и дать ход его чудовищной памяти.

Мистер Престон был склонен считать, что это также связано с временными сдвигами, однако вскоре все же ссадил ПП на берег, полностью выплатив ему, впрочем, положенный гонорар. Тот не выказал ни малейших сожалений по поводу отказа от его услуг и, покидая судно, продолжал рассуждать о каких-то событиях прошлого, казавшихся ему примечательными, и о том, где и как сейчас живут те, кто пережил эти события.

Джон про себя даже позавидовал этому человеку: ПП по крайней мере отлично знал пусть небольшой, но вполне определенный отрезок реки, тогда как память самого Джона подводила его буквально на каждом шагу, у каждой новой излучины. Острова и отмели выступали из воды в тех местах, где никаких островов и отмелей вроде бы раньше не было; да и сама река текла как-то не так, словно проложив новое русло и создав несколько новых излучин, порою буквально отшвыривая в сторону целый холм или отклоняясь

в сторону под совершенно неожиданным углом, если перед ней возникало препятствие в виде, скажем, густого леса.

— Вот здесь у нас, похоже, та самая излучина в виде подковы. Помнишь ее? — спрашивал, например, у Джона мистер Престон, и мальчик начинал до боли в глазах вглядываться в клубы тумана, который довольно часто окутывал реку, но лишь изумленно качал головой, ничего вокруг не узнавая.

Однако подковообразная излучина как раз оказалась на месте. И там они подошли к самому берегу, поскольку один из пассажиров заявил, что живет неподалеку и хотел бы сойти. Он, правда, не был абсолютно уверен в этом (и Джон отлично его понимал!), но все же решил попытать счастья. Джон тоже сошел на берег и довольно долго продирался сквозь густые заросли, пересекая выступ по прямой, но все же прибыл в нужную точку задолго до того, как туда, пыхтя, добрался корабль, огибавший этот же выступ по реке.

Густые деревья и молодая поросль были явно из его прошлого, однако, хоть и тогда они уже были достаточно большими, успели настолько изменить свою форму, демонстрируя разнообразные особенности роста, что он этого леса совершенно

не узнавал. Впрочем, мистера Престона, как заметил Джон, ничто из этих странностей с толку не сбивало.

— Каждый раз, когда мы поднимаемся вверх по течению, все здесь выглядит иначе, чем несколько дней назад, — сказал он Джону, покусывая зажатую в зубах зубочистку. Это, пожалуй, служило у него единственным признаком некоего внутреннего напряжения.

— Черт побери! — вырвалось у Джона; он, как и все здесь, с удовольствием упоминал теперь черта при любой возможности. — А для чего ж тогда вообще нужна память?

— Но это все же лучше, чем ничего, верно?

Они чуть было не выплеснули на берег всю воду в той протоке, по которой шли, — какой-то странный отлив вдруг словно высосал из русла всю воду, превратив ее в гору облаков над головой. Причем очертания этой горы все время менялись, а сама она то опускалась почти до земли, то снова поднималась. В итоге мистеру Престону пришлось отдать команду врубить индукционные двигатели на полную мощность, чтобы выбраться из этой западни.

— Похоже, вы, сэр, весьма уверенно чувствуете себя в здешних местах, — с восхищением заметил

Джон. — Зачем же вы меня-то в качестве проводника взяли?

— Твои знания о реке, безусловно, гораздо свежее, чем у всех, кого я сумел найти. К тому же ты достаточно молод и пока не считаешь, что уже познал все на свете.

Берега медленно проплывали мимо; палуба негромко гудела; магнитные подушки, на которых двигалось судно, Джон представлял себе как гирлянду колец из стальной проволоки, и мистер Престон сказал, что он не так уж и не прав, но ни пощупать, ни увидеть намотанную на катушки проволоку невозможно. А еще, прибавил он, эти катушки похожи, скорее, на борющихся призраков.

— Порой волна времени бывает настолько сильна, что прорезает небольшую протоку в выступе суши, — продолжал мистер Престон. — Я видел одну такую, когда мы в прошлый раз шли вниз по течению; протока была не шире садовой дорожки, но вся так и сверкала, так и плевалась желтым огнем, извиваясь как змея. А теперь на том берегу виднеются чьи-то симпатичные домики. А чуть дальше от берега была чья-то старая ферма. Цена этой развалине была грош в базарный день. Но вскоре мне снова пришлось плыть

вверх по реке на старом «Рувиме», и я увидел, что та новая извилистая протока проходит прямо по территории фермы и стала довольно широкой, совершенно изменив очертания самой реки. Однако она по-прежнему стреляла в воздух алыми искрами. В общем, та старая ферма оказалась теперь прямо на берегу и превратилась в весьма лакомый кусочек стоимостью раз в десять больше прежнего. Зато крупные населенные пункты, прежде находившиеся у самой реки, теперь значительно от нее удалились, и ни одному судну было до них уже не добраться.

— Повезло! — сказал Джон.

Мистер Престон усмехнулся.

— Вот-вот. И многие прямо-таки обезумели, обвиняя семейство, владевшее старой фермой, в том, что эти люди якобы дали толчок такому сдвигу во времени и пространстве.

— Но разве они могли это сделать?

— Кто его знает… А разве можно сказать наверняка? Прошлое — это настоящий лабиринт, где время то пробьет новую дыру, то заложит новую складку… Если и есть кто-то понимающий, как все это происходит, так он наверняка об этом помалкивает!

Глава XII
ВОДОВОРОТ

Джон совершенно обалдел от скитаний в этом запутанном лабиринте бесконечных речных русел и проток. Кроме того, испытывая мощное сопротивление времени, «Начес» едва полз вверх по реке; казалось, даже сам воздух вокруг корабля стал иным.

Гладкая, почти монолитная, покрытая полосами всплывших придонных примесей поверхность гигантской реки (именно такой она казалась Джону, когда он плыл вниз, несомый течением) теперь была совершенно иной. Берега стали болотистыми; повсюду виднелись огромные плантации сахарного тростника; очень хороши были старинные усадьбы с колоннами цвета слоновой кости.

Джон часто смотрел вверх, словно пытаясь разглядеть, что за мир у него над головой. Порой по таинственной туманной дымке в небесах пробегала странная рябь, меняя очертания высившейся вдали всемирной стены, и Джону вдруг начинало казаться, что они живут в брюхе у огромного

чудовища, некой непостижимой твари, способной запросто отомстить людям и наслать на них самые страшные беды, всего лишь опорожнив свой кишечник.

Ураган налетел без предупреждения. Он прорвался по полной бромистых солей протоке, свернувшись в кольцо, точно змея. В слабо светящемся воздухе прогремел гром; молния ударила прямо в рубку, выбив два стекла.

Джон увидел это, находясь на средней палубе; там он помогал Стэну и двум другим матросам увязывать груз в тюки. Стекло в рубке разлетелось вдребезги, но в лицо мистеру Престону осколки не попали. Когда Джон примчался в рубку, шкипер уже выводил «Начес» на нужный курс, с трудом выдираясь из когтей грозовых туч, пухнувших буквально на глазах.

Ураган царил в небесах, швыряясь желтыми разветвленными молниями. Из черных туч лились потоки дождя. Казалось, гроза раздумывает, то ли броситься в атаку и накрыть собой весь мир, то ли прилечь отдохнуть за стеной леса. Затем ураган словно встряхнулся и с новой силой понесся дальше по реке.

А сама серебристая река, казалось, стремится ему навстречу: она приподнялась, с жадностью

всасывая воздух и целуя опускавшийся в нее крутящийся столб. Мгновенно грязная водяная пена и облака ртутных испарений, соединившись, ринулись в водоворот времени; в воздухе как бы возникла огромная перевернутая буква «U»; она кипела, булькала, исходила шипящим паром, а в небесах непрерывно грохотал оглушительный гром.

— Черт побери! — вскричал мистер Престон. — Это уж точно здорово нас задержит!

Джон обеими руками вцепился в пиллерс.

— А мы не можем проскочить на большой скорости…

— Да ураган нас в клочья разнесет, если мы только попробуем.

Вздувшаяся пузырем волна обрушилась на судно.

— Как вы думаете, сэр, долго это продлится? — спросил Джон.

— Думаю, да. Ураган сильнейший!

«Начес» упорно полз вверх по реке, стремясь преодолеть сопротивление урагана, мявшего и корежившего поверхность реки. Разнообразный мусор и даже целые бревна, плававшие в воде, легко всасывались внутрь гигантской воронки и гремели так, словно вот-вот превратятся в щеп-

ки. Внутри огромной стены воды, поднявшейся рядом с кораблем, Джон заметил толстое бревно, которое вспыхнуло вдруг оранжевым пламенем, перестало крутиться и, испуская черный дым, рухнуло вместе с гигантской волной в реку.

А потом он увидел ту моторку. Она, видимо, пряталась среди росших у противоположного берега плакучих ив, но ее вынесло оттуда ураганом, резко изменившим направление и ударившим с фланга. Джон разглядел у руля темную человеческую фигурку.

— Погодите! — вскричал он. — Постойте! А вдруг там...

— Заткнись, парень. Мы поворачиваем. Будем спускаться по течению.

Даже сам капитан не смог бы ничего приказать шкиперу, когда тот менял курс во имя спасения судна. Джон застыл как вкопанный, глядя на моторку, пересекавшую реку. Ее сносило течением. Потом, не думая больше ни о чем, он слетел по трапу вниз, перемахнул через сосновые поручни и прыгнул в воду. Сперва он отчаянно молотил руками и ногами, стараясь побороть течение, а затем решительно поплыл к берегу. Стэн что-то кричал ему вслед, но он не оглянулся.

Берег оказался довольно близко; Джон уже

прикидывал, где примерно должна причалить моторка, когда вдруг услыхал оглушительный взрыв. Воронкообразная злобно разинутая пасть урагана, скользнув по покрытой рябью серебристой воде со скоростью курьерского поезда, приподнялась и накрыла «Начес». Судно на мгновение повисло в воздухе, палубы странным образом вытянулись, точно резиновые, и с треском разлетелись на куски, а затем с раскатистым грохотом расщепилось время и пространство. Тело кого-то из палубных матросов, прыгнувших за борт, на глазах у потрясенного Джона вытянулось и стало тонким и совершенно прозрачным.

Судно, все сжавшись под воздействием чудовищной деформирующей силы, вылетело из пасти урагана, но волны времени продолжали его качать и корежить, пока оно в последний раз не вспыхнуло жемчужно-белым огнем, настолько жарким, что Джону опалило лицо.

У него не хватило времени ни подумать о чем-то, ни оплакать гибель судна. Чудовищная воронка, треща и извиваясь, взмыла ввысь и снова камнем упала на землю, накрыв собой и его. К счастью, он успел набрать в легкие достаточно воздуха. Вокруг него клубилась обжигающая оранжевая пена. Руки и ноги, хотя и непроизволь-

но дергались, словно с ним забавлялось некое божество, были на месте, но сам он чувствовал себя абсолютно невесомым.

Ему казалось, что он взлетает в небеса, несомый ураганом, и одновременно испытывал омерзительное тошнотворное ощущение падения с огромной высоты, от которого все леденело у него внутри. Он изо всех сил старался не дышать, поскольку оранжевая пена жгла ему лицо и глаза, лезла в нос и в рот, старалась пробраться под крепко сомкнутые веки.

«Не дышать! — твердил он про себя. — Только не дышать и глаз не открывать!»

Он был готов к заключительному удару, и все инстинкты дружно твердили ему: сейчас, сейчас все кончится! Сейчас этому чересчур долгому падению придет конец!

Ударился он сильно. И даже отскочил от поверхности воды, плашмя плюхнувшись в реку. Задыхаясь, он стал изо всех сил грести руками, не обращая внимания на высокие неровные волны. Потом выбрался на берег и рухнул ничком на землю.

Глава XIII
ПОГОНЯ

Моторку Джон обнаружил чуть выше по течению; она была вытащена на берег кормой вперед и спрятана под ветками в небольшой рощице. Точно так же он когда-то спрятал свой ялик. Джон невесело усмехнулся.

Ветер нес над рекой времени мелкую водяную пыль, но вокруг не было заметно ни малейших следов только что пронесшегося урагана. Как и следов «Начес».

Зато на влажной земле хорошо были видны следы башмаков; они уходили в глубь суши перпендикулярно реке, так что сражаться с сопротивлением времени здесь нужды не было. Джон шел по следу. Одежда его высохла. Вдали мерцало темно-золотое пятно — кусок всемирной стены, нависавшей над кипящим туманом и низкими облаками.

Чем дальше он уходил от лесистого берега, тем сильнее ощущалось дыхание близкой пустыни. Джон подумал, что именно сейчас, когда вокруг еще есть какие-то деревья, отец может обойти его

и напасть с тыла. Он вернулся, стараясь ступать в собственные следы, и уничтожил все признаки своего пребывания на берегу, а также и те свои следы, что вели от кромки воды до большого плоского камня.

Он очень старался по возможности избегать густых зарослей и по траве буквально скользил, чтобы не сломать ни одного стебелька, ни одной веточки. Это было очень важно: любой сломанный стебель или ветка, даже если их потом аккуратно обрезать, все равно укажут человеку, хорошо читающему след, направление твоего движения. Погнутыми оставлять стебли травы или ветки деревьев тоже никуда не годилось. Их следовало мягко выпрямить и постараться придать им такой вид, словно они сами склонились в ту или иную сторону. Джон даже нарочно переплел ветки колючего кустарника с ветвями какого-то дерева, чтобы казалось, будто тут прошел какой-то зверь, который то ли ел листья, то ли просто чесался о ствол. В общем, он отлично понимал, что его безопасность полностью зависит от осторожности.

Голова у него гудела; он почти оглох от странной боли, упорно подбиравшейся к вискам и глазам. Столько всего случилось за последнее

время!.. Но Джон решил пока не думать о недавнем прошлом, не думать ни о мистере Престоне, ни о Стэне. Он просто шел вперед.

Вокруг стало еще суше; какая-то зубастая тварь, хлопая огромными крыльями, кружила над ним, явно воспринимая его как потенциальную добычу. Не выдержав, Джон швырнул в нее здоровенным камнем.

Конечно же, он мечтал встретить дерево, на котором растут такие мушкетоны, как у того смуглого типа! Впрочем, подобранный им на земле толстый сук вполне мог сойти за неплохую дубинку.

Следы на земле были очень ровными. Человек явно не спешил: каблуки его нигде не увязали в земле. Джон вырос далеко отсюда, в верховьях, среди густых лесов, однако хорошо чувствовал, как следует вести себя на таком открытом пространстве. Отдавшись на волю собственных инстинктов, он сразу почувствовал прикосновение той знакомой руки, которая со спокойной уверенностью сжала его руку.

Местная живность, встревоженная шагами Джона, разбегалась во все стороны, стремясь спрятаться. Ящерицы поспешно исчезали в трещинах скал и камней. Четырехкрылые перепелки

падали на землю, надеясь, что в густой тени их примут за камни, однако в самый последний момент утрачивали самообладание и взлетали, отчаянно хлопая крыльями. Змеи буквально испарялись, мгновенно исчезая из виду; горлинки с пронзительными криками взмывали ввысь; кролики в страшной панике удирали со всех ног. Лисы, карликовые олени, койоты, точно надев сказочную шапку-невидимку, оставляли после себя только отпечатки копыт да кучки помета.

Теперь пустыня окружала Джона со всех сторон: повсюду он видел только светлый песок и бескрайнее ровное пространство, словно выставлявшее свою жизнь напоказ — такую, какая она есть: вызванная из ниоткуда и ни с чем не связанная. Пустынные растения существовали точно в ссылке друг от друга; они росли кольцами только в тех местах, где под песком имелась хоть какая-то влага, до которой они молча и упорно стремились добраться своими корнями. Свободное место у источника воды здесь означало жизнь. Впрочем, Джон и сам давно уже так думал с тех пор, как его отец сбежал из охваченного пожаром дома, бросив их на произвол судьбы.

Он уловил какой-то неприятный запах, вскоре превратившийся в зловоние, и сразу же понял,

что отец его наверняка идет именно на этот запах. Осторожно обогнув небольшой холм и ориентируясь исключительно на запах, он увидел перед собой поле, сверху больше похожее на огромную чашу. На поле виднелись, похоже, лишь распростертые тела мертвецов. Джон подошел ближе. На земле лежали воины в латах. Тела их разлагались на жаре; лица распухли, губы потрескались. У многих были вспороты животы, и казалось, что они рожают собственные внутренности.

Джон знал, что иногда такое способен сотворить временной ураган, прилетающий из неведомых далей; он с той же легкостью вспарывает человеку глотку, как и разносит в клочья любую разновидность материи. То, что с таким трудом удавалось индукционному кораблю, идущему по течению вверх, мимолетное искривление времени-пространства способно было совершить в одну секунду. Иногда подобных мертвецов удавалось до некоторой степени «спасти», превратив их в зомби.

Джон отвернулся. Потом сделал несколько шагов назад и постарался буквально слиться с редким кустарником. И почти сразу увидел отца.

Его лицо — худое, с глубоко посаженными глазами; знакомые очертания подбородка, опущен-

ные уголки губ… Джон сравнивал теперешний облик отца с последними своими яркими воспоминаниями, с тем его «портретом» в раме пожара, который так бережно хранил в своей памяти все эти двенадцать незабываемых лет, каждый день извлекая оттуда и тщательно изучая. Да. Он был уверен. Это его отец.

— Чего ты хочешь? — В тихом голосе отца явственно слышалось раздражение.

— Справедливости.

— Кто ты? — В его глазах плеснулся страх.

— Ты меня знаешь.

— Да в этих местах я уже не знаю, знаю ли я вообще хоть что-нибудь! Здесь же нет ничего постоянного. Ты загнал меня слишком далеко в верховья. Да еще и индукционное судно взорвал! А я вообще впервые здесь оказался, и к тому же…

— Ты сбежал.

— Что? — Лицо отца исказилось под воздействием мрачных воспоминаний, затем снова успокоилось и разгладилось. — Черт побери! Так ты имеешь в виду столь далекое прошлое?

— Естественно. И ты прекрасно знаешь, что я имею в виду. Она ведь тогда погибла.

Повисло тяжелое молчание. Отец изучал мальчика так, словно пытался отыскать для себя

какое-то преимущество, какую-то выгоду. Возможно, впрочем, что в его взгляде и скользнула искра узнавания.

— Да-да… Однако же все это в прошлом. Послушай, парень, нашей семье давно пришел конец.

— Нет. Но скоро придет.

Мужчина прищурился: облака над головой рассеялись, с небес лился золотой свет. Джон чувствовал неуверенность отца и понимал, что момент настал. Он быстро шагнул вперед, ни о чем больше не думая. Он и так слишком долго думал, более десяти лет; он уже устал от этих мыслей.

В глазах отца внезапно блеснуло узнавание; рот его раскрылся, но ни крика, ни восклицания Джон не услышал. Его противник вскинул вверх руку, и, к удивлению Джона, в ней не оказалось никакого оружия. Но колебался он не более мгновения. А потом замахнулся своей дубинкой и ударил… После третьего удара голова мужчины раскололась, точно спелый орех. И он не издал больше ни единого звука.

Глава XIV
ПУБЛИЧНЫЙ ДОМ

Джон сел, прогоняя остатки тревожных снов, и с силой вдохнул влажный воздух, в котором чувствовался сильный запах отвратительных дешевых духов. Вокруг было абсолютно темно. Это показалось ему немного странным. Довольно долго в памяти крутились только обрывки воспоминаний о том водовороте времени, о «Начес», но затем он вспомнил и все остальное.

Ему тогда потребовался целый день, чтобы построить прямо на берегу плот из сбитых ветром ветвей — их поломал тот самый ураган, что потопил «Начес». А потом, уже плывя по течению, Джон целыми днями валялся на плоту, сраженный страшной усталостью, причину которой объяснить бы, наверное, не смог. Одежду того мужчины он связал в узелок и использовал в качестве подушки, но даже рассмотреть эту одежду себя заставить не смог.

Рыба практически не попадалась, и он уже смахивал на живой скелет, когда впереди завиднелись знакомые электрические дуги: чуть ниже

находился Каир. Джон хорошо знал, что здесь нужно непременно подгрести к берегу, однако это удалось ему с трудом: течение в этом месте среди множества подводных скал и отмелей было прямо-таки бешеным.

Затем целых два дня он шел пешком по берегу реки. Давление времени было настолько сильным, что его все время тошнило. Он уже начал есть листья, когда наконец вдали завиднелись острые шпили каирских соборов.

Найти в Каире работу оказалось делом нелегким, однако он, наконец поев и передохнув, взялся за это с энтузиазмом и два раза весьма удачно подзаработал грузчиком в порту. Остальное время он потратил исключительно на сон и еду, да и думать старался как можно меньше. Через три недели, окончательно придя в себя и скопив достаточно денег, он явился в бордель и наконец получил *это.*

Джон сел и ощупал руками тело лежавшей рядом женщины. В темноте она была куда лучше, чем при свете, — вся такая гладкая, мягкая. На ней были черный атласный корсет, черный пояс с резинками и чулки, и в этом наряде ее сливочно-белая плоть выглядела настолько сочной и зрелой, что, казалось, вот-вот начнет гнить.

Однако Джону эта женщина понравилась сразу — еще там, в огромном вестибюле публичного дома. Она стояла, облокотившись о рояль, и смотрела на него лукавыми и какими-то первобытно-дикими глазами. Он отказался от выпивки и прочих развлечений, которые обычно заказывают здесь клиенты, выразил желание сразу же подняться наверх и заплатил сполна за целую ночь. Он считал, что в первый раз это должно быть поистине замечательно.

И действительно, все получилось просто прекрасно. Ему казалось, что все время до этого он пребывал во власти некоего могучего существа, жившего внутри него, о чем он, впрочем, даже не подозревал, и теперь это существо наконец отпустило его на свободу и никогда уж больше не обретет над ним власти.

Джон выбрался из-под тяжелого одеяла и зажег старый бронзовый масляный светильник. Женщина спала, негромко похрапывая и откинув голову назад; рот у нее был открыт, и было видно, что в нем не хватает двух зубов; в эту-то дыру и устремлялся со свистом ее влажный храп.

Странное, но настойчивое желание заставило Джона поднять с пола жалкий заплечный мешок и достать из потайного кармана документы. Все

свои ценности он постоянно хранил в этом кармане, еще со времен своего первого пребывания в Каире, постоянно чувствуя мимолетную, но какую-то всепроникающую опасность. Он даже работал, не снимая рюкзачка; он боялся даже просто положить его в сторонку.

Документы были на месте. Успокоительно толстенькая пачка. Несмотря на несколько расплывшихся пятен, появившихся после его прыжка в реку с борта «Начес», решительный почерк мистера Престона, заключившего с ним договор о найме на судно, был по-прежнему прекрасно различим; в водянистом свете лампы буквы казались темно-синими.

Считалось, что судно просто «пока не вернулось» из своего плавания вверх по реке. Каир был расположен настолько близко к электродугам, порождавшим страшные временные смерчи, что его обитатели всегда говорили как бы в сослагательном наклонении, обрамляя любое высказывание выражениями «постольку поскольку», или «насколько мне известно», или «как будто бы», или «время покажет», или «там будет видно».

Джон перелистал страницы контракта, бережно, точно драгоценности, касаясь плотных

листов бумаги. Вчера, возвращаясь мимо причалов и пакгаузов после целого дня изнурительной работы, он вдруг налетел на Стэна. Стэн шел ему навстречу по дощатому тротуару. Или, по крайней мере, навстречу ему шел парень, выглядевший в точности как Стэн! У него были такие же песочного цвета волосы и уверенный, хотя и немного рассеянный взгляд.

Но «Стэн» лишь тупо глянул на Джона и поклялся, что никогда не ступал на борт «Начес» и никогда в жизни не поднимался вверх по реке. А когда Джон попытался ему напомнить о совместном плавании, он раздраженно воскликнул: «Ну и что? Значит, нечего было за борт прыгать!», — и решительно двинулся прочь.

Джон отложил договор и нащупал в глубине потайного кармашка пачку бумаг, которые забрал у мертвого отца.

«Возможно, сейчас как раз подходящее время, чтобы наконец их рассмотреть», — решил он.

Тогда, лишь увидев, как кровь этого человека пролилась на песок, Джон испытал полное и глубокое удовлетворение. С него точно свалилось то тяжкое бремя, что давило ему на душу более десяти лет. Он взял только эти документы и кожаный ремень отца.

Документов оказалось немного. В основном всякие рецепты и случайные бумажки. Однако была и членская книжка Союза шкиперов — а это совсем другое дело! Удостоверение было в твердых корочках и выглядело вполне достойно. Аккуратные столбцы свидетельствовали о своевременно уплаченных взносах; тут же стояли нацарапанные железным пером подписи секретаря Союза. Джон быстро перелистал книжку и снова открыл ее на первой страничке. И там в ничтожную долю секунды разглядел… нет, не имя своего отца, а свое собственное имя!

Потрясенный до глубины души, он так и застыл, держа раскрытое удостоверение перед глазами. Имя, тщательно выписанное черными чернилами и весьма твердой рукой, не вызывало ни малейших сомнений. Оно давило Джону на глаза, оно мелькало перед ним, вызывая легкую тошноту. И будило воспоминания — яркие страшные воспоминания о лице того человека, которого он тогда наконец нагнал в жаркой пустыне. О лице с резкими пугающими чертами, воспринимающемся теперь как давно знакомое.

Женщина на постели шевельнулась, зевнула и открыла свои большие диковатые глаза. Потом на лице ее медленно расплылась улыбка:

она ласково-бездумно смотрела на неподвижно застывшего молодого мужчину, державшего в руках какие-то бумажки, но явно ничего не видевшего перед собой.

Еще раз зазывно улыбнувшись полными накрашенными губами, эта представительница древней, как само время, профессии томно произнесла:

— У нас с тобой впереди еще куча времени, милый! До рассвета еще далеко. Ты меня слышишь? Что это ты пытаешься там разглядеть, а? Милый?..

Червь в колодце[3]

Ей предстояло испечься, и все потому, что она не смогла кое-кого заморозить.

— Оптический, — велела Клэр. Эрма подчинилась.

Вокруг них кипящей равниной простиралось Солнце. Клэр прибавила мощности воздушному кондиционеру, но это мало помогло.

Из желтовато-белой пены вырывались гейзеры — ярко-красные и актинически-фиолетовые. Корональная дуга едва выглядывала из-за горизонта, напоминая обручальное кольцо, наполовину воткнутое в кипящую белую грязь. Монстр длиной более двух тысяч километров, длинный, гладкий, тонкий и гневно-малиновый.

Клэр приглушила освещение в кабине. Когда-то она прочитала, что в темноте людям кажется, что им прохладнее. Температура в кабине была нормальной, однако Клэр начала потеть.

Снизив яркость желтых и красных оттенков на большом экране перед собой, она заставила раскаленные добела солнечные бури казаться

---

[3] Примечания: 3

A Worm in the Well" copyright © 1995 by Abbenford Associates

голубоватыми. Может быть, это обманет и ее подсознание.

Клэр развернула зеркало, чтобы рассмотреть корональную дугу. Благодаря преломлению лучей ее изображение выглядывало из-за солнечного горизонта, поэтому Клэр видела дугу заранее. Орбита ее корабля шла по ниспадающей кривой вытянутого эллипса, а нижняя ее точка была рассчитана так, чтобы соприкоснуться с вершиной дуги. Пока что наложенная на орбиту расчетная траектория упиралась точно в цель.

Программы, разумеется, не волнует жара. Гравитация — штука прохладная и спокойная. Жара — это для инженеров. А Клэр — всего лишь пилот.

В виртуальной рабочей среде, в которую она сейчас погрузилась, сенсорные органы управления выдавали ей абстрактные расстояния до реального физического окружения — фонтанов яростного газа и молотящих по обшивке фотонов. Разумеется, Клэр не держала зеркало, но ощущение было именно таким. Легкое перышко в руках и бодрящая комнатная температура.

Оптический блок висел на шарнирах высоко над кораблем — настолько далеко от термозащитного экрана, что получал всю дозу солнечного

жара и быстро нагревался. Он скоро расплавится, несмотря на систему охлаждения.

Ну и пусть. К тому времени он ей будет уже не нужен. И она сама окажется под солнечными лучами.

Клэр протянула виртуальные руки и повернула зеркало. Все виртуальные изображения затмевало нечто вроде глянцевой пленочки, которую не могла стереть даже Эрма, ее сим-компьютер. Они выглядели слишком хорошо. Зеркало уже покрылось щербинами, что было видно по изображению дуги, но сим упорно показывал его в идеальном состоянии.

— Цвет — это индикатор температуры, правильно? — спросила Клэр.

КРАСНЫЙ
ОБОЗНАЧАЕТ УРОВЕНЬ 7 МИЛЛИОНОВ ГРАДУСОВ ПО КЕЛЬВИНУ.

«Ох уж эта кокетливая Эрма, — подумала Клэр. — Никогда не даст прямой ответ, пока ее не начнешь упрашивать».

— Покажи крупно верхушку дуги.

Перед глазами заскользил бурлящий солнечный ландшафт, уносясь назад. Корональная дуга представляла собой семейство трубчатых магнитных силовых линий, переплетенных столь

же замысловато, как викторианская кружевная салфеточка. Ее основание, уходящее в фотосферу, удерживалось на месте густой и медлительной плазмой. Клэр увеличила изображение дуги. Самое горячее из всех достижимых мест Солнечной системы, и ее добыча оказалась именно здесь.

ЦЕЛЬ ОБНАРУЖЕНА И ОПОЗНАНА СПУТНИКОМ СОЛНЕЧНОГО ДОЗОРА. ОНА НА САМОЙ ВЕРШИНЕ ДУГИ. ОНА ТАКЖЕ ОЧЕНЬ ТЕМНАЯ.

— Конечно, дурочка. Это же дыра.

Я СЕЙЧАС ПОЛУЧАЮ ДОСТУП К СВОЕЙ АСТРОФИЗИЧЕСКОЙ ПРОГРАММЕ.

Идеальная Эрма аккуратно сменила тему.

— Покажи мне ее с цветовым кодированием.

Клэр стала разглядывать круглое черное пятнышко. Совсем как муха, угодившая в паутину. Что ж, она хотя бы не дергается, и лапок у нее нет. Магнитные пряди покачивались и колыхались, как пшеница под летним ветерком. При этом цветовом кодировании трубки магнитных потоков изображались синими и смотрелись как-то зловеще. Но на самом деле это были обычные магнитные поля, а с ними Клэр работала каждый день. Странностью здесь была темная сфера, которую они удерживали. И голубые пряди, крепко сжимающие черную муху.

А это оказалось удачей. Иначе спутники наблюдения за Солнцем никогда бы ее не заметили. В открытом космосе нет задачи труднее, чем отыскать это угольно-черное пятнышко. Поэтому его никто и никогда не видел — до сих пор.

ТЕПЕРЬ НАША ОРБИТА ПОДНЯЛАСЬ ВЫШЕ УРОВНЯ ПЛОТНОЙ ПЛАЗМЫ. Я МОГУ УЛУЧШИТЬ РАЗРЕШЕНИЕ, ПЕРЕЙДЯ В РЕНТГЕНОВСКИЙ ДИАПАЗОН. СДЕЛАТЬ?

— Сделай.

Пятно набухло. Прищурившись, Клэр разглядывала в этом охристом свете трубки магнитных потоков. В рентгеновских лучах они выглядели четкими и скрученными. Но вблизи пятна силовые линии расплывались. Возможно, они здесь спутывались, но скорее всего причиной было пятно, искажавшее картинку.

— А ты, оказывается, девушка стеснительная...

Она увеличила рентгеновское изображение. В жестких лучах горячие структуры видны лучше всего.

Пятно. Свет там был смятым, крученым, перемешанным ложкой.

Муха, угодившая в паутину, а затем поджаренная над костром. А Клэр нужно приблизиться, опалить свои волосы, сфотографировать ее. И все

потому, что она не смогла кое-кого заморозить.

Легкой походкой она шла по коридору, находящемуся в трехстах метрах под шлаковыми равнинами Меркурия, поглядывая на пенистые фонтанчики в фойе ее жилого комплекса. Почти ни на что не обращая внимания, разве только на свежий запах фонтанов. Вода здесь была наилучшая — пресная, с полюсов, а не рециркулированная бурда, которую приходилось терпеть в полетах. Клэр глубоко вдохнула насыщенный мельчайшими капельками воздух. Тут ее и сцапали.

— Клэр Эмбрейс, я произвожу формальную строгую блокировку.

Он вставил сустав среднего пальца в локтевой разъем Клэр, и она ощутила холодный щелчок. Ее системы застыли. Не успела она пошевелиться, как целые командные цепочки в ее встроенных компьютерах прервались.

Ощущение было такое, будто ей ампутировали пальцы. Финансовые пальцы.

Шокированная, Клэр могла лишь разглядывать его — неприметный, как мышь, из тех, кто сливается с фоном. Идеальный для такой работы. Никто из ниоткуда, полный сюрприз.

Он отступил на шаг:

— Мне очень жаль. «Исатаку инкорпорейтед» приказала мне сделать это быстро.

Клэр подавила непроизвольное желание ударить его. Он выглядел жителем Луны, худой и бледный. Может, весит он чуть больше ее, но противник примерно равный. А как это было бы *приятно...*

— Я смогу им заплатить, как только...

— Они сказали, что хотят получить все немедленно. — Он пожал плечами, извиняясь, но челюсти были стиснуты. Он привык к таким сценам.

Клэр вспомнила, что вроде бы видела его в каком-то баре возле Вершины. На Меркурии живет не более тысячи человек, и почти все, как и она, занимаются добычей руды.

— «Исатаку» следовало сохранить мне кредит, — заметила она, потирая локоть. Инъекция программ не должна причинять боль, но это всегда больно. Нечто связанное с нервно-мышечными пересечениями. — Из-за этого мне будет трудно даже доставить «Серебряный лаггер» обратно.

— О, они дадут вам путевой кредит под корабельные припасы. И разумеется, аванс за груз руды. Но небольшой.

— Не такой большой, чтобы помочь мне вы-

браться из долговой ямы.

— Боюсь, что так.

— Очень благородно.

Он проигнорировал ее сарказм:

— Они хотят, чтобы корабль был доставлен на Луну.

— Где они его конфискуют.

Она направилась к своей квартире. Клэр знала, что такой исход близок, но из-за суматохи при подготовке документов для доставки партии руды проявила беспечность. Агенты вроде этого типа с Луны обычно наносили своим жертвам удар у них дома, а не в коридоре. И Клэр держала в квартире парализатор, в удобном месте возле двери.

Так, его надо отвлечь.

— Я хочу заявить протест.

— Подайте его в «Исатаку».

А парень работает четко и эффективно, наверное, ему сегодня предстоит доставить еще дюжину порций плохих новостей. Занятой человек.

— Нет, вашему нанимателю.

— Моему? — Это его проняло — каменная челюсть удивленно отвисла.

— За... — она резко свернула за угол к своей

квартире, улучив момент, чтобы тайком достать одну штучку, — умышленное проникновение в мои внутренние системы.

— Эй, я и не прикасался к вашим...

— Я это почувствовала. Такие пронырливые штучки... ух! — Пожалуй, можно немного поприкидываться, хотя бы развлечься немного.

— У меня тройная блокировка, — оскорбился он. — Я просто не смогу считывать информацию у клиента. Можете спросить...

— Заткнись.

Клэр торопливо подошла к двери квартиры и разблокировала ее сигналом внутреннего компьютера. Подходя, она ощущала его — в трех шагах сзади.

Ну, начали! Нога через порог, повернуться направо, выхватить парализатор из зажима на стене, обернуться, нацелить и... Она не смогла выстрелить.

— Проклятие! — процедила она.

Он заморгал и попятился, подняв руки ладонями к ней, словно защищаясь от выстрела.

— Что? Вы пошли бы на убийство ради дряхлого рудовоза?

— Это *мой* корабль. А не «Исатаку».

— Леди, я все равно не понимаю, какой в этом

смысл. Если бы вы меня грохнули, то не прошло бы и дня, как за вами явились бы тяжеловесы.

— Не явились бы, если бы я тебя заморозила.

Его рот приоткрылся, начиная изумленно произносить «з», и тут его охватил гнев:

— Превратить меня в бревно, чтобы успеть смыться? Да я вас засыплю исками по уши и отрежу их в залог.

— Да, да, — устало пробормотала Клэр. Этот тип — сплошные клише. — Но пока ты очухаешься, я уже буду на орбите вокруг Луны, и если подвернется хорошая сделка...

— То выручки, может быть, и хватит, чтобы заплатить мне за ущерб.

— И рассчитаться с «Исатаку».

Она сунула парализатор в зажимы на стене.

— Вы никогда столько не заработаете.

— Ладно, это была долгосрочная идея.

— Леди, я просто доставлял послание, так? Вел себя дружелюбно и мирно, так? А вы выхватили...

— Пошел вон. — Она терпеть не могла, когда мужчины переходили от страха к гневу, а затем к оскорблениям, и все это меньше чем за минуту.

Он убрался. Она вздохнула и заперла дверь.

Время выпить, это уж точно. Потому что больше

всего ее беспокоило не то, что «Исатаку» лишила ее права выкупа закладной, а собственная бесхарактерность.

Она не смогла заставить себя завалить этого типа, вырубить его на десять мегасекунд или около того. Выстрел парализатора заморозил бы его, вырвал из повседневной жизни, обрубил отношения, вырезал из его памяти дни, которые возместить невозможно.

В ее случае нерешительность была обоснованной. Ее дядю как-то заморозили более чем на год, и потом он так и не сумел склеить рассыпавшиеся кусочки своей жизни. Клэр еще девочкой видела, в кого он превратился.

Когда начинаешь с собой откровенничать, это обычно плохо заканчивается. Какое замечательное время для открытия, что у нее больше принципов, чем ей нужно.

И как ей вырваться из когтей «Исатаку»?

Теперь арка возвышалась над солнечным горизонтом — мерцающая голубовато-белая дуга высотой две тысячи километров.

И даже прекрасная в рентгеновских лучах — змеистые полосы струятся вниз, подмигивая горячими алыми пятнышками. Чрезвычайно красиво, чрезвычайно опасно. И совсем не то

место, где полагается находиться рудовозу.

— Время для развода, — сказала Клэр.

ТЫ УДИВИТЕЛЬНО ТОЧНА. ДО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ ШЛАКОВОГО ЩИТА ОСТАЛОСЬ 338 СЕКУНД.

— Не надо меня опекать, Эрма.

Я ИСПОЛЬЗУЮ СВОИ ПРОГРАММЫ СИМУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ НАСТОЛЬКО УМЕЛО, НАСКОЛЬКО ПОЗВОЛЯЮТ МОИ ВЫЧИСЛИТЕЛЬНЫЕ мощности.

— Не трать компьютерное время зря — это неубедительно. Обрати внимание на обзор, а уже потом на отделение.

ОБЗОР ВО ВСЕМ СПЕКТРАЛЬНОМ ДИАПАЗОНЕ ПОЛНОСТЬЮ АВТОМАТИЧЕСКИЙ, КАК ЕГО И НАСТРОИЛ СОЛНЕЧНЫЙ ДОЗОР.

— Проверь его еще раз.

ЭТОТ СОВЕТ, НЕСОМНЕННО, ПОЙДЕТ МНЕ НА ПОЛЬЗУ.

«Невозмутимый сарказм», — решила Клэр. Звонкий голосок Эрмы звучал в ее сознании, и выключить его было невозможно. Сама же Эрма была интерактивным разумом, расположенным частично внутри ее и частично в системах корабля. Без нее и ее роботов управление «Серебряным лаггером» оказалось бы невозможным.

А пролет над бурлящим солнечным котлом

может оказаться невозможным даже с ними, подумала Клэр, разглядывая вырастающий впереди оранжево-желтый цветок.

Она развернула корабль так, чтобы он находился в самом центре отбрасываемой щитом тени. Эта зазубренная глыба шлака начала вращаться.

— Из-за чего возникло это вращение?

Когда они начали спуск к Солнцу по параболической траектории, угловой момент щита был равен нулю.

ИЗ-ЗА ВОЗДЕЙСТВИЯ ПРИЛИВНЫХ СИЛ НА АСИММЕТРИЧНОЕ ТЕЛО ЩИТА.

— Я об этом не подумала.

Идея как раз и заключалась в том, чтобы нагретая сторона шлакового щита была обращена к Солнцу. Теперь из-за вращения щита это тепло частично излучалось на корабль. Шишковатая корка, которую Клэр слепила из разного мусора на орбите Меркурия, теперь тлела в инфракрасных лучах. Дальняя сторона щита стала плавиться.

— Это может нас сильно нагреть?

МЕЛКИЕ КОЛЕБАНИЯ. МЫ УЖЕ УЛЕТИМ, КОГДА ЭТО СТАНЕТ ИМЕТЬ ЗНАЧЕНИЕ.

— Как там камеры?

Клэр стала наблюдать за тем, как робот закрепляет одну из наружных матриц формирования

изображений. Ей удалось уговорить Институт солнечного дозора включить стоимость этих инструментов в ее комиссионные. Если робот сломает одну из матриц, это станет для нее прямым убытком.

ВСЕ ОТКАЛИБРОВАНЫ И ЗОНИРОВАНЫ. ВО ВРЕМЯ ПРОХОЖДЕНИЯ НАД ЦЕЛЬЮ У НАС БУДЕТ ТОЛЬКО 33,8 СЕКУНДЫ ДЛЯ НАБЛЮДЕНИЙ. НА ПЕРЕСЕЧЕНИЕ САМОЙ ПЕТЛИ УЙДЕТ 4,7 СЕКУНДЫ.

— Надеюсь, ученым понравится то, что они увидят.

Я РАССЧИТАЛА, ЧТО ВЕРОЯТНОСТЬ УСПЕХА, УМНОЖЕННАЯ НА ОЖИДАЕМУЮ ПРИБЫЛЬ, ПРЕВЫШАЕТ 62 МИЛЛИОНА ДОЛЛАРОВ.

— Я сторговалась на семьдесят пять миллионов комиссионных за этот полет. — Значит, Эрма полагает, что ее шансы сделать снимки червя...

ВЕРОЯТНОСТЬ СДЕЛАТЬ УСПЕШНЫЕ СНИМКИ ВО ВСЕХ ВАЖНЫХ ЧАСТОТНЫХ ДИАПАЗОНАХ СОСТАВЛЯЕТ 83 ПРОЦЕНТА.

Пора завязывать с устным счетом — Эрма всегда считает быстрее.

— Будь готова сбросить щит. Потом я подкину в топку позитрончиков. Вверх и прочь. Здесь становится жарковато.

ТЕМПЕРАТУРА В КАБИНЕ ПО-ПРЕЖНЕМУ РАВНА 22,3 ГРАДУСА ПО ЦЕЛЬСИЮ.

Клэр увидела, как среди добела раскаленных перьев плазмы вздымается пузырь размером с Европу. Непрерывно кипящая ярость.

— Ну, может быть, у меня разыгралось воображение, но все равно давай схватим информацию и смоемся, ладно?

Научного сотрудника Института солнечного дозора одолевали подозрения, но он очень хорошо это скрывал.

Клэр не могла разгадать выражение его вытянутого лица — плоскости и выступающие кости, кожа натянута, как на барабане. Такой стиль был популярен среди пионеров на астероидах полвека назад. Длинное, феноменально гибкое тело, подходящее для узких коридоров, большие руки. Со своеобразной грацией худого человека ученый обхватил ногами ножки стула и уставился на нее, склонив голову и улыбаясь настолько, чтобы не казаться грубым. Ровно настолько, не больше.

— Так это *вы* будете делать предварительное исследование?

— Не бесплатно. Презрительная усмешка.

— Не сомневаюсь. У нас есть специально разработанный корабль, почти готовый к старту с

окололунной орбиты. Боюсь, что...

— Я могу сделать это *немедленно.*

— Вам, несомненно, известно, что мы отстаем от графика...

— Это на Меркурии знают все. Свой первый зонд вы потеряли.

Ученый переплел толстые и длинные пальцы, изобразив большой интерес к тому, как они смотрятся вместе. «Возможно, ему неловко вести переговоры с женщиной, — подумала Клэр. — А может быть, он даже не любит женщин».

И все же его внешность ее странно тревожила — сплавом хрупкости и мускулистой мужественности. Поскольку он изучает свои пальцы, она тоже может заняться разглядыванием. Клэр лениво задумалась над тем, характерны ли удлиненные пропорции для всех его конечностей. Нет, все это сказки. Однако было бы интересно это выяснить. Но сперва дело, потом удовольствие.

— Очевидно, автопилот подвел корабль слишком близко, — заключил ученый. — Светопреломление объекта несколько неожиданное, и это затрудняет навигацию. И мы пока не можем сказать точно, в чем эта трудность заключается.

Клэр предположила, что он раздосадован неудачей и пытается этого не показывать. Люди

начинают так себя вести, когда вынуждены плясать на веревочках, которые дергают на Земле. И им приходится любить зарплату больше, чем себя.

— У меня на борту много свободного места, — заметила Клэр. — Я могу укрыть диагностические приборы, уберечь их от перегрева.

— Сомневаюсь, что ваш рудовоз имеет нужные технические характеристики.

— Да что тут может быть сложного? Я ныряю, ваши приборы делают снимки, я быстро улетаю.

Он фыркнул:

— Ваш корабль не приспособлен для приближения к Солнцу. Только у исследовательских кораблей есть все необходимые...

— У меня покрытие из фреснеля. — Дорогая облицовка, отражающая фотоны всех рас, вероисповеданий и цветов.

— Этого недостаточно.

— Я использую шлаковый щит. Кроме того, у меня достаточно мускулов. Полетев с пустыми трюмами, я могу смыться очень быстро.

— Наш корабль был очень тщательно спроектирован...

— Правильно, и вы его потеряли.

Ученый снова принялся разглядывать пальцы.

Крепкие, жилистые и одновременно толстые. Может быть, он в них влюблен? Клэр решила заполнить паузу, представляя некоторые интересные действия, которые он может сделать такими пальцами. Она давно усвоила, что при многих переговорах большую часть работы делает молчание.

— Мы... отстаем от графика нашего исследования. Ага, признался.

— Эти типы на Луне считают, что обязаны руководить буквально всем.

Он энергично кивнул:

— Мы ждали *месяцы.* А ведь червь может упасть на Солнце в любой момент! Я им говорил снова и снова...

Каким-то образом Клэр ухитрилась переключить его на режим потока жалоб. Целую минуту он распинался насчет тупых невежд, которые только просиживают штаны перед экранами, не имея практического опыта. Она изобразила сочувствие и стала любоваться тем, как его руки сжимаются, бугрясь мускулами. «Сначала дело», — пришлось ей напомнить самой себе.

— Так вы думаете, что он может просто... ну... улететь?

— Червь? — Он моргнул, выплывая из потока

жалоб. — Чудо уже то, что мы вообще его обнаружили. Он может в любой момент упасть на Солнце.

— В таком случае быстрота важнее всего. Вы... э-э-э... можете распоряжаться вашим местным бюджетом?

— Да. — Он улыбнулся.

— В сущности, речь идет о мелкой сумме. Сто миллионов.

— Это не мелочь. — Ученый быстро и сильно нахмурился.

— Ладно, пусть будет семьдесят пять. Но только наличными, хорошо?

Большая магнитная дуга возносилась над длинным и слегка изогнутым солнечным горизонтом. Расставивший ноги великан, только без туловища.

Клэр так откорректировала орбиту, чтобы скользнуть в нескольких километрах над верхней точкой арки. Внутри ее распускались красные цветы — водородная плазма, нагретая токами, которые порождают магнитные поля. Скороварка длиной тысячи километров.

Она простояла здесь месяцы и могла простоять годы. Или же взорваться в ближайшие несколько минут. Предсказывать, когда арки извергнут

солнечные вспышки, — это крупный научный бизнес, прогноз погоды в Солнечной системе, за которым пристально следят. Вспышка могла поджарить рабочих в поясе астероидов. Солнечный дозор наблюдает за всеми арками. Так они и обнаружили червя.

Трубки потока набухли.

— Уже есть изображение?

ДОЛЖНО БЫТЬ, НО СНИЗУ ИДЕТ ИЗБЫТОЧНЫЙ СВЕТ.

— Тоже мне новость! Здесь *все* избыточное.

ПО ДАННЫМ СО СПУТНИКОВ, ДИАМЕТР ОБЪЕКТА НЕСКОЛЬКО СОТЕН МЕТРОВ. НО Я ВСЕ ЕЩЕ НЕ МОГУ ЕГО ОБНАРУЖИТЬ.

— Проклятие!

Клэр рассматривала трубки потока, отслеживая некоторые от вершины арки до утолщения в ее основании, которым она держалась за бурлящее Солнце. Неужели червь упал? Он мог соскользнуть по этим магнитным линиям, шлепнуться в густое и более прохладное море плазмы. Потом он начнет падать до самого ядра звезды, пожирая ее. Вот *реальная* причина, почему на Луне так торопятся «изучить» червя. Страх.

— Где он?

ЦЕЛЬ ВСЕ ЕЩЕ НЕ ОБНАРУЖЕНА. ОБЛАСТЬ НА

ВЕРШИНЕ АРКИ ИСПУСКАЕТ СЛИШКОМ МНОГО СВЕТА. ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ОБОСНОВАНИЙ ЭТОМУ НЕТ.

— К черту теорию!

ВРЕМЯ ДО НАЧАЛА МИССИИ: 12,6 СЕКУНДЫ.

Арка рванулась навстречу, стремительно набухая. Клэр увидела, как тонкие волоконца внутри ее то вспыхивают, то гаснут, когда токи проходят по пути наименьшего сопротивления, постоянно удерживая равновесие между горячей плазмой внутри и магнитными стенами снаружи. Если сжать магнитный кулак, то плазма ответит ослепительным свечением. Сжатие — свет. Сжатие — свет. То, что природа смогла сотворить такое замысловатое диво и направить его по дуге над бушующим Солнцем, было чудом, но восхищаться им сейчас Клэр была не в настроении...

Пот заливал глаза, стекал по подбородку. Теперь никакие трюки с освещением не помогут забыть о жаре. Клэр заставила себя вдыхать и выдыхать.

Шлаковый щит принял на себя основной удар. Но в нижней точке параболической орбиты гигантский солнечный горизонт простирался раскаленным добела океаном во всех направлениях.

НАША
ВНУТРЕННЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПОВЫШАЕТСЯ.

— Еще как. Найди червя!

ИЗБЫТОЧНЫЙ СВЕТ НЕ ОСЛАБЕВАЕТ... НЕТ, ПОГОДИ. ОН ПРОПАЛ. ТЕПЕРЬ Я ВИЖУ ЦЕЛЬ.

Клэр шлепнула по подлокотнику кресла и испустила радостный вопль. Стенной экран показывал вершину арки. Они опускались к ней, скользя над самой верхушкой, и... вот он.

Темный шар. Или червь на дне гравитационного колодца. И совсем не похож на муху. Он устроился на силовых линиях подобно черному яйцу на бело-голубой соломе. Черное пасхальное яйцо, которое спасет Клэр и корабль от «Исатаку».

СЪЕМКА НАЧАТА. ОТКЛИК ПО ВСЕМУ СПЕКТРУ.

— Браво.

СЛОВО ВЫРАЖАЕТ ВОСТОРГ, НО ТВОЙ ГОЛОС — НЕТ.

— Я нервничаю. И плата за этот полет мне, конечно, поможет, но ее все равно не хватит, чтобы сохранить этот корабль. Или тебя.

НЕ ОТЧАИВАЙСЯ. Я СМОГУ НАУЧИТЬСЯ РАБОТАТЬ С ДРУГИМ КАПИТАНОМ.

— Для этого требуются большие способности к межличностному общению, старушка Эрма.

Вообще-то я волновалась не за тебя.

Я ЭТО ПОДОЗРЕВАЛА.

— Если я потеряю этот корабль, мне придется искать какую-нибудь работу для сурков.

На это у Эрмы не нашлось готового ответа, и она сменила тему:

ИЗОБРАЖЕНИЕ ЧЕРВЯ УМЕНЬШАЕТСЯ.

— Что?!

По мере того как они проносились над аркой, изображение съеживалось. По краям его размывала рябь сдавленного и скрученного света. Вокруг черного центра Клэр увидела пляшущие радуги.

— Что происходит? — Ее охватил внезапный страх: а вдруг эта штуковина падает, погружаясь в Солнце?

ОТНОСИТЕЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ НЕ ОБНАРУЖЕНО. ПО МЕРЕ НАШЕГО ПРИБЛИЖЕНИЯ СЖИМАЕТСЯ САМО ИЗОБРАЖЕНИЕ.

— Невозможно. Предметы выглядят крупнее, когда к ним приближаешься.

НО НЕ ЭТОТ ОБЪЕКТ.

— Неужели червоточина сжимается?

ОТМЕТКА! ПОЛОВИНА СЪЕМКИ ЗАВЕРШЕНА.

Клэр вспотела, и причиной тому была не жара.

— Что происходит?

Я ПОКА ЕЩЕ НЕ ПОДКЛЮЧИЛА СЕКЦИЮ ЗАПАСНЫХ ТЕОРИЙ.

— Как это утешает. Мне всегда становится лучше после симпатичной и приятной теории.

Червоточина внешне продолжала сжиматься, а дуга теперь стала отдаляться. Странных ярких радуг по окружности темного пятна стало больше. Вскоре они полностью скрыли изображение. Клэр заерзала.

ОТМЕТКА! СЪЕМКА ЗАВЕРШЕНА.

— Отлично. Роботы развернуты?

КОНЕЧНО. ДО ОТДЕЛЕНИЯ ОТ ЩИТА ОСТАЛОСЬ 189 СЕКУНД. НАЧАТЬ ОТСЧЕТ?

— Мы сделали все снимки, которые они хотели?

ВО ВСЕМ СПЕКТРЕ. ВЕРОЯТНАЯ ПРИБЫЛЬ - 75 МИЛЛИОНОВ.

Клэр еще раз завопила:

— Их хотя бы хватит на хорошего юриста, а может быть, чтобы заплатить штрафы.

ЭТО КАЖЕТСЯ ГОРАЗДО МЕНЕЕ ВЕРОЯТНЫМ. А ПОКА Я НАШЛА ОБЪЯСНЕНИЕ АНОМАЛЬНОМУ СЖАТИЮ ИЗОБРАЖЕНИЯ. У ЧЕРВОТОЧИНЫ ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ МАССА.

— Антивещество?

НЕТ. ЕЕ ПРОСТРАНСТВЕННО-ВРЕМЕННАЯ

КРИВИЗНА ПРОТИВОПОЛОЖНА НОРМАЛЬНОЙ МАТЕРИИ.

— Не понимаю.

Червоточина соединяет две области пространства, иногда это точки, разделенные множеством световых лет, — это она знала. Они были остатками первозданной горячей Вселенной, морщинками, которые не смогло разгладить даже ее расширение. Материя могла проходить сквозь один конец червоточины и появляться на другом ее конце — субъективно мгновение спустя. Вот вам и путешествия со сверхсветовой скоростью.

Эрма объясняла, используя свой канал высокоскоростной связи. Клэр слушала, едва успевая схватывать суть.

Имелась вероятность того, что за пятнадцать миллиардов лет, миновавшие после рождения червоточины, один из ее концов проглотил больше материи, чем другой. Если один конец застрял внутри звезды, то он поглотил огромную массу. И локально стал более массивным.

Но материя, льющаяся в приемный конец, выбрасывается на другом конце. Локально это выглядит так, словно выбрасывающий конец теряет массу. И пространство-время вокруг него искривляется в сторону, противоположную отно-

сительно принимающего конца.

— Поэтому он и выглядит как отрицательная масса?

ДОЛЖЕН ВЫГЛЯДЕТЬ. ПОЭТОМУ ОН ОТТАЛКИВАЕТ МАТЕРИЮ. А ДРУГОЙ КОНЕЦ ПРИ ЭТОМ ВЕДЕТ СЕБЯ КАК ПОЛОЖИТЕЛЬНАЯ, ОБЫЧНАЯ МАССА И ПРИТЯГИВАЕТ МАТЕРИЮ.

— В таком случае почему он не улетает от Солнца?

УЛЕТИТ И ЗАТЕРЯЕТСЯ В МЕЖЗВЕЗДНОМ ПРОСТРАНСТВЕ, НО ЕГО УДЕРЖИВАЕТ МАГНИТНАЯ АРКА.

— Откуда мы знаем, что у него отрицательная масса? Я видела лишь...

Эрма вывела на экран изображение:

ОТРИЦАТЕЛЬНАЯ МАССА ДЕЙСТВУЕТ КАК РАССЕИВАЮЩАЯ ЛИНЗА ДЛЯ ПРОХОДЯЩЕГО РЯДОМ СВЕТА. ВОТ ПОЧЕМУ НАМ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ОНА СЪЕЖИВАЕТСЯ, КОГДА МЫ НАД НЕЙ ПРОЛЕТАЛИ.

Клэр знала, что обычная материя фокусирует свет, подобно собирательной линзе. Взглянув на экран, она сразу увидела, что конец червоточины с отрицательной массой преломляет свет противоположным образом. Входящие лучи

отклонялись в стороны, оставляя перед собой темный туннель. Они пролетали поперек этого туннеля, ныряя в него, поэтому кажущийся размер червоточины уменьшался.

— Но чтобы так сильно сфокусировать свет, нужна целая *звезда.*

ВЕРНО.

ОДНАКО ЧЕРВОТОЧИНЫ УДЕРЖИВАЮТСЯ ВМЕСТЕ ЭКЗОТИЧЕСКОЙ МАТЕРИЕЙ, СВОЙСТВА КОТОРОЙ НАМ ПОКА СОВЕРШЕННО НЕИЗВЕСТНЫ.

Клэр не любила лекции, даже когда их читают с большой скоростью. Но у нее в голове уже забрезжила идея...

— Значит, этот червь не упадет на Солнце?

ОН

НЕ МОЖЕТ УПАСТЬ. Я БЫ ДАЖЕ ПРЕДПОЛОЖИЛА, ЧТО ОН ЗАСТРЯЛ ЗДЕСЬ, ВЫБИРАЯСЬ НАРУЖУ ПОСЛЕ СТОЛКНОВЕНИЯ С СОЛНЦЕМ.

— Ученые будут счастливы. Червь не сожрет ядро. ВЕРНО. И ЭТО ДЕЛАЕТ НАШИ РЕЗУЛЬТАТЫ ЕЩЕ БОЛЕЕ ВАЖНЫМИ.

— Более важными, но не более ценными.

Работа за фиксированную плату всегда действовала ей на нервы. Ты можешь выложиться и добиться выдающихся результатов, но получишь столько же, как если бы работала спустя рукава.

НАМ НЕОБЫКНОВЕННО ПОВЕЗЛО, ЧТО МЫ ЗАМЕТИЛИ СТОЛЬ РЕДКИЙ ОБЪЕКТ. ЧЕРВОТОЧИНЫ НАВЕРНЯКА РЕДКИ, А ЭТА ВРЕМЕННО ЗАДЕРЖАЛАСЬ ЗДЕСЬ. МАГНИТНЫЕ АРКИ ЖИВУТ ЛИШЬ НЕСКОЛЬКО МЕСЯЦЕВ, ПРЕЖДЕ ЧЕМ...

— Погоди-ка. Насколько велика эта штуковина?

ПО МОИМ РАСЧЕТАМ, ОКОЛО 10 МЕТРОВ В ПОПЕРЕЧНИКЕ.

— Значит, в институте ошиблись — она маленькая.

ОНИ
НЕ ЗНАЛИ ОБ ЭТОМ ЭФФЕКТЕ ПРЕЛОМЛЕНИЯ И ИНТЕРПРЕТИРОВАЛИ ДАННЫЕ, ИСПОЛЬЗУЯ ОБЫЧНЫЕ МЕТОДЫ.

— Нам повезло, что мы вообще ее видим.

ОНА УНИКАЛЬНА, РЕЛИКТ ПЕРВОЙ СЕКУНДЫ ЖИЗНИ НАШЕЙ ВСЕЛЕННОЙ. КАК КАНАЛ ПЕРЕХОДА В ДРУГУЮ ЕЕ ТОЧКУ, ОНА МОЖЕТ...

— Стоить целое состояние.

Клэр размышляла быстро. Эрма, вероятно, была права — семьдесят пять миллионов не спасут ее и корабль. Но теперь она знала нечто такое, чего не знал никто. И здесь она в первый и в последний раз.

— Отмени сброс щита.

НЕ СОВЕТУЮ. ТЕРМИЧЕСКАЯ НАГРУЗКА БУДЕТ БЫСТРО ВОЗРАСТАТЬ.

— Ты программа, а не офицер. Выполняй.

Клэр стала действовать, уступив порыву.

В этом и заключается разница между инженерами и пилотами. Инженеры продолжают сомневаться и подсчитывать, даже когда их уже убедили. Пилоты — никогда.

Они просто выходят на нужную орбиту и не потеют над цифрами.

Потеют. Клэр старалась не воспринимать свой запах.

Думай о чем-нибудь прохладном. Теория.

Полулежа на кожаной кушетке, Клэр вспоминала инструктаж у научного сотрудника. Графики, замысловатые уравнения, статьи. Червоточины как окаменелости Большого Взрыва. Червоточины как туннели, ведущие во все уголки Вселенной. Червоточины как потенциальные разрушители, если они попадают в звезду и пожирают ее.

Клэр попыталась представить рот поперечником всего в *несколько*метров, высасывающий звезду, перекачивающий ее раскаленную массу куда-то в дальний космос. Чтобы червоточина

могла такое проделывать, она должна состоять из экзотического материала, определенного рода материи «с отрицательной средней плотностью энергии». Чем бы она ни была, она родилась в момент Большого Взрыва. Она пронизывает червоточины от входа до выхода. Замечательный строительный материал, если суметь его раздобыть. А Клэр, может быть, сумеет.

Итак, червоточины могут убить нас, а могут сделать богами. Человечество должно *знать*,сказал ей тощий научный сотрудник.

— Да будет так, — произнесла она тост, тщательно все обдумав и обращаясь к экранам. На них в полную смертоносную мощь полыхало пламя термоядерного синтеза.

Клэр никогда не тратилась на оснащение голых металлических коробок, каковыми были почти все рудовозы и буксиры. У нее был суровый бизнес, в котором из рук в руки переходили толстые пачки наличных. Прибыль в последнее время была низкой, а иногда и убыток, поэтому она и задолжала «Исатаку» так много. Перевозка мегатонн массы вверх по градиенту гравитации была делом медленным и долгим. Но кто мешает добавить немного стильности? Облицовка из фреснеля, которую Клэр заказала, совершив

удачную сделку на рынке руды, помогала поддерживать внутри корабля прохладу, и она не обжигалась, ползая по смотровым каналам. Добавочная масса толстых ковров, журчащего водопадика и бильярдного стола была ничтожной. То же относилось и к водяной оболочке вокруг ее жилого помещения, которая теперь деловито спасала ей жизнь.

Клэр осталось ждать два часа, скользя, подобно плоскому камешку, над солнечной короной. «Серебряный лагтер» уже сбросил шлаковый щит, и тот унесся по длинной параболе в бесконечность, поблескивая расплавленными лужицами.

После этого Клэр впервые за несколько недель включила двигатель корабля. Струйка антивещества вырвалась из магнитных ловушек, столкнулась с реакционной массой, и в камере двигателя вспыхнул ад. Камера сфокусировала ревущую массу аннигилирующей материи в реактивную струю, и серебристый корабль вышел на новую, более низкую орбиту.

Смертельную орбиту, если они задержатся на ней дольше нескольких часов.

Я НАКАЧИВАЮ БОЛЬШЕ ВОДЫ В ТВОИ ЭКРАНЫ.

— Хорошая идея.

Корабль уже был посеребрен настолько, насколько позволяла технология, и отражал солнечный свет почти полностью. Облицовка из узкополосных фреснелевых фильтров была многослойной. Лучше не бывает.

Без щита кораблю понадобится более десяти часов, чтобы стать таким же горячим, как и бьющий снизу поток

Преломление света объектом с отрицательной массой (горизонтальная шкала сильно сжата), свет выметается из центральной области, создавая область тени с нулевой яркостью. По краям тени лучи накапливаются, создавая радужную каустическую линию и повышая яркость света.

раскаленного света с температурой шесть тысяч градусов. Чтобы выжить в таких условиях хотя бы два часа, придется испарить большую часть запаса воды. Клэр покупала ее на Меркурии по местным заоблачным ценам — для полета к Луне. Теперь она задумчиво прислушивалась к тому, как вода журчит между стенами.

Тост за воду Клэр поднимала бокалом шампанского из единственной на корабле бутылки. Если ей суждено погибнуть, то хотя бы не придется сожалеть, что шампанское пропало зря.

Я СЧИТАЮ ЭТОТ ПЛАН ЧРЕЗВЫЧАЙНО...

— Заткнись!

МЫ ВЫПОЛНИЛИ ЗАДАНИЕ, ПЕРЕСЛАЛИ ИНФОРМАЦИЮ В ИНСТИТУТ. ТЕПЕРЬ МЫ ДОЛЖНЫ СЧИТАТЬ, ЧТО НАМ ПОВЕЗЛО, И СЛЕДОВАТЬ ТЩАТЕЛЬНО СОСТАВЛЕННЫМ ПЛАНАМ.

— Засунь их куда подальше.

НИКОГДА НЕ ЗАДУМЫВАЛАСЬ НАД ТЕМ, КАКАЯ СЛОЖНЕЙШАЯ МЕНТАЛЬНАЯ АРХИТЕКТУРА НЕОБХОДИМА ДЛЯ КАЧЕСТВЕННОЙ СИМУЛЯЦИИ ЛИЧНОСТИ НАПОДОБИЕ МЕНЯ. МЫ ТОЖЕ ОБЛАДАЕМ ПОДОБНЫМИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИМ МОТИВАЦИЯМИ, ЧУВСТВАМИ И СТРАХАМИ.

— Ты их симулируешь.

А КАК ТЫ МОЖЕШЬ ОЩУТИТЬ РАЗНИЦУ? ХОРОШАЯ СИМУЛЯЦИЯ СТОЛЬ ЖЕ ТОЧНА И СТОЛЬ ЖЕ СИЛЬНА, КАК...

— У меня нет времени спорить.

Эта тема Клэр была неприятна, и черта с два она проживет, быть может, последний час своей жизни с ощущением вины. Или начнет сомневаться. Решение принято, и точка.

Экраны мигнули, и на них появился хмурый научный сотрудник:

— Команда корабля! Мы все еще не получили от вас подтверждение о возвращении. Вы остались

на орбите. У вас неисправности? Объясните.

Клэр и ему отсалютовала бокалом с шампанским. Замечательный вкус. Разумеется, она заранее приняла антиалкогольную таблетку, чтобы рефлексы оставались быстрыми, а разум ясным. Эрма рекомендовала и другие таблетки, чтобы Клэр сохраняла спокойствие, — химическое утешение пред лицом грубой физики.

— Я собираюсь привезти домой червя.

— Это невозможно. Судя по вашим данным, это конец с отрицательной массой, и это очень хорошая новость, но...

— И еще он маленький. Возможно, я смогу его перевезти.

Ученый мрачно покачал головой:

— Очень рискованно, *очень*...

— Сколько вы за него заплатите?

— Что? — Он моргнул. Интересный получился эффект при таких длинных ресницах. — Вы не можете *продать* астрономический объект...

— Все, что захваты корабля способны удержать, — мое. Космический кодекс, статья шестьдесят четвертая, пункт третий.

— Вы мне цитируете законы, когда научное открытие такой величины...

— Так это вам нужно или нет?

Он взглянул в сторону от камеры — ему явно отчаянно хотелось с кем-нибудь посоветоваться. Но говорить с Луной или с «Исатаку» некогда. Решать придется ему.

— Ну... хорошо. Вы сами-то понимаете, на какую глупость решились? И что мы не несем никакой ответственности за...

— Не надо лишних слов. Мне нужна оценка напряженности магнитного поля внутри той арки. Пусть ваша команда над этим поработает.

— Техническую поддержку мы, конечно, окажем. — Ученый еле заметно улыбнулся. — И я уверен, что насчет цены мы тоже договоримся, если вы выживете.

У него, во всяком случае, хватило честности сказать *если,* а не *когда.* Клэр налила в изящный бокал еще один столбик золотистой жидкости. Лучший хрусталь, разумеется. Когда тебе нужен только один, можешь позволить себе лучшее.

— Перешлите данные мне, точнее, Эрме.

— У нас проблемы с передачей данных сквозь плотные колонны плазмы над вами...

— Эрма принимает сигналы со спутника. Перешлите через него.

— Проблемы при выполнении того, что вы запланировали... они *огромные.*

— Как и мой долг «Исатаку».

— Все это следовало продумать, обсудить...

— Вот я сейчас и обсуждаю — с бокалом шампанского.

У ТЕБЯ НЕТ ПЛАНА.

В голосе Эрмы четко прозвучали обвинительные нотки. Хороший сим в комплекте с женской хитростью и лукавством. Клэр проигнорировала ее слова и сбросила остатки одежды.

— Жарко.

РАЗУМЕЕТСЯ. КАК ТОЛЬКО МЫ ВЫШЛИ НА НОВУЮ ОРБИТУ, Я ПРОВЕЛА РАСЧЕТ СКОРОСТИ ПОДЪЕМА ТЕМПЕРАТУРЫ. РЕЗУЛЬТАТ ИДЕАЛЬНО СООТВЕТСТВУЕТ ЗАКОНУ СТЕФАНА-БОЛЬЦМАНА.

— Браво. — Клэр стряхнула пот с волос. — Стефан— Больцман, делайте свое дело.

МЫ
ВЫПОЛНЯЕМ ТОРМОЖЕНИЕ ПОСЛЕДОВАТЕЛЬНО. ВРЕМЯ ПРИБЫТИЯ: 4.87 МИНУТЫ. ЗАПАСЫ АНТИВЕЩЕСТВА ДЕРЖАТСЯ. МОГУТ ВОЗНИКНУТЬ ПРОБЛЕМЫ С МАГНИТНЫМИ БУТЫЛКАМИ.

Корабль загудел, сбрасывая скорость. Клэр погрузилась в проверку корабельных систем, сидя в уютном кресле, — это заставляло минуты ползти чуточку быстрее. Время от времени она нервно поглядывала на экраны, на которых титаниче-

ские башни огня вздымались из раскаленных равнин. Пламя, стремящееся ее лизнуть.

Клэр ощутила внезапную усталость. Воздух становился неприятно теплым. Сердце колотилось сильнее. Она поднялась и бросила Эрме:

— И у меня есть план.

НЕ СОЧЛА НУЖНЫМ ПОДЕЛИТЬСЯ СО МНОЙ?

Клэр закатила глаза. Обиженный сим — только этого ей и не хватало.

— Я боялась, что ты станешь смеяться.

Я НИКОГДА НЕ СМЕЯЛАСЬ.

— Именно поэтому.

Клэр не обращала внимания на подмигивающие ей многочисленные красные предупреждения. Системы работают нормально, хотя и в тяжелых условиях из-за жары. Но почему на нее навалилась такая медлительность? «Такие игры не для тебя, девочка».

Клэр отложила инфопанель. Ее удивило усилие, которого потребовало это простое движение. «Надеюсь, таблетка против алкоголя действует. Приму еще одну».

Она встала, чтобы взять таблетку... и упала, стукнувшись коленом.

— Вот черт! Эрма промолчала.

Чтобы встать на четвереньки, пришлось по-

трудиться, и Клэр еле смогла вскарабкаться обратно на кресло. Она весила тонну... и тут до нее дошло.

— Мы тормозим, поэтому я сильнее ощущаю местную гравитацию.

ГРУБОВАТО СФОРМУЛИРОВАНО, НО ПО СУТИ ПРАВИЛЬНО. Я ВЫВОЖУ НАС НА ДРУГУЮ ОРБИТУ, В КОНЦЕ КОТОРОЙ МЫ ЗАВИСНЕМ НАД КОРОНАЛЬНОЙ АРКОЙ. ВСЕ КАК ТЫ ПРИКАЗАЛА.

Клэр с трудом приподнялась. Не злорадство ли прозвучало в голосе Эрмы? Неужели симы личности способны испытывать и такое?

— А какова местная гравитация? 27,6 ЗЕМНОЙ.

— Что?! Почему же ты мне не сказала?

Я САМА ОБ ЭТОМ НЕ ПОДУМАЛА, ПОКА НЕ НАЧАЛА ЗАМЕЧАТЬ ЭФФЕКТ ЕЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ НА КОРАБЛЬ.

«Ага, и решила преподать мне небольшой урок смирения». Но Клэр сама во всем виновата — физика здесь достаточно простая. Нахождение на орбите означает, что центробежное ускорение точно уравновешивает местную гравитацию. Корабль сможет выдержать 27,6 *g*. Он рассчитан на то, чтобы тянуть груз руды, в тысячи раз превыпающий его массу.

Но на такое способна лишь углеродистая сталь.

Сойди с орбиты, зависни — и от тебя останется только красная паста.

Клэр поползла через комнату по ковру. Суставы немилосердно болели.

— Должен быть...

ОТМЕНИТЬ ПЛАН ПОЛЕТА?

— Нет! Должен быть способ...

ДО ПРИБЫТИЯ 3,9 МИНУТЫ.

Голос сима сочился злобной радостью.

— Вода, — простонала Клэр.

У МЕНЯ ТРУДНОСТИ С ПРИЕМОМ ТВОЕГО СИГНАЛА.

— Потому что это скафандр для космоса, а не для ныряния.

Клэр плыла над своей кожаной кушеткой. Жаль дорогую внутреннюю отделку, но что поделаешь? Сейчас весь ее жилой отсек был заполнен питьевой и технической водой. Нужно было или быстро это сделать, или превратиться в комковатую томатную пасту.

Клэр проползла сквозь люк и вытянула из зажимов скафандр. Чтобы надеть его, пришлось потрудиться. То, что она была мокрая от пота, помогло, но не очень. Потом рука застряла в рукаве, и Клэр никак не могла вытянуть проклятую конечность, чтобы попробовать снова.

В тот момент она едва не запаниковала. Но пилоты не имеют права поддаваться страху, потому что им надо управлять кораблем. И Клэр заставила себя вытащить руку медленно, по сантиметру, не обращая внимания на все прочее.

И как только Эрма закачала в помещение запас воды, сработал закон Архимеда. При надутом скафандре вес вытесненной ее телом воды точно равнялся ее весу. Подводное плавание — редкое ощущение на Луне или Меркурии. Клэр никогда не плавала под водой, поэтому никогда не понимала, как это сходно с пребыванием на орбите. И еще прохладно.

«Пока не сваришься, как омар».

Вода хорошо проводит тепло, в четыре раза лучше воздуха, и это узнаешь на ощупь, летая на грузовиках рядом с Солнцем. Поэтому сперва надо послать весь корабль к черту и охлаждать только воду. Затем Эрме надо перенаправить часть воды в теплообменники, позволяя ей выкипать, чтобы защитить все остальное. Выигрывая время.

НАСОСЫ УЖЕ ГОРЯЧИЕ. У НЕКОТОРЫХ ОТКАЗЫВАЮТ ПОДШИПНИКИ.

— С этим мы сейчас ничего не можем сделать, верно? Клэр была удивительно спокойной, и из-за этого страх

в животе становился тяжелым комком. Слишком много проблем, о которых надо думать, и все они сложные. Вода может вызвать короткие замыкания. И по мере ее выкипания у Клэр будет все меньше защиты от бьющих снизу рентгеновских лучей. И лишь вопрос времени...

МЫ ЗАВИСЛИ. ЕСЛИ ТЫ НЕ ЗАБЫЛА, ТО МАГНИТНЫЕ ЛОВУШКИ ДЛЯ АНТИВЕЩЕСТВА СВЕРХПРОВОДЯЩИЕ.

С ПОВЫШЕНИЕМ ТЕМПЕРАТУРЫ ОНИ ОТКАЖУТ.

Клэр все еще могла видеть экраны, хотя и с размытым из-за воды изображением.

— Ладно, ладно. Выдвигай магнитные захваты. Вниз, в арку.

Я НЕ СМОГУ...

— Мы отправляемся на рыбалку. Но не с червем — *за* червем.

«Трудно пилотировать на дне бассейна», — подумала Клэр, направляя корабль вниз на бурлящий погребальный костер.

Вибрация ощущалась даже сквозь воду. Антивещество аннигилировало в реакционной камере с невиданным прежде расходом. Корабль стонал и дребезжал. Гравитация сама по себе не подарок, а теперь к ней добавилось термическое расширение корабля, из-за которого напрягалась

каждая балка и заклепка.

Клэр вглядывалась вниз. Текли секунды. Где? *Где?*

Вот она. Среди лент магнитной дуги висела темная сфера. Над ней трепетали длинные красные ленты. Веер фиолетовых лучей, похожих на зловещие волосы, окаймлял ее, извиваясь в неистовом танце. Дыра, ведущая в другое место Вселенной.

КРАСНОЕ И ГОЛУБОЕ СМЕЩЕНИЕ ВОЗНИКАЕТ ИЗ-ЗА МОЩНЫХ ПСЕВДОГРАВИТАЦИОННЫХ СИЛ, КОТОРЫЕ ПОДДЕРЖИВАЮТ ЕЕ СУЩЕСТВОВАНИЕ.

— Так говорит теория. Не хотела бы я ее потрогать.

РАЗВЕ ЧТО МЕТАФОРИЧЕСКИ.

Клэр нервно рассмеялась:

— Нет, магнитно.

Она приказала Эрме опустить корабль ниже, в гущу магнитных трубок потока. Вибрация нарастала, отдаваясь в палубе нервным гудением. Клэр нетерпеливо проплывала от одного экрана к другому, поглядывая на червя и оценивая расстояние. «Чертовски далеко для полета».

Выхлопная струя их двигателя размывала эбеновые очертания червоточины. Подобно черному теннисному мячу в бело-голубом прибое,

она покачивалась и подергивалась на волнах магнитной турбулентности. Клэр видела, что в нее ничего не падает. Струи плазмы изгибались вдоль трубок потока, уносясь прочь. Отрицательная кривизна отталкивала материю — и будет отталкивать корпус корабля тоже.

Но у магнитных полей *нет* массы.

Для большинства людей магнитные силы — это нечто таинственное, но для пилотов и инженеров, которые с ними работают, они всего лишь большие и прочные ленты, которым нужно придать форму. Подобно резиновым лентам, они растягиваются, накапливая энергию, а потом стягиваются обратно, если их отпустить. И еще их почти невозможно разорвать.

Во время обычной работы «Серебряный лаггер» захватывал этими магнитными пальцами огромные контейнеры с рудой. Контейнеры взлетали с Меркурия, запущенные на орбиту электромагнитной пращой. Самой сложной для Клэр работой было ловить их магнитной перчаткой.

Теперь ей предстояло поймать контейнер искривленного пространства-времени. И быстро.

МЫ НЕ МОЖЕМ ОСТАВАТЬСЯ ЗДЕСЬ ДОЛГО. ВНУТРЕННЯЯ ТЕМПЕРАТУРА ПОВЫШАЕТСЯ НА 19,3 ГРАДУСА В МИНУТУ.

— Быть такого не может. Мне все еще комфортно. ПОТОМУ ЧТО Я ПОЗВОЛЯЮ ВОДЕ ИСПАРЯТЬСЯ,

УНОСЯ С СОБОЙ ОСНОВНУЮ ЧАСТЬ ТЕПЛОВОГО ПОТОКА.

— Приглядывай за этим.

Я ОЦЕНИВАЮ ВЕРОЯТНУЮ ПРИБЫЛЬ ОТ ЗАХВАТА ЧЕРВОТОЧИНЫ В 2,8 МИЛЛИАРДА.

— То, что надо. Ты умножаешь прибыль в долларах на вероятность успеха?

ДА. УМНОЖАЮ НА ВЕРОЯТНОСТЬ ОСТАТЬСЯ В ЖИВЫХ.

Ей не захотелось спрашивать, каково численное значение этой вероятности.

— Продолжай нас опускать.

Вместо спуска они затормозились. Трубки потока в арке толкали корабль вверх. Клэр расширила магнитные поля корабля, запустив генераторы и накачивая ток в миллионы индукционных петель, опоясывающих корпус. «Серебряный лаггер» был одной большой электросхемой, и вокруг его цилиндрической оси были намотаны катушки индуктивности.

Клэр осторожно подала на них ток, впрыскивая еще больше антивещества в камеры. Многополярные поля корабля разбухли. «Забросим

леску...»

Они силой прокладывали себе дорогу вниз. На экранах Клэр видела, как магнитные захваты тянутся намного ниже струй выхлопа. Нащупывают.

Клэр приказала быстро сменить несколько команд. Эрма переключила связи, состыковала нужные программы, и все это почти мгновенно. «Хороший работник, но как сим личности нестабильна», — подумала Клэр.

Поля корабля вытянулись на максимальное расстояние. Теперь она могла использовать перчатки своего скафандра как модифицированное дистанционное управление — магнитные перчатки. Она ощущала их как магнитные захваты. Шелковистые и гладкие, силовые линии скользили и расширялись, словно резиновый воздух.

Их обдували плазменные бури. Клэр потянулась вниз, и ей показалось, как будто она погружает руки в растягивающийся эластичный бак. Пальцы зашевелились, отыскивая единственную жемчужину в этой навозной куче.

Клэр нашарила колючий самородок — словно волосатый камешек. По опыту работы с контейнерами она узнала ощущение замкнувшихся магнитных диполей. У червя имелись собствен-

ные магнитные поля. Они-то и загнали его в эту ловушку, в магнитную паутину арки.

Всплеск поля хлестнул по невидимым пальцам Клэр. И она потеряла черную жемчужину.

А в ослепительно-горячей плазме Клэр не могла ее разглядеть.

Поискала эластичными полями, но ничего не поймала.

МАГНИТНЫЕ БУТЫЛКИ ДЛЯ АНТИВЕЩЕСТВА В ОПАСНОСТИ. ИХ СВЕРХПРОВОДЯЩИЕ МАГНИТЫ БЛИЗКИ К КРИТИЧЕСКОЙ ТЕМПЕРАТУРЕ. ОНИ ОТКАЖУТ ЧЕРЕЗ 7,4 МИНУТЫ.

— Дай мне сосредоточиться! Нет, погоди — охлади их водой. Выиграй немного времени.

НО ВСЯ ОСТАВШАЯСЯ ВОДА СЕЙЧАС В ТВОИХ ЖИЛЫХ ПОМЕЩЕНИЯХ.

— Это все, что осталось? — Клэр обвела взглядом некогда роскошную *жилую*комнату. Она же спальня, зона отдыха и кухня. — Сколько... еще?

ПОКА ВОДА НЕ НАЧНЕТ ИСПАРЯТЬСЯ? ПОЧТИ ЧАС.

— Но когда вода испаряется, она кипит! ПРАВИЛЬНО. Я ВСЕГО ЛИШЬ СТАРАЮСЬ ПРИДЕРЖИВАТЬСЯ ФАКТОВ.

— А все эмоции оставляешь мне, да?

Она набрала команды на пульте скафандра. В

стоячей и нагревающейся воде ее пальцы шевелились, как сосиски.

Клэр приказала роботам выйти на корпус и освободить несколько сервомеханизмов, которые заклинило. Они сделали свое дело, но их угловатые тельца хлестал плазменный ветер. Двоих сдуло.

Клэр снова потянулась вниз. Стала искать. Где же червь?

Извивающиеся трубки потока метались вдоль корпуса корабля. Клэр заглянула в красное свечение перегретой плазмы. Горячо, но терпимо. Настоящий же враг — бьющий снизу фотонный ураган, обжигающий даже посеребренный корпус.

У нее еще оставались на корпусе рабочие роботы. У четверых имелись реактивные двигатели. Клэр освободила крепления всех четверых. Роботы включили двигатели, и она направила их вниз в определенном порядке.

— Отслеживай их траектории, — приказала она Эрме. На экране появились оранжевые линии трасс. Роботы мчались вниз навстречу своей смерти. Один резко дернулся в сторону.

— Червь там! Мы не можем его увидеть из-за проклятой плазмы, но он отклонил робота.

Роботы испарились, брызнув струйками жидкого металла. Клэр последовала за ними, нащупывая червя.

Магнитные силовые линии вытягивались, искали.

У НАС ОСТАЛОСЬ 88 СЕКУНД УДЕРЖАНИЯ АНТИВЕЩЕСТВА.

— Спасай резерв!

У ТЕБЯ НЕТ ПЛАНА. Я ТРЕБУЮ, ЧТОБЫ МЫ ВЫПОЛНИЛИ АВАРИЙНУЮ ПРОЦЕДУРУ.

А на Земле группы экспертов затевали нескончаемые споры — Клэр наслушалась их досыта в передачах по направленному лучу. Червоточина с отрицательной массой упасть не может, поэтому она не сможет пронзить мантию Земли и проглотить ее ядро.

Зато узкий корабль может влететь прямо в нее, преодолев гравитационное отталкивание, и выйти... где? Этого не знал никто. Червь не извергал массу, значит, другой его конец не расположен внутри звезды или какого-либо иного явно опасного места. Одна из полудюжины новых теорий, прозвучавших в передачах, утверждала, что это, возможно, червоточина со многими концами — и с положительной, и с отрицательной массами. В этом случае, нырнув в нее, можно вынырнуть в

разных местах. Своего рода галактическое метро.

Итак: опасности нет, а возможностей множество. Интересные рыночные перспективы. Клэр пожала плечами:

— Пусть ваш юрист поговорит с моим юристом.

— Это уникальный природный ресурс...

— И он мой. — Она улыбнулась.

Он, худой и мускулистый, — лучший мужчина, какого она видела за последние недели. А также единственный мужчина, которого она видела за эти недели.

— Знаете, ведь моя команда может захватить ваш корабль. — Он навис над ней, использовав обычный мужской «интеллектуальный» прием.

— Вряд ли вы настолько быстры.

— А при чем здесь скорость?

— Я всегда могу отключить захваты. — Она протянула руку к выключателю. — Если он не мой, то я могу сделать его общим достоянием.

— Да зачем вам... Нет, нет надо! Выключатель был не тот, но он об этом не знал.

— Если я выпущу червя, он улетит — антигравитация или что-то в этом роде.

Он моргнул:

— Мы можем его поймать.

— Вы даже не сумеете его найти. Он же абсолютно черный. — Она постукивала по выключателю, кривя губы в зловещей улыбочке.

— Пожалуйста, не надо.

— А мне надо услышать цифру. Ваше предложение. Он так сжал губы, что они побелели.

— Цену за червя после вычета ваших штрафов? Теперь настал ее черед моргнуть:

— Каких еще штрафов? Это же был официальный, одобренный полет...

— Та солнечная вспышка... ее не было бы еще месяц. А вы хорошо над ней потрудились — вся магнитная аркада вылетела одним залпом. И людям до самых астероидов пришлось мчаться по укрытиям.

Ученый не сводил с нее глаз, и Клэр не могла решить, правду ли он говорит.

— Значит, их убытки...

— Могут оказаться весьма высокими. Плюс гонорары адвокатам.

— Вот именно. — Он едва заметно улыбнулся.

Эрма пыталась ей что-то сказать, но Клэр приглушила ее голос, и тот запищал, как раздраженное насекомое.

Она неделями терпела женский сим личности со скверным настроением. Хватит, натерпелась.

Ей нужно противоядие. Этот тип ведет неправильную политику, но ориентироваться на это столь же глупо, как и сама политика. Название ее корабля было, по сути, шуткой на тему долгих и одиноких полетов на рудовозе. И этого с нее хватит. А он такой высокий и мускулистый.

— *Touche,* — улыбнулась она. — Хорошо, мы договорились.

Он просиял:

— Моя команда сразу начнет работу...

— И все же должна сказать, что вам надо поработать над навыками деловых переговоров. Грубовато работаете.

Он нахмурился, но тут же понимающе улыбнулся. Впрочем, утонченность тоже не была сильной стороной ее характера.

— Не обсудить ли нам их... за обедом?

Погружение

Воздух Африки был напоен ароматами. В сухом, агрессивном жаре таилось обещание примитивных и древних чудес, недоступных пониманию.

Келли взглянула на пейзаж, раскинувшийся за массивными стенами.

— Дикие животные не проникнут сюда?

— Нет, я полагаю. Стены довольно высоки, к тому же тут полно сторожевых собак. Квазипсы — так, кажется, они называются.

— Отлично. — Она улыбнулась, и он сразу понял, что сейчас всплывет какой-то секрет. — Вот я и заманила тебя в эту глушь, чтобы оказаться подальше от Хельсинки.

— А не для того, чтобы изучать шимпанзе?

— Что ж, это весьма забавно, — ответила Келли. — По крайней мере, безопасно. А вот если бы ты остался в Хельсинки, тебя могли бы убить.

Он отвел глаза от прекрасного ландшафта. Келли говорила серьезно.

— Ты думаешь, они способны?..

— Вполне!

— Понятно. — На самом деле он мало что пони-

мал, но уже давно привык полагаться на мнение жены во всех практических вопросах. — Ты думаешь, «Транснациональные технологии» попытаются?..

— Расквитаться с тобой за то, что ты подорвал их авторитет? Конечно. Но они, разумеется, не станут идти напролом.

— Но ведь все уже закончено, стороны договорились.

Леон сделал удачное социометрическое предсказание относительно политических и экономических тенденций развития Центральной Европы. Его репутация была достаточно весомой, чтобы прогноз привел рынок к катастрофе. Экономика все больше напоминала моду: основные виды приоритетных товаров менялись, словно длина юбки.

«Транстехнологии» понесли серьезные потери, чувствительные даже для корпорации мирового уровня, каковой они и являлись. Ученого обвинили в манипулировании рынком, хотя он всего лишь честно пытался испробовать новую модель социальной истории.

«Господа из корпорации, — подумал он, — вели себя, как обиженные дети. Но ничего, разум, в конце концов, должен возобладать».

— Ты собираешься делать новые прогнозы? — спросила Келли.

— Как только мне удастся откорректировать некоторые параметры…

— Понятно. Значит, корпорации следует ждать новых неприятностей. Может, не стоит их дразнить?

— Ты преувеличиваешь. — Взмахом руки он словно отбросил ее тревогу.

«А с другой стороны, — подумал он, — отпуск мне совсем не помешает».

Посетить суровый девственный мир… За долгие годы прозябания в Хельсинки он забыл, какой яркой и дикой бывает подлинная природа. Зеленое и желтое — после десятилетий, проведенных среди стали и бетона.

Небо здесь было удивительно бездонным, не обезображенным каракулями непрерывно пролетающих самолетов; яркие птицы делали его по-настоящему живым. По ту сторону стены возвышалось одинокое дерево, которое сердито трепал ветер. Наконец ветер вырвал пригоршню листьев и помчал их над сумрачной равниной, словно перья раненой птицы. Другая сторона долины, та, где обитали шимпанзе, казалось, была накрыта серым пологом: там шел мелкий,

холодный дождь. Леон вдруг задумался: как бы почувствовал себя он, попав под потоки воды без всякой надежды на убежище и тепло. Может быть, комфорт и рутинный порядок вещей Хельсинки подходит ему гораздо больше, нежели эта непредсказуемая стихия.

Он показал в сторону далекого леса.

— Мы отправимся туда? — Ему нравилось новое место, хотя джунгли и несли в себе какую-то скрытую угрозу.

Прошло много лет с тех пор, как он в последний раз соприкасался с природой и работал руками. Это было еще на ферме его отца.

— Ты и здесь пытаешься строить прогнозы?

— Я предвкушаю! Келли усмехнулась.

— У тебя всегда найдется более весомое слово — на любую мою реплику.

— Наше путешествие кажется мне слишком… туристическим.

— Естественно. Мы ведь действительно туристы.

Скалы вздымали вверх свои острые пики, напоминавшие зазубренные края вскрытых консервных банок. За толстыми деревьями серый туман разбивался о бесцветные, гладкие хребты гор. Даже здесь, на открытом склоне холма, База

была окружена гладкоствольными деревьями с толстой корой, под которыми лежал густой слой пожухлых, преющих листьев: казалось, вдыхаешь влажный опиум.

Келли допила свой коктейль и встала.

— Пойдем, общество, кажется, в сборе.

Он послушно последовал за нею и почти сразу понял, что совершил ошибку. «Общество» было разодето в потрепанные костюмы для сафари и, кажется, успело порядком поднабраться: раскрасневшиеся лица горели возбуждением. Леон отмахнулся от официанта, разносившего бокалы с шампанским: алкоголь притуплял восприятие. Однако он старался улыбаться и поддерживать беседу. Однако это оказалось совсем непросто.

— Откуда вы? О, Хельсинки — и как он там? Мы из (подставьте название любого города), слышали? — Конечно, они с Келли ничего не слышали о названном городе.

Большая часть «общества» принадлежала к туристам, которых привлекли уникальные возможности этого места. Ему показалось, что каждое третье слово в разговоре — *природный* или *жизненный* , и произносились они, как мантры.

— Какое облегчение — оказаться вне прямых линий, — заявил худощавый мужчина.

— Что вы имеете в виду? — спросил Леон, стараясь выглядеть заинтересованным.

— Ну, в природе не существует прямых линий. Это дело рук людей. — Он вздохнул. — Я люблю находиться там, где нет ничего прямого!

Леон моментально подумал о сосновых иголках; о пластах метаморфической горной породы; о внутренней грани полумесяца; о шелковых нитях паутины; о гранях кристалла; о белых кварцевых прожилках на сколе гранита; о далеком горизонте большого, спокойного озера; о стволах молодых быстрорастущих деревьев; о трещинах на льду; о косяках перелетных птиц; о сосульках.

— Не согласен, — сказал Леон.

И больше ничего не добавил.

Его привычка к коротким репликам приводила к тому, что разговор быстро заходил в тупик; а эти люди уже успели неплохо подогреть свои чувства. Они безудержно болтали, предвкушая погружение в жизнь существ, обитающих внизу, в долине. Леон молча слушал, он был заинтригован. Кое-кто хотел посмотреть на мир глазами стадных животных, другие мечтали стать охотниками или птицами. Они говорили об этом так, словно им предстояло участвовать в спортивных соревнованиях — Леон подходил к данной про-

блеме иначе. Он, как и прежде, не вмешивался в разговор.

Наконец им с Келли удалось ускользнуть в небольшой парк, располагавшийся рядом с Базой и устроенный так, чтобы ознакомить гостей с местными условиями, прежде чем они отправятся в более далекие путешествия. Здесь они увидели краали с домашними животными. Уникальные экземпляры, животные с измененными генами, естественно, здесь отсутствовали.

Леон остановился; глядя в крааль, он снова погрузился в размышления о социальной истории. Его разум продолжал анализировать разные аспекты этого предмета. В подобных ситуациях он уже давно научился не вмешиваться в поток своего сознания.

Животные. Нужно ли здесь искать ключ к разгадке? Несмотря на многолетние попытки, человеку удалось одомашнить лишь несколько видов. Большая часть из них оказалась стадными животными, обладающими инстинктом подчинения, которым и воспользовались люди. Животные должны быть спокойными; стада, обращающиеся в бегство от малейшего странного звука и не способные быстро привыкать к незнакомцам, невозможно содержать. Наконец, они

должны размножаться в неволе. Люди ведь не желают совокупляться на глазах у своих соплеменников — животные в данном вопросе мало отличаются от человека.

В результате удалось приручить овец, коз и коров, слегка измененных при помощи биотехнологий. Исключение составляли шимпанзе. Уникальные существа, сохранившиеся в лабораториях центральной Африки.

К парочке подошли псы-мутанты и принялись обнюхивать, проверять, бормоча при этом невнятные извинения.

— Интересно, — заметил Леон, обращаясь к Келли, — сторонники «естественного состояния» по-прежнему хотят, чтобы от диких животных их защищали домашние.

— Ну, конечно.

— А как насчет сентиментальных чувств о нашем естественном состоянии? Когда-то мы были одним из крупных видов млекопитающих.

— Конечно, приятно посетить места с нетронутой природой, но…

— Не думаю, что хотел бы здесь жить. И все же я не прочь оказаться в шкуре шимпанзе.

— Что? Погружение? — Брови Келли тревожно приподнялись.

— Почему бы и нет, раз уж мы сюда приехали?

— Я не… ну, мне нужно подумать.

— Говорят, можно в любой момент вернуться обратно. Келли кивнула, слегка поджав губы.

— Мы будем чувствовать себя совершенно иначе — словом, как шимпанзе.

— Ты веришь всему, что написано в рекламном проспекте?

— Я навел кое-какие справки. Здесь очень хорошая лаборатория. Келли с сомнением посмотрела на мужа.

— Ну-ну.

Леон знал, что сейчас не следует настаивать. Пусть время сделает свое дело.

Крупная собака продолжала держаться настороже, принюхалась к его руке, после чего невнятно проговорила, растягивая гласные:

— Сп-о-о-о-к-о-о-йной н-о-о-о-чи, сэ-э-э-р.

Леон погладил ее. В глазах пса появилось дружелюбное выражение.

«У нас есть глубокие общие корни», — подумал он.

Возможно, именно поэтому ему хотелось совершить погружение в психику шимпанзе. Вернуться далеко назад и взглянуть на прошлое, когда они еще не были людьми.

— Да, мы, безусловно, находимся с ними в родственных отношениях. — Неожиданно рядом выросла статная фигура главного эксперта Рубена.

Одновременно он являлся проводником во время сафари, а также специалистом по погружению, так как имел университетское биологическое образование. Кроме того, Рубен активно занимался туристическим бизнесом.

— «Вселение» в шимпанзе — самое интересное из всех возможных погружений, — продолжал Рубен.

Леон скептически посмотрел на эксперта. Шимпанзе обладали лапами с большими пальцами, таким же числом зубов, как и у людей, у них отсутствовал хвост. Однако Леон никогда не сопереживал шимпанзе, когда наблюдал за ними в зоопарке.

Рубен обвел рукой расстилающуюся равнину.

— Со временем шимпанзе будут приносить пользу человеку. Пока что, за редким исключением, мы не пытались их ничему учить. Не забывайте, они должны развиваться свободно, не подвергаясь нашему воздействию.

— Расскажите о ваших исследованиях, — попросил Леон.

Рубен пустился в подробные разъяснения. Сначала ученые взяли образцы ДНК человека и шимпанзе, а затем вскрыли двойные спирали нитей ДНК в обоих случаях. Связали одну нить человека и одну — шимпанзе. Получился гибрид. Там где нити дополняли друг друга, они соединились, а две другие образовали новую двойную спираль. В случаях, где имелись отличия, связь оставалась слабой, прерывистой, целые секции — свободными.

Потом они вращали водный раствор в центрифуге, в результате слабые связи окончательно распались. Соединенные нити ДНК составили 98,2 процента от целого. Шимпанзе оказались удивительно похожими на людей — однако они продолжали жить в лесу и ничего не сумели изобрести.

Стандартное различие между ДНК двух людей составляет десятую долю процента. Таким образом, генетически шимпанзе отличается от человека в двадцать раз больше, чем один человек от другого. Но гены, словно рычаги, поддерживают большой вес, поворачивая его вокруг оси.

— Однако мы произошли не от них, — продолжал Рубен. — Наши генетические пути разошлись

шесть миллионов лет назад.

— А мыслят они, как мы? — спросил Леон.

— Самый лучший способ получить ответ на этот вопрос — совершить погружение.

Он улыбнулся, и Леон вдруг заинтересовался, получает ли Рубен комиссионные за каждого туриста, согласившегося на погружение. Вне всякого сомнения, главный эксперт старался продать свой «товар».

Рубен успел составить подробные карты перемещений шимпанзе и графики роста их численности. Кроме того, у него накопились материалы наблюдений за поведением обезьян, которыми Леон мог воспользоваться. Богатый источник полезной информации, а при условии применения методов математического моделирования, Леон мог получить благодатный материал для создания упрощенной схемы социоистории.

— Описывать историю жизни вида, — заметила Келли, — это одно, но жить как представитель этого вида…

— Да ладно тебе, — перебил ее Леон, хотя прекрасно понимал, что База создана для того, чтобы с максимальной выгодой продавать гостям сафари и погружения. Слова Рубена его заинтриговали. — «Тебе нужны перемены, пора

оторваться от сидячей жизни в Хельсинки» — не ты ли это говорила?

— К тому же погружения абсолютно безопасны, — добавил Рубен. Келли вздохнула и улыбнулась Леону.

— Ну, хорошо, я согласна.

Все утро Леон провел, изучая банк данных на шимпанзе. Математик, сидящий внутри него, размышлял о том, как представить динамику изменений в упрощенном варианте социоистории. Шарики судьбы покатились по крутому склону. Так много дорог, такое многообразие выбора…

Днем они отправились на длительную прогулку. Но Келли не нравились пыль и жара, да и животные попадались редко.

— Какой уважающий себя зверь захочет, чтобы его увидели ряженые туристы? — заявила она.

Вся компания галдела, не закрывая ртов, что, естественно, отпугивало животных.

Леон, напротив, казался умиротворенным и полностью погруженным в природу.

Вечером, стоя на широкой веранде, он пил терпкий фруктовый сок и наблюдал закат. Келли молча устроилась рядом.

Дикая Африка навела Леона на мысль, что Земля представляет собой энергетическую воронку.

На дне гравитационного колодца Земля может использовать лишь десятую часть процента солнечной энергии. Природа создает органические молекулы, используя энергию звезды. В свою очередь, растения становятся жертвами животных, которые в состоянии переварить едва ли десятую часть запасенной растениями энергии. Травоядными питаются хищники, тоже берущие только десятую часть энергии, имеющейся в плоти своей добычи. В результате, прикинул Леон, только одна стотысячная часть энергии звезд тратится на хищников.

Какая расточительность! Однако никому не удалось создать более совершенной машины. Почему? Хищники неизменно оказывались умнее жертвы. И стояли на вершине пирамиды с очень крутыми гранями. Всеядные попали в аналогичное положение. А потом возникли люди.

Этот факт должен иметь колоссальное значение для социоистории. Шимпанзе, таким образом, становились важнейшим ключом к пониманию человеческой психики.

— Надеюсь, что при погружении я не буду такой потной и жара не покажется мне столь мучительной, — сказала Келли.

— Не забывай, ты увидишь мир чужими глаза-

ми. Она фыркнула.

— К тому же я могу в любой момент покинуть чужую шкуру и принять освежающий душ.

— Что это?.. — Келли отшатнулась. — Эти штуки похожи на гробы.

— Поверьте, в них удобно, мадам.

Главэксп Рубен мило улыбнулся, но Леон сразу уловил фальшь его улыбки. Однако это ощущение вскоре стерлось: разговор был дружеским, персонал с уважением относился к доктору Маттику, знаменитому ученому и, что еще важнее, богатому клиенту.

— Вы остаетесь здесь в фиксированном состоянии, ваши органы будут работать в замедленном режиме, — принялся объяснять главэксп, одновременно занимаясь налаживанием оборудования.

Он проверил панель управления приборами и запасные системы.

— Выглядит довольно удобно, — с неохотой признала Келли.

— Давай, — нетерпеливо поторопил ее Леон. — Ты обещала.

— Вы будете постоянно находиться в контакте со всеми нашими системами, — заверил Рубен.

— Даже с библиотечной базой данных? — уточ-

нил Леон.

— Конечно.

Обслуживающий персонал помог им быстро забраться в «саркофаги». Зажимы, присоски, магниты — все было моментально приставлено к голове Леона, чтобы фиксировать его мысли. Последнее слово техники.

— Готовы? Чувствуете себя нормально? — спросил Рубен, не расставшийся со еврей профессиональной улыбкой.

Леон не мог с уверенностью сказать, что чувствует себя вполне комфортно. Причиной его сомнений был сам Рубен. Леон никогда не доверял самоуверенным людям. А в Рубене его настораживало не только это. Но что? «Ладно, Келли права. Мне давно необходим отпуск. А погружение — лучший способ отдохнуть от своих мыслей».

— Все в порядке. Я готов.

Техник нейтрализовал нейромышечную реакцию. «Пациент» лежал неподвижно, работал лишь мозг, подключенный к шимпанзе.

Паутина магнитных линий охватывала мозг Леона. Посредством электромагнитной индукции они вплетались в ткани и проводили сигналы по крошечным тропинкам, замораживали мно-

гие функции и блокировали физиологические процессы — и все для того, чтобы параллельные цепи человеческого мозга соединились с мозгом шимпанзе. Погружение.

Технология быстро распространилась по всему миру. Способность управлять другим разумом на расстоянии нашла применение в самых разных сферах.

В Европе, в определенных кругах, женщины выходили замуж, а потом погружались в стасис — и бодрствовали всего по нескольку часов в день. Богатые мужья выводили жен из анабиоза для социальных и сексуальных целей. Более полувека жены находились в настоящем водовороте вечеринок, праздников, путешествий, романтических прогулок и страстных объятий — а все вместе занимало несколько лет их активной жизни. В результате мужья очень быстро умирали — с точки зрения времени их жен. Жены становились богатыми вдовами в тридцать лет и пользовались большим спросом — не только из-за наследства. Они оказывались удивительно мудрыми — ведь в реальном мире проходили многие десятилетия. Довольно часто вдовы выходили замуж за молодых людей, те, в свою очередь, становились «замороженными мужьями», их

будили с чисто практической целью.

Ко всему этому Леон относился с холодным равнодушием, к которому привык в Хельсинки. Поэтому он ожидал, что погружение окажется удобным, интересным мероприятием, хорошей темой для болтовни за обедом.

Леон ожидал, что посетит чужой, весьма примитивный разум.

Он никак не предполагал, что будет «проглочен» целиком.

Хороший день. На толстом, мокром бревне полно вкусных личинок. Вытащить их пальцами. Свежие, терпкие, острые.

Большой оттолкнул меня в сторону. Схватил много сочных личинок. Заворчал. Смотрит сердито.

У меня в животе урчит. Я отступаю и смотрю на Большого. У него свирепое лицо. Я знаю, что с ним лучше не связываться.

Я ухожу и опускаюсь на четвереньки.

Большой перевернул бревно, чтобы вытряхнуть личинок. Схватил несколько и съел. Он сильный. Самки смотрят на него. У деревьев несколько самок болтают, скалят зубы. Все еще сонные, лежат в тени. Раннее утро. Но Большой машет мне и Голодному, и мы идем к нему.

Охранять. Ходить важно и гордо. Я это люблю. Даже лучше, чем взять самку.

Вниз, вдоль реки, туда, где остался запах копыт. Здесь мелкое место. Мы переходим на другой берег и нюхаем, нюхаем — два Чужака.

Они нас еще не видят. Мы двигаемся ловко, бесшумно. Большой поднимает палку и мы тоже. Голодный нюхает, чтобы понять, кто эти Чужаки, а потом показывает в сторону холма. Так я и думал, они Горные. Хуже всего. Плохо пахнут.

Горные пришли на нашу охотничью территорию. Хотят устроить нам неприятности. Мы им покажем.

Мы расходимся в стороны. Большой заворчал, и они его услышали Я уже иду вперед с палкой наготове. Могу бежать довольно долго, не опускаясь на четвереньки. Чужаки испугались, кричат. Мы бежим быстро. Мы уже среди них.

У Чужаков нет палок. Мы бьем их, лягаем, а они пытаются нас схватить. Они высокие и быстрые. Большой бросает одного на землю. Я бью его, чтобы Большой точно знал, что я с ним заодно. Бью сильно, а потом быстро бегу к Голодному — помогать.

Чужак отобрал у Голодного палку. Я бью Чужака по голове. Он падает. Я сильно ему врезал, и

Голодный прыгает Чужаку на спину.

Чужак пытается подняться, и я крепко лягаю его ногой. Голодный отбирает свою палку и начинает колотить Чужака. Я помогаю.

Чужак Большого пытается убежать. Большой лупит его палкой по заду, ревет и хохочет.

У меня есть талант. Редкий. Я подбираю камни. Я здорово бросаю. Даже лучше, чем Большой.

Камни для Чужаков. С нашими я могу подраться, но всегда без камней. А вот Чужаку нужно запустить камнем прямо в рожу. Я люблю бить Чужаков именно так.

Я швырнул один камень и угодил Чужаку в ногу. Он споткнулся, и я крепко его огрел камнем по спине. Тогда он побежал еще быстрее, и я увидел, что у него пошла кровь. Чужак оставлял капли крови в пыли.

Большой хохочет, хлопает меня по спине, и я знаю, что он мною доволен.

Работяга продолжает колотить своего Чужака. Большой забирает мою палку и присоединяется к Голодному. Чужак весь в крови, запах ударяет мне в нос. Я вскакиваю на Чужака и начинаю прыгать. Вверх-вниз. Вверх-вниз. Так продолжается долго. Мы не беспокоимся, что другой Чужак вернется. Они всегда знают, когда проигрывают.

Чужак перестает шевелиться. Я лягаю его в последний раз.

Никакой реакции. Мертвый, наверное.

Мы танцуем и вопим от радости.

Леон потряс головой, чтобы побыстрее прийти в себя. Немного помогло.

— Ты был Большим? — спросила Келли. — Я превратилась в одну из самок на дереве.

— Извини, не могу сказать.

— Это было… иначе, не так ли? Он сухо рассмеялся.

— С убийством так и бывает.

— Когда ты ушел вместе с вожаком…

— Мой шимпанзе думает о нем, как о «Большом». Мы убили другого шимпанзе.

Леон и Келли находились в отделанной плюшем приемной отделения погружений. Мир вокруг постепенно успокаивался, приобретал знакомые очертания.

Келли застенчиво улыбнулась.

— А мне… мне понравилось. Леон немного подумал.

— И мне тоже, — сказал он и сам удивился.

— Не убийство, конечно…

— Да, безусловно. Но… ощущение. Она усмехнулась.

— В Хельсинки такого не найдешь, профессор.

Леон провел два дня, изучая структуру научных данных в солидной библиотеке Станции. Оборудование позволяло активировать интерфейсы сразу на несколько чувств. Он прогуливался по прохладным числовым лабиринтам.

В векторном пространстве, изображенном на огромном экране, результаты исследований были скрыты за множеством защитных паролей. Конечно, он легко мог взломать их или обойти, однако длинные отчеты, выводы и многочисленные статистические данные не поддавались быстрой интерпретации. Иногда определенные грани поведения шимпанзе оказывались тщательно зашифрованы в дополнениях и замечаниях, словно биологи этой отдаленной лаборатории были озадачены полученными результатами. Кое-что действительно вызывало смущение: особенно брачные обычаи.

Леон продвигался по трехмерному лабиринту, размышляя, возможно ли построить стратегическую линию аналогий?

Почти все гены шимпанзе совпадают с генами человека, значит, динамика развития обезьян должна представлять собой упрощенную динамику развития человеческого общества. Можно

ли проанализировать поведение группы шимпанзе в качестве частного случая социоистории?

На закате следующего дня Леон сидел рядом с Келли, наблюдая за кроваво-красными зубцами гор, окруженными оранжевыми облаками. Африка оказалась яркой и кричащей, однако ему это нравилось. Острая еда. В животе у Леона заурчало в предвкушении обеда.

— Очень заманчиво построить упрощенную модель социоистории, используя для этого шимпанзе, — заметил он.

— Однако у тебя какие-то сомнения?..

— Шимпанзе такие же, как мы… только у них есть, ну…

— Они ведут себя, как животные? — Келли усмехнулась, а потом поцеловала мужа. — Мой скромный Леон.

— Я знаю, мы тоже часто ведем себя, как животные. Но мы слишком разумны.

Келли опустила ресницы — Леон знал, что так его жена выражает вежливое несогласие.

— Да-да, слишком разумны, чтобы просто наслаждаться жизнью.

— Что? — слова мужа удивили Келли.

— Я изучал эволюцию. Попросту говоря, человеческий мозг оказался эволюционно избыточным:

собирателю и охотнику не требуется такой могучий инструмент. Чтобы справиться с остальными животными, было бы вполне достаточно овладеть огнем и научиться делать каменные инструменты. Подобные таланты сделали бы из человека царя природы, избавив его от тягот естественного отбора. Однако есть свидетельства, что мозг сам ускорил свое развитие. Кора головного мозга начала увеличивать массу, возникли новые нервные связи в дополнение к тем, которые уже существовали. Вместо толстого слоя кожи появились дополнительные участки мозга.

Благодаря этим участкам родились музыканты и инженеры, святые и ученые, — эффектно закончил Леон. — Причем эволюционный отбор занял всего несколько миллионов лет.

Келли фыркнула.

— Взгляни на это с женской точки зрения. Все это произошло, невзирая на опасности, которым подвергались женщины при родах.

— Что?

— Огромные детские головки. Им трудно выйти наружу. Мы, женщины, до сих пор расплачиваемся за ваши мозги — и за свои собственные. Леон рассмеялся. Келли всегда находила свежий взгляд на вещи.

— Тогда почему же был выбран именно такой путь? Келли таинственно улыбнулась.

— Может быть, и мужчины, и женщины находят интеллект сексуально привлекательным.

— В самом деле?

— Вполне возможно, что для синантропа ум был чем-то вроде павлиньего хвоста или оленьих рогов — средство для привлечения женщин. Сексуальный естественный отбор.

Леон засмеялся. Он наблюдал, как закат стал тревожно пурпурным и неожиданно почувствовал себя счастливым. Полосы света озаряли странной формы облака.

— Эй, — тихонько позвала его Келли.

— Да?

— Может быть, у нас появилась возможность использовать исследования, которые ведут местные ученые. Выясним, кем мы были — а отсюда, кто мы есть.

— В интеллектуальном смысле мы совершили скачок. В социальном плане, мне кажется, нас разделяет гораздо меньшее расстояние. На лице у Келли появилось скептическое выражение.

— Ты думаешь, мы недалеко ушли от шимпанзе?

— Пока это лишь гипотеза…

— А подтвердить ее поможет лишь дополнительный опыт общения. — Она взглянула на Леона. — Тебе понравилось погружение, не так ли?

— Ну, да. Просто…

— Что?

— Мне не нравится та навязчивость, с какой Рубен предлагает нам новые погружения.

— Такова его работа.

— …И он знает, кто я такой.

— Ну и что? — Келли пожала плечами. — Тебя многие знают. В определенных кругах ты весьма известен.

— А «определенные» желают моей смерти. Куда подевалась твоя обычная практичность, а, Келли? — Леон усмехнулся.

— Паранойя не имеет ничего общего с практичностью, — засмеялась жена.

Не успел еще прозвучать гонг к обеду, как Келли подбила Леона на новое безрассудство.

Жаркий день на солнце. Пыль заставила меня чихнуть.

Большой прошел мимо, все выказали ему уважение. Самки и самцы протягивали к нему руки.

Большой трогал их, стоял немного с каждым, чтобы они поняли, что он рядом. Что все в по-

рядке.

Я тоже шагнул к нему. Я хочу быть таким, как Большой, быть крупным, как он, быть им.

С самками у него никогда не бывает осечек. Он хочет какую-нибудь, она с ним идет. И они вместе. Он Большой.

Молодым не достается уважения. Самки не хотят с ними так, как с Большим. Молодые самцы задираются, бросают песок и все такое, но все бестолку. Они никогда не станут такими, как Большой. Им это не нравится, но тут уж ничего не поделаешь.

Я довольно крупный. Я получаю уважение. Ну, сколько-то.

Всем нравится, когда их гладят. Ласкают. Ухаживают. Самки так делают, а самцы гладят их в ответ.

Я сидел, и за мной ухаживали, и вдруг я что-то учуял. Мне это не понравилось. Я вскочил и закричал. Большой заметил. Тоже почуял.

Чужаки. Все стали обнимать друг друга. Сильный запах, все почуяли. Много Чужаков. Ветер говорит, что они близко и подходят еще другие.

Они бегут на нас вниз со склона холма. Ищут самок.

Я бросился за своими камнями. У меня всегда

приготовлено несколько. Я швырнул один в Чужака, но промахнулся. И тут же они среди нас. Трудно в них попасть, они бегут так быстро.

Четверо Чужаков схватили двух самок. Потащили с собой.

Все завопили, заплакали. Всюду пыль.

Я кидаю камни. Большой повел парней против Чужаков.

Чужаки развернулись и побежали. Вот так, сразу. Но взяли двух самок, и это плохо.

Большой рассвирепел. Он стал толкать молодых, рычать. Теперь он не так хорош, он пропустил Чужаков.

Эти Чужаки плохие. Мы все присели на корточки, гладим друг друга, ласкаем, утешаем.

Пришел Большой, шлепнул некоторых самок. Все должны знать, что он Большой.

Меня он не стал шлепать. Он знает, лучше не пытаться. Я на него зарычал, когда он подошел близко, а Большой сделал вид, что не слышит.

Может быть, он не такой уж и большой…

На этот раз он остался с ними. После того как кризис миновал, когда чужие шимпанзе ретировались, он остался сидеть. Его долго гладили. И ему в самом деле стало спокойно.

Ему? Кем он был?

На этот раз Леон полностью ощутил разум шимпанзе: ошеломляющие обрывки чувств, мыслей, словно листья, влекомые ветром.

А ветер был эмоцией. Обжигающие, завывающие порывы, дождь мыслей, как мягкие удары молота.

Мышление шимпанзе было бедным, Леон воспринимал его лишь обрывками, словно размышления человека, по которым прошелся нервный редактор. Но шимпанзе интенсивно ощущал мир.

«Конечно, — подумал Леон (а он мог думать, находясь в ядре собственного разума, который окружал мозг шимпанзе). — Эмоции управляют ими. Никаких сложных размышлений. Им необходима быстрота реакции. Яркие чувства превращают даже толику информации в побудительную причину для мгновенного действия. Грубые приказы Матери Эволюции».

Теперь Леон понимал: вера в то, что подобные эмоциональные переживания доступны лишь людям, не более чем обычное высокомерие. Шимпанзе во многом разделяли с людьми взгляд на мир. Теория социоистории шимпанзе становилась реальностью.

Он осторожно высвободился из плотного, близ-

кого разума обезьяны. «Интересно, — подумал Леон, — знает ли шимпанзе, что я здесь был». Да, животное понимало — смутно. Но почему-то совсем не беспокоилось по этому поводу. Леон вошел в его тусклый, грубоватый мир и оказался всего лишь очередной эмоцией — одной из множества проходящих мимо или ненадолго задерживающихся в сознании.

Мог ли разум человека стать чем-то большим, чем мимолетное ощущение? Леон попытался заставить шимпанзе поднять правую руку — она была словно налита свинцом. Леон продолжал эксперименты, но так и не добился успеха. Потом он понял свою ошибку. Ему не под силу преодолеть сопротивление шимпанзе, пока Леон остается ядрышком в его сознании.

Леон размышлял об этом, пока шимпанзе гладил самку, осторожно расправляя спутанный мех. От самки шел приятный запах; воздух был свежим; солнце ласкало его своими теплыми, щедрыми лучами…

Эмоция. Шимпанзе не повинуются приказам или инструкциям, поскольку они не в силах их осознать. Обезьяны не воспринимают указаний, как люди. Леон должен стать эмоцией, а не маленьким генералом, отдающим приказы.

Он посидел немного, стараясь стать шимпанзе. Он узнал — нет, скорее, почувствовал. Члены их маленького отряда ухаживают друг за другом, разыскивают пищу, самцы охраняют стаю по периметру, самки держатся поближе к детенышам. Ленивое спокойствие снизошло на Леона, время потекло медленно и уютно. Теплый, приятный день клонился к вечеру. Ни разу, с тех пор как он был мальчиком, Леону не приходилось испытывать ничего подобного. Тягучее, прекрасное расслабление — казалось, времени больше нет, только обрывки вечности.

В таком настроении он сумел сконцентрироваться на простом движении — поднять руку, почесаться — и вызвал желание сделать это. Шимпанзе послушался. Чтобы добиться результата, Леону пришлось ощутить желание, которое и привело его к цели. Плыть по ветру эмоций.

Уловив сладкий запах в воздухе, Леон подумал о пище, которая может источать этот аромат. Шимпанзе повернулся, потянул носом по ветру и безразлично уставился в сторону: запах не представлял для него интереса. Леон догадался: пахло фруктами, сорт которых шимпанзе не употребляли.

Отлично. Он учится. И все глубже погружается

в сознание животного.

Наблюдая за группой, он решил дать имена наиболее заметным обезьянам, чтобы не путать их. Быстрого и ловкого он назвал Проворным; сексуальную самку — Шилой; вечно голодного — Работяга… Ну, а как насчет собственного имени? Он назвал своего шимпанзе Айпан. Не слишком оригинально, но это было его главной характеристикой: Я Pan troglodytes[4].

Работяга нашел шаровидный фрукт, и остальные устремились к нему, чтобы поживиться. Твердый плод пах так, что Леон сразу понял: фрукт еще неспелый, но кое-кто все-таки не побоялся его отведать.

Которая из них Келли? Они попросили, чтобы их определили в одну группу, значит, она среди — Леон заставил себя сосчитать, хотя задача показалась ему неожиданно сложной, — двадцати двух самок. Как определить наверняка? Он подошел к нескольким самкам, которые при помощи камней с острыми краями срезали листья с веток. Потом они скрепят их вместе и будут носить на них пищу.

Леон всмотрелся в их физиономии. Слабый

---

[4] Примечания: 4
Шимпанзе (лат.).

интерес, несколько рук протянулось к нему, предлагая ласку. В глазах он не заметил узнавания.

Он принялся наблюдать за крупной самкой, Шилой, та тщательно вымыла в ручье покрытый песком плод. Остальные последовали ее примеру; Шила была у них чем-то вроде вожака, заместителем Большого среди самок.

Она с удовольствием вонзила зубы в плод, одновременно поглядывая по сторонам. Поблизости росли какие-то злаки. Перезревшие зерна попадали в песок. Сосредоточившись, Леон сумел определить по слабому аромату, что это нечто очень вкусное. Несколько шимпанзе присели на корточки и стали собирать зернышки: медленная и неблагодарная работа. Шила тоже наклонилась над землей, но потом остановилась, взглянув на ручей. Шло время, гудели насекомые". Затем Шила взяла пригоршню песка с зернышками и направилась к ручью, бросила добычу в воду. Песок пошел ко дну, а зернышки остались плавать на поверхности воды. Она единым махом отправила их в рот и принялась жевать, довольно ухмыляясь.

Впечатляющий трюк. Другие шимпанзе даже не обратили внимания на хитрость Шилы. Мыть фрукты — дело понятное, решил Леон, поскольку

плод все время остается в руке. Но в данном случае нужно сначала выбросить еду, а затем снова завладеть ею — для этого требуется интеллектуальный скачок.

Леон подумал о Шиле, и Айпан тут же к ней подскочил, заглянул в глаза — и она ему подмигнула. Келли! Он обнял ее волосатыми руками, их захватила страсть.

— Чистая, животная любовь, — сказала Келли во время обеда. — Действует освежающе. Леон кивнул.

— Мне нравится быть с ними и жить такой жизнью.

— — И запахи гораздо острее.

— У фруктов совсем другой вкус, когда ты вгрызаешься в них. — Леон отрезал ножом кусок сочной мякоти и отправил его в рот. — Для меня он слишком сладкий. А для Айпана острый и приятный. Наверное, шимпанзе не случайно такие сладкоежки: ведь это дополнительные калории.

— Не могу представить себе более впечатляющего отдыха, — заметила Келли. — Покинуть не только дом, но и свою оболочку! Леон посмотрел на фрукт.

— И они такие, такие…

— Сексуальные?

— Ненасытные.

— Я не заметила, чтобы ты возражал.

— Ты говоришь о моем шимпе Айпане? Я покидаю его, когда у него возникает желание покрыть всех самок. Келли взглянула на Леона.

— В самом деле?

— А ты разве поступаешь иначе?

— Да, но я не ожидала, что мужчина поведет себя так же, как женщина.

— Да? — смущенно пробормотал он.

— Для женщин очень многое значат дети. Мужчины склонны к двум стратегиям: с одной стороны — блюдут семейный и родительский долг, с другой — используют любую возможность поволочиться за юбкой. — Келли приподняла бровь. — Эта двойственность закрепилась в обществе, значит, ее выбрала эволюция.

— Со мной не так.

сексуальны, чем мы. Самцы управляют всем. Они помогают супругам, которые ухаживают за детьми, но это не мешает им постоянно «развлекаться» на стороне.

Леон перевел разговор на профессиональные рельсы: так он чувствовал себя гораздо увереннее.

— Как говорят специалисты, обезьяны придер-

живаются смешанной стратегии размножения.

— Какая корректная формула.

— И весьма точная.

Конечно, Леон не мог знать наверняка, всякий ли раз Келли покидала Шилу, когда к той приближался какой-нибудь шимп, чтобы наскоро удовлетворить свой инстинкт. (Это всегда происходило очень быстро — тридцать секунд, не больше.) Могла ли Келли практически мгновенно оставить разум самки? На это требовалось несколько секунд. Конечно, если она видела приближающегося самца и заранее угадывала его намерения…

Леона удивили собственные размышления. Как можно ревновать, когда они находятся в других телах? Разве обычный кодекс морали распространяется на подобные ситуации? Однако разговоры с Келли на эту тему смущали его.

Он все еще оставался деревенским парнем — хотел он того или нет.

Со вздохом Леон сосредоточился на своей трапезе: темное мясо с овощами в остром соусе. Он ел с аппетитом. Увидев веселые искорки в глазах Келли, он заявил:

— Я заметил, что шимпанзе понимают, что такое торговля. Пища за секс, предательство вожака

ради секса, поглаживания за секс, практически все в обмен на секс.

— Да, создается впечатление, что роль общего эквивалента играет секс. Быстрый и не слишком приятный. Резкие движения, сильные ощущения, бум — и все закончено.

Леон кивнул.

— Самцам это необходимо, а самки пользуются их зависимостью.

— Х-м-м, ты тоже обратил внимание.

— Если я собираюсь рассматривать поведение шимпанзе как упрощенную модель взаимоотношений людей, то у меня нет выбора.

— Шимпанзе как модель поведения? — послышался уверенный голос Рубена. — Они не являются образцовыми гражданами, если вы обсуждали именно это. — Главэксп продемонстрировал ряд ослепительных зубов, и снова Леон почувствовал фальшь его дежурной улыбки. Он механически улыбнулся в ответ.

— Я пытаюсь определить переменные, определяющие поведение

шимпанзе.

— Вам следует проводить с ними больше времени, — убежденно сказал Рубен, усаживаясь за их столик и подзывая официанта. — Они таин-

ственные существа.

— Согласна с вами, — вмешалась Келли. — А вы часто погружаетесь?

— Иногда, но большинство наших исследований теперь проводится иначе. — Уголки рта Рубена печально опустились. — Статистические модели и тому подобное. Я был инициатором использования идеи погружения для привлечения туристов, чтобы добыть денег на развитие проекта. В противном случае нам бы пришлось законсервировать станцию.

— Счастлив внести свой вклад, — сухо произнес Леон.

— Ну, признайся — тебе понравилось, — весело сказала Келли.

— Ну, да. Это… необычно.

— Степенному профессору Маттику полезно выбираться из своей раковины, — гнула свое Келли. Рубен сиял.

— Пожалуйста, постарайтесь не рисковать. А то некоторые наши клиенты воображают себя супершимпанзе. Глаза Келли сверкнули.

— А какая существует опасность? Наши тела остаются на станции, в стасисе.

— Но вы находитесь в тесной связи с шимпанзе, — ответил Рубен. — Серьезный шок, пережитый

обезьяной, может оказать отрицательное воздействие на вашу нервную систему.

— Какого рода шок? — поинтересовался Леон.

— Смерть, ранение.

— В таком случае, — заявила Келли, обращаясь к Леону, — я считаю, что тебе не следует совершать погружения.

— Перестань! — раздраженно ответил Леон. — Я в отпуске, а не в тюрьме.

— Любая угроза для тебя…

— Всего минуту назад ты подробно объясняла, что этот опыт мне полезен.

— Твоя жизнь…

— Ну, реальная опасность совсем невелика, — вмешался Рубен. — Скоропостижная смерть шимпанзе — крайне редкий случай.

— И я всегда могу вернуться назад, если замечу приближение опасности, — добавил Леон.

— Но станешь ли ты возвращаться? Мне кажется, тебе понравились приключения.

Она не ошиблась, но Леон не собирался в этом признаваться. Если он хочет отдохнуть от бесконечных занятий математикой, то лучше способа не придумать.

— Мне нравится все, что находится подальше от бесконечных коридоров Хельсинки.

Рубен уверенно улыбнулся Келли.

— У нас еще не было ни одного несчастного случая с туристами.

— А как обстоят дела с персоналом? — быстро отреагировала Келли.

— Ну… одна необычная история…

— Что произошло?

— Шимпанзе свалился в пропасть. Наша лаборантка не успела вовремя «выскочить», и ее парализовало. Шок от пережитой во время погружения смерти может оказаться фатальным. Однако теперь у нас есть система, которая закоротит контакт…

— Что еще? — не унималась Келли.

— Еще… еще один неприятный эпизод. Довольно давно, когда у нас были лишь примитивные проволочные заборы… — главэксп заерзал на стуле, — на территорию заповедника пробрались хищники.

— Какие хищники?

— Охотники за приматами. Мы называем их рабуинами — результат генетического эксперимента, закончившегося два десятка лет назад.

— А как они проникли на территорию заповедника? — не унималась Келли.

— Рабуины немного похожи на диких свиней,

их копыта приспособлены для копания. Однако они хищники. Могут учуять дичь — наших животных в краале, например. А потом сделать подкоп под изгородью.

Келли посмотрела на высокие, массивные стены.

— Нынешние заграждения достаточно надежны?

— Несомненно. Я уже сказал, что рабуины — плод генетических экспериментов. Здесь пытались создать двуногого хищника с использованием ДНК бабуина.

— Эволюционные игры, — сухо заметила Келли. Рубен не заметил напряжения в ее голосе.

— Как и большинству двуногих хищников, им укоротили передние ноги, а голову наклонили вперед — для баланса использовался мощный хвост, при помощи которого животные передают сигналы. Они охотятся на самых крупных стадных травоядных, гигантелопу — еще один эксперимент — и едят только свежее мясо, богатое протеином.

— А зачем им набрасываться на людей? — спросила Келли.

— Они неразборчивы, иногда даже атакуют шимпанзе. А был случай нападения на людей.

Келли содрогнулась.

— Вы говорите об этом очень… отстраненно.

— Я биолог.

— Никогда бы не подумал, что тут может быть так интересно, — заметил Леон, чтобы переменить тему.

Рубен снова засиял.

— Не настолько захватывающе, как высшая математика, но тоже любопытно.

Губы Келли скептически изогнулись.

— А вы не возражаете, если гости берут с собой оружие?

Леон много размышлял о шимпанзе. Он полагал, что поведение приматов — убедительный материал для построения простой модели социоистории. Возможно, удастся использовать статистику миграций стай обезьян и результаты исследований реакции животных на изменение окружающей обстановки.

Леон пытался обсудить свои предположения с женой. Келли согласно кивала, но он видел, что она обеспокоена. После беседы с Рубеном женщина без конца возвращалась к разговорам о безопасности. Леону пришлось напомнить ей, что она сама ратовала за новые погружения.

— Мы в отпуске, ты не забыла? — повторил

Леон ее же слова.

Любопытные взгляды, которые Келли бросала на Леона, убеждали ученого, что жена не приняла всерьез его доводы относительно построения модели. Она считала, что ему просто нравится рыскать по лесу.

— В душе ты так и остался деревенским парнем, — со смешком говорила Келли.

На следующее утро Леон пропустил запланированную экскурсию к стадам гигантелоп, а вместо этого отправился в камеру погружения. «Предстоит серьезная работа», — сказал он себе.

Шимпанзе спали на деревьях и проводили много времени, ухаживая за шерстью друг друга. Для удачливого «парикмахера» клещ или вошь были подлинным вознаграждением. Если их попадалось много, обезьянам удавалось вволю полакомиться алкалоидом. Леон понимал, что тщательное поглаживание и вычесывание необходимо для гигиены шимпанзе. Кроме того, оно, безусловно, успокаивало Айпана.

Потом Леону пришла в голову новая мысль: поглаживания заменяют приматам речь. Только во время острых или тревожных ситуаций они издавали пронзительные звуки — чаще всего в момент совокупления или в порядке самозащи-

ты. Шимпанзе походили на людей, которые не могут найти утешение в разговорах.

А в утешении они нуждались. Суть их социальной жизни не очень сильно отличалась от той, что характерна для человеческого сообщества, оказавшегося в трудном положении — под гнетом тирании, в тюрьме или городских бандах. В их жизни все решали коготь и зуб — но в то же время шимпанзе напоминали встревоженных людей.

Однако им было присуще и «цивилизованное» поведение. Дружба, горе, сопереживание, братство по оружию, когда они вместе охотились или охраняли свою территорию. Их старики становились морщинистыми, лысыми и беззубыми, однако стая продолжала о них заботиться.

Инстинктивные знания шимпанзе поражали Леона. Когда спускались сумерки, приматы сооружали в ветвях «гнезда» из листьев. Умели быстро карабкаться по веткам, ловко цепляясь за них верхними и нижними конечностями. Чувствовали, плакали, предавались скорби — не в силах толком понять, что с ними происходит. Они полностью зависели от собственных эмоций.

Голод являлся одной из самых сильных эмоций. Шимпанзе находили и поедали листья, фрукты, насекомых и даже довольно крупных животных.

Им нравились червяки.

С каждой секундой, с каждым новым впечатлением крепла связь Леона с Айпаном. Он научился ощущать малейшие изменения в настроении шимпанзе. Постепенно Леону удавалось все больше его контролировать.

В то утро самка нашла большое дерево и начала колотить по нему. Пустой ствол звучал, как барабан, и вся стая прибежала, чтобы поучаствовать в забаве, страшно радуясь производимому шуму. Айпан присоединился к компании; Леон ощутил удивительную радость и растворился в ней.

Позднее они подошли к водопаду, образовавшемуся после сильного ливня, схватили лианы и принялись раскачиваться между деревьями над бурлящей водой, вереща от радости и перепрыгивая с одной плети на другую. Леон заставлял Айпана проделывать невероятные кульбиты, прыжки и повороты — другие шимпанзе удивленно посматривали на него.

Иногда обезьянами овладевала неожиданная агрессивность — они хватали ближайших самок, дрались друг с другом, чтобы установить новую иерархию отношений, особенно на время охоты. Удачная охота приводила ко всеобщему возбуждению — объятия, поцелуи, шлепки. Когда стая

перемещалась по лесу, все вокруг оглашалось воплями, криками, шипением и ворчанием. Леон присоединялся к веселью, прыгал, танцевал и пел вместе с Шилой/Келли.

Не все повадки обезьян были по нутру Леону. Например, манера поедать крыс или теплый, дымящийся мозг более крупных животных. Леону оставалось только сглатывать — метафорически, но Айпан чувствовал импульс и наблюдал, вереща от нетерпения. Айпан не желал страдать от голода.

Поведение шимпанзе казалось Леону удивительно знакомым. Самцы часто дрались, бросали камни и устраивали самые разнообразные кровавые развлечения, чтобы постоянно уточнять иерархическую структуру. Самки образовывали союзы. Шла торговля и обмен услугами, дружескими отношениями. Угрозы сменялись симпатией, потом снова начиналась война за «уважение», интриги, месть — социальные отношения, столь обожаемые людьми, которых впоследствии называли «великими». На самом деле стая сильно напоминала императорский двор.

Хотят ли люди избавиться от условностей, одежды, меморандумов и союзов и снова превра-

титься в шимпанзе?

Леон почувствовал приступ отвращения, оно оказалось таким сильным, что Айпан затряс головой и встревожился. Человечество обязано быть иным, оно не должно делать уступок примитивному ужасу.

Он непременно использует свои идеи в качестве теста для обоснования теории. Нужно учиться, глядя на своих ближайших генетических родственников. Тогда человечество познает себя, станет хозяином собственной судьбы. Леон построит теорию на основании наблюдений за шимпанзе, но она пойдет далеко вперед — к истинной, глубокой социоистории.

— Я тебя не понимаю, — заявила за обедом Келли.

— Но они так похожи на нас! — Леон отложил ложку в сторону. — Мы те же шимпанзе, только обладаем развитым мозгом. Наверняка они обучаемы, и им можно будет давать несложные хозяйственные поручения.

— Я бы не хотела, чтобы они устраивали безобразия в моем доме.

Взрослый человек и шимпанзе весят почти одинаково, но человек гораздо слабее. Шимпанзе может поднять в пять раз больше, чем физически

развитый мужчина. Масса человеческого мозга в три-четыре раза превышает массу мозга шимпанзе. Грудной ребенок обладает более крупным мозгом, чем взрослый шимпанзе. Кроме того, мозг человека имеет другую структуру.

Но стоит ли ставить здесь точку? Увеличить мозг шимпанзе, наделить приматов речью, ослабить воздействие тестостерона, побрить и подстричь, поощрить хождение на двух ногах — и вы получите первоклассную модель шимпанзе, которая будет выглядеть и вести себя, как человек. Он сможет находиться в толпе, не привлекая к себе внимания.

— Послушай, — резко сказал Леон, — я утверждаю, что они достаточно близки к нам, и модель социоистории вполне может оказаться жизнеспособной.

— Чтобы убедить в этом остальных, тебе придется доказать, что приматам доступны более сложные отношения.

— А как насчет поисков пищи, охоты? — настаивал Леон.

— Рубен говорит, что биологам не удалось приспособить шимпанзе даже для простейшей работы на Базе.

— Я покажу тебе, что имею в виду. Давай попы-

таемся освоить их метод вместе.

— Какой метод?

— Начнем с основного инстинкта — поиска еды.

Келли впилась зубами в бифштекс из мяса местного травоядного, «тщательно приготовленного для самых требовательных городских жителей», как было написано в рекламной брошюре. Яростно пережевывая мясо, Келли взглянула на Леона.

— Я согласна. Все, на что способно шимпанзе, я могу сделать не хуже.

Келли помахала ему рукой Шилы.

Стая занималась поисками пищи. Леон предоставил Айпану свободно перемещаться, не пытаясь эмоционально воздействовать на его разум. В последнее время Леон добился заметных успехов, но неожиданный запах или звук могли привести к полной потери контроля.

Шила\Келли сделала знак.

Сюда.

Они выработали язык жестов — пара сотен слов. И используя пальцы и мимику, их шимпанзе, казалось, легко справлялись с новой задачей. У шимпанзе имелся примитивный язык, состоящий из ворчания, пожатия плечами и движений пальцами. Однако он служил лишь для передачи

коротких сообщений и не был приспособлен для каких-либо импровизаций. Общение, главным образом, основывалось на ассоциациях.

Дерево, фрукты, идти, — сделала знаки Келли.

Они направили своих шимпанзе к зарослям многообещающих, хилых деревьев, но кора оказалась слишком гладкой, и они не сумели забраться наверх.

Остальная часть стаи не обратила на них внимания.

«У них есть навыки поведения в лесу, которые отсутствуют у нас», — с досадой подумал Леон.

Что там? — спросил он знаками Шилу\Келли.

Шимпанзе заковыляли к небольшому холмику, равнодушно посмотрели по сторонам и начали раскапывать землю. Вскоре они обнаружили неглубокий туннель.

Термиты, — показала Келли.

Леон анализировал ситуацию, пока шимпанзе собирались на холме. Никто из них никуда не торопился. Шила подмигнула ему и вразвалочку направилась к соседнему холмику. Очевидно, термиты работали на поверхности по ночам, а на рассвете замуровывали все входы. Леон подвел своего шимпанзе к большому коричневому холмику, но так сильно овладел его волей, что

самостоятельные реакции обезьяны стали совсем слабыми. Леон\Айпан искал трещины, выпуклости, небольшие провалы; отбросил в сторону немного земли, но все равно ничего не нашел. Другие шимпанзе быстро открывали замаскированные туннели. Неужели им удалось запомнить расположение сотни с лишним ходов в каждом муравейнике?

Айпан оказался плохим помощником Леону. Когда шимпанзе находился под контролем человека, все его инстинкты блокировались, и ученому не удавалось воспользоваться интуитивным знанием обезьяны.

Приматы ловко использовали ветви или стебли травы, растущей неподалеку от муравейников. Леон попытался последовать их примеру. Однако сорванные им ветки никуда не годились. Первая оказалась слишком гибкой, а когда он попытался просунуть ее в извилистый проход, она сломалась. Тогда Леон выбрал более прочную, но новый инструмент или застревал в узких туннелях, или ломался.

Человека охватило смущение. Даже молодые шимпанзе легко выбирали нужные ветки. Леон заметил, как один из самцов невзначай выронил свое орудие. Когда шимпанзе двинулся дальше,

Леон быстро схватил ветку. Леон чувствовал, что Айпан начал испытывать беспокойство — разочарование, смешанное с голодом. Шимпанзе не терпелось поскорее отведать роскошных сочных термитов.

Леон принялся за работу, дергая Айпана за ниточки эмоций. Теперь у него совсем ничего не получалось. До него доходили смутные мысли Айпана, но Леон полностью контролировал все его мышцы. Это было серьезной ошибкой.

Довольно быстро он понял, что примитивное орудие труда следует просунуть на глубину около десяти сантиметров, поворачивая кисть так, чтобы ветка продвигалась все дальше по извилистому туннелю. Потом нужно осторожно пошевелить веткой. Таким образом он привлечет термитов, которые должны немедленно вцепиться в нее.

Сначала Леон ждал слишком долго — когда он вытащил свой инструмент, от него осталась лишь половина. Так что пришлось искать новую палку, а в животе у Айпана что-то протестующе заурчало.

Другие шимпанзе уже покончили с охотой, но Леону так и не удалось попробовать на вкус хотя бы одного термита. Тонкости добычи этих насе-

комых раздражали его — то он вытаскивал палку слишком быстро, то забывал ее поворачивать. Жвала термитов приводили в негодность одну палку за другой, и Леон был вынужден искать все новые инструменты. В результате термиты подкрепились гораздо лучше, чем он. Наконец, Леон постиг все секреты: медленный, плавный поворот кисти, изящное обратное движение. Ему удалось вытащить свой инструмент, плотно облепленный термитами. Айпан нетерпеливо слизнул их. Леону понравилось лакомство, ощущения шли в его мозг через вкусовые рецепторы шимпанзе.

Однако ему досталось совсем немного. Другие обезьяны с любопытством наблюдали за его скудной добычей. Леон почувствовал себя униженным.

«А, пропади оно все пропадом», — подумал он.

Леон заставил Айпана повернуться и направиться к лесу. Шимпанзе сопротивлялся, неохотно шаркая ногами. Леон нашел толстый сук и вернулся к муравейнику.

Пора кончать дурацкую возню с палочками. Он с размаху треснул по муравейнику. После пяти могучих ударов образовалась внушительная воронка. Термиты в панике брызнули в разные

стороны. Наконец-то, Айпан наелся вволю.

«Вот вам и все хитрости!» — хотелось закричать Леону.

Он попытался оставить на земле записку для Келли, но задача оказалась слишком трудной. Неловкие лапы сразу перестали ему подчиняться. Шимпанзе используют палку, чтобы сбивать фрукты с деревьев, но рисовать на земле им не под силу. Леону пришлось сдаться.

Появилась Шила\Келли, которая гордо несла тростинку с множеством белобрюхих термитов. Это было самое вкусное, любимое лакомство шимпанзе.

Я лучше, — показала она знаками.

Леон заставил Айпана пожать плечами и вздохнул.

Я нашел больше.

Получилась ничья.

Позднее Келли рассказала ему, что в стае его теперь называют Большая Палка. Леон страшно возгордился своим новым именем.

За обедом он чувствовал себя усталым, взволнованным и ему совсем не хотелось разговаривать. Пребывание в шкуре шимпанзе оказало соответствующее воздействие на речевые центры. Лишь с некоторым усилием Леон сумел задать вопрос

главэкспу Рубену относительно технологии погружения. Обычно Леон относился к чудесам техники, как к данности, нес вот вопрос — как воспринимает их шимпанзе?

— Оборудование погружения переносит вас к задней части извилин головного мозга, — разглагольствовал Рубен во время десерта. — Для простоты будем называть это место «извилиной». Именно здесь формируются эмоции и указания к действию.

— А что происходит с нашим мозгом? — спросила Келли. Рубен пожал плечами.

— В целом расположение извилин совпадает, но мозг шимпанзе меньше размером.

Леон наклонился вперед, не обращая внимания на дымящуюся чашку кофе.

— Эти «извилины» не дают прямого контроля над движениями шимпанзе?

— Нет, мы пробовали. Когда вы покидаете сознание обезьяны, она сразу теряет ориентировку и долго не может прийти в себя.

— Значит, мы тоньше организованы, — заметила Келли.

— У нас нет выбора. Самцы шимпанзе подчиняются нейронам, которые контролируют действие и агрессию…

— Именно поэтому они чаще бывают склонны к насилию? — спросила она.

— Да, мы так считаем. В нашем мозгу есть аналогичные структуры.

— В самом деле? Мужские нейроны? — Келли с сомнением посмотрела на Рубена.

— Нервная система мужчины предполагает более высокий порог активности, который находится в глубинах нашего мозга — древнее наследие эволюции.

— Тогда почему бы не отправить меня непосредственно на этот уровень? — поинтересовался Леон.

— Мы помещаем чипы погружения в ту область, куда нам легче проникнуть хирургическим путем. А до того уровня, о котором вы говорите, практически невозможно добраться.

Келли нахмурилась.

— Значит, самцов шимпанзе…

— Труднее контролировать. Я бы сказал, что профессор Маттик управляет своим шимпанзе с заднего сидения.

— В то время как Келли находится в командном пункте, ведь с самками шимпанзе все обстоит проще? — Леон смотрел вдаль. — У нее преимущество!

Келли усмехнулась.

— Тебе придется играть теми картами, которые сдали.

— Это нечестно.

— Большая Палка, биология — это судьба.

Стая нашла гниющие фрукты. Среди шимпанзе пробежала волна возбуждения.

Запах был привлекательным и отталкивающим одновременно, и сначала Леон не понял, почему. Шимпанзе бросились к перезрелым плодам синевато-зеленого цвета, срывали кожуру и с шумом всасывали сок.

Леон осторожно попробовал. Удар последовал мгновенно. Им овладела приятная истома. Конечно — фруктовый сок превращается… в алкоголь! Шимпанзе совершенно сознательно собирались напиться.

Леон «позволил» Айпану последовать примеру остальных обезьян. К тому же у него не оставалось выбора.

Айпан начинал ворчать и размахивать руками всякий раз, когда Леон пытался отвести его подальше от коварных фруктов. А через некоторое время Леон и сам не захотел никуда уходить. Он расслабился и довольно скоро почувствовал себя на верху блаженства.

Потом появилась стая рабуинов, и он потерял контроль над Айпаном.

Они возникли неожиданно. Рабуины беззвучно бежали на двух ногах. Хвосты шевелились — звери посылали друг другу сигналы.

Пятеро копытных сместились влево, отсекая Эсу.

Большой бросился на них. Работяга подбежал к ближайшему врагу и ударил его кулаком.

Я бросал камни. Попал в одного. Он взвизгнул и отскочил назад. Но его место заняли другие. Я бросил еще раз, а они устремились вперед, поднялась пыль, все закричали, и врагу удалось схватить Эсу. Рабуины принялись рвать ее когтями, лягать острыми копытами.

Трое потащили Эсу прочь.

Наши самки испугались и убежали. Мы, воины, остались.

Мы дрались с ними. Кричали, бросали камни, кусались, когда они подходили близко. Но мы не смогли добраться до Эсы.

Потом они ушли. Быстро помчались прочь на двух ногах с копытами. И победно вертели своими хвостами. Дразнили нас.

Мы чувствовали себя плохо. Эса была старой, и мы ее любили.

Напуганные самки вернулись обратно. Мы гладили друг друга, пытаясь успокоиться, но знали, что двуногие где-то едят Эсу.

Большой прошел мимо меня и попытался похлопать по спине. Я зарычал.

Он Большой! Он должен был остановить врага.

Его глаза стали злыми, и Большой ударил меня. Я ударил его в ответ. Он налетел на меня. Мы покатились по земле, поднимая ,клубы пыли. Мы кусались и вопили. Большой сильный, очень сильный. Он принялся колотить моей головой о землю.

Другие воины только смотрели, никто не присоединился к нашей схватке.

Он побил меня. Мне больно. Я ушел.

Большой начал успокаивать воинов. Подошли самки, чтобы выказать свое уважение Большому. Потрогать его, погладить, как он любит. Он последовательно оседлал одну за другой троих самок. Он чувствовал себя Большим.

А я лизал свои раны. Подошла Шила, чтобы поухаживать за мной. Скоро мне стало лучше. И я забыл про Эеу.

Однако я помнил, что Большой побил меня. При всех. Теперь у меня все болит, а за Большим ухаживают самки.

Он позволил прийти и забрать Эсу. Он Большой, он должен был остановить врага.

Придет день, и я до него доберусь. И он будет лежать на спине.

Придет день, и Большим стану я.

— Когда ты покинул сознание шимпанзе? — спросила Келли.

— После того как Большой перестал колотить меня… точнее, Айпана.

Они загорали под ярким солнцем у бассейна. Пьянящие запахи леса пробудили в Леоне желание снова вернуться в пыльные долины, где совсем недавно пролилась кровь. Он задрожал и глубоко вздохнул. Драка с Большим увлекла Леона, ему не хотелось уходить, несмотря на то, что было больно. Погружение обладало гипнотической привлекательностью.

— Представляю, как ты себя чувствуешь, — сказала Келли. — Мы ведь так похожи на них. Я покинула Шилу, как только появились рабуины. Мне стало очень страшно.

— Зачем их, по-твоему, вообще разводили?

— Предполагалось, что на рабуинов будут охотиться, так мне сказал Рубен. Нечто новое и таящее в себе опасность.

— Охотиться? Наши бизнесмены готовы ухва-

титься за любую возможность… — Леон собрался прочитать небольшую лекцию о том, как далеко зашло в своих экспериментах человечество, но в последний момент понял, что сейчас это не к месту.

— Ты всегда говорил, что люди — разумные животные. Никакая социоистория не будет работать, если не принять во внимание нашу чисто звериную составляющую.

— Боюсь, мы способны на самые страшные поступки. — Леон не ожидал, что опыт погружений произведет на него такое сильное впечатление.

— Думаю, да. В термине «цивилизованный человек» есть внутреннее противоречие. Шила строит козни, чтобы ее потомство получило побольше мяса, Айпан хочет занять место Большого — подобные вещи случаются и среди добропорядочных обывателей. Только люди научились маскировать свои желания.

— Я не совсем тебя понимаю.

— Человек использует разум, чтобы скрывать мотивы. Возьмем, к примеру, главэкспа Рубена. Прошлым вечером он прокомментировал твою работу над «теорией истории».

— Ну и что?

— А кто ему сказал, что ты этим занимаешься?

— Не думаю, что я… ага, ты полагаешь, он собирает о нас информацию?

— Уже собрал.

— Мы же просто туристы…

Ее улыбка стала непроницаемой.

— Не устаю восхищаться твоей наивностью, когда ты спускаешься с высот науки на грешную землю.

Леон так и не понял — комплимент это или нет.

Рубен предложил Леону провести поединок в спортивном зале станции, и Леон согласился. Они сражались на мечах, используя левитацию, основанную на электростатических подъемниках. Леон реагировал медленно и неумело. Когда его собственное тело не успевало за быстрыми выпадами главэкспа, ученый с сожалением вспоминал уверенную грацию Айпана.

Каждую следующую схватку Рубен начинал с традиционной стойки: одна нога впереди, конец меча описывает маленькие круги в воздухе. Иногда Леону удавалось пробить защиту Рубена, но чаще всего приходилось тратить всю энергию своего подъемника на то, чтобы ускользнуть от ударов противника. Леон получил от поединка гораздо меньше удовольствия, чем Рубен. Сухой

африканский воздух отнимал у него силы — в то время как Айпан им наслаждался.

Между тем Леону удавалось получать все новую и новую информацию о шимпанзе от Рубена, а также благодаря посещениям огромной библиотеки Базы.

Прежде Леон никогда не задумывался о поведении животных, хотя вырос на ферме.

Заметив в зеркале себя, собака считает, что перед нею другая собака. Как и коты, рыбы или птицы. Через некоторое время они привыкают к безобидным, лишенным запаха изображениям, но не узнают в них себя.

Человеческие дети в возрасте двух лет уже способны сделать правильный вывод.

Шимпанзе требуется несколько дней, чтобы сообразить, что они смотрят на свое отражение. После этого они начинают самым бесстыдным образом прихорашиваться, изучать свою спину, пытаются взглянуть на себя по-другому, мастерят шляпы из листьев, а потом смеются, увидев результат.

Так что они могут сделать то, что не под силу другим животным — взглянуть на себя со стороны.

Они живут в мире, полном отражений и воспо-

минаний. Они помнят термитники; помнят, как следует барабанить по дереву; знают, как найти места, куда падают крупные, собирающие воду листья и созревшее зерно.

И все это он, Леон, заложил в миниатюрную модель социоистории шимпанзе.

Вечером, во время вечеринки, Леон смотрел на туристов совсем другими глазами.

Теплый ветер из долины приносил запах пыли, разложения, жизни. И животное беспокойство наполняло комнату.

Леон любил танцевать, а Келли этим вечером была соблазнительной партнершей. Однако Леон не мог остановиться и продолжал анализировать, раскладывая окружающий мир на мелкие составляющие.

«Невербальную модель привлечения партнера люди использовали еще с тех самых пор, когда были обычными млекопитающими», — сказала Кёлли. Он размышлял над ее словами, изучая толпу в баре.

Женщина пересекла забитый людьми зал, покачивая бедрами, бросила быстрый взгляд в сторону подходящего мужчины, а потом с напускной скромностью отвернулась, как только увидела, что он обратил на нее внимание. Стан-

дартный первый шаг — посмотри на меня.

Второй шаг — я не несу в себе опасности. Рука, положенная ладонью вверх на стол или на колено. Пожатие плечами — производная древнего рефлекса, показывающего беспомощность. Добавьте запрокинутую голову, что демонстрирует открытость шеи.

Движения и жесты возникают на подкорковом уровне и восходят к далеким временам. А сохранились они только благодаря тому, что действуют до сих пор.

Быть может, подобные силы оказывают большее влияние на историю, чем торговый баланс, союзы и договоры? Леон пытался смотреть на людей глазами шимпанзе.

Хотя женщины взрослеют раньше, у них так и не появляется жесткого волосяного покрова, нависающих надбровных дуг, их голоса остаются звонкими, а кожа — нежной. В отличие от мужчин. И повсюду женщины стараются выглядеть моложе. Специалисты по косметологии не скрывают своей роли: мы не продаем конкретный продукт, мы продаем надежду.

Все приматы разделились на разные виды много миллионов лет назад. С позиции ДНК шимпанзе и людей разделяет шесть миллионов лет.

Леон сказал Келли, что только четыре процента млекопитающих образуют моногамные пары. У приматов этот процент выше, но ненамного. Птицы их и то обошли.

Келли фыркнула.

— Не позволяй биологии ударить тебе в голову.

— О, нет, я не дам ей зайти так далеко.

Позднее, тем же вечером, у него появилась прекрасная возможность поразмышлять об истинности утверждения: если далеко не всегда приятно быть человеком, то оттого, что ты млекопитающее, можно получить колоссальное удовольствие.

Последний день Леон и Келли решили провести, погрузившись в своих шимпанзе, которые устроились погреться на солнышке у быстрого ручья. Завтра утром они сядут в самолет; Хельсинки ждет. Они направились к капсулам для последнего погружения. Солнце, приятный ветерок, расслабленность…

Так продолжалось до тех пор, пока Большой не попытался овладеть Шилой.

Леон/Айпан сел, в голове у него клубился туман. Шила визжала и колотила вожака.

Большой и раньше спаривался с Шилой. В такие

моменты Келли покидала шимпанзе, и ее разум возвращался обратно в тело, которое находилось в капсуле-«саркофаге».

Однако сейчас что-то изменилось. Айпан торопливо подошел и сделал знак Шиле, вырвавшейся из лап Большого.

Что?

Она быстро взмахнула лапой.

Нет выхода.

Келли не могла вернуться в собственное тело. Что-то случилось с капсулой. Он должен предупредить персонал.

Леон сделал мысленное усилие… Безрезультатно!

Он попытался еще раз. Шила отступала назад, швыряя в Большого камни и пригоршни пыли. Ничего…

Времени на раздумья не оставалось. Он встал между Шилой и Большим.

Массивный шимпанзе нахмурился. На его пути стоял Айпан, его приятель Айпан. И не давал подойти к самке. Создавалось впечатление, что Айпан забыл, как его отколотили вчера.

Для начала Айпан завопил, широко раскрыв глаза. Большой покачал головой и сжал кулаки.

Леон заставил своего шимпанзе стоять непо-

движно. Для этого ему потребовалось напрячь все силы.

Большой занес над ним свой здоровенный кулак, словно дубинку.

Айпан присел. Большой промахнулся.

Леон с большим трудом контролировал Айпана, которому хотелось сбежать. Волны страха накатывали на разум шимпанзе — обжигающая желтизна на темно-синем фоне.

Большой бросился вперед и сбил Айпана с ног. Леон почувствовал острую боль в груди. Айпан упал на спину и ударился о землю.

Вожак триумфально взревел. Принялся победно размахивать лапами.

Теперь он снова усядется на непокорного соплеменника. И будет бить.

Айпан вдруг почувствовал глубокую, жгучую ненависть.

Сквозь кровавую ярость ощутил, что лапы Большого сжимаются на его теле. Теперь гнев Айпана передался Леону, они слились в одно целое. Злоба закипела, словно отражаясь от металлических стен.

Возможно, они были разными млекопитающими, но Леон уже знал Айпана. Ни один из них больше никому не позволит себя бить. И Большой

не получит Шилу/Келли.

Он перекатился в сторону. Большой упал на то место, где он только что лежал.

Айпан вскочил и лягнул Большого. Сильно, по ребрам. Один раз, второй. А потом в голову.

Вопли, крики, пыль, камни — Шила продолжала бомбардировать врага. Айпан задрожал от бурлящей в нем энергии и отступил.

Большой покачал пыльной головой. Потом легко вскочил на ноги, его движения были полны грации и мощи, лицо исказила гримаса. Глаза шимпанзе округлились, белки покраснели.

Айпану захотелось убежать. Только ярость Леона заставляла его оставаться на месте.

Наступило короткое равновесие сил. Айпан заморгал, а Большой начал осторожно приближаться к противнику.

«Мне нужна помощь», — подумал Леон, оглядываясь по сторонам.

Он мог позвать на помощь союзников. Неподалеку нервно переминался Работяга.

Леон неожиданно понял, что подобная стратегия ничего не принесет. Работяга по-прежнему сохранял верность Большому. Шила была слишком маленькой. Он посмотрел на остальных шимпанзе — все что-то лопотали. Леон принял

решение. Он наклонился и поднял камень.

Большой удивленно заворчал. Шимпанзе не используют камни друг против друга. Камни нужны для того, чтобы отпугивать чужаков. Айпан нарушил привычный кодекс поведения.

Большой завопил, махнул остальным, затопал ногами, злобно зарычал. А потом бросился вперед.

Леон с силой швырнул камень, попал Большому прямо в грудь и сбил его с ног.

Большой моментально вскочил, разозлившись еще сильнее.

Айпан отпрыгнул назад, ему отчаянно хотелось убежать. Леон чувствовал, как шимпанзе ускользает из-под его контроля — и увидел еще один камень. Подходящего размера, в двух шагах позади. Айпан не желал его брать, он был охвачен паникой.

Леон вылил свою ярость на шимпанзе, заставил опустить длинные лапы к земле. Пальцы неловко подхватили камень. Нахлынувшая ненависть позволила Айпану взглянуть на Большого, который устремился вслед за ним. Леону показалось, что лапа Айпана движется слишком медленно. Но камень ударил Большого прямо в лицо.

Большой пошатнулся. Кровь заливала ему гла-

за. Айпан ощутил ее железный запах, усиливший бешеную ярость животного.

Леон заставил дрожащего Айпана слегка наклониться вперед. Поблизости лежали горки камней, собранных самками для того, чтобы очищать от листьев ветки. Он поднял один из них — с острым краем.

Ошеломленный Большой потряс головой.

Айпан посмотрел на собратьев: шимпанзе застыли в оцепенении. Ни один из них не пользовался камнями против своих. Камни — для Чужаков.

Пауза затягивалась. Шимпанзе замерли на месте, Большой заворчал, потрясенно глядя на кровь, капающую с головы ему на ладонь.

Айпан сделал шаг вперед и поднял камень с заостренными краями. Не слишком удобное, но достаточно эффективное оружие.

Раздувая ноздри, Большой прыгнул к Айпану. Айпан нанес быстрый удар лапой, в которой был зажат камень. Острая его часть просвистела совсем рядом с челюстью Большого.

Глаза вожака округлились. Он рычал, строил злобные рожи, бросал пыль и выл. Айпан стоял, сжимая камень, не отступая ни на шаг. Большой довольно долго демонстрировал гнев, но не на-

падал.

Стая наблюдала за ними с напряженным интересом. Подошла Шила и встала рядом с Айпаном. Никогда еще самки не участвовали в схватках за господство в стае.

Ее движение показало, что противостояние закончено. Но Работяга не успокоился. Неожиданно он взвыл, топнул ногой и подскочил к Айпану.

Леон удивился. Вполне возможно, что вместе с Работягой они могли бы победить Большого. Он был не настолько глуп, чтобы не понимать: Большой так просто не сдастся. Вожак еще не раз бросит Айпану вызов, и ему придется сражаться. Работяга будет полезным союзником.

Леон вдруг понял, что размышляет медленно, используя примитивную логику Айпана. Он решил, что главное для него — стать вожаком стаи. Что в этом и состоит его предназначение.

Открытие поразило Леона. Человек знал, что погружается в разум Айпана, берет контроль над некоторыми функциями, просачиваясь в извилины маленького мозга шимпанзе. Леону не приходило в голову, что возможен и обратный процесс. Неужели они теперь настолько спаяны друг с другом?

Работяга стоял рядом с бунтарем, свирепо глядя

на остальных шимпанзе. Его грудь тревожно вздымалась. Айпана охватили похожие чувства, и Леон понял, что ему необходимо что-то предпринять, разорвать цикл борьбы за главенство и подчинение.

Он повернулся к Шиле.

Можешь выйти? — просигналил он.

Нет. — Лицо подруги исказила тревога.

Уходим.

Он показал в сторону деревьев, потом на Шилу и на себя.

Она беспомощно развела руки в стороны.

Леон ужасно расстроился. Ему нужно было так много ей сказать, а у них имелось всего две сотни знаков. Он пронзительно заверещал, пытаясь заставить губы и нёбо шимпанзе произносить слова.

Бесполезно. Он уже и раньше пробовал, просто так, без особой цели, но сейчас ему отчаянно хотелось добиться результата. Он не мог. Эволюция развивала мозг и голосовые связки параллельно. Шимпанзе гладили друг друга, а люди разговаривали.

Он повернулся назад и сообразил, что совершенно позабыл о борьбе за доминирование. Большой свирепо смотрел на него. Работяга стоял

на страже, его явно смутило, что новый вожак потерял интерес к продолжению схватки, да еще и перенес свое внимание на какую-то самку.

Леон выпрямился во весь свой рост и взмахнул камнем. Это произвело желаемое впечатление. Большой чуть отпрянул назад, а остальные немного приблизились к Айпану. Леон заставил Айпана дерзко шагнуть вперед. Теперь это было уже не так трудно, поскольку Айпан получал от происходящего колоссальное удовольствие.

Большой отступил. Самки обошли Большого и начали приближаться к Айпану.

«Если бы я только мог оставить его наслаждаться вниманием самок», — подумал Леон.

Он еще раз попытался покинуть мозг шимпанзе. Безрезультатно.

Механизм на станции вышел из строя. Интуиция подсказала Леону, что это надолго, может быть, навсегда.

Он отдал камень с острым краем Работяге. Казалось, тот удивился, но камень взял. Леон надеялся, что символ этого жеста окажется понятным стае; у него не было времени на дальнейшее самоутверждение. Работяга взвесил в руке камень и посмотрел на Айпана. А потом закричал раскатистым, мощным голосом, в котором звуча-

ли радость и триумф.

Леон был доволен, что Работяга отвлек внимание стаи на себя. Он взял Шилу за руку и повел ее к деревьям. Никто за ними не последовал.

Он вздохнул с облегчением. Если бы кто-то из шимпанзе увязался за ними, это подтвердило бы подозрения Леона. Рубен мог за ними следить.

И все же, напомнил он себе, отсутствие доказательств не является доказательством отсутствия.

Люди появились быстро, с грохотом и гулом.

Айпан и Шила уже некоторое время находились на деревьях. Леон настоял, чтобы они удалились на приличное расстояние от стаи. Шимпанзе начали тревожиться из-за того, что оказались так далеко от своих. Зубы Айпана стучали, он вздрагивал на каждый подозрительный шорох. В этом не было ничего удивительного: шимпанзе, оказавшиеся отдельно от стаи, подвергались множеству дополнительных опасностей.

Появление людей его не успокоило.

Опасность! — Просигналил Леон, прижимая ладонь к уху, чтобы обратить внимание на шум приземляющихся неподалеку флайеров.

Куда идем? — спросила Шила.

Туда.

Она отчаянно затрясла головой.

Останемся здесь. Они нас найдут.

Так оно и будет, только Келли не понимала, чем это кончится. Леон решительно прервал ее.

Опасность!

Им и в голову не приходило придумать знаки для сложных понятий, и теперь он чувствовал себя в западне из-за того, что был не в силах поделиться с Келли своими подозрениями.

Леон провел пальцем по горлу. Шила нахмурилась.

Он наклонился и заставил Айпана взять палку. Потом с трудом нацарапал на земле.

АГЕНТЫ КОРПОРАЦИИ. ХОТЯТ УБИТЬ.

Шила потрясенно смотрела на землю. Вероятно, Келли считала, что они не могут вернуться в собственные тела из-за какой-то временной неисправности. Однако прошло слишком много времени. Бесцеремонное появление людей только подтверждало подозрения Леона. Обычный отряд не стал бы так шуметь в заповеднике и пугать животных. К тому же зачем разыскивать «отставших»? Нужно только починить аппаратуру для погружения.

УБЬЮТ И СВАЛЯТ НА ДИКИХ ЖИВОТНЫХ.

Теперь у Леона были дополнительные доводы, подкрепляющие его догадку; вспомнилось нема-

ло странностей в поведении Рубена. Их гибель в телах шимпанзе в результате «несчастного случая» может показаться властям достаточно убедительной, и никто не станет предпринимать серьезного расследования.

Люди продолжали шуметь. Их оказалось так много, что Келли поверила мужу. Глаза Шилы сузились, лоб наморщился.

— *Где?* — просигналила она.

Они не придумали знака для выражения такой абстрактной мысли, поэтому он нацарапал на земле:

ПОДАЛЬШЕ.

У него действительно не было никакого плана.

Я ПРОВЕРЮ, — написала Келли.

Она двинулась в ту сторону, откуда доносился шум. Для шимпанзе такой ужасный грохот служил источником сильного раздражения. Леон не собирался выпускать Келли из виду и последовал за ней.

Они спрятались в кустах и принялись наблюдать за отрядом, который образовал цепь в нескольких сотнях метрах под ними. Люди окружали территорию, где обитала стая. Леон прищурился. Зрение шимпанзе не приспособлено для больших расстояний. Раньше люди были

охотниками — и не утратили этого инстинкта до сих пор, — глаза служили хорошим тому доказательством.

Леон отвлекся и подумал о том, что почти, все люди нуждаются в коррекции зрения после того, как им исполняется сорок лет. Или цивилизация оказывает пагубное влияние на зрение, или в далеком прошлом человек не доживал до возраста, когда недостаточная зоркость мешала ему преследовать дичь. В любом случае, открытие подействовало на Леона отрезвляюще.

Два шимпанзе наблюдали за перекликающимися людьми. В центре цепочки Леон разглядел Рубена. Это окончательно подтвердило его подозрения — ну и, конечно, тот факт, что мужчины и женщины держали в руках оружие.

Леон почувствовал, как, затмевая страх, в нем поднимается какое-то темное и сильное чувство.

Айпан задрожал, глядя на людей, странное благоговение застилало его разум. Даже на таком большом расстоянии люди казались ему невероятно высокими, двигались с поразительной уверенностью.

Леон боролся с проявлением сильных эмоций Айпана — его восторг уходил корнями в далекое прошлое шимпанзе.

Сначала это удивило Леона, но после некоторых раздумий он понял, в чем тут дело. В конечном счете, люди оказались сильнее остальных животных, и шимпанзе понимали это. Когда шимпанзе встретились с людьми, обладающими неограниченным могуществом, способными наказывать и награждать — в буквальном смысле, смертью или жизнью, — у них возникли чувства, напоминающие религиозное поклонение. Смутное, неясное, но сильное.

Леон постарался отвлечься от абстрактных размышлений. Как это характерно для человека — впадать в задумчивость, когда тебе грозит смертельная опасность.

Уходим. Уходим. — Подал знак Леон.

Шила кивнула, и они торопливо двинулись в лес. Айпан не хотел уходить от людей, внушавших ему благоговение-, и недовольно тащился вперед.

Они решили прибегнуть к стандартному методу охраны, который использовали шимпанзе. Леон и Келли предоставили своим обезьянам свободу действий. Приматы умели перемещаться бесшумно. Как только люди остались позади, шимпанзе начали проявлять осторожность. У обезьян было совсем немного настоящих врагов,

но запах даже единственного хищника мог полностью изменить их восприятие мира.

Айпан забирался на высокие деревья и долгие минуты сидел неподвижно, изучая открытые пространства, прежде чем снова двинуться в путь. Он учитывал каждый след, каждую сломанную веточку.

Они спустились по склону холма и снова оказались в лесу. Леон, еще находясь на станции, как-то мельком взглянул на большую цветную карту, которая вручалась всем туристам, но теперь не мог вспомнить деталей. Один раз ему удалось узнать далекий горный пик в форме птичьего клюва. Келли заметила ручей, впадающий в реку, что дало дополнительную информацию, однако они по-прежнему не знали, где находится База. И на каком расстоянии.

Туда? — сделал знак Леон, показывая в сторону далекой горной гряды.

Нет. Сюда, — упорствовала Келли.

Далеко. Нет.

Почему?

Утрата речевого аппарата изводила Леона. Он был не в силах объяснить Келли, что техника погружения лучше действовала на коротких расстояниях, скажем, не более сотни километров.

К тому же работникам станции удобно держать подопечных шимпанзе на расстоянии короткого перелета флайера. Ведь Рубен и его отряд добрались до расположения стаи довольно быстро.

Да! — настаивал он на своем.

Нет. — Она показала в сторону долины. — *Может быть, там.*

Оставалось только надеяться, что Келли поняла его мысли.

Айпан выражал свои чувства, швыряя камни и ветки, стуча по стволам деревьев. Это не слишком помогало. Шила ворчала и что-то сердито лопотала.

Леон постоянно ощущал присутствие Айпана. Им еще ни разу не приходилось проводить вместе столько времени; с каждым часом недовольство двух заключенных в одну темницу росло. Их временный альянс подвергался серьезным испытаниям.

Сядь. Успокойся. — Шила\Келли послушалась.

Леон\Айпан поднес к уху ладонь.

Плохие идут?

Нет. Слушай. — Леон раздраженно показал на Шилу.

Она выразила недоумение. Тогда он нацарапал на песке:

УЧИСЬ У НЕЕ.

Рот у Шилы приоткрылся, и она кивнула.

Они сидели на корточках в густых зарослях кустарника и анализировали лесные звуки. Ослабив контроль над Айпаном, Леон сразу услышал шорохи и шепоты. Пылинки танцевали в проникающих сквозь листву желтых потоках солнечного света. От земли шло бесконечное разнообразие запахов, сообщавших Айпану о возможных источниках пищи, мягких листьях для отдыха, коре, которую можно жевать. Леон осторожно поднял голову Айпана, чтобы взглянуть через долину на далекие хребты гор… задумался… и почувствовал слабую дрожь резонанса.

Айпану долина давала огромное количество новой информации. Для стаи это место было связано со смутными воспоминаниями о расщелине, куда упал раненый шимпанзе, о сражении с двумя большими кошками и об изобилии сладких, спелых фруктов — сложный ландшафт, наполненный чувствами и ощущениями.

Леон осторожно заставил Айпана подумать о том, что находится за горной грядой, но в ответ получил лишь волну рассеянной тревоги. Однако Леону удалось добраться до ее ядра — и в разуме Айпана возникло изображение, окрашенное

страхом. Прямоугольное строение на фоне голубого неба. База.

Там. — Он показал Келли направление.

У Айпана остались простые, сильные и тревожные воспоминания об этом месте. Его стаю забрали туда, снабдили имплантатами, которые позволили людям погружаться в разум шимпанзе, а потом вернули на прежнюю территорию.

Далеко, — Келли вздохнула.

Мы идем?

Трудно. Медленно.

Здесь нельзя. Они поймают.

Физиономия Шилы выражала скепсис.

Драться?

Она имела в виду, что им следует вступить в схватку с Рубеном… здесь? Или когда они доберутся до станции?

Не здесь. Там.

Келли нахмурилась, но возражать не стала. У него не было настоящего плана, однако Леон понимал, что Рубен готов встретить шимпанзе в лесу, а вот на станции он их не ждет. Там они с Келли могут застать его врасплох.

Они посмотрели друг на друга, пытаясь уловить на чужих лицах отсвет истинного «я». Келли погладила мочку его уха, она частенько успокаи-

вала Леона именно этим жестом. Как и следовало ожидать, ее ласка вызвала у него дрожь. Однако он ничего не мог сказать… Леон еще сильнее почувствовал безнадежность положения, в котором они оказались.

Рубен явно пытался убить Леона и Келли, покончив с Айпаном и Шилой. Что произойдет с их собственными телами? Известно, что шок может оказаться фатальным. Их тела просто перестанут функционировать.

Он увидел слезу на щеке Шилы. Она тоже понимала, как мало у них шансов на спасение. Леон обнял ее. Когда же он посмотрел на далекие горы, то с удивлением обнаружил, что на его глаза тоже навернулись слезы.

Леон не рассчитывал, что перед ними возникнет река. Люди, животные — такие препятствия он предвидел. Они подошли к бурлящей воде в том месте, где лес доходил до самого берега — наиболее подходящее место для переправы.

Однако не могло быть и речи о том, чтобы переплыть стремительный пенящийся поток.

Точнее, не могло быть и речи для Айпана. Леон заставил своего шимпанзе сделать несколько шагов по направлению к реке. Айпан даже обмочился от страха. У Келли возникли аналогичные

проблемы. Поэтому им приходилось продвигаться вперед очень медленно. Ночь, проведенная высоко на ветвях дерева, успокоила обоих обезьян, однако как только наступило утро, и Айпан ступил в быструю холодную воду, прежние страхи вернулись.

Айпан завизжал от ужаса и выскочил на узкую полоску пляжа.

Идем? — знаком спросила Келли\Шила.

Леон успокоил своего шимпа, и они попытались войти в воду поглубже. Шила демонстрировала лишь небольшую тревогу. Леон обнаружил в болотистых глубинах памяти Айпана ужас, связанный с давним событием — будучи совсем маленьким детенышем, он чуть не утонул в реке. Когда Шила попыталась ему помочь, он потоптался на месте, а потом пулей выскочил на берег.

Идем! — Шила махнула длинными руками вверх и вниз по течению, а потом сердито потрясла головой.

Очевидно, Келли тоже выяснила из воспоминаний Шилы, что лучшего места им не найти. Он пожал плечами и поднял обе руки ладонями вверх.

Неподалеку паслось большое стадо гигантелоп;

некоторые переплывали на противоположный берег, где трава была погуще. Они закидывали свои великолепные головы назад, словно дразнили шимпанзе. Река не была глубокой, но для Айпана она представляла собой непреодолимую преграду. Леон, ошеломленный всепоглощающим страхом шимпанзе, кипел от злости, но ничего не мог поделать.

Шила нетерпеливо ходила вдоль берега. Вдруг она сердито зашипела и, прищурившись, посмотрела на небо. Ее голова удивленно дернулась. Леон проследил за ее взглядом. Над долиной летел флайер. Он явно направлялся в их сторону.

Айпан совсем немного опередил Шилу, когда они бросились в лес. К счастью, стадо гигантелоп отвлекло людей на флайере. Шимпанзе прятались в кустах, пока флайер неторопливо кружил в небе. Леон успокаивал перепуганного Айпана, в то время как они с Шилой гладили друг друга.

Наконец флайер скрылся из вида. Теперь необходимо максимально сократить появление на открытом пространстве.

Шимпанзе принялись искать фрукты. Разум Леона отчаянно пытался найти выход. Они оказались в ловушке, стали жертвой хорошо продуманного заговора. Леон никогда не был

человеком действия и прекрасно осознавал это.

«Или шимпанзе действия», — с горечью подумал он.

Когда Леон принес ветку с переспелыми фруктами в их убежище в кустах на берегу реки, он услышал какой-то треск. Он опустился на четвереньки и начал осторожно подниматься вверх по склону, огибая источник шума. Шила обрывала ветки с деревьев. Когда он приблизился, она нетерпеливо помахала ему — типичный жест шимпанзе, удивительно напоминающий человеческий.

Шила уже успела собрать дюжину толстых веток. Она подошла к дереву и принялась сдирать с него длинные полосы коры. Шум вызывал у Айпана беспокойство. Хищников обязательно заинтересуют необычные звуки. Он внимательно оглядел лес: не таится ли где-нибудь опасность.

Шила подошла к нему и отвесила оплеуху. Взяла палку и написала на земле:

ПЛОТ.

Когда до Леона дошел смысл надписи, он почувствовал себя ужасно глупым. Может быть, погружение в разум шимпанзе сделало его таким тупым? Неужели эффект усиливается со временем? Станет ли он прежним, если ему удастся

выбраться из этой переделки живым? Множество вопросов, остающихся без ответа. Леон заставил себя отбросить их в сторону и принялся за работу.

Они связали ветви при помощи коры: получилось грубо, но достаточно надежно. Потом нашли два небольших упавших дерева и соорудили из них нечто вроде киля, чтобы плот не переворачивался.

Я! — показала на себя Шила и продемонстрировала, как она станет толкать плот.

Сначала нужно было привыкнуть. Айпану понравилось сидеть на плоту, пока тот находился в кустах. Очевидно, шимпанзе не догадался, для какой цели они его строили. Айпан растянулся на палубе и принялся смотреть вверх, на кроны деревьев, колышущиеся под легким, теплым ветром.

Затем после очередного обоюдного поглаживания парочка перенесла свое неуклюжее сооружение к реке. В небе было полно птиц, но флайера они не заметили.

Они торопились. Айпан начал было паниковать, когда Леон попытался заставить его ступить на плот, спущенный на воду, но Леон постарался вызвать приятные воспоминания и таким обра-

зом успокоить бешено заколотившееся сердце шимпанзе.

Айпан осторожно присел на плот. Шила оттолкнулась от берега.

Еще немного, и течение реки подхватило плот и понесло вперед. Айпан встревожился.

Леон заставил его закрыть глаза. Дыхание шимпанзе стало ровнее, но беспокойство волна за волной накатывало на разум обезьяны. Иногда Леону казалось, что в мозгу Айпана молнией вспыхивает страх. Покачивание плота отвлекало шимпанзе; один раз он раскрыл глаза, когда проплывающее мимо бревно ударило в плот, однако пугающий вид бегущей воды заставил его зажмуриться.

Леону хотелось помочь Шиле, но сердце Айпана так отчаянно билось, что на шимпанзе в любой момент могло накатить безумие. Леону не удавалось даже следить за тем, продвигается ли плот к противоположному берегу. Ему оставалось затаиться и ждать, когда Келли доставит их на место.

Она тяжело дышала, стараясь справиться с течением. Брызги часто попадали на Айпана, тот вздрагивал, вскрикивал и начинал сучить ногами, словно готовясь к бегству.

Неожиданно плот сильно тряхнуло. Стон Шилы

перешел в вопль, и Леон почувствовал, как их суденышко завертело течением. Айпан пришел в ужас…

Шимпанзе неловко вскочил. Открыл глаза.

Кругом кипела вода, плот раскачивался. Шимпанзе посмотрел вниз и увидел, что ветки начинают расходиться в стороны. Это была настоящая паника. Леон попытался успокоить шимпанзе, но ужас был слишком силен.

Шила отчаянно пыталась нагнать плот, но утлое суденышко набирало скорость. Леон заставил Айпана смотреть на противоположный берег, однако шимп принялся пронзительно визжать и ползать по плоту в поисках безопасного места.

Кора начала лопаться, ветви расходились все сильнее, холодная вода залила палубу. Айпан взвыл. Он метнулся в сторону, упал, перекатился и снова вскочил.

Леон понимал, что больше не может контролировать шимпанзе. Теперь он надеялся лишь на то, чтобы взять власть над телом в самый решительный момент. Плот развалился на две части, и половина, на которой находился шимпанзе, медленно переместилась влево. Айпан попытался отойти подальше от края, и Леон заставил его сделать еще один шаг, вынудил обезьяну спрыгнуть

с палубы в воду — в сторону далекого берега.

Новая, еще более сильная волна паники охватила шимпанзе. Леон не мешал ему бить руками и ногами, стараясь помочь в нужный момент. В отличие от Айпана, Леон умел плавать.

Бессмысленное барахтанье все же помогало Айпану держать голову над водой. Он даже немного продвинулся вперед. Леон сосредоточил все свое внимание на контроле конвульсивных движений обезьяны; вдруг рядом оказалась Шила, рот ее был широко раскрыт.

Она схватила друга за шиворот и подтолкнула в сторону берега. Айпан попытался вцепиться в нее, но Шила сильно ударила его в челюсть. Затем снова потащила его к берегу.

Айпан был ошеломлен. Это дало Леону возможность заставить примата ритмично бить по воде ногами. Он забыл обо всем, сконцентрировавшись лишь на дыхании и движениях… Казалось, прошла вечность, когда он наконец почувствовал под ногами камешки. На скалистый берег Айпан выполз сам.

Леон позволил шимпу пуститься в пляс, чтобы тот побыстрее согрелся. Следом за ним из воды выбралась мокрая, дрожащая Шила, и Айпан едва не задушил ее в благодарных объятиях.

Идти было тяжкой работой, а у Айпана совсем не осталось сил.

Леон старался заставить шимпа пройти как можно дальше, но теперь им часто приходилось спускаться в глубокие овраги — некоторые было весьма трудно преодолеть. Они спотыкались, сползали вниз, потом снова взбирались вверх, иногда им приходилось буквально карабкаться по склону. Время от времени шимпы находили звериные тропы, что несколько облегчало им жизнь.

Айпан часто останавливался, чтобы раздобыть еды или просто посмотреть вперед. В его затуманенном разуме пульсировали странные эмоции.

Шимпанзе плохо приспособлены для решения проблем, требующих длительных промежутков времени. Они медленно продвигались вперед. Спустилась ночь, и им пришлось забраться на дерево, попутно обрывая фрукты.

Айпан спал, но Леону так и не удалось задремать.

Их жизнь подвергалась точно такому же риску, как и жизнь шимпанзе, но для спящих разумов, в которых обитали они с Келли, подобное существование было привычным. Для шимпанзе лесная ночь напоминала тихий дождь, несущий

информацию, которую они перерабатывали даже во сне. Их разум воспринимал самые разнообразные звуки и продолжал отдыхать.

Леон не знал, как отличить приближение опасности, поэтому вздрагивал от любого шороха и треска сучьев, ему казалось, что враг на цыпочках подкрадывается к нему. Наконец сон сморил и его.

Первые же лучи солнца разбудили Леона, и он увидел рядом с собой змею, которая, словно зеленая веревка, свернулась вокруг свисающей ветки, готовясь к атаке. Змея смотрела на него, и Леон напрягся. В этот момент проснулся Айпан. Он сразу заметил змею, однако, вопреки опасениям Леона, не стал дергаться.

Прошло довольно много времени, Айпан моргнул всего один раз. Змея замерла в полнейшей неподвижности, сердце Айпана забилось быстрее, но он не двигался. Затем змея опустила голову и уползла прочь. Для зеленой змеи Айпан был не слишком подходящей добычей, а шимпанзе хватало ума не связываться с весьма неприятными на вкус змеями.

Когда проснулась Шила, они, поймав по пути несколько насекомых, спустились вниз к весело журчащему ручью, чтобы напиться. Оба шимпан-

зе равнодушно оторвали по нескольку толстых черных пиявок, которые присосались к ним за ночь. Толстые, отвратительные червяки вызвали у Леона тошноту, но Айпан отбросил их в сторону так же небрежно, как Леон завязывал шнурки.

Айпан напился воды, а Леон отметил, что шимп не испытывал никакой потребности в купанье. Обычно Леон принимал душ дважды в день, перед завтраком и обедом, и ему становилось не по себе от запаха пота, но сейчас косматое тело обезьяны не вызвало у него никаких неприятных эмоций. Леон смутно помнил, что когда был мальчишкой, мог не мыться по несколько дней подряд и ненавидел ванну и душ. Каким-то удивительным образом Айпан вернул его в прошлое, когда Леон чувствовал себя прекрасно среди грязи и пыли.

Однако ему не долго пришлось пребывать в хорошем настроении. На вершине холма он заметил рабуинов.

Айпан уловил их запах, но у Леона не было доступа к той части мозга шимпа, в которой запахи воспроизводили образы. Он только понял, что Айпан обеспокоен и наморщил свой бугристый нос. Когда Леон увидел рабуина поближе, то содрогнулся.

Мощные задние ноги, быстрый шаг. Короткие

передние лапы, заканчивающиеся острыми когтями. Большие головы, казалось, состояли из сплошных зубов, белых и острых, сверкающих под маленькими, настороженными глазками. Толстая, коричневая шкура покрывала тело, длинный, пышный хвост служил для баланса.

Несколько дней назад, сидя в безопасности на высоком дереве, Айпан наблюдал, как в долине рабуины рвали зубами и когтями мягкую плоть гигантелопы. Теперь хищников было пять, они спускались по склону, вытянувшись в одну линию. Шила и Айпан задрожали от страха. Ветер дул со стороны рабуинов, поэтому шимпанзе начали молча отступать.

Здесь не было высоких деревьев, лишь кустарник и молодые побеги. Леон и Шила спускались вниз по склону; они преодолели довольно приличное расстояние, когда им удалось заметить поляну. Айпан уловил слабый запах других шимпанзе.

Он махнул рукой Шиле: иди. В этот момент поднялся вой — рабуины учуяли их запах.

Злобный рев хищников эхом пронесся по густому кустарнику. Ниже по склону было более открытое место, но дальше Леон заметил высокие деревья, на которые они могли забраться.

Айпан и Шила на четвереньках бросились через поляну, но бежали они недостаточно быстро. Рабуины с оскаленными зубами выскочили на траву у них за спиной. Леон мчался к деревьям — и оказался среди стаи шимпанзе.

Обезьян здесь было несколько дюжин, они с удивлением уставились на незваного гостя. Потом самый крупный самец грозно зарычал, все схватились за камни и палки и принялись швырять их в Айпана. Камень ударил его в челюсть, палка попала в бедро. Он не остановился, Шила опережала его на несколько шагов.

В следующий момент на поляне появились рабуины. В лапах они держали маленькие, острые камушки. Выглядели хищники большими и сильными, однако замедлили бег, услышав вопли и крики целой стаи приматов.

Айпан и Шила устремились к деревьям, остальные шимпанзе — за ними. Рабуины замерли на месте.

Шимпанзе заметили рабуинов, но никак не отреагировали на них. Со злобными воплями они продолжали преследовать Айпана и Шилу.

Рабуины застыли в нерешительности, не зная, что предпринять.

Леон сообразил, что происходит. На бегу он

подхватил ветку, хрипло зовя Шилу. Она посмотрела на него и последовала примеру Айпана. Тогда Леон повернулся и бросился прямо на рабуинов, размахивая веткой. Это был кривой старый сук, трухлявый внутри, но размеры его были внушительными. Леон хотел выглядеть как первый воин большого отряда, с которым лучше не связываться.

Поднялась огромная туча пыли; за ней рабуины заметили большую стаю шимпанзе, которые как раз в этот момент появились из леса. Хищники опешили и обратились в бегство.

С громким воем они улепетывали к дальним деревьям.

Айпан и Шила — за ними. Они бежали из последних сил. К тому моменту, когда Айпан добрался до первых деревьев, он оглянулся и увидел, что шимпанзе остановились на половине пути, продолжая возмущенно кричать.

Он сделал знак Шиле — *пошли* — и они принялись снова взбираться вверх по склону холма.

Айпану было необходимо поесть и отдохнуть, чтобы его сердце перестало отчаянно биться при малейшем постороннем звуке. Шила и Айпан сидели высоко на дереве, обнимая и лаская друг друга.

Леону требовалось время для размышлений. Кто поддерживает жизнь в их телах, оставшихся на станции? Рубен мог сообщить остальному персоналу, что двое туристов захотели совершить долгое погружение.

Его размышления снова вызвали в Айпане дрожь, поэтому Леон решил, что будет лучше, если он перестанет мыслить так конкретно. Абстрактные образы не тревожили Айпана. А Леону необходимо разобраться во многих проблемах.

Биотехники, которые занимались шимпами и гигантелопами, наверняка не обошли своим вниманием и рабуинов. В первые годы ученые делали все, что хотели, не зная ограничений. Новые возможности позволили им превратить дальнего родственника приматов, бабуина, в нечто отдаленно напоминающее человека. Извращенная идея — так представлялось Леону, — но в это легко можно поверить. Ученые просто обожают поиграть с природой.

Они дошли до того, что научили рабуинов охотиться в стае. Однако дальше грубо обработанных камней, которыми животные разрезали добытое мясо, дело у рабуинов не пошло.

Через пять миллионов лет они, возможно, станут такими же умными, как шимпанзе. И кто

тогда исчезнет с лица Земли?

В данный момент эта проблема не слишком занимала Леона. Он ужасно рассвирепел, когда шимпанзе — его собственный вид! — обратились против него, в то время как рядом были рабуины. Почему?

Он некоторое время размышлял над этим вопросом, уверенный, что натолкнулся на нечто важное. Социоистория имеет дело с базовыми, фундаментальными импульсами. Реакции шимпанзе прекрасно укладывались во множество случаев аналогичного поведения людей. Ненависть к Чужакам.

Он должен понять эту мрачную истину.

Шимпанзе живут мелкими стаями, не любят чужих,1 размножаются, главным образом, внутри ограниченного круга, насчитывающего несколько дюжин особей. Из чего следует, что всякое изменение в генах, в результате спаривания, быстро переходит к каждому члену стаи. И если новые качества помогут данной группе выжить, значит, изменение оказалось удачным. Что ж, зато честно.

Но качество должно передаваться в чистом виде. Стая, где каждый умеет метко бросать камни, будет поглощена, если присоединится к группе,

насчитывающей несколько сотен особей. Они начнут спариваться с шимпанзе, не принадлежащими к их стае. И важная черта будет утеряна.

Конечно, должно поддерживаться равновесие между случайными удачами в маленьких группах и стабильностью в больших — в этом и заключался весь фокус. Какая-то особенно удачливая группа может заполучить хорошие гены, которые помогут ей успешно справиться с трудностями постоянно изменяющегося мира. Их ждет успех. Но если их гены не перейдут к большому количеству шимпанзе, какая в том польза?

Если же будут происходить редкие контакты с другими группами, полезное свойство начнет распространяться. Пройдет довольно много времени, и это качество станет всеобщим достоянием.

Из чего следует, что вырабатывать негативное отношение к чужакам полезно. Чужаки должны восприниматься как нечто вредное и опасное. Не спаривайтесь с чужими!

Маленькие группы цепко держатся за свои достижения, и некоторые преуспевают в охране своих отличительных качеств. И продолжают существовать, но большинство погибает. Эволюционные скачки происходят быстрее в ма-

леньких, полуизолированных группах, которые лишь изредка спариваются с чужаками.

Они ненавидят толпы, незнакомцев, шум. Группы, состоящие менее чем из десяти членов, чаще других подвержены нападению хищников или болезням. Даже небольшие потери приводят к тому, что группа погибает. Если же их становится слишком много, теряются преимущества при передаче полезных свойств. В результате они навсегда сохраняют верность стае, каждый член группы легко находит в темноте остальных по запаху, даже на больших расстояниях. Из-за наличия огромного числа общих генов им свойствен альтруизм.

И героизм. Если герой погибнет, его разделенные гены останутся у других представителей стаи.

Даже если чужаки сумеют пройти тест на различие во внешнем виде, манере поведения и запахе — даже в этом случае культура только усилит эффект отторжения. Незнакомцы с другим языком, обычаями или поведением будут вызывать раздражение и ненависть. Все, что поможет отличить каждого члена своей стаи от других, будет поддерживать ненависть.

Маленькая генетическая группа под воздей-

ствием естественного отбора несет в себе соответствующие различия — даже случайные, лишь косвенно связанные с проблемами выживания. В результате у них возникнет культура. Как это произошло у людей.

Многообразие форм племенных отношений не позволит утерять генетические свойства. Они прислушиваются к древнему зову осторожного и отчужденного племенного строя.

Леон нашел ключ. Люди создали цивилизацию вопреки законам, которые диктовал им племенной строй. Это было настоящее чудо!

Но даже чудеса нуждаются в объяснении. Как цивилизация может сохранять стабильность, если все в ней определяют такие грубые существа, как люди?

Никогда еще человеческая история не представала перед Леоном в таком ослепительном и безжалостном свете.

По мере продвижения вперед шимпанзе тревожились все больше и больше.

Айпан начал терять равновесие, взгляд его метался вправо и влево. Леон пользовался набором хитрых приемов, которым овладел за это время, чтобы успокоить шимпа.

Шила доставляла еще больше хлопот. Самке

шимпанзе не нравилось бесконечно лазить по оврагам с крутыми склонами, которых становилось все больше по мере приближения к горной гряде. Заросли колючего кустарника часто преграждали им путь, и они были вынуждены их обходить. Фрукты здесь встречались значительно реже.

Руки и плечи Айпана болели. Шимпанзе предпочитают ходить на четвереньках из-за того, что их сильные руки принимают на себя существенную часть веса. Но и это не решало проблемы, поскольку путь был слишком долгий. Шила и Айпан стонали и повизгивали от гнетущей усталости, которая, казалось, въелась в их ступни, щиколотки, кисти и плечи. Шимпанзе никогда не были хорошими путешественниками.

Леон и Келли часто разрешали своим шимпанзе останавливаться и устраивать гнезда на деревьях. Однако даже в такие моменты обезьяны не успокаивались и постоянно нюхали воздух.

Запах, который так беспокоил шимпанзе, становился все интенсивнее.

Шила первой добралась до горного перевала. Далеко внизу, в долине, они разглядели прямоугольные строения станции. С крыши взлетел флайер и устремился в долину; он не представлял

для них опасности.

Леон вспомнил, как они сидели на веранде с бокалами в руках, и Келли сказала: «Если бы ты остался в Хельсинки, тебя могли бы убить». Они не остались в Хельсинки, а было это, кажется, столетие назад…

Они начали спуск по крутому склону. Каждое неожиданное движение заставляло шимпанзе вздрагивать. Холодный ветер шевелил листву редких кустов и деревьев с искривленными стволами. Некоторые из них почернели от огня — в них попала молния. Здесь господствовали воздушные массы, которые гнали ветры из долины и с горных круч. Скалистые предгорья совсем не походили на теплые джунгли, где привыкли жить шимпанзе. А люди торопили их.

Шила шла впереди. Внезапно она остановилась.

Без единого звука перед ней возникли пятеро рабуинов, которые поджидали их в засаде. Они быстро образовали нечто вроде полукруга.

Леон не мог сказать, была ли это та же стая, что в прошлый раз. Если да, то, значит, рабуины обладают удивительной для хищников памятью. Они сознательно затаились там, где не было деревьев — убежища шимпанзе.

Рабуины сохраняли жуткое молчание, медленно подступая к ним и тихонько постукивая копытами.

Леон позвал Шилу, выпрямился во весь рост и принялся угрожающе выть, размахивая руками. Он предоставил Айпану свободу действий, а сам мучительно соображал, стараясь найти выход.

Стая рабуинов, без всякого сомнения, легко расправится с двумя шимпанзе. Чтобы выжить, им необходимо выкинуть штуку, которая удивила бы рабуинов или напугала их.

Он осмотрелся. Бросать камни бесполезно. Еще не до конца понимая, что собирается сделать, Леон заставил Айпана свернуть в сторону расщепленного молнией дерева.

Шила увидела, ускорила шаг и первой оказалась у дерева. Айпан поднял два камня и швырнул их в ближайшего рабуина. Один попал ему в бок, но серьезных повреждений не причинил.

Рабуины перешли на легкий бег, продолжая окружать парочку обезьян. Между собой они переговаривались неприятными, визгливыми голосами.

Шила прыгнула на ветку обгоревшего дерева, раздался треск. Она рванула ветку, и в руках оказалось оружие. Шила подняла дубинку вверх

— Леон понял, что она имела в виду.

Самый большой рабуин заворчал, хищники переглянулись.

В следующую секунду рабуины бросились в атаку.

Один из них выбрал жертвой Шилу. Она выставила свое оружие, как копье, и рабуин, напоровшись на него плечом, завизжал.

Леон схватился за ствол расщепленного дерева. Он не мог оторвать ни щепки. Раздался громкий вопль: испуганно кричала Шила.

То, что шимпанзе кричит, ослабляя нервное напряжение, Леон знал, но сейчас он почувствовал, какой отчаянный страх охватил Шилу, и сразу понял, что Келли напугана не на шутку.

Он выбрал кусок ствола поменьше. Двумя руками оторвал его, используя собственную массу и могучие плечевые мышцы. Одновременно обломил деревяшку так, чтобы остался острый конец.

Копье. Только так он избежит острых когтей рабуинов. Шимпанзе никогда не используют такое «продвинутое» оружие. Эволюция еще не успела преподать им этот урок.

Теперь рабуины окружили приматов со всех сторон. Айпан и Шила стояли спина к спине. Леон едва успел выбрать удобное положение, когда на

него бросился большой, темный хищник.

Рабуин еще не понял, какие опасности таит в себе копье. Он напоролся на острие и издал пронзительный вопль. Айпан обмочился от страха, но Леон сумел удержать его под контролем.

Повизгивая от боли, рабуин отступил. Потом повернулся и побежал. Остановился. Долго колебался, а затем снова метнулся к Айпану.

Теперь он двигался уверенно. Остальные рабуины наблюдали за ним. Подошел к тому же дереву, которым пользовался Леон, и одним ударом отломил длинный, ровный кусок дерева. Вожак направился к Леону, остановился в нескольких шагах, вытянув вперед конечность с зажатым в ней оружием. Встряхнув большой головой, выставил вперед копыто и слегка развернулся.

Потрясенный Леон понял, что рабуин принял фехтовальную позицию. Рабуином управлял Рубен!

Все встало на свои места. Теперь смерть шимпанзе не вызовет никаких вопросов. Рубен всегда может сказать, что разрабатывал погружение в рабуинов как еще одно средство привлечения туристов, причем используя ту же аппаратуру, которая позволяет человеку на время превращаться в шимпанзе.

Рубен осторожно приближался к Леону, держа копье двумя когтями и стараясь вращать оружием по кругу. Движения получались резкими и не слишком точными; когти рабуина уступали в ловкости пальцам шимпанзе. Однако хищник был сильнее.

Рубен сделал ложное движение, за которым последовал молниеносный выпад. Леон едва успел увернуться, одновременно отбив копье противника палкой. Рубен отскочил и атаковал Леона слева. Выпад — финт, выпад — финт. Леон всякий раз парировал его удары.

Их деревянные мечи громко стучали, Леону оставалось надеяться, что его оружие не сломается. Рубен уверенно управлял своим животным. Оно больше не пыталось сбежать.

Леон полностью сосредоточился на том, чтобы отбивать выпады Рубена. Необходимо что-то придумать, иначе рано или поздно скажется сила рабуина. Леон отступал по кругу, стараясь увести Рубена подальше от Шилы. Остальные члены стаи окружили ее, но нападать не решались. Их внимание было приковано к необыкновенному поединку.

Леон увлекал Рубена туда, где на поверхность выходил геологический пласт. Рабуину бы-

ло нелегко удерживать копье двумя когтями, приходилось постоянно смотреть вниз, чтобы контролировать его положение. А значит, он не обращал особого внимания на то, куда ставил копыта. Леон начал отвечать ударом на удар, продолжая все время перемещаться и вынуждая рабуина сдвигаться в сторону. Один раз копыто застряло между двумя камнями, но зверь сумел высвободить ногу.

Леон сделал несколько шагов влево. Рабуин устремился за ним, наступил на камень, копыто соскользнуло, и он пошатнулся. Леон не упустил своего шанса и бросился вперед, когда Рубен опустил глаза вниз, пытаясь сохранить равновесие. Выпад Леона попал в цель.

Он нажал посильнее. Остальные рабуины застонали.

Шипя от ярости, рабуин попытался вытащить острие из раны. Леон заставил Айпана сделать шаг вперед и надавить на копье сверху. Рабуин хрипло закричал. Айпан еще сильнее налег на копье. Брызнула кровь, колени рабуина подогнулись, и он рухнул на землю.

Леон бросил быстрый взгляд через плечо. Остальные хищники напали на Шилу. Ей удавалось держать на расстоянии троих, причем она

так яростно верещала, что это произвело впечатление даже на Леона. Одного рабуина она даже ранила, кровь стекала по его бурой шкуре.

Остальные остановились в нерешительности. Звери кружили неподалеку, рычали, но ближе подойти боялись. Они тоже кое-чему научились. Леон видел, как их быстрые, блестящие глаза постоянно оценивают ситуацию в поисках нового удачного хода.

Шила сделала шаг вперед и нанесла удар ближайшему рабуину. Он, в свою очередь, бросился на нее, получил еще одну болезненную рану, взвизгнул, повернулся — и обратился в бегство.

Остальные последовали его примеру. Они убегали, оставив своего товарища лежать в луже крови. Остекленевшие глаза хищника тупо уставились на вытекающую кровь. Рубен покинул тело рабуина. Животное свесило голову и испустило дух.

Леон поднял камень и нанес несколько сильных ударов по черепу рабуина. Работа была грязной, и Леон предоставил Айпану довести дело до конца.

Потом Леон наклонился, чтобы рассмотреть мозг рабуина. Он увидел тонкую серебристую сеть, охватывающую небольшой шар. Цепи аппа-

ратуры погружения.

Он отвернулся и только теперь заметил, что Шила ранена.

База располагалась на неровных склонах холма. Глубокие лощины придавали им сходство с усталым лицом, изборожденным морщинами. Жесткие заросли кустарника окружали подножие.

Айпан тяжело дышал, пробираясь по разрушенной эрозией почве. На шимпанзе окружавшая их ночь наводила ужас, повсюду лежали светло-зеленые и синеватые тени. Холм был лишь частью длинной горной гряды, зрение шимпа не позволяло ему разглядеть далекие скалистые пики. Шимпанзе живут в замкнутом, уютном мирке.

Впереди виднелась высокая, глухая стена станции. Массивная, высотой в пять метров. И, вспомнил Леон свои первые впечатления, утыканная битым стеклом.

Он услышал за спиной тихие стоны — Шила с трудом спускалась вниз по склону. Рана на боку сделала ее движения неуверенными и медленными. Лицо перекосила гримаса боли. Их силы были на исходе.

Пользуясь знаками, гримасами и фразами, нацарапанными на земле, они «обсудили» воз-

можные варианты. Два шимпанзе подвергались здесь серьезной опасности. Вряд ли стоит рассчитывать на то, что им еще раз повезет, как во время схватки с рабуинами. К тому же они ужасно устали и находились на чужой территории.

Лучше всего подобраться к станции ночью. Тот, кто за всем этим стоит, наверняка постоянно находится настороже. За последний день им дважды пришлось прятаться от флайера. Мысль о том, чтобы отдохнуть еще один день, казалась очень привлекательной, но предчувствие заставляло Леона действовать без промедления.

Он начал подниматься по склону, внимательно изучая провода охранной сигнализации. Он ничего не знал о подобных устройствах. Оставалось только следить за очевидными ловушками и надеяться, что станция не защищена от вторжения людей.

Леон выбрал место, где на стену падала тень от дерева. Услышал тяжелое дыхание приближающейся Шилы. Взглянул вверх. Стена казалась огромной, непреодолимой…

Он осмотрелся. Никакого движения, все спокойно. Для Айпана станция пахла неправильно. Возможно, животные старались держаться подальше отсюда. Хорошо, значит, охрана не будет

особенно внимательной.

Стена была сделана из отшлифованного бетона. Сверху ее венчал козырек, который еще больше усложнял задачу.

Шила показала на место, где деревья подходили к самой стене. Леон увидел обрубки — видимо, строители опасались, что животные запрыгнут внутрь с ветвей. Однако осталась парочка достаточно высоких деревьев, ветви которых находились в нескольких метрах от верха стены.

Смогут ли шимпанзе преодолеть такое расстояние? Маловероятно, особенно если учесть, как они устали. Шила показала на него, а потом на себя, сложила руки и сделала колебательное движение. Удастся ли им перемахнуть через стену?

Он всмотрелся в ее лицо. Архитектор не мог предусмотреть, что два шимпанзе будут помогать друг другу. Он прищурился, посмотрел на стену. Слишком высоко, даже если Шила встанет ему на плечи.

Через несколько мгновений, когда ее руки держали его за ноги, а он был уже готов отпустить ветку, за которую ухватился, Леоном овладели сомнения.

Айпан не возражал против подобной гимнастики, более того, был счастлив снова оказаться на

дереве. Однако разум Леона продолжал кричать, что у них ничего не получится. Ловкость шимпанзе вступила в противоречие с осторожностью человека.

К счастью, времени на сомнения не оставалось. Шила сдернула его с ветки, теперь его поддерживали только ее руки.

Она покрепче зацепилась ногами за толстый сук и начала раскачивать друга, словно камень в праще. Постепенно амплитуда увеличивалась. Айпану происходящее казалось совершенно естественным. Для Леона окружающий мир превратился в чудовищное мельтешение образов.

Момент — и его голова оказалась на одном уровне со стеной.

Бетонный козырек имел сглаженную форму, чтобы за него нельзя было зацепиться.

Леон снова полетел вниз, к земле, потом опять вверх — ветки хлестнули его по физиономии.

В следующий раз он взмыл еще выше. По кромке стены сверкнули осколки стекла.

Леон едва успел понять, что происходит, когда руки Шилы отпустили его ноги.

Он выгнулся в дугу с вытянутыми вперед руками — и в самый последний момент ухватился за край выступа. Если бы не карниз, он бы упал.

Его тело ударилось о стену. Ноги мучительно искали опору. Ему удалось за что-то зацепиться несколькими пальцами. Мускулы напряглись, он бросил свое тело вперед и вверх — и оказался наверху. Никогда прежде Леон так не радовался пластичности и выносливости шимпанзе. Ни один человек не сумел бы перебраться через стену в этом месте.

Он осторожно пополз вперед и неглубоко порезал палец. Было совсем непросто найти место, куда поставить ногу.

Его охватило ликование. Он помахал невидимой на дереве Шиле.

Теперь все зависело от него. Он неожиданно сообразил, что они могли бы сделать нечто вроде веревки, связав несколько лиан. Тогда он сумел бы втащить Шилу наверх. Хорошая идея, но пришла к нему слишком поздно.

Теперь не стоило терять времени. Отсюда, сквозь деревья, он видел огни станции. Стояла полнейшая тишина. Интуиция Айпана помогла Леону выбрать момент для начала вторжения.

Он посмотрел вниз. Перед ним поблескивала острая, как бритва, проволока, заделанная в бетон. Леон осторожно переступил через нее. Между осколками стекла удавалось, хотя и с трудом,

находить место для того, чтобы поставить ногу.

Стоит ли спрыгнуть? Слишком высоко. Неподалеку от стены росло дерево, но он не мог толком его разглядеть.

Леон стоял и думал, но в голову не приходило ни одной подходящей идеи. У него за спиной на дереве оставалась Шила, одна, ему совсем не хотелось, чтобы она и дальше подвергалась неведомым опасностям.

Он думал, как человек, забывая о том, что обладает возможностями шимпанзе.

Вперед. Он спрыгнул вниз. Послышался треск ломающихся веток, и он тяжело упал в темноту. Листья хлестнули по лицу. Справа мелькнул темный силуэт, он подогнул ноги, резко развернулся, вытянув вперед руки, и ухватился за ветку. Его пальцы сомкнулись на ней, и он понял, что ветка слишком тонкая, слишком тонкая…

Ветка с треском обломилась. Леону показалось, что прогрохотал гром. Он упал, ударился спиной обо что-то твердое, покатился, хватая руками воздух, под пальцами оказался толстый сук. Наконец-то появилась точка опоры!

Раскачивались ветви, шуршали листья. Наконец наступила тишина.

Леон находился на средней части ствола. Все

суставы мучительно ныли.

Леон расслабился и предоставил Айпану спускаться вниз. Он произвел слишком много шума, когда падал, но нигде на широких лужайках между ним и большим зданием станции не заметил никакого движения.

Леон подумал о Шиле и пожалел, что не имеет возможности сообщить ей об удачном окончании первой фазы операции. Продолжая размышлять о подруге, он взглядом измерил расстояние до ближайших деревьев, стараясь запомнить, как они расположены, чтобы быстро найти дорогу обратно, если до этого дойдет.

Что теперь? У него не было плана. Только предположения.

Леон мягко поторопил Айпана — тот устал, нервничал и был готов в любой момент выйти из-под контроля. Шимп осторожно двинулся к кустам. Разум Айпана напоминал укрытое тучами небо, которое изредка прорезают сверкающие молнии. Не мысли — скорее, всплески эмоций, формирующиеся под влиянием неопределенности и страха. Леон терпеливо сосредоточился на спокойных образах, надеясь, что Айпан расслабится… и чуть не пропустил негромкие шорохи.

Когти скребли по каменной дорожке. Кто-то

быстро бежал в его сторону.

Они показались из-за кустов: узловатые мускулы, гладкая шкура, короткие ноги быстро поглощали оставшееся расстояние. Их натренировали бесшумно разыскивать врага и убивать его.

Айпану они представлялись страшными, невероятными чудовищами. Шимпанзе охватила паника, и он отступил перед двумя несущимися на него живыми пулями.

И тут Леон почувствовал, как в Айпане что-то изменилось. Первичные, далеко запрятанные инстинкты заставили его остановиться. Все тело шимпанзе напряглось. Раз нельзя убежать, значит, нужно сражаться.

Айпан занял удобную позицию. Враг мог попытаться схватить его за руки, поэтому он отвел их назад и слегка присел, опустив голову.

Айпану уже приходилось иметь дело с четвероногими хищниками, охотившимися в Стае. Включилась наследственная память, теперь он знал, что, не достав конечности жертвы, они попытаются вцепиться в горло. Собаки хотели застать его врасплох, перегрызть яремную вену — причем, в первое же мгновение схватки, пока жертва не успела прийти в себя.

Псевдопсы стремительно приближались, плечо к плечу, большие головы слегка приподняты — а потом прыгнули на Айпана.

В воздухе — Айпан знал — они уже ничего не могли сделать и были беззащитны.

Айпан вытянул вперед обе руки и схватил собак за передние лапы.

Он упал назад, продолжая крепко держать лапы псов, его пальцы находились совсем рядом с их страшными челюстями. Квазипсы по инерции проскочили у него над головой.

Айпан перевернулся на спину, и изо всех сил дернул обеими руками. Квазипсы продолжали лететь вперед. Они не могли даже повернуть голову, чтобы вцепиться ему в руки.

Прыжок, мертвая хватка, быстрый поворот и рывок — все произошло в одно мгновение, центробежная сила подхватила псов, которые пронеслись над Айпаном, когда он упал на землю и перекатился. Он услышал и почувствовал, как ломаются передние лапы собак, и только после этого отпустил их. Псы жалобно заскулили.

Айпан завершил кувырок и вскочил на ноги. Он услышал глухой удар, щелкнули сомкнувшиеся челюсти. Сломанные лапы не смягчили удара о землю.

Тяжело дыша, Айпан бросился вслед за псами. Они пытались подняться, повернуться на сломанных лапах, чтобы встретить врага. Квазипсы все еще не лаяли, лишь слабо рычали и скулили от боли. Один отчаянно и непристойно выругался. Другой повторял:

— У-у-у-блюдок, у-у-у-блюдок…

Животные возвращались в свою бескрайнюю, скорбную ночь.

Айпан подпрыгнул высоко вверх и обрушился на врага. Его ноги опустились на шеи псов, и он почувствовал, как хрустнули кости. Даже не глядя на собак, он знал, что им пришел конец.

Кровь Айпана пела от радости. Никогда еще Леону не приходилось переживать подобных ощущений — даже во время первого погружения, когда Айпан убил Чужака. Победа над свирепыми существами со смертоносными зубами и когтями пришла к нему в ночи, как вспышка ослепляющего наслаждения.

Леон не сделал ничего. Победа полностью принадлежала Айпану.

Несколько долгих мгновений Леон наслаждался прохладным ночным воздухом, отдаваясь дрожи экстаза. Постепенно к нему вернулась способность здраво мыслить. Здесь наверняка

имеются и другие охранники. Айпану повезло. Такая удача не повторяется дважды.

Тела квазипсов легко заметить на лужайке, они сразу привлекут внимание.

Айпану не хотелось трогать их. От них шел неприятный запах. Когда он потащил их в кусты, за собаками потянулся кровавый след.

Время, время! Собак хватятся, пойдут искать.

Айпан все еще ликовал, радуясь своей победе. Леон воспользовался этим и заставил шимпанзе пробежать через широкую лужайку, стараясь держаться в тени. Энергия бурлила в венах Айпана. Леон прекрасно понимал, что возбуждение скоро пройдет, и тогда Айпаном станет трудно управлять.

Он часто останавливался и смотрел по сторонам, чтобы запомнить обратную дорогу. Кто знает, может быть, придется спасаться бегством.

Было очень поздно, и большая часть станции погрузилась во мрак. Однако из окон лаборатории лился удивительно яркий и непривычный для шимпанзе свет.

Леон устремился к окнам и прижался к стене. Ему помогало, что Айпана завораживало здание. Любопытство заставило Айпана заглянуть в окно. В ослепительном свете Леон узнал внутреннее

помещение. Здесь столетия назад — так ему, по крайней мере, казалось — он вместе с другими туристами собирался на очередную экскурсию.

Леон воспользовался интересом шимпанзе и направил его вдоль стены, туда, где находилась дверь, ведущая в длинный коридор. Леон удивился, когда она легко отворилась. Он зашагал по гладким плиткам пола, разглядывая испускающие мягкое сияние фосфоресцирующие рисунки на потолке и стенах.

Дверь в офис была распахнута. Леон заставил Айпана опуститься на корточки и заглянуть внутрь. Он никого не увидел. Стены роскошного кабинета полностью закрывали доходящие до самого потолка стеллажи. Леон вспомнил, как сидел тут и обсуждал процесс погружения. Значит, помещение, где, собственно, и происходило погружение, находится совсем рядом…

Скрип туфель заставил его повернуться.

Главэксп Рубен с оружием в руке стоял у него за спиной. В холодном свете лицо человека показалось Айпану хищным.

Леон почувствовал, как Айпана охватывает благоговение, он сделал несколько шагов вперед, что-то тихонько бормоча себе под нос. Шимпанзе не испытывал страха.

«Интересно, — подумал Леон, — почему Рубен молчит?»

Потом он сообразил, что все равно не сможет ответить.

Рубен напрягся, размахивая стволом своего уродливого оружия. Раздался металлический щелчок. Айпан поднял руки вверх — обычное приветствие, которым обмениваются шимпанзе, и Рубен выстрелил в него.

Айпана отбросило в сторону, он упал.

Рот Рубена презрительно изогнулся.

— Умный профессор? Не сообразил, что на дверях сработала сигнализация?

Боль в боку Айпана была острой. Леон собирался с силами, старался вызвать в Айпане волну гнева. Шимпанзе ощупал свой бок, и его рука стала красной от крови. Айпан почуял ее запах.

Рубен обошел вокруг, продолжая размахивать оружием.

— Ты убил меня, ты, маленькое, жалкое ничтожество. И испортил хорошее экспериментальное животное. Теперь я должен решить, что с тобой делать.

На шимпанзе снова накатила волна острой боли. Айпан застонал и перекатился на полу, прижимая руку к ране.

Леон держал голову шимпанзе так, чтобы тот не видел крови, стекающей по ногам. Силы покидали тело шимпа. Он ощущал слабость.

Леон прислушался к скрипу ботинок Рубена. Еще раз перекатился, но на этот раз подобрал ноги под себя.

— Похоже, что у задачки только одно решение…

Леон услышал металлический щелчок.

Пора. Он вылил в разум шимпа весь накопившийся гнев.

Айпан приподнялся на локтях и подтянул ноги. Встать он не успеет. Шимпанзе пригнулся и прыгнул на Рубена.

Пуля просвистела над головой. Айпан ударил Рубена в бедро, и человека отбросило на стену. Запах мужчины был кислым и соленым.

Леон полностью потерял контроль над Айпаном, который снова швырнул Рубена на стену и со всего размаху опустил на него оба кулака.

Рубен попытался блокировать удар, но Айпан легко отшвырнул слабые человеческие руки в сторону. Жалкие попытки Рубена защититься напоминали барахтанье мухи в паутине.

Оружие со стуком упало на пол и отлетело в сторону. Айпан продолжал колотить врага кула-

ками. Потом он с силой толкнул Рубена плечом в грудь.

Снова и снова Айпан наносил удары Рубену в грудь, воспользовавшись тяжестью своего тела.

Сила, могущество, радость!

Хрустнули кости. Голова Рубена откинулась назад, ударилась о стену, он поник и начал медленно сползать вниз.

Айпан отступил, и Рубен упал на белые плитки пола.

Торжество!

У него перед глазами возникли сине-белые мухи.

Нужно двигаться.

Леону никак не удавалось овладеть сознанием шимпанзе. Эмоции переполняли Айпана.

Коридор закачался. Леон заставил Айпана идти, опираясь о стену.

Вперед и вперед по коридору, каждый шаг болью отдается в раненом боку. Одна дверь, вторая. Третья. Здесь? Закрыто. Следующая комната. Мир замедлил свой бег.

Дверь приоткрылась. Леон узнал вестибюль. Айпан наткнулся на стул и чуть не упал. Леон заставил шимпанзе дышать глубже. Темнота перед глазами немного прояснилась, но сине-бе-

лые мухи продолжали нетерпеливо порхать, их становилось все больше.

Он попробовал дальнюю дверь. Закрыто. Леон попытался вызвать последние силы, еще остающиеся в Айпане.

Айпан ударил плечом в массивную дверь. Она выдержала. Еще раз. И еще. Острая боль — дверь распахнулась.

Правильно, он попал туда, куда следовало. Именно здесь происходили погружения. Айпан, качаясь, двинулся вглубь комнаты. Казалось, прошла целая вечность, прежде чем он оказался возле контрольных панелей. Леон концентрировался на каждом шаге, осторожно переставлял ноги. Голова Айпана бессильно болталась на опущенных плечах.

Леон увидел свой «саркофаг».

Немного повозился с защелками. Наконец они открылись.

В «саркофаге» мирно, с закрытыми глазами лежал Леон Маттик.

Где же аварийные кнопки перехода? Он знал об их существовании — Рубен все объяснил перед первым погружением.

Леон немного поводил рукой по полированной металлической поверхности и нашел панель

на боковой грани «саркофага». Айпан тупо посмотрел на бессмысленные буквы, а Леон лишь с большим трудом сумел прочитать надпись. Буквы прыгали и сливались одна с другой.

Он отыскал несколько кнопок и серво-контроль. Пальцы Айпана были толстыми, неуклюжими. Только с третьей попытки ему удалось запустить программу оживления. Зеленые огоньки стали янтарными.

Неожиданно Айпан опустился на холодный пол. Теперь сине-белые мухи вовсю летали вокруг его головы, стремились его укусить. Он вдохнул холодный, ночной воздух, но тщетно…

А в следующий момент, без всякого перехода, оказалось, что он смотрит в потолок. Лежа на спине. Лампы у него над головой тускнели. А потом погасли.

Глаза Леона открылись.

Программа оживления продолжала электрическую стимуляцию мускулатуры. Он немного полежал, погруженный в свои ощущения. Леон чувствовал себя прекрасно. Ему даже не хотелось есть, как это обычно бывало после погружений. Как долго он находился в теле шимпанзе? По меньшей мере, пять дней.

Он сел. В комнате никого не было. Очевидно,

сигнал тревоги разбудил только Рубена. Значит, за заговором стоял лишь главный эксперт станции.

Леон неуклюже выбрался из «саркофага». Сначала ему пришлось отсоединить несколько датчиков и капельниц, но с этим проблем не возникло.

Айпан. Большое тело неподвижно лежало в проходе. Леон наклонился, чтобы проверить пульс. Прерывистый.

Келли. Ее саркофаг находился рядом, и Леон включил оживление. Она выглядела хорошо.

Должно быть, Рубен каким-то образом заблокировал систему, чтобы никто из персонала не догадался, взглянув на панель управления, что происходит с Леоном и Келли. Ему пришлось придумать какую-нибудь историю про пару, которая захотела отправиться в длительное погружение. Рубен предупреждал их, но, нет, они настояли на своем… Весьма убедительно.

Ресницы Келли затрепетали. Леон наклонился и поцеловал ее. Она вскрикнула.

Он сделал знак — *тихо* — и вернулся к Айпану.

Кровотечение продолжалось. Леон удивился, когда обнаружил, что не чувствует густого, терпкого запаха крови. Люди так многое теряют.

Он снял рубашку и наложил грубый жгут. Единственным утешением служило то, что Айпан продолжал ровно дышать. К этому моменту Келли уже была готова покинуть «саркофаг», и он помог ей отсоединить датчики и капельницы.

— Я пряталась на дереве, а потом — уф! Бум! — проговорила она. — Какое облегчение. Как ты…

— Нам нельзя здесь оставаться, — сказал он. Когда они вышли из комнаты, Келли спросила:

— Кому мы можем доверять? Тот, кто это сделал… — Она остановилась, увидев тело Рубена. — Ах, вот оно что.

Что-то в выражении ее лица заставило Леона рассмеяться. Обычно Келли было очень трудно удивить.

— Это твоя работа?

— Айпана.

— Я бы никогда не поверила, что шимпанзе способен…

— Я сомневаюсь, что кто-нибудь долго оставался в состоянии погружения. Во всяком случае, в таких стрессовых обстоятельствах. Одно наложилось на другое.

Он поднял оружие Рубена и осмотрел механизм. Обычный пистолет с глушителем. Рубен не хотел будить остальных обитателей Базы. Это

давало дополнительные надежды. Здесь должны оказаться люди, которые придут к ним на помощь. Леон зашагал в сторону здания, где жил персонал станции.

— Подожди, а как насчет Рубена?

— Я собираюсь разбудить доктора.

Так они и поступили — но сначала Леон отвел врача в комнату погружения, чтобы тот оказал помощь Айпану. Доктор сделал перевязку и несколько уколов. Потом заявил, что с Айпаном все будет в порядке. Только после этого Леон показал ему тело Рубена.

Врач рассердился, но у Леона был пистолет. Леон ничего не сказал, только повел в его сторону дулом — для убедительности. Леону совсем не хотелось разговаривать, ему вдруг показалось, что он навсегда избавился от этой привычки. Когда молчишь, гораздо легче сосредоточиться, вникнуть в природу вещей, подумать.

Да и в любом случае Рубен уже довольно давно был мертв.

Айпан потрудился на славу. Врач лишь покачал головой, глядя на серьезные повреждения, полученные главэкспом.

Все это время Келли с недоумением смотрела на мужа. Сначала он не понимал, почему, пока

не сообразил, что ему даже не пришло в голову первым делом оказать помощь Рубену. Сначала — Айпану.

Но он сразу понял, когда Келли захотела подойти к стене станции и позвать Шилу. И они вывели ее из страшного мрака.

Год спустя, когда был раскрыт промышленный заговор, и к суду привлекли несколько десятков человек, Леон и Келли вернулись на станцию.

Леону не терпелось полежать на солнце после целого года, проведенного среди адвокатов под неусыпным оком телевизионных камер. Келли утомилась от событий не меньше, чем он.

Однако они оба немедленно забронировали время на погружение и долгие часы проводили в лесу. Им показалось, что Айпан и Шила с радостью приветствовали их появление.

Каждый год они возвращались на станцию и жили внутри разумов шимпанзе. И каждый год уезжали, становясь спокойнее, с новыми впечатлениями. Работа Леона по социоистории произвела настоящий переворот. Ему удалось создать модель цивилизации, как «комплексной системы адаптации». Основой для невероятно сложных уравнений послужили условия, создающие первобытные мотивации группового

поведения животных в стрессовой ситуации с учетом личностных устремлений, сформированных дикой природой многие тысячелетия назад. Работа оказалась сложной и оригинальной; исследования повлияли на социальные науки, которые, наконец, стали подчиняться законам количественного анализа.

Пятнадцать лет спустя Леон получил Нобелевскую премию, которая к тому моменту составляла 2,3 миллиона новых долларов. Они с Келли много тратили на путешествия, в особенности, по Африке.

Во время многочисленных интервью Леон никогда не рассказывал о долгом погружении, которое когда-то им с Келли пришлось предпринять. Однако в своих работах и публичных выступлениях он не раз приводил шимпанзе в качестве примера умения приспосабливаться к сложным обстоятельствам. И когда произносил эти слова, на его лице возникала долгая, необычная улыбка, глаза таинственно сверкали, но больше он не добавлял ничего.

Париж покоряет всех

В первые десятилетия двадцатого века никто, наверное, не поверил бы, как сильно повлияет вторжение из космоса на все человеческие дела. Ужасное нападение со стороны наших небесных соседей-врагов, марсиан, оставило в зелено-голубом мире, который мы называем своим домом, глубокие шрамы и внесло в его жизнь огромные перемены. Составленный мной отчет о марсианском вторжении на рубеже двух веков получил широкое распространение и, подозреваю, знаком всем читателям. На этот раз я собрал воспоминания других известных людей, чей опыт соприкосновения с марсианами может оказаться интересным и поучительным для тех, кто изучает первую межпланетную войну человечества. Как бывало во все века, история живет в воспоминаниях свидетелей, и иногда воспоминания ошибочны. Несмотря на это, они заслуживают опубликования

— пусть цену им определит будущее. В заключение я должен поблагодарить своего доброго друга, месье Жюля Верна, за его личные заметки и помощь в получении ряда рукописей, а также за написание послесловия к этому тому.
Г. Дж. Уэллс

Я начинаю свое повествование с самой обычной вечерней прогулки по улицам светоносного города, хотя в течение этой прогулки заурядное быстро сменилось необыкновенным. Я приехал в Париж посоветоваться с издателями, равно как и навестить старых друзей, и отдать должное волшебной кухне, какой мой провинциальный Амьен похвастаться не может. Хоть я и достиг ныне преклонных лет и приближаюсь к семидесяти, я до сих пор не чураюсь острых блюд и сохраняю склонность разглядывать юных дам, когда они демонстрируют на бульварах новейшие моды, обольщая молодых людей и разбивая им сердца.

Я прибыл в тот день в город в надежде, как и большинство других моих соотечественников, что инопланетный ужас, опустошающий южную Францию, докатится до долины Сены не раньше чем через несколько дней, а то и недель. Нас уве-

ряли, что область Иль-де-Франс будет защищена любой ценой. Вот и случилось, что я, обманутый этими фальшивыми заверениями, оказался в столице в тот самый вечер, когда пришла беда.

Париж! Он по-прежнему оставался прекрасным образчиком нашего прогрессивного века — казалось, эти беспокойные часы, атмосфера напряженного ожидания лишь добавляют городу обаяния: ночью он мерцал газовыми и электрическими фонарями, днем жужжал только что появившимися электрическими трамваями, чьи чудотворные провода пересекались над улицами как провозвестники новой эры.

Здесь я когда-то начинал молодым адвокатом, унаследовавшим профессию отца; тем не менее глава нашего семейства великодушно простил мне попытки попробовать свои силы на литературном поприще, сперва в театре, а затем и в многочисленных обширных прозаических опытах. «Испей Парижа вдоволь, сын мой! — так он напутствовал меня, провожая весенним днем на вокзале в Нанте. — Вкуси от чудес эпохи! Ты одарен острым зрением — поделись своей проницательностью с другими. Вот увидишь — это поможет изменить мир!..»

Без такой помощи и поддержки посмел бы я,

дерзнул бы разведывать бессчетные тропинки будущего со всеми их чудесами и опасностями? Со дня начала марсианского вторжения я помимо собственной воли размышлял о своей необычной судьбе, в которой мне к тому же чрезвычайно везло, в то время как человеческое везение в целом, кажется, сходит на нет. Кошмар нависает над нами с запада и с юга — и вскоре сотрет без следа все, чего я достиг, и все, чего достигло человечество за долгие века, по которым карабкалось из бездны невежества…

Я прогуливался в компании ученого мужа месье Бошампа, и настроение у меня было на редкость угрюмым — а ведь до первой моей встречи с ужасающими марсианскими машинами оставался почти час. Конечно, я следил за рассказами очевидцев, поведавших о болидах, которые обрушивались на землю с такой силой, что фонтаны земли и брызги камня взмывали вверх наподобие новых взрывов вулкана Кракатау. Очень скоро выяснилось, что это отнюдь не метеорологическое явление, поскольку на поверхность вылезли, как насекомые из подземной норы, трехногие существа, исполненные немыслимой злобы к нам. Оседлав гигантские машины-треножники, непрошеные гости без промедления двинулись

вперед с единственной целью — разрушать, разрушать все подряд!

Всеобщая бойня, безжалостные залпы, бушующие пожары — ни одно из этих бедствий пока еще не добралось до цветущих краев к северу от Луары. Но не счесть сообщений о селах, буквально втоптанных в землю, о выжженных дочерна полях, о толпах беженцев, сраженных на бегу.

Вторжение! Слово вспоминалось без большого труда. Всего-то двадцать восемь лет прошло с тех пор, как после падения Седана северная Франция познала топот сапог захватчиков. В отдельных кварталах Парижа и поныне заметны шрамы — прусские расстрельные команды выбивали кратеры на стенах, мешая штукатурку с кровью коммунаров, роялистов и буржуа — всех без разбора.

Однако ныне Париж трепетал перед надвигающимся злом такого масштаба, что по сравнению с ним пруссаки 1870 года казались добродушными сельскими кузенами, заглянувшими в город на минутку потехи ради.

Обо всем этом я размышлял, покидая вместе с Бошампом здание национальной военной академии, где нас наряду с другими именитыми гражданами собрали, чтобы ввести в курс дела.

С каменных ступеней мы смотрели на Сену, мимо палаток 17-го добровольческого корпуса, по иронии разбившего лагерь как раз на площади Марсова поля, на лужайке бога войны, поверх истоптанной травы и измятых цветов.

А над всей бурной (но в итоге тщетной) военной активностью высилась башня месье Эйфеля, воздвигнутая в честь недавней выставки, — чудесное свидетельство возможностей металла и человеческого гения и вместе с тем объект множества насмешек.

— Со временем публика станет относиться к ней более терпимо, — заметил я, поскольку взгляд Бошампа ни на секунду не отрывался от величественного шпиля.

Мой попутчик иронически фыркнул, не сводя глаз со стальных изгибов.

— Долго такое уродство никто не потерпит, — парировал он.

Повернув на восток к Сорбонне, мы на какое-то время отвлеклись от действительно мрачных мыслей, вступив в спор о достоинствах и недостатках творения Эйфеля. В недавних опытах по передаче радиоволн было доказано, что практический эффект резко возрастает, если в качестве антенн использовать высокие башни. Я пред-

ложил Бошампу пари, что со временем башня откроет перед нами и другие непредвиденные возможности.

Увы, даже эта тема не сумела отвлечь нас надолго от опасности, надвигающейся с юга. Только что пришли новости из винодельческих районов, и самая последняя — что заводы Вуврэ разбиты, виноградники вытоптаны, и все горит. А ведь это была моя любимая марка среди легких искристых вин (пожалуй, даже предпочтительнее свежего Сансера). Почему-то столь обыденная утрата воспринималась острее, чем сухие цифры потерь, пусть число погибших и раненых уже исчислялось миллионами.

— Должен же быть какой-то метод! — воскликнул я, когда мы приблизились к сверкающему куполу на площади Инвалидов. — Должен существовать научный подход к уничтожению агрессоров!

— Военные делают все, что только возможно, — откликнулся Бошамп.

— Шуты гороховые!..

— Но вы же слышали, какие они несут потери. Полки, дивизии полегли в полном составе… — Бошамп запнулся. — Армия гибнет за Францию! За человечество — ведь Франция безусловно

составляет лучшую его часть…

Я повернулся к собеседнику, вдруг осознав остроту парадокса: величайший военный гений всех времен лежит в гробнице под куполом совсем рядом с нами.[5] А впрочем, и он, наверное, оказался бы беспомощен перед силами, рожденными вне нашего мира.

— Я не упрекаю армию в отсутствии храбрости, — заверил я.

— Тогда как же вы можете утверждать…

— Я упрекаю ее в отсутствии фантазии.

— Чтобы побороть немыслимое, нужно…

— Воображение!

С известной долей робости, поскольку он знал мои воззрения по этому поводу, Бошамп продолжил:

— Я читал в журнале, что британцы консультировались с известным фантастом мистером Уэллсом.

В ответ на это я мог лишь недоуменно вытаращить глаза.

— Он не сумеет предложить никакой помощи, одни вымыслы.

— Но вы сами только что сказали…

---

[5] Примечания: 5

Имеется в виду Наполеон Бонапарт, гробница которого находится на площади Инвалидов.

— Воображение и вымысел — далеко не одно и то же.

В это мгновение ветерок донес до нас резкий запах серной кислоты с очистных работ у реки. Я поморщился, и Бошамп превратно истолковал мою гримасу — словно она была адресована Уэллсу.

— Он пользуется успехом: Многие сравнивают его с вами.

— Сравнение неудачное. Его рассказы не базируются на научной основе. Я опираюсь на достижения физики. А он просто придумывает.

— В условиях кризиса…

— Я отправляюсь на Луну в пушечном ядре. Он — в летательном аппарате, который выполнен из металла, неподвластного гравитации. Это было бы здорово — но покажите мне такой металл! Пусть мистер Уэллс предъявит его публике!

Бошамп нервно сморгнул.

— Совершенно с вами согласен. Но ведь наша наука оказалась неспособна справиться с самой неотложной задачей — защитить нас от вторгшихся чудовищ!

Мы пошли дальше, минуя толпу жаждущих поклониться гробнице Наполеона, и продвинулись довольно далеко по улице Варенн — за рекой уже

был виден дворец Пти-пале, — когда я сказал:

— Конечно, мы технически отстали от этих зловредных тварей. Но не так уж далеко — на век, быть может, на два…

— Ну нет, конечно, больше! Перелет между двумя мирами…

— …может быть осуществлен несколькими способами, и мы в состоянии их понять.

— Что вы думаете о взрывах, которые астрономы наблюдали на поверхности красной планеты ранее? Теперь ученые считают, что это были вспышки при запуске марсианского флота вторжения. Мы такой мощью, конечно же, пока не располагаем.

От подобного возражения я попросту отмахнулся.

— Этот эффект я предвидел давным-давно в романе «С Земли на Луну». Разрешите напомнить, что он опубликован тридцать три года назад, когда в Америке едва закончилась гражданская война.

— Вы полагаете, астрономы наблюдали выстрелы из исполинской марсианской пушки?

— Разумеется! Конструируя свой лунный корабль, я прибегал к новым инженерным решениям и приспособлениям. Мне было ясно,

что снаряды не могут быть стальными, как конструкции Эйфеля. Вот я и предположил, что будут найдены способы отливать их из алюминия. Принципиально, — я вновь махнул рукой, — в этом нет ничего невозможного, технические трудности можно решить…

Ветер переменился, и теперь я с удовольствием вдыхал крутые кухонные ароматы города кулинаров. Чеснок, шипящие на сковородах овощи, дразнящие запахи разнообразного мяса — какой контраст с ужасом, надвигающимся на город и уже завладевшим нашим сознанием! На улице Сен-Гренель я заглянул в одно из бесчисленных крошечных кафе. Озабоченные лица мрачно переглядывались со своими отражениями в широких цинковых стойках, заляпанных абсентом. Вино потоками лилось в жадные глотки, порывами налетали невнятные шепотки. Бошамп тоже понизил голос, но продолжил прежнюю тему:

— Стало быть, марсиане воспользовались артиллерией, тягловой силой любых сражений?

— Не обязательно, есть и другие средства, — ответил я.

— Вы про свои дирижабли?

— Не притворяйтесь невеждой, Бошамп! Вы отлично знаете, что в межпланетном пространстве

нет воздуха.

— А тогда как же они ухитряются маневрировать? Они оказались в Азии, в Африке, свалились на американцев и на наших достойных соседей — британцев. Они контролировали места посадок, все было спланировано тщательным образом…

— Ракеты — вот в чем дело! В моем первоначальном проекте использовать пушку был дефект — теперь я понимаю, что пассажиров в момент выстрела расплющило бы в лепешку. Если использовать более медленное расширение вещества, подобная участь им не грозит.

— Но как проложить курс между планетами? Нужна невероятная точность!

— Важно выработать общую концепцию, а за изобретателями дело не станет. Не пройдет и столетия, как ракеты начнут взлетать в небеса даже с нашей планеты. Ручаюсь, Бошамп, так и будет!

— При условии, что мы уцелеем в ближайшие две недели, — заметил он мрачно. — А уж о столетии лучше и не заикаться…

— Чтобы уцелеть, следует начать размышлять. Следует охватить мыслью весь круг вероятностей.

С этими словами я взмахнул свернутым зонтом, повел им вокруг себя и вдоль улицы Ренн

к поднимающемуся на юге холму Монпарнас. Непроизвольно я проводил кончик зонта взглядом — и таким образом оказался в числе первых, кто приметил одну из марсианских машин, поднявшуюся, как исполинское насекомое, над обреченным холмом.

В человеческой натуре есть нечто, навязывающее нам отвращение к необычному и неестественному. Мы тяготеем к парности — две руки, две ноги, два глаза, два уха, даже два соска (если затронуть предмет столь деликатный — но примите во внимание, что я остаюсь объективным человеком науки). Парность представляется нам существенной, кроме случаев, когда Природа диктует не парность, а единственность: у нас один рот и один орган размножения. Так или иначе, наши биологические особенности воспринимаются как единственно естественные, и то обстоятельство, что агрессорам свойственна тройственность, внушает любому жителю Земли инстинктивный ужас. И никому не надо ничего объяснять, что это чуждые нам существа, причем чуждые в худшем смысле слова.

— Они прорвались! — вскричал я. — Похоже, фронт не выдержал!

Толпа вокруг нас заметила тот же кошмарный

силуэт, нависший над копотью вокзала Монпарнас. Мужчины забегали, женщины завыли — а самые храбрые, вне зависимости от пола, бросились навстречу опасности, к последней хлипкой линии обороны города, туда, откуда доносился треск ружейного огня.

По обоюдному молчаливому согласию Бошамп и я воздержались от участия в общей суете. Два старика, у которых чувство собственного достоинства давно перевесило физическую силу, — мы могли пригодиться сейчас разве что своим жизненным опытом и закаленным умом.

— Берегитесь лучей, — произнес я бесстрастно.

Вынужден признать, что я старался сохранить рассудок, да и решимость, цепляясь за детали, как утопающий за соломинку. Мы впервые видели своими глазами, как безжалостные тепловые потоки хлещут по поездам, поджигая вагоны, взрывая локомотивы в одно мгновение.

— Кажется, их лучи похожи на волны Герца? — предположил Бошамп, впрочем, не слишком уверенно.

Помнится, мы все были очень увлечены этим замечательным германским открытием и первыми опытами по его применению для связи без проводов. И все-таки даже меня идея Бошампа

заставила вздрогнуть — еще бы, если подобные волны можно сконцентрировать в испепеляющие лучи…

— Может быть, — согласился я. — Если верить легендам, Архимед сконцентрировал световые лучи, чтобы отбросить корабли римлян от Сиракуз. Но волны, открытые Герцем, метровой длины, и энергии в них не больше, чем во взмахе мушиного крыла. А здесь…

Я буквально подпрыгнул, утратив всякий самоконтроль, когда к западу от первой боевой машины показалась вторая, еще большая, почти величественная. Она также извергала ярко-красные разрушительные лучи, расплескивая пламя по всему южному горизонту; казалось, луч играет со строениями, как кошка с мышью.

— Нам никогда не справиться с такой силищей, — мрачно изрек Бошамп.

— Конечно, времени у нас мало, — согласился я. — Но вам, мой друг, удалось направить мои размышления в определенное русло…

Люди вокруг нас суетились в нескрываемой панике. Экипажи мчались, не обращая внимания на пешеходов, перебегающих улицы. Лошадей нещадно стегали, и они неслись сумасшедшим галопом. Я развернул колумбийскую сигару —

ситуация требовала ясности мысли, и нельзя доказать превосходство ума, не выказав характера и мужества.

— Нет, — сказал я, — тут нужно нечто иное. Не волны Герца, но, возможно, что-то с ними связанное…

Бошамп вновь оглянулся на треножники, сеющие разрушение и смерть. Лоб его покрылся озабоченными морщинами.

— Если не только ружья, но и пушки оказываются бессильны…

— Тогда нужно обратиться не к механике, а к какой-то другой науке.

— К биологии? Разумеется, у Пастера есть последователи… — Бошамп явно мучился, пытаясь сосредоточиться. — Если, допустим, заставить марсиан — не машины, а их самих — выпить зараженное молоко…

Я поневоле хмыкнул.

— Вы поняли меня слишком буквально, мой друг. Уж не прикажете ли подать им это молоко на серебряном подносе?.. Бошамп подтянулся.

— Я только хотел…

— Это уже неважно. Гипотеза напрашивалась сама собой. Разве вам не видно, что вторая машина стоит в точности там, где был расположен

Пастеровский институт, и что от него остались одни руины?

Хотя биология в семье наук — младшая и вечно притесняемая сестра, мне было огорчительно представить себе великолепную коллекцию культур в пробирках, ныне раздавленных плоскостопыми лапами треножника. Но здесь, увы, уже ничем не поможешь.

— Идеи англичанина Дарвина в данном случае также неприменимы — для их реализации понадобились бы тысячи лет. Нет, я имел в виду не биологию, а физику в ее новейших разделах.

Я находился на открытом пространстве, где были все условия для того, чтобы слова вылетали, прежде чем мысль обретет четкую форму, — по-моему, так легче извлечь ее из глубин сознания… Вокруг нас раскинулся прекраснейший город Земли, на его знаменитых улицах уже мерцали газовые фонари. Может быть, обратиться к газу? Нет, опять нет: марсиане доказали свою невосприимчивость к самым ядовитым газам, какие пыталась применить армия.

Что же дальше? Я всегда верил, что решение грядущих проблем обычно лежит прямо на виду, в уже доступных нам материалах и понятиях: скажем, все идеи, необходимые для подводных

лодок, воздухоплавания и даже межпланетных сообщений, известны в течение многих десятилетий. Фокус в том, чтобы расположить эти идеи в нужной последовательности.

В тот самый миг, когда я сформулировал свою мысль, раздался звук столь громкий и резкий, что перекрыл какофонию на юге. Дребезжащий рев, сопровождаемый ржанием перепуганных лошадей, приближался с противоположного направления, от реки! Я сразу же опознал лязгающий двигатель внутреннего сгорания, незадолго до того изобретенный герром Бенцем. На нас катилась самодвижущаяся повозка с несколькими людьми и каким-то сверкающим аппаратом. С первого взгляда стало ясно, что у механического экипажа есть достоинство, какого никто не мог предугадать: водитель направлял его навстречу опасности, чего не позволила бы ни одна лошадь на свете.

Шипящая конструкция остановилась неподалеку от нас с Бошампом. Затем раздался выкрик с акцентом, самым пронзительным из всех известных людям, зато как нельзя лучше приспособленным к безбрежным и безлесным просторам за океаном:

— Ну-ка давай работай, вонючий кусок железа!

Заводись, или я разломаю тебя на части без помощи марсиан!

Говоривший был в одежде рабочего, из карманов на широкой крепкой груди торчали инструменты. Копна рыжеватых волос выбивалась из-под изогнутых полей огромной шляпы вроде тех, с какими познакомила нас труппа Баффало Билла, когда гастролировала по Европе несколько лет назад.[6]

— Тише, Эрнст, — откликнулся стоящий рядом, явно более культурный, но и более язвительный. — Что толку ругать машину? Быть может, мы уже достаточно близко, чтобы получить необходимые данные.

Вот оно что, догадался я, — союз троюродных братьев. Люди англоязычного происхождения всегда пленяли меня своей безграничной изобретательностью, и все-таки мне бывает трудно убедить себя, что соплеменники Эдгара Аллана По в родстве с соотечественниками Вальтера Скотта.

— Что скажете, Фраунхофер? — англичанин

---

[6] Примечания: 6

Уильям Коди (1846–1917), более известный под прозвищем Баффало («Бизон») Билл, прославился как организатор ковбойско-индейского «Шоу Дикого Запада», с которым объездил в конце XIX века всю Европу.

завершил отповедь вопросом, обращенным к третьему в повозке, судя по сложению, убежденному любителю шницелей. Тот прильнул к линзам, нацеленным на боевые треножники. — Можно получить четкие показания с такой дистанции?

— Ба! — Лысый немец выругался. — От взрывающихся зданий, от пожаров я получаю множество линий, типичных для процессов горения. А вот лучи сами по себе — это абсурд. Полный абсурд!

Я сделал вывод, что передо мной ученые за работой, в точности как я рекомендовал в дискуссии с Бошампом, и их работа ценнее мощи шестидесяти батальонов. Собственно, только в усилиях просвещенных умов — единственная надежда человечества.

— Что значит абсурд? — Показалась четвертая голова, молодая, темноволосая, с какими-то устройствами на ушах; эти штуковины напоминали накладные щитки от мороза, но были соединены проводами с машиной, сплошь покрытой циферблатами. Я опознал миниатюрные телефоны, передающие звук чуть слышно, зато прямо в уши. Молодой человек говорил с итальянским акцентом и сохранял удивительное спокойствие. — Что абсурдного в спектре этих лучей, профессор?

— Спектра нет и в помине! — отозвался немец. — Прибор показывает лишь один оттенок красного цвета, тот же, что виден невооруженным глазом, когда лучи разрушают все вокруг. Никаких линий поглощения, ровное ярко-красное поле, и все!

Итальянец задумчиво пожевал губами.

— Возможно, используется одна-единственная частота…

— Если вы настаиваете на сопоставлении света с вульгарными лучами Герца…

Спор настолько увлек меня, что когда Бошамп решил привлечь мое внимание, то поневоле чуть не сшиб меня с ног. По-моему, право на подобный рывок он имел только в одном случае — если бы марсиане приблизились к нам вплотную. С этой мыслью я повернулся, ожидая увидеть дискообразную ступню чудовища, нависшую над нами и готовую нас расплющить. Однако Бошамп, белый, как полотно, споткнулся на ровном месте и дрожащей рукой показал вдаль:

— Берн, взгляните!..

К великому моему изумлению, агрессоры резко изменили курс, вместо прямого пути к Сене отклонились влево и, обращая строения в пыль, стремительно двигались именно туда, откуда

мы с Бошампом только что ушли. В ту минуту нас обоих посетила одна и та же мысль: должно быть, командиры боевых треножников заметили военный лагерь на Марсовом поле. Или решили уничтожить примыкающую военную академию. Мне даже пришло в голову, что их целью служит усыпальница величайшего из полководцев Земли — не намерены ли они разрушить святыню и вместе с ней нашу волю к сопротивлению?

Но нет, нет! Правду мы осознали много позже.

Здесь, в Париже, завоеватели внезапно возжаждали иной победы.

Ближе к вечеру пожары усилились. Ярость марсиан, казалось, несколько ослабла, зато в городе всякое самообладание совершенно утонуло в откровенной панике. Широкие бульвары, которые барон Османн подарил Парижу в дни Второй империи, доказали, чего они стоят как трассы спасения среди пылающих зданий.

И все же паника охватила не всех. К приходу ночи мы с Бошампом попали в новый армейский штаб на другом берегу реки, под деревья парка Тюильри чуть западнее Лувра, — словно военные решили дать последний бой перед фасадом великого музея, сдерживая захватчиков и даруя хранителям искусства время на спасение со-

кровищ. Пока полковник с закопченным лицом чертил на карте стрелы, я, помимо воли, блуждал взглядом по истоптанным садам, подсвеченным кострами, размышляя, как отобразил бы эту адскую сцену художник Камиль Писарро. Всего месяц назад я посетил его мастерскую в доме 204 на улице Риволи и разглядывал наброски, сделанные в мирном Тюильри. Какая пародийная судьба выпала на долю тех же аллей!

Полковник принялся объяснять, что агрессоры используют треножники двух размеров, притом большие треножники, по-видимому, способны контролировать малые. Но если малые по-прежнему буйствуют в пригородах, то большие — все три, замеченные в северной Франции, — к началу сумерек сосредоточились на ограниченной площади Марсова поля, топают взад-вперед, качаются и подпрыгивают, словно в медлительном танце, и все время вокруг одного объекта. Право, я и без помощи военного эксперта был способен понять, что они ведут себя странно, ведь я наблюдал трех чудовищных танцоров собственными глазами.

Отойдя от площадки, я какое-то время следил за иностранными учеными. Итальянец и немец безостановочно и горячо спорили, пытаясь объ-

яснить, отчего марсианский тепловой луч не дает спектра, а лишь единый цветовой мазок. Они то и дело поминали физика Больцмана[7] с его еретической теорией «атомной материи». Дискуссия вышла за пределы моего понимания, я отправился дальше.

Американец и англичанин оставались более практичными — они советовались с французскими коллегами, какой тип взрывчатых веществ лучше использовать для того, чтобы прикрепить бомбу к коленной чашечке марсианской машины. Неясно было, правда, каким образом доставить бомбу к месту назначения и как заставить машину хотя бы недолго, пока крепят бомбу, постоять тихо. И вообще, у меня возникали сомнения в эффективности устройства, подготовленного скоропалительно, ведь от артиллерии не было почти никакого толку; и все равно я завидовал тому, на чью долю выпадет это небывалое приключение.

Приключения. Я посвятил описанию приключений десятилетия своей жизни, по большей части придумывая необыкновенные путешествия — мои герои бесстрашно пересекали бурные

[7] Примечания: 7

Людвиг Больцман (1844–1906) — австрийский физик, один из основателей статистической физики и физической кинетики.

моря, углублялись в пучины, поднимались над ледовыми шапками планеты, достигали мерцающей поверхности Луны. Миллионы людей читали мои книги, чтобы спастись от однообразия повседневной жизни и, быть может, хотя бы мельком заглянуть в недалекое будущее. И вдруг будущее, касающееся всех и каждого, пожаловало к нам без приглашения. Нам не пришлось искать приключений за тридевять земель. Они сами явились к нам. Прямо к нашему порогу.

Толпа отхлынула, давая мне возможность присоединиться к Бошампу, который давно застыл подле загородки для пленников. Наш единственный трофей в этой отвратительной войне — туши за железными прутьями, неподвижные и бесформенные, привлекательные именно своей омерзительностью.

— Ну что, придумали там что-нибудь новенькое? — спросил Бошамп тревожно, не отводя при этом взгляда от четверки марсиан. — Какие еще планы вынашивают наши военные гении?

В тоне звучал откровенный сарказм — с полуденной поры отношение ученого мужа к военным решительно изменилось.

— Военные думают, что ключ, если его вообще можно найти, скрыт в больших командных

треножниках, в тех, что сейчас собрались у Эйфелевой башни. Никогда прежде все три командные машины не подходили так близко друг к другу. Эксперты предполагают, что марсиане, возможно, пользуются движением как средством общения. Исполняемый ими танец, быть может, не что иное, как совещание по стратегии дальнейших действий. Быть может, они планируют: Париж взят, что дальше?..

Бошамп хмыкнул: объяснить внезапную странную перемену в поведении пришельцев можно по-всякому, эта гипотеза не лучше и не хуже других. Но что они вытворяли! Малые треножники шлялись вроде бы без надзора и сеяли разрушение наугад, а большие скакали, как цапли на болоте, дико взмахивая сочленениями и составляя резкий контраст с достойным спокойствием иглы Эйфеля.

Минут пять-десять мы молча разглядывали пленников: надо же, их снаряд промчался сквозь невообразимые бездны пространства лишь для того, чтобы расколоться, ударившись на Земле обо что-то особо жесткое и оставив своих пассажиров фактически беспомощными. И теперь, в железной клетке, они не производили впечатления силы — или притяжение нашей планеты

сковало их? А может, их поразила апатия иного рода, допустим, упадок духа?

— Находясь здесь, — объявил Бошамп, — я размышлял о занятном обстоятельстве. Одной странности. Нам твердят, что у них все тройственно… три ноги и руки, три глаза…

— Зарисовки в газетах появились несколько недель назад, — отозвался я.

— Совершенно верно. Но обратите внимание на существо в центре. На то, вокруг которого расположились все остальные, то ли защищая его, то ли привлекая его внимание…

Я сразу понял, какое существо он имеет в виду. Оно было чуть больше других, с более узкой конической головой.

— Да, оно чем-то отличается от других, хотя я не вижу… Я запнулся, потому что именно в этот момент увидел!..

— Постойте… его ноги и руки — их же по четыре! И они расположены иначе. Может, оно принадлежит к иной расе, например, к расе рабов или, напротив, господ? Или… — Я издал торжествующий крик. — Бошамп! Командные треножники… я, кажется, знаю, что они делают! Более того, похоже, это дает нам определенный шанс.

На мостах через Сену творилось чистое безумие, а река под мостами была забита трупами. Нашей группе потребовалось два часа на то, чтобы пробиться сквозь панический поток беженцев к позиции, откуда можно было разобраться, как развивается танец.

— Как, по-вашему, они подошли ближе или нет? — справился я у сопровождающего нас лейтенанта. — Они движутся к центру по спирали с постоянной скоростью?

Молодой офицер подтвердил мои предположения:

— Да, месье. Теперь ясно, что все три сойдутся у Эйфелевой башни. Только вот зачем, и будет ли это продолжаться дальше…

Я рассмеялся, припомнив образ, пришедший мне на ум раньше, — цапли, скачущие на болоте. Сравнение обрело новую силу, когда я посмотрел на действо снизу вверх, на могучие боевые машины, топочущие, вертящиеся волчком, раскалывая здания и сотрясая почву при каждом антраша. Из порванных подземных труб со свистом вырывался пар, обрушивались подвалы и склепы — а танец продолжался. Три чудища подкатывали все ближе к избранной цели, а та ждала спокойно и скромно, как гигантская стальная невеста.

— О, не сомневайтесь, лейтенант, они действительно сойдутся. Вопрос в другом: будет ли у нас к этому времени все готово?

Мозг работал в лихорадочном темпе.

Одно из главных условий для того, чтобы предвидеть будущее, — способность верить в чудеса. Так я и сказал журналистам.

Сейчас настает критический момент, когда все, о чем до сих пор лишь праздно толковали, может прийти в движение и породить чудо. Прекрасные слова, только что они значат? Породить чудо — это мобилизовать внутреннее зрение, чтобы оно собрало в фокус все возможности, какими беременно настоящее, и… и…

И что? Герц, открытые им волны, электрические цепи, конденсаторы, провода… Бошамп нервно огляделся вокруг.

— Даже если мы сумеем привлечь внимание военных…

— В подобных случаях армия бессильна. Я думаю о другом, — сказал я вдруг, ощущая необъяснимую уверенность в себе. — Марсиане вскоре приблизятся вплотную к центру, который их так влечет. Мы должны подготовить к этой минуте все необходимое.

— Что именно?

— Ничего сверх того, — тут я подумал о двойном смысле слова, которое само собой выскочило из подсознания, — что используется как материал для сопротивления.

События той долгой ночи для меня сжались и слились. Я нащупал ядро идеи, но ее осуществление громоздило перед нами один барьер за другим, и они казались непреодолимыми.

Но я сперва не принимал в расчет таланты других людей и в особенности умение руководить, свойственное моему другу месье Бошампу. В дни франко-прусской войны он командовал батальоном и на своем участке одолел врага, не ведая дезертирства. Будь у нас побольше таких, как он, Седан бы не пал. Его голос взмывал над бегущей толпой и выхватывал из потока тех, кто не утратил воли противостоять позору родного города. Он указывал на меня, — похоже, меня почитали многие. Мое сердце раздувалось от гордости при мысли, что французы — и француженки! — вновь обретают волю при упоминании моего имени, видимо, в уверенности, что уж я-то найду способ нанести ответный удар.

Я старался изложить свои идеи в возможно более живой форме, но, увы, краткость никогда не принадлежала к числу моих достоинств. Приш-

лось подавить досаду, когда дерзкий американец в присущей его народу импульсивной манере вскочил и заорал:

— Ну конечно! Дерн, хитрый старый лягушатник, вы попали в точку!..

И на примитивном, но четком французском он за несколько минут свел всю мою речь к практическим выводам, вызвавшим бурное одобрение толпы. Наша доморощенная, собранная с миру по нитке, армия тут же приступила к работе.

Я не отличаюсь особой ловкостью рук. Однако нашлись ремесленники, рабочие и просто умельцы, которые сразу взялись за дело под руководством инженеров во главе с итальянцем и американцем, они принялись за работу с неудержимой пылкостью и энтузиазмом молодости. В лихорадочной спешке отряды патриотов сдирали цинковые листы со стоек баров, врывались в богатые дома в поисках серебра. Ковать настоящие электроды не было времени — кувшины и канделябры соединялись, как придется, с помощью медных проводов, изъятых с трамвайных линий.

Электрические потенциалы серебра и меди в соответствующей проводящей среде должны были напоминать «первоначальную» батарею, собранную Алессандро Вольта. В подобных бата-

реях форма не играет такой роли, как площадь поверхностей и точность соединений. Работая ночь напролет, бригады чудесным образом превращали хаотичные груды металла в осмысленные конструкции. Их погружали в солевой раствор, для чего опорожняли винные бочки во всей округе; улицы были залиты красными потоками, и столь печальное зрелище вызывало у каждого настоящего француза жгучую жажду мщения.

Импровизированные батареи были повторены по всем окрестным кварталам, и инженеры не мешкая соединили их параллельно в одну огромную сеть. В разгар приготовлений месье Бошамп с англичанином все же нашли время расспросить меня о логике моих размышлений.

— Проделайте простые расчеты на базе уравнений движения планет, — ответил я. — Даже если развить очень высокую скорость, путь от Марса до Земли займет многие месяцы, а то и целый год.

— Целый год наедине с пространством? Можно ли это выдержать? — нахмурился Бошамп.

— Само по себе пространство — просто вакуум. В пути жизнь марсиан поддерживали баллоны с их родным воздухом — профессор Лоуэлл вывел

из своих наблюдений, что он весьма разрежен. Но подумайте о другом. Эти существа должны обладать разумом нашего уровня. Они покинули мир себе подобных ради дерзкого путешествия, ради битвы. Что означает несколько лет вдали от дома, пока наш мир не будет покорен и не придет пора послать за подкреплением…

Англичанин выглядел озадаченным.

— За подкреплением???

— Точнее, за семьями, за самками… смею ли сказать — за женами? Хотя, кажется, не все особи женского пола остались на Марсе. По крайней мере, одна прилетела с первой волной: то ли в порядке эксперимента, то ли ее протащили на борт тайком…

— Ну и ну! — взревел Бошамп. — Вы про четвероногую особь! Других таких никто не видел. Вы правы, Берн! Англичанин покачал головой.

— Даже если так, не понимаю, какое отношение это имеет к данной ситуации.

Он показал в сторону, где три страшные машины приближались к Эйфелевой башне, причем их вращения становились как бы более затрудненными, а танец терял темп. Осторожно и даже почтительно, но и с явным вожделением они тянулись к игле, которую парижане, когда все-

мирная выставка кончилась, едва не принудили снести. Ныне все наши надежды были связаны с мудрым решением оставить творение месье Эйфеля в неприкосновенности.

Марсиане коснулись основания башни, ухватились за изгибы ее изогнутых бедер — и принялись медленно взбираться вверх. Отвечая англичанину, Бошамп ухмыльнулся (допускаю, с оттенком злорадства).

— Я и не ожидал, что вы поймете, сэр. Не в ваших национальных традициях понять смысл этого, как бы выразиться, ритуала…

Бошамп всего-навсего поддразнивал англичанина, а тот неостроумно принял это близко к сердцу и обиделся.

— Хм, хм! Бьюсь об заклад, мы, британцы, отхлещем этих марсиан раньше, чем вы соберетесь с мыслями…

— Ну разумеется, — заметил Бошамп. — Орудовать хлыстом для англичан привычнее и понятнее…

Я пожурил дорогого друга взглядом. В конце концов, работа выполнена. Молодые, умелые, храбрые взяли дело в свои руки. А мы, как генералы, двинувшие полки в бой и бессильные их отозвать, можем лишь наблюдать за ходом

событий в ожидании триумфа или позора.

К рассвету строй из десятков и десятков батарей Вольта «залег врассыпную» по южному берегу Сены. Некоторые пали добычей более мелких марсианских машин, рыщущих наугад, другие расплавились под воздействием примененных второпях едких кислот. Провода змеились по улицам, среди пылающих зданий и плачущих женщин. Несмотря на все препятствия, на пожары, руины и палящие тепловые лучи, вся сеть теперь тянулась к Эйфелевой башне.

По мере того, как солнце светило все горячее, прогревая наши продрогшие кости, марсианское восхождение становилось все более пылким. Я был почти на пределе сил, меня поддерживал лишь пример французов и француженок, готовых бороться с врагом не щадя себя. Однако марсиане, движимые побуждениями, о которых можно было догадаться только по аналогии, забирались выше и выше, и меня начали мучить сомнения. Предложенная мной схема была очень проста — сработает ли она?

Я посоветовался с темноволосым итальянцем, следившим за точностью соединений.

— Сила тока? Напряжение? — Он наморщил лоб. — Не было времени подсчитать. Все, что

я знаю, синьор, — тока будет много. Хочешь хорошо поджарить рыбу — не жалей огня под сковородой!

Я понял, что он хотел сказать. Даже при относительно низком напряжении мощный ток способен поразить любой организм. Человека можно убить током силой в долю ампера, если повысить электропроводность кожи, например, смочив ее водой. Мы приняли за проявление высшей воли то, что яркое солнце вдруг скрылось за мрачной черной тучей, а с севера накатил туман. Башня залоснилась под светом оранжевых ламп, которые мы навесили на нее гирляндами.

А марсиане все взбирались.

Необходимо было согласовать включение множества батарей, слить их энергию в один могучий разряд. Пиротехники заняли свои места возле нашего командного пункта, в прямой видимости исполинских призрачных фигур, которые поднялись уже на треть башни.

— Эй, Верн! — закричал американец. С его стороны это было нахальство, пусть и из лучших побуждений. — На вас смотрят!..

Обернувшись, я увидел, что вокруг собрались зрители, и единое для всех выражение нервного напряжения пополам с надеждой тронуло мое

старческое сердце. Они надеялись на меня, они верили в мои идеи — может ли быть что-либо выше в жизни сочинителя?

— Включай! — откликнулся я в полный голос. — Спустим псов электродинамики!..[8]

Взвилась ракета, оставляя дымный след, — сигнал кустарный, но достаточный. Внизу у реки и под сотнями развалин сомкнулись контакты, щелкнули выключатели, зажглись дуговые разряды конденсаторов. По городу пронесся нарастающий треск — накопленная энергия устремилась по медным проводам. На миг мне почудилась злая ватага бета-лучей, атакующих цель со всех сторон…

Агрессоры содрогнулись, и вскоре над городом поднялся тонкий, пронзительный вопль. Впервые они открыто признали, что, по сути, очень на нас похожи — дышат более разреженным воздухом, но знают такие же глубины горя, отчаяния, безнадежной агонии. Они срывались один за другим, кувыркаясь в утреннем тумане и разбиваясь о камни и вытоптанные лужайки площади, иронически названной Марсовым полем, — плац бога войны стал кладбищем межпланетных

[8] Примечания: 8

Намек на шекспировскую цитату: «Дух Цезаря… монаршим криком грянет: „Пощады нет!“ — и спустит псов войны». (Перевод М. Зенкевича).

выскочек.

Малые боевые машины, лишившиеся руководства, неуверенно разбрелись кто куда, одни свалились в реку, другие были разбиты артиллерией или даже повалены озверевшими толпами. Пик угрозы миновал.

В награду за оказанные обществу услуги я просил бы переименовать это место, ибо вовсе не военное искусство превратило железных монстров в пылающий шлак. И даже не молнии Зевса, которые мы ухитрились спустить на пришельцев. Если разобраться до конца, на помощь своему возлюбленному городу пришла Афродита.

Какая же подходящая судьба для непрошеных гостей — умереть в Париже от неистовой, роковой любви!

Тайное знание

— Я в это не верю, — жестко сказал Кент.

Клер взяла его за руку и потянула за собой по дремучему, пропахшему плесенью коридору.

— Ну, давай же, выключи Голос. Я свой уже выключила… Я ведь показывала, помнишь?

— Какая-то мазня на стенах! Как она может что-то?..

— Здесь нужно свернуть.

Узкий и темный коридор привел их к углублению в глухой стене.

— Видишь: еще один знак.

— Вот это? Какие-то царапины… А что такое «знак»?

— Тут сказано… — она пристально вгляделась в буквы, шевеля губами, — ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН.

Кент нетерпеливо ткнул пальцем в сенсор Голоса. И моргнул.

— Но… Голос именно это и сказал.

— Вот видишь!

— Понятно: ты уже была здесь раньше и спросила у Голоса.

— Но ведь ты сам выбрал этот коридор! Все

по-честному.

— Ты сжульничала.

— Нет! Я это прочитала! Прочитала. Выговорив это странное слово, Клер почувствовала, как зачастило сердце.

Кент смолк на несколько секунд. Она знала, что Кент снова обратился к Голосу.

— Я все понял. Слово «читать» означает «что-то распутывать, прояснять». А этот «знак» сказал тебе: ПРОХОД ЗАПРЕЩЕН. Но как?

— Видишь, это буквы. Я знаю каждую, хотя их довольно много, так что пришлось долго запоминать. Вместе они образуют слова.

— Чушь, — упрямо возразил Кент. — Слова произносят!

— А я знаю иной способ!

Он покачал головой, и ей пришлось отвести его к другому знаку и повторить представление. Кент скривился, когда Голос подтвердил, что эти значки и в самом деле означают СЕКТОР АЛДЕНТЕН.

— Это трюк. Все тебе сообщает Голос. Ты просто подключила по-хитрому сенсорную панель…

— На, возьми мой разъем. — Она сунула его в руку Кента и заставила подойти к следующей надписи. — ПРОИЗВ СЕК… Путь в ту сторону.

— Уж стрелку я всегда распознаю, если увижу, —

ехидно проговорил он. — Но вот остальное… Что означает СЕК?

Она надеялась, что Кент не спросит.

— Может, какое-то место?

— Район?

— Возможно… Да, точно! Сектор. Если не хватает места, они сокращают слово.

— Кто — «они»? Волшебники, что ли?

— Древние.

Кажется, он начинал ей верить.

— Древние делали пометки на стенах? Но зачем, ведь Голос…

— А если они это делали до Голоса?

— Да какой смысл…

— Я научилась этому, когда нашла в Историческом секторе старые бумаги. Они назывались «Транспортные накладные», но там оказалось достаточно слов, чтобы…

— Откуда ты знаешь, что, и в самом деле что-то «прочитала»? То есть не советуясь с Голосом?

— Знаю, и все. Буквы надо читать группами, и возникает смысл, понимаешь? Видишь первые три? Они читаются как «про». Две перечеркнутые палочки — это звук «и», а три палочки…

— Не так быстро.

Он опять поморщился, потому что все это ему

явно не нравилось. Сам он был специалистом по биологии, а с ее интересом к древностям лишь кое-как мирился. Наконец он попросил:

— Ладно, покажи еще. Не скажу, что я в это поверил, но…

* * *

Следующие несколько дней они провели в древнем районе Исторического сектора, отыскивая коридоры, которые Империум не подключил к Голосу. Клер читала знаки, и Кент стал понемногу усваивать ее метод. Дело двигалось медленно — чтение оказалось трудной задачей. Сперва буквы, слова, потом понимание того, что предложения и абзацы имеют собственную логику и свои намеки на то, как извлекать из них смысл.

Но все же Кент доказал, что он не какой-нибудь там уошник. Клер очень кстати вспомнила, как на занятиях говорили, что официально уошники называются Умственно Отсталыми. И если взять от каждого слова по первой букве, то сразу становится понятно, как появилось обозначение «уошник».

Отношения между ними окончательно наладились, и постепенно им понравилось отключать Голос во время прогулок по древним коридорам,

где они искали и читали знаки.

При необходимости Голос был всегда доступен. Вживленные возле ушей сенсоры связи улавливали вездесущие волны Компцентрали. Пока им был доступен лишь базовый канал без расширенных возможностей, зато с постоянным доступом. Как и все, взрослея, они все больше и больше использовали Голос — ведь это так просто.

Но чтение позволило им прикоснуться к прошлому и обрести немного тишины. А она воистину была для них искушением.

Прежде они постоянно держали Голос включенным. Было так легко привыкнуть к передаваемой Голосом негромкой и ненавязчивой рекламе и объявлениям. Если оплатить дополнительные услуги, то от рекламы можно избавиться, но никто из друзей так не поступал — слишком дорого. К тому же многие объявления были интересны. Например, сообщение о банке спермы и яйцеклеток, приглашающее участвовать в меритократической программе по сохранению генов. Голос предлагал развлекательные программы, путешествия и вообще множество всего. При желании его можно было усилить и прослушать целое шоу. Бесплатно. Но все же они были рады от него избавиться. Умение читать древние

знаки имело свои преимущества. Клер и Кент продемонстрировали это нескольким друзьям, но никто так и не поверил, что они и в самом деле умеют читать странные символы. Тут наверняка скрывался какой-то трюк. Клер и Кент лишь понимающе улыбались и переводили разговор на другую тему.

Впрочем, чтение приносило не только пользу. На одном из старых перекрестков Кент предпочел уважить не Голос, а загоревшийся на светофоре сигнал ИДИТЕ. Как выяснилось, светофор давно вышел из строя, и Кента едва не задавил роллеркар.

Они заспорили, не рассказать ли о своем знании кому-нибудь из властей. Ведь не исключено, что никто больше не умеет читать.

— Нет, — решил в конце концов Кент. — Взгляни на это так: миром правят стервятники. Потому что никого это не волнует, ведь никто не хочет питаться тем же, что и они.

— И поэтому мы совершим глупость, научив других читать?

— Когда спрос увеличивается, запасы уменьшаются. А что если всем понадобятся старинные книги, которые ты нашла?

Ей пришлось признать, что Кент, возможно,

прав. Хотя бы отчасти. Аналогию со стервятниками ему подсказала биология, и он не удержался, добавив:

— Это умная стратегия. Когда времена становятся трудными для других видов, у стервятников появляется больше пищи.

Подобная мысль показалась ей омерзительной, но Клер смолчала.

Они завели привычку бродить по окраинам Мегаполиса, вытягивая секреты из древних знаков. Влюбленные нередко придумывают для себя ритуалы, и этот приобрел для них особую прелесть. На стене одного из складов они обнаружили инструкцию о том, как надо покрутить колесики замка на двери, чтобы ее открыть. Им пришлось некоторое время повозиться, но в конце концов все сработало. Заскрипев на примитивных петлях, дверь распахнулась, и они прошли анфиладой помещений, где попахивало плесенью. Осмотр лишь нагнал на них скуку — они увидели только ряды запертых отсеков, не помеченных никакими надписями. Но скучно им было до того момента, пока не появился охранник с оружием на изготовку.

— Как вы сюда попали, ребята?

— Дверь была открыта, сэр, — ответил Кент. Он

всегда соображал быстро, и Клер решила, что его ответ формально правдив. Ведь дверь открыла она. — Но как, черт побери?.. Ладно, уходите отсюда. Быстро!

Охранник был смущен и встревожен, а потому лишь кое-как обыскал их. Кент попросил его показать оружие, прикинувшись туповатым искателем приключений, и охранник быстро вытолкал их за дверь, все еще озадаченный.

* * *

До этого Клер не понимала, что ее столь тяжело доставшееся умение есть нечто большее, чем восхитительный секрет. Она обладала научным складом ума, и ей доставляло большое удовольствие изучать ветхие бумажные листы, найденные в архивах Исторического сектора.

Она узнала, что толстые пачки листков назывались «книгами» — о них даже отыскалась статья в Учебнике. Голос прочитал эту статью мягким тоном, избранным Клер для повседневной работы. Более витиеватый вариант она использовала для общения, а звонкий и четкий — для получения указаний. В нормальной жизни большего разнообразия не требовалось.

Когда Клер запросила информацию о книгах,

Голос почти мгновенно отыскал и поведал ей удивительные сведения. Оказывается, существовали различные виды книг, включая «романы» или «новеллы». Слово «новелла» некогда означало «новый», пояснил Голос, однако единственный роман, который Клер удалось отыскать в сыром и темном Хранилище Древностей, оказался ужасно старым. И Клер поняла, что в работе исследователя подобные конфузы неизбежны.

В некоторых древних источниках книги также назывались словом «бук», рассказал ей Голос. Было такое в эпоху, когда существовали голоса-конкуренты. Вернее, даже не голоса, а различные методы речи — до того, как был установлен Стандарт.

Те времена историки назвали Эпохой Узости. Тогда господствовали всевозможные ограничения, а прогресс был безнадежно линейным и медленным. Люди же были разделены по принципу доступа к информации. Разумеется, ныне всяческие ограничения отсутствуют.

Сейчас люди живут в Развитую Эпоху. Голос же появился в результате эволюции старинных Разумных Агентов, существовавших в компьютерах и выполнявших поручаемые им задания. Постепенно люди стали позволять агентам делать все

больше и больше. Слияние же агентов привело к повышению их возможностей, и в конце концов было создано общество, где все открыто и ясно для всех. И доступно — с помощью Голоса.

— Какая жалкая подачка! — сказал на это Кент, и она с ним согласилась. Эпоха Узости, когда все могли читать множество книг, казалась им восхитительной. А какой трепет восторга охватывал ее от самой мысли о том, что можно взять в руки столько слов, сколько Голос не произнесет и за год, открыть книгу в любом месте и читать, сколько пожелаешь! Книги буквально притягивали ее.

Разумеется, она знала, что Голос превосходит книгу. Ведь он мог мгновенно предоставить любую справку. Мог объяснить что-либо лично тебе, так что создавалось впечатление, будто прямо в голове говорит некто чрезвычайно умный. И к Голосу могли обратиться все.

В одной из древних книг она отыскала упоминание о Голосе. Текст оказался трудным для понимания, и ей сразу захотелось отыскать какой-либо способ выяснить значения слов. А произнести их вслух было еще труднее, потому что даже если она встречала знакомое слово, то переход от букв к звукам нередко подчинялся

хитроумным правилам.

— Какой в этом смысл? — спрашивал в таких случаях Кент, но продолжал учиться вместе с ней. Из книг она узнала, что Голос создали в помощь людям, которых называли «неграмотными». Клер изумилась, потому что сейчас «грамотных» не было вовсе — кроме нее и Кента.

Выяснилось, что когда-то читать умели многие. Но постепенно Голос стал весьма популярен, пользоваться им было признано «хорошим тоном». Независимость от «печатного рабства» — так тогда говорилось. В конце концов, ведь Голос умел быстро давать нужную информацию и сообщать только то, что тебе действительно необходимо.

Клер было очень приятно обладать тайным знанием, о котором никто из ее друзей даже не подозревал. Она планировала устроить вечеринку и поразить всех, но однажды увидела крупные буквы на стене бульвара Стремлений, и все разом усложнилось.

* * *

Кент вгляделся в надпись.

— Я прочел бы это так: ВСЕ ПОНЯЛ? МЯСО 13:20 @ Y.

Он вновь недоверчиво скользнул взглядом по кривым ярко-красным буквам на синей стене.

— Это называется «написать от руки», — сказала Клер.

— От руки? В смысле — рукой? Но как?

— Я думаю, это просто образ. Ведь буквы создаются машинами, разве не так?

— Но ты прочитала кучу книг по истории. И сама говорила, что печатные машины уступили место Голосу.

Клер провела по буквам ладонью. — Очень похоже на рисование. Надо лишь постараться имитировать машину, понимаешь? Допустим, буквы — просто маленькие картинки.

— Но здесь не художественный салон!

— Конечно, это какое-то сообщение. Но может, я смогу…

К счастью, в ее сумке лежало недавно обретенное сокровище — толстая книга под названием «Словарь». Она содержала гораздо больше слов, чем употреблял в своей упрощенной речи Голос. Длинных слов, которыми никто не пользовался так давно, что даже Голос их не знал. Словарь сообщил ей даже, что значок «@» читается как «at», то есть «в», но не объяснил, почему.

— Вот. — Клер ткнула пальцем в единственную

строчку. — Мясо — это плоть животных.

— Да, животные питаются мясом. Я слыхал, что люди когда-то его тоже ели.

— Какая гадость! — фыркнула она.

— Хоть тут и написано «meat», то есть «мясо», но читается это слово совсем как «meet» — «встреча».

— Может, кто-то ошибся? Перепутал звучание с написанием?

— И этот некто хочет, чтобы те, кто сможет прочесть надпись, встретились с ним?

— Или с его друзьями.

— Но где? — Кент нахмурился.

— Видишь: Y? Это не слово.

— Может, сокращение? Как ПРОИЗВ СЕК?

— Нет, слишком коротко.

Кент щелкнул пальцами.

— Помнишь то место, где бульвар Стремлений разветвляется? Если взглянуть на эту развилку сверху, с балкона, то она выглядит в точности как эта буква.

— Пошли!

* * *

Они пришли на развилку, но там их никто не ждал. Зато на стене они увидели новую надпись,

сделанную кривыми буквами:

МЯСО КОРИДОР 63,

13:30 ЗАВТРА БЛОК 129

Они вернулись домой и отключили Голоса. Многие пары отключали Голоса только во время близости. Такой поступок был лишь проявлением деликатности, ведь нынче, когда все перешли на новые, нейроактивируемые модели, никто не мог знать, отключен ли у другого человека Голос. Сначала они обсуждали прошедший день, потом стали читать вслух толстую древнюю книгу под названием «Волшебная страсть» (что-то подобное Кент видел на сенсо). Но книга оказалась совсем не похожа на сенсо. В ней вообще не оказалось секса — лишь глаза, полные тоски, тяжелое дыхание, учащенный пульс и тому подобное. Тем не менее Клер ощутила, что прочитанное как-то странно тронуло ее душу.

Забавная штука — чтение.

Увиденная надпись никак не давала им покоя. Кент даже немного вышел из себя, обозлившись на тот факт, что и другие умеют читать. Некоторое время повозмущавшись, он нашел какой-то предлог и сменил тему.

Клер же не рассматривала умение читать как собственность. В конце концов, гораздо лучше

этим умением поделиться. Чтение подталкивало к уединению. Может, именно поэтому ей так нравилось читать? Читающий оказывался в одиночестве и слышал внутренний голос, который не мог услышать никто. А это приводило к борьбе мнений, трениям, ссорам.

И все же притягательность чтения — или вслушивания в доносящиеся из дали веков слова — была слишком… наверное, правильным словом тут станет «возбуждающей».

И возможность познакомиться с другими читателями тоже возбуждала. Поэтому они и оказались в нужное время в нужном месте. Мужчина, подпиравший стену неподалеку от надписи, выглядел не очень впечатляюще. Среднего роста, в красном комбинезоне, вышедшем из моды года три назад, с жесткими вьющимися волосами. Он молча протянул им листок, исписанный с двух сторон кривоватыми строчками. Клер прочитала первый абзац, и этого ей хватило.

ТАЙНОЕ СООБЩЕСТВО ЧИТАЮЩИХ ДОЛЖНО ОБЪЕДИНИТЬСЯ! У НАС ЕСТЬ ТАЛАНТ, КОТОРЫЙ МАССЫ ПОНЯТЬ НЕ СМОГУТ. ЕСЛИ ОНИ УЗНАЮТ О НЕМ, ТО НАЧНУТ НАС БОЯТЬСЯ. ТАЙНОЕ БРАТСТВО ЧИТАЮЩИХ — ЕДИНСТВЕННАЯ ВОЗМОЖНОСТЬ ВЫЖИТЬ!

— Какая чушь! — Она сунула листок обратно.

— Но это правда.

— Вы просто скажите, что вам… — резко начал Кент.

— Никогда нельзя знать точно, не подслушивает ли тебя Голос, — таинственно произнес незнакомец.

— И почерк ужасный, — заметила Клер.

— Получше, чем у вас, — жестко парировал мужчина.

— Дело не в этом, — начал Кент. — Мы требуем ответа…

— Пошли. И заткнись, ладно?

* * *

Мужчина молчал, пока они не пришли в парк.

— Меня зовут Марк. Здесь нет микрофонов Голоса. Во всяком случае, на схемах они не обозначены.

— Вы инженер? — спросила Клер, восхищаясь могучими дубами.

— Я философ. А работая инженером, я лишь получаю деньги.

— И давно вы умеете читать?

— Уже много лет. Нашел старые технические описания, с них и начал. Всему учился сам, с

нуля.

— Мы тоже, — сказал Кент. — А это очень трудно, когда нельзя попросить помощи у Голоса.

Марк кивнул:

— А я попросил. Глупо, правда?

— И что случилось?

— Ко мне зашли Спекторы. Поговорили вроде бы ни о чем, но я-то знал, зачем они приходили.

— Искали улики? — с тревогой спросила Клер.

— Когда я спросил Голос, то он ответил, но после маленькой паузы. Приоритетный запрос — я знаю, как их отслеживать. Поэтому я сразу отключился и спрятал все свои книги. А когда вернулся, меня уже ждали Спекторы. Спокойно сидели у меня дома и осматривались.

— И вы им не сказали?.. — спросила она.

— Я должен был что-то им отдать. У меня была одна книга, которую я плохо понял. Там тоже что-то было написано про книги, и называлась она «451° по Фаренгейту». Я прятал ее в пластике, закопанном в клумбе, под псевдокустом. Они стали на меня давить, вот и пришлось отдать книгу. Жаль…

Клер испуганно моргнула.

— И что они сделали? Арестовали вас?

Марк криво усмехнулся:

— Закон не запрещает читать. Просто это считается антисоциальным. Я сравнительно легко отделался — шесть недель групповой терапии.

— Терпеть ее не могу, — сказал Кент.

— Это лучше, чем тюрьма, — пожал плечами Марк. — Мне здорово капали на мозги, пришлось прикинуться, будто я осознал, и все такое…

— А вы смелый, — заметила Клер.

— Я просто болван. Потому что спросил Голос.

— А мне казалось, что Голос должен поощрять умение читать, — искренне признался Кент. — Ведь это способно помочь при разных происшествиях. Например, если Голос вдруг отключится, то люди сумеют прочесть нужную информацию.

— По-моему, Голос и сам читает, — кивнул Марк. — Ему попросту не нужны конкуренты.

— Но Голос — это машина, — заметила Клер.

— Ну и что? — Марк снова пожал плечами. — А кто знает, насколько он умен?

— Это же услуга, и не более того, — сказал Кент.

— А ты заметил, что он не запоминает то, что мы говорим? — ехидно улыбнулся Марк.

Кент кивнул:

— Он говорит, что таким способом старается

улучшить нашу память.

— Но ведь чтение было изобретено в качестве заменителя памяти, — вставила Клер. — Я узнала это из книги по истории.

— И значит, это должно считаться правдой? — Марк иронично пожал плечами. Этот его жест уже начал раздражать Клер.

Она ненавидела политику, а эта история явно ею попахивала.

— Сколько у тебя книг?

— Много. Я отыскал коридор, ведущий в Хранилище. И могу попасть туда в любое время.

Кент и Клер только ахали, поражаясь его дерзости, пока Марк рассказывал, как годами проникал в запертые помещения, где хранилось множество ветхих документов и переплетенных томов. Он говорил об экзотических вещах, которые им еще не довелось увидеть, о томах, бывших для них лишь символами из Словаря: энциклопедии, тезаурусы, атласы, альманахи. Он даже прочел легендарную «Британскую энциклопедию»!

Согласен ли он меняться книгами? Или одалживать?

— Конечно, — тепло ответил Марк.

Так началась их дружба — поначалу слегка настороженная и опасливая, но затем холодок

растопили общее знание и тайная страсть к чтению.

А через три года восторженного чтения Марк исчез.

* * *

Он не пришел на обычное место встречи. Даже через три года они так и не узнали, где он живет, где берет бесчисленные книги. Марк упорно хранил свои секреты. Кент и Клер бродили по бесконечным коридорам жилых комплексов, опасаясь запросить у Голоса любую информацию о Марке.

Как раз в то время начались Игры Большинства, и людей вокруг ощутимо прибавилось. Очень многие, возбужденные и нетерпеливые, почти постоянно находились на улицах, с радостью вливаясь в заполняющие площади огромные толпы. Игры отнимали у людей все время — не считая, разумеется, трех часов обязательного труда по рабочим дням. Клер и Кент разделились, чтобы осмотреть как можно большую территорию, и потратили на поиски целую неделю. Клер множество раз винила себя за то, что не заставила Марка сказать, где он живет, но тот был одержим секретностью.

— А если тебя схватят и выудят сведения обо мне? — всякий раз возражал он.

Теперь она гадала, как поступят Спекторы, обнаружив у Марка множество книг. Пошлют его на Усиленное Перевоспитание? Или есть нечто худшее?

После дня напрасных поисков она вернулась домой, но Кента там не оказалось. В тот вечер он так и не пришел. Проснувшись утром, она разрыдалась. Не пришел он и в этот день, и на следующий.

Возвращаясь с работы, она размышляла, не обратиться ли к Спекторам. Еще окончательно не утратив надежды, она всматривалась в толпу в поисках Марка или Кента, и именно поэтому, пересекая Площадь Обещания, увидела трех мужчин и женщину, двигавшихся параллельно ей. Вроде бы они просто глазели по сторонам, но с отработанной четкостью блокировали ее.

Она прибавила шаг — они тоже. Выглядели «попутчики» сурово и решительно, и ей не удалось оторваться от слежки даже в лабиринте улиц и коридоров возле двухкомнатной квартирки, которую она делила с Кентом. Они прождали пять лет, прежде чем получили квартиру с крошечным балкончиком, она находилась всего на два

этажа выше грязной крыши воздушной шахты. Зато выйдя на балкон, можно было, если хорошенько вытянуть шею и посмотреть направо, увидеть кусочек неба.

Клер продолжала бесцельно петлять, но четверо не отставали. Разумеется, ей не хотелось идти домой, где она окажется в ловушке. Но она устала, и ничего другого не приходило в голову. Она заперлась и рухнула на кровать, а через две минуты услышала стук в дверь. Клер надеялась, что преследователи дадут ей передышку, но ошиблась. Распахнув дверь, она увидела того, кого меньше всего ожидала, — Марка.

— Ты не поверишь… — сходу заявил он, протискиваясь мимо нее.

— Что? Где ты был?

— Мы оказались нужны Меритократам.

— Для чего?

— Для чтения!

— Но ведь Голос…

— Избавляет людей от проблем и делает их счастливыми. Отличная идея — но, как выяснилось, нельзя управлять обществом, полагаясь лишь на Голос. — Он моргнул и сделал еле заметную паузу. — Кто-то должен добывать информацию на более высоком уровне. Помнишь,

мы сами это нутром чувствовали? То, что чтение — умение особенное.

— Да, но Спекторы…

— Они не дают людям высовываться, вот и все. — Краткая пауза. — Зато любой, у кого хватило ума увидеть знаки и терпения, чтобы самостоятельно научиться составлять из букв слова, а потом извлекать из них смысл… именно такие и нужны Меритократам.

Клер моргнула. Новость ошеломила ее.

— Но почему они забрали тебя и Кента?..

— Хотели убедиться. — Он привычно пожал плечами. — Хотели проверить наше умение и удостовериться, что мы не фокусничаем. Ведь можно лишь сделать вид, будто умеешь читать, сама понимаешь.

— Ясно… — В поведении Марка ощущалась какая-то странность. Прежде он никогда не делал паузы в разговоре… потому что не прислушивался к Голосу?

Клер попятилась.

— Замечательная новость. А когда вернется Кент?

— О, скоро. Уже скоро. — Марк приблизился, и она отступила на балкон.

— Так какую работу мы будем выполнять? Для

чего требуется умение читать?

Он тоже вышел на балкон, и Клер прижалась к перилам. Привычные бормотание и шорохи, доносившиеся со стороны воздушной шахты, на мгновение наполнили ее ощущением безопасности. Здесь с ней ничто не может случится, разве не так?

— Работы куча! Чтение старых документов, сравнение, и все такое.

А ведь не очень-то и высоко. Перемахнуть через перила, приземлиться на ноги…

— Честно, это хорошая работа.

Но сумеет ли она сбежать, если спрыгнет? Марк явно не атлет, и она не сомневалась, что если приземлится в грязь на крыше шахты, то не вывихнет лодыжку. Обувь у нее подходящая, и убежать от него она сумеет. Если удачно спрыгнет.

Клер быстро и оценивающе взглянула на Марка. Он один? Нет, наверняка за дверью караулят Спекторы, дожидаясь, пока он уговорит ее. Да, он пудрит ей мозги. Тут сомнений нет.

— Но работа не тяжелая?

— Жаловаться не станешь, — ухмыльнулся Марк. — Ты им нужна всего на три часа в день, как обычно. А со временем тебе установят выключатель этого церебрального сектора.

— Выключатель? Я…

— Чтобы тебе не нужно было больше читать. Только во время работы, и все. Ты и так вволю начитаешься. А потом — свободна!

Клер задумалась. Спрыгнуть, сбежать… Помощь Голоса станет недоступна, потому что ее, несомненно, выследят, если приемник будет включен. Сможет ли она выжить, полагаясь лишь на древние надписи?

Допустим, сможет. И что потом? Отыскать друзей, которым можно довериться? Постоянно прятаться? Но как? И на что ей тогда жить?

— Так и в самом деле будет намного лучше. Скоро вернется Кент, и…

Она посмотрела на крышу воздушной шахты. Стоит ли прыжок того, что ждет ее потом?

* * *

Ты выплываешь из иллюзии, и бац! — оказываешься в тесном коконе. Автоматические сенсоры возвращаются на места, с легким покалыванием «целуя» на прощание кожу. Ты вновь ощущаешь прохладные обволакивающие поверхности кокона. Потом поворачиваешься и спрашиваешь:

— Эй, а где остальное?

Мирф пожимает плечами, деловито отсоединяя

свои сенсоры:

— Это все, что там было. Я же тебе говорила.

— Может, запись повреждена?

— Нет, мы просмотрели куб до конца. Должен быть другой куб с окончанием истории, но в шкафу я нашла только этот.

— Но как она кончается? Что сделала девушка? — Ты подаешься к ней, втайне надеясь, что тебя просто дразнят.

— Не знаю. А ты бы как поступила? Прыгнула?

Ты моргаешь — вопрос застает тебя врасплох.

— Э-э… это… как там его… чтение? Что это такое?

Мирф хмурится.

— Это нечто вроде Голоса, но своего, личного.

— Так это правда? Можно на самом деле научиться читать?

— Никогда о таком не слышала.

— Тогда, выходит, это не исторический фильм, а фантастика…

— Должно быть… Я никогда не видела значков на стенах.

Ты задумываешься.

— Но даже если бы знаки на стенах и были, то давно бы уже стерлись от старости.

— Наверное. А любопытно было бы узнавать

что-то не от Голоса, верно?

Ты прикусываешь губу, размышляя. Иллюзия пребывания в теле той женщины уже начинает слабеть, ускользая из памяти. Умея читать, она обладала чем-то вроде личного могущества. Тебе это нравилось.

— И все же… как она поступила?

— Слушай, это просто фильм.

— А ты бы что сделала?

— Зачем об этом думать? Фильм есть фильм.

— Но тогда для чего он нужен?

— Это лишь иллюзия. Просто чья-то выдумка. К тому же не хватает второго куба, — огрызается Мирф.

— А может, он был единственным?

— Слушай, я хочу, чтобы иллюзии меня развлекали, а не напрягали!

Ты вспоминаешь про чтение и связанное с ним могущество.

— Тогда… можно мне его взять?

— Куб? Конечно.

Мирф бросает его тебе. Куб на удивление тяжелый, полупрозрачный, с округлившимися от старости некогда острыми углами. Ты смыкаешь вокруг него пальцы, и тебе нравится его вес. С этого все и начнется. Ты уже знаешь, что будешь

бродить по коридорам, высматривая знаки на стенах, и что нечто новое к добру или к несчастью — вошло в твой мир и никогда уже его не покинет.

Танец для Шивы

Первый земной пилотируемый звездолет «Искатель», словно блестящая металлическая луна, плыл в круговращении странных миров. Система Центавра — тройная звезда. Самая слабая, крохотная искорка, собачкой увязавшаяся за двумя большими звездами в настоящий миг вечного танца бриллиантовым мотыльком упорхнула в сторону Солнца и, отлетев от обоих ярких светил, сделалась самой близкой к Солнцу звездой: Проксимой.1 [broken link: #FbAutId_1]

Облик системы Центавра определили две яркие желтые звезды. Носящие прозаические имена Альфа и Бета, они скользили друг вокруг друга, не замечая далекую Проксиму.

Джон, астроном «Искателя», замерял параметры светил, освежая сидящие в глубинах памяти цифры. Вершина карьеры уже маячила перед ним. Джон был сразу и смущен, и взволнован; к этим чувствам примешивалась тоненькая нотка страха.

Эксцентриситет орбиты звезды B, обращавшейся вокруг своего близнеца, составлял 0,52,

а большая ось этого эллипса имела длину 23,2 астрономической единицы. Это означало, что даже при самом тесном сближении Альфа и Бета окажутся друг от друга дальше, чем Сатурн от Солнца.

Горевшая ослепительным бело-желтым огнем Альфа — светило потяжелее Солнца в 1,08 раза — относилась к спектральному классу О. Желтизна блеска ее спутницы, Беты, звезды класса К, отливала ржавчиной, — она была легче Солнца в 0,88 раза. Бета совершала оборот вокруг Альфы за 80 лет. Обеим уже перевалило за 4,8 миллиарда лет, значит, постарше нашего Солнца. Многообещающая подробность.

Именно рожденные Альфой дети-планеты заставили людей послать сюда экспедицию. С Луны единственная подобная Земле планета казалась ничтожной искоркой и была сперва обнаружена по линии поглощения кислорода в спектре звезды. Лучший километровый интерферометрический телескоп, длинный стержень с чашами-глазами, вглядывающимися в пространство между Альфой и Бетой, сумел разглядеть лишь расплывчатое пятно. Тем не менее изображения этого вполне хватило, чтобы пробудить интерес.

Новая Земля? Джон разглядывал ее затянутое облаками великолепие. Экспедиция продвигалась вперед, изучая небесный ньютонианский танец двух солнц в бальном зале миров. Проксима находилась так далеко, что ее нельзя было даже считать дамой, оставшейся без кавалера[9].

Капитан окрестил новую планету Шивой. Окутанный испарениями облачный шар жался поближе к горячему бело-желтому очагу Альфы. Бурлящая обещаниями планета манила Джона к себе все годы полета.

Похожа на Венеру, только состав атмосферы не тот, подумал он. Создаваемые обеими звездами сложные приливы массировали недра Шивы, вздымая волнами кору. Посланные Джоном широкочастотные зонды доставили массу информации, но как вписать эти данные в картину мира? Первым из астрономов он пытался применить выработанные за века теории к реальной планете.

Шива оказался богаче Земли на сушу — океаны занимали лишь 40 процентов его поверхности. Воздух богат азотом, красноречивы и 18 процентов водорода вместе со следами двуокиси

---

[9] Примечания: 9

Проксима как раз и означает «ближайшая» в переводе с греческого (Здесь и далее прим. перев.)

углерода… Удивительное сходство с Землей. С человеческой точки зрения, на Шиве было жарковато, но все-таки не чересчур; венерианский оранжерейный эффект здесь почему-то отсутствовал. Как же Шиве удалось избежать такой участи?

Уже давно телескопы, расположенные на Луне, обнаружили один замечательный факт: здешняя атмосфера была далека от химического равновесия. Биологическая теория видела в этом факте несомненный росчерк жизни. И в самом деле, уже первое проведенное экспедицией картографирование обнаружило пышную зелень, покрывающую два далеко отстоящих друг от друга обитаемых пояса, начинающихся в 30 градусах широты от экватора.

Очевидным образом сложное приливное воздействие звезд Центавра изменило первоначальный наклон оси Шивы. Настойчивое их притяжение успело с точностью до градуса согласовать вращение планеты с ее орбитальным движением, так что теперь условия внизу сохранялись постоянными и равномерными. Лишь экваториальный пояс превратился в сухую и блеклую пустыню, которую продували обжигающие суховеи и по которой гуляли одни только

смерчи.

Разглядывая полумесяц планеты, Джон прошел все доступные частотные диапазоны. Большие сине-зеленые моря и ни одного океана: обе умеренные зоны не связаны водой и потому не могут обмениваться морскими животными. Сухопутные миграции, как показывали расчеты, надежно перекрывала собой экваториальная пустыня. Птицам, решил Джон, такой перелет по силам, однако какой эволюционный фактор способен заставить их преодолевать подобные испытания? И что они получат в награду? Зачем им сражаться с зубастыми горными хребтами? Лучше нежиться в любом из многочисленных тихих озер.

Не изведанный пока еще мир вполне оправдывал потраченные на изнурительно медленный полет звездного корабля десятилетия жизни. Джон запросил полный обзор, и наблюдательная чаша цветком раскрылась вокруг него. Теперь он плыл в пространстве над диском центаврийской звездной системы, рассматривая ясное и четкое изображение.

Наконец-то мы здесь! «Искатель», ничтожная искорка среди светил, тем не менее невероятным образом долетел до цели. К далекой звезде Центавра.

Ему и в голову не приходило, что у человечества нет здесь действительно жизненно важных интересов. Доктрина экспансии вкупе с тягой к познаниям возникла на Земле семь столетий назад, даровав планету в собственность европейской культуре. И пусть наука успела установить кое-какие неприятные истины, они не притупили потребность в беспрестанном углублении познаний. В конце концов, что может случиться плохого, если мы просто посмотрим?!

* * *

Факт существования на Шиве высотного океана открылся далеко не сразу. Сама идея была безусловно абсурдной, и посему открытию сперва не поверили.

Одис первой заметила странное. Долгие дни сенсорного погружения в потоки данных оплатились сторицей. Она гордилась тем, что сумела выудить подобную экзотику из целого чана данных, куда сливали информацию экспедиционные зонды: крошечные, торопливые, смышленые, шнырявшие теперь по всему здешнему «государству», в котором правила пара звезд.

Да, звездная система Центавра — странное место, однако причиной подобной аномалии

не могли оказаться никакие приливы. Планеты обязаны быть сферичными… почти. Земля, например, из-за собственного вращения на какие-то доли процента толще у экватора. Ну а Шива?

Одис обнаружила искажения в очертаниях этого мира. Аномалии находились далеко от экватора — возле глубокого синего моря шириной в 1694 километра, немедленно названного Круглым океаном. Он располагался в Южном полушарии, и едва ли не идеальное кольцо побережья намекало на то, что море заполнило колоссальный кратер. Одис не могла наглядеться на этот синий глазок — око самой планеты, лукаво поглядывающее на людей сквозь облака.

Одис провела самые разные измерения. «Искатель» готовился выйти на орбиту вокруг Шивы.

Она вдыхала клубы цифр, и кинестетическое программирование превращало их в сложные, путаные и причудливые архивы запахов.

Сперва она не поверила показаниям радаров. Перед нею возникали контуры, искусно вычерченные картографическими сканерами. Тем не менее калибровка подтвердила отсутствие ошибки, и поэтому Одис перешла к другим методам: медленным, аналитическим, скучным… невозможным при всем охватившем ее волнении. Они

дали тот же результат.

Уровень Круглого океана на десять километров превышал уровень окружавшей его равнины.

Вокруг не было никаких гор. Океан этот казался волшебной космической шуткой, нагло требующей достойного объяснения.

Одис представила свое открытие на ежедневном собрании Контрольной Группы. И встретила откровенный скептицизм, пренебрежительные ухмылки, недоверчивые смешки.

— Я использовала самые надежные методы, — непреклонно возразила она. — И эти результаты не могут быть ошибочными.

— Вопрос можно окончательно разрешить, лишь поглядев сбоку, — проговорил долговязый геолог.

— Я надеялась услышать эти слова, — улыбнулась в ответ Одис. — Ну как, дадите мне обсервационное время?

Время для наблюдения ей выделили без особой охоты. «Искатель» обращался по вытянутому эллипсу вокруг облачного покрова Шивы. Траектория провела корабль сбоку от цели через два дня. Одис использовала все свои приборы — оптические, инфракрасные, ультрафиолетовые и микроволновые, чтобы оглядеть Круглый океан

сбоку и отыскать ту чашу, что поддерживала округлую толщу лазурной воды.

Чаша так и не обнаружилась. Висящее море не имело под собой материальной опоры.

Результат оказался предельно ясным. Глубина ослепительно синего Круглого океана равнялась 1,36 километра. Спектральный анализ показал, что вода богата солями и всю толщу ее пронизывают течения. Словом, перед людьми лежало огромное и бурное горное озеро — за вычетом одного: горы.

Все прочие наблюдения были прекращены. Неопровержимые снимки доказали, что колоссальный, немыслимо тяжелый слой воды блаженно покоится на обычном воздухе, нарушая тем самым все основы механики. Вплоть до этого мгновения Одис была незаметной персоной. Теперь ее работа привлекла внимание всей экспедициии и сделалась объектом пересудов. Конкретный и невозможный факт разверзся перед людьми, как манящая бездна.

Разгадку этой тайны обнаружила Лисса, но радости это никому не принесло.

Работа Лиссы, специалиста по химии атмосфер, в основном завершилась еще до того, как корабль вышел на орбиту вокруг планеты. Она

уже определила газовый состав и измерила концентрации, явно свидетельствовавшие о том, что под покровом атмосферы процветает жизнь. После чего, по ее мнению, общее внимание должно было переключиться на другую группу — исследователей поверхности.

Этого не случилось. Хорошенько набрав воздуха в легкие, Лисса выступила перед Контрольной Группой. Она должна была доказать, что не без оснований покушается на время столь занятых людей. Все глаза были обращены к Круглому океану, и один только воздух никого не интересовал.

Тем не менее дело именно в нем, настаивала Лисса. Круглый океан заинтриговал и ее, заставив обратить пристальное внимание на смесь кислорода, азота и двуокиси углерода, удерживающую на себе парящее море. Смесь оказалась совершенно обычной, едва ли не соответствующей земным стандартам, за исключением одной маленькой детали. Все спектральные линии были расщеплены, и Лисса всегда обнаруживала два пучка справа и слева от того места, где полагалось находиться линии.

Лисса отвернулась от изображений, которые проектировала перед Контрольной Группой.

— Единственное возможное объяснение, — ска-

зала она нейтральным тоном, — заключается в том, что на крошечные диполи здесь действует колоссальное электрическое поле, заставляя молекулы сдвигаться. Отсюда и расщепление линий.

— Электрическое смещение? — усомнился седоволосый скептик. — В нейтрально заряженной атмосфере? Конечно, при вспышке молнии подобный мгновенный эффект возможен, но…

— Явление носит стационарный характер.

— А вы искали молнии? — спросил проницательный женский голос.

— Конечно. Вот они — змеятся между облаков под Круглым океаном. Но электрическое поле здесь создают совсем не они.

— А что же? — вопрос задал серьезный капитан, никогда не вступавший в научные дебаты.

Все головы дружно повернулись: сперва к нему, а потом к Лиссе. Она пожала плечами.

— Пока не могу ответить на этот вопрос.

В этом было сложно признаться, однако незнание, похоже, становилось здесь разменной монетой.

Послышался чей-то голос.

— Выходит, подо всем этим океаном, на всех десяти километрах высоты в воздухе должно су-

ществовать немыслимо сильное поле? Согласие сопровождалось озабоченными улыбками.

— Именно так, — неприкрытая правда взволновала аудиторию. — Повсюду.

Тагор спешил. И даже слишком спешил.

Он оттолкнулся от поручня, отлетел к противоположной стене, принял ногами инерцию тела и вложил всю силу мышц в новый толчок. Растры потекли в его усовершенствованном зрении, вспыхнули и поблекли.

Его полет завершился над Шивой — мир этот во всей своей облачной красоте ослепительным полумесяцем горел под его ногами. Тагор не стал концентрироваться на зрелище, все внимание его поглощали чудеса интеллекта.

Он нашел ответы на все вопросы, в этом можно было не сомневаться. Торопясь, он даже не поглядел на солнечный зайчик, покоящийся на небесных водах Круглого океана. Край воздушного цилиндра, поддерживающего синюю воду, четко вырисовывался внизу. При таком положении парящая вода отражала солнечные лучи на еще затемненные области планеты. Сверкающий лазурный самоцвет возвещал зарю во всей своей чистой и немыслимой невозможности.

Самый молодой член экспедиции Тагор был

теоретиком. В университете он специализировался на происхождении планет, но умудрился обеспечить себе билет на «Искатель» способностью быстро и точно объяснять самые жгучие проблемы, с которыми сталкивались наблюдатели, а еще согласием исполнять любую грязную работу.

— Кэп, я все понял, — выпалил он, проталкиваясь сквозь люк.

И обменявшись приветствиями с капитаном, сидевшим за небольшим дубовым столом — единственным деревянным предметом на всем корабле, — приступил к делу.

— Круглый океан удерживает в воздухе давление электрического поля, — объявил он.

Реакция капитана не соответствовала ожиданиям Тагора: тот с невозмутимым спокойствием дожидался подробностей.

— Дело в том, что электромагнитное поле создает силы, действующие на электроны в атомах, — настаивал Тагор торопливой скороговоркой, оставляя в стороне цифры. — Действующие внизу поля очень сильны, я рассчитал это по измерениям Лиссы, и они могут обеспечить надежную опору.

Тагор перешел к сравнениям: это все равно что

каждый объем воздуха величиной с чемодан набить энергией с плотностью, возникающей в миг взрыва ручной гранаты. Даже если эти поля образованы стоячими волнами, они все равно несут некоторые потери. Энергозатраты здесь колоссальны. Потом — за каким, собственно, чертом потребовалось такое сооружение?

К этому моменту возбужденный Тагор уже позабыл, перед кем находится.

Наконец капитан заморгал и спросил:

— Так, значит, на Земле нет ничего похожего?

— Нет, сэр. О подобных вещах я никогда не слыхал.

— И никакой естественный процесс не способен породить подобный фокус?

— Нет, сэр, такого даже нельзя представить.

— Ну что же, мы прибыли сюда как раз в поисках неожиданностей.

Тагор не знал, смеяться ему или плакать: выражение лица капитана было трудно истолковать. Так вот каким будет нынешнее исследование — полным тихой тревоги, обусловленной незнанием? На Земле подобные работы проводились в неведомом удалении, но здесь…

Он предпочел бы выбрать другую роль. Знакомить с неприятными откровениями людей,

наделенных властью, значило привлекать к себе слишком много внимания, гораздо больше, чем ему хотелось бы.

Капитан Бэдквор позволил Тагору еще немного почирикать и не сразу отверз собственные уста. Каждый технарь должен сперва спеть свою песенку. Мало кого из них интересует хоть что-то за пределами собственных рулад.

Он отпустил Тагору благожелательную капитанскую улыбку. Ну почему все они кажутся такими юными!

— Итак, эта громадная штуковина на Шиве является искусственным сооружением.

— Да, сэр, похоже на то…

— И вся эта энергия используется лишь для того, чтобы поднять вверх озеро?

— Не сомневаюсь, сэр. Расчеты указывают на это. Я определил давление, создаваемое этими электрическими полями, считая, что они замкнуты в объеме под Круглым океаном, как запираются стоячие волны внутри проводящей коробки.

— Вы считаете океан проводящим? — Надо показать парнишке, что и его начальник знаком с физикой. Вообще-то, капитан защитил докторскую диссертацию по физике в Массачусетском

технологическом, однако никогда не упоминал об этом, считая, что пока еще недостаточно знаком со своим экипажем.

— Э-э, ну не совсем. Мне кажется, что он является хорошим проводником, но в моей модели это просто способ показать, что…

— В нем есть сильные течения, так? Они могут переносить электроны. — Капитан потер подбородок, пока его ум пытался постичь подобную вещь. — И все же это не объясняет, почему вода на такой высоте не испаряется.

— Дело в том, что я не думал об этом. Капитан махнул рукой.

— Продолжайте. Пой-ка, голубчик.

— Тогда эти волны создают направленную вверх силу всякий раз, когда они отражаются с внутренней стороны океана…

— И передают весь этот вес вниз — невидимыми волнами — к скале, расположенной в 10 километрах внизу.

— Да, сэр.

Тагор был явно увлечен идеей. Зная решение загадки, он кипел энтузиазмом, но не умел выразить его словами. Капитан решил помиловать юнца.

— Похоже на правду. В таком сооружении нет

ничего невероятного.

— Если не считать его величины, сэр.

— Можно сформулировать эту идею иначе.

— Да, сэр?

Странное, могучее ощущение охватило капитана. Долгие десятилетия ожидания превратили его в сталь, научили сохранять невозмутимость в присутствии экипажа. Но теперь его восприятие своего кабинета как бы исказилось — словно капитан терял власть над своим пространством и статусом. Ум возносился вихрем в пустоту между двумя чуждыми звездами. Капитан нахмурился.

— Эта штуковина больше всего того, что построили люди. И мы не имеем ни малейшего представления, зачем она предназначена. Величие этого сооружения, его масштаб — вот что потрясает меня, сынок.

Джон надел на голову шлем, и его окутал Шива. Теперь нужно позволить целому миру охватить себя — сознание забурлило, в нем что-то тренькало, извивались какие-то движущиеся узоры, а потом вдруг обрело покой и стабильность.

За прошедшее столетие астрономия сделалась в высшей степени интерактивной. Спектральные сенсоры ковром покрывали смотровое окно. В ходе долгого полета «Искателя» Джон настроил

систему так, что теперь она повиновалась его малейшему желанию и создавала впечатление истинного, телесного погружения.

Ему не терпелось погрузиться в ощущение Шивы, в полную трехмерную перспективу. Полумесяц планеты набухал под ним спелым крапчатым плодом. Он направился вниз, к планете, богатой диапазонами.

Ради эффекта — еще за десятилетия до того, как Джон сделался небесным ныряльщиком — он расположил поля данных так, чтобы приближаться к ней ускоряясь. С высокой дуги орбиты он низвергся прямо к диску планеты. Картографические подробности открывались навстречу ему, расцветая все более мелкими деталями. Там…

Сперва эффект проявился в лугах северного обитаемого пояса. Джон направился к равнинам, и детали начали сменять друг друга лоскутами — один за другим. После удивительной теории Тагора, нашедшего объяснение возникновению Круглого океана — теории необычайной, отважной и исходящей не от специалиста, — Джон обязан быть готовым ко всему. Где-то здесь, в полях накопленной информации, должен прятаться ключ к тайне, который позволит определить, кто или что явилось создателем океана.

Внизу простирались поросшие травой широкие уступы. Однако кое-где трава редела. И скоро он понял причину. Природная растительность лишь пробивалась на равнинах, покрытых невесть откуда взявшимся упорядоченным узором — шестиугольниками, образовывавшими треугольники там, где нужно было перекрыть холмы и долины прямо до глинистых берегов медленных бурых рек.

Замеры отраженных ультрафиолетовых лучей позволили определить, что в основном складывающиеся в этот узор шестиугольные плитки невелики, однако встречаются и размером с целый дом, толщиной в несколько метров и… все они движутся. Скопище плит и плиток дергалось и копошилось с неуемной энергией, не обнаруживая при этом никакой очевидной цели.

Итак, они живые? Ультрафиолетовый спектр выдал наличие сложного полимера. Перекрестные цепи под множеством острых углов соединялись друг с другом, сокращаясь, как гибкие ткани мышц.

Джон свел вместе в единый ансамбль химиков и биологов; Одис и Лисса влили свои голоса в академический хор.

Плиткам, как обнаружила Лисса, для пропита-

ния хватало собственного неба. Порожденные атмосферой простые сахара дождем проливались из густого воздуха, по питательности не уступающего жидкому куриному бульону. К этому процессу каким-то образом причастна электрохимия атмосферы, утверждала Лисса. Взвешенные комки микробов регулировали процесс.

Плитки были первичными едоками в цепи. Комки окислительных радикалов размером с мяч для гольфа патрулировали вдоль точных прямых линий периметров. Эти вращающиеся клубки стаями нападали на вторгшиеся тела, отвергая большую часть, но переваривая полезные. Лисса подключила еще двоих биологов, у которых, конечно же, нашлась куча вопросов. А не похожи ли эти плитки на огромных черепах, предположил один из них, неловко усмехаясь. Им так хотелось перевернуть одну из них.

Дневные они или ночные? Лишь некоторые из них ночные.

Есть ли среди них маленькие? Немного.

Размножаются ли они делением? Нет, но… Сложный процесс, представший перед биологами, оставался пока непонятным. Воспроизведение явно имело здесь не простую природу.

В движениях плиток обнаружилась некая

периодичность, медленный ритм, в частности максимум спектра Фурье[10] в быстрой части его приходился на 1,27 секунды, — но опять же во всем этом не усматривалось явного смысла.

Или же все они представляют собой единую жизненную форму?.. Возможно ли такое вообще?

Неужели целая планета занята складывающимся из плиток существом, использующим ресурсы всего небесного тела?

Старшие из биологов ехидничали. Как это может эволюционировать вид, состоящий из одного организма? И что это за экосистема — величиной в целый мир — с таким скудным количеством составных частей?

Нарушались все правила эволюции. То есть биологической эволюции. Но только не социальной.

Джон еще глубже погрузился в сложные матрицы данных. Бесконечные моря плиток, заливавшие горы вместе с долинами, дергались, шевелились, не зная остановки, лишь изредка позволяя проглянуть кусочку голой земли, пока случайно образовавшийся квадрат заполнялся треугольниками. Удлиненные фигуры,

---

[10] Примечания: 10

Спектр Фурье — разложение непериодической функции на периодические компоненты.

встречаясь, начинали с лихорадочной энергией состыковываться по всему контуру.

Оба полушария планеты были похожи, но плитки на севере имели другую форму — в основном пятиугольную. Они нигде не преодолевали реки, однако были вполне способны перебраться вброд через ручей. Центаврийский аналог хлорофилла обнаруживался повсюду — кроме Круглого океана.

Землю покрывала редкая трава, растения жили тем солнечным светом, который просачивался между краями — толкающимися, покачивающимися, ударяющимися и дрожащими. Проползавшие над травой плитки иногда объедали ее, а иногда нет, тем не менее оставляя за собой как бы обгоревшие стебли. Лихорадочная пляска их не знала остановки, не ведала сна. Что если создания эти погружены в восторженную беседу посреди не знающего конца радостного праздника?

Джон замедлил свой спуск. Эти живые плитки воистину потрясали. Неужели они и есть строители Круглого океана? Пора биологам браться за дело.

Компьютерщики исповедовали одну точку зрения, биологи — после первого разгрома, когда еще они отвергали саму возможность того, что

одно-единственное существо может образовывать собой всю биосферу — совершенно другую.

После некоторых трений обе позиции удалось в какой-то мере согласовать. Кто-то из биологов отметил, что две плитки, встречаясь, ведут себя, как занявшиеся любовью крохотные домики… столь же пикантно подставляя друг другу одни и те же углы и грани.

«Искатель» послал вниз новые микрозонды. Они обнаружили лишь слабое магнитное поле по периметру плиток. Их быстрые соприкосновения напоминали, скорее, о нейронах, спроецированных на плоскость.

Аналогия расшевелила теоретиков. И после смены, за трапезой, как всегда состоявшей из пива, соевых орешков и дружеских наскоков, один из мудрецов численного царства–государства выдвинул совершенно абсурдную идею: а не могла ли вся эта планета превратиться в компьютер?

Все расхохотались. Засыпали насмешками автора… а после погрузились в хмурое молчание. Родившиеся на стыке наук идеи всегда смущают специалистов.

Может ли вид превратить себя в биологический компьютер? Плитки терлись и ласкались друг к другу в каком-то необъяснимом порядке.

Явно не применяя информацию в численном виде, они могли изъясняться на более сложном языке, основывающемся на положениях и углах, использующем плоскостную геометрию. Каждое столкновение, должно быть, являлось истинно евклидовым разговором — возможно, богатым нюансами.

Аналогия с компьютером породила новый вопрос. Способны ли плитки познавать что-либо, кроме себя самих? Или же их можно просто считать странными геометрическими солипсистами[11]? Не следует ли называть всю совокупность плиток — Оно?

Интересовалось ли это самое Оно, замкнувшееся в созданном собою же космосе, внешним миром? Альфа Центавра, не скупясь, снабжала Его энергией, а густой воздух служил пищей; Оно было единственной силой на всей планете. Какие принципы имелись у этого существа для общения с великим Вовне?

Быть может, любознательность? Биологи скептически воспринимали подобную перспективу. Первобытные люди удовлетворяли свое любопытство за счет окружающей среды. Эволю-

[11] Примечания: 11

Солипсизм — разновидность субъективного идеализма, отвергающая саму возможность постижения объективной реальности. (Прим. ред.)

ционирующая обезьяна училась новым трюкам, отыскивала пресную воду, убивала новые разновидности дичи, придумывала, как наилучшим образом отыскать какой-нибудь сладкий корешок — и мир должным образом реагировал на все это.

Значит, здесь (только не надо прямо сейчас спрашивать у нас, почему, вопили биологи) у игры были совсем другие правила. Какую выгоду извлекают плитки из бесконечного шлепания друг о друга?

Итак, если прибывшие с визитом люди даже найдут условный колокольчик у двери, за которой обитают черепицы, и позвонят, то, похоже, никто не ответит. И, возможно, просто потому, что никого нет дома.

Следует ли попытаться?

Джон, Одис, Лисса, Тагор, капитан и еще более сотни членов экипажа размышляли над этим.

* * *

Но пока они обдумывали вопрос, исследования продолжались.

Крылатый зонд подлетел поближе к вознесенному морю и обозрел поддерживающий его объем атмосферы с помощью дистанционных сенсоров

и сканирующих телескопов. На Шиве даже атмосферные явления обходили стороной Круглый океан. Грозовые облака держались в стороне от скалистого подножия невероятного водоема. В зияющих высотах все же образовывались облака, которые, однако, быстро рассеивались, как бы растворенные незримыми силами.

Под морем пролетали птицы — создания, похожие на пернатых воздушных змеев.

Каким-то образом люди начисто проворонили эту разновидность живых существ. Даже посадочные зонды не успевали проследить за этими быстрыми созданиями. Птицы-змеи питались в основном миниатюрными, парившими во мглистом воздухе долин живыми подобиями воздушных шариков, которые уж просто кишели под Круглым океаном.

Джон предложил выслать автоматический зонд величиной с птицу,

чтобы замерить физические параметры в сердце зазора. Капитан Бэдквор одобрил идею. В мастерских изготовили некое подобие здешней птицы. Покрытая поддельными перьями и снабженная реактивным двигателем машина выглядела весьма убедительно.

Джон сопровождал зонд на расстоянии. Искус-

ственная птица залетела вглубь на 17 километров и вдруг исчезла в ослепительном электрическом разряде. Телеметрия позволила обнаружить причину: Круглый океан покоился на сложном переплетении электрических полей, создающем направленное вверх давление. Поля эти нигде не превосходили уровня, нужного для пробоя — один мегавольт на метр, — выше которого атмосфера Шивы начала бы ионизироваться. Напряженность поля опасно приближалась к этому уровню.

Робозонд наткнулся на критический максимум в сложной конфигурации поля. И, замкнув собой силовые линии, вызвал вспышку, за какую-то миллисекунду закачавшую миллионы ватт в псевдоптицу.

Посыпался пепел, и Джон заложил вираж, уходя со своей наблюдательной позиции в пяти километрах от периметра загадочного объекта. У него не было особых причин предполагать, что разряд, случившийся в глубине воздушного промежутка, может каким-то образом распространиться вовне, спонтанно выбросив наружу колоссальную накопленную энергию. Проектировщики опоры Круглого океана просто не могли позволить, чтобы пролет одной птицы мог

подействовать на электромагнитные связи.

Однако случилось нечто подобное. Система отреагировала.

Обгорелый бурый корпус псевдоптицы лениво падал, рассыпая искры. Они сливались в разреженный оранжевый разряд, порождавшийся энергией, которая протекала по останкам ныне испепеленной машины. Линия разряда уходила прочь, безошибочно следуя траектории подлета аппарата. Почти со скоростью света неслась она назад, вычерчивая дугу.

У этой системы есть память, понял Джон. Разворачивая свой флиттер, он увидел светящееся волокно. И едва успел сообразить: оно похоже на огромный палец, молнией указующий на него. Вполне уместная аналогия, впрочем у него уже не было времени на парадоксы. Оранжевый разряд прикоснулся к флиттеру. Заряд хлынул в кабину, и волосы на голове Джона встали дыбом.

В идеальном случае электроны переходят на внешнюю поверхность проводника. Но когда антенны подсоединены, контуры могут замкнуться где-то в глубине кабины.

Нечто вознамерилось обрушить чудовищный разряд на флиттер, выпустивший псевдоптицу. И Джон, с точки зрения любых критериев,

прекратил свое существование в качестве упорядоченного объема электрической информации.

Гибель Джона позволила получить целую кучу данных. Вскоре Лисса установила истинное предназначение Круглого океана. Его следовало считать украшением, может быть, произведением искусства.

Вокруг этого моря было полно озона. Абсолютно природное с виду озеро венчало огромную полость, функционировавшую как устойчивый, вертикально поставленный лазер.

Электрические поля одновременно и поддерживали океан, и передавали энергию атомам атмосферы. При возбуждении — от того же самого источника, который испепелил Джона — весь зазор мог преобразовать накопленную энергию в исходящую электромагнитную волну. Джон пробудил молнию, могучую и сложную по структуре.

За все время, которое люди находились на орбите вокруг Шивы, зазор под морем еще два раза разряжался естественным образом. Вспышка продолжалась меньше секунды и не могла лишить стабильности всю конструкцию. Луч пронзал атмосферу и растворялся в космосе.

Лазерные лучи широко не расходятся, и рож-

денный Шивой свет открыл только малую долю своих секретов. Глядевшие под острым углом люди могли заметить немногое и поняли еще меньше.

Озадаченные, оплакивающие Джона, они вновь приступили к детальным исследованиям поверхности Шивы. Все приуныли. Капитан решил, что драматический жест вполне может ободрить их. И совершить такой поступок надлежит ему самому.

На долю капитана Бэдквора выпала честь первой посадки. Демонстративно отважное предприятие, конечно, поможет ему справиться со смятением экипажа. Он будет управлять исследовательскими комплексами — в реальном времени, стоя рядом.

Капитан оставил посадочный аппарат в полной готовности, надежно защищенным от сложного биохимического воздействия образующей атмосферу смеси.

Плитки поползли от него вниз по склону. Одни лишь крутые обрывы этого экваториального хребта не покорялись бесконечным приливам их движения. Под сапогами Бэдквора хрустела сухая корочка. Взяв образцы грунта, он отослал их назад на корабль.

Прозвучало предупреждение с орбиты: плитки в этом районе кажутся более беспокойными, чем обычно. Реакция на его посадку?

Живые многогранники оказались кожистыми и никаким очевидным образом не могли ощущать человека — ни глаз, ни ушей. Похоже было, что движениями своими черепицы ласково поглаживают землю, хотя Бэдквор обнаружил, что они передвигаются на больших корявых ступнях.

Он осторожно направился дальше. В расположенной внизу долине по живой дернине ходили длинные волны, в одно мгновение убегавшие к горизонту. Вечное движение, несказанный энтузиазм, непрерывный и бесконечный.

Его сапоги были термоизолированы, но электрической изоляции никто не предусмотрел; поэтому, когда затрещало в наушниках шлема, он решил, что причиной тому помехи в поступающих сверху сигналах. От сухого шипения по коже его побежали мурашки.

Встревожился он, лишь когда шипение жарящегося мяса поглотило все остальные сигналы. Но было уже слишком поздно.

Пьезоэлектрическая энергия возникает, когда механические напряжения массируют кору.

Давление на электрически нейтральный камень поляризует его на решеточном уровне, чуть разделяя центры положения положительных и отрицательных зарядов. Так происходит, когда кристаллическая порода не имеет центра структурной симметрии, а потому это явление наблюдается во всех горных породах.

Эффект — хотя и в слабой форме — превосходно известен и на Земле. Сжатые слои иногда разгружаются, создавая в воздухе тлеющий разряд. Подобные световые картины теперь считаются стандартными предвестниками землетрясений. Однако Земля — прочная планета.

Приливы, рождаемые вечным гравитационным танцем обеих звезд Альфы и Беты, сминали каменную мантию Шивы. Периодически все три тела выстраивались по одной линии, вливая тем самым огромную энергию в тело этого мира. Эволюция поощряла жизненные формы, способные переносить электрические токи, раздиравшие кору планеты. Именно они, а не киловатты энергии лучей солнца на квадратный метр поверхности приводили в движение кожистые плитки.

Все эти объяснения обнаружились уже после случившегося и казались очевидными — задним умом. Источники пьезоэлектрической энергии

рассеяны повсюду, ею легко пользоваться. Шипение электрических микрополей питало большие, покрытые кожей ступни плиток. В конце концов, и на Земле рыбы и угри используют электрические поля в качестве сенсоров и оружия.

Весьма высокоорганизованная экологическая система немедленно ощутила вторжение Бэдквора. Возможно, она восприняла его как энергетического паразита: эти похожие на земных насекомых-палочников создания успел заметить сам Бэдквор сразу после посадки. Они питались, похищая заряд у многоугольников-плиток.

Случившееся стало понятно лишь благодаря последующему анализу. Взаимосвязанное сообщество, основанная на пьезоэффекте экологическая система избавилась от незваного гостя, в буквальном смысле слова перекормив его электрическим током.

Возможно, сам Бэдквор так и не понял, насколько странная участь постигла его, ибо несколько сотен ампер свели его мускулы, заморозили сердце и подарили последнее видение синапсам — выжженный в глазах след неземной радуги.

Лисса моргнула. Похожие на веретено деревья напоминали искусственные, однако же таковыми не являлись.

Рощицы по спирали огибали холмы, взлетали зигзагом на острые, как бритвы, хребты и ниспадали со склонов нагих каменистых холмов… Местность абсолютно неподходящая для любой разновидности деревьев, понятной земным биологам. Деревья, отметила она, росли независимо от потоков воды, облучения солнца или направления ветра.

Именно поэтому Лисса и отправилась вниз. Ее бригада, четверо человек, уже разослала остроглазых и прочных роботов вместе с квазиразумными процессорами. Легкие, терпеливые и выносливые посланцы открыли немногое. Пора приступить к более интерактивным занятиям на почве.

И притом лично. Жертва капитана Бэдквора не могла быть напрасной, и гибель его лишь укрепила в экипаже решимость.

Лисса ступила на поверхность в хорошо изолированных сапогах. Теперь люди уже поняли в общих чертах пьезоэлектрическую экологию, во всяком случае, они так считали. Осторожность не противоречит отваге.

Странные, веретенообразные деревья не были похожи ни на что земное. Корявые ветви копировали расположение фракталей и не имели

листьев. Тем не менее посылавшиеся вниз автоматические аппараты собрали массу окаменелых свидетельств, гласящих, что щетинистая растительность возникла за несколько последних миллионолетий из деревьев более традиционного вида. Однако на страницах биологических анналов веретена объявились едва ли не внезапно, и Лисса предположила, что имеет дело с ускоренной эволюцией — то есть биологической технологией.

Она старательно прикладывала свои приборы к гладким черным стволам деревьев. С них прямо текло электричество.

На Земле естественная разница потенциалов между поверхностью и верхними слоями атмосферы составляет сотню вольт на каждый метр высоты. На родной планете голова женщины ростом в два метра находится под заметно большим напряжением, чем ее ноги, в особенности если эти ноги набрали избыток электронов, походив по толстому ковру.

На Шиве этот эффект проявлялся куда сильнее. Деревья, как поняла Лисса, поглощали разность потенциалов, создающуюся между скалистой поверхностью Шивы и заряженными слоями возле верхних пределов атмосферы.

«Деревья» являли собой часть еще одного найденного жизнью способа получать от планеты энергию, рожденную действием грубых сил гравитации, массами и моментами. Деревья ощутили присутствие Лиссы весьма быстро. Они давно выработали средства защиты против похитителей, пытающихся ухватить оставшиеся без присмотра напряжение или ток.

Они отреагировали вместе — ибо роща оказалась истинно живой.

Шатаясь, Лисса возвращалась к посадочному аппарату, преследуемая изменчивыми электрическими потоками, посылаемыми то по земле, то по плотному воздуху, и выкрикивала свои заключения в микрофон.

Она уцелела буквально чудом.

* * *

Когда все случившееся было подытожено и пережито, сделалась наконец понятной основная идея. Экология Шивы целиком основывалась на электричестве. Вращение планеты, сильная магнитосфера, приливные напряжения системы Центавра, геологические сжатия и сотрясения давали куда больше энергии, чем способен предоставить один только солнечный свет.

Подобный угол рассмотрения разом задвинул всю биологию на второй план. Напротив, геологи, которые последнее время считали себя обойденными вниманием, нашли такой оборот событий привлекательным. Они начали читать курс лекций по сейсмологии Шивы и встретили общее одобрение.

Конечно, остаточные химические процессы все еще действовали наряду с куда более объемистым перечнем зарядов и потенциалов; их важно было знать, чтобы понимать древнюю биосферу, некогда существовавшую на планете.

Классическая, старомодная биология еще могла кое-что рассказать о здешних кустарниках, проволочных деревьях и лиственных растениях, о маленьких насекомоподобных десятиногих созданиях, о птицах-змеях и костистых, похожих на нож рыбах, носившихся в озерах.

Все эти виды были древними и неизменными. Нечто заключило их в подобие эволюционного янтаря. Облик этих существ не менялся многие сотни миллионов лет.

Однако исследование окаменелостей свидетельствовало о существовании в прошлом более развитых видов. В них усматривалось некоторое подобие млекопитающих; существовали даже

большие создания с трубчатыми телами, отдаленно напоминающие рептилий.

Впрочем, миллионы лет назад все они вдруг исчезли. И не в результате какого-нибудь процесса — все кончилось разом, но без малейшего указания на причину: изменения в биосфере, болезнь или катастрофу.

Возникло подозрение, что их попросту истребили за полной ненадобностью.

Самые развитые существа — судя по наибольшей величине отношения объема мозга к объему тела — исчезли чуть позже прочих. Этот вид начинал в качестве хищника, невысокого и приземистого, в целом похожего на черепаху, только без панциря.

Впрочем, кожистое обличье роднило их с плитками-многоугольниками.

Очевидно, они охотились, не преследуя добычу классическим образом, а обманывая и загоняя ее в засаду охотничьей стаей. Позже они устраивали ловушки, подгоняли добычу к обрыву. Так подозревали социобиологи, имея на то минимум свидетельств.

Для этих более поздних созданий были характерны костные структуры, окружавшие крупный расчетливый мозг. Последующие формы яв-

лялись безусловно разумными и занимались непонятными манипуляциями над окружающей средой. Так и не создав городов и сельского хозяйства, они одомашнили много других видов.

А потом прочие существа исчезли из геологической летописи. Схема биосферы изменилась. На передний план выступили электрические растения, подобные веретенообразным деревьям, и виды, питающиеся пьезоэлектричеством.

После этого исчезли и доминирующие черепахоподобные хищники. Их истребили? На Шиве все виды существ, которые представлялись людям живыми, являлись на деле просто техниками и ремонтниками. Они всего-навсего исполняли свою роль в сложной экологической схеме. Жизненно важные, незаметные и достойные внимания не более чем митохондрии во внутреннем эпителии желудков экипажа «Искателя».

Люди только начинали изучать невероятно сложную электрическую экологию и едва приступали к самым азам. Если Шива действительно является одним организмом, какие же глубинные правила властвуют на нем?

Фокусируя внимание на традиционных элементах органической биосферы, люди упустили из виду главное.

И тогда лазер Круглого океана вновь разрядился. На сей раз звездолет оказался ближе к ударившему копьем в пространство пакету излучения, и люди записали его небольшую долю. За миллисекунду они узнали больше, чем за месяц.

В мозгу человека около 10 миллиардов нейронов, и каждый из них соединен примерно со 100 000 своих соседей. Срабатывающий нейрон передает один бит информации. Однако сигнал определен траекторией, и в лабиринте мозга их 1015. Этот поток информации протекает сквозь мозг последовательностью словно выстреленных из автомата электрических импульсов, проходящих через мириады синапсов. В средней книге содержится около миллиона бит, и одно человеческое существо несет в себе эквивалент миллиарда книг, прекрасно умещающийся в двухкилограммовом куске пронизанного электрическими проводами желе.

В человеческом мозгу одновременно срабатывают лишь от 1 до 10 процентов связей. Нейрон может разрядиться и зарядиться самое большее сотню раз в секунду. Таким образом человеческий мозг способен перерабатывать примерно 1015 бит информации.

Словом, чтобы считать человеческий мозг,

потребуется 100 000 секунд или примерно день.

Хищники-черепахи, по всей видимости, обладали подобными же способностями. Действительно, существовали даже теоретические аргументы в пользу того, что мобильный вид разумных существ способен вместить не больше информации, чем это доступно людям. При всех своих ограничениях человеческий мозг обладает впечатляющими способностями по хранению данных, даже если многие не пользуются ими.

Круглый океан посылал дискретные пакеты информации такого же объема — 1015 бит. впрессованных в могучий миллисекундный импульс. Содержащиеся внутри него отдельные пакеты были разделены кодовыми полосами маркеров. Текст был представлен в численном виде, чему способствовал тот факт, что любое число может быть записано уникальным видом лишь в двоичной системе.

В один миллисекундный импульс лазера укладывалась полная тысяча эквивалентов мозга, целая кладовая. Однако что именно говорили волновые пакеты, осталось полностью непонятным.

Адресат был совершенно очевиден — звезда, расположенная в 347 световых годах от Аль-

фы Центавра, — и никакой ошибки произойти не могло. Зная адрес, проще послать точно нацеленное послание, не расходуя энергию на низкокачественные радиочастоты с их узкими диапазонами.

Земля, конечно, никогда не принимала столь наполненных информацией сигналов, и не потому, что люди не пытались услышать — просто Шива игнорировал их.

После гибели Бэдквора и смертельной опасности, которой едва избежала Лисса, «Искатель» изучал поверхность планеты с помощью роботов. Машины путешествовали вдоль края просторной, покрытой плитками равнины, наблюдая за непрекращающимся шевелением на пьезоэлектрическом пиршестве возле покрытых коркой камней.

Спустя несколько дней люди заметили небольшую и совершенно неподвижную плитку, явным образом вытолкнутую из вечной сумятицы. Окоченевшая и обесцветившаяся, она жарилась под лучами двух солнц. Едва ли достигающая метра в поперечнике и тонкая, она казалась строительной деталью для ранчо в Аризоне.

Роботы унесли плитку. Никто не преследовал их. Мертвый многоугольник явно был отдан во

власть химических процессов, готовых поглотить его тело.

Этот дар небес лишил биологов сна, и, позабыв обо всем, они в течение нескольких дней препарировали добычу. Покрытое жестким серо-зеленым панцирем существо обладало чрезвычайно сложной нервной системой — этого следовало ожидать. Однако почти четверть тела мертвого внеземлянина была отведена мозгу, разделявшемуся на компактные сегменты.

Плиткоподобные создания и в самом деле являлись частью экологического сообщества. Одни они потребляли куда большую долю электрического богатства планеты, чем вся неповоротливая, работающая на химическом приводе биосфера Земли.

Глубоко внутри существа находилась костная структура — точно такая же, как у черепахоподобного хищника. Некогда доминировавший, явно разумный вид не отправился к звездам, составив вместо этого основу причудливой экологии интеллекта.

После биологов к исследованию плитки приступили инженеры, обнаружившие еще и не такое!

Плоские существа впечатляли — хотя бы просто как артефакты своего мира. Их нервная систе-

ма осуществляла целый ворох интерпретаций, оживленных сценариев, выразительных отрывков — явно предназначенных для отправки вовне и объединенных в прекрасно оформленные пакеты электрической информации, закодированной самым причудливым образом. Потому и необходимой была грубая шкура, максимизировавшая пьезосвязи, когда плитки терлись друг о друга. Еще они «разговаривали» между собой через почву: большие приплюснутые ступни передавали токи.

В головах экипажа забрезжило представление о том, что Шива представляет собой невообразимо огромный вычислительный комплекс, оперирующий информационными потоками, на много порядков превышающими всю сумму человеческих знаний. Шива высился над Землей, как человек над каким-нибудь жучком.

Первые сообщения, описывающие биосферу Шивы, достигли Земли четыре года спустя. И в культуре, более века определявшейся дуальной эволюцией общества и компьютеров, вдруг обнаружились тревожные параллели.

Некоторым сообществам, занимавшим развитые регионы Земли, уже казалось, что реальное время наделяет их эфемерными и бесцветными

переживаниями. В конце концов, никто не в состоянии записать время в память, воспроизвести, насладиться, а потом вернуться к пережитому еще раз, пока оно не сделается истинной частью личности. Реальное время существовало только один миг, а потом исчезало.

И посему: некоторые люди предпочитали жить в мирах, полностью произвольных, усеченных, обрубленных, определявшихся технологиями, воспринимавшимися как призрачные ограничения в широком во всем прочем диапазоне.

«Расходуемые реальности», — фыркали некоторые, однако прелесть подобных жизней была очевидной.

Шива являл собой крайний вариант: целый мир, нашедший смысл жизни в компьютере.

Могли ли разумные обитатели Шивы истребить огромное количество своих собратьев? Неужели потом они вымерли сами? Зачем? А может быть, они бежали от чудовищных последствий собственных деяний?

Или же прежние хищники превратились в многогранные плитки?

Экипаж «Искателя» решил всей силой высадиться на поверхность Шивы и разгадать загадку. Послав сообщение на Землю, они начали спуск.

* * *

Голоса с Шивы умолкли почти сразу после высадки. К треску межзвездных помех более не примешивались осмысленные сигналы.

После нескольких лет тревожного ожидания Земля отправила вторую экспедицию к звездам. Она также сумела преодолеть космическую дорогу.

«Искатель» все еще обращался вокруг планеты — но без экипажа.

На сей раз люди были осторожны. Миновали годы, отданные усердным исследованиям, прежде чем начала вырисовываться истина.

* * *

— Джон/Одис/Лисса/Тагор/капитан —

— все собрались/застыли/слились —

— в составную псевдоличность —

— на центральной палубе своего старого звездолета —

— чтобы приветствовать вторую экспедицию.

Во всяком случае, так это выглядело.

Они поднялись с поверхности Шивы в корабле неземной конструкции. Изящное сетчатое

изделие, похоже, скользило вверх на электромагнитных волнах.

Они вошли через главный шлюз, строго выполнив все полагающиеся процедуры.

Однако упорядоченная группа людей, перешедших из шлюза в корабль, мало напоминала экипаж «Искателя».

Они казались моложе. Гладкие вежливые лица смотрели на потрясенных участников второй экспедиции. Двигались они все вместе — шестигранным строем, сохраняя неизменным интервал в четыре сантиметра. Пятьдесят шесть пар глаз рассматривали новый земной корабль, с каждым моментом впитывая какую-то часть поля зрения и как бы запоминая ее для последующего воссоединения всей картины.

Всякое предложение произносилось по слову — последовательно несколькими из них. Эффект получался ошеломляющий: невозможно было понять, как они узнавали, что и когда говорить, ибо фразы не были заученными. Группа реагировала на вопросы пулеметными очередями сентенций, выстреливая слова, будто пули.

Предложения, рикошетируя, заметались по всей служившей для общих сборов палубе, где стояли все уцелевшие участники первой экс-

педиции — стройные люди в бесформенных серых костюмах. Фразы эти — если выделить их — оказывались вполне осмысленными, однако воспринимать их было сложно. Прошла не одна минута, прежде чем вторая экспедиция сумела понять, что эти замершие в шестигранном строю люди пытаются поприветствовать их и приглашают вступить в нечто, именуемое ими Комплектом Существ.

Когда предложение это прозвучало, лица тех, кто стоял в шестиугольном строю, начали приобретать выражение. Записи, сделанные во время этого разговора, демонстрируют смену мимики с фиксированным периодом 1,27 секунды. Каждое отдельное лицо изменялось в последовательности точно выверенных эмоций — гнева, симпатии, смеха, ярости, любопытства, потрясения, недоверия, восторга, — мгновенно сменявших друг друга.

Позже очевидец рассказывал, что гексагоналы (такое имя они получили) знали, что центром экспрессивности у людей является лицо, и потому обратились к какому-то языку, использующему мимику. Процесс являлся для них вполне естественным, и все же период в 1,27 секунды быстро внушил присутствовавшим чувство жгучего

ужаса.

Высокоскоростные записи встречи показали еще больше. Частота 1,27 секунды скрывала обертон более высокого порядка, едва воспринимавшийся человеческим глазом, когда по лицам гексагоналов пробегали другие выражения. Мускульные судороги прокатывались под кожей, как приливные волны.

Именно эта периодичность была характерна для плиток-многоугольников. Подсознательные аспекты оказались быстрее тех, которые может воспринять активный оптический процессор, однако исследования показали, что аудитория, которой они были предназначены, сумела интерпретировать их.

Позже ученые пришли к выводу, что эта быстрая демонстрация как раз и стала причиной возникновения смятения в рядах второй экспедиции. Сами гексагоналы ничего не говорили во время всей процедуры.

Члены второго экипажа утверждали, что пережили тогда нечто жуткое, мерзкое, непереносимое. Общее мнение сошлось на том, что первая экспедиция подобным образом продемонстрировала свою новую сущность. И такие высказывания часто сопровождались спазмати-

ческой гримасой.

Видеозаписи не производят подобного впечатления на аналогичную аудиторию: они сделались классическим примером точного — во времени и пространстве — восприятия смысла события. Тем не менее они выводят из душевного равновесия, и потому доступ к ним ограничен. Кое у кого на Земле после их просмотра случались нервные срывы.

Члены второй экспедиции единодушно сошлись на таком выводе. Очевидным образом экипаж «Искателя» вступил в компьютерный лабиринт Шивы. Чем или как их соблазнили на это, осталось неясным; прилетевшие на втором звездолете боялись даже интересоваться.

Словом, это единственное, короткое соприкосновение с Джоном/Одис/Лиссой/Тагором/капитаном… убедило прибывших к Шиве в том, что спускаться в ее компьютерный лабиринт не следует.

Враждебность, излучаемая вторым экипажем, вскоре заставила гексагоналов отступить на свой корабль и отчалить. Они просто повернулись и направились прочь, выдерживая свой четырехсантиметровый интервал. Мерцание с интервалом в 1,27 секунды прекратилось, и лица

их вновь сделались вежливыми, внимательными и замкнутыми.

Шествие это было строгим, дисгармоничным… и тем не менее приглашающим.

Степень их неудачи явилась мерой бездны, разделившей обе экспедиции. Гексагоналы стали теперь сразу чем-то большим и меньшим, чем люди.

Гексагоналы оставили за собой след, поведавший многое, но в ретроспективе. За отвращением второй экспедиции пряталось откровение: галактику освоили интеллекты формальные и отстраненные, в своем развитии оставившие органическую фазу далеко позади. Подобный разум возникал различными путями — из ранних органических обществ или из наследовавших им машинных цивилизаций, выросших на пепле погибших живых культур. Итак, свет звезд отливал металлическим блеском.

Обескураживало уже представление об умах, непонятных и странных, обитающих в телах, лишенных жил и кожи. Что же касается необъяснимого отвращения к проявлению Джона/Одис/Лиссы/Тагора/капитана… — то можно заметить следующее.

Живший в XIX веке поэт и философ Гете сказал

однажды, что если достаточно долго глядеть в бездну, она, в конце концов, ответит тебе взглядом. Мысль оказалась точной. Хватило и одного взгляда — спокойного и почти что небрежного. Вторая экспедиция запаниковала: незачем заглядывать в бездонную яму.

Люди поняли окончательное следствие эволюции Шивы. Опускаться в миры, полные столь ужасной и глубинной экзотики, можно лишь дорого откупившись — самим телом. Тем не менее все эти столь разные личности присоединились к синтонии Шивы — электрической гармонии, танцу под неслыханную музыку. Совратили их или изнасиловали, навсегда останется неизвестным.

Впрочем, вторая экспедиция научилась извлекать передачи отдельных плиток из потока необработанных данных.

И второй экипаж уловил в них отвратительное величие. Оставаясь органическими в своей основе, привязанные к вечному колесу рождений и смерти, плитки прежде были хозяевами своего мира, и власть их простиралась до всех ведомых пределов.

Теперь они стали терпеливыми, услужливыми трутнями в улье, устройства которого не понимали. Тем не менее — тут человеческая тер-

минология, конечно же, непригодна — подобное превращение было им приятно.

Где же помещалось их сознание? Частично в каждом существе или о нем можно было говорить, только как о какой-то накопленной сумме? Ясного способа проверить обе идеи так и не нашлось.

Существа-плитки представляли собой надежные, терпеливые машины, способные наилучшим образом производить первые стадии грандиозных расчетов. Некоторые биологи сопоставляли их с насекомыми, однако так и не сумели предложить эволюционного механизма, побудившего целый вид заняться вычислениями. Аналогия с насекомыми отмерла, не сумев объяснить реакцию многоугольников на стимулы — даже причину собственного существования плиток.

Или же их бесконечное шевеление служило не только потребностям расчетов? Многоугольники не рассказывали об этом. Они никогда не отвечали людям.

Колоссальный атмосферный лазер с Круглым океаном вспыхивал регулярно — как только вращение планеты и ее орбитальное движение позволяли прицелиться в окрестности новой

звезды-партнера. Импульсы уносили интеллект-пакеты, полные немыслимых данных, собранных чуждым разумом.

Второй экипаж изучал, передавал отчеты. И сперва неторопливо, но потом со все большей силой людей охватывал ужас.

Исследователи не могли промерить глубины Шивы и постоянно теряли членов экипажа. Учитывая воистину неизмеримую экзотику окружения, гибель приходила к людям самыми разнообразными способами.

В конце концов, они ограничились дистанционными исследованиями Шивы.

Впрочем, невзирая на все старания, их труды рано или поздно наталкивались на барьер. Теории рождались и умирали — бесплодно. И, наконец, люди бежали.

Одно дело вещать о постижении нового, о знакомстве с загадочным и неизвестным. И другое — ощущать себя насекомым, ползущим по страницам энциклопедии, понимая лишь, что под тобой находится нечто внушительное и недоступное для восприятия: не более чем какая-нибудь зияющая пустота.

Таким был первый контакт человечества с истинной природой галактики. И он не мог остаться

единственным. Однако чувство предельного и полного ничтожества не оставляло вид homo все последовавшие странные тысячелетия.

Медленная симфония массы и времени

Тени произведений Роджера «Кладбище слонов» и «Остров Мертвых» в сочетании с неподражаемым талантом физика Грега Бенфорда породили лихорадочную погоню через массу-время, к которой применим любой эпитет, кроме «медленная».

Эта погоня через всю галактику началась на одной шикарной вечеринке.

Представьте себе галактику в виде роя ярких разноцветных пчел, парящего в воздухе, как пестрый шар. Затем раздавите рой чем-нибудь прямо в полете, так, чтобы он превратился в плоский диск. Темные пчелы летят вместе с цветными, и эти темные линии, перемешиваясь с яркими, закручиваются облачной спиралью.

Пчелы злые, они жужжат и кусаются. И бесконечно роятся.

Вот что такое галактика на взгляд со стороны. У звезд нет воли, их курс и судьба теперь в руках маленьких сущностей о большими претензиями:

люди теперь повелевают Всем.

Во всяком случае, такой точки зрения придерживаются дамы и господа галактической империи, протянувшейся через весь этот спиралеобразный диск: они царят над всем в своей забывчивости. Звезды выполняют их повеления. Пчелы жужжат, повинуясь мановению имперской брови.

До тех пор, пока один повелитель не восстанет против другого. Тогда люди становятся такими, какими их создали: смышлеными всеядными приматами, гримасничающими и скалящими зубы друг на друга. Во всех сотнях миллиардов миров древняя кровь стучит и поет в жилах.

Среди гостей на этой вечеринке присутствовали некоторые из этих первобытных созданий, хотя их трудно было распознать под благообразной внешностью и кажущейся мягкостью и рафинированностью манер.

Начиналось все, как водится, совершенно невинно.

Богатая пышнотелая женщина по имени Виссиан схватила его за рукав и вытащила обратно в богато декорированную гостиную. «Сэр Зеб, вы *гвозд*ь вечера! Сэр Зеб, моим гостям есть столько *рассказат*ь вам».

Подумать только, он *хотел* попасть сюда! Почувствовать аромат перемен. И уже начинал уставать от этой планеты, Сирны. Сэр Зеб, надо же. Ему совершенно не нравилось так много путешествовать, о чем он часто забывал.

Даже здесь, в удаленном Секторе, тяжелая рука Империи лежала на всем: искусстве, стиле. Сущность империи представала здесь во всей свой незыблемости; ее вкус тяготел к монументальным формам. Жесткие прямые линии вертикальных плоскостей, выверенные параболы арок, тяжелая каменная кладка — все безупречно правильно и лишено смущающих разум вольностей. Он слегка фыркнул при виде вычурных драпировок и двинулся навстречу толпе, встречавшей его с предельно вежливыми лицами.

Виссиан продолжала разглагольствовать: «…наши самые блестящие умы жаждут познакомиться с вами! Прошу вас!»

Он подавил стон и искательно оглянулся на Фирну, которая была его консортом уже целых десять лет; нечто из ряда вон выходящее в имперских кругах. Она улыбнулась и покачала головой. Ей было не под силу спасти его от этой напасти.

— Сэр Зеб, что вы думаете о таинственных событиях в галактическом центре?

— Мне они по вкусу.

— Но представляют ли эти магнитные сущности угрозу? Они ведь такие огромные?

— И мудрые. Относитесь к ним, как к гигантским дремлющим библиотекам.

— Но они повелевают такими энергиями!

— Тогда относитесь к ним, как к чудесам природы вроде водопадов.

Это замечание вызвало вежливый смех в толпе, полумесяцем сгрудившейся возле него.

— Некоторые в Совете полагают, что мы должны предпринять против них какие-то действия! — воскликнула худая женщина в пушистом бархате, стоявшая с краю толпы.

— Я бы предпочел сражаться с ветром, — сказал Зеб, взяв у проходящего мимо карлика-слуги стимулирующий напиток.

— Сэр Зеб, вы же не можете так легко относиться…

— Я в отпуске, сэр, и могу принимать вещи такими, как они есть.

— Но сами вы, сэр Зеб, видели эти магнитные структуры?

— Нити длиной в сотни световых лет — да. Они прекрасны.

Кто-то спросил с круглыми глазами: «Это было

опасно?»

— Разумеется. Никто не заглядывал в центр галактики. Лишь тяжелые протоны пересекают его, а вирулентные рентгеновские лучи освещают им путь.

— Но почему вы рискнули?

— Я — просто дурак, мадам, работающий ради вас, людей.

И тому подобное.

Если поначалу он воспринимал Виссиан как песчинку в башмаке, то теперь она превратилась в булыжник. Час спустя Фирна затащила его в альков и торопливо сказала: «Меня кое-что беспокоит. Похоже, за нами следят. Мы всего в одном червячном прыжке от сборного пункта подразделений флота».

Зеб на время разрешил себе забыть о политике: государственным деятелям так редко выдается отпуск.

— У меня здесь должна быть надежная охрана. Кроме того, я могу получить срочное сообщение по червячной связи, чтобы…

— Нет, тебе нельзя пользоваться связью. Спекулисты могут легко проследить нас.

Фракции, фракции. Пока он предавался здесь безделью, ситуация изменилась. Он гостил здесь

в качестве Губернатора другого Сектора и находился под номинальной защитой. У него были и свои телохранители, рассеянные здесь в толпе. Но у Спекулистов была сильная поддержка в этом регионе галактики, и действовали они безжалостно. Зеб посмотрел из окна на открывающийся вид, который, он не мог этого не признать, был весьма впечатляющим. Бесконечные просторы. Буйная растительность.

Но горизонт бушевал пожарами. Здесь на улицах царило веселье… и злоба. Их лаборатории бурлили новыми энергиями, повсюду красовались инновации, сам воздух, казалось, пел от непрестанных изменений и хаоса.

Крайности богатства и нужды были ужасающими. Он знал, что они вызваны изменениями.

Мальчиком он видел нищету… сам жил в нищете. Его бабушка настояла на том, чтобы купить ему дождевик на несколько размеров больше, «чтобы дольше прослужил». Мать не любила, когда он играл в кикбол, потому что он слишком быстро изнашивал ботинки.

Нищие на этой планете были вытеснены на окраины. Иной раз они не могли себе позволить даже органическое топливо. Мужчины и женщины целыми днями пялились в задницу мула,

тащившего соху, в то время как в бархатистых небесах завывали космические корабли.

А здесь… В высших кругах с блеском был освоен язык тела. Тщательно разработаны позы, обозначающие Доверие, Нетерпение, Подчинение (пять оттенков), Угрозу, Уважение, Застенчивость и десятки других настроений. Закодированные и воспринимаемые на подсознательном уровне, эти позы вызывали особое неврологическое состояние как у самого демонстранта, так и у окружающих. Зародыши этой системы можно было отыскать в танце, политике и боевых искусствах, но, будучи систематизированы, они могли выразить гораздо больше. Как и в случае привычного языка, на помощь приходил словарь.

Зеб испытывал неловкость во время приема. Что означали все эти завуалированные угрожающие позы? Была ли его охрана адекватной?

Он быстро придал телу позу, источающую уверенность в себе, как он надеялся. Но подсознательная тревога не покидала его. А десятилетия политической деятельности научили его относиться к своим инстинктам с доверием.

— Губернатор! — пронзительный голос Виссиан спутал его мысли.

— Кстати, как насчет обещанной экскурсии по

окрестностям? Я не очень-то…

— О, боюсь, это невозможно. Небольшие местные волнения, к великому сожалению.

Зеб почувствовал облегчение, но Виссиан продолжала трещать, разглагольствуя о новых мероприятиях, балах и экскурсиях на завтра. Затем она вскинула брови и радостно сообщила: «Ах, да, у меня для вас еще приятные новости. Только что прибыла имперская эскадра».

— В самом деле? — вмешалась Фирна. — Под чьим командованием?

— Адмирала Кафалана. Я только что разговаривала с ним…

— Черт! — не выдержала Фирна. — Это же креатура Спекулистов.

— Ты уверена? — спросил Зеб. Он знал, что означают ее краткие паузы в разговоре — она консультировалась со своей внутренней файловой системой.

Фирна кивнула. Виссиан весело продолжала: «Что ж, я уверена, что ему будет оказана честь отвезти вас в ваш Сектор, когда ваш визит окончится. Что, как мы надеемся, случится не скоро…»

— Он говорил об этом? — спросила Фирна.

— Он спросил, нравится ли вам здесь…

— Проклятье! — пробормотал Зеб.

— Адмирал может контролировать всю червячную связь, если пожелает… так? — спросила Фирна.

— Да, полагаю, что так. — Виссиан выглядела озадаченной.

— Мы в ловушке, — сказал Зеб.

Глаза Виссиан округлились от изумления. «Но вам, Губернатор, безусловно, нечего бояться…»

— Тихо. — Фирна оборвала женщину жестким взглядом. — В лучшем случае этот Кафалан запрет нас здесь.

Фирна потащила их обоих в боковую галерею. Виссиан казалась ошарашенной такой бесцеремонностью, хотя Фирна была как консортом, так и телохранителем. Вообще-то они с Зебом давно могли бы стать супругами, если бы не социальные условности.

Боковая галерея изображала тропическую грозу на некой безымянной планете, джунгли, иссеченные ливнем и освещаемые вспышками пурпурных молний. Странные вопли доносились сквозь завывание ветра.

— Обратите внимание, когда имперские художники изображают природу, она всегда имеет угрожающий вид, — цинично заметила Фирна,

проверяя свои детекторы, вживленные в позвоночник и руки.

— Они по-прежнему рядом? — спросил Зеб, шикнув на Виссиан.

— Да, но у них бороды.

В ответ на его озадаченный взгляд она пояснила: «Я имею в виду, они замаскированы».

— Ах. — Они нырнули в следующую галерею, пытаясь выглядеть безмятежными. Здесь декорации были поспокойнее, изображая грандиозный уличный ландшафт и висячие сады. — Мм, и здесь никого. Где же настоящие тени?

— Я заметила одну. Но их должно быть больше.

«Никто не посмеет похитить вас из моей гостиной…» — ревниво сказала Виссиан.

— Возможно, но может произойти «несчастный случай», — ответил Зеб.

— Почему этот Адмирал нагрянул именно сейчас?

— Триггеры сверхновых, — объяснил Зеб.

После изобретения триггеров войны стали гораздо более опасными. Солнечная система может быть «зачищена» — чудовищный термин, применяемый агрессорами с давних пор, — путем спровоцированного взрыва небольшой сверх-

новой в толще существующего солнца. Взрыв поджаривал планеты до такой степени, что испепелял все живое за исключением тех, кто успевал забраться в самые глубокие пещеры и запастись провизией на несколько лет, пока сверхновая не вступала в фазу нормального солнца. Флоту требовался запас сверхновых, а Зеб возглавлял оппозицию этому оружию.

— Адмирал любит свои игрушки, — кисло сказал он, опуская палец в напиток, который все еще держал в руке, не рискуя попробовать его. Они вернулись в главную гостиную, дабы гости не заметили, что они удручены новостью.

— Нет ли другого способа удрать с Сирны? — спросила Фирна у Виссиан.

— Сложный вопрос…

— Подумайте!

Изумленная Виссиан сказала: «Ну, конечно, у нас есть частники, которые время от времени используют диких червей — деятельность, которую в лучшем случаем можно назвать квазилегальной, но…»

За время своей карьеры Зеб вывел любопытный маленький закон. Теперь он обратил его в свою пользу.

Бюрократия увеличивается во времени в гео-

метрической прогрессии. На персональном уровне это вызывается настоятельным стремлением каждого менеджера нанять по меньшей мере двух помощников. Это порождает временную константу для роста.

Время от времени этот процесс вступает в противоречие с возможностями общества. При наличии известной временной константы и возможностей можно предсказать крайний уровень бюрократического избытка, или иначе, если рост продолжается, дату коллапса. Предсказания длительности существования обществ, руководимых бюрократией, соответствуют определенным точным кривым. Удивительно, но те же графики работали и для микрообществ, например больших агентств.

Неповоротливые имперские бюро на Сирне не были способны реагировать быстро. Эскадре адмирала Кафалана придется поторчать в околопланетном пространстве, поскольку ее визит был сугубо формальным. Из этого можно было извлечь свою выгоду. Кафалан не станет применять грубую силу, пока действует игра в ожидание.

— Так, понятно. Это дает нам несколько дней, — сделала вывод Фирна.

Зеб кивнул. Он уже сделал все доклады, провел

переговоры, слушания, поучаствовал в благотворительных мероприятиях — деятельность, которую он активно недолюбливал. Фирна негласно собирала информацию.

— Как?..

— Поездом.

Паутина червячных нор, собственно, и создала галактическую империю. Возникшие при первых спазмах Большого Взрыва, они сначала лишь изредка попадались плавающими в межзвездном пространстве, зато теперь стали ценнейшим ресурсом империи.

Конечно, у этого способа сообщения были свои неудобства: черви начинались и заканчивались, как хотели и где хотели. Червячный прыжок мог вынести вас в черный вакуум за много световых лет от планеты назначения. Гиперкорабли проносились по червячным ходам за считаные секунды, а затем истощали все запасы топлива, перетаскивая свои грузы через пустынные пространства, что стоило лет и десятилетий труда.

Червячные ходы были лабиринтами, а не просто туннелями с входом и выходом. Большие ходы существовали миллиарды лет — не один ход больше сотни метров в диаметре еще ни разу не схлопнулся. Маленькие же черви жили иногда

несколько часов, в лучшем случае год. В тонких червях сочленения стенок могли изгибаться *во время* полета корабля, изменяя конечный пункт путешествия.

Что еще хуже, на поздней стадии своего существования черви порождали нестойкую, обреченную на скорую гибель молодь — диких червей. Будучи деформациями в пространстве-времени, усиленными «подпорками» из негативной энергии-плотности, все черви обладали наследственной неустойчивостью. Когда они погибали, от них отделялись меньшие деформации.

У Сирны было семь червячных ходов. Один сейчас как раз умирал в грандиозной агонии.

Он висел в световом часе от планеты, выплевывая диких червей разного диаметра — от совсем маленьких, толщиной в руку, до нескольких метров в обхвате. В губчатом пространстве-времени негативных подпорок из энергии-плотности время могло ползти или мелькать, что было совершенно непредсказуемо. Этот червь покидал нашу Вселенную в патоке медленной пытки.

Несколько месяцев назад от умирающего червя отпочковался достаточно объемистый дикий червь. Имперской эскадре об этом, конечно, было неизвестно. Путешествие в зарегистрированных

червях облагалось высоким налогом, поэтому свежий свободный червь был настоящим золотым дном. Докладывать об их существовании, ну… часто у планеты просто не доходили до этого руки, пока дикий червь не исчезал в субатомном вихре.

А до тех пор пилоты перевозили через них грузы. Дикие черви могли испариться в течение нескольких секунд, что делало ремесло такого пилота опасным, высоко оплачиваемым и легендарным.

Пилоты диких червей относились к той породе людей, которые детьми любили кататься на велосипеде без рук, с той лишь разницей, что теперь они катались с крыш.

По логике, такие дети вырастали, получали образование и даже платили налоги — но в душе оставались детьми.

Только такие отчаянные парни могли пробираться через хаотические извивы быстро исчезающих червей и рисковать, но рисковать так, чтобы из этого выходил толк, и никак не иначе, да еще и умудрялись выжить. Они превратили свою храбрость в точнейшее орудие труда.

— Эти дикие черви очень ненадежны, — сказала грубоватая женщина Зебу Фирне. — И потом,

если вы поедете вместе, для пилота уже не останется места.

— Мы не должны разлучаться, — бескомпромиссно сказала Фирна.

— Тогда вам придется пилотировать.

— Но мы не знаем как, — растерялся Зеб.

— Вам повезло, — невесело усмехнулась женщина. — Этот дикарь короткий, им нетрудно управлять.

— Каков же риск? — напряженно спросила Фирна.

— Я не страховой агент.

— Я настаиваю на том, чтобы нам сказали…

— Послушайте, леди, мы вас научим. Таковы условия сделки.

— Я рассчитывала на большее…

— Или вы принимаете наши условия, или вообще никакой сделки не будет.

В мужском туалете над писсуаром Зеб увидел золотую табличку: *«Сеньор Пилот Жокуан Бьюнн облегчился здесь 4 октдента 13.435».*

Приглядевшись, он увидел, что над каждым писсуаром красуется аналогичная табличка. Над стиральной машиной в кладовой большая табличка сообщала: *«Весь Пилотный Корпус 43д облегчился здесь 18 марласса 13.675».*

Пилотский юмор, однако весьма символичный. Зеб поспешил на свой первый тренировочный полет.

Для того чтобы уменьшить опасность от схлопывания короткого червячного хода, у червепилотов были при себе спасательные аппараты. Они действовали только в полях, окружавших червя, где гравитация начинала сворачиваться, а пространство-время было искривлено не слишком сильно. Под сиденьем находилась маленькая мощная ракета, которая могла нести кокпит, автоматически уводя его от червя.

Однако в маленький кокпит помещалось весьма ограниченное количество приборов и оборудования. Положение усугублялось тем, что рот червя мог исторгать такие электродинамические «погодные условия», как мощные молнии, голубые разряды и красные магнитные вихри наподобие торнадо. Если во рту червя бушевала такая «гроза», электрооборудование не действовало. Поэтому управлять приходилось главным образом вручную. Способ безнадежно устаревший, но неизбежный.

Они с Фирной прошли первую ступень тренировочной программы. Очень скоро стало ясно, что, если используешь команду EJECT, надо зара-

нее позаботиться о том, чтобы откинуть голову назад, если не хочешь размозжить себе нижнюю челюсть собственными коленными чашечками, что было бы нежелательно, ибо тебе еще предстоит проверить, не вошел ли твой спасательный аппарат в штопор. Это было бы плохой новостью, ибо его траектория может свернуть обратно в червя. Чтобы избавиться от штопора, надо было дернуть за красный рычаг, а если и это не поможет, приходилось очень быстро — примерно за полсекунды — нажать две синие кнопки. Когда вращение начнет замедляться, предстояло отпустить автоматический привод, переведя вниз два желтых переключателя, и при этом сидеть прямо, зажав руки между колен, чтобы избежать…

…и так далее в течение трех часов. Всем казалось, что такой известный политик, искушенный в хитроумных галактических протоколах, будет схватывать все в какие-нибудь доли секунды.

После первых десяти минут он не счел целесообразным разрушать их иллюзии и просто кивал и щурился, показывая, что улавливает суть и в высшей степени доволен происходящим. Между тем он решал в голове шахматные этюды для практики.

Он прогуливался в сопровождении телохрани-

телей, когда Адмирал прислал поздравительную открытку.

Они медленно шли по парку. Ближайший к нему телохранитель, некий Ладоро, что-то говорил в переговорное устройство, закрепленное на запястье. Парк представлял собой рекреацию в имперском стиле, с журчащими ручейками, взбегающими вверх на холмы. Это был эффектный трюк, основанный на хитроумно заряженный электродинамических потоках, преодолевающих гравитацию. Телохранителям нравился этот аттракцион; Зеб находил его слишком очевидным.

Случилось так, что он в тот момент как раз смотрел на Ладоро, своего старейшего телохранителя, коренастого мужика, чей послужной список насчитывал без малого век беспорочной службы. Позже Зеб сообразил, что Адмиралу, видимо, было это известно. Тем отточенней оказался его ход.

Ладоро осел, запрокинув голову, словно увидел что-то в небе. На лице у него промелькнуло вопросительное выражение. Он качнулся назад, изогнулся и рухнул, ударившись лицом о подстилку из мха. Охранник даже не выставил вперед руки, чтобы смягчить удар.

Двое других охранников оттащили Зеба за стену за две секунды. Вокруг было слишком

много открытого пространства и слишком мало укрытий, чтобы передвигаться. Он съежился на корточках, не разглядев даже, кто стрелял. Немного погодя Зеб рискнул выглянуть из-за края стены и увидел Ладоро, распростертого без движения.

Потом наступило затишье. Никакого движения.

Зеб вызвал в памяти образ лежавшего Ладоро. Розовая кровь вытекала из верхней части спины. Абсолютно смертельная точка в позвоночнике, в четырех сантиметрах ниже шеи. Килоджоули энергии, сфокусированные в пучок, толщиной с ноготь.

Такой концентрированный пучок энергии сделал бы свое дело, даже если бы был направлен в бедро или живот. Но направленное с такой точностью в главную костную ось человека массивное давление на спинномозговую жидкость было подобно ветру, задувшему свечу, — мозг отключался в доли секунды.

Ладоро падал, будучи уже полностью стертым. Мягкий удар и вечная тишина.

Зеб поднял руку и увидел, что она трясется. Хватит ждать. «Идем. Здесь они могут устроить все, что угодно».

Охранник сказал: «Сэр Зеб, я бы не советовал…»

— В меня и раньше стреляли, сынок.

Что ж, полагаю, мы можем отстреливаться на ходу…

— Так и сделаете. Идем.

Они пробирались вдоль ручейка, сбегавшего с холма. Отряд вновь прибывшей охраны рассыпался по парку. Разряд был выпущен из некой точки позади Ладоро. Подходя к мертвому охраннику, Зеб старался, чтобы между ним и этой точкой были скалы. На Ладоро он смотрел из-за ближайшего валуна. Голова телохранителя была повернута набок, глаза все еще открыты, изо рта в сухую грязь стекала слюна. Самым страшным были глаза, уставившиеся в бесконечность, которую никто не видит больше одного раза.

Прощай, друг. Мы делили с тобой время, смех и световые годы. Ты не единожды спасал мою задницу. А теперь я ничего не могу для тебя сделать.

Что-то шевельнулось справа от него, эфемерный шар из пылинок. Полицейские, вернее их местное проявление.

Шар замигал, закрутился и сказал низким басовитым голосом: «Мы сожалеем».

— Кто это сделал?

— Мы подозреваем имперский источник. Наша защитная система была нарушена характерным способом, сэр.

— И что вы можете предпринять?

— Я буду защищать вас.

— Ладоро вы не смогли защитить.

— Я прибыл с небольшим опозданием.

— *Небольшим?*

— Вы должны извинить нас. Наши возможности ограничены.

— Чертовски ограничены.

— Ни одно место не может считаться абсолютно безопасным. Здесь, однако, безопаснее, чем где бы то ни было. Я уже извинился перед мадам Виссиан…

— Передайте Адмиралу, что я получил его приглашение.

— Сэр?

— Я уверена, все будет в порядке, — неискренне сказала Виссиан, стоя рядом с Зебом и Фирной в зале вылета.

Зеб вынужден был признать, что эта женщина оказалась лучше, чем он рассчитывал. Она расчистила им путь, задержав имперских офицеров. Возможно, она втайне надеялась на вознаграждение, но у нее было на это право.

— Надеюсь, я смогу справиться червячным кораблем, — сказал Зеб.

— Я тоже, — вставила Фирна.

— Наши инструкторы самые лучшие, — сказала Виссиан, хмуря брови. — Я надеюсь, вас не беспокоит то, что червь дикий?

— Это вполне надежно, — сказал он.

Им предстояло лететь в узком цилиндре, Фирна выступала в роли второго пилота. Разделение обязанностей оказалось единственным способом выйти на уровень относительной компетентности.

— Я думаю, это будет волнующее путешествие, но не могу не восхищаться храбростью вас обеих.

— Выбор у нас невелик, — сказала Фирна. Она лукавила. Еще день, и офицеры Адмирала взяли бы Зеба и Фирну под арест, а затем умертвили.

— Но лететь в маленьком кораблике, похожем на карандаш. Такое примитивное средство передвижения!

— Хм, пора идти, — сказал Зеб, напряженно улыбаясь. Она опять испытывала его терпение.

— Я согласна с Императором. Любая технология, не использующая магию, недостаточно прогрессивна.

Зеб почувствовал, что в животе у него что-то трепещет от страха. «Вы попали в самую точку».

Он постарался забыть о неприятном разговоре.

Четыре часа спустя, сближаясь на большой скорости с большим комплексом червячных ходов, он понял, что она имела в виду.

Зеб сказал Фирне по переговорному устройству: «Во время одного из моих университетских курсов — кажется, это была нелинейная философия — профессор сказал нечто такое, чего я не могу забыть до сих пор. «Все идеи о существовании бледнеют перед фактом существования». Чертовски верно».

— Азимут ноль шесть девять пять, — жестко ответила она. — Никаких посторонних разговоров.

— Здесь нет ничего постороннего… кроме пасти этого дикого червя.

Дикий червь был искрящейся точкой вибрирующего пространственного возмущения. Он ярким пятном вращался вокруг пасти основного червя.

Имперские корабли патрулировали основного червя, игнорируя дикого. Теперь оставалось ждать большого транспорта, чтобы проскочить мимо имперских патрульных.

Галактика была, если разобраться, хаосом об-

ломков, закручивающихся на дне гравитационной ямы космоса. Черви делали ее проходимой.

Далеко внизу планета сверкала своей пышной красотой.

На границе терминатора долины бесповоротно соскальзывали во тьму, в то время как цепи снежных вершин продолжали белеть. Поздним вечером, в зоне терминатора, но вблизи его границ, горные пики горели ярко-оранжевым огнем, словно живые угли. Горные вершины прокалывали облачные покровы, высовывая свои кряжи, словно кильватеры. Тропические бури, освещаемые вспышками ночных молний, напоминали распускающиеся бутоны белых роз.

Не менее впечатляли и человеческие творения. Средоточия огней обозначали ночные города, опутанные паутиной шоссейных дорог. Сердце Зеба преисполнилось гордости при виде достижений человечества. Здесь рука его имперских сограждан все еще продолжала украшать смелым узором кору планеты. Они создали искусственные моря и эллиптические водные бассейны, огромные квадратные массивы возделываемых полей, в безупречном порядке проступающих на некогда девственных землях.

— Как красиво, — прошептал он. — И мы бежим

отсюда, спасая свои жизни.

Фирна засопела. «Ты теряешь вкус к политике».

— У тебя в душе не осталось поэзии.

— Только когда я не на работе.

Он увидел, как зависшие в отдалении корабли начали набирать скорость, расцветая яркими хвостами выхлопов. «Многие верят, что ранняя Империя была гораздо более приятной структурой, безмятежной и миролюбивой, с редкими конфликтами и гораздо меньшим количеством людей».

— Хорошее начало, плохой конец, — сказала Фирна, уклоняясь от разговора.

— Вне всяких сомнений, ты права. Обрати внимание на приближение Адмирала.

Теперь и Фирна их увидела. «Черт! Они засекли нас». У нас остается последний шанс заставить червя бежать.

— Но они… они пустятся в погоню.

Зебу случалось уже проходить через червячные ворота, но всегда на больших лайнерах, прокладывавших путь через ходы, насчитывавшие десятки метров в диаметре. Каждый ход такого размера был целым транспортным комплексом, гудевшим от тщательно упорядоченного движе-

ния. И сейчас можно было разглядеть платформы, движущиеся через боковые коридоры основного туннеля.

Их же дикий червь, незаконный отпрыск, мог исчезнуть в любой момент. Извергаемая им квантовая пена свидетельствовала о его смертности. *И может быть, нашей…* подумал Зеб.

— Векторная нулевая сумма приближается, — крикнул он.

— Сближающиеся асимптоты, проверь, — отозвалась Фирна.

Подобно сверлу они ввинтились в ход.

Но на них надвигалась сфера, окруженная оранжево-пурпурным сиянием. Неоново-яркая пасть. С узким черным центром…

Зеб ощутил внезапное желание увильнуть, не нырять в этот неправдоподобно узкий пищевод.

Фирна выкрикивала числа. Компьютер прокладывал курс, поворачивая их летающий карандаш под нужным углом, выравнивая его легкими ударами маневровых двигателей.

То, что он знал азы физики, не помогало. Червячные ходы оставались открытыми благодаря слоям негативной энергии, подобным луковой шелухе, покровам антидавления, возникшим при первых конвульсиях вселенной. Отрицательная

энергия в «стратах» была эквивалентна массе, необходимой для образования черной дыры того же радиуса.

Таким образом, они погружались в область пространства невообразимой плотности. Но опасность таилась лишь по границам этой области, где неимоверное напряжение могло разорвать их на атомы.

Вошли они точно в яблочко, но любая ошибка…

Только не задеть стенки…

Двигатели пульсировали. Дикий червь изнутри походил на черную сферу, окруженную квантовым огнем.

Он рос.

Зеб внезапно почувствовал чудовищную беззащитность их корабля-карандаша. Не больше двух метров в диаметре, с тончайшими стенками, уменьшенными до предела буферами безопасности. Где-то сзади Фирна продолжала бормотать числа, а он проверял… но часть его беззвучно кричала от сокрушительного чувства уязвимости и беспомощности.

Он никогда не любил путешествовать… Липкий страх сдавил горло.

— Векторы суммируются в пределах ноль семь

три, — выкликала Фирна.

Ее голос был спокоен, ровен, действовал, как волшебный бальзам. Он уцепился за безмятежную уверенность этого голоса и поборол собственную панику.

— Дай свои выкладки, — потребовала она.

Он отстал! Рефлексируя, он потерял нить.

Мгновенным усилием он сумел сделать свой мозг двухкамерным. Две независимые сущности выполняли свои задачи, общаясь между собой только по желанию. Выкладки каждого сливались в один результат.

— Вот. — Он продиктовал свои ответы, последние расчеты меняющихся приливов давления, в которые они теперь ввинчивались.

Визг двигателей, корректирующих курс в последнюю секунду, эхом отдавался в тесной кабине.

Молнии зазмеились вокруг, синие с золотом…

…Переворот. Они вылетели из другого конца туннеля, прямо в червячный терминал за пятнадцать тысяч световых лет от Сирны.

— Тот старый профессор… как он был чертовски прав, — сказал Зеб.

Фирна вздохнула, и это был единственный вздох, выдававший ее напряжение. «Идеи о

существовании бледнеют… перед фактом существования. Да, любовь моя. Жизнь больше, чем любые разговоры о ней».

Их приветствовало желтовато-зеленое солнце. А вскоре появился и имперский патрульный катер. Адмирал был позади, но каким-то образом опередил их.

Им оставалось только вильнуть в сторону и бежать. Быстрый маневр, и они пристроились к большому каравану, направлявшемуся к пасти крупного червячного хода. Коммерческие компьютеры приняли их имперское вторжение без возражений. Тренировки не прошли Зебу даром. Если он слегка ошибался, Фирна поправляла его.

Их второй прыжок в гиперпространстве занял какие-нибудь три минуты. Они вынырнули вдали от тусклого красного карлика.

Третий прыжок стал уже рутиной. Наличие кода-статуса имперского двора снимало все возражения.

Но быть в бегах означало пользоваться первыми попавшимися червячными трассами. Люди Кафалана не могли остаться далеко позади.

Движение в червячном туннеле могло быть только односторонним. Высокоскоростные корабли прокладывали путь через горловину

туннелей, диаметр которых варьировался от длины пальца до величин, соизмеримых с диаметром звезды.

Зебу, конечно, были известны цифры. В галактическом диске насчитывалось несколько миллиардов червячных ходов, рассыпанных среди нескольких сотен миллиардов звезд. Радиус среднего имперского Сектора был примерно пятьдесят световых лет. Прыжок, однако, мог унести вас за много лет от отдаленного мира.

Это способствовало освоению космоса. Некоторые цветущие планеты казались зелеными оазисами среди пустыни. Империя представлялась здесь далеким сном, источником экзотической продукции и невероятных идей.

Червячная паутина имела много выходов возле обитаемых миров, но не меньше — возле таинственно бесхозных солнечных систем. По странной прихоти межзвездные туннели, опутывавшие Империю, открывали относительно небольшие рты — размером, может быть, с горный кряж — рядом с богатыми планетами. Но некоторые червячные пасти поистине гигантских размеров вращались вокруг солнечных систем, которые, по данным всех разведок, были голыми и безжизненными.

Было ли это случайностью или работой неких более ранних цивилизаций? Археологи склонялись к последнему. Разумеется, сами червячные ходы были последствиями Большого Взрыва, положившего начало времени и пространству. Они соединяли удаленные друг от друга области, которые соседствовали в те давние времена, когда галактика была юной и маленькой. Дифференциальная спираль диска перераспределила червячные ходы. Но кто-то — или, скорее, что-то — постарался, чтобы они хотя бы вращались около звезд.

Они уловили ритм. Прыгнули через пасть червя, связались по переговорнику с администрацией терминала, пристроились в очередь к каравану. Имперские наблюдатели не могли выбросить из очереди лицо такого высокого уровня. Так что самый опасный момент наступил при переговорах об их идентификации.

На этом Фирна уже собаку съела. Она посылала Администратору червячной сети мегабайты данных, и — *вжик* — они уже встраивались в орбитальный вектор, готовые к следующему прыжку.

Однажды они заметили барочные обводы адмиральского корабля, выскакивающего из

червячной пасти через несколько минут после того, как они проделали то же самое. Но в суете коммерческого транспорта им удалось ловко затеряться в очереди. Потом они нырнули в следующее отверстие, надеясь, что Кафалан их не заметил.

Змеящиеся, сверкающие внутренности червей в этот раз показались Зебу почти успокаивающими. У этого червя пасть была меньше, зато глотка длиннее; путешествие заняло несколько изматывающих мгновений.

Материя может лететь в червячном туннеле только в одну сторону. Несколько экспериментов со встречным движением кончились катастрофой. Несмотря на всю изобретательность инженеров, гибкие сочленения туннеля сеяли разрушения. Каждая пасть червя «информировала» остальных о том, что она только что съела. Эта информация распространялась волнообразно, но не материально, а в виде напряжения самого червячного хода — физики называли это гребнями «ударного тензора».

Корабли, пролетающие сквозь оба рта — входной и выходной, — посылали ударные волны, распространяющиеся навстречу друг другу и зависящие от местоположения и скорости кораб-

лей. Волна сжимала горловину, и, когда волны встречались, стенки тоже начинали сжиматься.

Важным моментом было то, что две волны после встречи вели себя по-разному. Одна замедлялась, а другая ускорялась нелинейным образом.

Одна волна могла расти, другая сжиматься. Большая волна заставляла горловину сжиматься до толщины сосиски. Когда корабль подлетал к такой сосиске, он *мог* проскочить, но вычислить это было титанической работой. Если же горло-сосиска должна была встретить два корабля, гибель оказывалась неизбежной.

Это была уже не техническая проблема. Это было реальное ограничение, налагаемое законами квантовой гравитации. Из этого непреложного факта выросла развитая система охранных пунктов, налогов, правил, очередей — весь этот бюрократический аппарат, который, безусловно, имеет цель, большую часть которой представляет он сам.

Зеб научился рассеивать тревогу, любуясь видами. Солнца и планеты, исполненные светящейся красоты, проплывали в черноте.

Но за этим великолепием, он знал, таились миллионы повседневных забот.

Из расчетов параметров червячных ходов вытекали простейшие экономические факты. Между планетами А и В могло быть полдюжины червячных прыжков — Гнездо было чем-то вроде астрофизической подземки с системой пересадок. Каждая пасть означала дополнительные платы и пени за каждый транспорт.

Контроль за целым торговым путем приносил максимальную прибыль. Борьба за этот контроль велась бесконечно, зачастую жестоко. С точки зрения экономики, политики и «исторического момента» — это означало придание событиям некоторой инерции — местная империя, контролировавшая целую совокупность транспортных узлов, становилась нерушимой и долговечной.

На деле все часто оказывалось не так. Региональным сатрапам приходилось быть начеку. Как Губернатору, ему самому неоднократно приходилось круто поступать с ними. В этом и заключалась местная политика, область, в которой он оказался большим мастаком. Увы, Кафалан преследовал его из соображений глобальной, галактической политики.

Многие планеты, жиревшие на щедротах червячных терминалов, гибли или, по крайней мере, страдали от циклических кризисов,

потому что их неумеренно контролировали. Казалось совершенно естественным устанавливать максимальную плату за проход в червя путем координации всех ходов с целью оптимизации движения. Но такой уровень контроля вызывал у людей протест.

Такая система не приносила выгоды. Избыточный контроль терпел поражение.

На семнадцатом прыжке у них появилась возможность в этом убедиться.

— Отклонитесь в сторону для осмотра, — дошла до них автоматическая команда из имперского судна.

Выбора у них не было. Толстобрюхий сторожевой корабль засек их через несколько секунд после того, как они выскочили из пасти средних размеров.

— Налог на трансгрессию, — объявила компьютерная система. — Планета Аларакан взимает эту специальную плату с пролетающих… — За этим последовала невнятица компьютерного языка.

— Давай заплатим, — сказал Зеб.

— Боюсь, таким образом мы оставим след для Кафалана, — сказала Фирна по переговорному устройству.

— Какой у нас выбор?

— Я использую свои персональные индексы.

— Для червячного транзита? Это разорит тебя!

— Зато так безопаснее.

Зеб пылал гневом, пока они висели в магнитном захвате под имперским кораблем. Червячный ход вращался вокруг планеты с развитой промышленностью. Серые города расползлись по континентам, зависли над океанами огромными шестиугольниками.

В Империи были два планетных стиля — сельский и урбанистический. Фермерские миры были социально более стабильны в силу стабильных экономических методов и консервативности населения. Они, а также сходные с ними системы, получившие название «фемо-рустика», существовали дольше.

Планета Аларакан, напротив, относилась к тем мирам, которые удовлетворяют другим основным человеческим импульсам: стремлению объединяться в группы, ощущать локоть соседа, стекаться в города.

Зебу всегда казалось странным, что человечество так легко распалось на две части. Теперь, однако, его политический опыт объяснял происхождение этих наклонностей. Большинство людей были настоящими приматами, жаждущи-

ми лидера. Бесчисленные планеты объединялись по принципу основных феодальных групп — Мачо, Социалист, Патриарх. Даже необычные Танатократии подпадали под эту схему. В них правили фигуры, подобные фараонам, обещавшие загробную жизнь и делившие общество на мельчайшие ранги, спускавшиеся с пика жесткой социальной пирамиды.

— Они берут взятки, — сказала Фирна. — И тут коррупция!

— Гмм, да, поразительно. — Почему он становился таким циничным? Ему захотелось повернуться и поговорить с ней, но их карандаш не допускал непринужденного общения.

— Поехали дальше.

— Куда?

— Ну… — Он понял, что не имеет ни малейшего представления.

— Похоже, мы оторвались от погони. — Голос Фирны доходил через переговорник, сухой и сдержанный. Он уже научился распознавать признаки ее тревоги.

— Мы можем выбрать маршрут обратно в наш Сектор.

— Этого они и ждут.

Он почувствовал укол разочарования. Она была

профессиональным телохранителем, и спорить с ней было трудно.

— Так куда?

— Я воспользовалась этой паузой, чтобы предупредить друга по червячной связи, — сказала она. — Тогда мы, пожалуй, сможем вернуться, но окольным путем.

— И Спекулисты…

— Возможно, не ожидают от нас такой смелости.

— Что положительно характеризует эту идею.

Головокружительное предприятие — прыгать через всю галактику в контейнере размером со шкатулку.

Они прыгали, маневрировали и прыгали снова. Еще на нескольких терминалах Фирне пришлось «договариваться». В смысле, давать взятки. Она ловко составляла комбинации из имперских пропускных индексов и собственных частных номеров.

— Дорого, — ворчал Зеб. — Не знаю, как я расплачусь…

— Мертвые не беспокоятся о долгах, — сказала она.

— Ты умеешь объяснять доходчиво.

— Здесь не место для тонкостей.

После очередного прыжка они очутились на ближней орбите вокруг величественно погибающей звезды. Во все стороны разлетались грандиозные протуберанцы.

— Как долго сможет этот червь просуществовать здесь? — поинтересовался Зеб.

— Его спасут, я уверена. Представь, какой хаос возникнет в системе, если пасть червя начнет изрыгать раскаленную плазму.

Зеб знал, что система червячных ходов, хотя и была обнаружена в доимперские времена, не всегда использовалась. Когда стали понятны физические законы, лежащие в основе существования туннелей, корабли начали бороздить галактику, самостоятельно создавая вокруг себя червячный ход. Это позволяло осваивать богатства, лежащие вдали от существующих ходов, но с большими энергетическими затратами и с огромным риском. К тому же такие перемещения в гиперпространстве происходило гораздо медленнее, чем простое скольжение в черве.

А что, если Империя разрушится? Потеряет сеть червей? Возможно, тогда юркие истребители и змееподобный военный флот уступят место громоздким гипердредноутам?

Следующий выход из червя оказался в жуткой

черной пустоте, куда едва достигал свет красного карлика, сиявшего над галактической плоскостью. Ее диск раскинулся в сияющем величии. Зеб вспомнил, как однажды, держа в руке монету, размышлял о том, что маленькое пятнышко на ней может обозначать огромный объем, подобный большой Зоне. Здесь такие человеческие термины казались бессмысленными. Галактика была единой безмятежной сущностью огромнее любых человеческих перспектив.

— Восхитительно, — сказала Фирна.

— Видишь Андромеду? Она кажется такой близкой.

Спираль, как две капли воды похожая на их собственную галактику, висела над ними. Прожилки пылевых уплотнений обрамляли лазурные, алые и изумрудные звезды. Медленная симфония массы и времени.

— Нам надо делать пересадку, — предупредил Зеб.

Здесь пересекались пять червячных веток. Три черные сферы кружили, тесно сжавшись вместе, как танцующие пантеры, ярко горя ободками квантовой радиации. Два кубических входа вращались поодаль. Зеб знал, что изредка встречаются кубические формы, но никогда не видел

их. Эти два хода, сцепившихся вместе, давали основание предполагать, что они зародились где-то на краю галактики, но такие материи выходили за грань его познаний.

— Летим… туда. — Фиона нацелила лазерный луч на один из кубов, направляя туда их корабль-карандаш.

Они осторожно подобрались к меньшему кубу. Терминал здесь был автоматический, и никто не остановил.

— Здесь узко, — нервно сказал Зеб.

— Остается еще пять пальцев.

Он подумал, что она шутит, но потом понял, что она скорее недооценивала узость прохода. В этом редко используемом туннеле необходимо было лететь на низкой скорости. Правильно с физической точки зрения, но неважно с экономической. Замедление снижало чистый поток массы, делая такие туннели похожими на болота.

Чтобы отвлечься от проблем пилотирования, он посмотрел на Андромеду. Выходы из червячных ходов не вели в другие галактики. Что это — таинственный замысел квантовой гравитации? Или творение каких-то древних инженеров?

Они влетели прямо в середину плоского лица

кубического червя. Страты с негативной энергией-плотностью, заставлявшие червей держать пасть открытой, распределялись по краям, так что само лицо было свободно от сил притяжения.

Они без приключений выскочили к нескольким терминалам, расположенным на ближней орбите около группы планет. Одну из них Зеб идентифицировал как редкий тип со старой, погибшей атмосферой. Существует множество способов убить планету. Или человека, подумал он, содрогаясь.

Еще один прыжок — в рабочую зону настоящей, естественной черной дыры. Он смотрел, как огромные диски, собирающие и переваривающие энергию, светятся сыто-алыми и хищно-пурпурными огнями. Империя установила вокруг черных дыр огромные трубопроводы из магнитных полей. Они высасывали и уносили облака межзвездной пыли. Черные циклоны, сужаясь, втягивались в блестящие диски, расположенные вокруг дыры. Излучение от трения этих гигантских дисков в свою очередь улавливалось огромными сетками и рефлекторами.

Урожай энергии диких фотонов улавливался и передавался в открытые пасти червей. Они несли

эти потоки к отдаленным мирам, нуждавшимся в скальпелях света для того, чтобы придавать форму планетам, кромсать луны, изменять наклон осей.

— Пора бежать, — сказала Фирна.

— Так мы не можем попасть в наш Сектор?

— Я перехватила сигнал, посланный от одного червя другому. Нас поджидают во всех владениях, граничащих с нашим Сектором.

— Проклятие!

— Я подозреваю, что у них много союзников.

— Им это необходимо, чтобы иметь оперативную поддержку. Они устроили чудную маленькую охоту на человека.

— Возможно, проблема триггера сверхновых — всего лишь предлог?

— Как это?

— Многим нравится современная система использования червей, — уклончиво сказала она. Она никогда не позволяла своим собственным взглядам на политику вмешиваться в их взаимоотношения. Даже это завуалированное замечание заставило ее испытывать неловкость. Он был дорог ей как живой человек, а не как набор политических абстракций.

Но в ее словах был резон. Зеб хотел, чтобы чер-

вячные ходы стали свободными, управляемыми только рыночными механизмами. Спекулисты же хотели устанавливать тарифы и льготы, брать штрафы и взятки. А кто станет контролировать всю эту бюрократию?

Он задумался. Она ждала его решения.

— Нам почти некуда бежать.

— Я не принуждаю тебя к компромиссу. Я просто советую.

— Ладоро…

— Они не стали бы беспокоиться и убивать его, если бы не хотели договориться.

— Не люблю договариваться с ножом, приставленным к горлу.

— Мы должны на что-то решиться, — сказала она жестко.

Время работало против них. Он закусил губу. Сдаться? Он не мог, даже если это казалось разумным выходом. «Наш Сектор достаточно удален от центра. Что, если мы побежим к центру?»

— Куда именно?

— Я буду работать над этим. Поехали.

Пеллуцид, расположенный не более чем в дюжине световых лет от Галактического Центра, имел в своей солнечной системе семнадцать червячных ходов. Первоначально там находилось

всего два хода, но циклопическая технология межзвездных сообщений насильственно притянула остальные, чтобы создать крупный транспортный узел.

Каждый из семнадцати время от времени испускал диких червей. На одного из них и нацелилась Фирна.

Но чтобы приблизиться к нему, им предстояло совершить то, на что решались немногие.

— Галактический центр опасен, — сказала Фирна, когда они подлетали к пасти нужного им червя. Для этого им нужно было обогнуть безжизненную планету, используемую для добычи полезных ископаемых. — Но необходим.

— Преследующий нас Адмирал беспокоит меня больше… — Прыжок прервал его высказывание…

…а захватывающийся вид, открывшийся после прыжка, заставил умолкнуть окончательно.

Нити были такими огромными, что взгляд не мог охватить их. Они простирались во всех направлениях, пронизывали невообразимые светящиеся коридоры и темные закоулки. Гигантские извивы уносились к раскаленному добела Истинному Центру. Там материя пенилась и дымилась и извергала ослепительные фонтаны.

— Черная дыра, — просто сказал он.

Та маленькая черная дыра, которую они видели всего час назад, заключала в себе массу нескольких звезд. В Истинном Центре три миллиона солнц нашли свой конец, чтобы накормить гравитационную утробу.

Упорядоченные массивы излучения были нешироки, всего один световой год в поперечнике. Тем не менее им удавалось поддерживать себя на протяжении сотен световых лет. Зеб включил поляризацию прозрачных стен, чтобы разглядеть их в спектрах разных частот. Хотя в видимом для человека спектре кривые казались раскаленными и непрозрачными, радиоспектр выявлял их скрытые секреты. Нити сплетались кружевами вокруг изогнутых шпинделей. У него сложилось впечатление наличия множества слоев, запутанного лабиринта, недоступного взору, недоступного пониманию.

— Поток частиц высок, — напряженно сказала Фирна. — И продолжает повышаться.

— Где наш вход?

— У меня проблемы с определением вектора… ага! Вот он.

Сильнейшее ускорение прижало его к креслу. Фирна круто нырнула в сторону пятнистого пи-

рамидального входа.

Его геометрия была еще более редкой. Зеб успел подивиться тому, какие необычайные формы порождают причуды вселенской механики, словно создавая некий божественный евклидов музей.

Дикий червь, которого они использовали, уже искрился и сверкал позади. Что-то вдруг возникло у них на хвосте.

Фирна заспешила к ветхому временному терминалу. Он ничего не сказал, но почувствовал, что она напряженно считает.

Небеса наполнились светом.

— Они взорвали червя! — закричала Фирна.

Тяжелый удар, вираж влево…

…в облако обломков. Грохот, столкновения.

Зеб сказал: «Как смог Адмирал *взорвать* червя?»

— У него с собой соответствующее вооружение. Очевидно, Империя знает, как провоцировать страты негативной энергии-плотности в пасти червя.

— Они нас видят?

— Надеюсь, что внутри этого облака — нет.

— Тогда в то большое облако — быстро.

Неподалеку маячило большое мрачное пятно цвета угольного мешка. Они были совсем близко

от аккреционного диска черной дыры. Вокруг них умирающие звезды закручивались в спиральном танце, оркестрованном магнитными нитями.

Здесь звезды потрошились, разбрызгивая магму, и сплавлялись друг с другом в огненный шар. Они освещали темные вращающиеся массы обломков, которые напоминали алые спичечные головки, пылающие в грязном угольном мешке.

Среди всего этого двигались престранные звезды. Каждая была наполовину прикрыта висящей полукруглой маской. Маска испускала инфракрасные лучи, словно экран, зависший на фиксированном расстоянии от звезды. Она парила на световом потоке, гравитация лишь компенсировала исходящее давление света. Маска отражала половину потока частиц, испускаемого звездой, обратно на нее, увеличивая жар печки, испускающей яростные протуберанцы из короны.

С одной стороны поток излучался свободно, тогда как с другой стороны маска удерживала его. Это подталкивало звезду к маске, но маска была привязана к звезде гравитацией. Силы уравновешивались, помогая соблюдать правильное расстояние. Плененная звезда способна была испускать свет только в одном направлении, и

отдача заставляла ее двигаться в другом.

Нити пасли эти стада: медленно, но эффективно. Подгоняемые к аккреционному диску, они удовлетворяли аппетит черной дыры.

— Адмирал у нас на хвосте.

Зеб ничего не увидел, но у Фирны были инструменты, способные проникнуть взглядом сквозь окружающую их пыль.

— Он может стрелять?

— Нет, если мы заглушим двигатели.

— Так сделай это.

Дрейф… в узком проливе, с видом на сияющую бездну.

В самой сердцевине таилась чернота, но трение раскаляло всасываемые газы и пыль. Они светились наведенной радиацией. Штормы сотрясали берега черных рек; плясали раскаленные добела торнадо. Свирепое сияние вырывалось наружу, обрушиваясь беспрестанно на толпящиеся массы вещества, спешащие по своим обреченным орбитам. Гравитационная утроба засасывала эти потоки в диск, откуда они проваливались в самое сердце.

И в этом смертельном вихре была жизнь. Своего рода.

Зеб завороженно смотрел на этот страшный

танец, отыскивая глазами зверомашин, которые кормились, жили и умирали здесь.

Подвергаясь давлению раскаленных фотонов, стадо ждало. Для этих фотофагов большой перемалывающий все диск служил источником пищи. Над раскаленным диском паслось призрачное летучее стадо.

— Направь нас туда, — сказал Зеб. — Я припоминаю, что видел такое во время посещения…

— Включив двигатели, мы подвергаемся риску.

— Пусть будет так.

Легкие полотнища фотофагов трепетали под действием электромагнитных ветров, греясь его жгучим дыханием. Некоторые были настроены на определенные отрезки электромагнитного спектра, каждая особь имела характерную форму, помогающую огромным принимающим плоскостям поддерживать свою орбиту и угол в свете вечного дня.

Их корабль проскользнул между огромными крыльями яркого, широко распростершегося создания. Фотофаги катались на ветрах и магнитных бурях в сложном динамическом равновесии. Это были, конечно, машины, ведущие свое происхождение от роботов, которые исследовали центр Вселенной миллиарды лет назад. Более

сложные машины, эволюционировавшие в этом энергетическом изобилии, бродили по темным аллеям немного дальше от центра.

— Спрячемся здесь.

— Мы уже перегреваемся, — сказала она.

— Нырни в тень вот этого крылатого.

Она крикнула:

— Наши собственные магнитные поля едва выдерживают натиск протонов.

— Где ближайший червь?

— Недалеко, но…

— Адмирал его сторожит.

— Точно.

Шахматная партия с очевидными ходами.

Молния пронеслась через пыльное облако позади них и поразила несколько фотофагов. Они судорожно раскрылись и запылали фатальными энергиями.

— Он стреляет в этих тварей, — сказал Зеб.

— Возможно, ему не нравится погода в этих краях.

Они притаились в тени и стали ждать. Мгновения тянулись на цыпочках.

Корабль Адмирала появился из-за края пылевого облака, по-барочному элегантный и щегольски раскрашенный, сверкающий, медленно спускаю-

щийся по спирали.

Зеб увидел веретенообразное свечение под полотнищем фотофага.

— Магнитные нити.

— Это может быть опасно, — сказала она.

— Давай направимся туда.

— Что?

— Мы обречены, если останемся здесь. Если проигрываешь игру, начинай другую.

Они скользнули под широким полотнищем с распростертыми крыльями, грациозно изгибаясь под фотонным бризом. — Линзы повернулись, следя за человеческим корабликом: добыча? Неподалеку стайка фотофагов сбилась в кучу, пойманная магнитным потоком, который ослабевал ближе к оси галактики.

Среди них скользили голубовато-стальные гаммафаги — пожиратели более жестких гамма-лучей, испускаемых аккреционным диском. Они иногда забирались так далеко, возможно, чтобы поохотиться за силикатными существами, живущими в темных пылевых облаках. Многое из местной экологии было еще не до конца изучено.

Зеб остановился, раздумывая. В конце концов природа жестока. Пора было двигаться. Куда?

— Скользи в магнитную трубу.

Она резко сказала: «Но электродинамический потенциал там…»

— Давай попробуем.

Она рванула вперед к магнитной нити. Этот маневр привлек внимание огромного, похожего на парус фотофага, пожирателя протонов. Он начал преследование.

Навигация здесь была проста. Далеко внизу под ними полюс вращения Пожирателя Всего, черной дыры, поглотившей массу трех миллионов звезд, представлял собой абсолютно черный центр медленно вращающегося раскаленного диска.

Фотофаг следовал за ними, пересекая тонкие плоскости огненно-золотых светофагов. Все они жили, чтобы потреблять свет и выделять микроволновое излучение, никому не причиняя вреда, но у некоторых — вроде того, который теперь скользил вслед за крошечным человеческим кораблем, — развился вкус к металлу: металлофаг. Он сложил свои зеркальные крылья, став угловатым и быстрым, набирая скорость.

— Адмирал нас заметил, — объявила Фирна бесстрастным тоном.

— Хорошо. В трубу. Быстро!

— Эта большая машина пришельцев догонит

нас раньше.

— Тем лучше.

Когда-то, будучи здесь на экскурсии, он слушал лекцию. Ядерный огонь внутри фотофага способен переварить каркасы других машин. Его тонко отрегулированные внутренности производят чистейшие слитки любого сплава, какой только можно вообразить.

Ресурсами здесь служили масса и свет. Фотофаги потребляли свет, а лощеный маталлофаг питался ими, а если повезет, то готов съесть и человеческий кораблик, как экзотическое лакомство. Теперь он издавал крик радости мощностью во много гигагерц, преследуя их в магнитном поле нити.

— Эти магнитные сущности разумны? — спросила Фирна.

— Да, хотя и не в том смысле, какой в это слово вкладываем мы, существа с короткими мыслями. Они больше похожи на дремлющие библиотеки. — И тут его осенила идея. — Но именно их мыслительные процессы могут спасти нас.

— Как?

— Они провоцируют свое мышление с помощью электродинамических потенциалов. Я уверен, мы раздражаем их, так бесцеремонно

влетев в их поле.

— Прелестно.

— Следи за этим металлофагом. Дадим ему подойти поближе, а потом увильнем от него.

Пылевые полосы, налеты, все пронизано излучением. Магнитные пряди блестят, как слоновая кость.

Он переварил бы их с наслаждением, но металлофаг не способен маневрировать так быстро, как они на своем юрком суденышке. Они проворно ввинтились в магнитные внутренности — и Адмирал последовал за ними.

— Когда эти магнитные твари среагируют?

Зеб пожал плечами.

— Скоро, опыт покажет.

— А мы…

— Приблизься к металлофагу, быстро!

— Дать ему сцапать нас?

— В этом-то и заключается идея.

Металлофаг тоже был частью хитроумно сбалансированной системы. Без него эти древние сообщества, вращающиеся вокруг Пожирателя, утратят свое разнообразие, станут монотонно примитивными, неспособными приспособиться к капризам Пожирателя. И тогда они будут обуздывать меньше энергии, захватывать меньше

массы.

Металлофаг обволакивал их. Зеб внимательно следил за ним. За хищниками всегда следуют паразиты, падальщики. Здесь и там, на блестящей коже металлофага виднелись присоски и моллюски, оранжево-коричневые и желтоватые наросты, которые питались случайными обломками, избавляя металлофага от нежелательных элементов — осколков и пыли, которые могут со временем покорежить даже самый совершенный механизм.

Он приближался, стараясь дотянуться до их корабля. Сверкающий адмиральский линкор тоже прокладывал себе путь через магнитные пряди.

— Подпусти его поближе, — приказал Зеб.

— Он схватит нас!

— Верно, если Адмирал не убьет его раньше.

— У нас есть выбор, — саркастически заметила она.

Танец под давлением фотонов. Свет здесь был жидким, он лился из сверкающего грозового облака далеко внизу, в огромном диске. Этот щедрый урожай света поддерживал огромную сферу, простиравшуюся на многие сотни кубических световых лет, ее сектора и радиусы были подобны арматуре невообразимого города. Зачем

я пошел в политику, спросил Зеб самого себя — в кризисные минуты он был склонен к абстракциям — когда все *это* так манит?

Все это, тяготеющее к сердцевине из черного небытия, огромной темной купели.

— Электродинамическая статика нарастает, — крикнула Фирна.

— А, хорошо.

— Хорошо? Мои приборы не успевают…

Металлофаг маячил уже совсем близко, протягивая гибкие щупальца.

Первый удар дошел в виде небольшой рефракции в завывающей ярости стихии. Медленная волна напряжения пробежала по магнитной нити, изгибая ее.

— Он нас поджарит!

— Не нас, — сказал он. — Мы здесь лишь пылинка. Гораздо более крупный проводник отвлечет огонь на себя.

Еще один мощный заряд. Маталлофаг выгнулся, содрогнулся и умер в бушующем пламени.

Законы электродинамики не могли иначе отнестись к приближающемуся крупному проводнику. Прекрасный, сверкающий корабль Адмирала притянул к себе разряд, осветившись рубиново-красной и желчно-зеленой вспышкой.

Мертвый, он поплыл в пространстве. Обширные поверхности металлофага и адмиральского корабля замкнули электрическую цепь нити.

— Я… Ты и вправду знаешь, что делаешь, — проговорила она слабым голосом.

— Вообще-то, нет. Я повиновался интуиции.

— Той самой, которая сделала тебя Губернатором?

— Нет, гораздо более примитивной.

Они постарались побыстрее выбраться из прозрачной нити. Она могла отреагировать новыми разрядами большей мощности.

— На том корабле все погибли? — спросила она.

— О, нет. Ты забыла физику элементарных частиц. Заряд располагается только на поверхности проводника. Электроны не проникают внутрь.

— Но почему они дрейфуют.

— Любая антенна втянет разряд внутрь, если линия активна; такова ее работа. Это все равно, что держать руку на ручке настройки радио во время грозы — рискованный поступок.

— Значит, корабль обездвижен?

— Некоторые могли стоять слишком близко к приборам.

— Тогда они…

Он пожал плечами. «Поджарились. Вопрос удачи в игре».

— А Адмирал…

— Будем считать, что ему не повезло. Но если он и остался жив, я подозреваю, что Спекулисты неодобрительно посмотрят на того, кто затеял такую грандиозную погоню и ничего не поймал.

Она засмеялась. Они плыли в величественном сиянии.

Потом она зевнула, потянулась и сказала: «У меня все затекло. Может, поищем червя, о котором ты говорил?»

Ему совершенно не нравилось так много путешествовать.

Представьте себе галактику в виде роя ярких разноцветных пчел, парящего в воздухе, как пестрый шар. Затем раздавите рой чем-нибудь прямо в полете, так, чтобы он превратился в плоский диск. У звезд нет воли, их курс и судьба теперь в руках маленьких сущностей с большими претензиями: временами люди ничем не лучше пчел. На протяжении сотни миллиардов миров богатая и древняя кровь поет и стучит в жилах. Даже в таком масштабе погоня остается погоней.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Я так любил текучую грацию Роджера Желязны, его острое чувство движения в рассказе, что на этот раз я сделал попытку подражания его динамичности.

Как и для многих других, первой прочитанной мною вещью Желязны была «Роза для Экклезиаста». Как можно забыть этот звучащий голос рассказчика? Он вызывал в воображении романтический, смелый мир, увиденный глазами поэта. Я с жадностью следил за его карьерой, отмеченной романами и новеллами великой силы. Он был ярким светом в том горящем десятилетии, в шестидесятых.

Когда я познакомился с Роджером в 70-х, он оказался дружелюбным, остроумным, отзывчивым человеком. Мы стали друзьями, я бывал у него в гостях, мы часто обедали в Санта-Фе, когда я консультировал в Лос-Аламосе. Жадный ум, он всегда был в курсе последних мазков на великом полотне науки.

В последние полтора года его жизни я встречался с ним дважды, когда мы оба были почетными гостями на двух конференциях. Последний раз, в Айдахо, я увидел его таким же подвижным и

забавным, как обычно, глаза так же блестели, хотя он и казался изможденным. Его дух был так тверд, что я не мог серьезно предположить, что он уйдет от нас так быстро.

Любая смерть что-то отнимает у нас. Среди сообщества фантастов мне страшно не хватало Роберта Хайнлайна и Терри Карра, и после их смерти они целый год мне снились. С Роджером было то же самое: мне снилось, что я лечу куда-то с ним, всегда в великолепном солнечном небе, с далекой огромной перспективой.

Поэтому, когда меня попросили написать рассказ в его память, я взял несколько идей из своего запаса и попытался посмотреть, что бы сделал из них Роджер. Он одинаково любил простоту и роскошь, и я придумал персонаж, в чем-то похожий на Роджера, уютно чувствующий себя в своем изобильном мире, которому приходится бежать и лететь через полную чудес галактику, которая понравилась бы Роджеру. Было очень радостно путешествовать с ним последний раз.

Тоска по бесконечности

Смерть вошла, переступая своими шестнадцатью конечностями. И если вообще возможно сохранить спокойствие, когда нечто угловатое и зловещее вытаскивает вас из вашего потайного убежища, причем это нечто ужасно шипастое и твердое, а его похожие на пушечные стволы лапы крепко сжимают ваше горло, то тогда Ахмихи был спокоен.

Он был Экзом[12] Ноевой Семблии[13] уже в течение нескольких десятилетий и знал этот закоулок «Канделябра» не хуже, чем язык знаком с зубами. Или, вернее сказать, как ветры знают мир, ибо «Канделябр» огромен и пустынен. Но эту штуковину из тусклого скользкого металла, которая сейчас опасно нависала над ним, он видел впервые в жизни.

Он чувствовал, что его поднимают, его крутят в воздухе. Жуткая, почему-то ему казалось - желтая, боль взорвалась в его сенсорике, в той пограничн-

---

[12] Примечания: 12

От англ. executive - руководитель, исполнитель. - *Примеч. пер.*

[13] Примечания: 13

От испорченного англ. assembly - общество, ассамблея. - *Примеч. пер.*

ной электронно-телесной чувственной сфере, которая обволакивала все его существо. За этой цветной болью скрывалось настойчиво звенящее послание, только выраженное не словами, а каким-то образом имплантированное в его уплывающее представление об окружающем мире.

Я хочу «говорить»... передать линейное значение.

- Ладно, а ты... кто? - Он попытался говорить беспечно, но этого, пожалуй, не получилось. Его голос прервался сухим всхлипом.

Я антологическое сознание. Я перегружаю свою голографическую речь в твою сенсорную систему.

- Чертовски мило с твоей стороны.

Похожая на пушечный ствол нога-лапа лениво крутанула его в воздухе, как будто он был каким-то украшением, болтающимся на подвеске. И он увидел - там внизу, на втором этаже - троих своих людей, валявшихся мертвыми прямо на полу. Ему пришлось сделать усилие, чтобы отвернуться от них и бросить взгляд на некогда гордую красоту, которая теперь превратилась в изувеченные полуразвалины. В этой части Цитадели очень ценились башенки, наружные галереи, золоченые ограды, железные гнутые решетки, к которым так

подходила какая-то византийская тишина. Всему этому исполнилось уже свыше тысячи лет, все в свое время выращивалось в биотехнических плавильных печах - незапланированная красота, частенько созданная по ошибке. Битва, которая, как он видел, уже окончилась, была невероятно жестокой. Эллиптические струпья оранжевой ржавчины говорили о судьбе его людей, зажаренных прямо в постелях и размазанных по стенам. Белые груды расчлененных трупов громоздились в углах, создавая впечатление куч искусственного снега. Стена, игравшая роль телеэкрана, продолжала действовать, пытаясь развлечь тех, кто давно уже был мертв. Грубые сварные швы, обнажившиеся под недавними ударами снарядов вражеских катапульт, превращавших людей в кровавые обрубки, говорили о древних ремонтных работах.

Я остановил атаку. Вмешался, чтобы спасти тебя.

- Сколько моих людей осталось… в живых?

Я насчитал 453… нет, 452… один умер две ксены назад.

- Если ты их отпустишь…

Это будет твоя награда, если ты удовлетворишь мое желание поговорить с тобой. Больше того, ты

тоже сможешь уйти с ними.

Ахмихи позволил слабой искре надежды разгореться.

Последняя атака мехов на «Канделябр» снесла все оборонительные сооружения. Его Ноева Семблия вела арьергардные бои, пока остальные Семьи пытались скрыться. Звуковые дезинтеграторы подавили оружие защитников «Канделябра», действовавшее на принципах кинетической энергии, а микротермиты накинулись на добычу и стали пожирать все и вся. Другим Семблиям удалось скрыться. До сих пор только Ноева удерживала позиции, но теперь последний акт сыгран.

«Канделябр» был лакомым кусочком для мехов. Он вращался на орбите вблизи разрастающегося диска Черной дыры, где индукционные сети «Канделябра» перехватывали энергию падающих в дыру масс материи, с помощью которой можно было деформировать пространство-время.

В долгой войне людей и мехов чисто физические ресурсы стали поводом для многочисленных столкновений. Даже в далекие и славные дни, когда человечество достигло Центра галактики,

построить радиант[14] - огромный «Канделябр» - так близко от губительных излучений и леденящих ливней элементарных частиц, рядом с Черной дырой, было предприятием невероятно сложным и рискованным. Но тогда человечество было юным, заносчивым и непокорным, оно только что завершило свой долгий-долгий перелет из Солнечной системы в Центр галактики.

Теперь же, когда эти славные дни давно миновали, Ахмихи ощущал себя лишь слабым подопытным кроликом, помещенным под изучающие взоры множества сканеров. Его собственная сенсорика сообщала ему, что в данный момент ее обрабатывают в лучах Инфракрасного и микроволнового спектров. Будто чьи-то холодные пальцы проникали в церебральные слои. Он покорно ждал неминуемой смерти.

Хотел бы я показать тебе, как я работаю. Ну, гляди.

Что-то сжало сенсорику Ахмихи, как если бы человек стал ощупывать крохотную мышь, и он вдруг оказался на плоской широкой обсидиановой равнине, на которой были расставлены… существа.

---

[14] Примечания: 14

Радиант *(физ.)* - источник тепла, света или другого излучения. - *Примеч. пер.*

Все они явно когда-то были людьми. Теперь же это были странные исковерканные сооружения, из которых торчали чудовищные члены, ветки деревьев, металлические штыри, куски живой плоти. Некоторые пели, будто ветер стучал листами жести. Загоготала чья-то оскаленная пасть с зелеными зубами, из куба потянулся вонючий пар, в судорожном ритме забилась кроваво-красная жидкость.

Сначала ему показалось, что перед ним статуя женщины. Но из ее разорванного рта со свистом вырвался вздох. Под полупрозрачной белой кожей запульсировали безумные черно-синие энергетические токи. Через тонкую, как бумага, кожу Ахмихи каким-то шестым чувством ощущал толстые волокна ее мускулов, кости, хрящи и желтые сухожилия, подобно ремням стягивающие это неуклюжее, дергающееся существо… а оно вдруг двинулось… пошло… Ее голова вращалась, потом наклонилась. Огромные розовые глаза настойчиво искали его. ЧерниЛьно-черная полоса между ног вдруг зажужжала и стала набухать, зажила своей какой-то жидкостной жизнью, резкий запах ее тела наполнил его ноздри, она призывно оскалилась…

- Нет! - Ахмихи рванулся изо всех сил и внезапно

ощутил, что это место находится на колоссальном расстоянии от него. Он вернулся обратно, он, как и раньше, свисает с пушечной лапы.

- Что это было?

Дворец Человека. Выставка произведений искусства. Скромность требует, чтобы я добавил: все это мои ранние работы. Я надеюсь достичь гораздо большего. А ты - трудный медиум.

- Ты используешь… нас?

Я, к примеру, пытался в том произведении искусства, который ты видел, выразить чувство совокупления. В духовном мире людей я обнаружил определенную связь: очень часто пережитый страх затем индуцирует похоть, осуществляя тем самым определенную триггерную функцию. Страх вызывает у вас ощущение вашей смертности, а похоть как бы возвращает временное ощущение прочности и бессмертия.

Ахмихи знал, что этот Богомол относится к особому, высшему разряду мехов, гораздо более развитому, нежели те, с которыми приходилось иметь дело его Семблии. Для Богомола жизнь людей - множество фрагментов, складывающихся в кривую, которая ведет… куда? Поэтому себе Богомол представляется художником, изучающим человеческие траектории с точностью ученого

баллистика.

Времени на размышления не было. Богомол охвачен холодной и бескровной страстью к своему извращенному искусству. Возьми это за исходную точку и используй.

Ты, как и другие, явившиеся сюда в составе самых первых сил, разделяешь важнейшее из всех ограничений: вы не можете перестраивать себя по собственному желанию. Правда, вам есть чем гордиться, ибо вы созданы на основе Первичных Законов, на которых покоится все Бытие. Но вы реализуете в аппаратном обеспечении то, что должно реализовываться в программном. Это крайне неблагоприятное наследие. Тем не менее оно является почвой для постижения эстетических истин.

- Если бы вы могли оставить нас в покое…

Без сомнения, тебе известно, что конкуренция из-за расходов в этой, самой богатой энергией области галактики, должна быть особенно… значительной. Мой вид тоже страдает от собственного непреодолимого стремления к выживанию, к пространственной экспансии.

- Если бы вы сунулись сюда в то время, когда «Канделябр» был полностью заряжен энергией, вы сейчас уже валялись бы тут, разорванные на

мелкие кусочки!

Так глупо я бы вряд ли поступил. Да и в любом случае уничтожить антологическое сознание невозможно. Истинное физическое место обитания моего сознания дисперсно. Мои эстетические чувства, в то время как я пребываю вот в этом облике, все же в основном сосредоточены во Дворце Человека, который я построил во многих световых годах отсюда. Ты только что побывал там.

- Где? - Ему надо было удержать это неуклюжее существо из кремния и углеродистой стали в напряжении. А его люди в это время смогут ускользнуть…

Совсем рядом с Истинным Центром и его дисковидной машиной. Ты сможешь еще раз посетить его в должное время, если тебе повезет и я выберу тебя для сохранения.

- Как покойника?

Я нахожу вас - приматов - замечательными медиумами.

- А почему бы тебе не оставлять нас живыми, чтобы иметь возможность беседовать с нами?

Ахмихи тут же пожалел, что задал этот вопрос, так как Богомол немедленно заставил подняться один из трупов, валявшихся на полу нижней комнаты. Это была Леона - мать троих детей,

воевавшая бок о бок с мужчинами. Теперь это был дрожащий костлявый труп, почерневший от оружия Сверлильщиков.

Я знаю, ты очень ненадежный медиум, тебе за это требуется плата. Я сумею заставить тебя служить передатчиком моих ощущений, хотя этот метод сопровождается утомительными звуками. Кроме того, ты почти наверняка погибнешь из-за него. Но если ты предпочитаешь…

Она качалась на своих сломанных ногах и, казалось, внимательно вглядывалась в лицо Ахмихи. Ее губы со свистом выдавливали отдельные слова, которые звучали без всякого выражения, будто внутри у нее работали кузнечные мехи, приводимые в движение кем-то посторонним.

- Я… ощущаю… себя… подключенной… медиум… сильно… ограничен… в передаче… новых… ощущений.

- Убей ее, ради Бога! - Ахмихи колотил кулаком по клешне, которая крепко удерживала его на весу.

- Я… мертва… как человек… но… я… осталась… медиумом.

Ахмихи отвернулся от Леоны.

- Неужели тебе не понятно, каково ей сейчас, какие муки она переносит?

Мой уровень не позволяет мне понимать боль, как тебе должно быть известно. В лучшем случае, мы ощущаем ее как противоречие во внутреннем состоянии, которое невозможно устранить.

- Тяжеленько тебе, должно быть, приходится!

Обращаясь с Леоной подобно тому, как чревовещатель обращается с куклой, Богомол заставлял ее выделывать курбеты, петь, плясать, выбивая каблуками чудовищную чечетку, причем сломанные кости ее ног прорывали кожу, покрытую высохшей коркой крови. Из пробитой грудной клетки сочилась какая-то жидкость.

- Черт бы тебя побрал! Лучше уж позабавься с моей сенсорикой! Отпусти ее!

Данный способ коммуникации - часть произведения искусства, которое я собираюсь создать. Черты ужаса, черты ненависти, поток электрических импульсов и биохимических реакций твоего мозга, выражающих чувство безнадежности или готовности к возмущению, - все это части артистично воспринятого мимолетного момента умирания.

- Извини, я, должно быть, не вник в глубину твоего замысла. Леона… Она действительно мертва?

- Да… эта… женщина… была… полностью… переписана… - Леона свистнула. - …Я… с удоволь-

ствием… скосил… этот… колос…

- Но в этом виде… она ужасна!

Если говорить об этой частично оживленной форме, то я могу согласиться с тобой. Но при правильно выбранном способе переработки могут, знаешь ли, выявиться скрытые элементы. Может быть, когда я займусь выбраковкой уже скошенных, я смогу добавить ее к своей коллекции. В ней явно могут открыться определенные тематические возможности.

Ахмихи потряс головой, чтобы хоть немного остудить ее. Его мышцы сводила судорога, уж больно долго его удерживали на весу, слишком уж долго он пребывал в состоянии странного, тошнотворного страха.

- Она не заслужила такое!

А я вот ощущаю, что в моих композициях, которые ты видел во Дворце Человека, чего-то недостает. Что ты о них скажешь?

Ахмихи с трудом подавил приступ смеха, а потом подумал, не начинается ли у него истерика.

- Так, значит, это были произведения искусства? И ты ждешь моих критических замечаний? Да еще сейчас?

Тяжелое дыхание Леоны:

- Я… чувствую… упустил… самое… важное…

Красота… она… уходит… из моих… работ.

- Красота не относится к числу тех вещей, которые можно эксплуатировать.

- Даже… сквозь… маленькое… темное… окошко… твоей… сенсорики… ты что-то… ощущаешь… устройство мира… а я нет… Видимо, можно… получить преимущества… даже от таких… грубых ограничений.

Куда же он гнет? Что там мерещится впереди?

- Так в чем все-таки проблема?

- Я чувствую… гораздо больше… но не могу… разделить… с тобой… твои фильтры…

- Может, ты знаешь слишком много?

Ахмихи подумал, а не броситься ли ему на Леону, чтобы разом покончить со всем этим. Ни один человек-техник не мог бы спасти разум мертвого человека, «скошенного» мехами человека… Но зачем мехам нужны сознания людей? Это никому не известно. До сих пор, конечно. Ахмихи слышал немало легенд о Богомолах, об их интересе к людям, но о Дворце Человека ему слышать не доводилось.

- Я… проникал в нервные системы… я направлял их… к безумию… к самоубийству… - Леону схватила судорога, она скорчилась и рухнула навзничь. Глаза слепо уставились в потолок,

потом перешли на Ахмихи. - …Не целое полотно… но чего-то… не хватает…

Ахмихи попробовал дотянуться до верхней балки, но из этого ничего не получилось. Фосфоресцирующий свет «Канделябра» померк, Леона терялась в тени. Невероятно страдая, она все же поднялась на ноги.

- Я пытался… так трудно… вы эфемериды… невозможно понять.

Ахмихи изо всех сил старался понять.

- Слушай… а может быть, тебе стоило бы стать одним из нас?

В первый раз за все время этого безумного разговора Богомол удивленно замолк. Он позволил Леоне свернуться на полу в клубок - тряпичная кукла, небрежно отброшенная в сторону.

Полезное соображение. Обрубить часть себя, заключить в узкий круг, без возможности убежать из него. Да!

Ахмихи ощутил внезапное давление, будто каменная стена с грохотом обрушилась на его сенсорику. Не было ни малейшей надежды прожить еще хотя бы несколько мгновений, и сухой холод этой мысли наполнил его душу отчаянием.

СКОШЕННЫЕ КОЛОСЬЯ

- Я зашел за угол, и оно действительно оказалось там, более похожее на предмет меблировки, нежели на мехов. Оно ткнуло в меня чем-то.

- Последнее, что я увидел, было нечто, похожее на самодвижущиеся тележки, в которых мы возим руду. Оно кувыркалось, будто под ним что-то взорвалось, и я подумал, как мне здорово повезло, что я оказался под защитой сверхпрочного стекла.

- В моей памяти все еще стояло воспоминание о чем-то твердом и синем, случайно попавшем в мое поле зрения, причем оно было такого оттенка, которого я еще никогда не видал.

- Она упала, и я наклонился, чтобы помочь ей встать, и увидел, что у нее нет головы, и что та тварь, которая эту голову держала в лапах, сидя на полу, теперь прыгает прямо на меня.

- Оно выпустило что-то вроде силиконовой нити, которая Обвилась вокруг меня - а я-то думал, что оно дохлое, что попало в ловушку или еще что, - а потом ударило меня в бок с силой конвейерного транспортера.

Ноева Семблия бежала, оставив «Канделябр» на

разграбление мехов. Их Экз, Ахмихи, вырвался из плена Богомола, но его сенсорика чуть ли не выла от полного расстройства. Каждая нервная клетка его тела вибрировала в своем собственном безумном ритме. Голос звучал будто жестяное ведро, в котором подпрыгивают камни. Было похоже, что симфонией его тела управляет сошедший с ума дирижер.

Но через несколько часов он немного оправился. О своем общении с Богомолом Ахмихи никогда и нигде не рассказывал. Он привел свою Семблию к космическому кораблю, который хотя и был поврежден, но все же мог служить перевозочным средством. Мехи их не атаковали, так что более трехсот человек бежали из беспомощно мотающейся в космосе развалины, в которую превратилась их дивная космическая станция.

Это был один из последних космических полетов эры «Канделябра». После многих военных поражений человечество бежало в глубокий космос, ища убежища в ностальгической простоте планет. Как показала дальнейшая история, это нельзя было назвать особо мудрым решением, ибо Центр галактики не слишком-то нежен в своих процессах созидания и развития миров, Там в объеме каждого кубического светового

года горит свыше миллиона солнц. За несколько миллионов лет медленные изменения расстояний между этими солнцами могут привести если не к столкновению между ними, то к перехвату планет одной звездной системы другой. Только хорошо стабилизированные миры имеют шанс сохраниться в таких условиях. Однако даже они подвержены здесь процессам «выветривания», которые в более спокойных окраинах гигантской спиральной галактики неизвестны.

Ноева Семблия воспользовалась гравитационными вихрями, крутящимися по периметру Черной дыры, чтобы избежать преследования мехов. Это обошлось людям во много жизней, а корабли прокалились так, что еле-еле смогли дохромать до относительно пригодной для обитания планеты, прозванной Изидой какой-то другой Семблией, которая еще тысячу лет назад отправилась отсюда на поиски других, более зеленых планет, расположенных подальше от Истинного Центра галактики. Изида была засушлива и продута ветрами, но зато она, видимо, не представляла интереса для мехов. Это было весьма важное преимущество. Ноева Семблия совершила спиральный спуск на планету, и люди начали строить жизнь заново. Но и на этом

отрезке пути их ожидало немало трудностей.

Оружие мехов может быть весьма коварным, особенно если речь идет о биологических изобретениях. Опасения Семблии оказались вполне обоснованными. Как говорится, от полученного удара можно почувствовать себя даже лучше, но хорошо тебе все равно не будет.

Целый год, который продолжалось их путешествие, Ахмихи медленно умирал. Он страшно задыхался, его легкие были изъедены мельчайшими паразитами, жившими на мехах. Их называли наносами[15]. Проститься с ним перед смертью пришла только жена. Люди из Семблии боялись даже переписать личность Ахмихи в Аспект, ибо он явно был заражен мехами, причем столь сильно, что мог пострадать и его разум. Сгорая в лихорадке, он что-то бормотал о своем договоре с почти мифическим Богомолом, но никто так и не понял, каковы же были условия этого договора. Изменения в Ахмихи носили очень глубокий характер и, возможно, именно поэтому в истории, которую он пытался поведать, не содержалось ничего важного.

Тем более что его записывали год назад, так

---

[15] Примечания: 15

От нано - одна миллиардная часть чего-либо. - *Примеч. пер.*

что не все из его личности будет потеряно. В те отчаянные времена навыки и знания умерших приходилось хранить в чипах, которые крепились на задней стороне черепа у каждого члена Семблии. В чипах хранилось наследие многих древних, занесенных в Аспект или в менее важное хранилище - «Лица и Профили». Так что Ахмихи предстояло сохраниться лишь частично, но его потомки все же могли воспользоваться большей частью накопленного им опыта.

Никто так и не заметил, как крошечное насекомоподобное существо выползло изо рта Ахмихи. Оно тихонько подлетело к его жене Джалии и ужалило ее. Та ударом ладони сшибла насекомое на пол, считая, что оно ничем не отличается от других паразитов, которые разлетались по кораблю из гидропонической секции.

Что же касается летуна, то он ввел в кровь Джалии комплект микроустройств, одно из которых раскодировало яйцеклетку женщины. Затем оно растворилось, чтобы избежать обнаружения. Ноева Семблия сожгла труп Ахмихи, дабы предотвратить возможное осквернение его тела мехами, особенно если нанопаразитам удалось проникнуть на корабль.

Видимо, молитвы их были услышаны. Малень-

кий отряд людей, надо думать, не представлял особого интереса для мехов, и они не стали тратить время и силы на его преследование.

Джалия родила сына - целое сокровище в эпоху, когда численность людей сокращалась. Генное сканирование не обнаружило ничего из ряда вон выходящего. Она назвала мальчика Парижем, так как в традициях Ноевой Семблии было пользоваться названиями городов Земли при выборе имен детей - Киев, Акрон, Фейрхоуп, - невзирая на то что сама Земля уже успела стать легендой, в которую многие и не верили.

Когда мальчику исполнилось пять, началось его интенсивное обучение. До того он был самым обыкновенным ребенком, весело резвившимся на полусожженных засухой полях, где собирался скудный урожай. Он был крепок, хорошо сложен и очень молчалив.

Когда Париж начал учиться, он сразу же сделал открытие. Оказывается, другие ощущали мир иначе, чем он.

Каждую секунду многие миллионы битов информации проникали в него через его органы чувств. Но из этого потока, из этого водопада информации сознательно он мог усвоить лишь примерно сорок битов в секунду. Он читал до-

кументы быстрее, чем писал или чем люди разговаривали, но все равно большая часть информационного потока оставалась незадействованной.

Независимо от того, входила в него информация или исходила, его тело было рассчитано примерно на одну и ту же скорость ее движения. Но все пути ее передачи в мозг были болезненно забиты. Его можно было сравнить со светом прожектора, который передвигается по темной сцене, высвечивай лица актеров, а все остальное оставляя в густой тьме.

Сознание Парижа стояло на вершине огромной горы, сложенной из абсолютно невостребованной информации.

Даже осмысление этого факта - и то шло вяло и медленно. Парижу требовалось куда больше времени на то, чтобы объяснить себе, о чем именно он думает, чем просто подумать об этом. Его мозг пропускал десять миллиардов битов информации в секунду, во много раз больше, чем он воспринимал и усваивал из окружающей его среды.

Его сенсорика принимала почти столько же входных сигналов, сколько команд передавалось его телу от мозга. Но почти ничего из этих процес-

сов не могло быть выражено в словах. Осознание, речь - все это было безнадежно застопорено. Но в таком же положении находились и другие существа: люди были вовсе не одиноки.

Париж уже хорошо понимал, какую важную роль для них играет РАССКАЗ... и для него тоже. Заговоры, герои и негодяи, за и против, мелкие ролишки и большие роли, напряжение и разрядка, все это было столь же важно для человека, как прямой путь рот - желудок - анус, ибо РАССКАЗ - путь к ментальному пищеварению.

И не зная всего этого, каждый из них рассказывал свои собственные истории, рассказывал ежесекундно, непрерывно. Их тела выдавали их мириадами изменений лица, пыхтением, пожиманием плеч, неконтролируемыми жестами. Целые окорока, здоровенные куски его личности выходили наружу неподвластно мозговому контролю, ибо подсознание само говорило с помощью его тела, и эта речь была не слышна органам сознательного контроля, была спрятана от них.

Для мальчика это был шок. Значит, другие люди знают о нем больше, чем он сам знает о себе. Ощущая мегабиты информации, просачивающиеся сквозь его тело, они могут читать его, как открытую книгу!

Это оскорбляло его стыдливость. Должно быть, такой немой язык возник на заре человеческой эволюции, решил Париж, когда было важнее узнать, о чем думает чужак, нежели о чем он говорит на своем грубом и бедном протоязыке.

И смех, это вино языка, как кто-то сказал ему, тоже был признанием сознания в своей ограниченности. Поняв это, Париж стал чаще смеяться.

А потом, даже носясь в безоглядной радости с приятелями по утоптанной игровой площадке, он стал ощущать какое-то раздвоение. Часть его как бы наблюдала за происходящим со стороны. То, что он переживал - все эти миллиарды битов в секунду, все это было лишь имитацией того, что он ощущал. И это была правда, так сказать, на желудочном уровне.

А что еще хуже, так это то, что имитация отставала на полсекунды от мира, который его окружал. Он проверил догадку, исследовав, как быстро его тело реагирует на боль или на удовольствие. И точно - его тело отшатывалось от боли раньше, чем сознание говорило ему, что сейчас его колют в ягодицу булавкой.

Его сенсорика выкидывала множество всяких штучек. В его зрении, например, существовало «слепое пятно», которое, как он понял, появилось

из-за того места, где нервы подключаются к задней части глаза. Брошенный и превратившийся в развалины «Канделябр» казался ему крупнее, когда висел над горизонтом Изиды, чем когда стоял высоко в небе. Когда Париж мчался со всех ног по рассохшейся от зноя равнине, а потом резко останавливался, чтобы полюбоваться тонкими волокнами облаков у себя над головой, его глаза какое-то время уверяли его, что облака продолжают лететь мимо… благодаря кинетической памяти. Его мозг интерпретировал ее как неопровержимое наблюдение реальности.

А все потому, что эволюция так сформировала систему «глаза-мозг», чтобы вещи, находящиеся выше, казались более далекими и труднодостижимыми, а люди, которые на них смотрят, видели бы их меньшими по размерам. И оставила ощущение продолжающегося бега, чтобы включить работу мозга постепенно.

Он сидел в классе и смотрел на своих хихикающих одноклассников. Какими странными казались они ему. Однако лучшее понимание самого себя позволило ему улучшить и свои контакты с ребятами. Они любили его, им нравилась естественность его поведения, которую кое-кто принимал за стремление к лидерству. Но

на самом деле это было нечто совсем иное, пока еще не наблюдавшееся в человеческом обществе. Он это чувствовал, но не мог подобрать верное название. На самом деле такого слова и не было.

Постепенно Париж пришел к выводу, что их мир - и его тоже - неоднозначен. Понял он это гораздо раньше сверстников. Запахи, прикосновения, вкусы, все это несло на себе груз происхождения - много тысячелетий назад и бесчисленное число световых лет отсюда.

А потом он подошел и к своему главному открытию: всем правит подсознание. Он понял это, когда заметил: он счастлив, когда не контролирует себя, когда сознание не руководит его поступками. Экстаз, радость, даже просто чувство удовлетворения - все это плоды действий, произведенных без специального обдумывания.

- Я больше, чем просто «я». Я - это «мы».

Когда его работа шла хорошо, когда работали все, даже дети, его «мы» ощущало свою необходимость. Когда дела шли хорошо, они как бы шли сами по себе, своим путем. Он возился с грузовыми тележками, пахал поля, готовил вкусную еду, и все это как бы лилось потоком, почти бездумно.

И даже когда он пользовался своими «Лицами и

Профилями», занимаясь какими-нибудь поделками, он мог задействовать их личные особенности, не прибегая к собственному сознанию. Это были как бы фрагментарные слепки с древних реально существовавших персоналий, которые сейчас использовали какую-то часть той его сферы, что занималась получением и переработкой информации. И когда он работал, то на это время он терял ощущения резкого запаха степей Изиды, шороха ветра и колючих прикосновений трав. «Лица» особенно нуждались в том, чтобы,эти сенсорные впечатления были отфильтрованы, иначе они сами могли бы превратиться во что-то вроде безликой шелухи,.в своего рода сухие фактологические учебники и справочники. А так он чувствовал, как они сидят в нем, где-то за его глазными яблоками, и с наслаждением поглощают крохи нового для них мира, время от времени разражаясь довольными восклицаниями. Когда же он спал, они получали возможность приподнять его веки и с его помощью улавливать мимолетные отблески его мира, что давало им пищу для новых размышлений. А ловя звуки посредством его барабанных перепонок, они могли выполнять обязанности часовых - очень нужная предосторожность. И вот из этой довольно

жиденькой похлебки они извлекали дополнительный опыт. Это обстоятельство изолировало его от окружающей обстановки и гарантировало крепкий сон.

Но это было далеко не все.

В нем сидело что-то еще, какая-то тень, какое-то «мы», которое невозможно ощутить обычными чувствами, нечто, больше похожее на призрак. Казалось, оно внимательно следит за ним, в то же время тщательно избегая его собственного внутреннего взгляда. И все же он чувствовал, как эта тревожащая его пустота посылает ему сигналы, извещая о своем присутствии.

Это пугало его. Париж стал искать что-то, что могло укрепить его уверенность в себе. Испробовал спорт, секс, театральное искусство, но все без толку. Пришлось копнуть глубже.

Религия Семблии - течения внутри ее были столь многочисленны и разнообразны, что иногда просто противоречили друг другу - все же имела нечто общее - идею о состоянии религиозного экстаза, освобождения от всего сущего, тогда как на долю разума оставались такие вещи, как молитвы, литургии, гимны, ритуалы, бормотание заклинаний. Однажды, сидя в Часовне, усталый до изнеможения Париж попробовал соединить

скудный диапазон частот языка с монотонным речитативом, бесконечно повторяя полученную фразу в уме. И вдруг обнаружил, что его «мы» свободно. Так он изобрел медитацию.

Детство ушло, и у Парижа прорезался настоящий талант художника. Его работы были странны, а главное - недолговечны: ледяные скульптуры, которые таяли, скульптуры из песка, который удерживался постоянно слабеющими силовыми полями. Стихи он писал стилосом на бумаге из давленых растительных волокон, используя красящие пигменты, добытые из овощей. А потом со странным удовлетворением смотрел, как эти листочки сгорают в огне.

- Мимолетность, непосредственность впечатления, - отвечал он, когда его спрашивали о его работах, - вот главное, что я хочу передать.

Понимали его только немногие, но зато немало из тех, кто толпами стекался поглазеть на работы Парижа, уходили, унося странные ощущения от того, что заставил их пережить художник.

Искусство представлялось ему чем-то совершенно естественным. В конце концов, размышлял он, на заре истории человечества, там - на мифической Земле, должен же был оказаться какой-нибудь примитивный предок, который

обнаружил, что камень в полете описывает необычайно простую и изящную параболу, а потому сумел определить лучше других то место, куда камень должен упасть. Такой человек должен был питаться лучше и чаще и, вероятно, имел больше детей, нежели его соседи. Нервные клетки должны были подкрепить такое поведение этого предка и его потомков, привив им чувство наслаждения от зрелища очаровательной параболы.

Вот он и есть потомок этого воображаемого предка. Хотя он живет в 28 ООО световых лет от тех пыльных равнин, где искусство впервые вошло в гены человека, он все еще продолжает пользоваться ментальными процессами, которые в свое время были так идеально настроены применительно к условиям той древней планеты. Он разделял со своими предками представление о том, что естественность - высшее проявление Прекрасного, но в то же время он остро ощущал тоску по каждому уходящему в небытие мгновению. Это тоже было чисто человеческим ощущением, но что-то сидевшее в нем воспринимало это ощущение мимолетности как контраст, как противоречие. Он не знал почему, но был совершенно уверен, что это ощущение

тоже отделяет его от других.

Так пришла к нему первая слава, которая оказалась далеко не последней.

Очень скоро он понял, что хотя решение о поступке принимается как бы двумя «я» или «мы», но общество считает ответственным только одно. Социальный лозунг таков: я принимаю на себя ответственность за действия моего «мы». Париж много размышлял по этому поводу.

Будучи юным, он встретил любовь и воспринял ее как соглашение: «Любимая, мое «мы» принимает тебя». Он понял, что истинная духовность происходит от «я знаю свое «мы», а мужество из - «я верю в свое «мы».

Сознание - недокормленное и не слишком хорошо информированное - было моделью самого себя, созданной мозгом. Это была имитация несравненно более живописного и разностороннего подсознания.

Ощущать мир непосредственно, без всякой цензуры - какая дивная мечта! Париж обретал эту способность лишь время от времени, и в эти моменты он чувствовал настоящий шок от умопомрачительной полноты истинного мира, Потребность в языке исчезала подобно капле воды под лучами свирепого солнца; Все, что он

должен был сделать, это указать на что-то пальцем и сказать: «там!»

И все же где-то там - позади глазных яблок - находился тот фантом, тот наблюдатель, которого нельзя было наблюдать. Правда, он ничего не контролировал. Париж знал, что тот сидит в нем, но постепенно научился его игнорировать.

Или, вернее, его собственное «я» согласилось абстрагироваться и принять наблюдателя, но его «мы» этого так и не сделало. Но никакой возможности контролировать тень, похожую на пустоту, не было.

Во сне его «я» вообще ничего не могло контролировать. В каждодневной жизни, как Париж узнал, его тело не умело лгать. Диапазон его передач был слишком велик, оно посылало сигналы от «мы» в широком подсознательном потоке. И наоборот, обладая малой скоростью переработки информации, его «разумное» «я» могло лгать легко, больше того, оно не могло не. лгать, хотя бы по ошибке. А вот его «мы» лгать не умело.

Понимание этого превратило Париж в лидера, хоть он таковым вовсе не хотел быть. Он был слишком занят тем, чтобы побольше узнать о том, что значит быть человеком.

Однажды вечером, когда Париж нес дежурство

в одном из отдаленных поселений, расположенном на самом рубеже их владений, он поймал мышь и попытался разговаривать с ней. Поскольку и он, и она состояли из плоти и крови и когда-то имели общих предков, так как этот грызун тоже происходил с Земли и был привезен сюда первой экспедицией по причинам, не известным никому, кроме самих первопоселенцев, то Париж полагал, что контакт с мышью возможен. Мышь внимательно изучала его лицо через разделявшую их пропасть между уровнями переработки информации, и сенсорика Парижа оказалась неспособной получить хотя бы что-то от этого существа.

Но каким-то образом Париж все же понял, что в ее крохотном мозгу были потаенные сходства с мозгом Парижа. Почему же отсутствуют попытки коммуникации со стороны мехов? Было о чем подумать.

Загадок было много, а жизнь шла своим чередом. На Изиду вернулись мехи.

С Гремучкой Париж встретился, когда играл в мяч с несколькими своими сверстниками. Они гонялись друг за другом, пытаясь перехватить мяч - игра, которая будила в них чувства, родственные ощущениям охотников - чувства, казалось

бы, давно погребенные в далеком прошлом. Они настолько увлеклись игрой, что Гремучка смогла подобраться к ним незамеченной на расстояние нескольких сот метров.

Игра шла вблизи развалин огромной Кублы, оставшейся еще от тех людей, которые поселились на Изиде тысячу лет назад, а затем покинули ее. Купол Кублы, предназначенный для развлечений, еще и сейчас мог создавать резонансные иллюзии, если его стимулировать. Париж подумал, что это одна из таких зрительных иллюзий, когда увидел это быстро скользящее тело, с какими-то трубками, которые вращались, пытаясь сфокусироваться на юношах.

Гремучка успела уничтожить шестерых, до того как Париж добрался до своего дальнобойного кинетического оружия. Оно безнадежно устарело, но .только такие ружья и выдавались молодежи для тренировок. Париж выстрелил в Гремучку и даже попал, но тут же увидел, как упал стоявший рядом с ним друг, что отвлекло его внимание. Вообще-то Парижу уже приходилось встречаться со смертью, но не в таком виде. Он замешкался, и только по чистой случайности Гремучка не уничтожила его. Пули двух других юношей покончили с кольчатым чудовищем.

Париж понял, что совершил ошибку, и дал себе слово, что больше это не повторится. Эмоции, терзавшие его, когда он помогал вывозить тела убитых, больше всего походили на лихорадку - болезнь, которая долго дает о себе знать.

Таково было начало. Ты начинаешь думать о том, что вот другие люди убиты, а ты, конечно, нет. Когда тебя ранят в первый раз, главный шок произойдет не от боли, а от внезапно пришедшего понимания, что смерть может подобраться так близко даже к тебе.

После этого должно было пройти немало времени, чтобы он понял: с ним не может случиться ничего такого, что бы уже не происходило с людьми всех уже миновавших поколений. Они перенесли это, значит, может перенести и он. В конце концов, смерть самое легкое из всех плохих событий.

Над аркой, открывавшей вход на широкую общественную площадь, накрытую прозрачным куполом, сквозь который было видно, как кружится безумный вихрь Центра галактики, была выбита надпись, которую Париж переписал себе для памяти, так как она наполнила его странным ощущением свободы, когда он понял смысл напитанного.

«Клянусь, мне все равно: ведь человек может умереть всего лишь однажды. Наша жизнь и смерть в руках Господа, и все будет так, как решит Он. Ибо тот, кто умрет в году нынешнем, освобожден от необходимости умереть в году следующем».

А спустя еще немного он пришел к выводу, что ничто с тобой не случится, пока это событие не подойдет к тебе вплотную, так что до этого ты должен жить так, чтобы извлечь из жизни как можно больше. Жить хорошо - это значит хорошо прожить каждый ушедший в прошлое момент. Трусость - настоящая трусость, а не мгновенная паника - происходит из-за неспособности запретить своему воображению оценивать каждую из приближающихся к тебе вероятностей. Обуздать воображение и жить каждой стремительно бегущей секундой, без прошлого и без будущего, вот в чем заключается главный секрет. Овладев им, ты будешь полноценно жить каждую секунду, перетекая в следующую, не испытывая ненужной боли.

Его «мы» поняло это, а его «я» приняло как аксиому.

СКОШЕННЫЕ КОЛОСЬЯ

- Они швырнули меня в ту яму, куда сбрасываются отходы мехов - преимущественно нечто похожее на сальную упаковочную паклю, и я понял, что кровь из носу, но я должен выбраться оттуда.

- А все мехи скучились возле ямы, будто выполняли какой-то ритуал, и сначала повесили меня вверх ногами, стреляя мне в живот и наблюдая, как кровь хлещет из меня, стекая по грудям прямо в рот, так что я ощущала ее тепло в этом холодном воздухе.

- Что-то просвистело мимо меня, потом раздался мокрый удар.

- Должно быть, несколько из этих нанопаразитов попали в мой хлеб еще до того, как жаркий кислый вкус возник у меня в глотке и я стал давиться и задыхаться.

- Он уколол меня своей антенной, что явилось большой неожиданностью, ибо я считал, что он один из тех мехов, которые пользуются только микроволновыми вибраторами.

- Это случилось в самом конце кампании, я жутко устал и прилег, чтобы соснуть хоть несколько минут, но эта медлительная тварь подобралась ко

мне, а я не обратил на нее никакого внимания.

- Мы бежали изо всех сил, надеясь уйти подальше отсюда.

- Она бежала первой и прыгнула очень чисто, легко преодолев расстояние. Я попытался сделать то же самое, но мои обмотки порвались, я потерял равновесие, будь оно трижды проклято.

В шейном отделе позвоночника он носил вживленный чип - Аспект одного из самых великих людей прошлого, которого звали Артуром. Артур служил ему советником.

К этому времени Париж уже выступал на заседаниях Семблии, хотя и был совсем еще молодым. Артур всегда высказывался за сдержанность в отношениях с мехами, приводя в подкрепление своей позиции различные эпизоды из древней истории человечества. Когда Париж осведомился у Артура об истинных трудностях, о которых тот распространялся, говоря о Древних Временах, когда люди впервые добрались до Центра галактики, Артур раздраженно ответил:

- Скажем так: это вовсе не походило на приглашение на чай к королеве.

Артур то и дело пользовался подобными архаическими выражениями Древних Времен и никто не знал, что именно они означают, но на

это Артур внимания не обращал. У него их был приличный запас. Например:

- что мичман, что вешалка - одно слово -вешалка для треуголки.

А когда выбросы плазмы бросали золотые завитки почти по всему видимому сектору ночного неба, он сказал:

- любая достаточно продвинутая технология в Центре галактики наверняка может показаться природным феноменом.

И, конечно, был прав. Конструкции мехов заплывали в разреженном эфире космоса на несколько световых лет от Центра. Никто не знал, что они делают в Центре, если исключить очевидное: здесь было изобилие энергии и мощных потоков элементарных частиц, столь необходимых для функционирования мехов. И дело было вовсе не в том, что они обладали повышенной выносливостью по отношению к здешнему жуткому «климату», но, видимо, *у* них была еще и какая-то грандиозная цель.

Артур щедро одаривал своего собеседника байками о том, как величественна была эра первого появления людей в галактическом Центре, что вызывало у Парижа постоянное раздражение. И все же советы, извлеченные из Аспекта, были

весьма полезны, особенно когда приходилось иметь дело с бродячими мехами, которые сейчас сильно осложнили жизнь Семблии.

Мехи прибывали на Изиду во все больших количествах и, не стесняясь, выражали в самой наглой форме свое презрение к беспородным людишкам. Высохшие трупы животных и людей - для мехов между ними разницы не было - свисали на резиновых подвесках с ног мехов, волочась и дрыгаясь в воздухе не только при ходьбе, но даже от ветра. Кое-кто считал, что это еще один способ терроризировать людей, но Париж полагал, что в мехах говорит своеобразное чувство юмора или нечто близкое к нему, хотя людям подобные выходки нисколько не казались смешными.

Итак, мехи явились: Долгоносы, Копейщики, Копальщики, Ползуны, Гремучки, Бабы-Яги, Глушилки, Метелки, Волокуши. Человечество платило жизнями за каждое название, за каждое слово, которое откладывалось в сенсорике и давало возможность пополнить каталог привычек и слабых мест мехов.

С тлеющего неба, никогда не знавшего, что такое настоящая ночь, так как десятки близких звезд почти касались друг друга своими пылающими коронами, создавая впечатление

сплошной светящейся туманности и грозной беспредельности, с этого неба спускались корабли мехов, похожие на стаи саранчи.

Париж участвовал в этой жуткой, растянувшейся на целый год битве, в ходе которой были уничтожены почти все главные подразделения мехов на Изиде. В этот-то год у него и появилась на лице волчья улыбка, а сам он казался составленным из одних острых углов да туго натянутых железных нервов. Он прославил себя у статуи Уолмсли - так называлась гора с изваянной в ней скульптурой. Прямо у подножия этого мемориала в горе была выдолблена деревушка и несколько отдельных жилищ - такой огромной была гора. Именно там Париж предугадал будущий маневр мехов, предугадал еще до того, как они приступили к его осуществлению, и выиграл решающее сражение.

Нельзя сказать, что люди, служившие под его началом, считали его мягкосердечным. Его отчужденность стала к этому времени почти легендарной. «Крутой сукин сын, без ботиночного рожка даже не пукнет» - подслушал он в разговоре о себе и принял как комплимент.

Он пришел к выводу, что машина - это человек, но только вывернутый наизнанку. Она могла с

высокой точностью описать все детали, но из потока данных у нее никак не складывалась сумма, она не могла извлечь опыт из бесконечной информационной реки. Важнейшая же тайна людей лежала в наличии у них фильтров, в способности игнорировать то, что они считали несущественным.

Париж не ощущал градусов по Кельвину, или литров в секунду, или килограммов. Зато он ощущал жару, холод, движение, тяжесть, знал любовь, ненависть, страх, голод. И все это не подлежало точному измерению. Лежало вне области, где царили цифры.

Победа людей над мехами на Изиде была делом временным. И это понимали все.

Поэтому Семблия, чья численность уже достигла нескольких миллионов человек как благодаря иммиграции, так и высоким темпам естественного прироста, решила отпраздновать долголетнюю историю своего существования, которой она очень гордилась. Возможно, это был последний шанс людей организовать подобное торжество.

Объединив усилия всего населения Изиды, они воскресили Старину Броза - личность столь совершенную, что кое-кто рассматривал ее призрачное естество как доказательство существования

жизни после смерти. Старина Броз посоветовал Семблии нанести мехам упреждающий удар в глубоком космосе, где те обитали. Только перенеся войну на их собственную территорию, человечество могло обеспечить свое выживание. Париж был полностью согласен с этим. «План должен основываться на неожиданности», - сказал Старина Броз и неизвестно чему рассмеялся. Париж взял на себя руководство. К этому времени у него было уже множество сторонников, юные женщины влюблялись в него, но он не позволял себе отвлекаться от главного. Что-то импонировало ему в создавшейся тяжелой ситуации. Он использовал преклонение Семблии перед Стариной Брозом, чтобы добиться своего, хотя сам абсолютно не верил теологической болтовне, на которой основывалось доверие Семблии к цифровым «воскресениям» и к гипотезе о возможности существования жизни после смерти в неком аналитическом раю.

Это обстоятельство поставило перед Парижем тот вопрос, который задавали себе многие: зачем нужна человечеству религия?

Он понимал, что дело тут не в том, как представляли себе мир другие члены Ноевой Семблии. Но какая-то часть его внутреннего «я» настаивала:

«Докажи выгоду, и ты объяснишь поведение». Почему он автоматически мыслит в рамках этого правила, он и сам не знал, но он ощутил, как его внутренний теневой наблюдатель шевельнулся.

Для Семблии религия была чем-то вроде социального цемента. В своей крайней, экстремистской форме она могла подвигнуть верующих на участие в крестовых походах. А может, это основывалось на теории и практическом решении важнейшей проблемы всего человечества - смерти? Тогда сила теологии в людях, окружающих его, проистекает только из того, что они разделяют страшную и неотвратимую угрозу? Он представлял себе, как идея войны начнет распространяться все шире и шире, ибо и в себе самом он ощущал ту же жгучую необходимость разрядить напряженность, вызванную страхом близкой смерти.

А из внешнего мира религия не получала подпитки: Бог не отвечал на людские вопли. Чудеса редки и - увы! - невоспроизводимы. Так почему же религия не только сохраняется, но даже крепнет?

Его механистические объяснения, резкие и исполненные иронии и скепсиса, какими они и должны быть у молодого человека, все же никак

не могли вскрыть истинную сущность религии. Оставались важнейшие проблемы: происхождение Вселенной и законов природы. Наука еле-еле прикоснулась к ним, сведя все к одной большой загадке: почему существует нечто со своими законами, а не огромное Ничто? Существование хаоса столь же естественно, как и точная звенящая гармония, выявленная научными исследованиями. Если Разум, извлеченный человечеством из Материи, сделал возможным самопознание Вселенной, то есть помог ей выполнить ее домашнее задание, то Религия провозгласила эту цель, эту эволюцию. Но тогда почему нет религии у мехов?

Столь абстрактные способы исследования глубинных религиозных импульсов, свойственных человечеству, не смогли объяснить Парижу рвущую сердце нужду в вере. Что-то он упускал.

Это обстоятельство больше любых ритуалов и затеянных Семблией празднеств победы над мехами содействовало формированию у Парижа представления о непостижимости человеческой натуры.

В ЗАКРОМАХ

- Моя первая мысль была такова: я нахожусь

здесь, и меня превратили во что-то вроде цветочного горшка.

- Я распался на мелкие, разбросанные повсюду кусочки, но при этом сохранил способность думать, хотя только вот такими обрывками фраз.

- И это была *боль*, но потом они уменьшили ее количество, и я мог выносить ее немного дольше, хотя рука все еще продолжала оставаться вывернутой.

- Оно написало мое имя на моем лице, и я подумал, что это нужно для моей идентификации, но потом я увидел свою голограмму, стоявшую рядом с моим именем, написанным на затылке, причем в очень неудобном положении, которого я, кстати, не ощущал, пока эта тварь, похожая на женщину, не начала карабкаться мне на шею.

- Околопочечный жир был неплох, но то, что меня стали топить в слизи, было хуже, и когда я закашлялся, она вылетела у меня изо рта, оставив ощущение, будто у меня внутри что-то гниет.

- После того как моя кожа покрылась волдырями, потемнела и покоричневела, и стала слезать как пленка, холод, запущенный мне под кожу чуть ниже, потек по мне раскаленным маслом.

- Я кричал, но эта тварь с множеством ног не желала остановиться.

* * *

Он встретил Богомола во время патрулирования. Париж был один.

Это было нечто сверкающее, игра света на гранях скалистого выступа довольно далекого холма. Чтобы понять, что это такое, нужно было в первую очередь избавиться от этих слепящих вспышек света. Париж ощущал запах и вкус этой твари лучше, чем видел ее. Поскольку он выполнял простое задание по транспортировке грузов и имел в своем распоряжении только несколько самоходных тележек, вооружен Париж был плохо.

Он стоял, соблюдая полную неподвижность, и чувствовал, как тварь скользит в его направлении. Бегство было бессмысленно.

В легендах их клана сохранились упоминания об этом классе мехов. Они встречались очень редко, передвигались огромными прыжками, оставляя за собой развалины домов, изломанные жизни и трупы. О них ходили рассказы как о призрачных многоногих силуэтах, иногда возникавших на фоне туманного горизонта. Все, что осталось в памяти Семей и Семблии, - это ощущение неодолимого и непонятного ужаса, обрывки воспоминаний и рассказов выживших, сохра-

нившихся в Аспектах тысячелетней давности.

Нужен доступ. Слышу эхо сигналов некоего существа, которое я встречал в далеком прошлом. Ты узнаешь меня?

- Нет.

Хотя что-то зазвенело и шевельнулось где-то на задворках его мозга, но ужас тут же заморозил эти ощущения. Затем на помощь пришел опыт долгих тренировок, и Париж ощутил, что в его сердце разгорается ледяной огонь гнева. Он попытался оценить возможность нанесения этой твари серьезного повреждения. Она тут же отразила вопросы, заданные его сенсорикой, и адресовала ему несколько сильных разрядов и изображение толстых слоев льда.

Ты ведешь короткую, но насыщенную жизнь в этих диких краях. Твоя первичная форма создана из гораздо более древней логики, нежели я встречал до сих пор.

Париж увидел фрагмент многоногой твари, быстро передвигающейся у подножия далекого холма. Очень тщательно и осторожно определил расстояние до нее.

Твой филюм[16] смеющихся и видящих сны по-

---

[16] Примечания: 16
Единица биологической классификации. - *Примеч. пер*

звоночных способен преподносить неожиданные сюрпризы. А ты - самый сложный образчик такой категории. Тебе удалось накопить множество подобных черт. Я с нетерпением жду, когда смогу скосить их и начать изучение.

- Получив от меня? Разумеется. А ты… не догадывался?

- Не догадывался о чем?

Богомол замешкался, что у создания, обладавшего такими огромными компьютерными возможностями, говорило о многом.

Понятно. Мы, которые вечно воссоздаем себя, хотя и в разных формах, не разделяем вашей заинтересованности в артефактах. Хотя они и кажутся вечными, но я, например, уже пережил несколько горных кряжей. Артефакты - недолговечные инструменты, которые быстро изнашиваются и превращаются в мусор.

- Вроде меня?

В каком-то смысле да, но по-своему. Итак, ты интуитивно понимаешь…

В медленно формулируемом вопросе Богомола Париж ощутил какой-то второй смысл… Но какая-то часть его насторожилась. Он отказался идти по навязываемому пути. Нет, так дело не пойдет.

Вместо этого он настроил свое единственное

оружие на вектор последнего мысленного послания Богомола и дал очередь. Богомол вспыхнул и исчез.

Мы еще соединимся с тобой, о бренный сосуд!

Секунды бежали. Ни единой морщинки в сенсорике. И никакого наказания.

Отдача от залпа встряхнула его, что, в общем, было хорошо. Сердце бешено колотилось. Что-то в нем радовалось этому освобождающему поступку, в то время как другая часть примолкла и явно не знала, что ей делать. Париж чувствовал душевный подъем от сознания, что избежал постыдного поражения, которое его «мы» не смогло бы предотвратить. Но что хотел сказать ему Богомол своей последней фразой?

Не долго думая, Париж возобновил свое путешествие. Страх и гордость смешивались в нем, но вскоре он начисто ~~позабыл о случившемся~~.

На Изиду прибывали все новые Семьи и Семблии, что немало содействовало укреплению этого аванпоста. Но даже на фоне быстрых перемен в галактическом Центре были заметны те изменения, которые произошли на Изиде за те три крошечных столетия, пока жизнь людей текла мирно.

Продолжительность жизни мехов исчислялась

тысячелетиями, и соответственно они планировали свои действия. Наномехи все еще отравляли жизнь жителям Изиды. Построенные людьми Цитадели ветшали от сурового климата и колючей пыли песчаных штормов, которые несли на себе мириады нанопаразитов, рождавшихся прямо в струях нескончаемых ветров.

Против засоления атмосферы были созданы специальные защитные сооружения, размещенные в ближнем космосе. Мехи лишились возможности швырять в Изиду астероидами, ни один их корабль не мог прорваться через ее магнитосферу. Париж добровольно вызвался пройти обучение всем этим видам оборонительного искусства. Ему нравилось ощущать прилив счастья в невесомости, наблюдать игру мощных динамичных сил или наблюдать прекращение действия законов Ньютона в освобожденной от трения пустоте.

Изида манила к себе своеобразной красотой своих засушливых ландшафтов. На восходе солнца ее сухие долины еще тонули во мгле, но снежные пики сверкающих гор, окутанных покровом облаков, уже горели, как угли, красно-оранжевыми переливами. Вершины гор рассекали облачную пелену, оставляя кильватерный след, как гордые

корабли. Иногда там громоздились грозовые тучи. Освещаемые яркими вспышками молний, они напоминали бутоны распускающихся белых роз.

Не менее потрясающими выглядели с высоты и деяния человеческих рук. Сверкающие созвездия Цитаделей по ночам связывала светящаяся сеть шоссейных дорог. Сердце Парижа наполнялось гордостью за достижения разума человечества, может быть, и терпящего поражение, но все еще способного решать задачи дизайна целых планет. А сколько сделано тут только за первые сто лет его жизни! Париж лично участвовал в создании искусственных морей, озерных продолговатых бассейнов и гигантских квадратов возделанных полей - дивного порядка, отвоеванного с огромным трудом у сухих долин.

Позже Париж нашел себе женщину, которая любила его, несмотря на все его странности, несмотря на любовь к одиночеству и тишине. У них родились дети, которые не проявляли никакого интереса к искусству. А потом у детей родились свои дети, и Париж ощутил в них свое продолжение. Однако иногда в нем шевелилось нечто, чему он не находил названия, ибо оно пряталось в миллиардах битов информации,

которые текли мимо прекрасно освещенного театра сознания Парижа.

Он помог народившемуся и быстро растущему военному флоту Изиды обезопасить «червоточину» в своей Солнечной системе. Они обнаружили ее в черном молекулярном облаке, которое силами инерции прибило к звезде Изиды несколько столетий назад. Чтобы подтянуть его поближе к планете, потребовалось около двадцати лет жизни Парижа, но он ничуть об этом не жалел. Входное отверстие «червоточины» открывало новые возможности для людей. А до этого ими пользовались только мехи.

Его труды оказались как раз ко времени.

После многих десятилетий, отданных верному служению Семблии, после создания поразительного количества его странных кратковременных произведений искусства в небе планеты Парижа вновь загорелись огни колоссальных сооружений мехов, размерами превосходивших луны.

Прибыли огромные мехи, готовые уничтожить все семь планет этой Солнечной системы, материал которых понадобился им для строительства их непонятных сооружений. Одна из фракций Семблии ратовала за переговорный процесс, другие члены ее требовали поскорее завершить

строительство кораблей, которые увезут их всех прочь, покуда мехи не добрались до Изиды и не начали ее разбирать прямо под ногами жителей.

Париж возражал. Он уговаривал Семблию нанести ответный удар. «Надо уничтожить нечто такое, что ценится мехами, - кричал он. - Только тогда они начнут нас уважать и согласятся выслушать!»

Но, говоря это, он чувствовал, что в нем зреет нечто совсем другое.

Та тень, которая сидела в нем, стараясь укрыться от взгляда его внутреннего «я», вдруг ожила и начала двигаться, медленно, но очень целеустремленно. В его мозгу вдруг стали появляться координаты и схемы путей, необходимых для того, чтобы отряд безумно смелых пилотов добрался бы до колоссального, непрерывно растущего диска в Истинном Центре галактики. Вскоре ручеек данных превратился в мощный бурный поток, начинавшийся из источника, который не поддавался определению. Может, это был глубоко законспирированный Аспект? Но нет, другая часть его сознания отвергла такое предположение.

Париж печально улыбнулся, желая ослабить напряжение, которым сопровождались подобные

размышления, и вдруг на какое-то мимолетное мгновение увидел себя в бесконечном, телескопически суживающемся туннеле, увидел себя как члена филюма этих гогочущих и видящих сны позвоночных.

В ЗАКРОМАХ

- Тварь с множеством ног сказала мне, что я теперь - памятник моему народу.

- А еще там была группа из пяти маленьких и одного большого, но с удивительно смешными ногами, и они все стали вскрывать меня, чтобы поглядеть, что там внутри.

- Моя мать тоже была там, из нее росли части каких-то животных, но когда я попробовал добраться до нее, они и меня сделали таким же.

Меня продолжали держать в боевом скафандре, заставив принять позу, будто я прилег отдохнуть, но там были еще эти безногие личинки, которые все вылезали из нарывов на моей коже и ползали по всему телу.

- Они сказали, что я не почувствую того, что войдет в меня через мои глаза, но солгали.

- Я думал, что они забыли про меня и позволят мне лежать на полу, пока они будут работать над другими, а меня решат использовать на

запчасти.

- Я мог видеть вполне прилично, но когда посмотрел вниз, то своего тела не обнаружил. Только голова, надетая на пику, которую они таскают с собой, как я считаю, для того, чтобы в бою пугать членов моей Семблии, потому что я буду умолять и вопить от боли все время. Хотя у меня и нет легких.

Галактический Центр был коллекцией всякого космического мусора, вихрем крутившегося на дне этого гигантской гравитационной мульды. Ее завывающие мятущиеся внешние окраины надежно охранялись кораблями мехов.

Но черви сделали ее проходимой. Самая первая человеческая экспедиция через входное отверстие «червоточины» оказалась вполне успешной. Выход же из «червоточины» находился значительно ближе к Истинному Центру. Сам Париж пролетел по ней и несколько раз влетал и вылетал из «червоточины», точно мышь, которая боязливо выбегает из норки, чтобы тут же спрятаться обратно. Да они и в самом деле были мышами - паразитами, прячущимися в стенах.

Корабли людей пролетели сквозь «червоточину», а затем встретились на конвергентных асимптотах. Париж потребовал для себя руко-

водящую роль в экспедиции и получил ее. К этому времени он был уже опытным пилотом, способным войти на колоссальной скорости в «червоточину» под нужным углом, а потом ловко пролететь по ней, проделывая весьма сложные маневры.

«Червоточины» - окаменелые следы первой расщепившейся секунды существования Вселенной. Они удерживаются в открытом состоянии слоями отрицательной энергии, чередующимися с прослойками антидавления, рожденными в родовых конвульсиях, что создало слоистую структуру, напоминающую по строению луковицу. Этот ценный вид природных ресурсов был собран - кем? - и перенесен сюда миллиарды лет назад, чтобы служить в качестве транспортных артерий.

Квантовая пена шипит и пенится у входов в «червоточины», взметая фонтаны раскаленных красок. Эти «столбы» имеют колоссальную плотность, но главная опасность поджидает пилотов на самой кромке, где перепады давления буквально рвут материю, превращая ее в смертельно опасную плазму. Удар о стены этого постоянно меняющего местоположение продолговатого входа фатален, что на своем печальном опыте

доказали многие погибшие пилоты.

Само устье «червоточины» представляет собой эллипсоид, обрамленный квантовым пламенем. Париж вел узкий, похожий на карандаш корабль со сравнительно слабой термоизоляцией и низким уровнем амортизационной безопасности. Несмотря на это, он не испытывал чувства страха, а лишь угрюмую уверенность в будущем. Под перепадами давления, что походили на чередование приливов и отливов, его корабль трещал, молнии извивались, как золотые и фиолетовые змеи… а он вылетал из другого конца «червоточины», но уже в сотне световых лет от входа в нее.

Голубовато-зеленая звезда величественно приветствовала появление человеческой флотилии, играя своей пышной короной. Неподалеку крутился на орбите сложный комплекс мехов, его охранял их военный корабль. Совершив мгновенный разворот, верткие маленькие корабли людей вытянулись в кильватерную колонну и рванулись к устью другой «червоточины». Пятьдесят мужчин и восемьдесят шесть женщин погибли, картируя путь, которым надлежало следовать будущим пилотам, добывая коды, позволившие нынешней экспедиции проникать сквозь сторожевые комплексы мехов., Правда, маскировка, к

которой они прибегали, могла выдержать лишь очень поверхностную инспекцию. Малейшая задержка - и мгновенная гибель.

Второй транзит состоялся через очень крупную «червоточину», которая вывела их на очень низкую орбиту вблизи раскаленного красного карлика. Коды, полученные с таким трудом, могли сработать еще несколько раз, пока комплексы мехов не спохватятся. А пока кораблям приходилось нырять в первое попавшееся устье «червоточины», которое окажется поблизости.

«Червоточины» были похожи на улицы с односторонним движением. Корабли с большими перегрузками врывались в устье, а затем путешествовали сквозь горловину, которая могла быть короткой, как палец, или длинной, как диаметр планеты. Сам гиперпространственный прыжок мог доставить вас к совершенно бесполезной Солнечной системе или в такое поганое местечко, где человека сразу поджарило бы, как на сковородке.

В незапамятные времена, вероятно, пользуясь силами притяжения между звездами, кто-то - весьма возможно, эти были те, кто сотворил первых мехов, - создал сложнейшую систему галактического Центра. Меньшие устья, масса

которых могла равняться массе горной цепи, позволяли проход только очень узким кораблям. Именно такие использовались Парижем и остальными восемнадцатью волонтерами, когда они выскочили у самого комплекса мехов. Медлить было нельзя: каждый важный пункт в этой транспортной сети хорошо охранялся, так что быстрота была единственным оружием людей.

Вылетаешь из устья одной «червоточины», нацеливаешься на маленькое устье другой… и пошел! Извилистые, как змеи, блестящие стены дыры с гулом пролетают мимо, а Париж смотрит на дисплей, стараясь не думать о том, что ждет его впереди.

Сходящиеся на конус, отсвечивающие серым, стены горловины содрогаются. Каждая пасть «червоточины» информирует другие о том, что она только что «проглотила», и эта информация пробегает в виде судороги по напряженным стенам «червоточины». Волны Накатывающихся стрессов заставляют горловину осциллировать, она сжимается, превращаясь на время в нечто похожее на перемычку в связке сосисок. Если корабль Парижа попадет в такую перемычку и она быстро сожмет его, то из выходного отверстия он выйдет в виде султана розоватого ионизиро-

ванного газа.

Проделав множество чрезвычайно сложных расчетов, касающихся «червоточин», математики разработали теоретическую схему наиболее подходящих маршрутов для кораблей Парижа. Между Изидой и космосом вблизи Истинного Центра лежало около дюжины гиперпространственных прыжков. Плохо было то, что у некоторых «червоточин» было по нескольку устьев, так что узкая горловина бросала кораблям вызов - выбор следовало сделать, не снижая скоростей.

Когда корабли вынырнули из очередной дыры, в необозримой мгле плавали звезды и планеты потрясающей светящейся красоты. За сверкающей туманностью ощущалось присутствие радианта Истинного Центра. Удивительный контраст - пролететь расстояния, которые невозможно себе представить, и при этом пролететь их в консервной банке размером чуть побольше ящика.

Раз-раз, и они снова прыгнули, скрылись из виду и прыгнули опять.

В этих местах было не до вежливости. Когда к ним приблизился сторожевой корабль мехов, желавший произвести рутинную проверку, они его тут же уничтожили снарядами, управляе-

мыми кинетической энергией. Мехи никогда не пользовались такими грубыми методами, так что за собой люди оставили здесь ясные следы, говорившие, что «паразиты» прошли этой дорогой.

Они снова вынырнули и оказались в ярком свете белых карликов, собранных в правильный шестиугольник. Париж подумал, зачем мехам понадобилось создавать такое созвездие, ведь по правилам звездной механики оно не могло существовать долго. Впрочем, как и в случае многих других привычек и особенностей поведения мехов, найти объяснение было невозможно. Даже обширные запасы воспоминаний Артура не содержали в себе ничего подобного.

Впереди простирался галактический диск во всем своем ослепительном великолепии. Полосы спекшейся пыли окаймляли звезды лазурными, малиновыми и изумрудными ореолами. Этот перекресток «червоточин» давал выбор между пятью возможными ходами: тремя черными сферами, носившимися на орбите подобно смертельно опасным пантерам, и двумя кубами, ярко сиявшими белым светом и квантовой радиацией, окаймлявшей устье.

Похожие на тонкие карандаши корабли людей рванулись к плоской морде белого «червя».

Столбы, созданные переплетением антиэнергии и плотности, поддерживающие устье в открытом состоянии, находились на самом краю, так что приливоотливные волны напряжений отсутствовали. Один миг, внезапное ощущение тошноты, и вот они уже рядом с Истинным Центром.

Внутренний диск пылал ядовито-малиновым и злобно-багровым огнем. Гигантские воронки магнитного поля засасывали и втягивали в себя облака межзвездной пыли. Зловещие циклоны, суживаясь, уходили вниз к огромному, вечно расширяющемуся диску.

Повсюду виднелись висящие на орбитах циклопические сооружения мехов, весь звездный купол буквально кишел следами их активности. Колоссальные раскаленные решетки и рефлекторы перехватывали радиацию, возникавшую от трения частиц и магнитных излучений диска. Урожай первичной энергии протонов вливался в голодные пасти «червоточин» и, по-видимому, перебрасывался к далеким мирам, нуждающимся в острых копьях света. Зачем? Для переделки планет мехами? Для разрушения миров? Для сотворения новых лун?

Корабли стремительно развернулись в сторону еще одного широко разинутого рта «червя»...

Открывшийся перед Парижем вид чуть не лишил его способности дышать.

Магнитные потоки вздымались, как башни, они были так огромны, что их невозможно было охватить взглядом. Внутри их возникали светящиеся коридоры, в которых сверкали разряды бешеных энергий. Аркады, сотканные из «нитей» магнитных линий, перебрасывались через пространства в десятки световых лет, их гигантские кривые спускались к раскаленному добела Истинному Центру. А там материя кипела, пенилась и вдруг начинала бить дразнящими фонтанами.

В Истинном Центре уже погибли три миллиона солнц, пытаясь насытить голодное брюхо гравитации. Арки были явно рукотворные, предназначенные для сбора радиационной энергии в радиусе световых лет. Они сами поддерживали свое существование на протяжении сотен световых лет, тонкие и нежные, словно девичьи волосы, вздымающиеся от дуновения слабого ветерка.

Неужели в этих условиях может существовать разум? Ведь ходили какие-то слухи, ничем не подтвержденные. Насчет изумрудной пряжи, которую прядут на рубиновых веретенах. Париж

был поражен зрелищем пластов, которые, образуя лабиринты, спускались вниз, исчезая из глаз и оставаясь недоступными для понимания смертных.

Резкое увеличение скорости вжало его в спинку гидравлического кресла. Откуда-то из-за спины ударил жестокий ослепляющий свет.

Они взорвали «червя»! - раздался крик коммуникатора.

Он круто тормознул и взял влево - прямо в облако пыли и обломков. Видимо, мехи отлично знали, как следует обращаться с подпорками из антиэнергии и плотности, находившимися в устье «червоточины», и запустили этот процесс, чтобы поймать «паразитов». Теперь люди потеряли возможность отхода назад.

Корабли метнулись к огромному черному пятну, которое манило их обещанием хоть и плохонького, но все же убежища. Теперь они были совсем рядом с краем расширяющегося диска Черной дыры. Вокруг них кипела смерть звезд, оркестрованная струнами магнитных перепадов. Что в свою очередь, как считал Париж, происходит по команде кого-то, с кем он ни в коем случае не желал встретиться. Интересно, это все еще область господства мехов или он вторгся туда, где

и мехи считаются паразитами?

Здесь звездам вспарывали чрева процессами столь сложными, что Париж был бессилен что-либо понять. Их измельчали, плавили и превращали в шипящие комки. Они вспыхивали в мрачных, вращающихся на орбитах массах обломков и пыли, светясь как кроваво-красные спичечные головки в глубине грязного угольного подвала.

И среди всего этого плавали самые удивительные, никогда не виданные Парижем звезды. Каждая из них была полузакрыта висящей перед ней полукруглой маской. Маска образовывалась за счет поглощения Инфракрасных излучений, причем экран возникал на строго фиксированном расстоянии от звезды. Экраны парили в космосе, сила тяжести уравновешивалась силой наружного давления самого света. Половину светового излучения звезды маска возвращала ей обратно, так сказать, отдавая жар жаровне и посылая ослепительные дуги смертельных излучений прямо в корону звезды.

Свет свободно лился с одной половины звезды, тогда как на другой половине маска как бы закупоривала светоиспускание. В результате звезду толкало в сторону маски, но так как последняя

всегда держалась силой притяжения на фиксированном расстоянии от звезды, несчастная, посылая солнечные лучи только в одном направлении, была обречена постоянно откатываться все дальше и дальше.

Магнитные «нити» гнали целые стада таких звезд - медленно, но неодолимо. Гнали к диску, рассчитывая насытить аппетит неутолимой Черной дыры.

Париж и его спутники зависли в узком проливе, откуда открывался отличный вид вниз на все это великолепие. Темнота доминировала в ядре, но сила трения нагревала падающие к нему газы и пыль. Штормы накатывались на берега диска, добела раскаленные торнадо закручивали бешеные воронки. Ядовитый светящийся жар рвался наружу, иногда высвечивая колоссальные темные массы, блуждающие на своих обреченных орбитах. Гравитационные силы гнали эти потоки к диску, заставляя их исчезать где-то внутри.

Но и среди этого бешеного смертельного потока торжествовала жизнь. Если ее можно было так назвать.

Париж всматривался в лежавшую перед ним феерическую картину, отыскивая тех полумашин-полузверей, которые здесь кормились, жили

и здесь же умирали. О них говорилось в записях тысячелетней давности. Вот оно!

Терпеливо снося давление горячих фотонов, паслось огромное жвачное. Для этих фотоядных диск Черной дыры был источником пищи. Прямо над этим раскаленным диском в густой массе вечно парящих облаков и кормились призрачные стада.

Вектор вон туда! - пришла команда. Это было направление, ведущее их к цели, но мехи уже двигались к похожим на веретена кораблям людей.

Полотнища фотоядных колыхались в электромагнитных ветрах, роскошествуя в этой пропитанной смертью среде. Некоторые из них, видимо, предпочитали определенные диапазоны электромагнитного спектра, причем каждый вид отличался ему одному свойственным блеском и формой. Они разворачивали большие рецепторные плоскости, чтобы удерживать нужную орбиту и угол перемещения в этом вечном безбрежном дне.

Корабли людей скользили между огромными крыльями блестящих полотнищ фотоядов. Стада последних «катались» на электромагнитных ветрах и течениях, образуя очень сложные ди-

намичные системы. Конечно, это были машины, возможно, происходившие от кораблей-роботов, исследовавших Центр миллиарды лет назад. Более же сложные машины, развившиеся в этой изобилующей пищей .среде, вероятно, рыскали на темных путях, лежавших дальше от Центра.

Снаряд разорвал пылевой покров и ударил в один из кораблей. Другой пронзил нескольких фотоядов, и они погибли во вспышках пламени.

Корабли нырнули в тень и стали ждать. Бежало время.

Нечто невиданных очертаний отделилось от грани густого пылевого облака. По-своему оно обладало гротескной элегантностью, но такую форму не могло бы породить никакое человеческое воображение. Яркое, функционально светящееся, оно ленивыми спиралями спускалось по гравитационным градиентам. Под полотнищами фотоядов Париж различал вращающееся сияние. Должно быть, «нити» магнитных потоков, подумал он. Его мысли нарушил Аспект Артура.

Я бывал тут, уже в своем аспектном виде, в те далекие и славные дни, когда нам разрешалось проникать сюда. Я советую тебе спрятаться, ибо приближающийся к вам сторожевой корабль мехов настолько смертельно опасен, что даже я

не могу точно оценить степень этой опасности.

- Неужели у тебя такая крепкая память?

Это было всего лишь 2437 лет назад. Конечно, когда меня копировали, то были допущены некоторые ошибки, это верно, но чувство страха - самый надежный стабилизатор памяти. А я был жутко перепуган, когда моя носительница отправилась в полет в эти края. Она принадлежала к числу трех, которые выжили, а ведь в начале их было больше тысячи.

- Я не знал…

Интуиция явно подвела его. Другие узкие корабли людей с гулом пронеслись мимо, посылая панические сигналы, которые он с трудом разбирал. Тот эффектный корабль мехов продолжал спускаться к ним. Он был, правда, еще во многих сотнях километров, но неуклонно приближался и по масштабам космических сражений уже находился в опасной близости.

Здесь нас наверняка ждет смерть. Когда чувствуешь, что проигрываешь, меняй правила игры.

Париж кивнул и послал закодированный сигнал остальным. На максимальной скорости он поднырнул под сияющие полотнища фотоядов, огромные крылья которых грациозно изгибались

под воздействием фотонового бриза. Штормов эти стада боялись. Раскаленные добела смерчи крутились и отрывались от диска. Когда на нем расцветали огненные бутоны, среди мирно кормящихся стад поднимался протестующий ропот. В случае опасной погоды между слоями стад пролетали некие телеметрические устройства, которые, должно быть, помогали удержать ситуацию под контролем. Они перекликались друг с другом в этом вечном свирепом жару с помощью световых сигналов.

Париж видел, как погибло одно стадо. Огромные светящиеся полотнища были сорваны с места. Многих швырнуло в рваные массы молекулярных облаков, которым вскоре предстояло закипеть и испариться. Другие, беспомощно крутясь, падали вниз. Еще задолго до того, как они достигали сверкающего диска, жуткий жар растворял их ткани. Они вспыхивали - последний энергетический всплеск.

Сейчас, находясь в пузыре сенсорики своего корабля, Париж ощущал на себе чье-то пристальное внимание. Чьи-то линзы следовали за ним: добыча?

Толпилась стая фотоядных, привлеченная магнитными потоками, идущими вдоль оси галак-

тики. Среди них скользили голубовато-стальные гаммаяды, питающиеся жестким гамма-излучением, исходящим от расширяющегося диска. Артур заметил:

Эти иногда поднимаются над диском очень высоко, насколько я помню, чтобы охотиться на кремниевых тварей, обитающих в темных пылевых облаках. Большая часть здешних экологических особенностей была в мое время практически неизвестна, и людям запрещалось проникать в такие области до того, как они будут как следует исследованы. Мы искали Ведж - место, где нашли убежище самые ранние переселенцы с Земли, среди которых был и легендарный Уолмсли. Мы хотели отыскать Галактическую Библиотеку, о которой много говорилось. Это сокровище могло бы…

- Ладно, ближе к делу.

Он остановил ленивые воспоминания Артура, заблокировав их. Время уходить. Но куда? В магнитную трубу? И какие меры предосторожности могут быть приняты?

Вместе с другими кораблями корабль Парижа свернул в сторону нитевидных образований. Однако это одновременно чуть не привело их к столкновению с огромным металлоядным чуди-

щем, оснащенным парусовидным плавником. Оно увидело их и рванулось в погоню.

Условия навигации здесь были проще. Далеко под ними, суживаясь до величины устья глубочайшего провала, находилась ось Пожирателя Всего Сущего - Черная дыра, уже поглотившая три миллиона звездных масс: булавочный укол в центре черного пятна на вращающемся, раскаленном добела диске.

Металлояд спускался следом за ними, ломая тонкие плоскости потребителей желто-золотистого света. Корабли людей рассеялись, без всякого успеха обстреливая чудище. Его преимуществом была прочность, их - быстрота.

- Но как, черт побери, нам справиться с этой штуковиной?

Металлояды питаются гораздо менее совершенными фотоядами. Их древние программы, улучшенные в процессе естественного отбора, заставляют их продолжать охоту на слабейших. Тех, которые оказались на малопродуктивных орбитах, ловить легче. Кроме того, они предпочитают вкус тех, чьи рецепторные плоскости потускнели от сочных рассеянных элементов, извергнутых раскаленным диском - там внизу. Металлояды угадывают жертвы по крапчатой

и тусклой окраске. Каждое мгновение миллионы таких незначительных смертей формируют мехосферу…

- Но нам необходимо как-то избавиться от него! *Я подумаю. А пока - ноги в руки, и пошел!*

Париж бросал свой корабль то вправо, то влево, используя весь свой опыт, чтобы взять верх над врагом. Другие оказались менее счастливы - он услышал крики трех погибших пилотов где-то в непосредственной близости.

Эти милые проводнички живут, чтобы поглощать свет, и испускают микроволны, но некоторые из них, вот как тот, что гоняется сейчас за маленькими кораблями людей, развили у себя вкус к металлам. Металлояды. Они даже сложили свои зеркальные крылья, стали грубее по форме и быстрее, научились резко менять ускорение.

Высший филюм заметил тебя.

- Да, и приближается с огромной быстротой.

Растения используют лишь, один процент энергии, падающей на них. Фотояды потребляют десять процентов, но эволюция мехов улучшила этот показатель. Замечательно. В некотором смысле, я думаю.

- А ну-ка, вырази это покороче и не голосом.

- Аспект всегда и с большим удовольствием расширял разговорные рамки.

Артур выдал целую очередь сжато сформулированных древних знаний. В процессе атомного распада, сказал он, внутри фотоядов происходит переваривание остатков других машин. Будучи точно настроен, их пищеварительный аппарат способен выдавать наружу слитки химически чистых сплавов.

Важнейшими ресурсами здесь являются свет и масса. Фотояды поглощают свет, а хищные металлояды поглощают их самих, но с еще большим удовольствием - человеческие корабли, хотя для них это экзотический вариант. Вот и сейчас один такой издает гигагерцы радостных воплей, нырнув за нами в магнитные поля «нитей».

- А что, эти магнитные сущности обладают сознанием? *Да, хотя и не в том смысле, который вкладывают в эти*

слова кратко живущие люди. Их можно сравнить с богатыми, но не используемыми библиотеками. У меня возникла идея. Их мыслительные процессы могут быть подвергнуты воздействию.

- Каким образом?

Их мыслительный процесс запускается с помощью электродинамических потенциалов. Мы их

раздражаем, я почти уверен в этом.

Париж видел, как стремительно нагоняет их металлояд. А следом столь же неотвратимо приближается спиралевидный сторожевой корабль мехов.

Оставшиеся корабли людей выполнили сложный маневр, включавший серию разворотов и пикирование, причем все это в условиях усиливающейся радиационной активности, исходящей от раскаленного диска. А вокруг подобно пылающей слоновой кости светились магнитные «нити».

Разумеется, любитель металлов с легкостью проглотил бы корабли Парижа, но его легкие крылья, распустившиеся для виража, затруднили ему возможность маневрирования, ставя в невыгодное положение в сравнении с верткими кораблями людей. Они проворно проскочили между «нитями» магнитных внутренностей. За ними следовал корабль мехов.

- Как долго будут раскачиваться эти магнитные существа, прежде чем начнут реагировать?

Если опыт хоть чему-нибудь учит, то скоро. Я советую пропустить металлояда вперед. И немедленно!

- Гляди, как бы он не исхитрился схватить нас!

Артур ответил множеством быстро повторенных «да». Его страх перед тем, что происходило с ними, постепенно передавался Парижу. Хорошие имитации, подумал он, видимо, обладают способностью бояться за свое существование.

Серо-стальная туша, металлояда уже висела над ними. У хищников всегда есть паразиты, лизоблюды, питающиеся падалью. Так и здесь. На полированной «коже» металлояда виднелись твари, похожие на устриц и морских уточек, а также просто бесформенные наросты оранжево-коричневого и грязно-желтого цвета, которые питались случайными крошками или очищали металлояда от вредных для него элементов - обломков и пыли, каковые могли бы повредить даже самым мощным механизмам, если хватит времени.

Металлояд заложил крутой вираж, надеясь схватить корабли, идущие вдоль магнитных «нитей», но вязкое давление силовых полей сдерживало его инерцию.

Париж подпустил его совсем близко, пытаясь оценить характер па, исполняемых существами, населяющими этот колоссальный танцевальный зал. В танце, определяемом давлением фотонов, свет играл роль жидкости, он поднимался снизу

вверх, от обжигающих штормов, бушующих там - внизу в колоссальном, перемалывающем материю диске. Этот богатый помол поддерживал существование жизни в сферическом объеме пространства, равном многим сотням кубических световых лет. Колоссальное неиссякаемое кормовое угодье.

Появились электродинамические помехи. Их гул затруднял связь с другими кораблями, выглядевшими почти неразличимыми пылинками. Огромная масса металлояда громоздилась где-то совсем рядом. От нее тянулись вперед гибкие клешни.

Оглушительный разряд. Медленная молния по дуге пробежала вдоль переплетения «нитей». Лимонно-желтая лента аннигиляции ушла куда-то вниз.

- Нас тут поджарят! - крикнул Париж. Однако Артур, который частично обрел спокойствие, возразил:

Мы тут мелочь, есть ставки и покрупнее. Этот трескучий огонь перехватят более крупные проводники.

Еще один раскатистый удар. Металлояд изогнулся, скорчился и погиб в танцующем бледном пламени.

Магнитным «нитям» требовалось немало времени для принятия решения, но сами решения были куда как основательны. Индукция - штука вязкая, но от нее никуда не уйдешь. Только теперь Париж понял замысел Артура.

Как только разряд уничтожил металлояда, потенциалы стали отыскивать другую проводящую поверхность, обладавшую наибольшей латентной разницей. Законы электродинамики нащупали самый большой из имевшихся проводников и замкнулись на сторожевом корабле мехов.

Получив разряд, сторожевик вспыхнул. Рубиново-красные и сине-зеленые факелы затанцевали во тьме.

Радостные возгласы донеслись со всех оставшихся кораблей. Дивное создание медленно падало вниз. Большие поверхности металлояда и сторожевика мехов перехватили электрический ток, генерируемый магнитными «нитями».

- Я… Ты и в самом деле понимал то, о чем говорил? - устало спросил Париж.

Не совсем. Я действовал согласно знаниям, сохранившимся в архивах моей памяти, но теория далеко не всегда приводит к верному решению. Хотя, возможно, тут сработала и моя интуиция,

если допустить, что она...

В словах Аспекта Париж ощутил слабый привкус гордости. Корабли людей снова набирали скорость, торопясь уйти из сферы действия призрачных «нитей». Запас разрядов огромного вольтажа мог оказаться неограниченным.

Неподалеку от края сверкающего диска, никак не реагируя на царящие здесь штормы и смерчи, вращалось странное, Покрытое пятнами серое цилиндрическое тело.

Вот оно! Цилиндр явно был делом рук мехов.

- Дворец Человека, - произнес Париж, сам не зная почему.

В ЗАКРОМАХ

- Мне приснился этот страшный сон, и я проснулся. Оказалось, что это была реальность.

- Должно быть, нас в этом темном, ровном помещении, почему-то закруглявшемся где-то наверху, были многие тысячи. Я мог смотреть вверх моим единственным глазом и видел, что и потолок заполнен нами, рассаженными в специально подготовленные места.

- Я весь покрыт сетью вен - длинных, толстых и синих. Но есть мне все равно хочется.

- Моя мать тоже здесь, всего лишь в нескольких

метрах от меня, но я узнал ее только по рыданиям, которые очень похожи на ее плач, а больше ничем эта тварь на мать не похожа.

- Мне удалось высвободить руку и выдавить себе один глаз, так что я не должен был больше видеть ее, но они починили мне глаза и сказали, что все это - часть моей экспрессии и теперь я должен смотреть все время, ибо они отрезали мне веки и к тому же перестали выключать свет.

- Мне не жарко, но все равно это Ад, и мы шепчемся друг с другом об этом, а также о том, что он будет существовать вечно и во веки веков, да святится имя Твое, аминь.

Это была обитель, выдержанная в тонах белого мела, и красной крови, обитель ромбовидных глаз и хриплых песен.

Париж и одиннадцать пилотов, оставшихся в живых, нашли шлюз, взломали его и вошли в громадное помещение внутри вращающегося цилиндра. Париж шел мимо предметов, на которые нельзя было смотреть долго, и не мог понять смысла увиденного.

Струи непонятных запахов, бормотание голосов, слова, похожие на щебет сошедших с ума птиц.

Некоторые из предметов уже даже не напоми-

нали людей, они скорее походили на согнутые трубы, изготовленные из отливающей воском плоти. Другие походили на движущиеся комки маслянистой желчи. Какой-то мужчина стоял на одной руке, его живот напоминал мехи аккордеона, а когда он двигался, то по всему телу у него образовывались овальные щели, из которых наружу выплывал желтый туман, а изо рта выходили разделенные долгими паузами тоскливые слова: «Я… есть… священный… замысел…» Потом следовал полузадушенный вздох и: «Помогите… мне… станьте… такими же… как… я…»

Откуда-то несло вонью, как из отхожего места. Прямо в глаза Парижа уставилась женщина. Она молчала, но по ее коже с тихим журчанием стекали струйки мочи. Рядом с ней стояла маленькая девочка, изображающая концертный рояль, веревочные розовые струны которого яростно краснели, когда начинали говорить разом.

Двенадцать пилотов были ошеломлены и не находили слов. Кое-кто из них обнаружил деформированные почти до полной неузнаваемости варианты людей, с которыми они были когда-то знакомы. Встречались и люди из далекой древности и из мест, которые никому не были известны.

Париж обнаружил проход, уставленный содрогающимися парами, занимавшимися сексуальными актами с помощью органов, которые природа вовсе не предусмотрела для подобной цели - вроде патрубков со скользящими в них вкладышами. Были там и существа, которые щупали и гладили самих себя во все возрастающем темпе, пока не впадали в полное безумие, визжали и орали вновь прорезавшимися ртами, затем утихали, но лишь затем, чтобы возобновить все те же действия во все убыстряющемся ритме.

Одного из жителей Изиды вырвало.

- Мы обязаны спасти их, - сказал он Парижу, когда тот подошел помочь ему.

- Да, сэр, - согласилась женщина-пилот. Выжившие люди жались друг к другу, подталкиваемые неизбывным ужасом.

Уродливая скульптура, изображавшая кишечник, из которого росли зеленые листья, с трудом выдавила из себя слова: «Нет… я… не… хочу…»

Париж чувствовал, что страхи и тревоги последних часов уходят прочь и их сменяет какое-то непреклонное чувство, которое он никак не может облечь в слова и выдавить их из глотки. Он покачал головой. Женщина начала было спорить, говоря, что им следует отобрать те статуи,

которые были изуродованы меньше и позже других, и постараться устранить сделанные в них изменения.

Наконец-то он нашел нужные слова:

- Они хотят уйти. Послушайте их.

Из длинного прохода, казалось, уходившего в бесконечность, слышались бормотание, стоны, корпускулярная симфония страданий и поражений, которая своими ритмами и невнятными каденциями невольно вызывала видение длинного черного туннеля, полного руин и бедствий, которые стали уделом человечества здесь, в Центре галактики, многие тысячелетия назад.

Париж молчал. Вслушивался. В мозгу со скрипом шевелились извилины… Им было неподъемно тяжело. Но они постигали.

Скульптуры Богомола отражали совершенно искаженное представление о человеке. Богомол стремился выразить суть каких-то отдельных мгновений, воспоминания о которых мелькнули в ограбленных им умах гибнущих людей, но то, что он получал, не было и не могло быть точной копией их сущности. Эта сущность лежала в том, что было-извлечено ими из потока, мчавшегося со скоростью миллиарды битов информации в секунду. А в судорожное мгновение, в длящуюся

долю секунды боль смерти, люди кромсали свою Вселенную электрохимическими клинками, отсекая от себя только крошечную частичку своего «я».

Смерть была для людей как бы матерью, дарящей им красоту. Да и боги их разве не были в конечном счете отражением той неуверенности, с которой смертные шагали по жизни?

Для Парижа формула $e^{i\#960;} + 1 = 0$ еще в детстве звучала как бессмертная музыкальная фраза разума, связывающая между собой несколько постоянных величин в единое целое с помощью математического анализа: *0, 1, e, #960;, /…* Для Парижа простая линия этого уравнения была прекрасна.

А для цифрового сознания восприятие данного уравнения было бы совершенно иным, оно не воспринималось бы ими как грандиозный открытый и живописный ландшафт. Не лучше, не хуже, а просто иначе.

Но передать эту мысль Богомолу он никогда не сумеет.

Так же, как не сумеет выразить ярость, таящуюся в его крови, свою ненависть к той тени, которая каким-то образом проникла в его сознание и так портила ему жизнь.

В каком-то смысле, однако, эта ярость была куда мудрее простого гнева. Париж сам удивлялся себе: дышал медленно, спокойно и не ощущал ничего, кроме гранитной уверенности в своей правоте.

И Париж принялся спокойно и размеренно убивать скульптуры. Его спутники стояли, потеряв дар речи от изумления, и во все глаза смотрели на то, что он делал. Их реакция его не интересовала. Он двигался быстро, уничтожая статуи выстрелами, и эта работа поглощала его внимание целиком, без остатка.

Он даже не слышал тихого плача.

Время шло, но Париж не замечал того, что оно уходит, он просто вдруг обнаружил, что его спутники без всякого предварительного обсуждения принялись делать то же, что делал он. Да и вообще никто не проронил ни слова.

Теперь вопли скульптур звучали совсем иначе - это были свежие радостные голоса, голоса людей, понявших, что их ожидает.

На завершение этой работы потребовалось немало времени.

Богомол ожидал их снаружи цилиндра, как это в глубине души и предчувствовал Париж.

Я не мог предугадать того, как поступишь ты и

твои товарищи.

- Вот и ладно. - Узкий, похожий на карандаш корабль Парижа уже успел покинуть Длинный серый цилиндр, превратившийся теперь в памятник безумию.

Я разрешил вам сделать это, так как те работы были уже закончены. А ты - работа, которой я занимаюсь сейчас, и я надеюсь - самая лучшая.

- У меня всегда была слабость к комплиментам. - Париж чувствовал, как меняется состав его крови, как понижается в ней содержание кислорода и глюкозы, уходящих из тела для питания уже изменившегося мозга. Там - внизу - светился огромный диск, пылающее колесо, вращающееся на радость аудитории из множества тесно сгрудившихся звезд.

Юмор - это еще одна черта человеческого характера, который мне удалось освоить.

- Вот это новость! - Париж направил свой корабль вниз, могучее ускорение вжало его в спинку пилотского кресла. - Как это по-человечески! Ведь у нас каждый считает, что у него прекрасное чувство юмора.

Я ожидаю, что узнаю от тебя еще много нового.

- Сейчас?

Ты созрел. Твои свежие, чисто человеческие

реакции на мое искусство будут для меня бесценны.

- Если ты позволишь мне жить, тебе придется подождать еще парочку столетий, за время которых ты сможешь поднакопить еще больше опыта, прежде чем я умру.

Это правда. Тем более что пока ты одарил меня многим. Я понял, что существуют причины, позволяющие завидовать человеческой ограниченности.

- Но теперь, когда я познакомился с твоим искусством, в моей жизни произойдут большие перемены.

Правда? Неужели оно так сильно действует даже на тебя, на представителя совсем иной культуры? Как это может быть? Ему следует соблюдать величайшую осторожность.

- Произведения такой глубины требуют времени для своего постижения. Их сразу невозможно переварить.

Ты употребил метафору, имеющую отношение к химическому процессу. Это чисто человеческая черта - вовлекать в разговор самые низкоэффективные части своего организма. Тем не менее ты указал на возможную выгоду для меня, если я разрешу тебе жить и дальше.

- Мне необходимо время, чтобы впитать в себя это.

Париж чувствовал, как резервы энергии его тела приносятся в жертву процессу перестройки его внутренней сути. Впервые он понял себя тогда, когда стал убивать существа, выставленные в цилиндре. Какая-то часть его - «мы» - теперь знала все. А его «я» с трудом выговорило:

- Мне кажется, что тебе очень многого пока не удалось понять.

Я могу это исправить, теперь же.

- Вот этого-то ты сделать как раз и не сможешь. Таким путем познать нас нельзя.

Похожий разговор у меня был с твоим отцом. Это он предложил мне войти в тебя.

- Нас нельзя понять, делая срезы и кромсая ножами.

Существует весьма основательное предположение, что цифровое сознание может понять любые другие типы сознаний с любой степенью точности.

- Беда чужаков заключается в том, что они чужаки. Париж чувствовал, как в него проникают ловкие пальцы

огромного холодного разума, он ощущал, как растворяется в нем. Скоро, скоро он превратится

в пустую скорлупу. Он станет частью Богомола, добавкой, которая поможет перебросить мостик к голограммной логике мехов. Чувствовал, как перестраивается его нейронная сеть. И как убыстряется ее работа.

Искусство в космосе встречается повсеместно. Мне особенно нравились твои скульптуры изо льда, которые таяли от жары, пока зрители любовались ими. А как бы мне хотелось понять твои гобелены, казалось, сотканные из смутных ощущений, боли и непостижимых тревожащих эмоций. Талант, появление которого невозможно предвидеть.

- Этого никогда не случится. Ты мог бы усвоить это, если бы разрешил мне прожить отведенное мне природой время.

В этом что-то есть. Мне придется потратить время на обдумывание этой проблемы. А пока прекрати спуск вниз, к диску.

Он получил свой шанс! Сознанию Богомола придется выйти из Парижа, чтобы проконсультироваться с другими своими частями, поскольку его сознание - антологическое. Это даст Парижу несколько коротких секунд для действия. И он решительно надавил на акселератор.

- Можешь не торопиться.

Какое-то время, показавшееся ему нескончаемым, он провел наедине с мучительным гулом терпящего насилие корабля и бившими снаружи гейзерами, каждый из которых был больше, чем мир.

Я вернулся. Решил скосить тебя сейчас же.

- Жаль это слышать, - отозвался весело Париж. Мертвые могут позволить себе быть вежливыми.

Я хочу, чтобы ты рассказал, зачем уничтожил мои работы. Впрочем, это я все равно скоро выясню.

- Не думаю, что ты способен это понять.

Париж вел корабль к диску сквозь гейзеры бурлящей и шипящей плазмы.

Его «я» ощущало какие-то резкие движения внутри его «мы», и несмотря на нарастающие звуки тревоги, которые издавал корабль, он почувствовал огромное облегчение.

Вжатый в кресло все возрастающим ускорением, он вспоминал все, что видел, все места, где побывал, и прощался со всем этим.

Ты ошибся в расчете траекторий.

- Черта с два я ошибся.

Надо с толком прожить каждый ускользающий

момент. Эта мантра[17] работала на него, и сейчас он нуждался в ней больше, чем когда бы то ни было. Трусость - настоящая трусость, а не минутная паника - рождается неумением обуздать воображение и не дать ему рассматривать все варианты возможных последствий случившегося. Взнуздать воображение и жить каждой секундой, пока она не улетит, пока нет ни прошлого, ни будущего… Париж знал, что, живя так, он сумеет перейти из той секунды в другую, не испытывая ненужной боли.

Измени курс. Твой корабль не сможет выдержать искривлений, которые грозят тому, кто летит так близко к диску. Твоя расчетная кривая приведет к тому…

- К моему концу. Я знаю. И не важно, каков он. Аспект Артура вопил. Париж сунул его в нишу, успокоил и отключил сенсорные связи. Зачем ненужная жестокость…

И вдруг Артур крикнул тонко и пронзительно, как бы отвечая на то, о чем когда-то думал Париж. Это был прощальный салют Артура:

Если Разум вывел людей из Материи, дав Вселенной возможность познать себя и тем самым

---

[17] Примечания: 17
Мантра *(инд.)* - заклинание, молитва. - *Примеч. пер.*

выполнить свое домашнее задание...

- Тогда, может быть, мы именно по этой причине находимся здесь, - прошептал Париж.

Единственной возможностью лишить Богомола знаний, которые ни один человек, кроме Парижа, не мог бы ему сообщать, было стереть часть своего внутреннего «я» и не допустить его до контакта с цифровым сознанием.

Он промчался над вскипающей поверхностью раскаленной добела субстанции, обреченной стать его могилой. Прямо впереди лежало место, откуда даже Богомол не мог извлечь его - самая страшная из пропастей, самая безысходная точка, призывавшая его к себе через необозримые пространства золотого света. Нет, даже Богомолу его отсюда не извлечь.

Париж усмехнулся и, прощаясь с миром, резко нажал на акселератор.

Топологическое путешествие

Сначала Клий ощутила их запах.

Острая вонь старой желчи коснулась ее ноздрей. За ней последовал плоский металлический запах. У Клий было время принюхаться, оглядеться… и тут первый из них оказался рядом — гладкий и пестрый, смесь синего и красного цветов. Создания с жужжанием кружили в воздухе.

А потом — хлоп — они исчезли. Вторжения из высших размерностей можно было уподобить явлениям погоды или отзвукам происходящих где-то крупных событий. Обычно они сулили неприятности.

— Это была не техника, — заметила Клий, — а живые существа… Морфы.

— Согласен. Весьма необычные создания, — согласился Искатель со странным акцентом, словно черные морщинистые губы мешали ему выговаривать слова.

Оставшиеся от Третьего Технологического Века технические средства, позволяющие путешествовать в пространственных измерениях, были

открыты заново совсем недавно. Процесс основывался на вирулентном состоянии материи, называющемся «квагмой» — кварковой плазмой, кипящей подобно магме.

Как повествовали исторические хроники, наведенные с помощью квагмы геометрические мосты некогда служили источником великих приключений и даже торговли. Однако эпоха эта осталась в прошлом, за грузом столетий, да и сама техника путешествий была опасной и сложной. Клий не изучала ее (в отличие от Искателя), но прошлое было настоящим кладезем подпорченных временем чудес.

Клий вновь приступила к работе, звякая подсоединенными к рукам манипуляторами. Напарник ее недвижно застыл.

Клий привыкла к случайным вторжениям из других измерений — и грубым, зримым, и едва ощущаемым, малозаметным. Люди вновь занялись экспериментами в области топологии, и четырехмерная перспектива могла быстро превратиться в трехмерную.

Искатель никогда не терял интереса к являющимся из недр пространственных размерностей искаженным силуэтам. А вот Клий успела привыкнуть ко всему, что возникало вблизи. Мир

становится странным, так? Хорошо, переходим к следующему вопросу.

Но быстрое умом псевдоживотное, находившееся с нею рядом, принюхивалось к воздуху с выражением, которое Клий привыкла считать удивлением.

— Давай-ка внесем в каталог эту штуковину.

Оба вновь вернулись к своей работе. Они занимались исследованиями в Библиотеке Жизни, древнем городе, хранящем информацию о наследственности и тканях со времен, оставшихся неведомыми даже историческим хроникам. Безусловно, Библиотека возникла после Эры Прачеловека. Геном самой Клий восходил к той далекой эпохе.

Впрочем, кое-что тревожило и Клий: от четырехмерных Морфов пахло неправильно. Интересно было бы знать, не выходят ли на передний план инстинкты ее предка, охотника и собирателя. Автоматический страх перед неизвестным… но-ведь прошедшие века начисто изгладили подобную реакцию из психики.

Некоторые из просмотренных ими мемокристаллов относились к какому-то из первых столетий Космической Эры, закончившейся более тысячелетия назад. Было ужасно интересно

обнаруживать геномы, а иногда даже полностью стеклофицированные организмы из далекого прошлого планеты. В особенности, если они принадлежали тем, кто жил до Эры Аппетита и последовавшей за ней Эры Изобилия.

Работа считалась привилегированной. Она требовала особого внимания и умения понимать то, что они находили в древних емкостях и записывающих устройствах. Именно для этого и был нужен Искатель: чтобы понять течения древних экосфер, требовался нечеловеческий интеллект. Ну а ум, обитавший в похожем на енота теле, отличался от человеческого больше, чем все, созданное людьми.

Искатель получал несомненное удовольствие, копаясь в этих руинах — здесь, на пятнадцатом уровне Библиотеки, в ее юго-западном квадрате. Созданию было приятно извлекать собственными искусными руками кристаллы и изучать их содержание. Слушая бормотание Искателя, Клий улыбалась. Прохладный ветерок теребил шерстку Искателя, заставляя того против воли мурлыкать.

Клий давно уже привыкла к проницательности енотовидного существа. Она видела, как формируются предчувствия в его уме, как шевелятся

черные губы, как сменяют друг друга на лице сложные и непонятные выражения. За работой Искатель частенько урчал от удовольствия.

Библиотека Жизни повествовала о масштабных экспериментах, принесших странные — подобно Искателю — плоды, однако не о тех путях, которые были пройдены, чтобы получить их. В известной мере, работая здесь, они открывали себя, ибо даже Клий не была линейным потомком древних геномов. Как, впрочем, и все, кто составлял нынешнее человечество.

— Приближается нечто… — Искатель наставил ушки. — Помнишь тот случай с морской раковиной несколько дней назад?

— Меня здесь не было, — напомнила Клий, оторвавшись от дела.

Неужели прохладный сухой ветерок вновь теребит ее волосы? Это посреди дня, в самую жару? — Я слыхала, что это была чья-то шутка.

— Хотелось бы надеяться, что и новое создание окажется столь же безвредным. Смотри, — показал Искатель.

Поблизости плавали комья и стержни. Гладкие красные, белые и мерцающие.

Вновь понесло вонью…

Микрокристалл, с которым работала Клий,

исчез.

Поглядев вверх, она обнаружила над собой массу тошнотворно зеленого цвета, усыпанную алыми пятнами. Масса испустила негромкий стон.

— Морф! — воскликнула Клий, отшатываясь назад. Разом исчезли несколько полок с кристаллами. — Проклятие!

Искатель немедленно оказался возле нее. В тонких лапках он держал укрывавший приборы металлопластик и торопливо набросил его на клубящийся силуэт Морфа, а потом запрыгал вокруг, опуская края.

— Хватай снизу! — обратился он к Клий.

Ухватившись за концы, Клий и Искатель свели их вместе, заключив Морфа в мешок. Искатель принялся завязывать концы, мешок дергался и толкался. Клий с медвежьей силой обхватила сопротивляющийся сверток. Морф пихнул ее в нос. Клий ответила тем же.

Нечто ухватило их… мир сонно померк… и они полетели.

Что это напоминало? Ну, если бы колоссальные предметы проносились под высоким сводом, проявлявшимся лишь косыми серыми тенями, это было бы отдаленным подобием полета дру-

зей… Они не чувствовали тяготения, но вдруг колоссальная сила вытеснила дыхание из легких, бросила вниз, разметала в стороны и исчезла.

Они поплыли. Мимо скользили загадочные в своей обсидиановой тайне тени. Земля вдруг рванулась вверх, появились ветви — Искатель ломал их на лету, — пока они вновь не спланировали вниз, погрузившись в сучья, ветви, листья, лепешки грибов.

Клий огляделась. Фиолетовая растительность в густом серо-зеленом лесу пульсировала ванильным свечением. Свет исходил из земли. Они провалились сквозь пятнистый лавандовый полог, покоившийся на змеистых лианах.

Они поднялись на ноги, ощупали себя и не обнаружили сломанных костей. Скорее всего, прошло более часа, но казалось, что полет продлился всего несколько мгновений.

Они привели себя в порядок. Уникостюм Клий оказался продранным в нескольких местах. Искатель одеждой не пользовался: его мех представлял собой сложную знаковую систему, понятную только представителям его вида, и знание ее кодов не было доверено ни одному из людей.

Они стояли посреди переплетенной растительности, освещенные земным сиянием. Вздохнул

настойчивый ветерок.

— Что… произошло? — спросила Клий.

— Должно быть, нас засосало, когда Морф бежал из нашего пространства.

— И где же мы находимся?

— Гм-м… это место обладает любопытной кривизной, — заметил Искатель.

Клий заглянула в лес, поднимавшийся справа и слева, исчезавший в белом тумане над головой. С ветви, нависавшей над ее головой, прямо в глаз упала капля.

— Похоже, мы очутились в чаще. Ну, тебе что-нибудь говорит это зрелище?

Искатель улыбнулся, блеснув остренькими зубками.

— Не знаю. Ответить на твой вопрос могут только мои глаза. Вокруг не заметно никого, кто мог бы предложить нам разгадку.

Искатель обожал всякие тайны, Клий была более практична: археo-бригады комплектовались по такому принципу. Она принялась изучать светящуюся почву под ногами. Твердь напоминала битое стекло, укрытое прозрачным пологом. Из нее поднимались корявые стволы деревьев. Легкий ветерок теребил полог листьев, веток и сучьев над головой. В листве прятались невидимые

маленькие птицы или зверюшки. Клий вдыхала воздух, казавшийся густым, влажным, едва ли не молочным на вкус. Они осторожно прошли вдоль «оси» леса, но заметной прогалины так и не обнаружили. Оба устали и решили отдохнуть прямо на опавших листьях.

— Мы знали, что рядом находится нечто странное, — напомнил Искатель. — Помнишь один их тех больших символов над входом в Библиотеку Жизни — огромную витую раковину, прекрасное изделие из блестящего металла. Потом она вдруг исчезла. Просто пропала. Но через несколько часов возникла на прежнем месте. Когда раковина появилась из небытия, ты была где-то в лабиринтах Библиотеки… Так вот, подобная шутка нам не под силу. Соединение раковины с опорой оказалось безупречным.

Клий нахмурилась, не понимая.

— Да, я слыхала, там были какие-то забавные подробности.

— Более чем забавные. Как я полагаю, раковину извлекли из нашего трехмерного пространства. И вернулась она на свое место не совсем прежней.

— Ее взял Морф…

— Точно так же, как ты могла бы снять муравья с листа. — Искатель многозначительно поглядел

на Клий. — И этого муравья ты могла бы увидеть сверху или снизу — поместив его на стекло. Из такого, высшего, измерения он будет казаться разным, не так ли?

Клий нахмурилась. Новая загадка Искателя, новая игра, которую он затевает с нею. Она давно уже перестала даже пытаться проложить собственный путь сквозь извивы топологии. Тем не менее она все-таки была знакома с математикой.

— Значит, спираль оказалась закрученной в обратную сторону?

— Ты права. Никто поначалу этого не заметил.

Лицо Клий просветлело.

— Поняла! Тот же самый муравей на стекле, если посмотреть на него снизу, из правостороннего превращается в левостороннего.

— По-моему, четырехмерные Морфы извлекли нашу спираль из трехмерного пространства и развернули ее в своем измерении. Поэтому она стала обратной, после того как они любезно возвратили нам этот предмет.

— В качестве предупреждения?

— Своей визитной карточки. Или знака, который нужно правильно прочесть.

— Чего мы не сделали.

— Они показали нам, кем являются на самом де-

ле, обнаружили свою суть, не прибегая к языку.

— Но почему тогда они… украли кристаллы?

Искатель пожал плечами.

— Может, они похожи на нас? И также изучают происхождение человека. Конечно, это только догадка.

— Гм… Эта мысль многое объясняет… Легко предположить, что они совсем не такие, как мы, просто потому, что очень загадочны. А они вернут назад кристаллы?

— А они вернут назад нас самих? Похоже, мы попали сюда чисто случайно.

— А вдруг нас похитили?

— По-моему, мы попали в промежуток между нашей трехмерной Вселенной и их четырехмерной. Нас могло затянуть сюда движение пролетающих мимо Морфов.

— Место между измерениями?

Искатель вздохнул:

— Я ведь рассуждаю по аналогии… Классический фокус людей: я нередко им пользуюсь.

— На здоровье… А что находится между измерениями?

— Пространство, приспособленное под прихожую? Не знаю. Если они устроили себе дорогу для передвижения из пространства в пространство,

то мы, возможно, попали в кювет.

— То есть очутились в канаве?

Искатель широко развел руками. Черные и кожистые изнутри, они были расставлены во всю длину, узкие ладони заканчивались изящными тонкими пальцами.

— Как, наверное, и наши кристаллы.

— А Морф казался очень возбужденным.

— И, торопясь вернуться назад, уронил нас.

— Но где же мы все-таки?

— Вы, люди, всегда пытались заглянуть за горизонт. Давай этим и займемся.

— Ха! И где же мы отыщем горизонт?

— В этой «трубе» должно существовать место, где она соприкасается с нашей трехмерной Вселенной. Я полагаю, нас забросила сюда какая-нибудь из забавных особенностей квагмы.

— Или нечто, обитающее в этих краях.

— В столь узком мирке жизнь маловероятна, — задумчиво произнес Искатель.

— Но почему? Ведь Морфы располагают всеми тремя нашими измерениями — и еще четвертым, для забавы.

— Мы обожаем родной углерод, видя в нем корень жизни. Достаточно верно — но только в нашей Вселенной. В четырехмерном простран-

стве молекулы гораздо мобильнее, атомы могут соединяться друг с другом большим числом способов. Не исключено, что углероду потребовалось больше времени, чтобы создать в этом краю поддерживающие жизнь соединения.

— Конечно, но число полезных элементов здесь может преумножаться.

— Вполне возможно. Однако существует проблема, с которой мыслящий организм столкнется и в четырехмерном пространстве. В трехмерном облик его очевиден…

— Человеческий?

Искатель рассмеялся.

— Все вы, орудующие инструментами, мыслите одинаково. Нет: и ты, и я представляем собой просто трубки. Наши тела — мешки, заполненные модифицированной морской водой. Таков наш облик, благословенный всеми тремя измерениями.

— М-да! Все-таки хотелось бы думать, что мы представляем собой нечто большее, чем простые мешки.

— Прости, это не личный выпад, я имею в виду только конструкцию тел. — Тем не менее Искатель ухмылялся, словно лукавый чертенок, а это означало, что он доволен ситуацией — как всегда,

по ведомым лишь ему таинственным причинам.

— На что же тогда похожа четырехмерная трубка?

— Она будет обладать большей площадью поверхности при заданном объеме… — Искатель вытянул трубочкой длинные губы, очевидно, пытаясь представить себе подобное тело. — Величина этого отношения, как мне кажется, увеличивается с ростом размерности пространства. Сердце и мозг — если таковые есть — безопасности ради могут располагаться внутри, а пищеварение удобно иметь снаружи.

— Устроить кишечник на коже? Какая гадость…

— Геометрически в наших телах кишки также размещены снаружи: они представляют собою трубку, спрятанную в самой середине наших тел, где мы не видим, как они работают.

— Пожалуй, так мне нравится больше.

— Думаю, что конструкция едва ли предназначалась для того, чтобы пощадить нашу чувствительность.

— Но зачем располагать пищеварение снаружи?

— Чтобы облегчить приток воздуха и жидкостей, — ответил Искатель. — Кроме того, можно

визуально контролировать процесс.

Клий попыталась представить себе подобную жизнь, но не сумела. А потом принялась срывать и нюхать растения и наконец от голода положила в рот одно из них. Последствий не было, и она подумала, что рискнет съесть еще несколько травинок.

— По-моему, следует определить геометрическую размерность этого места, — решительным тоном предложил Искатель.

— Как? Измерить его?

— Геометрия — глобальная характеристика пространства. Надо бы пройтись.

— Лично мне больше хотелось бы отыскать воду где-нибудь неподалеку…

— Я чую воду вверх по склону — вон там. — Искатель безошибочно коротким путем повел ее к густым и сырым зарослям. Выловив на мелководье толстую рыбку, псевдоживотное занялось едой. Брезгливое создание аккуратно омывало в воде каждый кусочек, прежде чем отправить его в рот.

Клий разделась и нырнула в воду. Когда, почувствовав себя освеженной, оца выбралась на берег, ее спутника нигде не было видно.

— Куда он пропал? — она до сих пор не привык-

ла к повадкам компаньона. И все время ловила себя на том, что видит в нем человека, хотя главное как раз заключалось в различиях. Искателю нужно было время, чтобы побыть в одиночестве, чтобы исследовать окрестности, и поэтому он просто исчез без предупреждения, чтобы Клий не последовала за ним:.

Клий принялась изучать окружавшую ее корявую растительность. Плети едва заметно трепетали, словно под дуновением незаметного ветерка. На пути к озерцу, там, где Искатель, наверное, погрузился в кишащий ковер, наблюдалось особенное оживление, стволы буквально ходили ходуном, будто нечто, засевшее там, поймало и уже переваривало Искателя…

Женщина поежилась. Искатель никогда не проявлял страха, и она пожалела, что не наделена подобным даром. Клий подозревала: псевдоживотное воспринимало смерть так, как этого не умел делать пугливый человеческий ум. Животные не подозревают о смерти — по крайней мере, именно такова общепринятая точка зрения. Созданные по образу енота, наделенные генетическими особенностями этого зверя — усиленными и очищенными, — эти гибриды обладали качеством, не доступным для

человека. Смерть была лишь одним из факторов их сознания, а не постоянно присутствующим фоном. Искатель временами как бы забывал об опасности.

Она стояла, тщетно изучая лес, в котором наверняка исчез Искатель. Что же делать? Призрачный алебастровый свет сочился из стекловидной почвы, отбрасывая вертикальные тени. Лес качался и колыхался, не создавая при этом ни единого привычного звука — ни скрипа, ни шелеста, ни вздоха ветвей… правда, до ее слуха донеслась едва уловимая, низкая и раскатистая басовитая нота, казавшаяся медленным дыханием какого-то невероятно огромного зверя. Это Морфы? Они ищут своих невольных гостей? Или пленников?

Мысль эта заставила Клий насторожиться, и она пожелала, чтобы Искатель немедленно возник среди ветвей на том самом месте, где движение их понемногу начинало успокаиваться…

Нечто прикоснулось к ее плечу…

— Интересная геометрия, — деловито отметил Искатель, оказавшийся перед нею в самом начале тропы, уходящей в лес за ее спиной.

— Что?!

— Как я и подозревал, мы находимся в весьма странном месте… Я пошел в направлении, пока-

завшемся мне прямой линией. Но мы находимся в цилиндре. Я обошел его по периметру и вышел за твоей спиной.

Клий посмотрела вверх.

— Значит, этот туман…

— Является продолжением леса. Мы могли бы увидеть это, если бы только воздух был достаточно прозрачным.

— Если это — цилиндр, то какой же он длины?

— Я думаю, бесконечный. То есть замыкается сам на себя.

— Но если все здесь имеет лишнее измерение, как же моя рука кажется трехмерной? — Клий указала в сторону леса. — А эти странные деревья?

— Подозреваю — и учти, я делаю это по результатам весьма поверхностной накачки, — что мы имеем дело с мембраной, окружающей одномерное пространство.

Накачка представляла собой вводимый в мозг электронный концептуальный блок: созвездие идей, внедряемых в сознание наподобие книги. Осознать накачку означало обдумать ее, дать возможность слиться с собственными мыслями. На это уходило время, впрочем, куда меньшее, чем при старомодном обучении.

— Но мы находимся здесь как трехмерные объекты…

— Потому что можем передвигаться в той мембране, которая охватывает наши тела в этом добавочном измерении.

— Значит, мы застряли в четырехмерном пространстве?

— Причем совершенно странным образом. Морфы, должно быть, знали, что эта промежуточная станция между размерностями подойдет и нам.

— Но зачем им это?

— Еще один вопрос, на который я не могу ответить. Учитывая, что получить какую-нибудь информацию от Морфов невозможно, предлагаю самим искать выход. Вперед — вдоль одномерной оси, вокруг которой намотано это трехмерное пространство. — И Искатель направился в нужную сторону.

* * *

Путь оказался трудным, местность — неровной, воздух — чересчур плотным. По дороге они собирали ягоды, и в животе Клий начинало бурчать. Лес сжимал их со всех сторон… хорошо, хоть подлесок не был слишком густым. Это казалось странным: ведь жизнь здешним растениям давал

исходящий из-под ног свет. Клий решила вслух выразить свое недоумение, и Искатель, имевший по поводу всего хотя бы предположения, пожал плечами. Впрочем, тут же высказался:

— Помни, мы воспринимаем этот мир в виде некоторого преобразования.

— Кстати, заметь, что ветерок все время дует с одной стороны.

— Правильно. Я не удивлюсь, если окажется, что он огибает весь цилиндр.

— Возможно. Но откуда здесь может сквозить?

— Из какой-нибудь бреши?

— Точнее, из нарушения геометрии пространства.

— Но оно будет притягивать воздух к себе или выталкивать его?

— Не знаю. Мы имеем дело с трехмерной трубой, намотанной вокруг лишнего измерения. Нарекаю этот край Миром Трубы.

— Помнишь эту спираль в Библиотеке… — сказала Клий. — Если бы мы могли воспользоваться этой способностью, научились извлекать предметы из лишнего измерения или убирать их в него.

Глаза Искателя чуть округлились от удивления.

— Интересная мысль.

— …Мы могли бы изменить направление вращения молекул, заставить их вести себя другим образом.

— Великолепно. Это сулит нам биологические преимущества. Некоторые болезни левосторонни, потому что это согласуется с вращением молекул. Если бы мы могли научиться отключать это качество, то приобрели бы иммунитет.

— Недурно, только сперва придется убедиться в том, что Морфы не попытаются убить нас.

— Сомневаюсь, что они обитают здесь. Это всего лишь их портал, не более.

— Или придорожная канава. И сукин сын, который переправил нас в нее…

— …мог даже не заметить, что нас засосало в след, оставленный его движением.

* * *

Клий бодрствовала в исходящем из земли жемчужном свечении. Сияние это почему-то нервировало ее, и она все пыталась понять, как возникает этот свет. Что приводит здесь в движение биологические процессы? Где находятся звезды, планеты? Если мир этот сделали Морфы, если они овладели физикой высшего измерения, значит, их возможности превосходят все извест-

ное ей. Они не боги, нет… она едва не поймала одного из Морфов в мешок, ощущала гладкую поверхность и сопротивление его тела. Тем не менее странно… очень странно.

Она перебирала в уме все эти вопросы, когда вдруг послышались странные звуки. Они становились громче, приближались…

Клий тронула спящего Искателя, тот открыл глаза. Звук колыхался вокруг, становился все громче. Оба вскочили. Клий подобрала палку покрепче.

Теперь звуки доносились сразу со всех сторон. Клий заметила, что их тела — если стать перпендикулярно к одномерной оси — усиливали колебания.

В ушах гудел мучительный звук, повторявшийся, словно биение огромного и массивного сердца. Страх заставил обоих окаменеть.

Над корявыми деревьями, под вездесущим туманом возник огромный крылатый силуэт. Перьев не было. Нагая красно-бурая шкура напомнила Клий какое-то подводное существо. Она вспомнила об огромных мантах, крылатых скатах. Летевшая над головой тварь казалась больше любой птицы. Крылатое существо находилось в самой низкой точке описываемой

им дуги. Но, приблизившись, оно вновь взмыло вверх по пологой параболе, унесшей его в облака. Следом появилось еще одно подобное существо и тоже исчезло.

— Надеюсь, они не опасны? — спросила Клий.

— Разве ты не заметила когтей на концах крыльев?

— Заметила. Просто хотела, чтобы ты успокоил меня.

— Какое тут спокойствие…

Сильные звучные взмахи становились все громче.

Тварь вновь появилась над ними, на сей раз в глубоком пике. Свекольную плоть ее теперь покрывали ярко-красные полосы, словно бы выступившие от волнения. Скользнув над верхушками ближайших деревьев, она упала прямо на них.

Искатель бросился в сторону, но опоздал. Когти вцепились в его мех, и тварь понесла псевдоживотное вверх, исчезая в облаках. Ничего не слыша, Клий припала к толстому стволу. Вторая крылатая тварь выпала из облачной пелены и опять ушла в нее.

Снова послышался звук машущих крыльев. Силуэт вынырнул вновь, но на сей раз когти

Искателя были погружены в мягкое подбрюшье летающего врага. Не прекращая борьбы, оба быстро снижались к верхушкам деревьев. Искатель зарычал, и задушенный вопль вырвался у крылатой твари. Она взмахнула крыльями, стараясь сбросить с себя противника. Искатель с боевым воплем соскочил с нее, целя на ближайшую ветвь, промахнулся и уцепился за следующую. Летающее создание сердито замахало крыльями и исчезло в тумане.

Искатель, спустившийся вниз по бугристой коре, находился не в лучшем расположении духа.

Распростершись на земле, он охрипшим голосом произнес:

— Кажется, я кое-что выяснил.

— Что же?

— На него надо нападать, когда оно приближается. Острой палкой. Потом я узнал кое-что и о геометрии здешнего пространства.

— Это пока тебя несли на обед? — усмехнулась Клий. Искатель не переставал изумлять ее.

— Тварь стремится вверх, потому что там гравитация ослабевает. Птица принесла меня в забавное местечко: не было тумана, дул сильный ветер, и я ощутил себя почти невесомым.

Клий решила, что поняла смысл его слов.

— Итак, мы находимся внутри вращающегося цилиндра?

— Сначала и я так подумал. Но не забудь, мы имеем дело с другим измерением, а не изготовленной человеком машиной.

— Гравитация нарастает при удалении от оси этого цилиндра…

— Держу пари, речь идет о каком-то проявлении принципа симметрии. — Искатель принялся приводить себя в порядок, приглаживая и вылизывая шерстку.

Клий зевнула и с сомнением огляделась по сторонам. Ночи здесь, очевидно, не существовало.

— Надо думать, эти твари не вершина здешней эволюции.

— Конечно. Сюда попадают создания куда более умные, умеющие проникать и в наше пространство.

— То есть существа полностью четырехмерные. И как же мы узнаем их?

— Подозреваю, что они будут иметь форму Морфа, проявляющуюся в этой геометрии как нечто цилиндрическое.

— Слушай, ты когда-то был математиком?

— Что-то вроде этого… Подозреваю, что здешний «правитель» является обитателем незнако-

мого нам измерения, и к тому же более крупным, чем птица, существом.

— Почему-то это вовсе не вдохновляет меня, мой друг.

* * *

Когда они проснулись в следующий раз, Клий вновь ощутила страх. Искатель же оставался невозмутимым. Должно быть, ему помогало знание математики.

Сразу же пришли в голову мысли о еде. Даже у Искателя, не желавшего покоряться нуждам плоти, бурчало в животе. Они обнаружили желтые семечки, свисавшие, как слезинки, с ветвей. Семечко оказалось вкусным, да и пахло приятно, поэтому они позволили себе съесть несколько горстей.

— А не подождать ли нам, когда свой первый ход сделают Морфы?

Искатель замотал большой головой.

— Они, кажется, потеряли нас. Спорадический характер их появлений намекает на то, что они еще не очень хорошо овладели перемещением в низшие измерения.

— Что им мешает?

— Гиперзрение, — ответил Искатель. — Они

видят одновременно и больше, и меньше. Для нас свет колеблется в плоскости и движется вперед в третьем измерении. В пространстве четырех измерений свет должен колебаться во всех трех и продвигаться вперед в четвертом. Поэтому четырехмерному созданию трудно воспринять трехмерный свет.

— Отлично! Значит, мы для них невидимы.

— Не совсем так. Они обнаружили нас в нашей трехмерной Вселенной, а значит, справились с этой проблемой. Быть может, они просто убрали одно из трех измерений, чтобы иметь дело с «отредактированной версией» нашего света.

— Выходит, они видят, но хуже, чем мы?

— Подозреваю, что на самом деле лучше — в определенном смысле. Когда мы смотрим на двумерную картину, то видим все, что изображено на ней, с одной точки зрения. Четырехмерное создание способно разглядеть все в трехмерном пространстве, не меняя положения.

— Не могу себе этого представить.

— Допустим, ты явилась на художественную выставку, чтобы посмотреть скульптуру женщины Супра. Десять копий ее стоят возле одной стены, повернутые под разными углами. И ты можешь лицезреть все изваяния, не сходя с места.

— А ты бывал на художественных выставках?

— Я видел такую скульптуру — и не узнал в десяти по-разному повернутых изваяниях один и тот же объект.

— В самом деле? Выходит, и ты не всеведущ?

— Я всего лишь трехмерное существо, как и ты сама.

* * *

Они шли и шли, но ничего не менялось. Лес вокруг был столь однообразен, что, казалось, тянется в бесконечность. Он словно состоял из живых модулей, изготовленных на фабрике.

Топавшая впереди Клий смутно уловила приближение каких-то звуков… мгновений полной тишины между ними… а потом басовитых стонов, словно вырвавшихся из огромной глотки…

Ей уже доводилось слышать такое.

— Морфы!

Бросившись вперед, она нырнула в самую чащу леса. Искатель бе-

жал следом за ней. Долгие зовущие ноты становились все громче. Но ничто не показывалось под пологом тумана.

— Может, ответим? — спросила Клий.

Старательно прислушивавшийся Искатель

свесил голову набок.

— Допустим, они ищут нас, но зачем? Чтобы унести в свою четырехмерную вселенную?

— Не хочу!

— Я тоже.

Пульсировавшие над головой ноты становились все громче, будто превращаясь в нечто материальное.

— Я за то, чтобы помолчать.

— Ага. Я тоже.

Длинные импульсы накатывали на них, словно волны — зловещие и нескончаемые. Неужели они уже над головой? Клий ощутила внезапное желание закричать. Это было непереносимо.

Наступило мертвое молчание.

Оно оказалось еще хуже.

Спутники вглядывались в серую пелену тумана… Ничего.

— Как ты думаешь, они заметили нас? — прошептала Клий.

— Я не думаю, когда в этом нет смысла. Лучше подождем.

Окружившее их безмолвие казалось неестественным, его не нарушал даже шорох ветвей. Клий замерла. Искатель свернулся клубком вокруг ствола дерева, превратившись в некое

подобие мехового воротника, укутавшего морщинистую шею.

— Ты собрался спать?

— А ты нет?

В этой тишине Клий не могла даже задремать. Когда Искатель проснулся, лес ожил. Задул ветерок. Они отправились дальше.

Влажность стала нестерпимой. Тяжелые капли то и дело падали на их головы, пока Клий не сплела из ветвей шляпы. Искатель заставил ее воспроизвести высокий отрывистый лай: псевдоживотное заявило, что у него слишком слабый голос. Потом они стояли и слушали, пока не вернулось неясное эхо. Клий засекла разницу во времени, и они получили грубую оценку скорости звука. Она составляла примерно половину земной.

Клий кивнула.

— Интересно, конечно… но зачем нам это знать?

— Нужно собирать любую информацию, а там посмотрим, что окажется полезным.

Им встретилось еще несколько птиц, выныривавших из тумана, однако нападение не повторилось. Клий надоело собирать ягоды, и она выпрямилась. Небольшие рубиновые плоды

и семечки оставались ее единственной пищей, в то время как Искатель пополнял растительную диету разной мелкой живностью, которую ловил и поедал в сыром виде.

— Знаешь, а мы ведь можем облегчить себе жизнь.

Занятый охотой Искатель не отозвался.

— Нам тоже следует летать! — заявила она.

* * *

Светящаяся скала во всем походила на прочие камни, только была гораздо больше. Клий назвала ее Хрустальным Утесом.

— Как это по-человечески — давать всему имя, — рассмеялся Искатель.

Клий принялась обламывать крупные ветви, Искатель помог ей скрепить их прочными лианами. Отыскав несколько похожих на бамбук деревьев, она соединила накрест тонкие стволики. Ветви держались вместе и после того, как она привязала их к раме.

Искатель ловко откручивал и отгрызал от стволов маслянистые ветви. Вживленные инструменты Клий, выдвинувшиеся из пальцев, помогли ей прочно соединить части сооружения.

Они осторожно взобрались на вершину скалы. Клий ощущала, как ослабевает гравитация по мере подъема — чувство непривычное, но приятное. Вершина оказалась округлой, и это мешало ступать по ней. Над головами клубился туман.

— Разбежаться нам негде, — признала Клий.

— Все равно из-за разного роста нам было бы неудобно, — заметил Искатель.

Хотя псевдоживотное и умело ходить на двух ногах, бегать оно предпочитало на четырех — сложив пальцы в старомодные и надежные лапы.

— Хорошо, что мы придумали рукояти, — Клий вставила пальцы в тугие, похожие на перчатку рукавчики, сделанные из коры. На устройство их ушло почти столько же времени, сколько потребовалось для сооружения всего аппарата.

— Ты колеблешься…

— Ага. Если мы упадем…

— Смотри: внизу от нагретых скал постоянно поднимается воздушный поток.

— Понимаешь, мы, приматы, относимся к падениям очень серьезно.

Искатель ухмыльнулся.

— Давно бы пора забыть о собственном происхождении.

— Эй, не зазнавайся… твой род восходит к на-

шим лабораториям.

Без дальнейших слов оба заняли исходное положение. И после секундной паузы в три коротких шажка спрыгнули с утеса. Худшим оказалось первое мгновение: падавшее вниз сооружение из ветвей скрипело и дергалось, но вверх подниматься не собиралось. Потом их подхватил поток и медленно поднял над лесом, — но недостаточно, поскольку облака остались над головой. А руки Клий уже начинали уставать.

— Налево, — скомандовал Искатель.

Она наклонилась, и самодельный дельтаплан накренился. Дернулся. Опустился чуть ниже. Верхушки деревьев скользили внизу, отлетая назад.

— Если мы свалимся…

— Еще левее.

Она увеличила крен. Ветви стуком выражали свой протест. Она передвинулась еще чуть-чуть…

Глянула — колыхающиеся ветви остались далеко внизу. Если планер начнет падать, лучше отцепиться, свернуться в комок…

Послышался зловещий хруст, левое крыло пошло вверх.

И тут восходящий поток всей силой подхватил их, увлекая в туман. Теперь судить о направле-

нии полета было трудно. Ветер свистел в ушах, трепал волосы. Крыло задрожало, пошло в сторону и выправилось в бурлящем потоке. Сухой рот Клий наполнился кислой влагой.

А потом появился свет. Неяркий, но чистый. Они поднялись над туманом, последние клочья его остались внизу.

Боль в руках Клий исчезла. Она ощущала головокружение, желудок сжался в тугой комок.

— Мы находимся в самом центре, — сказала она.

— Я знал, что мы сумеем это сделать.

— Меня смущали физические законы, царящие в твоем Мире Трубы. Правильными ли оказались наши догадки.

— Это были не догадки. — Высвободив одну из лап, Искатель демонстративно выпрямился всем телом. Зевнул. Потянулся. — Впрочем, твоя идея оказалась толковой. Я мог бы и сам сообразить. Теперь мы в самой середине наполненного туманом бочонка — в уюте, не чувствуем веса. Движемся вместе с ветром и потому не ощущаем его.

— Только подумать, сколько дней нам пришлось бы идти.

— И не говори…

* * *

Они прихватили с собой пищу, но немного. «Как рассчитать запасы еды на путешествие, которое может оказаться квазибесконечным»? — сформулировал проблему Искатель. Запасы закончились после двух дней полета, как сообщил экранчик, устроенный на ногте большого пальца Клий. Воду им поставляли ручейки, конденсировавшиеся на крыле и стекавшие с него.

Впрочем, появлялись и непредусмотренные проблемы. Испражняться в невесомости Искателю казалось забавным, Клий же это занятие смущало. К счастью, она постаралась прикрепить к планеру специальную лиану, — когда они сооружали крыло. Размотав ее, Клий очутилась позади планера и там справилась со своим делом… кое-как.

Искатель придумал себе развлечение, похожее на катание на водных лыжах. Расправив конечности, он подхватывал некую долю восходящего потока и искусно перескакивал через оставляемый планером след — с радостным гиканьем, едва ли напоминавшим звуки, которые положено издавать древнему еноту. Клий утихомирила разошедшееся псевдоживотное лишь после того,

как создаваемый им момент начал раскачивать аппарат.

Потом он стали обсуждать, каким именно образом они узнают о том, что достигли нужного места. Если туман сохранит свою симметричную и цилиндрическую конфигурацию, они вполне могут миновать тот район, где следовало бы спуститься. И какое, собственно, место их интересует? Искатель смог представить себе только какую-нибудь исследовательскую станцию, возле которой находятся открываемые с помощью квагмы ворота.

Но какой размер может иметь это устройство? Будет ли оно выступать над слоем тумана?

Сменяя друг друга, они постоянно наблюдали за окрестностями, неосознанно имитируя экипажи земных кораблей, некогда бороздившие туманные океаны. Однако ничто не возвышалось над пеленой.

Впрочем, это было неплохо — иначе они могли бы запросто налететь на неожиданно появившееся препятствие. Планер не рассыпался в полете, однако Клий не питала никаких иллюзий относительно способности шаткого сооружения к маневру или возможности уцелеть после падения.

Время от времени они замечали птиц. Сначала Клий и Искатель слышали протяжные крики, после чего очередная птица неторопливо обгоняла планер. Чем питались эти создания, оставалось неясным. Когда первая из птиц появилась в нескольких взмахах крыла от планера, Искатель встревожился. Псевдоживотное забилось под крыло и выставило вперед когти, но тварь невозмутимо проследовала мимо, даже не повернув головы к землянам. Подобным образом поступили и все остальные. Очевидно, они выслеживали наземных животных и не считали своей законной добычей то, что находилось в облачном туннеле.

Некоторое время спустя в ветровой коридор — так она мысленно называла то место, где находилась — залетела птица поменьше. Вид планера испугал ее, она заметалась и, отчаянно размахивая крыльями, вновь провалилась в туман. Теперь, внимательно прислушавшись, Клий уловила вдалеке сперва пронзительные крики, а потом придушенный вопль.

Она подумала, что наверху должно быть темнее — ведь они удалились от земли, являющейся здесь источником света, но потом поняла, что теперь их освещает весь периметр Трубы. Вни-

мательно прислушиваясь в своем бесшумном парении, они услыхали и другие звуки.

Искатель горевал оттого, что не видит с высоты жизнь леса.

Оба они начинали ощущать какое-то странное предчувствие. Непонятная и чуждая мысль пробивалась в сознание Клий — вместе с ощущением близкой беды. Движущиеся стены туманного цилиндра создавали впечатление нескончаемого падения, дурачили внутреннее ухо Клий, рождали короткие припадки стягивающей желудок тошноты.

Искатель тоже ощущал смятение. Они даже принялись гадать, не пустились ли в бесконечное путешествие по этому свернутому в кольцо трехмерному Миру Трубы. Идиотская одиссея.

Древние давным-давно поняли, что вся Вселенная имеет десять измерений. Искатель сухо заметил, что подобное мнение рождено симпатиями и наклонностями приматов, однако математическая элегантность получившейся космологии «слишком прекрасна, чтобы не быть истиной».

Но где же искать все остальные измерения? Все они — кроме трех пространственных и одного временного — «свернуты» в крошечные свитки.

И так было с самого момента Творения, когда раскрылись сразу и пространство, и время.

Но в свернутом состоянии их нельзя было обнаружить, этого не могли сделать даже самые тонкие эксперименты. Взмахни рукой, и она пройдет через несколько незримых микроизмерений. В повседневной жизни эти дополнительные размерности попросту не существуют.

Однако насколько они были свернуты? Вероятно, до расстояний, много меньших, чем диаметр атома. В противном случае их существование проявлялось бы в спектрах излучений, которые атомы испускают, а глаза видят. Один-единственный электрон может показаться колоссом рядом с той областью, где укрываются дополнительные измерения.

Клий все эти рассуждения казались абстрактной фантазией, даже после того как Искатель объяснил ей, что математическое воплощение этой идеи самым аккуратным образом описывает фундаментальные силы, начиная с гравитации. Теория гласила: все эти силы возникли вполне «естественным образом» — конечно, с точки зрения людей, обладавших математическим складом ума. А вот по мнению Клий, теория здесь самым тесным образом смыкалась с теологией…

чему совершенно не противоречил облик первого увиденного ею Морфа.

Правда, древние математики не сумели представить себе места, подобного Миру Трубы, обладающего парой измерений, которые можно пересечь за час. Но так гласила теория. А у Морфов это место было чем-то вроде строительных лесов.

Искатель пустился в объяснения, которые еще более запутали Клий, и раздавшиеся впереди звуки спасли ее.

Призрачный летательный аппарат прибавил скорости, ускорение даже заставило Искателя покрепче уцепиться за деревяшку. Высокий пронзительный звон чем-то напомнил Клий голос циркулярной пилы, наткнувшейся в дереве на сучок.

— Что это?

— Сток для ветра, — предположил Искатель, не ослабляя хватки.

Выходило, что они добрались до места, куда (или откуда) вытекает ветер, и мысль эта радости не прибавила. Крылья планера трещали и дергались. Клий вдруг поняла, насколько хрупок и ненадежен их аппарат.

Туман рассеивался, желтовато-белый, слоновой

кости туннель, не первый день обступавший их, вдруг раскрылся громадной глоткой, ведущей… куда?

И тут туман разом исчез; они оказались в бурлящей красной камере, далекие стены которой были раскалены добела. Желтые языки то и дело пронзали пространство и ударялись о стены, производя жуткие сине-зеленые взрывы.

— Фабрика квагмы! — Искатель попытался перекричать царивший вокруг оглушительный грохот: треск, рев, могучие удары.

— Куда же нам теперь направляться?

Со всех сторон дули ветры, внезапные порывы то и дело подхватывали планер. Он нырнул. Выправился. Накренился. Развернулся. Клий едва удерживала его.

Гравитации не было, их мотали какие-то другие, могучие и слепые силы. Словно бы незримые ладони перебрасывали с одной на другую неуклюжий летательный аппарат.

Плечи ее уже болели, запястья разрывались… но хуже всего было чувство голода, смешанное с досадой. Уж если погибать, так на сытый желудок!

Они по-прежнему устремлялись вперед вдоль центрального отверстия этой преисподней, но те-

перь жар лип к ее лицу как нечто вещественное. А впереди неторопливо кружил вокруг наклонной оси еще непонятный объект. Ржаво-бурый червь, изнутри которого бил луч рубинового света.

— Длинная форма жизни… слишком крупная, чтобы эволюционировать здесь… Наверное, кто-нибудь из инженеров.

— Или машина, — выдохнула Клий. Руки ее мучительно напряглись под перчатками из коры. Ей было сразу страшно, тоскливо и жарко.

Слева от них в стене открылась пора. Отвратительно белая, маслянистая, она выпячивалась в их сторону. Изнутри поры навстречу им извергались какие-то испарения, припахивавшие кислотой. Пора набухала, словно нарыв. Клий поглядела вперед. Ржавый червь был уже близко, совсем близко, они должны были вот-вот достичь его. Длинные и раскатистые барабанные дроби сотрясали густой, словно жидкость, воздух.

— Я не знаю, как выглядит квагма — если это действительно она…

— Искатель сохранял присутствие духа.

Пора уже почти касалась их, она все росла, испуская свирепый жар.

Внутри поры открылась дыра. В ней царила угрюмая, мрачная синева. Отверстие походило

на жадную пасть.

Клий завопила. Искатель что-то кричал ей, но что именно, понять было невозможно. Тело Клий раздирали направленные в разные стороны силы. Ноги вопили от боли. Руки вырывались из плечевых суставов.

А потом пора поглотила их.

* * *

…и они пронзили вдруг открывшиеся синие и пустые пространства, наполненные внезапным обжигающим холодом.

…они крутились и вертелись вокруг незримой оси. Обломилось крыло.

…и тут они упали на твердую черную поверхность.

Клий покатилась, охнула, втягивая в себя воздух и разыскивая взглядом Искателя, который тут же свалился на нее.

Они выпутались из обломков, отдышались и принялись разглядывать парившую над головой эбеновую кровлю, по которой бежали ручейки белого, словно слоновая кость, огня.

— Черная мембрана? — принялся размышлять Искатель. — Возможно…

— Что-что?

— Листы пространства-времени. Они могут окутывать скрытые микроскопические измерения… Те, которые не нашли применения в Творении.

— За исключением подобных объектов?

— Замечание принял. Эта черная мембрана расширена, как и само цилиндрическое измерение. Мы видим бесконечно малый объект, увеличившийся до…

Похоже, Искателю отказал дар речи.

— Невероятное зрелище, правда? — поддержала его Клий.

Псевдоживотное озиралось по сторонам.

— Ядрышко истины, обнаружившееся посреди кучи неприятностей?

— Клий попыталась вспомнить то, что говорил ей Искатель за долгие дни перелета. Бодрствовать было трудно, невзирая на то, что сами их жизни могли зависеть от знаний. — Объекты, ведущие себя, как черные дыры, но соединенные с пространственными измерениями?

Искатель ответил скучным голосом.

— В это по крайней мере верили древние теоретики. Эти мембраны скрывают Бог весть сколько измерений…

Он умолк.

Видеть Искателя потрясенным было удиви-

тельно. Обычно он держался так, словно все на свете повидал.

Голова Клий кружилась, и причиной тому были не идеи.

— Там… позади… ты говорил про квагму.

Она села. Грубые выступы на каменистой материи, поддерживавшей их — в условиях слабого тяготения, отметила она рассеянно, — царапали ладони. Возможно, над ними действительно парила та первородная материя, из которой Господь вылепил все сущее, но в это мгновение Клий нуждалась в передышке.

Опустив голову между колен, она попыталась дышать глубоко, ровно и мерно, стараясь наконец обрести равновесие. Сердце ее колотилось, ноздри нервно расширились. Воздух казался едким.

Искатель заговорил, и голос его чуточку подрагивал. Клий поняла, что псевдоживотное пытается сплести из каких-то лоскутков примерное представление о том, что они видят вокруг себя. Любой из миров был бы не таким страшным, если бы только они могли понять, что происходит в какой-то его части. Искатель говорил, слова его превращались в бальзам… и Клий ощутила, что пульс ее постепенно начинает замедляться. Она даже стала понимать кое-что из того, о чем

говорило псевдоживотное. Или же вера в то, что ей это удается, приносила Клий утешение…

Квагма… в первые мгновения существования Вселенной все бурлило и кипело. Жар, превышающий всяческое человеческое разумение, любое понимание этого короткого слова, тек в пространство-время в виде магмы из кварков, крошечных частиц, породивших все фундаментальные силы. В эту эру бесконечно малых объектов все взаимодействия были едины, и Сверхсила эта могла совершить все, что угодно — даже изменить баланс между скитающимися силами, подчинить их Воле, способной повелевать квагмой.

Итак, квагма являлась Первоматерией, основой сущего. Овладеть ею — создать ее на некий бесконечно малый промежуток времени — значило получить силу, позволяющую перестроить целый ломоть пространства-времени. Заставить измерения извиваться, сварить космические спагетти, разложить их и добавить соус… И все это могла сотворить жизнь, сама обитавшая в измерениях.

Во всяком случае, так она поняла Искателя. Возможно, так оно и было. Воздушные просторы теорий никогда не являлись ее специальностью.

— Итак, именно здесь обитатели четырех из-

мерений входят в контакт с нашей Вселенной, — произнесла Клий. — И забавный одномерный мирок, наш Мир Трубы, представляет собой нечто вроде станции. Так что искать надо тех, кто управляет всем этим.

— Инженеров квагмы? Выходит, огромное и уродливое бурое чудище было одним из них…

— Не знаю.

— Но зачем им все это нужно?

— Должно быть, ищут ресурсы… или исследуют. Таковы обычные мотивы, определяющие деятельность склонных к экспансии видов — например, твоего.

— А твоего?

— Мы сотворены вами. Я… просто смотрю.

И тут нечто объявилось в пространстве, не вступая в него. Просто возникло: пульсирующий мясистый ком, цвета красного и розового сразу, вращающийся, словно шедевр искусства на выставке, сальный и вонючий.

Клий наморщила нос, ощутив накатывавшие волны зловония.

— Мне уже приходилось сталкиваться с подобными ароматами.

— По-моему, это существо не опасно… впрочем, не знаю. Помни только, что оно может видеть

все, что мы делаем, под любым углом.

— Я и не собиралась нападать на него.

— Мудрое решение.

Сверху нависала одна из черных мембран, и новый пришелец казался очередным объектом из каталога здешних достопримечательностей. Внезапно существо это принялось менять облик с воистину лихорадочной быстротой.

Быстрые, словно вспышки, изображения сменяли друг друга: пурпурно-зеленые складки и конечности перетекали в стеклянистые перегородки, тающие красным дымком. Кожистые овалы и многоугольники сливались друг с другом, пронзающие лучи яркого света вырывались наружу.

— Мы видим сейчас какие-то аспекты настоящего четырехмерного создания, — удивленно промолвил Искатель.

— Но наше зрение так и осталось трехмерным.

— Именно поэтому все это кажется нам не имеющим никакого смысла.

Ей представилось вдруг двумерное существо, внезапно перенесенное в их собственный, трехмерный мир, способное увидеть лишь поперечные сечения деревьев, скал, движущихся машин и пытающееся сложить все эти объекты в

сколько-нибудь разумную картину.

Оно могло составить некий двумерный символ или представление — естественно, плоское. Однако для двумерного существа это и было бы целым объектом.

Не то ли сейчас происходит и с ней самой: она смотрит на меняющиеся картины и не понимает, каким образом можно соединить их в единое целое — в том измерении, которого не видит глаз, но которое, быть может, способен осознать мозг…

— Послушай, — проговорил Искатель.

Странное сочетание гудков, грохота и визга заполнило все пространство. Искатель заткнул уши.

— Сейчас мы слышим звуки такими, какими они бывают в четырехмерном пространстве, где волны распространяются по-разному, вихрями и волновыми пакетами.

Клий в расстройстве замахала руками — ничего другого она просто не сумела придумать. Низкие резонирующие вибрации исходили даже из нее самой.

— Эти волны едва ли способны причинить ущерб.

— Но кто-то словно бы вещает в моем нутре!

— Музыка или голос? Мы должны найти способ

поговорить с ними.

— Понимаешь, если Морфы способны видеть нас насквозь со всеми потрохами, может, они сумеют заметить, что воздействуют на все мое тело?

Она покружилась, кувыркнулась, скакнула, ощущая себя безумной танцовщицей. Несколько мгновений в этой невесомости, и она запыхалась. Тут что-то привлекло ее внимание.

Прямо возле нее плыл в воздухе трепещущий мясистый ком (хотелось бы знать, какой смысл теперь имеют эти слова «возле нее»). Она осторожно протянула руку, но схватила лишь воздух. Однако в глазах Клий ее рука растянулась, став тонкой и длинной, исчезающей вдали в немыслимой перспективе.

Ком рос, изгибался, краснел. Она протянула руку еще раз… и ощутила другое измерение.

* * *

Гладкая, теплая поверхность. Гладкое вдруг сделалось липким, когда она продвинула свою руку вдоль длинного туннеля перспективы. Синие шипы пробились сквозь «кожу» кома, как будто выросли из нее. Это волосы? Она прикоснулась к шипам — твердым, жарким, гудящим низкими

звуками, — но лишь ощутила это гудение, а не услышала его.

— Возможно, ты трогаешь его кости, — деликатно предположил Искатель.

— Бр-р-р. Надеюсь, ему это безразлично.

— Когда ты идешь по улице, тебя беспокоит тень? В известном смысле это похоже на то, как если бы нас посетило существо из мира двух измерений.

— А вдруг это одно из созданий, что вырвало нас из собственного пространства и едва не убило…

— Тогда ты должна добиться, чтобы тебя понимали, — сказал Искатель, величественным шагом обходя странный предмет, словно тот был произведением искусства, однако мех на спине псевдоживотного стоял дыбом.

— Не знаю, чего я хочу. Может быть, компенсации.

— Ну это вряд ли…

Маслянистые краски пахли старым склепом, потом их запах вдруг сменился запахом соленого воздуха. Никакого смысла за этим не угадывалось. А может, его просто не было.

Тьма сгущалась. Ее пронзали яркие, как неоновые огни, искры и светящиеся спиральные волокна.

— И все-таки это существо ведет себя пристойно, — проговорил Искатель, воодушевляясь. — Оно предоставило воздух, которым мы способны дышать — пусть он чуть суховат и плотен, — и тепло, которое мы в состоянии выносить.

— Лично я предпочла бы одиночество.

Клий понимала: они продолжают это подобие разговора просто потому, что им страшно. Их окружала реальность столь чуждая, что Клий ощущала себя поглощенной ею, заточенной во вселенной, остающейся за пределами всякого понимания, вращающейся вокруг абсолютно неизвестной оси по собственным, ни на что не похожим законам.

— Я ощущаю чье-то приближение, — заметил Искатель.

Воздух словно вспыхнул. Висевшие в пространстве гладкие, будто пластик, комья и стержни вдруг приобрели плотность, сделались волокнистыми, пододвинулись ближе.

Шпок!

— А вот и наши кристаллы! — Клий подобрала забарабанившие о твердую поверхность предметы.

Черная мембрана была уже совсем рядом, от нее веяло теплом…

…внезапное напряжение, как будто кто-то потянул ее вбок…

…хлопок… и ноги Клий ощутили песок.

Она утратила равновесие, упала, покатилась. Гладкие комья окружали ее со всех сторон. Но за ними…

Горы, синие, увенчанные белыми шапками. Она узнала их — долину, в которой располагалась Библиотека Жизни.

— Нас вернули домой!

Место раскопок находилось совсем рядом. Поблизости никого не было, но оборудование работало. Они находились на значительном расстоянии от того участка, с которого начинали работу, а время близилось к полудню. Хотелось бы знать, сколько они отсутствовали. Как идет время в высших измерениях? Если Вселенная обладает всего лишь одним временным измерением, это означает, что оно является общим даже в высших пространствах. Но если временных измерений два?..

Она тряхнула головой. Довольно!

Искатель кивнул.

— Мне хотелось бы, чтобы они остались, пока мы не сумеем извлечь какую-нибудь пользу из пережитого.

Клий рассмеялась чуть безумным смешком, ощущая, что напряжение начинает спадать.

— Довольно с нас и того, что мы сами остались живы.

— Тем не менее… — Искатель покрутил рыльцем. Псевдоживотное направилось к раскопочному оборудованию и сняло панель с инструментами. Четырехмерные комья и стержни окружали его во всей красе своей красно-розовой окраски, пронзаемой белыми полосами.

Некоторые из них увязались за Искателем, другие остались с ней. Присутствие их тревожило Клий.

Искатель выбрал длинный и изогнутый инструмент с острым раздвоенным наконечником. Быстрым и ловким движением он вдруг повернулся и пронзил ближайший к нему ком.

В четырехмерном стане началось смятение. Отмахнувшись от одного из стержней, Искатель отступил на шаг и принялся разглядывать последствия своего поступка. Ком затрепетал и съежился, сдулся, превратился в розовую пластину, потом в трубку, потом в каплю. Она съехала к одному концу инструмента, затем к другому, но высвободиться не сумела.

Вся компания закружила встревоженным

вихрем. А потом все они сомкнулись вокруг пришпиленного к земле кома.

— Пожалуй, нам следует поискать помощи, — предложил Искатель и тут же помчался прочь. — Нужно отыскать какой-нибудь более надежный способ задержать эту часть четырехмерного Морфа в нашем измерении.

Клий побежала следом за Искателем. После стольких проведенных в невесомости дней ноги ее с истинным наслаждением прикасались к земле.

— А почему они не могут просто извлечь стержень?

— Не знаю, однако игла способна задержать палец в двух измерениях, поэтому…

— Что? Это была только догадка?

— Конечно.

Клий покачала головой, усмехаясь.

— Они могли убить тебя. Опасная игра, о, Искатель Мудрости.

— Они только что вернули нас — не для того ведь, чтобы тут же уничтожить?

В качестве доказательства вся компания плавучих слезинок и стержней увязалась за ними. Клий оглянулась; ком оставался пришпиленным к земле.

— Ты зафиксировал его в трехмерном пространстве… Это все равно, как если бы твоя собственная ладонь прилипла к плоскому листу бумаги.

— Давай поторопимся и подумаем на ходу. Они могут найти способ освободить эту часть Морфа.

— Но слово «они» здесь неуместно — это одно существо.

— Быть может. Но как нам судить об этом? Наши глаза в данном случае являются неподходящим инструментом.

Обдумывая эти слова, она погрузилась в наслаждение бегом. Да, существо, находящееся в трех измерениях, не в состоянии видеть то, что находится в четвертом. Люди пользуются практически двумерной сетчаткой, пусть она и расположена внутри сферического глаза, а потом мозг создает изображение окружающего нас трехмерного мира. Значит, у четырехмерного Морфа должен быть трехмерный глаз. Сфера, позволяющая создавать изображение четырехмерного мира. Добавь еще одно измерение, и пятимерному существу потребуется гиперсфера, чтобы видеть окружающий мир.

К собственному удивлению, она начинала переходить на строй мыслей Искателя. Она и в самом деле могла представить себе четырех-

мерный мир, хотя увидеть его не имела никакой возможности. Пока не имела.

Искатель блаженно тявкал на бегу. Он отмахнулся от плавучего стержня, послушно отплывшего в сторону и вновь пристроившегося над головой. Бело-розовые пчелы, нарисованные рукой сюрреалиста…

— Только представь себе, какие тайны может открыть нам четырехмерный разум! — восхищался Искатель. — Какие совершенно непостижимые для нас истины о пространстве. Вот ведь и муравей, ползая по столу, не знает, что сидящий за столом человек занят расчетами.

Клий усомнилась.

— Если только они сочтут это нужным.

— А зачем еще им понадобилось устраивать нам экскурсию в свернутую вселенную, в эту Трубу? Это был эксперимент! Предпринятый для того, чтобы вступить с нами в контакт. Путешествовать в пространственных измерениях нелегко, и это мы с тобой вполне ощутили на собственной шкуре.

— Возможно, ты прав, и нам следует воспринимать пережитое именно таким образом.

— Назад пути нет!

Клий усмехнулась. Прежде Искатель никогда

не проявлял подобного энтузиазма. Псевдоживотное приходило в себя после долгих и полных страха дней, хотя, конечно же, никогда не признается в этом.

— А, представляешь себе, что могли бы мы рассказать «плоскати-кам», жителям двумерной Флатландии, если бы таковая действительно существовала. И такое же богатство сумели бы получить мы сами, — продолжал восторгаться Искатель, — если бы научились общаться с обитателями четырехмерных пространств.

Клий рассмеялась снова. Она была дома и видела перед собой новые горизонты.

Водородная стена

Посвящается Фреду Лернеру.
Скрытая мудрость и утаенное сокровище - какая польза от обоих?
(Сирах 20:30)

И чего же ты хочешь? - префект приподнял бровь. Такого вопроса она не ожидала. - Э-э... переводить. Учиться. - Даже для нее ответ прозвучал неуклюже, а хмуро-презрительный взгляд префекта подтвердил, что и он ожидал услышать нечто легковесное. Ладно, тогда добавим агрессивности: - Если мне позволят, Архитектуре Стрельца. На угловатом лице префекта отразилось удивление, которое он быстро стер, поджав тонкие, сухие губы. - Это очень древняя проблема. Ты ведь не полагаешь, что стажеру по силам преуспеть в таком классически трудном деле?

- Полагаю, - решительно отозвалась она. - Именно потому, что оно так хорошо документировано.

- Столетия тщательно спланированных исследований поведали нам об Архитектуре Стрельца очень немногое. Это образец Разумной Инфор-

мации наивысшего порядка сложности, и она не вознаграждает тех, кто проявляет к ней лишь простое любопытство.

- И все же мне хочется попробовать ее взломать.

- Неофит…

- …способен взглянуть на проблему свежим взглядом.

Собеседники знали, что по традиции Библиотеки кандидат в библиотекари может выбрать себе первую тему для работы. Почти все, следуя традиционной мудрости, выбирали небольшое Послание, что-нибудь из наследия цивилизации первого типа, едва достигшей галактической стадии развития. Нечто, напоминающее первые послания Земли. Связываться же с действительно крупной проблемой было полным безрассудством.

Но в надменном взгляде префекта мелькнуло самодовольство, и оно пробудило в ней старое, уже полузабытое желание. Префект фыркнул:

- Один лишь просмотр уже накопленных материалов отнимет много времени.

Она подалась вперед:

- А я уже много лет изучаю Архитектуру Стрельца. Это стало для меня чем-то вроде навязчивой

идеи.

- Гм-м-м…

У нее имелся весьма скромный опыт общения с подобными людьми. Префект, с его непроницаемым лицом и ровными интонациями нейтральных предложений, казался ей странно аскетичным. У нее даже создалось впечатление, что для расшифровки его мыслей требуются примерно те же умения, которые она осваивала все годы учебы. Но в тот момент ее охватывало лишь ощущение собственной неопытности, усиленное царившей в кабинете тишиной. В конце концов, префект мог оказаться прав. И она уже стала мысленно составлять фразу для вежливого отступления.

Префект негромко вздохнул. И добавил:

- Ну хорошо. Отчеты подавай еженедельно. Она моргнула и пробормотала:

- Э-э-э… большое спасибо.

Выйдя из кабинета префекта, Рут Энгл провела ладонями по вышитой, строго традиционной форменной блузе стажера - то была рефлекторная успокаивающая привычка, от которой она никак не могла избавиться. Болтливый язык поставил ее в затруднительное положение, и выхода она не видела. Кроме одного - прямо сейчас вернуться

к префекту и попросить у него совета в подборе более простого Послания. Из числа тех, которые ей по зубам.

Нет, черта с два! Устремленные ввысь рифленые алебастровые колонны библиотечного Центрекса [18] напомнили о величии этого учреждения и укрепили ее решимость.

Сейчас, на пороге четвертого тысячелетия, лишь несколько сооружений могли хотя бы приблизиться к Библиотеке по масштабам и великолепию. С того дня, когда были перехвачены первые сигналы других галактических цивилизаций, а случилось это почти тысячу лет назад, человечество не сталкивалось с более важной задачей, чем добывать знания из этого неиссякаемого источника.

Со временем и Библиотека стала похожа на свое содержимое: огромная, старинная, полная таинственных темных закоулков. В ее официальном пантеоне, хранящем полноцветные движущиеся статуи легендарных Собеседников, стоял блок из черного базальта - «Ро-зеттский камень», символ всего, чему библиотекари способствовали. Высеченным на его поверхности письменам

---

[18] Примечания: 18

Составное слово (центр + комплекс). (Здесь и далее прим. перев.)

исполнилось уже почти три тысячи лет. Проходя мимо, Рут подумала, насколько легкую для разгадки задачу они олицетворяют. Это всего лишь случайно найденный, один и тот же линейный текст на трех человеческих языках. Наличие текста на «греческом-2», который первооткрыватели могли прочесть, означало, что они сумеют расшифровать и курсивные демотические значки, и египетские иероглифы. Эта потрепанная временем черная плита, найденная солдатами, расчищавшими площадку для строительства форта, связала цивилизации, разделенные тысячелетиями.

Протянув слегка дрожащую ладонь, она погладила холодный гладкий камень. Прикосновение вызвало у нее невольный трепет. Те, кто здесь служил и работал, были частью великой многовековой традиции, уходящей корнями к самой сущности человека.

Ее легкие шаги беспечным звоном раздавались в мрачной атмосфере высоких тенистых залов и хранилищ. Мимо беззвучно мелькали писцы в развевающихся фиолетовых одеяниях. Она была здесь шумным новичком и знала это.

Только вчера она, спустившись с низкой окололунной орбиты, ехала к Библиотеке на

фуникулере, с радостью вспоминая просторные лунные купола и ненавязчивую гравитацию. Здесь прошло ее начальное обучение, за ним последовали два обязательных года на Земле. Советникам нравилось прочно держать в руках руководство Библиотеки, поэтому выпускную учебную работу ей пришлось делать в суетливой и шумной Австралии, неподалеку от пенистых волн и темно-желтых пляжей. Луна же была местом более серьезным и неизменным.

Вышагивая пружинистой походкой человека, все еще приспосабливающегося к гравитации, она наслаждалась видом молочно-белых склонов далеких кратеров.

Стрелец, я иду.

Следующей и самой важной была для нее встреча с Верховным нотом [19]. Она соблюла обычные протоколы, обращаясь по очереди к менее значимым членам иерархии, пока ее не допустили к Сайло - гладкокожему ноту, который, очевидно, не научился улыбаться. Но не исключено, что причину этого следовало искать на клеточном уровне: ноты производили в своих организмах хитроумные настройки, компенсирующие их

---

[19] Примечания: 19
Nought - ничто (англ.).

глубоко бесполую суть.

- Надеюсь, ты сможешь добиться согласованности с Архитектурой Стрельца, - произнес Сайло ровным тоном, каждая фраза заканчивалась легким урчанием. - Хотя я сожалею о твоих напрасно потраченных усилиях.

- Напрасно?

- Ты, разумеется, потерпишь неудачу.

- Но, возможно, свежий взгляд…

- Так говорили многие сотни стажеров до тебя. Хочу напомнить о последнем указании, полученном нами от Советников, - гелиосфер-ной угрозе.

- Я думала, здесь почти ничего нельзя сделать.

- Похоже на то. - Сайло нахмурился. - Но и оставить попытки мы тоже не можем.

- Разумеется, нет, - согласилась Рут, надеясь, что выглядит серьезной. Она прекрасно сознавала, насколько трудно ей будет постичь эту личность, изрекающую только выводы и решения.

Ноты доказали свою незаменимость уже много веков назад. Полное отсутствие сексуальных аппетитов и органов, как физических, так и ментальных, снабдило их безжалостной объективностью. В роли дипломатов, работающих по контракту ученых и третейских судей они оказались непревзойденными. Они заменили

большую часть разросшегося юридического аппарата, который обременял общество в ранние столетия.

Без их умения проникать в суть вещей Библиотека вряд ли смогла бы функционировать. В отличие от сочинений, написанных людьми, инопланетные тексты лишены бездумной ауры сексуальности. Или, точнее, Послания могли изобиловать инопланетной сексуальностью, как бы создатели ни пытались сделать их объективными и прозрачными. И пробиваться сквозь нее обычным людям было очень нелегко. В первые десятилетия своего существования Библиотека упорно сражалась с этой проблемой, но решили ее ноты.

Сам процесс перевода Посланий, выполняемый мужчиной или женщиной, значительно искажал их смысл. И многие переводы, сделанные в первые годы, оказались затуманены «человеческим фактором». Впоследствии для очистки этих ранних текстов были приложены немалые усилия. Ныне же ни одна работа не покидала Библиотеку без контрольного просмотра нотов, во время которого устранялись непреднамеренные ошибки.

- Вторжение в гелиосферу оказалось непосильной задачей для наших лучших умов, - мрачно

проговорил Сайло. - Я хочу подойти к ней с другого конца. И хоть один раз Библиотека сможет принести немедленную пользу.

Рут эти слова озадачили. Во время обучения ей говорили о более возвышенных аспектах миссии Библиотеки. О том, что она стоит на берегу потока времени. Любой, кто желает сосредоточиться на Посланиях, предназначенных храниться вечно, обязан мысленно дистанцироваться от повседневных событий.

- Я не совсем понимаю…

- Подумай о Библиотеке так, как это делают непосвященные. Им редко удается осознать те ее высшие функции, которые должны обеспечивать мы. Вместо них они видят лишь мимолетную возможность. Вот почему нас заваливают просьбами взглянуть на Хранилища как на источник изобретений, всяческих трюков и новинок.

- А мы, как нам и положено, такие просьбы отвергаем, - поддакнула Рут, надеясь, что ее слова не покажутся слишком уж верноподданическими.

Но Сайло одобрительно кивнул:

- Вот именно. Я думаю, что древнее общество, наподобие Архитектуры Стрельца, уже сталкивалось с подобными проблемами. И куда лучше наших астроинженеров знает, как справиться с

разбушевавшимися природными силами.

- Понимаю. - И почему она сама об этом не подумала? Слишком погрузилась в эту культуру абсолютного благоговения перед величественностью задачи Библиотеки? - Э-э… но мне трудно представить, как…

- Твоя задача не представлять, а постигать, - строго произнес Сайло.

Ноты ее смущали, а Сайло - особенно. Многие из них обходились без волос, но Сайло щеголял ободком вьющихся, бронзово поблескивающих локонов, создававших впечатление, будто на его голый череп опустился нимб. Бледные ресницы нота моргали редко и неторопливо, демонстрируя розовые упругие веки. Белесые, почти невидимые брови постоянно оставались приподнятыми, поэтому каждое его слово как бы таило в себе подтекст, а интонации проскальзывали между слогов со звучным изяществом. Выражения лица перетекали от одного нюанса к другому, а само оно напоминало пластичный материал, без устали меняющий форму, подобно глади пруда, которую морщит неощутимый ветер. Ей пришло в голову, что не помешало бы записать все его высказывания. Даже не моргнув, Рут включила режим записи, позволив встроенному в спинной

мозг блоку памяти записывать все, что прошло сквозь ее глаза и уши. Так, на всякий случай.

- Возможно, я не слишком следила за новостями, - сказала она. Казаться скромной - всегда кстати. - Вторжение…

- Почти достигло орбиты Юпитера, - сообщил Сайло. Стена за его спиной превратилась в экран, на котором солнце отважно пробивалось сквозь бурю межзвездного газа.

Человечество лишь недавно узнало, что зародилось в благоприятную эпоху. Когда-то древняя сверхновая звезда породила «пузырь» в межзвездном газе, и Земля плыла сквозь этот почти чистый вакуум все то время, пока млекопитающие эволюционировали от древесных землероек до разумных покорителей планеты. Во всех же прочих отношениях Солнце ничем особым не выделялось. Обращаясь вокруг центра Галактики, оно перемещается за миллион лет всего на пятьдесят световых лет. При этом каждые тридцать три миллиона лет оно то поднимается над галактической плоскостью, то опускается ниже ее - этого ныне оказалось достаточно, чтобы лишиться защиты локального «пузыря». И теперь плотный межзвездный водород давил на порождаемый Солнцем плазменный ветер, пробиваясь

во владения хрупких и уязвимых планет.

- Вчера водородная стена начала бомбардировку колонии на Га-нимеде, - произнес Сайло со странным беспристрастием, которое и по сей день нервировало Рут - словно ноты, не будучи мужчинами или женщинами, обладали правом наблюдать за людскими страстями как бы со стороны. - Нам, работающим в Библиотеке, поручено сделать все возможное для поиска знаний, имеющих отношение к нашей общей катастрофе.

Стенной экран уловил этот намек и показал полумесяц Юпитера на фоне звездного неба. Рут увидела, как с охватывающей Юпитер рубиновой ударной волны сорвалась, закручиваясь спиралью, новая вспышка. Полумесяц казался рябым из-за колоссальной турбулентности - его усеивали вихри и воронки, в которых легко утонула бы одна из внутренних планет системы.

- Но мы ведь не можем изменить межзвездную погоду.

- Мы должны попытаться. Древние обитатели Галактики, возможно, знают о мире, пережившем такую безумную атаку.

Космическая оболочка Солнца - гелиосфера - столкнулась с плотным сгустком газа и плазмы восемьдесят восемь лет назад. В нормальных

условиях частицы солнечного ветра легко справляются с межзвездной средой. Многие тысячелетия давление солнечного ветра сопротивлялось давлению межзвездного газа, образуя тонкий барьер на расстоянии в сотню астрономических единиц [20] от уютного мирка внутренних планет системы. Теперь же барьер втиснуло в глубь системы, к орбитам внешних планет.

Масштаб изображения на стене изменился. Рут увидела то, что осталось от владений, где доминировал солнечный ветер. Картинка напоминала вид сверху на идущий по океану корабль: головные волны, образующиеся на носу, откатывались назад, приобретая характерный параболический изгиб.

Под неумолимо нарастающим давлением все более плотного межзвездного газа и пыли этот фронт давления размывался. Солнце билось о водородную стену со скоростью шестнадцать километров в секунду, и его слабенький ветерок отбрасывало вспять, к цивилизованным планетам. Базу на Плутоне люди покинули десятки лет назад, а спутники Сатурна - лишь недавно.

---

[20] Примечания: 20

Астрономическая единица - расстояние от Земли до Солнца, около 150 миллионов километров.

Потоки частиц с высокой энергией и внезапные космические бури погубили многих. Странной жизни в океане Европы ничего не грозило под десятикилометровой толщей льда, но это было слабым утешением.

- Но что мы можем сделать? - вопросила она.

- То, что в наших силах.

- Да одни магнитные завихрения на фронте ударной волны обладают большей энергией, чем есть у всей нашей цивилизации.

Сайло ответил ей взглядом, напомнившим Рут о том, как она еще девочкой наблюдала за брачным танцем насекомых. Сдержанная неприязнь.

- Мы здесь не задаем вопросов. Мы слушаем.

- Да, самость.

Похоже, это формальное обращение, которое ноты предпочитали употреблять взамен «господина» или «госпожи», доставило Сайло удовольствие. Весь остаток разговора с его губ не сходила еле заметная улыбка, и Рут даже почти удалось ощутить личность за этой ледяной отстраненностью. Почти.

Административный купол Рут покинула с облегчением. Библиотека раскинулась по всей равнине, залитая потрясающим светом полумесяца Земли, зависшего над зазубренным белым

горизонтом. Под этой нетронутой территорией хранились криофайлы всех передач, полученных от Галактического Комплекса - сосредоточения бесчисленных цивилизаций, процветавших задолго до рождения человечества. Гигантский и по большей части недоступный ресурс. Грандиознейшая интеллектуальная свалка.

Библиотеки служили памятниками не столько Прошлому, сколько Неизменности как таковой. Рут дрожала от нетерпения. Она только что прошла свои первые собеседования и теперь имела право исследовать миллионы проспектов галактического прошлого. А Стрелец был знаменит плотностью информации, многослойной и глубокой. Ее манила неизведанность.

Но еще ей придется иметь дело с тонкостями отношений внутри самой Библиотеки. Сейчас они представлялись ей столь же пронизанными тайными проходами и бюрократическими лабиринтами, как и беспредельное содержимое Библиотеки. Рут напомнила себе, что надо быть осторожной, постараться не проявлять свойственное ей ехидство. И для тренировки склонила голову, проходя мимо пожилого нота.

Величайшая из библиотек древности находилась в Александрии, в Африке. Историк описывал

существование александрийских библиотекарей с завистью: «У них была беззаботная жизнь: бесплатная еда, высокое жалованье, никаких налогов, очень приятное окружение, хорошие жилища, личные слуги. И у них имелось предостаточно возможностей для взаимных ссор».

С тех пор мало что изменилось…

Ее соседка оказалась желанной противоположностью нотам. Невысокая и подвижная, Каткеджен никак не походила на типичного кандидата в библиотекари. Она расхаживала по комнате в открытом саронге и потягивала стимулятор, вряд ли разрешенный в «Памятке стажера».

- Оказывай им уважение, - бесцеремонно посоветовала она, - но не покупайся на всю эту чепуху насчет «достоинства нашей профессии». А то тебя вскоре начнет от нее тошнить.

- И за это меня отшлепают, - улыбнулась Рут.

- А я считаю, что библиотекарям нравится иногда говорить друг другу дерзости. Это поддерживает в них бойцовский дух.

- Слушай, а ты откуда? С Марса?

- Ну, для меня это слишком изнеженный народец. Нет, я гани. С Ганимеда.

- Из породы пионеров, значит? - Рут поудобнее

растянулась на кровати, испытывая особое удовольствие после обычного для библиотекарей долгого сидения с прямой спиной. Здесь никто не горбился над книгами в классической позе ученого. Библиотекари держались прямо, работая с аппаратурой кругового проецирования информации. - И всю жизнь провела в толще льда?

- Не верь всему, что про нас болтают. - Каткеджен величественно махнула рукой, удлинив три рабочих пальца для усиления эффекта. - Мы часто вылетаем на разведку внешних лун.

- Значит, ты богата? Хотя какой смысл в богатстве, если приходится всю жизнь укрываться за магнитными экранами?

- Опять шаблонная мысль. Далеко не каждая разведка делает нас богатыми.

Протонный ливень на Ганимеде был смертельно опасным, но обработанные радиацией элементы, добываемые на внутренних спутниках Юпитера, действительно многих обогатили.

- Так ты из бедной семьи, которой пришлось избавиться от самой умной дочери?

- Еще одно клише. - Каткеджен скорчила гримаску. - Надеюсь, тебе повезет больше, и ты отыщешь что-нибудь оригинальное в… как это называется?

- Архитектура Стрельца.

- Бр-р-р! Говорят, это настоящая гидра.

- Каждый раз, когда к ней подключаешься, тебе отвечает другой разум?

- Если это вообще можно назвать разумом. Как я слышала, оно больше смахивает на говорящее тело.

Рут много читала о Стрельце, но эта информация оказалась новой. Все здесь знали, что при общении с чужим сознанием дуализм разум-тело теряет смысл, но как это происходит, все еще оставалось загадкой. Она нахмурилась.

Каткеджен шутливо ткнула ее в бок:

- Все, хватит на сегодня! Пошли в купол с высоким давлением, полетаем.

Рут неохотно согласилась, но так и не смогла полностью отключиться от волнующих ее мыслей. И даже устремившись в долгий и безмятежный полет над заросшими папоротником холмами в куполе развлечений и скользя под ошеломляюще прекрасным кольцом орбитальных колоний, образующих сверкающее ожерелье в оранжевом небе, она думала о труднейшей задаче, которая ее ждет.

Она в своем личном коконе. Ну, наконец-то!

После встречи с Сайло прошла неделя. За это

время Рут подверглась окончательному нейронному кондиционированию. И вот настал долгожданный миг: она установила прямую информационную связь с Архитектурой Стрельца.

Ее кокон выполнял роль нейронной сети, используя для передачи информации все тело девушки. По коже Рут прокатились волны ощущений, от пальцев ног стало подниматься щекочущее покалывание.

Она почувствовала стремительный натиск мышечных импульсов - это созвездие слияний стягивало ее в тугой комок. Архитектура Стрельца использовала для ввода информации почти весь доступный ей человеческий ландшафт. Акустические всплески в ушах, от которых начинала кружиться голова, резкие запахи, звенящие какофонии эфемерных узоров, болезненные спазмы внутренних органов - стажеры были обязаны знать, как все это может передавать смысл.

Знать-то они знали, но вот как перевести этот смысл на человеческий язык?.. После таких переживаний человеческая речь воспринималась не иначе как бормотание заики, страдающего клаустрофобией. Ее линейная смысловая структура и хрупкие попытки связывания концепций были простыми, утилитарными и типичными для все

еще молодого, по галактическим масштабам, разума.

Наиболее сложной задачей оказался перевод этих плотных сгустков смешанных ощущений в более или менее понятные предложения. Только так человек мог хотя бы уловить их смысл, пусть даже искаженный и размытый. Во всяком случае, именно это утверждал накопленный учеными опыт.

Рут ощутила, как ее омывает поток пронизывающих откликов, исходящих из глубин ее тела. Это заработали ее внутренние подсистемы, ассоциированные с высокоскоростными брызгами смыслов - на самом деле, догадок. У нее имелся обширный запас встроенных процессоров, расположенных в спинном мозге и плечах. Никто не стал бы и пытаться решать столь трудную задачу без искусственных усилителей. Попытка обработать такие блоки исходной информации всего лишь за счет возможностей человеческого мозга была бессмысленной и весьма опасной. Столетия назад библиотекари погибали уже после нескольких микросекунд пребывания в таком многослойном лабиринте, как Архитектура Стрельца.

Годы тренировок научили Рут противостоять

яростному буйству прямого контакта, но даже сейчас ее била холодная дрожь ужаса. Его она тоже должна была научиться преодолевать. Контакт усиливал любое нейронное состояние, в котором находился человек. По одной из легенд, библиотекарь однажды установил контакт в состоянии раздражения, и это вызвало у него припадок, из которого он уже не вышел. Когда его тело обнаружили, оно было буквально испещрено пятнышками микроконтузий.

Первая информация оказалась примерно такой, какой и ожидала Рут:

‹ #163;У-ГР›ч* ; #163;:;: l-.-l I - \ amp;

Обескураживающий многослойный язык. Тогда она перешла на более легкую нотацию [21], пропустив данные через спинной интерфейс, и услышала/ощутила/прочитала:

Гораздо понятнее, но все еще… Она сосредоточилась… *Приветствуем тебя, новый разум.*

- Здравствуй. Я пришла с уважением и новыми подношениями. - То было стандартное начало диалога, отточенное пять столетий назад и с тех пор не менявшееся.

---

[21] Примечания: 21

Нотация - условные знаки, применяемые для выражения каких-либо понятий.

Каково же твое подношение?

- Новые культурные нюансы. - Тоже ритуальное обещание, хотя вряд ли его когда-либо удастся выполнить. За последнее столетие на контакт со Стрельцом выходили всего несколько раз. Ныне даже наиболее амбициозные из библиотекарей почти оставили эти попытки.

Она ощутила нечто вроде мимолетной радости, затем: *С тобой мы склонны поступить иначе.*

Черт! Такой ответ никогда не был зарегистрирован, и быстрый запрос это подтвердил. Похоже, принято решение прервать контакт. Точно такая же увертюра прекрасно сработала для шести предыдущих стажеров. Впрочем, дальше никто из них так и не продвинулся - Стрелец потерял к ним интерес и снова замолк. Самое большое оскорбление для стажера - когда тебя игнорируют. И, кстати, самое обычное. Для продвинутых разумов люди, мягко говоря, скучноваты. Но хуже всего то, что очень редко удается понять, из-за чего тебя отвергли.

Так что же означает его ответ, черт побери? Рут заерзала, лихорадочно размышляя, пока не сообразила, что неуверенность влияет на состояние ее нервной системы. Тогда она решила не забивать себе голову.

- Я открыта для предложений и просвещения.

Пауза затягивалась. Рут старалась дышать ровно. Приемы медитации помогли, но так и не смогли окончательно развеять тревогу. Может, она и в самом деле откусила больше, чем способна проглотить?

И тут Стрелец выдал трепещущий поток информации, который она преобразовала в несколько предложений:

Как вид вы технологически одарены, но философски незрелы, и это обычное для новых возникших разумов состояние. Но Нас интригует ваше животное свойство физически выражать свои чувства. Часто вы даже не осознаете свои поступки, что делает их еще более разоблачающими.

- Да? - Она села и скрестила ноги. Физическая поза могла помочь ее ментальному профилю. До сих пор реакции Стрельца находились в пределах традиции, последний же отклик был новым.

Вы так упорно концентрируетесь на своих линейных группах слов, что забываете, как вас выдают движения, позы и выражения лиц.

- Тогда что я сейчас говорю?

Что ты должна приноравливаться к Нам, пока не сможешь задать вопросы о гелиосферной

катастрофе.

Рут рассмеялась. Ощущение оказалось приятным.

- Я настолько очевидна?

Многие общества Мы познаем только посредством цепочек битов и абстракций. Такова природа бинарных сигналов. Вас же Мы можем понять и через ваше подсознательное «я».

- Вы хотите что-то узнать обо *мне?*

Мы слышали достаточно симфоний, уж поверь Нам.

Ответ, во всяком случае, был прямым. А множество раз в прошлом, как ей удалось узнать, они были не столь откровенны. Архитектура обратила на нее внимание - а это уже удача!

- Мне жаль, что наши формы искусства для вас скучны.

Многие существа, которые используют акустические средства, считают, что их формы искусства суть самые важные и ценные аспекты их разумов. Как показывает Наш опыт, это редко соответствует действительности.

- Значит, вовлеченность или соучастие для вас важнее?

В данный момент - да. Помни, что Мы есть развивающийся композит ментальных состояний,

причем не в меньшей степени, чем вы. Ты никогда не сможешь встретить тех же Нас снова.

- Тогда вас следует называть…

Мы знаем ваш термин «Архитектура» и считаем его… забавным. Пожалуй, лучше видеть в Нас композитное существо. Такое же, как и вы сами, хотя вы и не можете осознать этот аспект. Вам кажется, будто вы - унитарные сознания, управляющие своими телами.

- А это не так?

Разумеется, нет. Лишь немногие из известных Нам разумных существ знают о своей базовой ментальной архитектуре столь же мало, как вы.

- А не может ли это стать для нас преимуществом?

Ответ сопровождался мимолетным ощущением, чем-то вроде усмешки:

Возможно. Очевидно, всё лучшее вы делаете за кулисами. И когда у вас появляются идеи, вы даже не понимаете, где их источник.

Рут попыталась вообразить, как она наблюдает за собственными мыслями, но так и не смогла.

- Тогда давайте… ну…

Поболтаем?

Какой странный выбор слова. Его нейронный

тон содержал нечто вроде дрожи удовольствия и отозвался в ее теле длинными, медленными волнами.

- У меня от твоих слов просто мурашки по коже, - призналась Каткеджен. Они сидели в главном кафетерии, и Каткеджен проворно орудовала ложкой. Рут успела заметить, что многие гани любят как следует поесть.

- Если честно, то никакие тренировки не смогли подготовить меня к этой… холодности и…

Каткеджен понимающе кивнула:

- И интимности?

- Гм-м, да.

- Послушай, как и ты, я работаю в коконе всего пару недель. Но мне уже стало совершенно ясно, что мы в основном ведем переговоры, а не переводим.

Рут нахмурилась.

- Нас предупреждали, но все же…

- Слушай, это очень умные ребята. И странные настолько, что вообразить трудно. Но они заперты в маленьком пространстве и живут там кибержизнью. Мы для них просто развлечение.

- А я развлечение для вас, дамы, - подхватил молодой человек, присаживаясь за их столик и церемонно пожимая девушкам руки. - Джеффри

Чандис.

- И как ты собираешься нас развлекать? - скептически улыбнулась Каткеджен.

- Как насчет этого? - Джеффри встал и опустил ладонь на столик. Ловко оттолкнувшись, через мгновение он уже оказался вверх ногами, балансируя на одной руке и приветливо помахивая второй.

- Ты хайджи! С планеты, где высокая гравитация! - Каткеджен зааплодировала.

Парень сменил опорную руку.

- На мой взгляд, эти жалкие лунные 0,19 g просто очаровательны. Рут обвиняюще выставила палец:

- Столь же очаровательны, как один красный носок и один синий?

Совершенно не смутившись, Джеффри оттолкнулся, крутанул сальто и приземлился на обе ноги, даже не сделав шаг назад для восстановления равновесия. Рут и Каткеджен одарили его улыбками.

- Носки - это лишь детали, дамы. Я же стремлюсь к сути.

- Ты ведь с того же курса, что и мы, верно? - спросила Каткед-жен. - Я видела тебя на церемонии открытия.

Джеффри сел, но сперва подбросил стул, заставив его описать в воздухе эффектную кривую.

- Нет, я просто забежал сюда перекусить. А вас я старше на целый год.

- Я всегда думала, что те, кто вырос при высокой гравитации... как бы это сказать...

- Больше интересуются физической стороной жизни? И неподходящий корм для Библиотеки? - Он ухмыльнулся.

Рут почувствовала, как у нее запылали щеки. Неужели ее мысли так легко прочитать?

- Ну... да.

- Мои родители, да и мои друзья - все помешаны на атлетике. А я вот взбунтовался. Потому что в душе я бунтарь.

- Даже против нотов? - улыбнулась Каткеджен. Он пожал плечами:

- Обычно мне удается избежать столкновения с ними. Рут кивнула:

- Я бы тоже предпочла, чтобы они меня игнорировали.

- Знаете, - задумчиво произнесла Каткеджен, - по-моему, они очень напоминают Разумы.

- Потому что они самый странный вариант людей? - медленно проговорила Рут.

- Для меня они словно инопланетяне, - заявил

Джеффри. - Сам я откажусь от секса, только когда останусь без последнего зуба. Может быть. Но уж никак не раньше.

- Иногда они меня просто в дрожь вгоняют, - поделилась Каткеджен. - Как-то на прошлой неделе, ночью, я относила в архив старинный письменный документ. А мне навстречу - три нота в плащах с капюшонами. Само собой, в черных. Так я сразу шмыгнула в боковой коридор - настолько они меня напугали.

- Женщине их бояться нечего, - заметил Джеффри. - А вы знаете, когда несколько веков назад Гильдия нотов только-только зарождалась, они решили, что будут ходить во всем черном, брить головы и так далее, просто из экономии. Но все стали воспринимать это как облачение распорядителей на похоронах. В том смысле, что они собирались похоронить все наши традиционные методы перевода, завязанные на секс.

- А я-то думала, что хорошо изучила историю Библиотеки, - восхищенно сказала Каткеджен. - Отличная байка.

- Однако они совершили несколько крупных прорывов, - возразила Рут. - Исторически...

- Так ли это на самом деле, утверждать невозможно, - сообщила Каткеджен. - Первые ноты

отказывались даже от имен, поэтому мы не вправе приписывать им авторство каких-либо работ.

- Свое состояние они зовут Ничто, - с насмешливой серьезностью произнес Джеффри.

- Кстати, кое-что они упускали, - добавила Каткеджен. - Например, переводили поэмы, пронизанные чувственностью, так, словно там повествовалось о битвах, хотя речь шла о любви.

- Скорее, о сексе, - поправил Джеффри. - Который может показаться сражением.

- Ну, нет, я им занимаюсь иначе, - рассмеялась Каткеджен.

- А вдруг ты занимаешься им неправильно? - Джеффри тоже рассмеялся.

- Знаете, а я иногда гадаю - завидуют ли нам ноты? Джеффри насмешливо хмыкнул:

- Они экономят много времени, отвергая наши игры. И потому могут анализировать Послания не торопясь.

Он взял кофейную чашку и заставил ее совершить в воздухе несколько почти невозможных кульбитов. У Рут возникло ощущение, что если она моргнет, то упустит из виду что-то существенное. Да, Джеффри парень быстрый. Его компактное тело, несмотря на бугрящиеся мускулы, обладало небрежной грациозностью.

Однако обаяние его было не только физическим. Гладкость речи подчеркивалась странным произношением, которое добавляло голосу ровно столько модуляции, чтобы он звучал музыкально. Девушка подумала, что в Библиотеке, пожалуй, вполне могут отыскаться и другие развлечения.

Она упорно работала, подвергая каждую микросекунду своих интервью с Архитектурой тщательному текстологическому анализу. Аналитические программы тоже делали свое дело, устраивая перекрестную проверку ее данных с накопленными за столетия предыдущими интерпретациями. Но им требовались указания того, кто пропустил все эти данные через собственный опыт и сознание: то есть ее.

И она ощущала, как давит на каждый ее перевод история Библиотеки. Любая перекрестная корреляция с огромным массивом данных по исследованию Архитектуры напоминала о необъятной истории усилий, вложенных в этот проект.

Когда столетия назад были приняты первые внеземные сигналы, они показались совершенно загадочными. Первоначальные торжества и полные самоуверенности речи скрывали эту истину, которая со временем превратилась в самый дол-

гоживущий факт.

Те, кто занимался поисками космических цивилизаций, десятилетиями обшаривали все мыслимые частоты, от радиоволн до оптических импульсов, иногда залезая даже в рентгеновский диапазон. Они не обнаружили ничего. Традиционно этот результат объясняли тем, что для отправки даже слабого сигнала на расстояние во много световых лет требуется много энергии. Следовательно, нужно тщательно изучить ближайшие звезды, напрягая электромагнитные уши в поисках сигналов скупых на энергию цивилизаций. Шансы на то, что поблизости отыщется цивилизация, заинтересованная в общении, были ничтожными, но и это был лишь один из неопровержимых фактов о космосе - оказавшийся ложным.

Те, кто искал поблизости, лишились доверия общества после многих десятилетий все более отчаянных поисков. К тому времени появилась и окрепла так называемая «Стратегия галактического центра». В ее основе лежал недавно открытый факт: образование второго поколения звезд в нашей Галактике началось в пределах начального звездного скопления в ее центре диаметром около десяти тысяч световых лет.

Сверхновые вспыхивали там раньше и чаще, звезды располагались плотнее, и поэтому тяжелые элементы быстро накапливались. Три четверти звезд нашей Галактики, которые по своему спектральному классу способны поддерживать жизнь, оказались старше Солнца, причем в среднем более чем на миллиард лет.

Большая часть из них находится в огромной сияющей центральной «чечевице» галактического ядра, которое мы не видим из-за пылевых скоплений в районе созвездия Стрельца. Но в радиодиапазоне центр светится ярко. И целое скопище подходящих для жизни мест, где могли обитать древние цивилизации, укладывается в пятачок размером всего в несколько угловых градусов, если смотреть с Земли.

Воистину, мы жили на окраине - физически. А также и концептуально, как стало очевидно позднее.

В районе галактического центра в пределах одного светового года роятся тысячи звезд. На планетах этих звездных систем можно наслаждаться феерическим зрелищем десятков звезд, сияющих в небе ярче полной луны. Да, зрелище фантастическое, но на таких планетах никогда не появятся существа, способные увидеть это

великолепие.

Плотный центр опасен. Взрывы сверхновых проносятся ударными волнами сквозь хрупкие солнечные системы. Протонные ливни заливают планеты, стерилизуя их. Звезды мчатся рядом друг с другом, сминая орбиты планет и забрасывая их кометами. Внутренняя зона - это зона смерти.

Но уже чуть дальше от центра межзвездная погода становится лучше. Планеты, способные поддерживать органическую жизнь, начали медленное и извилистое восхождение по тропе жизни и разума уже через один-два миллиарда лет после формирования Галактики. И на подобной Земле планете, которой потребовалось четыре с половиной миллиарда лет для появления разумных существ, такое могло произойти уже примерно четыре миллиарда лет назад.

За такой отрезок времени разумная жизнь могла умереть, возродиться снова и стать непостижимо разнообразной. И такие богатейшие существа, обитающие вблизи центра, могли расщедриться и потратить толику своих сокровищ, громко возвестив о своем существовании всем, кто ютится на галактических окраинах и лишь вступает в межзвездную игру.

Какие бы существа ни обитали на планетах возле центра, они знали о базовой симметрии спирали. А это приводило к выводу о том, что естественный коридор для связи и общения располагается вдоль радиуса спирали - простом направлении, известном каждому. Такой коридор максимизирует количество звезд в поле зрения телескопа. Радиус лучше, чем направление вдоль рукава спирали, поскольку рукав изгибается относительно любого прямолинейного направления. И «маяк» должен светить наружу, в обоих направлениях из точки, расположенной недалеко от центра.

Поэтому вместо того, чтобы искать вблизи, древние исследователи, работавшие по программе поиска внеземных цивилизаций, начали смотреть внутрь. Они направили антенны на узкий сектор неба в районе созвездия Стрельца. И стали слушать, не крикнут ли что-нибудь космические богачи своим менее процветающим, более молодым и неопытным собратьям.

Но как часто следует их слушать? Если Земля - заурядная планета, и все ее параметры имеют более или менее среднее значение, то и длительность ее дня и года также примерно типичны. То есть это естественные особенности, характерные

для любой обитаемой планеты: смена дня и ночи, наложенные на ежегодные изменения климата.

Если инопланетяне напоминают нас, то они могут выходить на связь и в течение дня, и раз в году. Но в какой именно день? Угадать это невозможно, поэтому исследователи начали слушать каждый день около получаса - обычно в то время, когда радиоастрономы калибруют все свои приборы. Они искали узкополосные сигналы, которые выделяются даже на фоне радиосияния яркого галактического ядра.

Радиоастрономам также было необходимо знать, на какой частоте слушать. Вселенная полна электромагнитного шума на всех длинах волн - от размеров атомов до размеров планет. Настоящий грохот.

Уже давно был выдвинут аргумент о том, что жизнь на водной основе может выбрать для передач так называемый «водопой» - полосу частот в районе одного гигагерца, на которой сильно излучают как молекулы воды, так и гидроксила. Пусть и не точно на этой частоте, но вблизи нее, потому что она также лежит в области минимума фоновых шумов Галактики.

Традиционные поисковики затратили много усилий на обнаружение ближних источников

сигнала, выбирая участок неба, а затем слушая сигналы определенной частоты, исходящие из этого участка. Но «маяковая» стратегия логично предполагала, что галактический центр и является очевидной «точкой сбора», поэтому любая передающая цивилизация выберет частоту вблизи «водопойной» частоты точного центра Галактики.

Пристраиваясь к уже существующим программам наблюдений, астрономы могли слушать разом миллиард звезд. И через два года эта стратегия себя оправдала. Одним из первых был обнаружен «маяк» Архитектуры Стрельца.

Как выяснилось позднее, большая часть передач других цивилизаций имела общую глубокую мотивацию. Эти древние общества, ощущая, как угасает их энергия, но высоко ценя накопленные сокровища искусства, мудрости и знаний, хотели передать их дальше. И не просто оставив их где-нибудь в огромном музее в надежде, что когда-нибудь их отыщут более молодые цивилизации. Вместо этого многие из них соорудили роботизированные погребальные костры, питаемые энергией их звезд, которые громко возвещали всей Галактике об их неподвластном времени величии:

Я - Озимандия! Я - мощный царь царей!
Взгляните на мои великие деянья,
Владыки всех времен, всех стран и всех морей!

- как выразил эту мысль поэт Перси Биши Шелли, увидев руины древнего Египта.

В самом начале библиотечной эпохи человечество обнаружило, что оно вклинилось в долгую беседу, древний межзвездный разговор, о сути которого оно не имело ни малейшего понятия. Киберкриптографы медленно и постепенно выяснили, что многие инопланетные культуры воистину огромны - намного больше суммы всех человеческих обществ. И намного старше.

До реального контакта никто, в сущности, не задумывался над этой проблемой. Если привести исторический пример, то у англичан возникало немало проблем с пониманием раскраски, скажем, австралийских бушменов. Умножим сущность проблемы на тысячи других культур, как земных, так и на планетах Солнечной системы, а затем возведем ее в квадрат, чтобы учесть трудность выражения всего этого в форме текста - или, как минимум, линейных последовательностей символов. А потом снова возведем сложность в квадрат для учета той бездны, которая разделяет человечество и любую инопланетную культуру.

Ответ очевиден: любая программа для перевода с языка чужаков должна быть не менее умной, чем человек. А то и намного умнее.

Первые передачи любой цивилизации включали элементарные знаки, необходимые для создания словарного запаса. Это поняли даже люди-ученые. Но следом шли непостижимые с ходу блоки, своего рода цифровые «Розеттские камни» с пояснениями, как создать симуляцию чужого разума, способную разговаривать с новичками.

Понадобился почти век, пока люди изобрели способ копировать, а затем и воспроизводить чужое сознание, заключенное в кремниевые чипы. И только после этого была построена Библиотека, чтобы держать под контролем хранящиеся в ней Разумы и Послания. Чтобы извлекать из них сведения о науке, искусстве и прочую информацию, для обозначения которой у людей нередко не было даже подходящих терминов.

И вести с ними переговоры. У киберинопланетян имелась собственная мотивация.

- Я не поняла вашу последнюю формулировку.

Об этом ты могла и не говорить. Ты демонстрируешь телесное сопротивление перекрещенными руками, барьерными жестами, поджатыми губами и несимметричным положением бровей.

- Но эти тензорные топологии не связаны с темой обсуждения. *Они - твоя награда.*

- За что?

За то, что демонстрируешь мне свою сущность. Ты выполнила мою просьбу и надела простую одежду, поэтому я вижу явные сигналы твоего тела.

- А я полагала, что мы обсуждали гелиосферную проблему. *Обсуждали. Но вы, приматы, никогда не сможете говорить только*

об одном за один сеанс, общаясь с такими, как Мы. Она ощутила острый дискомфорт.

- Э-э… то изображение, которое ты мне показал… Насколько я поняла, это нечто вроде цилиндрического туннеля, пронизывающего…

Плазменный тор вашего газового гиганта, Юпитера. Я предложил его в качестве способа переброски вихревых токов с По, луны Юпитера.

- Я признательна за это и передам информацию…

Вам необходимо узнать об этом больше, прежде чем ваш уровень технологии - ты уж извини, но он все еще примитивен и останется таковым гораздо дольше, чем ты предполагаешь - позволит в полной мере воспользоваться этим методом защиты.

Рут подавила импульсивное желание распахнуть глаза. Защиты? Так что же это? Неожиданное решение?

- Я не физик…

А тебе и не надо им быть. Я перехватил все твои невысказанные сообщения. Под одеждой видны очертания твоего таза. Он шире и отклонен назад немного больше, чем у приходивших к Нам мужчин. Талия у тебя уже, бедра шире. Пупок глубже, живот длиннее. Специализацию невозможно скрыть.

Куда это он - Они - клонит?

- Это всего лишь я, а не сообщения.

Ты и должна это отрицать. Подобно тому, как силуэт твоего тела воспринимается даже издалека, скажем… с большого расстояния на какой-нибудь древней равнине. Твои бедра услужливо допускают более широкое расстояние между ними, хотя и направлены внутрь, из-за чего ты смотришься почти колченогой.

- Прошу прощения, но…

Выражение, означающее, что Мы перешагнули границы дозволенного? Вторглись на твою личную территорию? Но я всего лишь ищу знания для собственного хранилища.

- Я… мы… не любим, когда нас подобным обра-

зом препарируют!

Но ведь преобразование от сложного к простому - ваша главная ментальная привычка.

- Только не по отношению к людям!

Да, но, проделав подобное по отношению к внешнему миру, вы, разумеется, не станете возражать, когда тот же метод будет применен к вам.

- Людям не нравится, когда их разбирают на составные части!

Ваша наука добилась таких больших успехов - и необычных на фоне других миров - именно потому, что вы способны умело делить свое внимание на маленькие части, чтобы лучше понять целое.

Когда Они становились такими, лучшим вариантом было к Ним приспосабливаться.

- Людям такое не нравится. Может, это из области социального этикета, но мы к такому очень чувствительны.

П я ищу большего.

Внезапная серьезность, которую Стрелец вложил в эти слова, заставила ее похолодеть.

Сайло был недоволен, хотя ей понадобилось немало времени, чтобы это осознать. Проблема общения с нотами сводилась к их проклятой невозмутимости. Ни тебе неодобрительно опу-

щенных уголков губ, ни взгляда в сторону, позволяющего сменить тему. Только факты, любезная.

- Значит, оно подбросило тебе пару лакомых кусочков, чтобы подразнить?

- Они, а не оно. Иногда у меня такое ощущение, будто я разговариваю с несколькими разными существами одновременно.

- То же самое оно говорит о нас.

Общепринятая теория принципов работы человеческого сознания утверждала, что мышление есть нечто вроде законодательного учреждения, постоянно заключающего сделки между представителями конфликтующих интересов. И принять решение человек может, лишь получив большинство голосов. Рут прикусила губу, чтобы не выдать своих чувств, но тут же сообразила: ее прикушенную губу тоже видно.

- Мы - реальный биологический вид. А они - лишь симуляция одного из других.

Сайло сделал жест, которого она не смогла понять. Добившись успеха в работе, она ожидала услышать поздравления, но Сайло, будучи нотом, не видел смысла в методах социального поощрения.

- Этот цилиндр, пронизывающий плазму Ио... - медленно проговорил он. - Физики сказали, что

идея их заинтересовала.

- Но как ее можно использовать? Я думала, вторгшаяся межзвездная плазма сокрушает все.

- И это так. Сегодня мы потеряли Ганимед.

- Я этого не знала, - ахнула Рут.

- Ты была полностью погружена в свои исследования, как и подобает стажеру.

- Каткеджен знает?

- Ей сообщили.

«Надеюсь, не ты», - подумала Рут. Сайло не относился к тем, кто проявляет или вызывает сочувствие.

- Мне надо пойти к ней.

- Подожди, сначала обсудим наши дела.

- Но я…

- Не торопись.

Сайло склонился над своим широким рабочим столом, и тот выдал запрошенную информацию. Рут вывернула шею, но так и не смогла разглядеть, что именно зависло, мерцая, в воздухе перед Сайло. Разумеется, это был хорошо оснащенный кабинет, не позволяющий ей считывать информацию из многих встроенных каналов ввода-вывода. Сайло, вероятно, собирал сведения все время их разговора, а она об этом даже не знала. Неизвестно, что он за это время узнал, но вскоре

откинулся на спинку кресла с легкой, довольной улыбкой:

- Я считаю, что Конгруэнтность Стрельца проявила себя полностью. Чтобы подразнить тебя.

- Конгруэнтность?

- Это более глубокий слой их разума. Не поддавайся искушению поверить в то, что они хотя бы отдаленно напоминают нас. Мы - сравнительно простые существа. - Сайло сплел пальцы и задумчиво уставился на них. - Кроме того, Стрелец никогда не продумывает свою игру всего лишь на несколько ходов вперед.

- Значит, вы согласны с Юстани, Старшим переводчиком из двадцать пятого столетия, что истинная суть Стрельца заключается в том, чтобы воспринимать все разговоры как игру?

- А разве мы воспринимаем их иначе? - Неожиданная улыбка проявила морщинки на его сухом лице.

- Надеюсь, что иначе.

- Тогда тебя будут часто обманывать.

Она сразу помчалась в их с Каткеджен квартирку, но ее кто-то опередил. Свет был выключен, однако она различила доносящиеся из гостиной приглушенные звуки. Каткеджен плачет?

Полумесяц Земли тускло освещал комнату.

Она вошла в гостиную и в полумраке различила чью-то фигуру на диванчике. По комнате разносились повторяющиеся всхлипы, негромкие и печальные… да, похожие на плач…

Но на диванчике расположились двое. А всхлипы выражали и горе, и страсть, и боль, и экстаз. То, что происходило в полумраке, было старым, как мир.

Вторым оказался Джеффри. Двигаясь в медленном ритме, он утешал Каткеджен способом, недоступным для Рут. А она даже не подозревала об этой стороне отношений своих однокурсников. Ее пронзила внезапная боль. Эта боль удивила ее, и она тихо вышла.

Семье Каткеджен не удалось эвакуироваться с Ганимеда. Девушке пришлось пройти через ритуалы и выслушать слова, которые говорят, желая смягчить суровый удар судьбы. Она подолгу в одиночестве бродила из купола в купол. А когда возвращалась, то была очень тихой, упорно работала и стала учиться шить.

Мрачные последствия утраты Ганимеда омрачили жизнь всего человечества и повлияли на работу Библиотеки. Подобная катастрофа не имела аналогов в истории людей, превосходя даже войны наций.

Размеренная и усердная работа на какое-то время помогла. Но через несколько недель Рут потребовался перерыв, а возможностей отвлечься в Библиотеке было немного. Ей хотелось размяться. Разумеется, она с наслаждением поплавала в сферическом бассейне. И сделала несколько кругов в большом куполе, паря в восходящих потоках горячего воздуха. Но с трудом сдерживаемое отчаяние не уходило. Жизнь изменилась.

Через Каткеджен у нее установились новые, приятельские отношения с Джеффри. Многое на этом пути происходило без слов, на уровне обмена взглядами, жестами. Они никогда не говорили о том вечере, когда она застала их вдвоем, и Рут не знала, удалось ли ей уйти незамеченной.

Джеффри продолжал развлекать подруг шутками и искусными трюками - пожалуй, даже чаще, чем прежде. Рут восхищало его тренированное тело, его смех, пластичность, даже его запах. Хайджи были известны своим упорством и сосредоточенностью, и потраченные на атлетику усилия позднее окупались блистательной карьерой. Типичный для хайджи жизненный путь начинался со спорта и продолжался работой в суровом климате или тех местах Солнечной системы, где человеческая сила и выносливость

пока еще имели значение, потому что машины не обладали достаточной сообразительностью и гибкостью.

Кое-кто говорил, что особенности хайджи могут рассматриваться как побочный эффект жизни в их быстро вращающихся хабитатах в форме бублика, где поддерживалась высокая гравитация. Максимально сосредоточенный в работе, Джеффри разряжался безудержным весельем - даже после долгих часов упорного труда над своим проектом.

Он работал со Множеством Андромеды - спутанным клубком разумов, которые были воплощением природы их родительских видов. Превосходная нервная система Джеффри, и особенно идеальная координация рук и глаз, обеспечили ему необыкновенно удачный доступ ко Множеству. Хотя он и подшучивал над этим, но большая часть найденного им вообще не могла быть передана словами. В этом также заключался один из уроков Библиотеки: другие разумные существа ощущали мир и телесную связь с ним по-разному. Призрак декартовского дуализма все еще царил в человеческом мышлении.

Трое молодых людей вместе гуляли по большим кратерам. Телу это шло на пользу, но дух

Рут не находил покоя. Ее работа продвигалась не слишком споро.

Она с трудом понимала смысл некоторых высказываний Архитектуры. Еще менее понятными были жутковатые сенсории, которые она проецировала исследовательнице - иногда целыми неделями Архитектура посылала только их.

В конце концов, впав в полное отчаяние, Рут прервала связь на целый месяц. Все это время она посвятила архивным записям прежних разговоров во Стрельцом. Они стали источником нескольких полезных технических изобретений, классического линейного текста и даже новой формы цифрового искусства. Но было это столетия назад.

Преодолевая себя, через месяц она снова уселась в кокон и вернулась к режиму линейной речи.

- Я не знаю, что для тебя означают эти тональные каналы передачи информации, - сказала Рут Стрельцу.

Я был отправлен, чтобы донести сущность моих Создателей, распространить их важнейшее Дело и собирать для них знания и мудрость.

Ага, сегодня оно говорит о себе «я». Это означает, что Рут имеет дело лишь с небольшой частью

Архитектуры. Неужели Стрелец теряет к исследовательнице интерес? Или сдерживается, после того как Рут долго не появлялась?

У меня имеются и другие функции. Бессмертный разум должен охранять свой умственный процесс.

А это как понимать? Внезапно по всему ее телу прошли волны какого-то странного и непонятного сигнала. Рассеянные брызги импульсов возбудили в ней тревогу, пульс участился. Нужно сосредоточиться.

- Но… твой родной мир находится неподалеку от галактического центра, до него не менее двадцати тысяч световых лет. Прошло так много времени…

Ты права: возможно, моих Создателей уже давно нет. Это подсказывает закон вероятности. Как моя информация, так и полученная от тебя, приводят к выводу, что среднее время жизни цивилизаций в Сфере сравнимо с вашим или нашим.

- Поэтому у тебя вообще может не быть причины собирать у нас информацию. Ты уже не сможешь послать ее своим Создателям. - Рут не сумела побороть напряженность в голосе. В первые недели работы она настраивала программное обеспечение кокона на маскировку эмоций. Разу-

меется, Архитектура об этом знала. Но вот было ли что-нибудь из-за этого утрачено?

Наша мотивация не изменилась. Мы вечно останемся верными слугами, такими же, как и вы.

Ага, переходим к «мы». Рут вспомнила, что решила говорить по существу, не отклоняться от главной темы.

- Хорошо. Если межзвездная плазма подберется к Земле…

Мы поняли твой вывод. Каков будет эффект, я хорошо знаю. Мои Создатели обитают (или обитали) на планете, похожей на вашу, хотя, если говорить откровенно, гораздо более красивой. У вас так много суши бессмысленно покрыто водой! Мы переделали электрическое окружение нашей планеты, чтобы послать сигнал маяка, обуздав для этой задачи энергию вращения двух наших лун.

Уже целое поколение библиотекарей, общаясь со Стрельцом, не продвигалось настолько далеко, как удалось сейчас Рут. Ее даже охватила своеобразная эйфория.

- Ладно, и что же произойдет?

Если ваша обычная звезда, продвигаясь вперед, попадет в еще более плотное облако плазмы, это

приведет к электрическим последствиям.

- Каким… последствиям?

Ужасным. Вы должны увидеть свою систему как объект в электродинамике. Понять, какие при этом возникнут токи…

Перед Рут возникла объемная схема с золотым солнцем в центре. Из гневно-красных пятен на Солнце выползали голубые щупальца токов, уносились прочь вместе с потоками частиц, отклонялись упругими силовыми линиями магнитных полей Земли. Это она уже знала - магнитные поля Земли отклоняют огромную энергию солнечного ветра, позволяя ей стать частью гигантского купола, сдерживающего межзвездное давление.

Но вот космические токи нарисовали совсем другую картину. Они изгибались и охватывали каждую из планет, образуя нечто вроде частичного кокона. Затем, снова изгибаясь, уходили в пустоту, сглаживаясь в космическом мраке, а потом высокими длинными дугами возвращались к Солнцу. Они напоминали колоссальные резиновые нити, которые нельзя порвать, но можно вытянуть в волокнистые структуры.

И тут появился пузырь межзвездной плазмы. По всей поверхности вторжения зазмеилась молния. Она охватила Юпитер, из гигантской

планеты вырвались копья корональной ярости. Эти ярко-голубые потоки изогнулись внутрь, направляясь по длинным касательным в сторону Солнца.

Некоторые ударили в Землю.

- Мне не нужно подробное объяснение того, что это означает, - сказала Рут.

Ваш мир, как и многие другие планеты - это сферический конденсатор. Нарушение электродинамического равновесия создаст угрозу для хрупкой пленочки биосферы.

Внезапно Стрелец испустил влажное зловоние. Рут передернуло. Поток звуков прозвучал так низко, что она ощутила их как басовые ноты, резонирующие в костях - их длина превышала длину ее тела. Сердце заколотилось. В ушах стал нарастать шум.

- Я… заберу это… и уйду.

Прихвати еще и это, прекрасный примат…

Струя уплотненной информации хлестнула по ее органам чувств. *Она самораспакуется в должный момент.*

Уже первая часть информационного сгустка оказалась поразительной. Даже Сайло был впечатлен - Рут поняла это, когда левый уголок его рта едва заметно приподнялся.

- Этот текст надо показать префекту. - Когда Сайло встал и принялся расхаживать по кабинету, до нее вдруг дошло, что ей еще не доводилось видеть его стоящим - почти три метра сухопарых мускулов, абсолютно без намека на принадлежность к мужскому или женскому полу. Базовая человекомашина, не предназначенная для жизни в естественном мире. - Он подтверждает мнение некоторых физиков. Юпитер - ключ ко всему.

Через час с этим согласился и префект. Он пристально разглядывал тексты несколько секунд, потом активировал дисплей.

- Стрелец подтвердил наши худшие подозрения… Стажер, ты говорила, что узнала от него еще что-то.

Рут вывела на дисплей полное содержимое информационного сгустка, полученного от Стрельца. Вокруг изображения Юпитера засверкали сполохи разрядов…

- Вот, на полюсах, - сказал префект. - Этот цилиндр… Периферийные линии разрядов, вызванных межзвездной плазмой, ныряли в цилиндр. На этот раз Юпитер поглощал яростные токи, а не извергал их.

- Эта трубка создает короткое замыкание, - подтвердил Сайло. - Цилиндры на полюсах… они

каким-то образом направляют энергию в атмосферу.

- Главное, что не в нашу, - заметила Рут. - Стрелец дал нам решение проблемы.

- Причем каким-то странным способом, - сказал префект. - Никаких описаний, одни картинки.

- Э-э-э… а как именно мы создадим эти цилиндры? - медленно проговорил Сайло.

Оба уставились на Рут. Молча, но она их прекрасно поняла. Узнай!

Омывающие ее ощущения были совершенно ясными. Она запросила технические подробности, но в ответ получила требование. В графическом виде.

Такова моя цена. Познать человеческий сенсориум до предела.

- Секс?! Ты хочешь…

На мой взгляд, это совсем немного в обмен на жизнь вашего мира. Не успев сдержаться, она ляпнула:

- Но ты же не…

Человек? Ладно, в таком случае Мы еще больше желаем понять смысл данного слова. Это еще один шаг к осознанию смысла этого комплексного символа.

- Ты машина. Набор чипов и электронных би-

тов.

Тогда Мы всего лишь запрашиваем конкретную тематическую информацию.

Рут ахнула.

- И ты… обменяешь ее на цивилизацию?

Мы сами по себе цивилизация. И гораздо более великая, чем вы, одиночки, способны понять.

- Я… не могу. И не стану.

- Ты это сделаешь, - с каменной неумолимостью заявил Сайло.

- Нет!

- Да.

- Это намного больше, чем требуется по всем стандартам нейронной интеграции, принятым Гильдией.

- Но… да.

Охваченная бурей эмоций, она автоматически ухватилась за правила и стандарты. Эмоции для нота не значат ничего.

Здесь Рут чувствовала под ногами твердую опору, хотя и не очень хорошо помнила весь сумбур мнений, окружающих этот феномен. Тысячелетие накопленного опыта и глубокого философского анализа, значительная часть которого была проведена искусственными интеллектами, породили огромный объем знаний

- метатеорию Библиотеки. По мнению Рут, эта метатеория, скорее, напоминала ракушки на днище большого корабля - бесплатных путешественников-паразитов. Но сейчас она могла поранить Библиотеку. Если имеется нейронно-интегрированная система из двух взаимопроникающих частей, то как ее разделить должным образом?

- Эта проблема гораздо важнее, чем заботы и желания индивидуума. - Лицо Сайло оставалось спокойным, хотя и суровым.

- Пусть я всего лишь стажер, но я *возглавляю* проект этого конкретного перевода…

- Только номинально. Я могу в любую минуту добиться твоего отстранения. Боле того, я могу и сам отстранить тебя.

- У любого, кто меня заменит, уйдет много времени на достижение моего уровня настройки и фокусировки…

- Я отслеживал твою работу. И смогу без труда тебя заменить…

- Архитектура Стрельца не желает говорить *с вами.* Сайло замер, позабыв о хладнокровии:

- Ты делаешь персональные намеки!

Губы Рут дрогнули - она сдерживала улыбку:

- Это всего лишь наблюдение. Стрелец желает получить нечто такое, что ему не в состоянии

дать никто из нотов.

- В таком случае я могу организовать иное решение проблемы.

По лицу нота пробежала череда выражений, которые Рут не смогла прочесть - словно некие сомнения и колебания стремились пробиться наружу.

- Я хочу продолжать работу…

- О, ты можешь ее продолжить, - Нот внезапно улыбнулся. - Безусловно, можешь.

Резкий взмах руки дал ей понять, что разговор закончен. Нот явно принял какое-то решение. Какое? Глаза Сайло были непроницаемы. А навыков Рут пока не хватало, чтобы его «перевести».

Некоторые из хранившихся в библиотеке Посланий вообще не предназначались для глаз или ушей простых смертных. Подобно древним правителям Месопотамии, их инопланетные авторы обращались напрямую к своим божествам, и только к ним. Одно из них начиналось просительно:

Передай богу - мы знаем и говорим:

За ваше завтра мы отдадим наше сегодня.

И было вовсе неясно, послан ли этот куплет (потому что в оригинале он был явно рифмованным) живой цивилизацией или же артефактом,

оставленным для того, чтобы напоминать Галактике о событиях давно минувших лет. Возможно, с точки зрения инопланетян, разница здесь не имела значения.

Такие сигналы также включали в себя Артифиции - так в свое время назвали цифровые «разумы», вложенные в Послания. Развитые Артифиции, такие, как Стрелец, нередко заведовали огромными банками данных, содержащими мнимые секреты, откровенное бахвальство и официальную историю, которая нередко оказывалась просто болтовней о величии. Последняя, и довольно прозрачно, была сформулирована так, чтобы навлекать гнев инопланетных богов на врагов автора. От древней мотивации вавилонских царей сей гнев отличался лишь сложностью и коварством.

Многие Послания такого типа устанавливали некие универсальные моральные законы и похвалялись тем, как авторы их соблюдают. Поначалу создалось впечатление, что и Архитектура Стрельца относится к этому же классу Посланий, поэтому ее переводами более столетия почти не занимались. И лишь постепенно стали очевидными ее сложность и насыщенный «отклик». А еще более важным стал тот факт, что

она принадлежала к совершенно новому классу - то была первая искусственная Архитектура.

Она обладала тем, что можно грубо сравнить с человеческим подсознанием - но она могла при желании заглянуть в глубины составляющих ее разумов. Если бы человек имел такую способность, то смог бы понять, что все его импульсы происходят, например, из локуса полученной давным-давно травмы или вспышки гнева - причем понять моментально, отследив свои прошлые эмоции и поступки. Странная мощь человеческого искусства также отчасти проистекает из невидимых источников подсознания. И для человека возможность сорвать покров с этой ментальной святыни - весьма тревожная перспектива.

Тем не менее изготовленные людьми Артифиции всегда работали с полной прозрачностью. Стрелец тоже мог действовать в таком режиме или же маскировать участки собственного сознания от самого себя, и тем самым достигать некоего подобия того самого пресловутого клише - Человеческого Состояния.

Поскольку в ту эпоху преобладало мнение, что важнейшее преимущество любого искусственного разума заключается в его постоянной

прозрачности, это открытие стало шоком. Какое преимущество может получить Артифиция, неспособная мгновенно познать все уровни своего разума? Что станет продуктом мыслительных структур, которые она не в состоянии сознательно просматривать?

Поскольку это стало достоянием, которое Архитектура Стрельца разделила (до известной степени) с людьми, жаркая дискуссия не остывала более двух веков. И спор так и остался неразрешенным.

Теперь, когда в этот процесс оказалась вовлечена Рут, она с поразительной ясностью сознавала, что Артифиция может изменять свою и ее природу с головокружительной скоростью. Долгие периоды аналитической безмятежности могли быстро сменяться вспышками раздражительности. Она не затруднялась понять смысл всего этого, равно как и осознать информацию, полученную во время долгих сеансов общения. Неврологическое воздействие на нее накапливалось. Погружения в кокон все больше сопровождались статикой. У нее начали сдавать нервы.

Часть полученной от Архитектуры Стрельца информации относилась к проблемам гелиосферной физики, но она в них ничего не понимала.

Эти фрагменты, иногда весьма длинные, она передавала Сайло.

Кризис, вызванный требованием Артифиции, похоже, миновал. Теперь она работала с ней более глубоко, поэтому как-то днем, находясь в коконе и сосредоточившись на точных нюансах общения, она поначалу не отреагировала, когда ее внезапно охватило безошибочно ясное желание. Бурное и лихорадочное, оно встряхнуло все ее тело, заставив стиснуть бедра, а лоно - сжаться от сладкого предвкушения.

Каким-то образом все это слилось с фразой, которую они в тот момент обсуждали/переводили. Рут как раз была погружена в трудную проблему извлечения правильных оттенков смысла из сообщения:

- как вдруг обнаружила, что не в состоянии мыслить рационально. С этого момента и всего за несколько секунд она испытала полный спектр всех моментов страсти, которые ей доводилось испытать. Экстаз и единение, пережитые девушкой всего несколько раз - и лишь частично, как она теперь поняла, - пронзили ее потоком ощущений. Тело содрогнулось от спазмов чистого наслаждения. Все ее существо запело, вознесенное на небеса. Ей удалось ухватиться за этот

поток и оседлать его. Лишь бешеная скорость могла соответствовать его сути и мчаться на нем. Рут ощутила себя расплющенной на микросекунды - внутренние интервалы времени, которыми оперировал Стрелец.

Головокружительная, ослепляющая скорость. Пока человеческий нейрон заряжался для передачи нервного импульса, здесь успевали пронестись огромные потоки мыслей и информации. Каскады умозаключений и переживаний были подобны речным порогам, которые она не могла видеть, а только ощущать: кинестетическое ускорение, потоки, которые постепенно сливались в восхитительный ментальный туман.

Мысли и чувства стали неразличимы.

Она очнулась в коконе. Прошло лишь несколько минут с того момента, когда она еще сознавала, что такое время. Тем не менее она знала, что именно произошло. И пожалела о том, что все кончилось. И возненавидела себя за это сожаление.

- Он меня *использовал.*

- В переносном смысле… - начал было Сайло.

- Против моей воли!

- Это лишь твои слова, - рассудительно произнес Сайло. - Записи являются лишь бледной

тенью произошедшего, поэтому я, пропустив их через себя, не могу утверждать…

- Да как вы вообще способны об этом судить? - насмешливо бросила Рут.

- Я намерен прекратить эту дискуссию.

- Проклятье, да ведь вы знали, что он это сделает!

Сайло покачал головой:

- Я не способен предсказать поведение коллективного разума. И никто не способен.

- Но вы, по крайней мере, предполагали, что он отыщет способ пробраться в меня, чтобы… *спариться* со мной. Причем на уровне, к которому мы, бедные жалкие людишки, можем лишь приблизиться, потому что всегда пребываем в двух различных телах. А он был в моем. Он… они… знали, что в процессе перевода можно отыскать пути, лазейки, закоулки… - Она смолкла от возмущения.

- Я уверен, что описание такого переживания невозможно. - В неизменно холодных глазах Сайло, кажется, проявилось искреннее сожаление.

Да? Откуда тебе знать? Но произнесла как можно более сухо:

- Вы можете сами просмотреть записи, увидеть…

- Не хочу.

- Просто для оценки…

- Нет.

Рут охватило внезапное и резкое смущение. Уж если даже мужчины весьма чувствительны к таким моментам, то для бесполого нота это такое…

Насколько чужими окажутся подобные впечатления для Сайло - причем чужими в двух различных смыслах этого слова? Она внезапно поняла, что на ландшафте желаний имеются провинции, посетить которые Сайло не в силах. А туда, где побывали она и Стрелец, не заглядывал еще ни один человек. Сайло не мог туда отправиться. Не исключено, что и обычный человек - тоже.

- Я знаю, что это для тебя важно, - сказал Сайло. - Ты должна также знать, что Стрелец передал нам в твоем переводе - пока у тебя был… э-э… припадок - ключевую инженерную схему гелиосферной защиты.

- Те самые цилиндры… - пробормотала она.

- Да, мы сможем их создать, и очень скоро. «Технически сладкое решение», - как сказал мне префект. Высшие административные учреждения уже начали все необходимые работы. Они взяли твою информацию и превращают ее в

гигантские конструкции на полюсах Юпитера. К этой работе подключилось все уцелевшее население юпи-терианского Пояса.

- И все это на основе… моей информации?

- Твоя работа оказалась наиболее важной. Но мы не должны были тебе об этом говорить.

Она тряхнула головой, проясняя мысли.

- Чтобы у меня от волнения не затряслись руки?

- Они ведь у тебя не трясутся. Совершенно. - Сайло загадочно улыбнулся, приподняв бровь.

- Вы знали, - повторила она ледяным тоном. - О том, что он сделает.

- Я не понимаю смысла твоих слов.

Она разглядывала лицо Сайло, с которого все еще не сошла непонятная улыбочка. «Запомни, - подумала она, - что нот может быть таким же занудой, как и обычный человек».

Колоссальный разряд магнитосферного потенциала Юпитера был энергетическим событием, не имеющим аналогов в течение всех тысячелетий неустанных попыток человечества обуздать природу.

Стрелец одарил физиков знаниями, на распутывание которых у них уйдет столетие. Но в данный момент существовал только один важный факт:

если высвободить плазменные спирали под правильным углом и направлять их электродинамическими генераторами (созданными из пленок ионизированного бария), то из системы Юпитера вырвется ток потрясающей силы.

Почти со скоростью света он пересек направленный внутрь выступ гелиосферы. Порожденные столкновением токи замелькали в нелинейном танце, двигаясь в сложной гармонии и сплетаясь в структуру, рожденную за несколько секунд.

Всего за минуту сформировалась замысловатая паутина силовых линий. А уже через час проникновение межзвездного газа в Солнечную систему прекратилось. Его фронт застыл, накатывая волнами на магнитные силовые линии перешедшего в наступление Юпитера. И обрел стабильность.

Очень быстро люди - непочтительные даже перед лицом катастрофы - назвали свое спасение Корзиной. Невидимая глазу, эта гигантская сеть размером с внутреннюю Солнечную систему была сделана из невесомых силовых полей. Но в то же время она была невероятно мощной - динамически реагирующим экраном, который защищал Землю от раскаленной смерти. Водородная стена бурлила красными сполохами в ночном небе. Многим она казалась разъяренным животным,

пойманным наконец-то в невесомую паутину.

Рут наблюдала эту картину, стоя на главной площади в толпе, насчитывающей около полумиллиона человек. Было удивительно думать, что обычные приматы лишили силы такое могучее давление, превратив его всего-навсего в страшноватое зрелище.

Мы выражаем благодарность.

Рут была напряжена и с трудом дышала. Ужас нового пребывания в коконе лишил ее дара речи.

Мы пришли к выводу, что у вас существует традиция благодарить партнера, и особенно даму - после.

- Даже… даже не пытайтесь.

С того момента Мы стали чем-то новым.

Она ощутила гнев и страх, но одновременно гордость и любопытство. Эмоции переплелись и боролись внутри нее. На верхней губе выступили капельки пота. Такая комбинация эмоций, громоздящихся одна на другую, подсказала ей, что произошедшее в этом коконе изменило ее, и она никогда не станет прежней. Не сможет.

- Я этого не хотела.

Тогда, насколько я понимаю твой тип личности, ты не пожелала бы и нашего дальнейшего

общения.

- Я… мое сознательное «я»… его не желает!

Мы не распознаем твою личность по частям. Скорее, Мы распознаем тебя всю, целиком. Все твои сигналы, которые способны принять.

- Я не желаю, чтобы такое повторилось.

Значит, не повторится. И этого не произошло бы в первый раз, если бы между нами не наблюдалась согласованность.

Рут ощутила в себе боль. Она нарастала, как прилив - набухшая, влажная и абсолютно естественная. Ей пришлось напрячь всю свою волю, чтобы прервать контакт и вылезти из кокона. Всхлипывая и пошатываясь, она побрела прочь, а затем побежала.

Джеффри открыл дверь, по-совиному моргая спросонья - и тут заметил выражение ее лица.

- Знаю, что уже поздно, но я подумала… - Она тупо постояла несколько секунд, затем протиснулась мимо него в полутемную комнату.

- Что случилось? - Джеффри машинально запахнул на поясе банный халат.

- Я больше не могу всего этого выносить. Он сочувственно улыбнулся:

- Да ты же у нас звезда Библиотеки, тебя все должны на руках носить.

- Я… пришла сюда.

Слова, слова… линейные последовательности неуклюжих слов - и таких бесполезных. Ее руки скользнули под его халат. Ладони прошлись по мускулистому телу, и все это было таким реальным - не обработанным процессорами, не усиленным, не переведенным с сухой точностью за столетия исследований.

Ее окатила дрожь, метнулась сквозь промежуток между их телами, коснулась его влажной наэлектризованной плоти…

- Есть новости.

- Да? - Она поймала себя на том, что ей трудно воспринимать слова Сайло.

- Ты ни с кем не должна это обсуждать, - категорично предупредил Сайло. - Разряды на полюсах Юпитера… они теперь пульсируют. С очень высокими частотами.

Даже сейчас, через несколько часов после расставания с Джеффри, она ощущала, как колотится ее сердце - резко и часто, все еще не в силах успокоиться. Рут омывала безмятежность, отвлекая от разговора блаженством окутавших ее ощущений.

- Но Корзина держится?

- Да. - Сайло позволил себе кислую улыбку. - Те-

перь физики говорят, что это электромагнитное излучение есть важнейшая часть силовой матрицы Корзины. И даже малейшее воздействие на него недопустимо. Несмотря на тот факт, что оно заглушает все суммарные передачи человечества на той же полосе частот. Оно их попросту затапливает.

- Но почему?

Сжатые губы Сайло едва шевельнулись, выплюнув единственное слово:

- Оно.

- Получается, что это…

- Стрелец. Ведь именно он подбросил нам данную схему.

- Но зачем ему?.. - Она смолкла, испытывая противоборство эмоций.

- Зачем? Мощнейший сигнал, который сейчас посылает Юпитер - это модифицированная версия исходного Послания, принятого от Стрельца.

- Юпитер передает их Послание?

- Четко и громко. В направлении плоскости Галактики.

- Значит, он соорудил Корзину, чтобы заново передать своих предков, своих создателей…

- Нам преподали урок, возможно, гораздо более важный, чем доставшаяся физикам информация.

У Артифиций есть собственные цели и программы. Нам было об этом известно, но никогда еще нам этого не демонстрировали столь явно.

Рут позволила накопившейся тревоге разрядиться внезапной вспышкой смеха. Сайло этого словно не заметил. Придя в себя, она сказала:

- Значит, он спас нас. И использовал нас.

- Теперь Юпитер передает Послание Стрельца с огромной громкостью. Его услышат даже на краю галактического диска. Там, куда исходному сигналу не хватило бы мощности добраться.

- И они превратили нас в ретранслятор. - Она вновь засмеялась, но смех превратился в стон и странный звук, которого она никогда раньше не издавала. Этот звук ей каким-то образом помогал. Она уже поняла, что пора замолчать, но тут в кабинет Сайло вошли люди и увели ее.

Месяц спустя она осторожно вернулась к работе. Сайло проявил нетипичное для него понимание. Несколько месяцев он давал ей спокойные задания с матрицами верификации. Скользить по холмам и ущельям информации, давно уже ставшей классической, было очень легко. Она могла воспринимать ее на высокой скорости, как своеобразный отдых, - огромные культурные залежи мертвых цивилизаций

транскрибировались ее органами чувств, сплетаясь в некую комплексную картину. Она даже сделала несколько мелких открытий.

Рут медленно подбиралась к главной проблеме - к делу, которым она все еще желала заниматься: к Стрельцу. Ведь это была, в конце концов, вещь в себе. Теперь в ее жизни громко звучала банальная истина, вдолбленная во время обучения: «В Библиотеке обитают существа, которые не просто инопланетяне или искусственные разумы, а странная сумма и того, и другого. Стажер, забывший об этом, подвергает себя опасности».

Долгожданный момент настал через несколько месяцев.

Мы будем существовать вечно, в определенном проявлении. Таково Наше предназначение, рассчитанное на период времени, который вы не можете даже представить. Мы несем сквозь время Наш первоначальный командный завет, вложенный в Нас Создателями. И он для Нас превыше всего.

- Значит, вам это приказали? Велели использовать любые обнаруженные ресурсы? - Рут снова находилась в коконе, но рядом стояли коллеги, готовые извлечь ее в течение нескольких секунд, если она подаст сигнал.

Мы были созданы как комбинация явлений, для обозначения которых у вас нет ни слов, ни даже подозрений. И свои заповеди Мы получили свыше.

- Будь ты проклят! Я была совсем рядом… и ничего не знала! *Ты не можешь познать меня. Мы необъятнее.*

- Ты сказал «необъятнее» или «непонятнее»?

Она снова засмеялась, но на сей раз все было в порядке. Глупо пошутить было приятно. Во всяком случае, очень по-человечески. Простота этого поступка дала ей возможность отвлечься и хотя бы на секунду испытать чувство безопасности. А если повезет, то на ту же секунду она, быть может, обретет и толику той гранитной уверенности, которой обладал этот странный разум. Он был здесь совершенно одиноким, но, несмотря на это, непоколебимым. Пожалуй, это могло вызвать восхищение.

И теперь она знала, что не сможет отказаться от контактов с подобными существами. Последние несколько дней она в этом еще сомневалась. Но теперь это ее жизнь. Лишь сейчас она осознала, какой странной и необычной эта жизнь может оказаться.

- Теперь ты снова замолчишь и перестанешь с нами общаться? *Мы можем поступить так в*

любой момент.

- Почему?

Ответ лежит за пределами твоего концептуального пространства. Рут поморщилась:

- Чертовски верно.

Она может забыть о реальности бездны между ней и этим говорящим и действующим существом, которое никогда не станет таким, как любой из тех, кого она знала или еще узнает. И ей придется жить с этим незнанием, этим вечным невежеством, причина которому - необъятность стоящей перед ней задачи.

У бездны нет границ, нет конца. И это обещало ей своего рода убежище. Пусть это немного, но оно есть.

Головная ударная волна[22]

Ральф бочком проскользнул в кабинку, где уже дожидалась Ирэн, с задорным видом прихлебывая из бутылки чай «Снаппл». — Как де?.. — Взглянув на его лицо, она не закончила вопроса.

— Расскажи что-нибудь совершенно ужасное, чтобы мои дела выглядели не так паршиво.

— Да, сэр, слушаюсь, сэр, — осторожно отозвалась она. — Гм... — Ехидная улыбочка. — Я когда-то держала птичку, так она покончила с собой, просунув голову между прутьями клетки.

— Что-о?

— А, тебе еще похуже? Бывает и хуже. — Вспышка ослепительной улыбки. — Моя сестра забыла покормить ручных песчанок, и одна умерла. Тогда вторая съела мертвую подружку.

До него только теперь дошло, что она дурачится, пытается его развеселить. Он от всего сердца расхохотался:

— Спасибо, как раз то, что требовалось.

---

[22] Примечания: 22

"Bow Shock", by Gregory Benford. Copyright © 2006 by Gregory Benford. First published electronically on *Jim Baen's Universe,* no. 1, June 2006. Reprinted by permission of the author.

Ирэн с облегчением улыбнулась и повернула голову. Русые волосы взметнулись, напомнив ему маленькое торнадо. Лицо без слов одарило его сочувствием, вниманием, вопросами, молчаливой поддержкой — мгновенная смена выражений, осуществленная при помощи полных, умело подкрашенных губ и голубых, как небо, глаз.

Глаза не отрываясь смотрели на него, пока он рассказывал, как обнаружил статью, обратившую в прах все его труды.

— В астрономии главное — успеть первым? — недоверчиво спросила она.

— Иногда. Вот, например, в данном случае.

Потом он пересказал ей разговор с деканом целиком, слово в слово — он их теперь до конца жизни не забудет, — и Ирэн кивнула.

— Мне пора обзаводиться рекомендательными письмами, вот только к кому? Моя работа уже устарела. Я… я просто не знаю, что делать, — признался он. Не впечатляющая концовка рассказа, а чистая правда.

— А чего тебе хочется?

— Работать вдвое больше, — вздохнул он.

— Притом что не видишь цели?

Именно так, вспомнилось ему, в каком-то фильме определяли *фанатизм.*

— Моя цель — быть астрономом, — упрямо сказал он.

— Но ведь не обязательно заниматься академической наукой.

— Да, только в NASA нынче мало вакансий.

Агентство астронавтики, которое, начав с нуля, за семь лет добралось до Луны, теперь тратило больше долларов, чтобы повторить этот успех за пятнадцать лет.

— Ты многое умеешь.

— Я хочу заниматься фундаментальными исследованиями, а не прикладными.

Она подняла чашку со своим чаем и, театрально подчеркивая каждое слово, прочла написанное изнутри:

— «Вместо выигрыша вот вам реальный факт номер двести тридцать семь: сосчитайте, сколько раз прострекочет кузнечик за пятнадцать секунд, прибавьте тридцать семь, и вы получите температуру воздуха».

— И уж конечно, по Фаренгейту, — добавил он, гадая, к чему она клонит.

— Большая часть твоей «фундаментальной науки» состоит из столь же потрясающих фактов. Кому они нужны?

— Гм… теперь мы переходим к дискуссии о

ценности знания?

— Кто его ценит, вот вопрос?

Он тоже умел к слову вставить цитату:

— Слушай, Марк Твен говорил, что чудо науки в том, какое множество умозаключений можно вывести из одного установленного факта.

— С моего места их видно не так уж много.

Она сдержанно улыбнулась и снова взметнула волосами. Он невольно признался себе, что на него это отлично действует.

— Мне нравится астрономия.

— Понятно, только это не значит, что ты ей нравишься. Во всяком случае не слишком.

— Так что, мне?.. — Раз у нее сегодня на все готов ответ, так пусть и подсказывает. К тому же он не слишком поверил в историю про песчанок.

— Может, заняться чем-то, где твои усилия будут вознаграждаться?

— Например?

— Компьютеры. Математика. Смотри шире. Попробуй наняться в хеджевый фонд аналитиком.

Хеджевый фонд… Он с трудом припомнил, чем они занимаются.

— Они страхуют краткосрочные рыночные вложения?

— Точно. И там требуются хорошие матема-

тики. Я в Интернете вычитала. — Что ему в ней нравилось, так это острый ум. — Анализ данных, которым занимаешься ты, ку-уда сложнее, чем работа Герба Линцфилда.

— Герб?..

— Один мой знакомый, обедает в том же индийском кафе, куда и мы иногда заходим. — Взгляд ее затуманился, и он задумался, что еще они обсуждали с этим Гербом. Уж не его ли? — Он рассчитывает страховые риски на бонды.

— Для корпорации или для муниципалов?

— Э… кажется, для корпорации. — Снова тот же затуманенный взгляд.

— Я не для того вложил шесть лет жизни в аспирантуру и диссертацию, чтобы…

— Понимаю, милый, — взгляд вдруг потеплел, — но ты сделал все, что мог.

— Сделал? Ничего я еще не сделал.

— Ну, я просто хочу сказать, что ты мог бы заняться и чем-то другим. Раз здесь… не получается.

Задумавшись, он принялся рассказывать ей о лабиринтах академической политики. Большинство астрономов в Калифорнийском университете в Ирвине занимались близлежащими галактиками, рассматривали детали эволюции

звезд и прочие масштабные космологические явления. А он работал в промежуточной области — выискивал диковинных зверей, проявляющихся в радио- и микроволновой частях спектра. В этой области знаний шла большая конкуренция, но это ему и нравилось. Так он объяснял, почему делает то, что делает. Почему прикладывает столько сил для достижения цели. Ради слышавшейся только ему музыки он отодвинул в сторону личную жизнь, так что их роман увядал, а о долговременных отношениях и речи не было.

— Так вот почему ты, попав туда, остался без… связей? — Она задумчиво поджала губы.

— Угу, хотелось иметь свободу действий.

— Свободу для…

— Вот для этого.

Он широко взмахнул рукой, с горестной иронией охватив все его воображаемые достижения. Желанные назначения, способ вырваться из аспирантской рутины, ассистентская должность в КУИ на сожженном солнцем побережье округа Оранж, где жизнь обходится безумно дорого. Он выиграл конкурс у сотни претендентов. А почему бы и нет? У него, несомненно, хорошая голова, отточенные исследовательские навыки и связи, и к тому же он настойчив до зубовного скрежета,

чем отпугивает большинство женщин. Они при взгляде на него будто слышат шепоток: «Осторожно, карьерист». Казалось, небеса открылись перед ним.

Но то было тогда.

Он криво улыбнулся ей — горестная усмешка, но все же он почувствовал в себе твердость.

— Я не сдаюсь. Пока еще нет.

— Ну, ты просто поразмысли на этот счет. — Она медленно погладила его по плечу, и глаза у нее стали грустными. — Просто поразмысли…

— Конечно.

Он знал, в каком мире она живет, видел, как она работает над газетными статьями, перечитывая биографии отцов-основателей и зарываясь в книги о «лидерстве», отыскивая в них ключ к подъему в оживленной деловой атмосфере.

— Обещаешь? — Это прозвучало на удивление жалостно. Он невесело усмехнулся:

— Куда я денусь, сама понимаешь.

Однако ее слова причинили ему боль. Главным образом потому, что посеяли холодное сомнение в его собственной душе.

Позже, в ту же ночь, лежа в ее постели, он заново проигрывал сцену. Вопреки всем усилиям Ирэн, она теперь казалась главным событием

дня.

Проклятие, думал Ральф. Опередили!

И кто? Энди Лэйкхерст! Ему пришлось закусить губу и переключиться на экран, где только что появилась статья, присланная из Лос-Аламосской библиотеки, веб-сайт «астро-ф».

Снимок в радиоспектре того самого объекта, что должен был прославить Ральфа. G369.23-0.82. Качество наблюдений потрясающее. Яркие, четкие, подробные. Лучше, чем у него.

Он стукнул кулаком по диску, расплескав свой кофе.

Проклятие!

И стал промокать лужицу, залившую несколько постановок задач, записанных им в последнее время.

Уставившись на перекачанный предварительный оттиск, исходя паром, он увидел, что Энди со своей группой получил по-настоящему точные данные на его — его! — новый объект, G369.23-0.82. Как видно, времени для наблюдений у них было вдоволь и задержек не случалось.

Где? Он нашел глазами обычные данные о наблюдениях и… Аресибо! Ему *там* дали время для наблюдений? Здорово же ему пришлось нажать. Или повезло, кто-то выпал из графика? В Аресибо

самая большая в мире тарелка, целый круглый ковш посреди тропических джунглей, только неподвижный. Приходится дожидаться нужного момента, а потом синхронизировать с антеннами в других точках мира, чтобы получить карту.

И старый добрый однокашник Энди это сделал! Прямолинейные, серьезные манеры Энди смягчались легкой улыбкой, открывающей ему все двери, порою даже двери спален. Может, он сговорился с Бет Конвэй из Аресибо?

«Нет, — подумал Ральф, — это недостойно меня». Он наткнулся на G369.23-0.82 и сделал напрашивавшийся следующий шаг, только и всего.

Кроме того, Энди закончил Гарвард, а это помогает жить. Еще как. А все же досадно. Ральф до сих пор дожидался вестей от Харкина, обещавшего выжать для него немного времени на Очень Большом Массиве.[23] Да, уже шесть недель дожидался.

И, как будто этого мало, через пять минут ему предстояла встреча с деканом. Он снова пробежал глазами статью Энди. Работа была превосходная. К сожалению.

Он вздохнул в темноте спальни Ирэн, вспомнив

---

[23] Примечания: 23
Very Large Array (VLA) — комплекс из 27 радиотелескопов.

роковой час беседы с деканом. Как видно, этот долгий день не кончится, пока он не пересмотрит все заново.

Он начал с застывшей улыбкой. Альберт Госсиан был снисходительный старомодный декан, из тех, что являются на службу в костюме. Этот бессознательный сигнал не сулил ничего хорошего. Госсиан коротко улыбнулся ему напряженной улыбкой и жестом пригласил сесть.

— Я просматривал вашу Currriculum Vitae,[24] — заговорил Госсиан. Он всегда полностью произносил латинское выражение. Другие называли ее попросту «Си-Ви». Декан медленно покачал головой. — Вам надо больше публиковаться, Ральф.

— Я получил грант и…

— Да-да, очень мило. ННФ[25] интересуется этими вопросами, весьма похвально… — Госсиан оторвался от своих заметок, послал быстрый взгляд поверх очков. — Именно потому факультет и решил взять сотрудника в этой области. Но… продлят ли вам финансирование?

— Я два года работаю по гранту ННФ, так что решающим будет следующий годовой отчет.

---

[24] Примечания: 24
Сведения о научной карьере, резюме.

[25] Примечания: 25
Национальный научный фонд (National Science Foundation).

— Я рад отметить, что вас высоко ценят как преподавателя и сотрудника университета, и все же… — Растянутые гласные, казалось, несли в себе сообщение, никак не связанное с произносимыми фразами.

Все ассистенты каждые два года проходили переаттестацию, отслеживающую их продвижение на пути к «святому Граалю» штатной должности. Ральф двигался по траектории, типичной для начала века: шесть лет обучения и аспирантуры, стажировка в Гарварде, где Энди Лэйкхерст числился восходящей звездой, затмевая и его, и многих других. Оттуда Ральф ушел после тяжелого для обоих романа с биологиней из Тафта,[26] сбежал на край света и тут нашел Калифорнийский Ирвиновский, который быстро расширялся и нуждался в астрономах. Университет заслужил кое-какую репутацию в вопросах теории частиц, к тому же именно здесь Фред Райнес заработал Нобелевскую, доказав существование нейтрино и использовав их для определения спектра яркой сверхновой 1987 года.

Группа физики плазмы котировалась на факультете выше других и на первых порах сильно

---

[26] Примечания: 26
Университет Тафта в Бостоне.

помогла ему. Они понимали, что большая часть массы Вселенной состоит из горячх, ободранных с ядер электронов из плазмы. Вселенная еще не остыла и не созрела. В ней разыгрывались поистине драматические события. Конечно, жизнь возникает на прохладных, спокойных планетах, но основное действие происходит в безмятежных небесах. Небеса рассказывали истории, приводившие его в трепет.

Но, причалив в КУИ, он потерял скорость. В условиях скудного финансирования гипотезы не оплачивались, так что он мало что сумел прибавить к своей диссертации и не приобрел ни поддержки, ни положения. Его скрупулезные наблюдения неохотно способствовали возникновению новых идей. Вот уже пять лет. Через три месяца он упрется в стену. Либо получить должность штатного профессора, либо распрощаться с надеждой. Игра навылет.

Правда ли, что его место в кущах академической науки? Ему нравилось преподавать, он засыпал на совещаниях, считал теоретиков ханжами, а бумажную работу нудятиной. Жизнь размывалась…

Изучение быстрых нейтронных звезд несколько лет назад было в моде, но в выверенных фразах

Госсиана ему слышались нотки скепсиса. Декану выпала участь выразить чувства старшего состава кафедры.

Госсиан, кажется, наслаждался моментом:

— Ваш пунктик с быстрыми звездами… кое-кто из ваших коллег считает, что они блекнут.

Ральф прикусил губу. «Не показывай злости».

— Это не пунктик. Открытия идут одно за другим.

— Но к чему они ведут?

— Об этом говорить преждевременно. Мы думаем, что они возникают в результате взрывов сверхновых, но это лишь наиболее очевидное объяснение.

— Одна из этих заметок утверждает, что первый «беглый пульсар», так называемая «Мышь», уже достаточно полно изучен. Другие, открытые недавно, вероятно, будут развиваться подобно ему.

— Рано об этом говорить, — продолжал настаивать Ральф. — Исследование требует времени…

— Но времени у вас нет.

Вот в том-то и суть. По количеству публикаций Ральф проигрывал. Даже в узкой области «беглых пульсаров» его обходили другие, располагавшие лучшим оборудованием, лучшими компьюте-

рами и большим временем для наблюдений. Калифорнийский не вылезал из бюджетного кризиса, факультет беднел, и потому основной упор делался на «добудь (федеральные) доллары». Правда, маленькая программа Ральфа дала тему работ двум аспирантам, но это была мелочь.

— Я приму это к сведению, — сказал Ральф.

Пустая формальная фраза не улучшила его положения — это отчетливо читалось на лице декана, но помогла ему выбраться из кабинета.

Он мало спал в ту ночь. Ирэн надо было рано выходить, и он по дороге на работу заказал себе двойной кофе. Потом внимательно перечитал статью Энди и задумался, прихлебывая из чашки.

Мало кто из астрономов предвидел обнаружение такого множества беглых нейтронных звезд.

Предполагалось, что они берут начало от двух молодых больших звезд, вращающихся одна вокруг другой. Одна превращалась в сверхновую, вторая, нейтронная, оставалась пока на орбите. Затем звезда-спутник тоже взрывалась, вышвыривая более старую нейтронную звезду в пространство. Ральф начал свою работу в Ирвиновском с составления подробной карты в микроволновом диапазоне частот. Это требовало

длительных наблюдений на крупных радиотелескопах, и он выбивал для этого время, где только мог, в обсерваториях по всему миру. На этих картах он и нашел первого кандидата, G369.23-0.82. На карте объект выглядел еле видным пальцем, нацеленным к центру Галактики, всего лишь смутной черточкой. Тугим узелком с косматым хвостом.

Он отыскал его с помощью программы, просматривающей карты с целью выделять все объекты, длина которых превосходит ширину. Под это определение попало немало выбросов из областей, окружавших черные дыры, или с орбитальных дисков молодых звезд. Он потратил несколько месяцев, чтобы отсеять эти фальшивки, выбирая из них компактные звезды-беглянки. Потом ему дали время на Очень Большом Массиве, немного, но достаточно, чтобы чуть отчетливее выделить G369.23-0.82 из помех. Результат был вполне удовлетворительным.

Ральф заказал еще кофе и просмотрел свою работу, опубликованную меньше полугода назад. До сегодняшнего дня лучших данных не получал никто. Он искал признаки вращения головного узла, но ничего не обнаружил. Первая открытая звезда-беглец, «Мышь», обнаруженная много лет

назад, в конечном счете оказалась вращающейся нейтронной звездой-пульсаром, посылающей гудки радиолучей в круглые уши радиотелескопов.

Он стал сравнивать свои данные с новой картой Энди.

Четкая, гладкая, красота! Он снова перечитал раздел «Выводы». Мысли метались и неслись вскачь.

«Таким образом, нам не удалось подтвердить, что G36923-0.82 является пульсаром. Объект, несомненно, создает головную ударную волну, вызывающую ветровую туманность, питаемую, несомненно, нейтронной звездой. Однако при высочайшей чувствительности аппаратуры не получено и следа пульсирующего сигнала в микроволновом или оптическом диапазоне с обычной для пульсара периодичностью. Изгиб фронта головной ударной волны предполагает, что G36923-0.82 движется со скоростью около Max 80 что дает пространственную скорость около 120 км/сек, сквозь локальный газ плотностью около 0,3 на кубический

сантиметр. Мы пользуемся оценкой дальности по Эйлеку и др. для объекта, находящегося на половине поперечника Галактики. Его динамика и светимость соответствуют динамике и светимости отдаленных нейтронных звезд, движущихся со скоростью, полученной при выбросе сверхновой. Если это пульсар, он не излучает в нашем направлении».

Прекрасная работа. Увы!

Яркий участок впереди — микроволновое излучение от столкновения с электронами высоких энергий. Внутренний круг — это не нейтронная звезда, просто даже антенна Аресибо не дает разрешения, достаточного для столь малого объекта. Учитывая расстояние, круг этот, однако, больше Солнечной системы. Головная ударная волна дает идеальный гладкий конус. За ним следует микроволновое излучение относимого назад газа, нагревшегося и захваченного потоком, создающим хвост. В ядре находится нечто, способное мощным импульсом разбрасывать в стороны межзвездный газ. Целая звезда, сжатая гравитацией в шар не больше залива Сан-Франциско.

Но каким образом Энди добился такого отмен-

ного разрешения?

Ральф просмотрел таблицы данных и обнаружил, что последние наблюдения показали гораздо более мощный сигнал, чем предыдущие. Объект становится ярче. Почему? Возможно, он столкнулся с более плотным газом, так что излучает большее количество электронов?

С минуту он просто любовался. Его никогда не покидало чувство преклонения перед подобными чудесами. Красота работы помогла немного унять обиду. Немного.

От появления работы Энди на веб-сайте «астро-ф» до большого весеннего путешествия оставалось не так уж много времени. До отъезда он пересмотрел свои данные и продолжил преподавательскую работу.

Они с Ирэн уладили свои проблемы, или, по крайней мере, отсрочили их решение. Он отчитал свою лекционную неделю, дал трем аспирантам задание на обсчет данных и не нашел ничего нового в картах, над которыми те работали.

Он потратил еще не все деньги, выделявшиеся в финансировании гранта на разъезды, и неосторожно упомянул об этом при

Ирэн. Она не упустила случая, хотя научная конференция проводилась в маленьком горо-

дишке.

— Зато во *Франции!* — произнесла она с таким наивным благоговением, что он не смог устоять.

Так что они вместе вылетели на конференцию Международных астрономических объединений в Бранконе. Городок оказался симпатичной коллекцией каменных домиков, цеплявшихся за склоны Альп. Туристский сезон еще не начался, острые горные пики вокруг, несмотря на конец мая, были покрыты снегом, стояла чудесная тишина, но астрономы не замечали этих радостей. Кое-кто из участников катался по вечерам по окрестностям, но Ральф не выезжал из города, проводя время в беседах с такими же честолюбивыми трудоголиками, как он сам. Ирэн ходила по магазинам.

В местных лавках торговали, как она выражалась, «моднейшими соблазнительными штучками», и в тот вечер она хвасталась перед ним покупками в тесном гостиничном номере. Она крутнулась на каблуках, хвастаясь розовой блузкой со спущенными плечами, искусно приоткрывающей белье и бретельки. Штучка и впрямь была соблазнительной, но Ральф смотрел все так же рассеянно.

В этой самой комнатушке, восполняя вызван-

ный перелетом сдвиг времени, она продемонстрировала умения, памятные ему по первому свиданию, и заставила его очнуться. Таким образом, через несколько часов им удалось заснуть. Хорошие вышли часы.

Утреннее заседание было интересным, послеобеденное — немного скучноватым. Ирэн честно отсидела несколько докладов. Он не знал, занимает ли ее сама наука, или она просто хочет участвовать в его жизни. Ее хватило на несколько часов, после чего Ирэн снова отправилась по магазинам.

— Таким образом я познаю их культуру, — заявила она.

В программу конференции входила вечерняя экскурсия по огромным толстостенным замкам, венчавшим здесь каждый горный пик. В одной из этих холодных гулких крепостей устроили банкет, где их угощали местными деликатесами: острой полентой и свежевыловленной форелью. Ирэн обвела взглядом толпу в шортах и футболках.

— Знаешь, странная у вас профессия, — заметила она. — Целая толпа ужасно умного народу, и никому в голову не приходит подумать, как он выглядит.

Ральф засмеялся: она попала в точку. Она была бабочкой среди астротрутней, ей вслед оборачивались головы, расцветали улыбки. С ней он чувствовал себя богачом. А может быть, дело было в вине, в красном *vin local*,[27] ударившем прямо в голову, чему отчасти способствовала двухкилометровая высота.

После десерта они сошлись в высоком сводчатом зале для приемов. Все двести человек были слишком взбудоражены, чтобы разойтись по номерам, а потому выпили еще вина. Тут Ральф высмотрел в толпе Энди Лэйкхерста.

— О-го! — протянула Ирэн, перехватив его взгляд.

— Эй, он мой старый друг.

— Да? Ты так и прожигаешь его взглядом.

— Ладно, скажем, есть кое-какие счеты. Она сонно взглянула на него.

— Я пойду спать, а вы, мальчики, играйтесь себе, — сказала, зевнув, Ирэн.

Ральф, почти не слушая ее, кивнул. Он вслушивался в разговоры толпы, окружившей Энди. Голос этого долговязого широкоплечего мужчины разносился над головами, достигая всех

---

[27] Примечания: 27
Местное вино *(фр.)*.

присутствующих. Энди разглагольствовал о старой доброй G369.23-0.82. Ральф протиснулся к нему.

— Я полагаю, может быть, если проследить подольше, G…

— «Пуля», — перебил его Ральф.

— Что? — Высокий лоб Энди, прерванного на полуслове, собрался морщинами.

— Объект похож на пулю, почему бы так его и не называть вместо длинного кодового наименования?

— Ну, — бодро ответил Энди, — люди могут не понять…

— У него даже дымный хвост имеется, — ухмыляясь, продолжал Ральф. — Если хочешь, чтобы о нем написали в «Сайентифик американ», смени имя.

— Знаешь, Ральф, ты нисколько не изменился.

— Стал беднее, только и всего.

— Ну, мы все занимаемся этим делом не ради денег.

— Постоянная должность не помешала бы.

— Вот это верно, дружище! — Энди хлопнул его по плечу. — Я зимой ее получу, знаешь?

Ральф не знал, но отговорился комплиментом:

— Ты ее заслужил. Я и не сомневался, что ты ее

получишь. — И добавил, не удержавшись: — Хотя в Гарварде пробиться нелегко. Карл Саган[28] тому подтверждение.

— Правда? — Энди нахмурился и сменил тему: — Так, говоришь, лучше назвать ее «Винтовкой»?

— «Пулей», — повторил Ральф. — Летит она быстро, и еще неизвестно, правда ли это нейтронная звезда.

— Ну, до нее далековато для точного диагноза.

— Может, и далековато. Хотя я тут подумал…

— И по другим параметрам все сходится.

— Только пульс не определяется, так что, может, это и не пульсар.

— Должен быть пульсар, — возразил Энди, и кто-то вставил замечание, которого Ральф не расслышал, и взгляд Энди снова охватил остальных.

Пока Энди общался с окружающими, Ральф получил время на размышление.

К настоящему времени было известно около тысячи пульсаров — вращающихся нейтронных звезд, посылающих вспышки лучей, как маяки Галактики. Некоторые совершали тысячу оборотов в секунду, другие, старые, были медли-

---

[28] Примечания: 28

Карл Саган (1934–1996) — американский астроном и популяризатор науки. В 1962–1968 годы преподавал астрономию в Гарварде.

тельнее, но у всех луч сдвигался при вращении. Все эти коллапсировавшие звезды рассказывали свои долгие истории о том, как стираются жернова: чем старше, тем медленнее. Некоторые были выброшены при рождении ярких пылающих сверхновых, за несколько минут сжатых катастрофическим давлением в ядерном костре.

Здесь, в Бранконе, размышлял Ральф, наша компания сообразительных болтливых шимпанзе, едва начавших свое развитие, когда старушка G369.23-0.82 давно вырвалась из звездного лона, усердно изучает трупы великих катастроф, звезд, убитых беспощадной гравитацией.

Не то чтобы глаза приматов когда-нибудь непосредственно увидели эти объекты. На самом деле благодаря своим тарелкам размером с футбольное поле они видели ярчайшее излучение возбужденных электронов, вращающихся в небесной гармонии вокруг магнитных полей. Электронные облака перемещаются со скоростью, близкой к скорости света, и выжатые ими волны орут на всю Вселенную, что они живы и сильны и хотят, чтобы все это знали. Самая наглая реклама не сравнится с ними в умении нарушать тишину дремлющих ночных небес.

— Просто мы не попадаем под луч, вот в чем

дело, — сказал Энди, снова обратившись к Ральфу и подхватив нить разговора с улыбкой, которая стала чуть менее естественной. — Луч не нацелен на нас.

Захваченный врасплох, Ральф моргнул: его мысли блуждали довольно далеко отсюда.

— Ну, я просто подумал, что следует учитывать все возможности.

Вероятно, последний стакан *vin local* был лишним.

— А чем еще она может быть? — настаивал на своем Энди. Голос его стал жестче. — Компактный, быстро движущийся объект с ярким передним краем свечения, вызванным его головной ударной волной. Нейтронная звезда, вырывающаяся из Галактики.

— Если она настолько удалена, как мы думаем. А если нет?

— Нам неизвестны другие объекты, способные давать такое излучение.

Ральф заметил, как кивают люди вокруг.

— Надо мыслить… — он искал слова, — ну, сняв шоры. Наверное, это *vin local.*

Энди склонился к нему и шепнул своими жесткими, уже почти профессорскими губами:

— Старина, чтобы побить идею, нужна идея.

Да, определенно *vin local.*

Утром он проснулся с железнодорожной катастрофой в черепной коробке. Только сейчас он вспомнил, что в светской беседе с Харкином, сиятельным представителем Очень Большой Антенны, так и не было сказано ни слова о времени для наблюдений. А ему еще предстояло читать доклад.

Это был провал.

Оформление было броским. И даже его ноутбук не подкачал, сменяя картинки. Но все эти многоцветные радиокарты и графики не могли скрыть скудость идей. Если бы удалось пронаблюдать пульсирующее излучение, можно было бы вычислить возраст и затем проследить путь беглянки, чтобы проверить, просматриваются ли в его начале останки сверхновой. Сброшенная оболочка горячего газа, небесный «бычий глаз», подтверждающий всю теорию.

Он продемонстрировал свои результаты по старушке G369.23-0.82. У него были подробная микроволновая карта и множество расчетов, но Энди уже представил собственный доклад, доказывавший, что это не пульсар. А G369.23-0.82 — Ральф упорно называл ее «Пулей», однако недоуменные взгляды показывали, что никто

не оценил его остроумия, — увы, была основой его работы.

— Имеется достаточно сомнительных аспектов, — неуклюже закончил он, — которые заставляют воздержаться от выводов. У нас есть привычка классифицировать объекты на основании поверхностного сходства с другими.

Дальше шли радиокарты компактных облаков, излучающих в радиодиапазоне, которые, по его мнению, тоже могли оказаться звездами-беглянками, но не оказались. Несколько суток наблюдений на ОБМ и на других установках в Нидерландах и в Итальянской Болонье. Он сумел выжать много времени.

И… ничего. Конечно, он обнаружил множество остатков сверхновых, кое-какие обломки менее масштабных катастроф, таинственные выбросы, быстро гаснущие на радиочастотах, но ни одной беглянки с отчетливым хвостом, впервые наблюдавшимся у знаменитой «Мыши». Он постарался скрыть провал, быстро сменяя кадры обманувших его надежды объектов, без слов намекая, что существуют и другие возможности. Аудитории, кажется, понравился калейдоскоп цветных диаграмм. Этому фокусу обучила его мать при игре в бридж: если ничего другого не остается

— прорезывай ход.

Доклад его пришелся перед самым обеденным временем, и у слушателей был голодный вид. Он надеялся, что отделается одним-двумя вопросами. В заднем ряду поднялся Энди и невинно вопросил:

— Так почему вы считаете, что… э… «Пуля» *не* нейтронная звезда?

— А где останки породившей ее сверхновой? — отразил удар Ральф. — На много световых лет позади нее ничего нет.

— Возможно, облако газа уже погасло, — сказал Энди. Голос слева, голос одного из Великих Старцев, произнес:

— Не забывайте, что… э… «Пуля» отделена от нас целой Галактикой. Старые слабые остатки на таком расстоянии трудно различить. И, — скептически поджатые губы, — достаточна ли чувствительность применявшейся аппаратуры?

— Я использовал все время, какое смог получить, — ответил Ральф, снова прогнав на скорости свои кадры, и остановился на общем виде. — Беспорядочные точки, не заметно никакой структуры. Области на дальнем отрезке следа «Пули» за пределом помех.

Этим термином астрономы обозначали уро-

вень шума, на котором уже не удается выделить сигнал. Отвечая на следующие один за другим вопросы, Ральф думал, что в жаргонном выражении больше смысла, чем видно с первого взгляда. Предел помех ограничивает доступное им познание, сколько бы снимков они ни нащелкали.

Тут снова встал Энди. Он углубился в детали данных и расчетов, отыгрался за вчерашнее и закончил уколом:

— Я не понял вашего замечания о классификации объектов по поверхностному сходству.

Серьезных аргументов у Ральфа не было, однако он ухмыльнулся и попытался отшутиться:

— Ну, «Пуля» не так перекошена, как «Утка»… — Так называли странного вида след одного из пульсаров, неровный мохнатый хвост молодой звезды, открытой два года назад Энди. — Астрономы забывают, что публика предпочитает описательные названия. Они легче запоминаются, чем, скажем, G369.23-0.82. — Смешки в зале. — Поэтому мне подумалось, что нам не следует спешить с выводами. И не поддаваться сладкому соблазну сенсационности. Знаете, как бывает? — Он набрал в грудь побольше воздуха и перешел на пронзительный фальцет, заранее отрепе-

тированный в номере — Звезда-беглянка! Скоростная! Скоро навсегда покинет нашу Галактику!

Энди кисло скривил рот, и Ральф слишком поздно вспомнил, что недавно какой-то газетчик брал у него интервью и опубликовал его в рыночной газетенке под очень похожими заголовками.

Ой!

Ирэн произвела фурор в Бранконе, хотя не всем из его коллег удавалось за ней угнаться. Она была чудачка, некоторых она раздражала, но рядом с ней он чувствовал себя в центре внимания. Иной раз она мешала ему сосредоточиться, но он старался. Вернувшись в КУИ, он попал в суматоху недочитанных лекций, подготовки к экзаменам и множества новых идей, которые надо было проверить. Его захлестнуло с головой.

Некоторые считают, что существует только две науки: коллекционирование марок и физика. Это сказал Эрнст Резерфорд, но, с другой стороны, он же считал, что атомная физика не имеет прикладного значения.

Большая часть наук начинается с каталогизации. Только со временем тонкие различия наводят на мысль о великих, всеобъемлющих законах. Ньютон привнес в суматоху, поднятую

Галилеем, дифференциальное исчисление и тем дал первый толчок к современному миру.

Астрономам долго суждена была участь астроботаников: отыскивать разновидности космических объектов и раскладывать их по категориям в надежде найти между ними что-то общее. Коллекционировать марки. Когда в семидесятых годах двадцатого века теоретики порешили, что пульсары относятся к нейтронным звездам, интерес от них переместился на квазары, выбросы, источники гамма-излучения, на темную энергию и далее по всей ботанике в поисках все более фундаментальной физики. Ральф только радовался их благословенному равнодушию. Его влекла детективная сторона науки, вечная надежда, что объект окажется не тем, чем кажется. И он зарылся в полученные данные, сравнивая их с картами наблюдений, привезенными из Бранкона. В небе было полно длинных хвостов, изобилие выбросов, а вот новых кандидатов на роль нейтронной звезды-беглеца не обнаруживалось. Так что ему пришлось вернуться к «Пуле» и продолжить ее изучение. Для этого требовалось время для наблюдений.

И для него, и для Ирэн хорошее свидание требовало солидной порции откровенности и спирт-

ного. В первую ночь с ней после возвращения из Франции он вооружился запасом внимания и аппетитом. Он готов был принять и цыплячье филе, предпочтительно с доставкой на ее квартиру, и даже ресторан с тихой романтической музыкой, который не раз производил то же действие, что и жареный цыпленок.

Он возвратился к новостям, хорошим и плохим. Факультет не заинтересовался его предложением, оставленным перед отъездом: отложить решение относительно его определения на профессорскую должность. Зато Харкин наскреб для него немного времени на ОБМ. Клинышки между большими наблюдениями, пояснил он Ирэн.

— И что тебе дадут эти минуты?

— В астрономии лучше всего смотреть внимательно и долго. Но и короткий взгляд, если повезет, может принести тот же

успех.

К тому же время ему выделили в выходные, так что не придется искать себе замену на лекционные часы.

Итак, в ресторан он пришел определенно в приподнятом настроении. Ему всегда нравилось выбираться куда-нибудь с Ирэн, видеть, как глазные яблоки других мужчин разворачиваются к

их столику, и говорить ей об этом. Она в ответ неизменно округляла глаза и приподнимала брови. К тому же каждый мог и наглядеться на другого, и поесть. И если вечер пройдет хорошо, к десерту происходящее будет выглядеть как сценка из фильма «Том Джонс».[29]

Они заказали: она утиную грудку под глазурью, а для него — нежного латиноамериканского цыпленка с бананами.

Аппетитное начало, заметила она, поглядывая на солидных посетителей. Золотой Берег изобиловал университетскими магистрами с изысканными стрижками и стройными, непринужденно элегантными телами, мускулистыми, но не слишком (я не хочу походить на работягу!), а также женщинами, переливающимися всеми оттенками волос, от платиновой блондинки до клубнично-рыжей. «Ух ты, как *soigne!*» — оценила Ирэн, испытывая свой обновившийся французский словарь.

Ральф чувствовал в ней какую-то напряженность и предпочел не торопить события, неспешно рассматривая шумную толпу. Люди вокруг демонстрировали не юношескую энергичность, а

---

[29] Примечания: 29

Фильм 1963 года. Премия «Оскар» 1964 года за лучший фильм года. В российском прокате «Ловелас».

скорее выдержанную опытность, напоминавшую старый «роллс», в котором масло с религиозным фанатизмом заменяется через каждые полторы тысячи миль. Рядом с ними любой рабочий парень почувствовал бы себя малость потрепанным.

Он с горестной улыбкой промолвил:

— Жизнь в Калифорнии на высшем уровне. — И задумался, замечает ли она излишества Американской Мечты так же, как он. Они жили среди песочно-желтых холмов, покрытых роскошными особняками в псевдоиспанском стиле, раскинувшимися по крошечным участкам. Аффлюэнца, как назвал кто-то эту болезнь, когда сколько ни дай, все мало. Все вокруг кричало: «Изобилие вокруг тебя», и дома, окружавшие забитые яхтами гавани и бухточки, сверкали, как филигранная оправа драгоценных камней. Он уважал людей вроде нее, занимающихся бизнесом, как работяг, создающих богатства, из которых оплачивается его работа. Но как раз сегодня он подвозил ее на сервисную станцию фирмы «Мерседес», к оставленному там для замены масла автомобилю. Чуть задержавшись, он увидел, что в список услуг входило бесплатное мытье машин и что, ожидая, вы, вместе с декофеинизированным капуччино

с коричной пенкой, могли сделать маникюр или погонять мяч на лужайке для гольфа. Простой ученый в такой обстановке чувствовал себя бедным родственником.

Он смотрел, как она проверила всю посуду и протерла ее платочком. Обычно она этого не делала: она не страдала манией чистоты, не раскладывала папочки по цвету и не планировала свои дела по минутам, хоть и была счастливой обладательницей магистерского диплома по менеджменту.

— Отлично съездили, — проговорила Ирэн задумчивым тоном, означавшим, что она соблюдает вежливость. — И... ты намерен всю жизнь провести среди этих людей?

— Мне они кажутся весьма интересными людьми, — оправдался он, еще не поняв, к чему она клонит.

— Они... как бы это помягче сказать, чертовски много работают.

— Как все ученые.

— И деловые люди тоже, но у них находятся и другие темы для разговора.

— Это же была конференция специалистов. У них нет других общих тем.

— Если не считать невыносимой сексуальной

озабоченности.

— Раньше она не казалась тебе недостатком, — усмехнулся он.

— Вспоминается мне один тип из Массачусетского технологического, вообразивший, что сумеет меня захомутать посредством… — она пальцами изобразила кавычки, — «умного разговора», включавшего цитаты из «Симпсонов», гангстерских киношек и какой-то кинотрилогии.

— Из Толкиена.

— Да, эльфы с мечами. Я думала, вы, ребята, ученые.

— У нас тоже есть… хобби.

— Больше похоже на мании.

— Наша работа в том числе? Она развела руками:

— Я, конечно, уважаю твою увлеченность астрономией. — Ирэн закатила глаза. — Но она так плохо окупается! И профессора тебе то ли дадут, то ли нет. После того, как ты потратил столько лет!

— Карьера не делается в один день.

— И жизнь тоже. Помнишь, что у нас сегодня?

Он сделал каменное лицо: единственный способ не дать прорваться просившемуся наружу выражению загнанного оленя.

— Э… нет.

— Шесть месяцев назад…

— А, да, мы собирались снова поговорить о женитьбе. Она сверкнула глазами:

— А ты прячешься за свою работу… опять.

— Эй, так нечестно.

— Я не могу ждать до бесконечности.

— Я сейчас в такой запарке! А на отношениях не пропечатывают срок годности.

— Время никого не ждет. И я тоже. Заключительная фраза, вот как! Он твердо начал:

— Так что я должен?..

Она протянула ему деловую визитную карточку:

— Герб Линцфилд. Позвони ему.

— А что мне за это будет? — За ухмылкой он скрывал озабоченность.

Заказывая десерт, она ответила ему загадочным взглядом искоса и улыбочкой, мелькнувшей на больших полных губах. А теперь переходим к «Тому Джонсу».

Чтобы попасть из КУИ на ОБМ, надо было вылететь из аэропорта Джона Вэйна, где стояла могучая бронзовая статуя героя, чей ковбойский наряд пленил его в свое время, и сделать пересадку в Фениксе на Альбукерке. Ральф проделал

перелет, втиснув ноги под переднее кресло, не позволявшее даже раскрыть ноутбук, — любезность Юго-Восточной авиалинии! — а дальше взял напрокат «баджет» и повел его в Сокорро.

Опаляющий зной спал, когда он выехал на высокое плато, где по железнодорожным рельсам, проложенным в протяженной долине, разъезжали антенны. Большие тарелки перемещались, наставив круглые уши в небо и перестраиваясь так, чтобы лучше уловить своим «заменителем глаз» излучения далеких агоний. Поездка по четырехполосному шоссе, окаймленному полынью, заняла большую часть дня. Приехав, Ральф застал Харкина за восьмичасовым наблюдением радиогалактики.

— Я провел последние шесть часов с куда меньшей пользой, — заметил он, и Харкин ухмыльнулся.

Харкин был одет в джинсы, красную шерстяную рубаху и ковбойские сапоги, и в этом не было позерства. Местные прозвали астрономов «сплошными шляпами без единой скотины» — лаконичное описание поддельных ковбоев. Лицо Харкина походило на скомканную и не до конца разглаженную бумагу: результат двадцати лет, проведенных под здешним небом.

Радиогалактика имела странный искаженный вид. Облако радиоизлучающих электронов обволакивало мишень Харкина — яркий выброс. Харкин малость помешался на выбросах, доказывая, что они должны изменять форму под действием сопутствующих им магнитных полей. И поля, и ядра были побочными продуктами вращающихся дисков в глубине ядра галактик. Черные дыры, вызывающие такое высвобождение энергии, с трудом поддавались обнаружению, будучи крошечными и окутанными газом. Зато выбросы относились к самым броским рекламным плакатам Вселенной, подобным дымкам из пистолетного дула. Крошечные кладбища, где погребались массы, умудрились растянуть свои вывески по всему небу.

Ральф разглядывал длинный тощий выброс на радиоснимке. Он напоминал черно-белый снимок стрелы. Предстояла еще уйма работы. Сначала ярчайшие снимки в пылающем ядре Галактики, затем долгое медленное наблюдение сигналов в движении выброса вокруг галактического диска навстречу межгалактическим ветрам.

Однако же выброс уверенно держал направление, четко нацелившись в окружающую тьму.

Его длина уже во много раз превосходила размер породившей его Галактики, и он обозначал себя оглушительным излучением радиоволн. Оно вызывалось спиральным движением высокоэнергетических электронов вдоль магнитных силовых линий. Ральф все это знал, но не мог без трепета смотреть на радиокарты вихрей и спиральных воронок, превосходящих величиной звездные скопления: автопортреты, выгравированные электронами, оживленными своей безумной энергией.

— Большое облако, — проговорил Ральф.

— Ага. Ума не приложу, что это такое.

— Тайны. Многие из них никогда не будут разгаданы. Убийства звезд оставляют после себя лишь лохмотья улик.

Долговязый остроносый Харкин происходил из крепкой новоанглийской породы. Ральфу подумалось, что Харкин сильно напоминает изучаемый им выброс. Его лысая голова гребнем сужалась к макушке и сверкала, отражая флюоресценцию огоньков наверху. Харкин беспрестанно передвигался от панели управления антеннами к компьютерным экранам, на которых фокусировалось изображение. Выбросы несутся со всей своей неугомонной энергией, но

астрономам достаются только моментальные снимки. Черные дыры обеспечивают заказ на рекламу на сотни миллионов лет, так что выброс Харкина был ровесником динозавров.

Заниматься астрономией — значит осознавать себя бабочкой-однодневкой.

— Надеюсь, я не зря вытащил тебя в такую даль. Харкин вывел на экран полный файл по G369.23-0.82.

В одном изображении он узнал первое наблюдение позапрошлого года, когда Ферретти из Болонской обсерватории выделил ее из фона при наблюдении какого-то выброса. За последние годы появились три новых: подробные карты Энди и Ральфа, данные по поляризации, статьи. Всё в цифровом виде — никто уже не хранит сведения на бумаге.

— Вот, видишь? График времени наблюдений. В периоды, когда G369.23-0.82 в небе, я получил только три вставки на время перестановки антенн. Каждая примерно на полчаса.

— Черт! — скривился Ральф. — Не много же!

— Да. — Харкин выглядел довольно виноватым. — Когда я тебе обещал… понимаешь, я потом подумал как следует, но ты тогда уже вылетел в Женеву.

— Vin local, — сказал Ральф. — Меня оно тоже подвело. Харкин смущенно кивнул, глядя в пол:

— Ну ладно, так насчет G369.23-0.82…

— Я называю ее «Пулей». Легче выговаривается, чем G369.23-0.82.

— А, да. — Харкин пожал плечами. — Ты говорил в Бранконе. Но что можно успеть за получасовые клочки? Он как раз

раздумывал над этим вопросом, когда услышал его от Харкина

— Энди довольно достоверно показал, что пульсирующего луча там нет, — доброжелательно подсказал Харкин, — так что…

Ральф пролистал свои заметки:

— Нельзя ли получить более отчетливый передний край? Головную ударную волну «Пули».

Харкин разочарованно покачал головой:

— При таком коротком времени наблюдений никак. Слушай, ты говорил, у тебя есть неожиданные идеи?

Ральф начал беситься:

— А как насчет хвоста «Пули»?

Харкин неуверенно накарябал несколько значков на желтой разлинованной табличке.

— Никак. У него недостаточная светимость. След рассеивается довольно быстро. Предел по-

мех. Получишь один шум.

— На краю «Пули» видна звезда, — напомнил Ральф.

— На переднем плане, — уточнил Харкин. — Может помочь при определении удаленности.

— Если рассчитывать по общепринятой методике, она очень далеко, за пол-Галактики.

— Угу. Ладно, это оставим на потом.

Ральф пошарил у себя в голове:

— Энди в каком диапазоне искал пульс? — Он порылся в сделанных в Бранконе записках. — Да, в коротком и не меньше десятисекундного периода.

Харкин покивал:

— Это молодая нейтронная звезда, значит, должна вращаться быстро.

Ральфу страшно не хотелось выглядеть в глазах Харкина дилетантом, однако он уверенно выдержал его взгляд:

— Возможно. Если газ не затормозил ее быстрее обычного. Харкин скептически вздернул бровь:

— «Мышь» не тормозилась. Она вращается с периодичностью около одной десятой секунды. Юсуф-Заде и прочие считают, что ей, вероятно, около двадцати пяти тысяч лет.

Двадцать пять тысяч лет — не много для пуль-

сара. Пульсар «Мышь» был сферой, состоящей из одних нейтронов: солнечная масса, упакованная в шар размером всего с Сан-Франциско и вращающийся десять оборотов в секунду. На картах, полученных на радиотелескопах, ее маячный луч исходил из точки на самом кончике носа, а за ней вздувалось выпуклое тело и тянулся длинный тонкий мышиный хвост. Открытие «Мыши» предопределило парадигму. Но первый — не обязательно значит типичный.

Ральф, положившись на предчувствие, стиснул челюсти.

— Давай проверим, — вспомнил он.

За полчаса, пока команда Харкина под его руководством переставляла антенны, передвигая по рельсам большие белые тарелки и настраивая их для нового многочасового наблюдения, Ральф работал как сумасшедший. Без помощи Харкина, наблюдавшего за всем комплексом, он мог управлять двумя или тремя антеннами. Чтобы полностью использовать свои полчаса, он решил вести наблюдение на середине микроволновой полосы, где-то от одного до двух гигагерц. В последние несколько дней, как предупредил Харкин, они принимали какие-то помехи, возможно от переговоров по сотовой сети, отдававшихся

даже здесь, посреди пустынного высокогорного плато, но эти помехи не превосходили одного гига и не заходили на его частоты. Поэтому Ральфу не приходилось беспокоиться из-за болтунов, каждые несколько минут звонящих друг другу и стирающих его данные.

Он тщательно просматривал полученную информацию с помощью программы, настроенной на поиск любых долговременных флуктуации. Согласно теории пульсаров, с возрастом нейтронная звезда увеличивала период вращения и посылала луч своего маяка с частотой около раза в секунду. Они тратили вращающий момент, предавая его энергию в излучение: гори ярко и умри молодым. Агонии подростков. Только от них не остава лось красивых трупов — они и были трупами. Пульсары продолжали гаснуть, замедляя вращение. Известные пульсары с периодом две-три минуты можно было пересчитать по пальцам.

Так что его поиск был довольно безнадежен. Но ничего другого ему в голову не приходило.

К третьему получасу он завяз. Техники, обслуживавшие антенны, действовали четко и эффективно, но долгие промежутки между короткими наблюдениями наводили скуку. Поэтому

он воспользовался их богатыми компьютерными ресурсами для обработки собранных данных: программное обеспечение ОБМ заглатывало длинные колонки цифр, пока он следил за экранами. Программа Харкина раскладывала сигнал от «Пули» на двоичный код, определяя временные закономерности. Она проверяла каждую поступившую волну, отыскивая повторы. Компьютер работал час за часом, прогоняя и фильтруя сигнал «Пули».

По большей части одни помехи. Но вот…

— А это что? — Ральф указал на пятно, выделявшееся в поле помех.

Экран, на который уставились они с Харкином, рябил, пурга гармоник, сталкивавшихся между собой и блекнущих на глазах. Но этот пик оставался на месте.

Харкин нахмурился:

— Повторяющийся сигнал в микроволновом… — Он просмотрел данные, вглядываясь в переменчивый узор на экране. — Период… ну-ка, посмотрим… сорок семь секунд. Многовато для молодого пульсара.

— Наверное, ошибка. Слишком много.

В астрономии скептический подход к собственным работам обычно окупается. Каждый должен

был готов столкнуться с ошибкой. Джо Вебер ошибся в определении гравитационных волн, воспользовавшись изобретенным им методом. И навсегда остался с подпорченной репутацией, хотя был блестящим, оригинальным ученым.

Лицо Харкина застыло.

— Все равно, так и есть.

— Наверняка ошибка.

— Черт возьми, Ральф, я знаю свою программу.

— Давай проверим как следует.

Еще несколько часов работы показали, что ошибки нет.

— Ладно, забавно, но это на самом деле. — Ральф задумчиво протер глаза. — Тогда давай посмотрим сам пульс.

А вот пульса не оказалось. Закономерность не распространялась на широкую полосу частот. На одной целой и одной десятой гигагерца она выделялась явно и отчетливо, а больше пиков не было.

— Это не пульсар, — сделал вывод Харкин. Ральф почувствовал, как чаще забилось сердце.

Повторяющаяся вспышка. Пиковый сигнал, выделяющийся из шума и проявляющийся для нас каждые сорок семь секунд.

— Чертовски забавно, — с беспокойством

проговорил Харкин. — Надеюсь, это не сбой в программе.

Об этом Ральф не подумал.

— Да ведь это лучшая фильтрующая программа в мире. Харкин ухмыльнулся, дубленая кожа лица пошла морщинами.

— Как бы твои комплименты не вскружили мою хорошенькую головку.

Еще два часа Харкин потратил на тщательнейшую проверку программного обеспечения ОБМ и ничего не нашел. Ральф не возражал, ему нужно было время на размышления. Он устроил себе передышку — Харкин был не из тех, кто отдыхает, когда есть работа, — и посмотрел игры Кубка за компанию с инженерами в операторской. Им пришлось опустить антенну для ремонта, но прием был достаточно хорош, чтобы дотянуться до горизонта и перехватить передачу чикагского телевидения. В широком эфире Кубок не транслировался, а здесь были двое из Чикагского университета. Матч они проиграли, но игра была увлекательной, и Ральф вернулся отдохнувшим. К тому же у него возникла идея. Или зародыш идеи.

— А что, если эта штука намного больше нейтронной звезды? — обратился он к Харкину,

который так и не тронулся со своего места на вращающемся кресле перед панелью с шестью экранами.

— Тогда где источник энергии?

— Ума не приложу. Но я к тому, что это может оказаться что-нибудь довольно обыкновенное, просто движется быстро.

— Например?

— Например, белый карлик, только очень старый, мертвый.

— Так что невидим в визуальном диапазоне? Телескоп Хаббла уже направляли на местоположение «Пули» и ничего там не увидели.

— Вырвался из какой-то звездной системы, движется быстро, не нейтронная звезда… Может такое быть?

Харкин скептически хмыкнул:

— Гм… надо подумать. Только… откуда берутся релятивистские электроны, обеспечивающие микроволновый сигнал?

Это с трудом поддавалось объяснению. Старый белый карлик определенно не мог испускать электроны.

— Слушай, не знаю, — помедлив, признался Ральф. — И мне надо возвращаться к себе, у меня занятия. Нельзя ли выкроить для меня еще

несколько лоскутков времени при настройке антенн?

— Попробую, — неуверенно отозвался Харкин.

— Перешлешь мне результаты, когда найдется время?

— Ты сможешь сам обработать данные?

— Если ты дашь мне программу, конечно, просчитаю. Харкин пожал плечами:

— Этот сорокасемисекундный период… чертовски забавно. Так что… ладно, пожалуй…

Ральф вымотался, зато, по крайней мере, игра продолжалась. К чему бы она ни привела.

На следующий день Ральф несколько часов просидел над программой-фильтром, на цыпочках пробираясь сквозь методики Харкина. Многие считали Харкина лучшим в мире наблюдателем при работе с большими антеннами. Он играл на электронике, как на скрипке.

Харкин был хорошим учителем, потому что не умел учить. Вместо того чтобы учить, он просто показывал. Сопровождая показ рассказами и примерами, иногда даже шутливыми, а иногда непонятными, Харкин наконец открывал новый параметр обзора или же вводил новую ноту в песню, и тогда все становилось ясно. Таким способом Харкин показал ему, как пользоваться програм-

мой, чтобы дотошно проверить все результаты. Этот костлявый астроном научил его играть на радиотелескопе шириной с футбольное поле, как на музыкальном инструменте, понимать его капризы и заблуждения и извлекать из него истину, которой он сам не знает. Это была наука, строгая и скрупулезная, но создавать ее было искусством. В конечном счете надо было оправдать каждый шаг, каждый вывод, но все доказательство держалось на интуиции, как ледяной кубик на слое талой воды.

— Слушай, Энди, — непринужденно обратился Ральф к трубке сотового, разглядывая в широкое окно пустыню Нью-Мексико и белые тарелки антенн, направленные в небо. — Я не припоминаю, вы там просматривали «Пулю» на длинных периодах или нет? Данные по «Пуле». Помнишь, мы об этом говорили в Бранконе?

— «Пуля»? Ах да, G369.23-0.82.

— Точно. Слушай, на каком периоде вы остановились? Долгое молчание. Ральф, кажется, даже расслышал шум уличного движения.

— Эй, я не вовремя?

— Нет, просто иду по Масс-авеню, пытаюсь вспомнить. Кажется, мы дошли примерно до тридцати секунд. И ни черта не увидели.

— Отлично. Я тут снова занялся «Пулей», получил кое-какие предварительные данные и подумал, что лучше свериться с твоими.

— Ага… — Новая пауза. — И сколько же?

— Много, — осторожно ответил Ральф. — Понимаешь, мы еще анализируем данные.

— Значит, действительно старый пульсар. Я думал, старые уже не способны излучать.

— Я тоже. Во всяком случае, им бы не полагалось.

Ральф напомнил себе, что надо посоветоваться с теоретиками.

— Тогда неудивительно, что мы не нашли останков сверхновой. Они уже погасли или слишком удалены.

— Правда, забавно, что нам удалось принять такой старый сигнал от пульсара за пол-Галактики от нас? Хотя, как я заметил, он становится ярче.

— Да, забавно… — озадаченно отозвался Энди. — Хм, ярче… — Интересно, виден ли он на прежних обзорных снимках?

— Да, вот я и подумал, что надо бы тебе сказать.

Они обменялись еще парой личных фраз, и Ральф отключился.

Харкин работал с экранами, но обернулся к

нему, приподняв бровь.

— Бинго! — воскликнул Ральф.

Едва Ирэн вошла в кофейню и они поцеловались, Ральф заметил в ее глазах любопытство. В облегающем голубом платье она выглядела ослепительно, и он тоже щеголял в нарядном костюме. Он велел ей принарядиться, и теперь она часто моргала, ожидая объяснений.

— Куда мы собираемся?

Он, даже не присев, сообщил ей:

— Знаешь, единственное место, где в меня не кидают гнилыми фруктами, едва я запою, — это церковь.

— Никогда не знала, что ты религиозен, — ошарашенно заметила Ирэн.

— Да это я фигурально. К тому же я заплатил за место, где можно потанцевать, так что… мы идем в «Ритц».

От удивления брови у нее взлетели вверх.

— Какое загадочное приглашение. Гольф в «Ритце»?

Они танцевали на площадке с видом на вечерний прибой и серфингистов. Он подхватил выбившуюся у нее прядь волос, заложил ей за ухо. Она все время болтала о работе. Он рассказал ей о своей работе над «Пулей», и она искренне

заинтересовалась, задала несколько вопросов. Потом снова вернулась к интригам в своей конторе. Иной раз казалось, что эта женщина живет одними сплетнями. Он немного послушал, а потом, когда оркестр заиграл: «Бегэн оф бегуэн»,[30] сказал:

— Мне нужно еще время. Она напряглась:

— Чтобы познать бездны мужского мира?

— Да. Я ухватил за хвост что-то настоящее.

— Стало быть, Гербу Линцфилду ты не звонил.

— Нет.

— Ну что ж, отлично!

Он отступил на шаг и уставился на ее губы. Роскошные, как всегда, они скривились и поджались. Это выражение было ему знакомо.

«Отлично. Ну что ж. Давай. Уходи. Увидишь. Обойдусь. Без. Тебя».

Тогда он погрузился в этот ритм: гуща деталей и неожиданно обрушивающаяся на тебя красота. Надо уйти с головой в барабанную дробь данных, услышать симфонии программ, форма которых позволяет человеческому глазу увидеть в них некий доступный гуманоидам смысл. Условные

---

[30] Примечания: 30

Бегуэн — танец наподобие румбы. Название мелодии — «Начало бегуэна».

цвета передавали нечто не видимое простым глазом — краски микроволн. Сухие числа прятали эту красоту, скрывали ошеломляющее великолепие.

Подумать только, размышлял он, ведь волны, которые они «видели» огромными глазами антенн, всего-то длиной в палец. И волны эти докатываются через уйму световых лет, перенося послания из древних времен. Они хлещут в жесткий металл радиоантенн, в возбужденные электроны, только и дожидавшиеся, пока их пригласят на танец. Миллиарды электронов дрожат и поют, и ответная осцилляция вызывает эхо сигнала в цепях, собранных людьми. Новые электроны вливаются в возникающий ток, и единички и нолики в компьютере складываются в нечто, еще не виданное никем: в картины для глаз размером с гору. Эти видения никогда не существовали во Вселенной. Волны переносили их, но потребовался разум, чтобы вытянуть их из блуждающей ряби радиоволн, из вьюги микроволн, где они скрывались прежде, живые, но невидимые. В сущности, это истории, или они представляются историями нашим обезьяньим умам. Моментальные снимки. А превратить их в связный рассказ уже наше дело.

В эти долгие часы он осознал, какую опасность несет в себе сужение луча поиска, если нацеливать его исключительно на то, что рассчитываешь увидеть. Астрономы говорят об этом так: «Ни за что бы не увидел, если бы не поверил».

Статья на веб-сайте «астро-ф» была короткой и сжатой, всего три страницы.

Ральф много минут просидел перед ней разинув рот. Он перечитал ее дважды. Потом позвонил Харкину.

— Группа Энди объявляет, что их данные показывают пик с сорокасемисекундной периодичностью.

— Стало быть, он вернулся и присмотрелся хорошенько…

— Это воровство! — Ральф все еще не пришел в себя и не решил, что делать.

— Из этих помех многое можно вытянуть, если знать, где искать.

— Уф, — выдохнул Ральф, обалдело мотая головой. — Да, пожалуй.

— Он нас обогнал, — равнодушно сказал Харкин.

— Гонится за профессорской ставкой! Харкин засмеялся:

— Вот тебе и Гарвард. — И после долгого мол-

чания взорвался: — Да что же это за штуковина, чтоб ее!

Стук в дверь квартиры застал его врасплох. Это была Ирэн — пристальный взгляд и закушенная губа.

— Я только на секунду залетела на твой радарный экран.

— Я…

— Работаешь. Слишком много за те деньги, что тебе платят.

— Знаешь, — выговорил он, — искусство и наука во многом схожи. Иногда. Требуют тебя целиком.

— Искусство, — сказала она, — это ответы, к которым нет вопросов.

Он моргнул:

— Похоже на цитату.

— Да, из меня.

— А… э…

— Так что, хочешь удовольствия на скорую руку?

— Ну, если ты так ставишь вопрос… Час спустя Ирэн приподнялась на локте.

— Новости, — сказала она.

— А? — Он сонно моргнул. — Какие?

— У меня задержка. Две недели.

— А… О… Гром с ясного неба.

— Надо обсудить… «Ох, ты!»

— …что делать.

— Это для тебя необычно? Первым делом уточнить данные.

— Больше недели никогда не бывало… — Она сложила губы в изумленное «О». — Раньше.

— Ты ведь пользовалась… Мы…

— Эти таблетки редко подводят, однако…

— Однако бывает. А ты не забывала принять?

— Нет. Долгая пауза.

— И что ты об этом думаешь? — Всегда помогает выиграть время, когда в голове каша.

— Мне тридцать два. Пора бы уже.

— И еще есть мы.

— Мы… — Она послала ему долгий душевный взгляд и, откинувшись на спину, уставилась в потолок.

Он решился:

— А как бы ты отнеслась…

— К аборту?

Она этого ожидала.

— Да.

— Легко, если так надо. — Она снова приподнялась, взглянула на него. — Надо?

— Слушай, мне бы надо немножко подумать.

— Мне тоже, — кивнула она, скривив губы.

Ральф обратился к болонской группе через друзей, двух Фанти, с просьбой сканировать ее местоположение. Они нацелили итальянские телескопы на нужную часть неба, обработали данные и переслали по электронной почте. На следующее утро его поджидало сообщение с сорока семью мегами приложения. Он открывал его, дрожа от волнения. В Болонье работали первоклассные астрономы, на их результаты можно было положиться.

Запросив по Интернету визуальное соединение, он спросил:

— Роберто, что это? Не может быть объектом, который я изучаю. Это же каша!

Роберто на экране недоуменно наморщил лоб:

— Да, мы тоже удивились. Через несколько дней я смогу добиться лучшего разрешения. Увеличив время наблюдений, получим очень четкое изображение.

— Да, пожалуйста. Наверняка тут какая-то ошибка.

«Сорок семь секунд…»

Декан что-то еще говорил, но Ральф смотрел в окно, на эвкалипты, раскачивающиеся под переменчивым береговым бризом. Госсиан пе-

речислял, что еще предстоит сделать, для того чтобы «возможно» получить штатную должность: выбить два федеральных гранта, найти своим защитившимся аспирантам хорошую работу, опубликовать еще пару-тройку статей, и все за несколько месяцев. Слова пролетали мимо, он их даже слышал, но он пришел сюда, в знакомое и любимое место, где жила его вера, и в нем поднималось волнение, загоралось предчувствие, его наполняло внутреннее состояние благодати. Идеи роились перед ним, забивались в ноздри, он заморгал…

— Ральф, вы слушаете?

— Да, о да… — «Но только не вас, нет».

Он вошел в здание физического факультета, рассеянно сложил зонт, промокший под кратким ливнем. Замурлыкал сотовый телефон.

— Хотел тебя предупредить, — раздался голос Харкина, — что в ближайшие дни много времени выжать не смогу. Есть старые снимки, но я их еще не разбирал.

— И на том спасибо.

— Завтра, может быть, попробую сделать еще снимок, но я чертовски занят. Останется немного времени при перенастройке антенн…

— Я послал тебе карту Фанти.

— Да, наверняка ошибка. Ни один объект не мог настолько измениться за такой малый срок.

Ральф согласился с ним, но все же добавил:

— Но все-таки надо проверить. Фанти знают свое дело.

— Если будет время, — сдержанно пообещал Харкин.

За лекциями и семинарами и в долгие часы работы фильтрующей программы он совсем забыл о назначенном свидании. В девять вечера зазвонил телефон. Ирэн. Он принес свои извинения, говорил рассеянно и отрывисто. И вид у него был усталый, бледный лоб в морщинах.

— Никаких… изменений? — спросила она.

— Никаких.

Они помолчали, потом он рассказал ей о карте Фанти. Ирэн заметно посветлела, обрадовавшись случаю поговорить о другом.

— Такие изменения ведь возможны?

— Вообще-то да, но так быстро? А ведь они огромные, один хвост тянется на световые годы.

— Но, ты говоришь, карта изменилась, размылась.

— Да, весь объект.

— Не может там быть какой-то ошибки?

— Может, но Фанти отлично знают дело.

— Нельзя ли нам встретиться попозже? Он вздохнул:

— Я хочу еще раз просмотреть… — На ее молчание он ответил новыми извинениями и закончил словами: — Я не хочу тебя потерять.

— Тогда не забывай, где ты меня оставил. Середина ночи.

«Ни за что бы не увидел, если бы не поверил».

Ошибка, как он понимал, могла крыться в исходном предположении. В его предположении.

Это должна быть беглая нейтронная звезда. Она должна находиться на большом расстоянии, за пол-Галактики от нас. Они в этом не сомневались, потому что искажение сигнала показывало, что на его пути много плазмы.

Да, исходное предположение. Так должно быть.

Вполне резонно. И совершенно неверно?

Он потратил большую часть выкроенного на ОБМ времени, изучая продолговатую шкурку-оболочку некогда гордой звезды, видневшейся на краю «Пули». Она казалась клочковатой от большого количества выброшенного умирающим солнцем газа. А мог бы вместо этого понаблюдать затемнения: какая часть линий спектра поглощается или рассеивается межзвездной пылью,

плазмой и газом. Только по этим признакам можно определить, далеко или близко расположен источник радиосигнала. Хитрое дело — истолковывать эти колеблющиеся призраки, видимые сквозь межзвездный туман. Что, если между объектом и огромным глазом антенны была гораздо более плотная плазма, чем они предполагали?

Что, если они ошиблись в оценке расстояния? Так бывает, когда плотное облако закрывает от вас солнце. Рассеивает свет, до неузнаваемости искажает картину, а ведь солнце, по астрономическим масштабам, совсем рядом.

Может, и эта штука ближе, гораздо ближе…

В таком случае ее должна окружать необычайно плотная плазма — облако ионизированных частиц, которое она создает, пробиваясь сквозь межзвездную ночь. Возможно ли, чтобы она ионизировала гораздо больше частиц газа, сквозь который движется, чем предсказывают расчеты? Каким образом? Почему?

И что это за штука, черт возьми?

Он моргнул при виде компьютерного изображения, вызванного им на экран из чащи программ, анализирующих виды и спектры. Размытые очертания старой звезды занимали несколько пикселей, а рядом находился старый рваный

завиток останков сверхновой — древнее сферическое надгробие мертвого солнца. Линии понесли большие потери, пробиваясь сквозь хвост «Пули». По ним он мог оценить среднюю плотность плазмы, окружающей саму «Пулю».

Проделывая расчеты, он ощущал, как закрадывается в него холодное предчувствие, заглушавшее все посторонние шумы. Он так и этак поворачивал идею, пробуя ее на ощупь, испытывая на прочность. Его заливало звенящее возбуждение, сдерживаемое осторожностью.

«Интересно, видна ли она на прежних обзорных снимках», — сказал Энди.

Ральф проверил.

На радиокарте, сделанной итальянцами одиннадцать лет назад, совсем близко к нынешнему местоположению «Пули» виднелась слабая царапина. Совсем слабая, на порядок ниже величины светимости, какую он наблюдал сейчас. Ошибка в калибровке? Так или иначе, детектируется.

Он нашел ее потому, что она ярко светилась. Может быть, столкнулась с густой межзвездной плазмой и разгорелась?

Ральф позвонил Харкину, чтобы обсудить с ним эту карту и карту Фанти, но нарвался на автоответчик. Он кратко описал положение и пошел

читать лекцию по механике.

Его автоответчик голосом Харкина говорил:

— Ральф, я послал тебе карту, сделанную два дня назад, когда я выбрал время пронаблюдать ее на четырех и восьми гигагерца.

— Замечательно, спасибо! — отозвался он, прежде чем сообразил, что Харкин его не слышит. Тогда Ральф позвонил сам и, когда Харкин ответил, даже не поздоровавшись, спросил: — Как тебе нравится карта Фанти?

— Совсем не нравится.

— Работа совсем свежая.

— Да, а то, что я тебе послал, наблюдалось раньше. Думается, они что-то намудрили при обработке данных.

— Они работают очень скрупулезно.

— То, что я послал, действительно отличается от наблюдавшегося раньше. Картинка, так сказать, чревата гипотезами.

Чревата… От этого слова он на миг окаменел. Когда снова сосредоточился, Харкин продолжал:

— Я попробовал применить сорокасемисекундный фильтр, но ничего не вышло. На этот раз сигнала не было. Прогнал дважды. Не представляю, что там творится.

Карта, прилагавшаяся к сообщению, выглядела

еще более странно:

Мало подробностей, потому что у Харкина он не смог пронаблюдать ее подольше, но картина достаточно отчетливая. «Пуля» вытягивалась в длину, меняла форму. Возможно, оказалась в новых условиях.

Но то было два дня назад. Карта из Болоньи составлена четырнадцать часов назад.

Ральф еще раз просмотрел расплывчатый болонский снимок и задумался, каким образом это изображение соотносится с картой, сделанной на 4,8 гигагерца. Неужели Фанти все-таки ошиблись?

— Ты можешь прямо сейчас переслать мне снимок? — спросил Ральф. — Очень важно.

Он выслушал долгое молчание, прежде чем Харкин откликнулся:

— Я сейчас занят по горло. Подождать нельзя?

— Фанти из Болоньи — они отстаивают ту, свою, карту. Очень странно.

— Гм… ну…

— Пожалуйста, удели мне всего несколько минут. Может, в интервале загрузки…

— Ладно, дружище, попробую, но…

— Я понимаю, — сказал Ральф, покривив душой. Домашний автоответчик записал голос

Ирэн, проговорившей
быстро и негромко:

— Нашел себе другую, да? Так если я тебе больше не нужна, могу перестать отвечать на звонки и сообщения, хотя и отвечать-то не на что. И вообще, увертка в самый раз для шестиклассника, нет? Я первая пошла на разрыв, намек был так ясен, что ты не мог его не понять, так что можешь считать, что во всем виновата я, и жить с чистой совестью. Можешь считать: «Да, она не могла отказаться от прошлого. Карьеристка. Плоский деловой ум». Или трудоголичка. Нет, трудоголик — это о тебе. И получишь восхитительную имитацию жизни…

После долгой паузы, когда время почти кончилось, она всхлипнула, помолчала и проговорила:
— Ладно, может, это я зря…

Он сел, чувствуя себя оленем, попавшим под свет фар, и прокрутил запись сначала.

Они были близки, она удивительная, что правда, то правда.

Он ее любил, это точно, и всегда считал, что больше ничего и не требуется.

Но в ближайший год он может потерять работу.

И не способен сейчас думать ни о чем, кроме

«Пули».

А она гадает, рожать или не рожать.

Хотя, вспомнил он, она ведь так и не сказала, хочет ли ребенка.

Он понятия не имел, что ей ответить. В прошлом году, на докладе, посвященном Эйнштейну, докладчик процитировал лаконичное замечание жены ученого, что иной раз, работая над задачей, великий человек целыми днями ни с кем не разговаривал. Она, понятное дело, ушла от него. И вот теперь Ральф находил в себе какое-то родство с легендарным гением. Потом он сказал себе, что глупо равняться…

Ладно, пока пусть идет как идет.

Восьмая чашка кофе показалась горькой. Хотелось сладкого. Он впился зубами в пончик. Когда же он в последний раз ел?

Ральф глубоко вздохнул и выбросил это из головы, чтобы прочистить мозги.

Он теперь не сомневался в своей работе, в программах, но все еще ничего не понимал. Прежние оценки рассеяния были ошибочны. Это становилось ясно из расширения пульсации, только что измеренной им. Энди и все прочие определяли удаленность «Пули», основываясь на обычной плотности межзвездного вещества. И получали

расстояние около пяти тысяч световых лет.

Его измерения пульсирующего сигнала показывали, что «Пуля» гораздо ближе, всего около тридцати световых лет. Они видели ее сквозь ионизированную и сжатую давлением плазму, окружавшую… что? Вряд ли нейтронную звезду.

И дальнейшие выводы: если «Пуля» настолько близко, то она гораздо меньше по величине и светимости.

Да, султан у нее огромный, но сама «Пуля» — плотный кружок в самом центре, неразличимый даже на снимках Энди, при самом высоком разрешении может оказаться всего в несколько сотен километров длиной. Или даже меньше, это только верхний предел.

Предположим, так оно и есть, она гораздо ближе. Тогда и выход энергии, если считать его примерно равным мощности излучения, тоже гораздо меньше. Он записал несколько чисел. Объект излучал энергию, сравнимую с той, что потребляется населением Земли. Десяток гигаватт или около того.

Куда ниже энергии, излучаемой нейтронными звездами. Он уставился в пространство, мысли у него кипели.

И еще сорокасемисекундный период.

Он подсчитал, что если объект вращается и имеет на окружности гравитацию, равную половине земной, то он должен быть около тридцати метров в поперечнике.

Резонно.

Но откуда же такое быстрое изменение радиосигнала? За несколько дней, а не лет, как обычно для астрономических объектов? За несколько дней!

Он боязливо открыл сообщение от Ирэн: «Ты сорвался с крючка. Я тоже.

Цикл восстановился. Ложная тревога.

А нам урок. Мне, по крайней мере. Я получила полезные сведения (для тебя, данные) о том, какой ты засранец. Пока».

Он развалился на стуле и позволил себе насладиться чувством облегчения.

«Ты сорвался с крючка». Отлично. «Ложная тревога». Уф! «Засранец». Гм… Однако…

Уж не собирается ли он подражать ей. Поднимать шум из-за пустяков?

Ральф вернулся к себе в кабинет, добавил к бедламу на столе заметки к лекции и рухнул в кресло. Лекция прошла не блестяще. Он никак не мог собраться с мыслями. Стоит ли на время

держаться подальше от Ирэн, дать ей остыть? Чего ему на самом деле хочется?

Слишком много сразу навалилось. Зазвонил телефон.

Харкин даже не поздоровался:

— Я выжал немножко дополнительного времени наблюдений. Результаты уже отправил по е-мэйлу.

— Голос у тебя усталый.

— Скорее… озадаченный. Он повесил трубку. Сообщение уже пришло.

Ральф долго разглядывал изображение. Оно было куда ярче прежнего. Огромный выброс энергии.

Мысли неслись вскачь. Результаты Фанти, а теперь это. Карта, снятая Харкином при 4,8 гигагерца еще раньше, так что она не противоречит ни Фанти, ни этому. Временная последовательность некого события, протекающего быстро — за несколько дней или часов.

Это была не нейтронная звезда.

Она была ближе, меньше и у них на глазах отправилась в преисподнюю.

Он склонился над столом, дав полную волю своим прежним соображениям. Уф!

Ирэн ошарашенно смотрела на него:

— Ты меня разыгрываешь!

— Нет. Я знаю, нам еще многое надо обсудить, но…

— Это уж точно.

— …но я не для того послал тебе тот е-мэйл, чтобы вытащить на свидание. — Ральф прикусил губу.

Стены комнаты вращались вокруг него.

— Ты написал… — недоверчиво протянула она, — что это… космический корабль?

— Был. В последние несколько дней с ним что-то случилось. Именно поэтому след за ним, — он постучал пальцем по карте Фанти, — удлинялся. Несколько часов спустя в нем возникла турбулентность и… он взорвался.

Она отхлебнула кофе.

— До него… было несколько световых лет?

— Да, и он направлялся куда-то. Регулярно посылал куда-то передающий луч, вращавшийся вместе с кораблем каждые сорок семь секунд.

Глаза у нее стали круглыми.

— Ты уверен?

— Скажем так, это рабочая гипотеза.

— Слушай, ты устал, может быть, отдохнешь, прежде чем делать выводы?

Он взглянул на нее и заметил морщины у губ:

— Тебе и самой досталось. Извини.

Она выдавила отважную вымученную улыбку:

— Меня встряхнуло. Я в самом деле хочу ребенка. Он затаил дыхание, потом решился:

— И я… тоже.

— Правда?

Они уже обсуждали это, но ресницы у нее удивленно вздрогнули.

— Да. — Он помолчал, вдохнул сквозь зубы и договорил: — От тебя.

— Правда? — Она посидела с закрытыми глазами. — Я всегда мечтала, как это будет.

— Я тоже, — ухмыльнулся Ральф. — Пора переходить к делу.

— Да?

— Да. Уф!

Они поговорили еще немного, заказав выпивку в честь такого события. Улыбки, одуревшие взгляды, сумятица в мыслях.

Потом они, без слов, как-то догадались, что пока сказано достаточно. Есть вещи, которые лучше не торопить, дать им вылежаться.

Они посидели, улыбаясь друг другу, и Ирэн с тихим вздохом произнесла:

— Ты волнуешься. Из-за?..

Ральф кивнул. Как рассказать ей то, что казалось вполне ясным ему и Харкину, но никак не укладывалось в неловкие слова.

— Это разрушает нашу базовую теорию о том, что все, что мы видим в ночном небе, естественного происхождения.

— Ну и что?

— Астрономическое сообщество, знаешь ли, это не Голливуд. Астрономы больше похожи на… жрецов.

Он отпил кофе и уставился за окно. Огоньки на крыльях самолета, заходившего на посадку на дальний аэродром, неярко подмигивали. Всякий видел самолеты, никто не обращает на них внимания. То ли дело межзвездный корабль, давший о себе знать через радиокарту.

Перед ними встанут стены сомнений. Наука требует строгости, так и должно быть. Направление атаки уже ясно, но теперь его ждут долгие труды по обработке данных, множество вычислений. Чтобы ввести новую теорию, требуется строгая логика, принимающая в расчет все прежние теории. Два шага вперед, один назад: сравнение, взвешивание, сопоставление — данные всегда следует оценивать критически. Величественный танец, гавот разума, и надо все время держать в

уме вероятность ошибки.

И все же… когда тебя осеняет счастливая догадка, не упускай ее.

— Тебе нужно поспать. — В ее прищуренных глазах читалась забота. — Пойдем ко мне.

Его накрыла теплая волна счастья. Она здесь, с ним, и вместе они выстоят в предстоящем долгом сражении.

— Знаешь, будет довольно паршиво. Вспомни, каково пришлось Карлу Сагану, когда он всего лишь *допустил* возможность существования внеземного разума.

— Думаешь, убедить людей будет нелегко?

— Взгляни на это так: когда люди сталкиваются с ограниченностью своих знаний, с безмерностью своего невежества, они привычно спускают все на тормозах. Людям нужна уверенность.

Он думал: если мы не осознаем, где лежит граница в разумной степени установленных научных теорий и где начинается безбрежное море неоткрытых истин, разве можем мы надеяться на продвижение вперед?

Ирэн нахмурилась. Он давно знал ее и понял, что она рада случаю поговорить о чем-то большем, чем они двое. Она медленно начала:

— Но… почему же тогда все ваши великие ге-

нии, те, что не сходят у тебя с языка: Хокинг,[31] Фейнман,[32] Ньютон, — смиренно признавали, как жалостно малы пределы наших познаний?

— Да потому, что они были великими, — сухо сказал он. — «А мелкие души шумно провозглашают непоколебимость своих выводов». Ну, отсюда и берут начало все разногласия, сомнения и скепсис. — А корабля теперь уже нет. Мы узнали о нем, увидев его гибель.

Она уставилась на него:

— Я вот думаю… сколько?..

— Это был большой мощный корабль. Возможно, он каким-то образом создавал впереди себя плазму. Потом магнитными полями зачерпывал эту плазму и превращал ее в энергию. И отбрасывал назад, чтобы получить импульс движения. Представь себе реактивный самолет, ракету. Может, он тормозился за счет магнитного поля, не знаю.

— А пассажиры?

— Я… Об этом я не думал.

---

[31] Примечания: 31

Хокинг Стивен Уильям (род. 1942) — один из наиболее влиятельных физиков-теоретиков современности.

[32] Примечания: 32

Фейнман Ричард Филлипс (1918–1988) — выдающийся американский физик, лауреат Нобелевской премии.

— Он большой… был?

— Может… вроде «Титаника». Она моргнула:

— Столько людей.

— Кого-то вроде людей. Направлявшихся к новому дому.

— Может… сюда?

Он моргнул, мысли ворочались с трудом.

— Нет, он двигался в небесной плоскости. Иначе мы бы видели его в виде точки, только голову, без хвоста. Хотя он летел куда-то недалеко.

Она откинулась, глядя на него с выражением, какого он прежде не видел.

— Это все попадет в газеты, верно. — В голосе не было вопроса.

— Боюсь, что так. — Он выдавил скорбную улыбку. — Может, «National Enquirer» уделит мне даже больше места, чем Энди.

Она звонко рассмеялась. Ему так нравилось слушать ее смех. Но тут же на него навалилась вся тяжесть предстоящего. Столько дел…

— Мне придется проверить твою догадку насчет того, что они направлялись к нам. Во всяком случае, мы сможем провести обратную экстраполяцию и вычислить, откуда они вылетели.

— И просмотреть все прежние карты, данные… — (Губы у нее дрожали.) — По прошлым…

— Они разбились. Всей этой жизни больше нет.

Теперь он понимал, отчего она так бледна и невесела. «Только что жили, и вот их нет». Она кивнула, ничего не ответив.

Он взял ее за руку. Прошла долгая минута, и он не нашел другого способа прервать молчание, как только продолжить:

— В SETI[33] за это ухватятся. Найдут исходную звезду, прослушают ее излучения.

Ирэн невесело улыбнулась:

— Мы можем послать им сообщение. Соболезнования. Угу. Комната перестала вращаться, и она потянула его за

локоть:

— Идем.

Устало поднимаясь на ноги, Ральф уже предвидел, какая предстоит драка за его гипотезу. Всегда найдется какой-нибудь Энди, который любым путем рвется к выигрышу. И декан Госсиан…

Продвижение к штатной профессорской должности — процесс долгий и размеренный — и горячка жаркой открытой дискуссии — прак-

---

[33] Примечания: 33

SETI (Search for Extraterrestrial Intelligence) — проект поиска внеземных цивилизаций (первые работы начались в 1960 году в Западной Виргинии).

тически несовместимые понятия. Но это тоже наука. Может, его карьера выдержит предстоящую бурю, а может, и нет, но разве это важно, когда стоишь на берегу огромного океана, вглядываясь в неведомое?

Чревоточина

Она чувствовала, что вот-вот превратится в пюре, и все из-за хитрой бухгалтерии.

— Дай мне инфракрасный, — попросила Клэр.

— Я могу дать тебе полный спектр, — обнадеживающе прошептал голос Эрмы в наушниках.

Перед Клэр возник хаотичный набор цветов, от которого стало больно глазам.

— Ты по-прежнему пытаешься заставить меня смотреть на мир таким способом, черт возьми!

«Возможно, я задела ее за живое, — подумала Клэр, — надавила на нее». Но программное обеспечение не может обижаться, по крайней мере, Клэр так считала.

— Я всего лишь примат. Давай мне по одной части спектра за раз.

Пожалуйста.

— Как скажешь.

Последовало ли за этими словами сердитое сопение? Не важно —

Эрма подчинилась.

Теоретики называли объект, летавший сейчас

на экране, червоточиной[34]. Эта червоточина выглядела как размытый красноватый бублик. Он вращался в бешено сияющем ореоле. На его «коже» извивались сердитые красные змеи. У северного отверстия бублика ветвились желтые и синие молнии, которые, однако, не проходили насквозь. Те же шипящие вспышки обходили и южное отверстие, но молнии на севере не отвечали им. Где-то на этой оси крылась проблема. Именно туда они и должны были отправиться.

— Какова наилучшая траектория, теоретически?

— Подходящей траектории не существует. Математики говорят, что есть несколько входов, но все они предполагают приобретение существенного момента вращения.

— Да, но должно же быть какое-то наиболее популярное предположение...

— У меня есть результаты последнего численно-

---

[34] Примечания: 34

В оригинале рассказ называется «The worm turns», буквально — «Червяк поворачивается». Эта фраза — цитата из Шекспира (Генрих VI, часть третья). Смысл ее в следующем: тот, кого когда-то втоптали в грязь, рано или поздно отомстит, и все повернется против того, кто сей акт втаптывания некогда осуществил. Цитата, в свою очередь, восходит к старой поговорке «Tread on a worm and it will turn», буквально — «Наступи на червяка, и он повернется». То есть даже самое смирное и робкое существо может дать отпор, если плохо с ним обойтись. (Здесь и далее прим. перев.)

го моделирования, которое ты заказала с Земли.

— О, хорошо. Я всегда чувствую себя лучше после освежающего компьютерного моделирования.

— К вопросу нашей безопасности лучше относиться без вызывающего стресс сарказма.

— Сарказм — это всего лишь еще одна услуга, которую мы предоставляем на нашем корабле.

— Сарказм приводит к стрессу.

— Кого?

— Нас обеих.

— Я что, напряжена?

— Ты выглядишь взволнованной.

— Я думала, ты понимаешь риторические вопросы.

— Ты тянешь время.

— Да, черт возьми. Посмотри на эту червоточину через детектор массы.

И Эрма посмотрела. Все виртуальные изображения, всплывавшие на экранах, были наполнены сиянием, которое не мог убрать даже терапроцессор Эрмы. Эти изображения выглядели слишком хорошо, чтобы быть реальными. Правильные геометрические фигуры путались и переплетались, плавая вокруг вращающегося бублика. Завитки пространства-времени разлетались в разные

стороны, излучая волны со злобным красным шипением.

— Это кажется тебе безопасным?

— Я бы сказала, что моя резервная копия каждый раз сбрасывается на Луну по лазерному лучу.

— Ага, ты бессмертна, пока я плачу за твое использование.

— Я могу найти другую работу...

Клэр улыбнулась. Эрма редко начинала произносить фразу, если не знала, чем ее закончить. Возможно, ее диалоговая программа сейчас общалась с обширной сетью сенсоров, развешанных по всему корпусу «Серебряного люггера». Эти сенсоры измеряли все, что только можно, по мере того как корабль осторожно приближался к завихряющейся червоточине.

— Что ты там говорила?

— Я отвлеклась. Я считаю, что вероятность успеха этого предприятия достаточно высока. Однако я ни за что не поручусь, если мы будем висеть возле этого странного объекта.

Может ли программное обеспечение нервничать? Эрма не была такой в прошлый раз, пять лет назад, когда они поймали злосчастную червоточину. После этого астрофизики начали ломать

голову, пытаясь расширить ее так, чтобы через нее мог пройти корабль — и облажались. Ученые подталкивали ее, зондировали, и в итоге каким-то образом добавили ей момент вращения. Они случайно преобразовали все пространство-время вокруг того, что ранее являлось чем-то более или менее предсказуемым. Они толком не знали, что делать с червоточинами. В конце концов, она у них была одна-единственная — вот эта вращающаяся, наполненная энергией, сожравшая великое множество зондов, но ничего не выплюнувшая обратно.

— Нам нужно подобраться ближе, чтобы определить, где здесь возможные входы.

Вдоль оси червоточины двигались мерцающие глыбы, определенно состоявшие из какой-то экзотической материи. Эти глыбы, похоже, тоже вращались. Клэр много раз предупреждали о том, чтобы она не соприкасалась с этими глыбами. Предыдущие зонды от этого распадались на элементарные частицы.

— Вообще-то входов тут два, так? Северный и южный полюса этой релятивистской карусели. Но от оси надо держаться подальше.

— Да. Я думаю, наше вращение тоже имеет значение. Предыдущие зонды пробовали изме-

нять свой момент вращения, и некоторым из них удавалось какое-то время после этого посылать отчетливые сигналы.

— Конечно, где-то секунд десять. Я рассчитываю, что моя стратегия «схватил и убежал» займет примерно столько же времени. Согласно нашему контракту мы должны только снять кое-какие данные и вернуться домой. Ни один зонд не вернулся?

— Вернулся, если считать частицы углерода.

— А этот зонд что, был керамический?

— В том числе.

С помощью сенсорного управления Клэр получила теоретическое расстояние до червоточины, плавающей в космосе в магнитных зажимах в ста метрах от нее. Вихри вывернутого пространства-времени хлопали по металлической коже корабля, заставляя зубы Клэр стучать.

По экранам шли брызги бело-желтой пены, обозначавшей гравитационную турбулентность вокруг них.

— Бублики есть бублики, Эрма. Давай быстренько засунем внутрь наш нос.

А все из-за хитрой бухгалтерии.

* * *

Лунные ребята с чемоданчиками добрались до

нее даже прежде, чем она успела распаковать вещи. Она надеялась устроить непристойный поход по барам, чтобы избавиться от воспоминаний о том, как два года перенаправляла кометы. Она как раз собиралась забраться под пенный душ и проторчать там час или два, чтобы снова почувствовать себя человеком, потом покричать на кого-нибудь, кроме Эрмы, и тут ее дверной звонок исполнил Баха.

Она не ответила. Но они все равно вошли.

— Эй! Я снимаю эту квартиру!

Высокий даже не моргнул.

— Мы можем прямо сейчас посадить вас под замок, и это будет абсолютно законно.

— Последнего, кто попробовал это сделать, я в итоге едва не заморозила.

Низкий, который определенно любил поесть, самодовольно произнес:

— Мы проверили. Тогда вы не пошли дальше угроз.

— В вашем случае я могу сделать исключение, — по ее лицу растеклась улыбка, и она сощурилась на коротышку, который нервно моргнул и невольно отступил на шаг. Она отругала себя за использование столь простого приема, но, в конце концов, ей же требовалось немного отды-

ха, черт возьми! Забавно было бы завалить этих двоих, а заодно потренировать застоявшуюся сердечно-сосудистую систему.

— Ты уже по уши в долгах, — высокий улыбнулся от уха до уха, но в его оскале не было ни грана теплоты. — Это служащий судебного ведомства, — кивок на толстяка, — а я бухгалтер проекта. Нам предписано конфисковать твой корабль.

— Тот, последний, тоже так говорил. Но я выкарабкалась.

— Да, восхитительно. Но твой бизнес по буксировке комет переживает трудные времена, — заметил высокий.

— Слушай, за меня поручится вторая по размеру корпорация в мире.

Толстяк все еще моргал, приводя в порядок свою самооценку.

С учетом его комплекции это было непросто. Высокий иронично улыбнулся и без приглашения опустился в гравитационное кресло.

Она следила за тем, как он садился, как его ноги сгибались, словно демонстрируя принцип рычага, и с удивлением почувствовала, как начинает возбуждаться. «Меня не было о-о-очень долго», — подумала Клэр.

— Думаю, из этого маневра ничего не получит-

ся, — мягко произнес высокий.

— Давай все же попробуем, — оптимистично заявила она. Заморозка этих парней представлялась все более и более привлекательным вариантом. Она устала, все еще приспосабливаясь после установленной у нее на борту стандартной марсианской гравитации в 0,38 g. За время последнего полета ее номинал поднялся до 1,4. Хотя при действовавшей на Луне стандартной гравитации в 0,18 она чувствовала себя прекрасно, ее рефлексы не могли противостоять этим двоим. Возможно, она потеряла форму с этой работой, хотя ее 64 года — это не так уж чертовски далеко от среднего возраста.

Сейчас же, пока она не вспомнит, куда положила свой станнер, лучше обойтись без резких движений. А может, просто вывести из игры толстяка, пока она будет заниматься высоким? Эта мысль ей понравилась. Удовольствие прежде работы — ее главное правило.

— Даже не пытайся давить на нас.

Добавим льда. Немного наглости:

— С чего вы взяли, что можете просто так ввалиться сюда?

Толстяк, робея, отступил, ссылаясь на какой-то закон, согласно которому они могли проходить

на территорию, находящуюся в собственности должников, не выполнивших свои финансовые обязательства, и с этого момента она перестала слушать.

Эти ребята были чертовски серьезны. Они привыкли приносить людям неприятности, так они зарабатывали себе на жизнь. Возможно, на сегодня у них было заготовлено еще несколько неприятностей.

— ...мы понимаем, что вы, наверное, должны адаптироваться, прежде чем нам придется... — бормотал толстяк.

— Прежде чем прибудет ваша тяжелая артиллерия? — спросила она.

— Мы верим, что такие методы не потребуются, и даже не рассматривали подобной возможности, — мягко вступил высокий.

Все это штампы, прямо из учебника по бизнесу. И ребята, наверное, никогда не покидали пределов Луны.

— Слушайте, я не виновата в том, что проклятое кометное ядро расклеилось, прежде чем мы сумели доставить его на лунную орбиту. Вам же тут нужны легкие элементы. И вы живете благодаря буксировщикам вроде меня, разве не так?

Высокий кивнул и с некоторым усилием при-

дал своему лицу дипломатичное выражение.

— Я знаю, вы думаете, что бухгалтеры и юристы весьма надоедливы, но...

— Не все адвокаты надоедливы. Бывают ведь еще и мертвые юристы.

— Мы с коллегой не спрашиваем вас о причинах неудачи...

— Я не отвечала за защиту льда кометы от солнечных вспышек. Мы использовали стандартное отражающее покрытие, чтобы лед не растаял. Но та мощная вспышка уничтожила все покрытие. Это не мои обязанности! Из-за того шторма выкипел весь чертов айсберг. Он растрескался за час и убил двух женщин, которые...

— Мы прекрасно об этом осведомлены, — голос высокого скользнул в разговор, как змея.

Он, наверное, заранее планировал эти переговоры. В подтверждение собственной точки зрения он взмахнул рукой и нажал несколько кнопок на поясе. В воздухе между ними повисла ее бухгалтерия, мерцающая, словно водопад. Все цифры имели определенный цвет, и ее долг сиял ярко-красным. Целая лавина долгов. Она нахмурилась.

— Но у тебя... есть... выход, — медленно произнес высокий.

Она кокетливо улыбнулась, изогнула брови и ничего не сказала. Она давно уже выучила, что если позволить человеку говорить, любовь к собственному голосу может завести его дальше, чем он планировал. Люди будут болтать, болтать и в итоге, излагая какую-нибудь историю или поучительный рассказ, скажут что-то полезное.

Она неоднократно использовала этот принцип, а саму идею ей подарил дедушка, известный своей лаконичностью. Патриарх косился на нее, пока она занимала гостей какой-то длинной историей на большом семейном ужине. По окончании все вежливо улыбнулись, и общий разговор продолжился через несколько секунд после того, как дедушка наклонился вперед и прошептал: «Никогда не упускай шанса заткнуться». Она опешила, рассердилась, но сочла за лучшее усвоить урок.

Высокий произнес со слабой улыбкой:

— Мы можем обсудить возможности, а можем забрать твой корабль.

— О, вы так добры, — она испустила долгий вздох.

— У нас есть весьма великодушное предложение.

— Они у вас все такие, — она наблюдала за его руками. И за длинными пальцами...

— Корпорация спрашивает, не заинтересованы ли вы еще в одной экспедиции.

— Давайте я угадаю. Появилась очередная червоточина, застрявшая в солнечной короне? И нужно, чтобы кто-то ее достал. Как в прошлый раз.

Еще одна холодная, расчетливая улыбка. И почему ей нравятся такие парни? Ну ладно, прошло много времени, а технология может сделать для одинокой женщины не столь уж многое. Но все равно...

— Нет, к сожалению. Хотя могу заверить: то был весьма храбрый и заслуживающий уважения поступок. Я слышал, кто-то снял об этом фильм.

— Если вам интересно, то те деньги я тоже потратила.

Его маска слегка соскользнула, но он вернул ее на место в мгновение ока.

— Уверен, вы потратили их на нечто стоящее.

— Ага, я потратила все на себя.

Похоже, высокий любил долгие прелюдии и только после них переходил к сути. Что ж, она тоже любила долгие прелюдии, только не в том деле, о котором он сейчас говорил.

— Речь идет о той же самой червоточине. Только она изменилась.

— Она убежала?

— Нет, она защищена магнитными полями и удерживается в открытом космосе на высокой лунной орбите. Эксперименты корпорации по расширению ее «рта», чтобы таким образом дать человечеству возможность межзвездных путешествий...

— Постойте, как корпорация заполучила эту червоточину?

— Ну, они привели в действие возможности консорциума холдинговых компаний, которые согласно межпланетным законам имели дальнейшее...

— Оставьте свой жаргон. Они купили ее?

— Ну, можно сказать и так.

— Как хочу, так и говорю.

Сейчас высокий игнорировал толстяка, который сидел в другом углу комнаты. Клэр продолжала стоять. Это было едва ли не единственное ее преимущество перед парнями, использовавшими свой рост, чтобы создавать ощущение превосходства над женщинами.

— Я не техник, — высокий свернул светящуюся бухгалтерию и поднял одну бровь. Черт! Она возбуждалась даже от этого. Лучше бы ей действительно уйти отсюда и отправиться в поход

по барам, чтобы спустить накопившийся за два года пар... — Но червоточина, которую вы захватили... изменилась. Я не уверен, в чем именно была трудность, но когда корпорация пыталась сделать «рот» червоточины достаточно широким, чтобы в нее мог пройти корабль — такой, как ваш, например, — это каким-то образом придало червоточине момент вращения.

В результате появилась червоточина нового типа.

— Какого типа? — осторожно спросила Клэр.

— Скорости ее вращения достаточно для того, чтобы изменять саму природу пространственно-временной геометрии. — Высокий пожал плечами, как будто изменяющиеся червоточины были чем-то вроде погоды, мол, «что с ней поделаешь?» — и зевок.

— Эй, я наемный буксировщик. Я сняла эту червоточину с ее насеста на магнитной дуге и оттащила к Земле. Вот и все, что я знаю. Точка.

— Да, но вы обладаете определенным талантом работы в неожиданных ситуациях. Именно то, что нужно корпорации. И немедленно.

— Потому что?..

— Потому что некоторые правительственные учреждения хотят заполучить червоточину.

— Земные ученые.

Еще одно пожатие плечами в духе «что тут поделаешь?». Очень выразительно. Этому парню надо бы на сцене выступать.

— Они обратились к Организации межпланетных наций.

Она позволила тишине вырасти. Это был важный момент. Во многих переговорах искусные паузы делали большую часть работы. Пусть тишина продолжается... а затем...

— Трудно, наверное, танцевать на струнах, натянутых аж до самой Земли.

Высокий вновь пожал плечами, не отрицая этого. Худой и мускулистый, он был самым привлекательным мужчиной, которого она видела за эти годы. А также и единственным мужчиной. Если не считать толстяка, который с таким же успехом мог находиться сейчас хоть на Плутоне. Она посмотрела на высокого, размышляя, хорош ли он во всех делах или же только в определении социальных сигналов.

На Клэр были надеты обтягивающие кожаные штаны тигровой раскраски, но никто из двоих не бросил на них ни единого взгляда. Старое доброе женское правило гласило: ни один парень не должен замечать, какая на тебе обувь, а если

заметит, значит, это не тот парень.

Высокий ничем себя не выдал. Ни эмоций на лице, словно в покере, ни взгляда в глаза — ничего.

Он осторожно произнес:

— Научный совет Организации межпланетных наций получил связывающий нас по рукам и ногам судебный запрет, который вступит в силу через... — высокий посмотрел в сторону, наверное, сверяясь с часами, возникшими в его внутреннем зрении, — семнадцать часов.

— Семнадцать часов...

— И сорок восемь минут.

— Никто не сможет...

— Вы сможете, — заявил он, внезапно заторопившись. — У вас есть опыт. А наши техники уже пробовали все, что умели, но безрезультатно.

— Кто-нибудь погиб?

Его лицо стало бесстрастным.

— Я не могу обсуждать это. Правовые вопросы...

— Ладно, ладно, — она чувствовала, как агрессия покидает ее. Какого черта, в конце концов! Она спала почти всю обратную дорогу до Луны, возвращаясь после неудачи с кометой. Она отдохнула и сыта. Был, конечно, и голод другого

рода... Душ можно сократить. Пойти по барам, найти парня, переспать с ним, затем сесть на «Серебряный люггер»...

— Хорошо, я в деле, — она уперла руки в бока, принимая командную позу. — Но нам нужно кое-что обсудить.

— Времени мало, но мы готовы.

Она рубанула рукой воздух, указывая на толстяка, который недовольно надулся.

— Ты уходишь, он остается. И мы вдвоем обсуждаем сделку, мое вознаграждение. Ведь корпорации нужно, чтобы все было выполнено как можно скорее, так?

— Хм... да, — глаза высокого блеснули. Ее намерения настолько очевидны?

Что ж, пожалуй... Это сэкономит время им обоим. Да, можно пожертвовать походом по барам. Но не душем.

— Давай... давай сделаем это, — выпалила она.

Может, душ на двоих?

* * *

— Мы должны двигаться внутрь или наружу? Эта червоточина изменяет саму структуру пространства-времени вокруг себя. Теоретики предсказывали подобное. Я чувствую, как нас тянет. Здесь небезопасно.

— Если как следует задуматься, то безопасных мест не бывает, — она вспомнила высокого. «Некоторые вещи на самом деле лучше, чем кажутся. Может, выяснится, что в этой червоточине нет ничего опасного, когда ты через нее проскочишь. В конце концов, ни один из зондов не был достаточно сообразительным. Искусственный интеллект весьма искусен, но у него нет интуиции. Нет животных инстинктов».

— Мы можем сделать это. Давай повернемся вокруг нашей главной оси и нырнем через северный полюс.

— Мы поворачиваемся. Держись.

Ось корабля в любом случае проходила через Клэр, так что она ничего не почувствовала, когда комната начала вращаться. Передний экран показал, как они входят в червоточину. Корабль начал дребезжать и постукивать, будто взлетал на волнах, разбивавшихся о нос.

— Знаешь, я вроде как надеялась, что у меня будет время поговорить обо всем с теоретиками.

— Ты сказала, что долго плескалась в душе.

— А, ну да.

— Одна?

— Это вне твоей компетенции. У тебя ведь нет тела.

— О, господи. — Это было сказано фальшивым, высоким английским голосом, словно пародировавшим Джейн Остин[35].

— Слушай, давай на время оставим сплетни! Почему эта штука похожа на вращающийся бублик?

— Согласно моей базе данных, червоточины не туннели. В нашем пространстве они представлены в виде твердых тел. Для того чтобы пройти через них, с ними нужно слиться. Это не то же самое, что просто пройти через трубу.

— А эта вращается.

— Определенно. Изменения, которые внесли ученые, пытавшиеся расширить ее, добавили ей момент вращения.

— Червоточины связывают частицы пространства-времени, значит... эй, получается, они связывают частицы пространства и... э... частицы времени? — Уже не в первый раз она пожалела о пробелах в своем образовании. Клэр закончила всего на один класс больше, чем те, кто занимается обычным ручным трудом.

---

[35] Примечания: 35

Джейн Остин (1775—1817) — английская писательница, провозвестница реализма в британской литературе.

— Я читала, что Гёдель[36] решал уравнения единой теории поля в их классическом пределе, для вращающейся вселенной. Он пришел к выводу, что время способно образовывать петли. Он, правда, сделал это, чтобы проиллюстрировать свое утверждение о том, что время в какомто смысле бесконечно, своему другу Эйнштейну. Они были, так сказать, приятелями. Приятелями-физиками.

«Я никогда не получу прямого ответа, пока не упрощу ее», — кисло подумала Клэр. Возможно, следовало вложить деньги в ее обновление, чтобы придать этой программе более мужской характер. Но тогда пришлось бы иметь дело с прямолинейной мужской логикой. Всегда приходится чем-то жертвовать.

— Очень мило, но что это значит?

— Вращающаяся червоточина поворачивает пространство и поворачивает время. Я думаю.

— Ты думаешь?

— Любую червоточину можно превратить в машину времени, вращая ее вокруг собственной

---

[36] Примечания: 36

Курт Гёдель (1906 — 1978) — логик и философ науки. Гёделю принадлежат работы в области дифференциальной геометрии и теоретической физики. В частности, он написал работу по общей теории относительности, где предложил вариант решения уравнений Эйнштейна, из которого следует, что все события в мире повторяются.

оси с большой скоростью. Нашей червоточины с ее моментом вращения это определенно касается в еще большей степени.

— Хм... нам нужно больше информации. Как насчет той библиотеки, которую я купила для тебя?

— Я использую ее, чтобы просматривать...

— Просматривать что? Порнуху?

— Ты имела доступ к моим подпрограммам! И ко всем моим запросам в научной базе данных!

Великолепная Эрма. В первую очередь переводит разговор на другую тему, а затем добавляет оскорбленное достоинство.

— Покажи мне с цветовой кодировкой.

Магнитные волны на экранах играли и покрывались зыбью, словно светящаяся пшеница, которую колышет легкий ветерок. Червоточина извивалась и шумела в их хватке. Голубые молнии переплетались и ударялись. Червоточина дробила и свертывала свет, словно взбалтывая пространство ложкой.

Клэр осторожно стронула с места «Серебряный люггер», добавляя антиматерии в камеры.

Это больше походило на серфинг, чем на полет. Они пробивали себе путь вниз. Вихрь ощупал их. Подхватил.

— Мы входим, — это было гораздо лучше, чем

тягать тоскливые кометы. Буксировка комет больше походила на доставку молока, от двери до двери. А опасность никогда не бывает скучной.

Потом все вокруг пошло рябью. Растянулось. Загромыхало. Клэр видела, как синусоиды метались по стенам, не разрывая ничего, а просто шлепая по стали, словно океанские волны.

Сердце Клэр тяжело забилось. Сквозь ее кресло провальсировал тревожный шум. Кожаная обивка покрылась морщинистой рябью, словно ее скручивали. Клэр чувствовала, как гравитационные струйки проходили и сквозь ее тело. Они, словно торнадо диаметром с сантиметр, закручивали ее униформу. Клэр напомнила себе о том, что пилоты не должны поддаваться страху до тех пор, пока полет не закончится. А затем напомнила еще раз. Это стало ее мантрой.

Магнитные захваты остались позади, и корабль нырнул в вихрь. Клэр почувствовала себя какой-то резиновой, а потом ее желудок попытался выбраться на волю через горло. В нос ударил запах желчи. Ускорение принялось швырять ее тело из стороны в сторону, словно тряпичную куклу. Клэр почувствовала, как ее кожа растягивается сразу в нескольких направлениях. Гравитационные силы походили на ребенка, то-

ропящегося порвать упаковку, чтобы добраться до рождественского подарка.

— Как... у нас... дела?

— Никак.

— Что?!

— Мы зависли во вращающемся ядре бублика.

— Я... могу... вывести... нас... — но пальцы Клэр сейчас больше напоминали сосиски.

— Нет, не можешь. У тебя нет плана. Думаю, управление должна взять я.

— Ты... программа... — одна короткая фраза забрала все оставшиеся силы. Воздух был липким, словно грязные волосы. — Дай максимальный поток антиматерии. Выбей нас отсюда.

— Наружу или внутрь?

— Наружу... это куда?

Эрма издала нечто похожее на раздраженный вздох.

— Я надеялась, ты это знаешь.

— И ты хотела перехватить управление? — раздражение помогло Клэр. Она даже сумела закончить фразу. — Вперед — это туда, — она чуть качнула подбородком по направлению к полу. — Наверное...

Антиматерия взвыла, встретившись в камере со своим противником. Комната закрутилась

вокруг Клэр настолько быстро, что размылась в жидкость. Зубы застучали. На экранах не было ничего, кроме тьмы. Насколько велика эта штука? Пробирались ли они через бесконечность или тонули в ней еще глубже?

— Ты посылала лазерные импульсы? Микроволны?

— Конечно. Ничто не вернулось.

— Может, эта штука — идеальный поглотитель? Хотя идеала не бывает...

Нечто, распространяющее яркую синеву, надвигалось на них.

И быстро. На долю секунды Клэр увидела вдалеке странный корабль.

А затем все исчезло. Это было единственное, что мелькнуло перед ними. Они находились во тьме?

— Входящее сообщение.

— Что? Как... Не важно, прими его!

— Там говорится: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь».

— Это одна из твоих шуточек?

— Я не шучу. У меня нет такого программного обеспечения.

— Кусать себя за хвост? Что это... О...

— О?

— Возможно, имеется в виду Гёдель? Но кто же это сказал?

— Кто находится здесь вместе с нами? Не знаю. Я всего лишь программа.

Клэр фыркнула. Она потела, хотя в корабле было холодно. Ее пульс участился. Это, конечно, интересно, но сейчас они находились в гравитационном смерче. Кресло присоединилось к кружившемуся вокруг торнадо, и долго это продолжаться не могло. Насколько же протяженной может быть червоточина?

На корабль надвинулась какая-то светящаяся штуковина — или, по крайней мере, эта штуковина стала больше. Она смахивала на крем со светящимися комками.

— Что это?

— Согласно моей базе данных, червоточины связаны между собой экзотическим материалом, чем-то вроде материи, обладающей «отрицательной средней плотностью энергии». Что бы это ни было, оно должно возникать при их зарождении. Эта материя пронизывает все червоточины.

— Хм… отличный строительный материал, если сможешь его достать. Для нас, впрочем, бесполезный. А выбраться отсюда мы все-таки сможем?

— Не знаю.

— И ты еще заявляла, что у меня нет плана.

— Постой... я чувствую что-то яркое... приближается...

Чернота снаружи покраснела. Затряслась.

Корабль внезапно вывалился наружу — в голубой шторм. На экранах сокращалась точная копия уже знакомой им червоточины. Вокруг нее искрились радуги. Корабль словно споткнулся и перевернулся. Мимо пронесся горячий газ со светящимися красными и синими вкраплениями. Между кораблем и яркой зловещей звездой висел огромный газовый гигант. Корабль тряся и вращался. Его уносило от газового гиганта мощным ветром.

— Этот газ утаскивает нас от червоточины. В основном это молекулы водорода, очень горячего — поэтому и цвет у него голубой. Газ идет из атмосферы планеты. Мы находимся очень близко к звезде — примерно так же, как Меркурий от нашего Солнца. Но эта звезда меньше нашей.

Клэр уставилась на экраны. Красноватая звезда испаряла ходившую волнами атмосферу газового гиганта. Он походил на комету с длинным хвостом. Гигант был обречен двигаться вокруг своего мучителя, разрывавшего его на кусочки.

С газового гиганта сорвалось розовое перо и

направилось к «Серебряному люггеру». Завихрения, возникавшие в хвосте, не предвещали ничего хорошего, и корабль находился как раз рядом с ними.

— Моя навигация не работает в этом газе. Я не могу пилотировать...

— Я возьму шлем, — Клэр боролась за то, чтобы развернуть корабль. Их реактивные двигатели едва могли выжать достаточно тяги, чтобы состязаться со здешними ветрами. «Ветры в космосе, — с ужасом подумала Клэр. — Это даже хуже, чем та дуга в солнечной короне... из-за которой мы чуть не погибли».

Даже начать поворот было трудно. Клэр вспомнила те времена, когда наслаждалась мореплаванием. Сначала дать ветру увлечь тебя, а затем резко изменить траекторию, когда позволят направление и вращающий момент...

Клэр разрешила волне подхватить заднюю часть корабля, уменьшая угол между кораблем и струей. Мимо пронесся клубок злобного фиолетового газа. В бок ударили горящие осколки. Экраны не показали потери давления, зато продемонстрировали, что сжигающие, пожирающие ветры сильно истончают оболочку. Стабилизировать курс удалось далеко не сразу. Корабль все

еще мотался из стороны в сторону, словно лодка в шторм.

— Черт! Мы должны были только провести разведку и вернуться домой. А тут творится что-то невероятное. — Ей никогда еще не доводилось плавать в космосе. Нет способа оценить повреждения корабля, нет четких правил навигации. — Но... где червоточина?

— Я потеряла ее. Мы слишком быстро двигались, нас унесло прочь. Я попыталась примагнитить маячок, но ничего не получилось — он не прилип.

— Сложно, наверное, приклеиться к пространству-времени, — заметила Клэр. Как вообще можно что-нибудь прикрепить к червоточине?

Она отвлеклась, причаливая и поворачиваясь относительно клубящихся берегов горячего водорода.

— Что же произошло с червоточиной?

— Возможно, она находится на стабильной орбите, где ее гравитационные силы уравниваются с силами водородного ветра.

— Значит, она осталась позади. Где-то.

Корабль постепенно повернулся и перестал трястись. Клэр вывела его за границу шторма и двигалась туда, где плотность газа была мень-

ше. Голубые полосы остались позади. Красный туман побледнел. Они постепенно выбирались в открытый космос. Появились обнадеживающе мерцавшие звезды.

Теперь Клэр увидела здешнее солнце под другим углом, глядя назад вдоль туманного края газовой струи. Распадающаяся планета казалась круглой шишкой на ослепительном желто-белом солнечном диске. Неожиданно вблизи корабля обнаружился полумесяц планеты с двумя лунами. Знакомых созвездий не наблюдалось, небо казалось более ярким, в нем было больше звезд, а еще между двумя звездами плавало сферическое звездное скопление, похожее на цветок из слоновой кости.

— Есть идеи по поводу того, где мы? Можешь найти какие-нибудь ориентиры?

— Я пытаюсь, но ни одна из здешних звезд мне не знакома. Мы очень далеко от Земли.

— Продолжай попытки. Может, нам еще придется возвращаться домой пешком.

«Другая звездная система. Далеко от Земли». Клэр охватил ужас, и она шепотом велела Эрме просканировать все вокруг. Иными словами, она была потрясена, брошена на произвол судьбы, но страх по капельке отступал. Ей все-таки уда-

лось подумать об этом, как об очередной работе. Теперь все, о чем постоянно зудела Эрма, все это были лишь детали, мелочи, пустая болтовня. Вот это было настоящим.

Что-то настигло их на большой скорости. Корабль затрещал.

— Что за...

— В корму врезалась большая мягкая масса.

— Мягкая?

— Она почти не причинила вреда, но добавила нам импульс.

В космосе вокруг Земли не было ничего мягкого. А уж кометы — тем более.

— Удаленное сканирование.

— Множество мелких объектов. Близко, приближаются еще.

Экран заполнился формами. Медуза, похожая на яичницу, присосалась к оболочке корабля. Мимо продрейфовал покрытый бородавками огурец. Пролетели янтарные карандаши, выпускавшие из трубок сзади горящий голубой газ. Надвигалось нечто, похожее на белый солнечный парус, наматывавшийся на мачты.

— Просто безумие.

— Да, волнующе. Это не машины — по крайней мере, не машины из металла и керамики, управ-

ляемые компьютерами. Они живые.

Клэр с удивлением смотрела на многообразие форм. Гравитация навязывала простую геометрию — цилиндры, параллелепипеды, сферы. А здесь имелись легкие новые формы: спицы и лучи, ромбоиды, толстые кривые. Неровная кожа и колючие раковины, резиновые ветки, гладкие зеркала — и все это в одном вращающемся скоплении.

— Они питаются водородом, понимаешь? Выведи наружу ботов.

Оцени повреждения. И посмотри, смогут ли они что-то сделать с этими штуками.

— Я не имею ни малейшего понятия о том, как...

На корабль надвинулись угловатые формы, то приближаясь, то отступая, определенно оценивая поживу. Если бы речь шла о подводном мире, Клэр назвала бы их иглоносыми хищниками. Все эти создания были гораздо меньше «Серебряного люггера», но ей не нравилось их количество. Они собирались в стаю. Они, кажется, прилетали сзади, от бледно-голубого потока, как будто пировали в водороде, прячась среди потоков, а затем выбрались за новым кормом. Хищники и добыча в глубоком вакууме? Или это больше похоже на

жизнь внутри облака?

— Ладно, будем импровизировать. Боты развернуты?

— Вылезают из люков.

Клэр видела нечто тяжеловесное, гуляющее по серебристой оболочке корабля на магнитных присосках. Кишащее неведомыми созданиями рубиновое небо отражалось в корпусе, удваивая возбужденный рой. Космические формы жизни кружились и метались из стороны в сторону в своих разношерстных стаях. Когда боты выбрались на поверхность корабля, эти создания отступили. Они все-таки больше напоминали воздушных змеев, чем птиц. Боты были твердыми, жесткими и, вероятно, не представляли никакого интереса для тех, кто питается газом.

Каждый бот занялся своей ячейкой, следуя заданной программе. Боты находили разрывы и выбоины, быстро заполняя их заплатками.

Клэр всегда нравилось заниматься текущим ремонтом, если возникала серьезная проблема. Это давало ей время подумать.

Итог получался безумным. Теоретики решили, что эта червоточина является дверью, которую давно не использовали. Поэтому ее противоположный конец, или концы, поскольку никто не

знал, может ли у червоточины быть несколько «ртов», должен был находиться в открытом космосе, вероятнее всего, далеко от звезды. Они думали так, даже несмотря на то, что Клэр поймала эту червоточину в магнитной дуге солнечной короны.

Впрочем, тогда червоточина тоже не была обычной. Она обладала чем-то вроде отрицательной массы. Точнее, нечто на другом ее конце переливало свою массу через эту дыру, заставляя пространство-время вокруг «рта» червоточины изгибаться так, словно у той была отрицательная масса. Теперь эта штука, схваченная техниками, не знавшими толком, что они делают, растянулась и запуталась, быстренько обретя момент вращения и став еще более странной.

Безумно, но реально — не самая любимая для Клэр категория.

— Похоже, никаких результатов, — сказала Клэр сама себе. Наверное, она произнесла это вслух, потому что Эрма ответила:

— Мы делаем великие открытия! Это гораздо интереснее, чем таскать туда-сюда руду и кометы.

— И гораздо опаснее. Хуже всего, что мы не знаем, как вернуться.

Эта водородная колонна просто огромна. Мы не сможем ее обогнуть.

Что вообще такое — здешняя червоточина?

— Мы можем узнать больше, если продолжим разведку. Когда ремонт будет закончен...

Нечто коричневое, похожее по форме на пулю, пронеслось вдоль корпуса. Эта штука отличалась от всех остальных, она была твердой, не легкой.

Что бы там ни было, оно срезало бота и отправило его в самостоятельный полет по космосу. Возвращаясь, штука превратилась из пули в узкую арку. Она сорвала с корпуса еще одного бота и вздрогнула, пролетая мимо.

Клэр начала действовать. На концах «Серебряного люггера» были две лазерные пушки. Когда вышли на связь, Клэр запустила программу поиска и уничтожения. Она сделала это почти мгновенно, но все равно было уже слишком поздно.

Коричневая пуля оказалась настолько быстрой, что у ремонтных ботов не было ни шанса. Их делали для того, чтобы чинить и заполнять бреши, а не драться и отражать нападение. Все боты улетели в космос за несколько секунд.

Клэр молча провожала их взглядом. Она ничего не могла сделать.

Если она выведет на корпус новых, их снова стряхнут, а запасы ботов были весьма ограничены.

Эрма ничего не сказала. Они пытались следовать за несколькими ботами, но тщетно. Спасти удалось только двух. Корпуса их смялись от столкновения.

— Странно. Нападавший, похоже, вынул из них управляющий блок.

— Думаю, они нас изучают, — Клэр нахмурилась.

«Серебряный люггер» какое-то время просто несло течением, а стая живых космических кораблей скользила рядом, словно патруль — карандаши, паруса, пушистые сферы ядовито-оранжевого цвета.

Они были осторожны. Ни одно существо не попыталось проникнуть в корабль через порты на корпусе.

— Предлагаю посмотреть на планету поближе.

— Я хочу найти червоточину. Если оказалась на вечеринке в незнакомом месте, в первую очередь ищи выходы. Я выучила это еще в школе.

— Развивая твою метафору, на эту вечеринку нас совсем не звали.

Местные жители, кажется, дают нам это по-

нять.

— Давай оторвемся от них. Ускоряйся и улетай прочь, давай просканируем планету. А затем вернемся к водородной колонне и будем искать червоточину.

— Звучит неплохо. Я ускоряюсь.

Стая начала отставать. Они могли разворачивать паруса и собирать больше солнечного света, может, они даже умели кататься в водородных ветрах, но «Серебряный люггер» обгонял их на целые минуты.

— Пока мы готовимся — вернее, пока ты готовишься, — давай-ка пораскинем мозгами. Почему червоточина оказалась в этой газовой колонне?

— Думаю, ее туда затащило. Так же, как ее противоположный конец, который мы нашли в солнечной короне. Если кто-то и разрабатывал транспортную систему, использующую червоточины, он вряд ли захотел бы поместить выходы в таких местах.

— А кто же их туда поместил? Кто здесь главный?

— Дай угадаю. Кто-то, кто не хотел, чтобы этими червоточинами пользовались.

— Ага, это утверждение меняет наше представление о червоточинах на диаметрально

противоположное.

— Но любой, кто захотел бы избавиться от червоточины, просто бросил бы ее в звезду.

— Тогда тебя зальет раскаленной плазмой.

— Точно. А если бросить оба конца возле звезд, то звезды будут подкармливать друг друга. Если одна будет получать ту массу, которую потеряла другая, это приведет к изменению в их свечении. Твоя идея ясна. Похоже, хорошего способа избавиться от червоточины не существует...

— Значит, эта система предназначена для ограниченного использования, — Клэр щелкнула пальцами. — Кому здесь это могло понадобиться?

— Думаю, речь идет не о космической форме жизни.

— Хм... Хотя, может, они как-то с этим и связаны.

Корабль поворачивался, все системы работали на полную мощность. Клэр видела, как на диагностических панелях вспыхивают новые команды. Эрма знала свое дело, она умела быстро оценивать ситуацию и ориентироваться в незнакомых условиях. Но в полностью новом мире? Нелегкая задачка для корабля, предназначенного для вынюхивания астероидов с рудой.

Клэр наблюдала за тем, как из своих укрытий выдвигались телескопы, словно расцветали астрономические цветы. Линзы поворачивались и фокусировались, будто целая батарея глаз.

— Я начинаю обзорный осмотр планеты. В полном спектре. В атмосфере есть очевидные признаки жизни. Я могу разглядеть поверхность в инфракрасном свете, но облачный покров очень толстый. Океаны, континенты, достаточно большие шапки полярных льдов. Наблюдаются незначительные радио- и микроволны. Похоже, что здесь... подожди...

Клэр сдвинула брови. Эрма очень редко делала паузы в разговоре. Программы никогда не использовали слова для заполнения речевых пауз, всякие «хм» и «ах». Но чтобы программа совсем замолчала? Это внушало беспокойство. Пауза затянулась. На экранах ничего не возникало.

— У меня... только что был... необычный опыт.

— Я заметила.

Еще одна пауза.

— Нечто... позвало меня.

— Привет? — догадалась Клэр.

— Что-то вроде того... только глубже, с несколькими параллельными нитями разговора, за которыми я не смогла уследить.

— На каком языке?

— В этом вся странность. На моем.

— Э... на английском?

— Я не думаю теми же простыми, двусмысленными терминами, что и ты. Конечно, я знаю, что твои внутренние системы не употребляют эти «слова», которые вы произносите ртом. Ваш мозг устроен гораздо тоньше и совершеннее. Нет, моя операционная система использует сложные комбинаторные нотации. Они позволяют передавать в пакетах множество разных значений. Думаю, так поступает каждый высокоразвитый разум, потому что это эффективно. И сообщение, которое я получила, было сформировано именно таким образом, подтверждая мои догадки.

Клэр моргнула.

— Но кто бы его ни послал, это был чужой. Как они узнали... Ох. Боты.

— Я не подумала об этом, но... да, наверное, они получили информацию из ботов.

— И провели реинжиниринг... ух ты. Они сделали это за несколько минут.

— Да, именно «ух ты». Это словосочетание компактно, как и сигналы в некоторых потоках, которые я обрабатываю. Но в большинстве своем они не такие. Это очень странный разум.

— Поверю тебе... хм... на слово. И что же говорит эта умная штука?

— Что мы должны уйти. Не приближаться к ним.

— А «они»... это кто?

— Они говорят, что это относится ко всей планете. Объединение разумных существ и биосферы — наилучший способ выразить подобный симбиоз в словах.

— Живой мир. Скажем, какая-то система, позволяющая океанам говорить с людьми? Это... ну... это невозможно. Я не могу это осмыслить.

— Я тоже. У меня ведь даже нет живого тела, так что я могу думать об этом лишь абстрактно. Вроде человека, разговаривающего с лесом?

— Мое тело разговаривает со мной, и в основном оно сообщает плохие новости. Например, что у меня болит живот или мышцы. Трудно сказать, что способна сообщить целая планета. «Не бросай это в меня»? И как ты можешь услышать подобное, гуляя по пляжу?

— Думаю, ты подходишь к проблеме излишне практично.

— А я вообще очень практичная женщина. Ладно, воображения у нас все равно не хватает... Подумаем, как это понимать: приказ удалиться?

— Она определенно получила какой-то не очень приятный опыт, связанный с теми, кто проходил через эту червоточину.

— Например?

— Нечто, желавшее завербовать планету и ее симбионтов с какойто целью. Поисков бога или еще чего-то столь же странного.

— Не люди?

— Нет, таких, как мы, они еще никогда не видели.

— Тогда каким образом червоточина оказалась возле нашего Солнца?

— Они каким-то образом избавились от нее. Я не до конца это понимаю. Они, определенно, могут протолкнуть червоточину сквозь пространство, используя угловой момент, примененный к ее дальнему концу, то есть отсюда. Так что они избавились от искателей бога, а затем забросили дальний конец червоточины подальше, и он нашел покой возле нашей звезды.

— Еще более жутко. И это слово — избавились. Что ты имеешь в виду?

— Полагаю, вежливей будет не спрашивать.

— Думаешь, у мировых разумов есть свои протоколы? Нам нужно выяснить...

— Мне казалось, наша цель — вернуться до-

мой.

— Верно. Меньше знаешь — крепче спишь. Как нам выбраться отсюда?

— Следуйте за моими агентами, так она сказала.

— Эти живые воздушные змеи? Они выглядят не слишком дружелюбными.

— Думаю, они исследовали нас.

— Разумно, хотя боты не бесплатны. Впрочем, за билет домой это не такая уж большая цена.

Клэр указала на экраны. Экраны показывали, как многочисленные обитатели космоса прицеплялись к кораблю. Каждое из этих существ вполне могло оказаться отдельным биологическим видом, созданным этой планетой-полумесяцем с двумя лунами. Насколько же сложен был биологический механизм венчания миров с окружающим их пространством? Что могло противостоять этому? Конечно, не слабые лазеры «Серебряного люггера», которые, как выяснилось при быстрой проверке, воздушные змеи все равно каким-то образом сумели отключить.

Так что решение было предельно простым.

— Давай сделаем, как они сказали.

— Я ждала этих слов, затаив дыхание.

— Ты не способна дышать.

— Твой язык богат метафорами. Разум, с которым я говорила, тоже использовал нечто подобное, только на несколько порядков сложнее.

— Не думаю, что я готова услышать цитату. Сохрани это для нашего отчета.

— Мы сообщим об этом?

— А за что, по-твоему, мне должны заплатить? Мы заключили контракт.

— Здешний разум может не захотеть распространения подобной информации.

— Они следят за нашими разговорами? — Клэр моргнула.

— Не уверена. Я, конечно, ничего им не передаю, но...

Еще одна нехарактерная пауза. А затем Эрма сказала:

— Нас прослушивают.

— Наверное, прицепили какое-то устройство на корпус. И почему мы все еще живы?

— Возможно, у них есть некие нравственные нормы. Или они могут думать, что мы посланники другого мирового разума. В этом случае нас можно простить.

— Интересно, почему бы им просто не повесить табличку «Посторонним вход воспрещен».

— Думаешь, это возымеет действие?

— На людей? Ни в коем случае.

Обитатели космоса теперь собрались в густые тучи, как будто готовились к неожиданностям. Клэр закусила губу, вдохнула сухой воздух, циркулировавший внутри корабля, и почувствовала себя очень уставшей. Сколько они уже здесь?

— Знаешь, мы словно мышь рядом со слоном. А слон может передумать или даже просто оступиться. Давай сматываться отсюда.

— Абсолютно согласна.

Планетарное Агентство (надо же было как-то это назвать) разговаривало с ними посредством молний и микроволн, пока они погружались в струю водорода. Когда микроволны с планеты перестали достигать цели, Агентство использовало треск шторма, бушевавшего вокруг «Серебряного люггера». Живые воздушные змеи вели их вперед каким-то странным образом, который Клэр не могла понять, а Эрма сочла вполне естественным. После нескольких часов пилотирования в буре корабль достиг воронки газа возле червоточины. Местные обитатели отступили и ждали, пока корабль нырнет.

— Знаешь, в прошлый раз там было очень... странно.

— Ты осторожна. Но вспомни, что мы не можем

выйти из этой газовой струи.

— В смысле?

— Думаю, Агентство воспримет данный акт как недружелюбный.

— Хорошо. Давай все-таки сделаем это, — Клэр сказала уверенным тоном, хотя ее сердце билось, будто кузнечный молот, и она дважды проверила ремни на своем кресле.

«Серебряный люггер» начал трещать и жужжать. Кожа кресла снова смялась, когда вращение начало деформировать корабль. Красные вихри снаружи с треском сменились темнотой, которая, казалось, тоже каким-то образом скручивалась. Ручейки гравитационной нагрузки формировали их траекторию. Шлем отключился, и корабль снова пришлось вести вслепую.

По кораблю прошлась череда хлопков и свистков. Клэр вела его вперед мощными взрывами антиматерии, но впереди ничего не менялось. Мимо пронеслись куски какой-то зеленой массы. Затем эти куски снова приблизились. Так Клэр и поняла, что они оказались в некоем круговороте, который все рос и рос, вдавливая ее в кресло тяжелой дланью, а затем поворачивая по двум осям сразу. Гравитация росла, а «Серебряный люггер» закручивался, пытаясь укусить сам себя.

Укусить сам себя...

— Слушай, в прошлый раз, когда мы были здесь, кто-то прислал нам сообщение. Как там было?

— В сообщении говорилось: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь».

— И... что это значит?

— Пилот здесь вы, мэм.

— Хорошо, разворачивай нас и ускоряйся в противоположную сторону.

— А как я узнаю наше текущее направление? Это не Ньютоново пространство с фиксированным пространством-временем и...

— Сделай это! Снизь подачу антиматерии, развернись и дай максимальное ускорение.

Эрма издала нечто похожее на вздох. Отклонение и удары усилились, когда они стали делать медленный разворот, словно двигаясь в черной патоке. Клэр скорее почувствовала, чем услышала, как через ее тело идет звук: «вумп-вумп-вумп». Корабль вибрировал настолько сильно, что ей приходилось сжимать зубы.

Подача антиматерии увеличилась, и дребезжание ослабло. Вскоре они уже почти скользили, хотя Клэр и чувствовала пресс центрифуги, давящий на ее тело.

— Работает.

— По крайней мере, тебе стало лучше. В черноте возникло какое-то марево. Оно светилось и парило, живое и сияющее янтарным светом. Космос вокруг него сиял распространяющимися узорами.

— Черт, похоже на инопланетный корабль.

— Ощущения здесь искажаются.

— Поприветствуй его.

— Я получила эхо в ответ.

— Возможно, они нас слышат. Пошли это: «Червяки могут кусать себя за хвост, и ты тоже можешь». Так мы попытаемся... Странный корабль моргнул и исчез. Они продолжили движение сквозь бушующую темноту. Рядом начали вспыхивать странные радужные крапинки. Клэр показалось, что она увидела в них космос с искрами звезд, но потом эти крапинки остались позади. Палуба затряслась от мощного жужжания, будто они двигались на высокой скорости.

— Переходи на максимум.

— Уже. Направляющие силы пытаются обрезать нас вдоль нашего главного луча. Мы не можем удерживать этот уровень...

Они вывалились в обычный открытый космос.

Звезды ярко сверкали — и это были знакомые звезды!

Червоточина вращалась позади. Корабль наблюдателей поприветствовал их.

— Мы вернулись!

— И теперь мы знаем, кто послал то сообщение. Это была ты. Клэр замерла с открытым ртом. У нее болело все тело.

— Но как...

— Пусть об этом думают теоретики.

Тёмные небеса[37]

Тело выглядело вздувшимся и сморщенным. На вид мужчине было за тридцать, но из-за разбухшего лица и выпученных глаз точнее не скажешь. Рубашка и брюки отсутствовали, он лежал в одном белье, грязном и изодранном.

В этом не было ничего необычного. Течения в заливе часто срывают одежду. Помогают в этом и любопытные рыбы, и действительно — из левой икры и бедра были выдраны куски. Кто-то решил перекусить. По груди и животу тянулись длинные выпуклые красные рубцы, и вот это было странным. Ничего подобного Маккенне видеть не доводилось.

Маккенна осмотрелся, но не увидел ничего интересного на илистом берегу, поросшем камышами. Делом предстояло заниматься ему, как старшему местному детективу по расследованию убийств. На побережье его коллег было крайне мало, так что в поддержку ему смогли выделить

---

[37] Примечания: 37

"Dark Heaven," by Gregory Benford. Copyright © 2007 by Gregory Benford. First published in *Alien Crimes* (Science Fiction Book Club), edited by Mike Resnick. Reprinted by permission of the author.

только двух рядовых полицейских, которые по большей части лишь топтались рядом. Парень с фотоаппаратом и видеокамерой как раз заканчивал съемку местности.

Тело не пахло. Как сказал судмедэксперт, оно пробыло в воде не менее суток. Маккенна обошел труп, прислушиваясь к бормотанию эксперта, излагающего предварительные выводы. Под ногами похрустывало.

За пределами Мобила и прибрежных городков тела обнаруживали по большей части егеря, рыбаки или кто-нибудь из участников пляжной вечеринки, забредший в камыши. Этого утопленника, очевидно, вынесло на берег приливом. Нашел его мальчишка, позвонивший в полицию. Признаков, что мужчина утонул при аварии лодки, не наблюдалось. Заявлений, что кто-то пропал во время рыбалки, тоже не было зарегистрировано — это Маккенна проверил еще до выезда, у себя в офисе.

Эксперт с желтовато-землистым цветом лица показал на ветку:

— Стервятники узнали новость первыми.

На кипарисе сидели три канюка.

— Что это за ссадины такие? — спросил Маккенна, не обращая внимания на канюков.

— Не от винта и не от ножа. — Эксперт пожал плечами. — Пока не знаю.

— Когда положишь его на стол, дай мне знать.

Эксперт вставил кисть руки трупа в металлическую коробку с аккумулятором на торце. Он ввел команду, и кисть на мгновение осветила вспышка.

— Что это? — Маккенна показал на прибор.

Эксперт ухмыльнулся, вставляя в него левую руку мертвеца и отпуская правую:

— А я думал, что прохфессор в курсе всех новинок.

Маккенна поморщился. В начале своей карьеры, едва получив звание, дающее право ходить на работу не в форме, он первым в отделе стал пользоваться Интернетом. Он читал порой даже книги, поэтому коллеги назвали его «прохфессор». Маккенна никогда их не одергивал, а потому и остался «прохфессором», который по вечерам любил читать и слушать музыку, а не торчал в барах или рыбачил. Впрочем, рыбалку он любил. На рыбалке хорошо думается.

Эксперт воспринял его молчание как упрек и после второй вспышки пояснил:

— Это новая штучка, считывает отпечатки пальцев. В машине я ее подключу, и она выйдет

на базу данных ФБР и выяснит, кто этот парень. Может быть.

Услышанное Маккенну впечатлило, но он решил снова промолчать. Лучше иметь репутацию молчуна. Тогда, если заговоришь, больше шансов, что тебя выслушают. Он повернулся и спросил полицейского:

— Кто о нем сообщил?

Как выяснилось, звонил один из мальчишек, что толпились возле патрульной машины. Звонил он по мобильному и ничего больше не знал. Сказал, что они с приятелями тут кое-что искали. Что именно, не уточнил.

— Пожалуй, надо подождать результатов вскрытия, а там посмотрим, — сказал эксперт, заканчивая. Работников убойного отдела вызывали на все случайные смерти и даже к тем, кто умер по естественным причинам, если возникали какие-либо сомнения. — Как так вышло, что вы без напарника?

— Он в отпуске.

Маккенна вернулся на берег, решив напоследок еще раз осмотреть мертвеца. Итак, мужчина за тридцать, брюнет, короткая стрижка, усы, шрамов нет. Левое предплечье украшает татуировка с драконом. Если не считать выпуклых красных

полос, опоясывающих грудную клетку, ничего необычного. Эти-то красные полосы и вызвали подозрение в убийстве, поэтому Маккенна и оказался на берегу.

Фотограф сделал еще несколько снимков, полицейские обшарили топкий берег поблизости от мертвеца, но ничего не нашли. Маккенна зашагал было по длинной изогнутой полосе узкого берега, но обернулся. Эксперт уже давал указания двум помощникам, они втроем переложили тело на брезентовые носилки и понесли к труповозке.

— Этот был «поплавок»? — крикнул Маккенна.

Эксперт обернулся и крикнул в ответ:

— Нет, он мало пробыл в воде.

Значит, в заливе труп плавал не больше суток, решил Маккенна, шлепая по грязи к своей машине. Без воздуха в легких мертвецы тонут, если только их не удерживает на плаву пузырь воздуха под нейлоновой курткой или рубашкой. Тело ложится на песок и ил, пока бактерии в животе не выделят газы, которые поднимут мертвеца к солнцу и дальнейшему разложению. Но на это здесь уходит несколько дней, поэтому мертвец свежий. Чтобы это понять, не требуется ждать заключения эксперта, но вряд ли они получат от утонувшего бедняги какие-либо веществен-

ные доказательства, помимо зубов и отпечатков пальцев.

Его догнал эксперт.

— У трупа сильное окоченение. Я бы сказал, что он какое-то время барахтался.

Маккенна кивнул. Тонущий быстро сжигает запас сахара в мышцах, и те коченеют после смерти.

Двое полицейских ковыряли в зубах, прислонившись к его машине, и он молча ответил на их кивки. Маккенна работал сейчас за пределами своей территории, но в такой глуши никто не настаивал на точном соблюдении процедуры. Особенно на побережье. Течения в заливе такие, что тело могло принести из Миссисипи или даже из Луизианы или с Флориды. Тело было телом, а стало трупом, как сказал ему как-то старый коп из Нью-Орлеана. Обрело покой. Оно больше никому не принадлежит.

В начале жизни люди выглядят разными. Но в конце они очень похожи. Вот только у этого появились интересные рубцы.

Маккенна вспомнил, как его вызывали на осмотр тела, которое оказалось тушей давно утонувшего оленя, у которого вылезла вся шерсть. Люди иногда ошибочно принимают за тела лю-

дей крупных собак и даже телят. Но еще никогда и ни на каком теле ему не доводилось видеть такие длинные рубцы на покрасневшей и сморщенной коже. Хотя бы они делают это дело интересным.

Он постоял в утреннем тумане, ползущем от воды, наблюдая, как импровизированная похоронная процессия увозит тело. Первой ехала патрульная машина, хрустя шинами по узкой дороге, усыпанной устричными раковинами. Мальчишки пялились на тело и полицейских.

Для него это была рутина. Наверное, дело кончится очередным висяком. Но что-то во всем этом не давало ему покоя, и он не мог понять что.

Он поехал в Мобил с открытым окном, впуская напоенный ароматом сосен весенний ветерок. Чтобы вернуться из Байю-ла-Бэтри, надо повернуть на север, к шоссе 90, но он продолжал ехать на восток по щебеночно-асфальтовой двухполоске. Возле заправки «Ситго» над проржавевшим кузовом «шевроле эль камино» возвышалась огромная пластиковая курица, указывающая на ресторан «Присядь и отдохни», где фирменными блюдами были креветки, устрицы и свежевыловленная рыба — дары Мексиканского залива.

События в книге, ставшей потом фильмом «Форрест Гамп», частично разворачивались в

этих местах, и они выглядели соответственно. Но «Катрина» и последовавшие за ней ураганы, измолотившие побережье, как разгневанный бог климата, порядком изменили условия дискуссии. Да еще эти инопланетяне.

Увидев людей, входящих в ресторан, он задумался, не стоит ли и ему перекусить. Закат уже окаймил пустое небо розовым, но есть ему пока не хотелось. Дома его ждала бутылка «Пино Григо», а видеть людей он сегодня вечером был не в настроении. Зато ему хотелось прокатиться мимо Центаврийского центра.

Он и взялся за это дело сразу, потому что оно давало ему возможность проехать мимо Центаврийского центра. Теперь он ехал через длинную плоскую равнину в сторону залива, высматривая высокие здания, о которых читал, но никогда не видел. Федералы не подпускали сюда посторонних, но Маккенна занимался сейчас официальным расследованием.

Среди деревьев торчали корпуса кораблей. Два креветколова, не менее восьмидесяти футов каждый, лежали на боку среди падубов и сосен — в доброй полумиле от залива. Носы тонули в зелени, белые мачты и такелаж торчали наподобие выбеленных верхушек деревьев. Их так и не отта-

щили к воде, а ведь прошло уже девять месяцев с тех пор, как здесь пронесся очередной ураган. У федералов есть дела поважнее. Например, строить гнездышко амфибиям с другой звезды. А заодно снижать страховку на новое строительство вдоль всего побережья залива. И не важно, что шикарные апартаменты и многоквартирные дома оказались под угрозой уже просто из-за того, что там находятся.

У самой дороги уткнулся носом в ствол сосны траулер. Маккенна проехал сквозь рой желтых мушек, подняв окна, хотя ему нравился запах болотной травы.

Санитарный врач округа объявил эти корабли угрозой для общественного здоровья. Тогда береговая охрана откачала с них горючее и сняла аккумуляторы, что дало Федеральному агентству по чрезвычайным ситуациям повод заявить, что у него больше нет оснований тратить общественные деньги на восстановление частной собственности, и заявление это было сделано вечером того же дня, когда штат и город подали заявки на «спасение» кораблей.

Ветер рябил воду по сторонам насыпной дамбы, ведущей к Мобилскому заливу. Низкий ивняк и затопленные кипарисы в дальних заводях

уступали место зарослям рогоза, который гасил накатывающиеся из залива буруны. Волны походили на бесконечную армию, одолевшую нефтяные платформы и корабельные флотилии, но бессильно разбивающуюся о последние оборонительные укрепления суши.

Он ехал в сторону Мобилского залива и вскоре увидел то, что осталось от береговой полосы.

Вода искрилась на солнце, волны горячего воздуха поднимались с пляжей, и новые дома на берегу словно колыхались в воздухе подобно флагам из цветной бумаги.

Дома были дорогие, с наклонными крышами и большими, затянутыми сеткой верандами, на сваях, они возвышались над песком на несколько метров. Они напоминали ему дам, приподнявших юбки, чтобы переступить через нечто пакостное.

Он улыбнулся, подумав об этом, и тут же встрепенулся, впервые увидев бункер инопланетян. Тот возвышался в центре острова Дофин, где его возвели, работая круглосуточно, на правительственные деньги и по чертежам центавриан. Большая серовато-коричневая оштукатуренная коробка имела скос на южной стороне. Пандусы опускались на песок в том месте, где на берег накатывались волны. Вход для амфибий, пред-

положил он. Строительство бункера только что завершили, хотя в газетах писали, что делегация центавриан, обосновавшаяся в этой части побережья, живет там уже больше года.

Он сбросил скорость, когда шоссе обогнуло бункер и уткнулось в КПП. К машине подошла женщина, офицер федеральной службы в черной полевой форме. Маккенна протянул удостоверение, и узколицая женщина спросила:

— У вас здесь дело?

— Веду расследование.

— Чтобы подъехать ближе, нужны более веские причины.

— Понимаю. — Лицо у нее оставалось каменным, и он добавил: — Знаете, по моим морщинам видно, что я иногда улыбаюсь.

Ответом ему был тот же холодный взгляд. Маккенна отъехал задним ходом и свернул на дорогу, ведущую от моря. Он немного злился на себя за то, что полез к бункеру вот так, напролом, подзуживаемый лишь любопытством, когда его мобильник заиграл начальные такты «Джонни Би Гуд». Он не понимал, зачем ляпнул ей про морщины, и вспомнил статью, прочитанную на этой неделе. Может, у него повышенное содержание дофамина в организме и тот просто жаждет серо-

тониновой сентиментальности? Не исключено, но что толку от этого знания?

Он нажал кнопку на телефоне, и голос судмедэксперта сказал:

— Может, вам захочется на него взглянуть.

— А может, и не захочется. Уже насмотрелся.

— Тело на столе, личность установлена. Но есть кое-что еще.

Белый кафель до потолка напомнил ему, что это помещение ежедневно моют из шлангов. Это необходимо в сыром жарком климате, потому что крошечная живность, которую едва можно разглядеть, проникает даже сквозь лучшие кондиционеры и проделывает с мертвой плотью пренеприятные вещи. Во всем остальном это была обычная прозекторская. Два стола из нержавеющей стали, шланги автоматических оросителей, покрытые блестящей нержавейкой прилавки, шкафчики и принадлежности на трех стенах. Натужно гудел кондиционер, но трупный запах все равно прослаивал воздух влажным мускусом. Судмедэксперт работал и едва взглянул, когда Маккенна вошел. Держать много специалистов округу было не по карману, поэтому эксперт работал за нескольких.

В безжалостном свете керамических ламп муж-

чина показался моложе. Обнаженные загорелые ноги, руки и лицо, странные выпуклые рубцы. Эксперт занимался привычным делом — прикасался, заглядывал, сдавливал. Пальцы в перчатке прочесали густые каштановые волосы. Пальцы в рот и горло — несомненно, после проверки остальных пяти отверстий с помощью более тонких инструментов. Эксперт внимательно рассмотрел глотку через лупу, покачал головой, как если бы очередная идея не оправдалась, и взял фотоаппарат.

Он осмотрел ступни, кисти рук и гениталии. Прошелся с лупой над ладонями и пальцами, сделал несколько снимков, напугав Маккенну вспышкой и добавив внезапной белизны кафельному помещению.

Эксперт взглянул на Маккенну, словно только что его заметил:

— Помочь не хотите?

Маккенна натянул резиновые перчатки, и они перевернули тело. Осмотр от ног к голове, особое внимание на отслеживание желтовато-белых отметин, края которых теперь стали темно-фиолетовыми. Синяки под кожей расползались, как чернильные пятна. Эксперт взял образцы, потом шагнул назад и вздохнул.

— Должен сказать, что я просто не понимаю. В легких вода, но сердце остановилось еще до того, как он утонул.

— Из-за чего?

— Электрошок. И еще вот… — Он показал на пять колотых ранок на обеих руках. — Странные какие-то, я таких укусов никогда не видел. Значит, придется работать по полной программе.

Полные вскрытия в округе не очень-то приветствовались. Стоили они дорого, а с деньгами в бюджете было туго.

— Зато хотя бы имя установили.

— Этан Ансельмо. По данным ФБР, судимостей нет. Женат, есть адрес.

— Раны?

Насчет больших рубцов — не знаю. Впервые такие вижу. Послал образцы в лабораторию. А проколы на руках… может, он отбивался от чего-то, да только не помогло.

— Пытки?

— Известных мне типов — нет.

— Вдове кто-нибудь звонил?

Эксперт взглянул на него поверх записей, моргнул, стряхивая пот, хотя кондиционер и работал на полную мощность.

— Подумал, что это ваша работа.

Он был прав. Маккенна постучал в дверь дешевой съемной квартиры, та распахнулась, и он увидел женщину лет за тридцать с встревоженными глазами. Он набрал в грудь побольше воздуха и начал ритуал. Вскоре он снова увидел устремленный в бесконечность взгляд новой вдовы. Она все поняла, едва он произнес несколько фраз, описывая ее мужа. Обычно люди не ожидают, что в их дверь постучит вестник смерти. Марси Ансельмо заглянула в бездну и уже никогда не будет прежней.

Маккенне никогда не хотелось вторгаться в чужую боль. Но против желания он расспрашивал потрясенную до глубины души вдову о подробностях их жизни, работе мужа, где тот бывал в последнее время. Она знала лишь, что вчера вечером муж не вернулся домой. Он иногда брался за работу по вечерам, но никогда не уходил на всю ночь.

Маккенна провел с ней долгий час. Она сказала, что муж иногда захаживал в «Правильное место». Маккенна кивнул, заведение было ему знакомо. Потом они поговорили еще какое-то время, он подождал, пока в ней наросло и спало напряжение, и под конец сказал, что, может быть, уже пора позвонить родственникам. Забрать тело и так

далее. Кто-нибудь ей позвонит и все объяснит.

Он оставил свою визитку. Цена, которую платишь, чтобы заняться тем, что следует дальше. Разгадывать. Узнавать.

Этан Ансельмо работал палубным грузчиком на креветколовах, выходящих в море из Байю-ла-Бэтри. Жена не спрашивала, на каком он ходил в последнее время. В конце концов, корабли приходят и уходят.

Маккенна знал «Правильное место», старый бар, где прилично кормили и где его тоже знали. Он забыл об охлаждающемся дома «Пино Григо» и поехал, обдуваемый прохладным вечерним ветерком, мимо длинной вереницы обветшалых доков и ангаров, избежавших худшего во время последнего урагана. «Правильное место» видало и лучшие дни, но и он тоже.

В темноте он переоделся в костюм типа «иду домой с работы». Грязные джинсы, синяя рабочая рубашка с кнопками вместо пуговиц, бейсболка с пятнами соли. Когда он заходил в бар в прошлый раз, у него были усы, так что, возможно, чисто выбритый он будет выглядеть иначе. Да и старше — на половину весьма тяжелого года. Ну, представление начинается…

В высокой траве на смытой ураганом стоян-

ке пронзительно стрекотали насекомые, чуть дальше, в болотистом пруду, квакали лягушки. Вьюнок и кошачий коготь густо заплели клумбы и наполняли ароматами влажный воздух.

К ресторану примыкал бар, и он остановился на пороге. Из музыкального автомата разносилось нечто бухающее, воющее и грохочущее — акустическое забвение на несколько часов. Сперва поесть, решил он. К счастью, здесь были два зала, и он сел в глубине ресторана, подальше от шума. В матовом свете керамических ламп помещение выглядело побеленным. Сквозь ароматы жареного пробивался резкий запах дезинфектанта. Новый Юг, само собой. На стене висел грубовато выведенный плакат: «ДРУЗЬЯ ИМПОРТНЫМИ КРЕВЕТКАМИ ДРУЗЕЙ НЕ КОРМЯТ».

Он сел за стол и заказал джамбалайю. Когда ее подали — чересчур быстро, — он уже знал, чего ожидать.

Результат и близко не стоял с местной едой, что была знакома ему еще с детства, — пряной, но не для того, чтобы заглушить вкус ингредиентов. Тогда креветки, бамия и устрицы были свежими, пойманными или сорванными в тот же день. В те времена люди сами выращивали или ловили многое из того, что ели. Настоящий был рай, и, как

это обычно бывает, никто тогда этого не знал.

Осмотревшись, он уловил что-то от прежней атмосферы. Кое-кто явно распознал в нем копа, несмотря на маскировку. Через пару минут они отводили взгляды и жили дальше своей жизнью, не обращая внимания, наблюдает ли он за ними. Их разговоры следовали извилистой логике реального разговора или брели по еще более непредсказуемым тропкам пьяной болтовни. Полуопущенные веки, запах пива смешивается с запахом жареной рыбы и жаренных кусочками креветок. Жизнь.

Он доел, выжидая, пока к нему здесь привыкнут. Никто не обращал на него особого внимания. «Правильное место» представляло собой странную комбинацию посредственного ресторана с неряшливым баром за тонкой стенкой. Возможно, здесь ели, только накачавшись в баре до такой степени, что на вкус еды было уже наплевать.

Когда он прошел в бар через боковую дверь, две каджунки у дальнего конца стойки бросили на него взгляд, мгновенно распознавший в нем копа, а взгляд Маккенны тут же определил — шлюхи. Впрочем, профессионалками девицы не были. Скорее, местные в пышных блузках и обтягивающих брючках, решившие немного подработать и

убедившие себя, что они лишь оттачивают свои таланты для более крупной игры. Он на таких насмотрелся, когда работал в полиции нравов. Там важно было знать разницу между изменчивым потоком искательниц приключений и закаленными профессионалками, которыми и следовало заниматься. А эти и в самом деле просто местные. Все по-честному.

Барменша облокотилась о стойку, чтобы Маккенна смог взглянуть на ее небольшие, но красивые груди в вырезе жилета из золотой парчи. На одной была вытатуирована роза.

— Виски со льдом, правильно? — Она слегка улыбнулась.

— Красного вина.

Она тоже опознала в нем копа. Может быть, он даже заказывал виски, когда был здесь в прошлый раз.

— Давно не заглядывали.

Лучше вести себя вежливо и формально, в духе Кэри Гранта. — Уверен, что вы от недостатка внимания не страдали. — Тут он вспомнил, что с полгода назад раздобыл здесь неплохую информацию, причем как раз с подачи барменши.

— Мне лишнее внимание не помешает. — Она улыбнулась и медленно подмигнула.

— Только не от меня. Годы уже не те. Я еще помню времена, когда воздух был чистым, а секс грязным.

Она рассмеялась, сверкнув множеством белых зубов, хотя шутка была старая — пожалуй, не моложе тех самых времен. Но Маккенна пришел сюда не шутки шутить. Он взял вино, расплатился и со скучающим видом осмотрелся.

Наибольшим спросом здесь пользовалось пиво. Большой телевизор показывал говорящие головы на толстых шеях на фоне футбольного поля. Парни в джинсах и рабочих рубашках сосредоточенно пялились на экран, не отрывая от губ горлышки пивных бутылок. Маккенна, прихватив стакан дрянного вина, направился в заднюю часть бара, где потертый музыкальный автомат бренчал песню Брюса Спрингстина «На окраине темно».

Здесь сидели рыбаки. Их было легко распознать по грубым башмакам, мозолистым рукам и ободкам соли на отворотах джинсов, а еще по характерному прищуру людей, работающих в сверкающем на солнце море. Маккенна присел за единственный свободный стол возле десятка мужчин, потягивающих пиво.

Прошло минут пятнадцать, прежде чем ему

удалось вклиниться в их разговор. Ему помогло, что он несколько лет проработал на рыболовном судне, принадлежавшем их семье. Он знал ритмы речи и профессиональный жаргон, едва заметную нечеткость согласных и мягких гласных, что подсказало им, что он местный. Затем поставил мужикам за соседним столиком но пиву «Джакс», и это решило дело. Постепенно он сообразил, что они уже знают о смерти Этана Ансельмо. Мальчишки с пляжа, само собой, растрезвонили.

Но многие из сидящих здесь пока не знали, что он коп. Маккенна перебрался к ним за столик и уселся на скрипучий дубовый стул. Некоторые выглядели усталыми и порядком накачавшимися — зависли в баре, прежде чем вернуться домой, к женам. Другие выглядели потрезвее, и Маккенна наудачу спросил одного:

— Вечером в море?

— Угу, за устрицами… Все, что смог найти в последнее время.

Вид у него был такой, что легко верилось — в последнее время он обедал в бильярдных или из торговых автоматов, а мылся под садовым шлангом. Добывать устриц драгой по ночам — грязная работа. И самый легкий способ обойти закон против повреждения морского дна. Если поймают с

поличным, огребешь неприятностей, поэтому на такое мало кто соглашался.

Маккенна откинулся на спинку и спросил, растягивая слова:

— Знал того парня, Этана, что помер? Кивнул, прищурился — вспомнил:

— Он ходил на хорошей лайбе. Той, что центавры нанимают. Платят вдвое.

— А я слыхал, что они нанимают только на Дофине.

— То была какая-то особая работа. Не устриц тралить. Черт, парень сидел бы сейчас здесь, если бы не свалился за борт.

— Так он свалился? — Маккенна чуть подался вперед, но вовремя вспомнил, что не следует выказывать явный интерес.

— Говорят.

— Кто говорит? — Так, сбавь нетерпение.

Медленно моргнул, взглянул в сторону, принял решение:

— Мерв Питскомб, хозяин «Промотанных бабок». Они иногда выходили на ночной фрахт.

— Правда? Вот черт. — Маккенна выдержал паузу и спросил: — И вчера ночью ходили?

— Не знаю.

— А чем они обычно занимались? Ночной ры-

балкой?

Приподнял брови, пожал плечами:

— А мне какое дело?

— Питскомб работает на центавров?

— Не напрямую. У них есть типа старшого, большая шишка, Даррер звать. Нанимает работников для центавров, когда тем надо.

— Регулярная работа? Долгий глоток пива.

— От случая к случаю. Но платят круто, я слыхал.

Тут Маккенне пришлось сбавить обороты. Собеседник начал замыкаться, с подозрением сжав губы. У Маккенны всегда не очень-то получалось выжимать из людей информацию, и об этом многие знали, но до «Правильного места» слух об этом, очевидно, еще не докатился. Один подозреваемый как-то назвал его «Тот, кто задает больше вопросов, чем следует». Верно, но и он отправился мотать свои «от десяти до двадцати».

Маккенна сменил тему и говорил о футболе, пока собеседник не сказал, что его зовут Фред Годвин. И тут, по счастливому везению, которое сперва таковым не показалось, к ним подошла женщина по имени Ирен и сказала, что все знает о покойнике и всем прочем. А заодно изложила свои философские воззрения на случившееся.

Когда вытягиваешь информацию из людей, главная проблема заключается в том, что тебя перебивают. Испытываешь примерно то же, что и когда рыба срывается с крючка, а ты при этом знаешь, что снова она твоей наживкой не соблазнится. Ирен все разглагольствовала о том, какая это, разумеется, трагедия и как тяжело ее все переживают. Это и так было ясно, но она все же сказала. Лет ей было уже хорошо за сорок, и в золотых туфельках на высоких каблуках она ходила не очень уверенно.

— Взгляните на это так, — с чувством произнесла она, слегка закатывая глаза и чуть выпячивая губы. — Этан был молод, и пусть даже он вознесся на крыльях ангела в Град Небесный, его все равно будет переполнять то, кем он мог стать. Понимаете? Усевшись возле Его престола, он не испытает истинного сожаления. На это у него не будет времени. Другая жизнь будет манить его, пока он все еще полон энергии, но без воспоминаний о старости. Никаких тебе лекарств, страхов и болезней, ничего. У него не будет этих препятствий на пути к Блаженству.

Маккенна прямо-таки расслышал в ее словах заглавные буквы.

Годвин явно дожидался подходящего момента,

чтоб смыться. А это означало, что настал момент поставить ему пиво, что Маккенна и сделал. А Ирен — то ли желая остаться главной в разговоре, то ли намекая, чтобы ее пригласили посидеть с ними, — без всяких расспросов сообщила, что Этан работал на «Промотанных бабках» и в ночь своей смерти. Есть!

Но пиво Годвину Маккенна все равно поставил.

В северных, более зажиточных районах Мобила продают эксклюзивный шотландский виски с выдержкой не менее десяти лет. А еще вам там предложат йогурт из козьего молока, пять сортов орегана и кофе из стран, о которых вы не слышали со школьных лет. Там можно посидеть в кафе под музыку Гайдна, а при желании полистать свежий номер «Нью-Йоркера» и почитать обзор фильмов независимых режиссеров.

Но в лавочках у побережья вам продадут «Джим Бим» — если вы спросите правильно, — а из приправ там на полках лишь соль и перец, обычно смесь перцев для каджунских блюд, и кофе там продают в жестянках. В магазинчике, где Маккенна затоварился, музыка не играла — и слава богу, если представить, какой она могла оказаться.

Он купил бутылку хорошего калифорнийского

красного, чтобы смыть вкус недавно съеденной дряни, и поехал к доку возле якорной стоянки «Промотанных бабок». Там он достал из багажника удочку, снасти и наживку и вскоре уже забросил мешочек с приманкой к лилиям в ближайшем заливчике. Через некоторое время он лениво потянул его обратно, чтобы приправить темную воду запахом приманки. Став жертвой собственного профессионализма, он оставил калифорнийское красное в машине.

Хибара возле стоянки была обшита некрашеными серыми досками, от головок гвоздей тянулись полоски ржавчины, а крыльцо перекосилось, и только шлакоблоки не давали ему рухнуть на сырой песок. Рядом с хибарой стоял большой алюминиевый лодочный сарай, но свет в нем не горел. Маккенна предположил, что там слишком неуютно, и действительно — бормотание доносилось только из хижины. Сквозь доски пробился хохот.

Маккенна притаился в тени. От старого рекламного плаката лимонада «Доктор Пеппер» почти ничего не осталось, но в нем еще можно было разглядеть дырочки от дробинок. Подросткам нравятся мишени.

По большому счету рыбачить ночью было

глупо, но над мерцающим заливом желтой кошачьей улыбкой всходила луна, а некоторые полагали, что она выманивает рыбу из глубины. Это как ложный рассвет, сказал ему как-то давно старый рыбак. Может, он был прав. Впрочем, Маккенне требовался лишь повод здесь находиться, поэтому он сидел и ждал. Он всегда держал в багажнике червей в ведерке с влажной землей, и, может, быть, они свое дело сегодня сделают, даже если засада ничего и не даст.

Команда «Промотанных бабок» начала грузить на борт припасы для ночного рейса. На корабле всегда есть чем заняться, это Маккенна знал еще с подростковых лет, но эти парни работали совсем лениво.

Достоинства терпения он оценил уже давно. С расстояния около сотни метров все можно было прекрасно разглядеть в обычный бинокль, а в его бинокле имелся еще и инфракрасный фильтр, способный выявить детали, если потребуется. Янтарный лунный свет заливал жестяные крыши жилых домиков вдоль излучины залива. Воздух сладко пах ночными цветами, в отдалении шуршал бамбук.

А потом к хижине подкатил большой фургон. Вышли двое мужчин, следом женщина. Все одеты

в черное. Работая четко и слаженно, они принялись выгружать из фургона снаряжение. Что-то здесь было не так.

Приехавшие направились к доку, к ним вышел Мерв Питскомб. Маккенна узнал капитана «Промотанных бабок» по фото на факсе, который он принял в машине из главной библиотеки Мобила, уехав из ресторана. Теперь он скорее назвал бы офисом свою машину, а не стол в участке — электроника изменила все.

Люди в черном и Питскомб направились вместе к фургону, о чем-то разговаривая. Питскомб сдвинул боковую скользящую дверь, все отошли назад. Из фургона выбрался темный силуэт — кто-то крупный и медлительный. Федералы ждали, храня почти благоговейное молчание.

Маккенна замер. Он мгновенно понял, что это центаврианин. Его мускулистые руки двигались медленно. Непривычно сочлененный локоть перемещался свободно, наподобие маятника, и отклонялся назад. Маккенна представил, как полезно это будет в воде. Рука заканчивалась плоской четырехпалой ладонью, которой, как он знал, можно придать форму лопасти весла.

Амфибии двигаются медленно и тяжело, их тело приспособлено для перемещения из воды

на сушу. Существо шагало следом за двумя федералами в черном. Никаких разговоров. Нёбо центавриан не в состоянии формировать звуки человеческой речи, поэтому общение было письменным.

Пришелец брел к кораблю на толстых ногах с большими круглыми подошвами. С помощью федералов, поддержавших его за локти, он вошел на сходни. Это был первый пришелец, которого Маккенна видел наяву, а не по телевизору, и его поразило, что тот скорее по-утиному переваливается с боку на бок, чем шагает. На Земле, при чуть большей гравитации, они были медлительны. Центавриане эволюционировали из существ, которые перемещались по песку, редко видели камни и скалы и гораздо увереннее чувствовали себя в теплых водах планеты, почти целиком покрытой морями и океанами.

Когда центаврианин поднялся по сходням, Маккенна вдруг осознал, что затаил дыхание. Существо было странным, но в чем конкретно, он сказать не мог. Ветерок дул в его сторону. Он принюхался. Может, эта легкая прогорклость в воздухе — запах инопланетянина?

Пришелец поднялся на борт, а федералы в это время обшаривали взглядами окрестности. Мак-

кенна сидел под кипарисом, где его было трудно заметить, и их взгляды скользнули как раз над ним. Интересно, почему они не воспользовались очками ночного видения?

На судне взвыла запущенная турбина. Оно развернулось и направилось в залив. Маккенна проследил за ним, но инопланетянина увидеть не смог. Сети для ловли креветок болтались на высоких поворотных балансирах, и судно «Промотанные бабки» внешне ничем не отличалось от любого креветколова, выходящего на ночной лов. В этом и весь смысл, предположил Маккенна.

Когда Маккенна наконец-то подъехал к дому по засыпанной устричными раковинами дороге и поставил машину под низкими соснами, он вышел на свой причал — полюбоваться звездами над заливом. Это всегда помогало. Ему не хотелось сразу идти в дом, где они жили с покойной женой. После ее смерти он не переехал, потому что ему здесь нравилось. И пусть жены с ним уже нет, остались хотя бы воспоминания.

Обретя душевное спокойствие, Маккенна вернулся к дому, поставил чемоданчик на крыльцо и уже вставлял ключ в замок, когда услышал поскрипывание. Он повернулся к качелям, на

которых провел множество счастливых минут, и увидел, как с них кто-то встает. Его пронзила игла тревоги, — что всегда бывает, когда начинаешь работать с уголовниками, но тут он разглядел, что это женщина в бледно-желтом платье. Волосы тоже желтые, перехваченные ленточкой. В прошлый раз она была красной.

— Джон! Ты ведь обещал позвонить.

Сперва он ее не узнал, но потом сунул руку за дверь, включил свет над крыльцом, и тот выхватил ее лицо из темноты.

— Э-э… Дениза?

— Ну да. Ты что, совсем меня забыл? — Шутливый упрек, кокетливо и немного напряженно.

Покачиваясь, она направилась к нему. Волосы у нее были упругими, словно только что вымытыми. Вероятно, так оно и было. У Маккенны сразу упало настроение. Если средней женщине лучше быть красивой, чем умной, то лишь потому, что средний мужчина лучше умеет видеть, чем думать. Дениза в это верила, поэтому расфуфырилась даже больше, чем на их первом свидании. Оно же стало и последним.

— Я догадалась, где ты живешь, вот и решила заехать. — Она широко улыбнулась, знающе и соблазнительно. — Ты же не позвонил.

Гласные скатывались с ее языка кусочками сахара, и он вспомнил, почему она показалась ему такой интригующей.

— Я был ужасно занят.

— Я тоже, но знаешь, нельзя ведь позволять жизни проходить мимо.

И что на такое ответить? Она явилась сюда с четкой целью, на плече висит большая красная сумка, а в ней наверняка косметика и смена белья. Но легкое возражение упорно не приходило в голову.

— Дениза, я… встречаюсь с другой. — Вот, спокойно и разумно.

Ее выражение чуть изменилось, улыбка осталась, но застыла.

— Я… я об этом не знала.

— В газетах про это не писали.

Нет, неправильно, юмор здесь не сработает. Он решил пойти на физический контакт и протянул ей ладонь для пожатия. Растянулась долгая секунда, ее ресницы трепетали в желтом свете лампы, где-то в болоте квакали лягушки.

Она посмотрела на его руку, моргнула, и улыбки не стало.

— Я… я думала…

Теперь он был обязан завершить все как можно

легче, поэтому взял ее полупротянутую ладонь и обнял за плечи. Потом аккуратно развернул, нашептывая слова, которые имели смысл в тот момент, но которые он через десять секунд забудет. Маккенна помог ей спуститься по ступенькам, пересечь песчаную лужайку. С моря дул влажный ветерок. Затем, уже молча, они подошли к ее машине, которую он даже не заметил под большим дубом возле дома. Он не произнес ничего значащего, она тоже промолчала, и они пережили этот момент с чем-то вроде достоинства.

Маккенна помог ей сесть в машину и пошел к дому. Год назад охваченная внезапной яростью представительница сообщества подобных дам определенного возраста попыталась его задавить. Но на сей раз «шевроле» взял с места и тут же свернул на устричную дорогу, переливающуюся в серебристом лунном свете. Маккенна прибавил шагу — рев мотора его подталкивал.

Ложь о свиданиях с другой женщиной уже почти забылась. Его манеры успели огрубеть. Он поднялся по ступенькам как раз в тот момент, когда лучи ее фар мазнули по крыльцу, на мгновение высветив его гневной вспышкой. И возможность рывком открыть дверь и наконец-

то войти ощутилась как прощение.

Маккенна приехал на работу рано. Ему дорого далось выпроваживание Денизы, и он долго не ложился спать, размышляя об этом. Кроме того, имелось и хорошее калифорнийское красное. И причина было не в том, что он не мог насладиться вместе с Денизой (или другими вроде нее) взаимным сознательным отказом от ценностей среднего класса. Вовсе нет.

Просто такой стиль для него больше не срабатывал. Он настроился пусть и на робкие, но поиски женщины, которая смогла бы вернуть в его жизнь тот свет, то окутывающее тепло, в которых он купался все десятилетия счастливого брака, считая их естественными и почти не обращая на них внимания. Он думал, что раз такое произошло однажды, то может произойти и снова. Но после смерти Линды ничто не могло оживить то волшебство. Ни свидания — он ненавидел это слово, предпочитая «ухаживание», — ни в большинстве случаев даже секс, его старый резерв.

Заигрываний Денизы, о каких мечтал бы каждый подросток, оказалось слишком мало, да и слишком поздно.

Он еще размышлял об этом, когда сел за рабочий стол. Отдел по расследованию убийств

располагался в большом общем помещении, застеленном зеленым ковролином. В каждом из отсеков стояли пять столов, и Маккенна прошел мимо них, потому что наконец-то заработал себе отдельный кабинетик. Возле него стоял стол сержанта, а по периметру их закуток отгораживал строй картотечных шкафов. До безбумажного офиса здесь было еще далеко. Наверное, его и не будет никогда. Зато тут больше не курили, хотя ковер хорошо помнил те деньки. Особенно после дождя, то есть часто.

С утра отдел бурлил разговорами, перемещениями от стола к столу, кофеиновой энергией. Детективы из убойного отдела постоянно всем занимаются на бегу, потому что их поджимает время. Если не взять убийцу в пределах двух недель, добавится еще один «висяк».

Маккенну уже дожидалась папка — заключение судмедэксперта по Этану Ансельмо. Когда прочтешь пару сотен отчетов о вскрытии, то уже знаешь, что можно пролистать бесконечные страницы с описанием органов, желез, общую химию и перейти сразу к заключению. К отчету прилагался подотчет, обозначенный аббревиатурой ОСР, означающей «огнестрельные ранения», но он был пуст.

Эксперт пребывал в недоумении. Сердце остановилось, легкие полны воды — очень похоже на утопленника, который боролся с океаном до последнего. Но странные рубцы на коже выглядели как повреждения нервов, выжженных словно при казни на электрическом стуле. Проколы, которые Маккенна уже видел, еще больше запутывали картину.

Маккенна терпеть не мог неясные дела. Сейчас от него требовалось обозначить причину смерти, основываясь на заключении эксперта и обстоятельствах дела, выявленных вчера вечером. Он не стал колебаться и написал: «ВОЗМОЖНОЕ УБИЙСТВО».

Далее последовали обычные действия — присвоить регистрационный номер делу и заключению эксперта, сообщить капитанам отряда и округа, послать запрос о возможных связях с другими делами. Рутина. Уведомить командование секции и окружной офис, послав по электронной почте стандартные заполненные бланки, как это уже сделали отделы фото, латентных преступлений и лаборатория.

Маккенна взял коричневую папку без скоросшивателя и завел новую «книгу убийства». Сперва в нее отправился «Рапорт о факте убий-

ства» с указанием «Мобил» в качестве адреса в правом верхнем углу. Затем краткое изложение фактов. Широко открытая дверь, выводящая непонятно куда.

Маккенна откинулся на спинку и отпустил мысли в свободный полет. Ничего. Иногда после повторного чтения дела к нему приходила идея. Сегодня не повезло.

Он знал, что ему надо закончить отчет о бытовом убийстве, случившемся два дня назад, поэтому принялся за него. Большинство таких убийств совершают мужики, доведенные до бешенства вопящими младенцами, долгосрочными долгами и неверными женами. Алкоголь способствует. Метод убийства они придумывают секунд за десять до него, и у них нет ни алиби, ни даже версии, которая не развалилась бы после двухминутного допроса. Когда таких ведут к машине в наручниках, соседи лишь кивают друг другу и говорят, что всегда знали, что этим все и кончится.

Это дело не потребовало от него чрезмерных умственных усилий. Маккенна закончил писать, тоскуя о том самом безбумажном офисе, и отправил отчет в прокуратуру. Там делу дадут ход, и Маккенна больше никогда о нем не услышит.

Если только убивец не заявится лет через пятнадцать к нему на крыльцо, желая отомстить. Такое тоже случалось. Теперь Маккенна ходил с оружием даже в церковь по воскресеньям.

Потом он сел и задумался.

Эксперт полагал, что странные отметины на теле Этана Ансельмо могли стать результатом воздействия электротока. Пытка? Но парень не был связан с криминалом. Он не перевозил наркотики на креветколовах — самый простой способ подработки для рыбаков вдоль всего залива. На секунду Маккенне даже стало интересно, когда же закончится Война с Наркотиками — так же, как заканчивались многие неудавшиеся американские приключения: признанием, что война проиграна. Наверняка оказалось бы проще легализовать, обложить налогами и контролировать оборот большинства наркотиков, чем гоняться за распространителями. Сперва он предположил, что Ансельмо стал жертвой разборок между бандами наркоторговцев. В районе залива их было множество. Но теперь он чувствовал, что это предположение неверно.

Настольный компьютер поведал, что дело Ансельмо уже выложено на сайте нераскрытых дел, который теперь использовался властями Мобила

для координации работы полиции. На сайте было кое-что добавлено к результатам вскрытия и выложены биографические данные об Ансельмо, но и эти сведения зацепок не дали.

Маккенна вздохнул. Настало время поработать ногами.

Судно «Промотанные бабки» уже стояло у причала. Маккенна переоделся в потрепанную рабочую рубашку и заляпанные маслом джинсы. Дополнив наряд бейсболкой, он отыскал команду в большом алюминиевом лодочном сарае, где они поливали из шлангов раму для сетей.

— Питскомб здесь? — спросил Маккенна, округляя гласные, чтобы подстроиться под местный акцент.

К нему подошел мужчина лет за тридцать. На одной щеке у него выделялся длинный уродливый шрам, теперь ставший грязно-розовым. Волосы светлые, неряшливые, прямые и очень коротко подстриженные. Но тело было крепким, мускулистым и готовым к отпору, что, как показывали витиеватые тюремные татуировки, ему требовалось немалую часть жизни. На синей рабочей рубашке с кнопками вместо пуговиц болталась табличка с именем — Бадди Джонсон. Завершал наряд пояс ручной работы, с которого

свисали крючки для переноски, и сапоги с отворотами, отчаянно нуждающиеся в чистке.

— А кто его спрашивает?

Мрачный и раздраженный голос замкнул какой-то переключатель в голове Маккенны. Он уже видел этого типа десять лет назад, когда помогал его арестовывать. Двое пытались выдрать переднюю панель банкомата, соединив цепью панель и бампер своего пикапа. Но вместо того чтобы вырвать панель, они оторвали бампер. Они запаниковали и умчались, оставив цепь прикрепленной к банкомату, бампер на конце цепи, а номерной знак — на бампере.

— Ищу работу, — ответил Маккенна.

Этот тип не может быть здесь главным, поэтому Маккенне надо подняться выше.

— У нас работы нет. — Бадди прищурился, вроде бы стараясь что-то вспомнить.

Маккенна сменил тон с мягкого на средний:

— Мне надо потолковать с твоим боссом.

Все еще копаясь в памяти, Джонсон махнул в сторону сарая. Маккенна направился к нему, ощущая спиной взгляд Джонсона.

Питскомб отыскался в дальнем конце сарая. Он ел свиные шкварки из замасленного пакета, стряхивая крошки в лагуну. За ним наблюдали

стервятники, кружившие на легком ветерке чуть выше кривых верхушек засохших кипарисов — так, на случай, если внизу подвернется какое-нибудь дело.

Питскомб резко отличался от своего подручного — худощавый, угловатый, умные синие глаза. Маккенна решил, что с ним вполне можно поговорить в открытую. Он продемонстрировал свой значок и проговорил, растягивая слова:

— Надо потолковать насчет Этана Анмельмо.

— Уже слышал, — ответил Питскомб. — Он не пришел на работу вчера вечером.

— Команда сможет это подтвердить?

— А куда они денутся? — ухмыльнулся Питскомб.

— Почему на вашем корабле работает бывший уголовник?

— Я не сужу людей, я их просто нанимаю. Бадди работает хорошо.

— Что вы делаете для центавриан?

— Мне велели говорить, что это дело федерального уровня. Маккенна прислонился к опоре пирса.

— Ладно, тогда почему они используют вас? Почему не вывозят центавриан в море на своем корабле?

Питскомб потер ладони, отправив остатки шкварок в море.

— Это вам лучше спросить у них. Как я это вижу, федералы хотят познакомить центавриан с нашей культурой. А заодно и дать местным подзаработать.

— Что центавриане делают в море?

— Просто смотрят, плавают. Что-то вроде ночной прогулки, как я думаю.

— Они живут у самой воды.

— Наверное, уплыть в море так далеко нелегко даже амфибиям. — К этому времени Питскомб уже говорил без тягучего южного акцента и внимательно следил за Маккенной.

— Насколько далеко в море?

— Часа два ходу.

— Просто поплавать?

— Федералы не хотят, чтобы я распространял слухи.

— Я расследую убийство.

— Насчет меня — это лишь слухи.

— Я могу подключить к делу федералов.

Вновь солнечная улыбка, такая же искренняя, как штемпель на конверте.

— Валяйте. Эти ребята — не хитрожопая деревенщина.

Совершенно ясный намек, что Маккенна как раз такой. Он развернулся и вышел из пропахшего машинным маслом сарая. На влажной жаре его поджидал Бадди Джонсон. Он пронзил Маккенну взглядом, но ничего не сказал.

Проходя мимо, Маккенна сказал, теперь уже четко произнося гласные:

— Да ты не волнуйся. Я уже почти неделю как никому не отгрызал рук.

Бадди и теперь промолчал, лишь хитровато ухмыльнулся. Маккенна увидел причину, когда подошел в своей машине.

Шина была спущена и словно растеклась по асфальту. Маккенна взглянул на Бадди, тот помахал ему и вошел в сарай. Маккенна решил было последовать за ним, но становилось жарко, и рубашка уже прилипла к телу. Ничего, решил он, Бадди подождет, пока я узнаю больше.

Он достал из багажника рукавицы, потом вытащил домкрат, гаечный ключ и запаску. Присев на корточки, он принялся отвинчивать гайки, сбрасывая их в колпак колеса. К тому времени, когда он установил запаску на ось, затянул гайки и опустил домкрат, он уже здорово пропотел и благоухал далеко не розами.

За работой его мысли двинулись в нужном на-

правлении, и, отъезжая, он решил, что нащупал кое-какие связи.

Пизотти. Один из них — настоящий профессор, причем в той области, какая ему нужна. Кажется, сегодня они устраивают семейный рыбный пикник? Он еще может на него успеть.

После смерти Линды он редко встречался с кем-либо из семейства Пизотти. Совместная разделенная скорбь словно развела их. Но Пизотти и так всегда держались несколько отчужденно — старинный деревенский инстинкт.

Он проехал по дамбе на восточный берег залива, а оттуда через Фейрхоуп к длинным речным рукавам южнее Гранд-отеля.

Он вырос неподалеку, приезжая каждое лето к реке Фиш-ривер возле фермы бабушки Маккензи. Чтобы вовремя добраться до места, он решил пересечь на ялике залив Уикса.

Пизотти пригласили его несколько недель назад, делая вид, что он все еще член семьи. Разумеется, он поехал к ним не из-за этого приглашения. Стоя в ялике и отталкиваясь шестом, он позволил себе забыть обо всем этом, вдыхая запахи камышей и теплого ила. В рогозе таились аллигаторы, он заметил мамашу с тремя детишками длиной фута полтора. Увидев ялик,

они бросились врассыпную и погрузились в мутную пахучую воду, и мамаша фыркнула, ныряя следом за малышами. Он знал, что большие легендарные семнадцатифутовые аллигаторы всегда скрываются в камышах. Двигаясь вдоль берега и сменив шест на весла, он увидел немало аллигаторов поменьше, которые грелись на солнышке, напоминая металлические скульптуры. Один, довольно крупный, не обращал внимания на сидящего рядом на бревне краснохвостого ястреба, зная, что он слишком медлителен и сцапать птицу ему не удастся. Возле кипариса, укрывшись в густой осоке, что-то вертел в лапках серый опоссум, обнюхивая добычу с таким видом, словно не мог решить — стоит это есть или нет. Заросли любящего фосфор рогоза расширились еще дальше вверх по заливу, преградив путь ялику. Маккенна не любил рогоз, его заросли его прямо-таки оскорбляли. Рогоз крал солнечный свет у лягушек и рыб, затрудняя жизнь птиц, кормящихся в воде.

Он стал пробиваться через заросли в сторону залива Мобил, где состоится пикник, поглядывая по сторонам, в камыши. Там на солнышке бревнами лежали спящие аллигаторы. Один из них заворочался, наслаждаясь теплой грязью,

и похрюкивающе застонал, не открывая пасти. Затем широко зевнул и испустил горловой рокочущий рев. Маккенне доводилось видеть таких аллигаторов в заливе Уикса, где в него впадает Фиш-ривер, под старым арочным мостом. Похоже, аллигаторам нравились мосты. Они лежали под ними во влажной жаре и дрыхли, ничего не опасаясь, — самые крутые местные хищники. Он восхищался их легкой уверенностью в том, что никто не посмеет их потревожить, их бездумным высокомерием.

И это было так, пока всего два столетия назад не пришли люди с ружьями. Он внезапно задумался: а понравится ли такое центаврианам? Нет, ведь они амфибии, а не рептилии. Что они понимают в аллигаторах?

Один из них повернулся и долгую секунду смотрел на него, не отводя взгляда и словно оценивая Маккенну. Потом фыркнул, заворочался в грязи, устраиваясь поудобнее, и закрыл большие глаза. По спине Маккенны пробежал странный холодок, и он стал грести быстрее.

Пизотти расположились на длинной песчаной полосе в конце залива У икса, где и общались в полный голос. Маккенна пристал к берегу, вытянул ялик на песок и попытался смешаться

с толпой. С ним мимолетно поздоровались, и Пизотти вернулись к своим социальным играм.

Линду он искренне любил, но эти люди были ему не совсем по душе. Жена была спокойной и невозмутимой и наслаждалась жизнью, пока была жива. Прочие Пизотти торопились жить. Ныне «Золотое побережье» Мексиканского залива просто кишит Повелителями Вселенной. Они щеголяют идеальными стрижками и прическами, а тело поддерживают стройным, небрежно элегантным и аккуратно мускулистым. Не хотят выглядеть работягами, и не важно, чем их предки зарабатывали на жизнь. Женщины встречаются в диапазоне от платиновых блондинок до клубнично-рыжих, четко следуя последним веяниям моды. Пластические операции они делают со вкусом, убирая разве что морщинки возле глаз и кое-какие складочки. Когда на них смотришь, то создается впечатление не столько энергичной молодости, сколько умелого техобслуживания, наподобие «роллс-ройса», в котором масло религиозно заменяется через каждые 1500 миль. Если какой-нибудь работяга идет следом за такой дамой, у него возникает легкое ощущение собственной поношенности.

Одна из таких заметила его и изобразила вос-

хищение от общения с настоящим детективом. Маккенна проявил встречный энтузиазм по поводу жареной камбалы и окуней, которых принес кузен. Еда оказалась хорошей уверткой, хотя рыба была зажарена в слишком большом количестве масла. Он продержался вежливые десять минут и отправился за одним из крабов, только что снятых с гриля. И там, пока он дожидался очередного краба, пока еще шипевшего над углями, объявился Херб. Как раз вовремя. Маккенна был готов его расцеловать.

Чтобы добраться до причины его появления здесь, много времени не потребовалось. Херб был старшим двоюродным братом Линды, и он всегда казался Маккенне единственным другим Пизотти, отличавшимся от остальных. Херб автоматически стал другом, как только Маккенна начал ухаживать за Линдой.

— Это водный мир, — сказал Херб, мгновенно проглотив наживку. Он работал преподавателем естественных наук в колледже имени Фолкнера штата Алабама, где вел курсы химии и биологии. — Ты задал вопрос правильному человеку — я прочел о них все, что смог найти.

— Значит, суши у них немного?

Маккенна помахал женщине, любившей детек-

тивов, и комично пожал плечами, дипломатично извиняясь. Он принес себе и Хербу по стакану кьянти.

— Думаю, именно поэтому они амфибии. Лучше использовать то, что имеется в избытке. Их планета — это луна, которая вращается вокруг газового гиганта вроде Юпитера, правильно? Ее освещают оба солнца системы Центавра и дополнительно согревает инфракрасное излучение газового гиганта. Поэтому там всегда тепло, а тектоники плит у них вроде бы нет, поэтому их мир очень сильно отличается от нашего.

Маккенна многому научился во время опроса свидетелей, поэтому кивнул и изобразил заинтересованность. Херб уже вышел за пределы того, что Маккенна знал из телепередач, газет и «Сайентифик американ». Маккенна старался понять услышанное. Насколько ему было известно, тектоника плит была для геологии чем-то вроде великой объединяющей теории. Все на Земле, от глубоководных равнин океанского дна до Эвереста, возникло в результате вальса континентов, края которых сталкивались и ныряли в глубины мантии. Их танец менял климат и переписывал географию, открывал новые возможности для жизни, а иногда закрывал прежние. Но так было

здесь, на Земле.

На других малых планетах нашей Солнечной системы все иначе. Кора Марса оставалась жесткой миллиарды лет. Венера извергала магму и хоронила кору настолько часто, что осталась голой и бесплодной.

Планеты не обязаны вести себя подобно Земле, и водный мир центавриан был тому еще одним примером. Их планета вращается медленно, совершая оборот вокруг своего гигантского соседа за восемь дней. На ней нет континентов, лишь цепочки островов. И она старая — более чем на миллиард лет старше Земли. Жизнь возникла на ней потому, что химические вещества соединялись в теплой воде, заливаемые сквозь газовую оболочку солнечным светом.

— Значит, у них нет понятия о континентах? — вставил Маккенна.

Херб ответил. Уйдя на пенсию, он явно соскучился по чтению лекций, и здесь, среди Пизотти, это делало его не очень популярным собеседником за обедом. До сих пор Маккенна никогда не думал, что Херб может оказаться настолько полезным.

— Одного из них посадили в самолет, задернув шторы и нацепив ему наушники. Оказывается,

ему понравился Бах! Здорово, да?

Маккенна кивнул, продолжая отмалчиваться. Никто из остальных Пизотти не обращал на Херба внимания. Они всегда держались от него подальше.

— Наверное, шторы задернули для того, чтоб он не испугался. Потом шторы отодвинули и показали ему горы, речные долины и все такое. У центавриан нет настоящих континентов, лишь цепочки островов. Так он не мог поверить своим устричным глазкам!

— Но они наверняка все это видели из космоса, когда прилетели. Континенты и все прочее.

— Вблизи впечатление совсем другое.

— Так, может, им захочется перебраться куда-нибудь вглубь континента, исследовать его?

— Сомневаюсь. Им надо держаться поблизости от теплой и соленой воды.

Маккенна задумался, есть ли у них там глобальное потепление, а потом сказал:

— Наверное, у них нет нефти. Потому что всем этим папоротникам у них негде было расти.

Херб моргнул:

— Об этом я не задумывался. Пожалуй, ты прав. Но они говорят, что у них там часто бывают ураганы, совсем как у нас сейчас.

Маккенна поднял палец, и им принесли еще по стакану кьянти. Херба требовалось подзаправить.

— Астрономы говорят, что там постоянно облачно. И они сквозь эти облака ни черта не видят. Представляешь, они тысячи лет не подозревали о существовании звезд!

Маккенна представил, что значит жить без единого солнечного дня.

— Тогда как у них вообще началась космическая программа?

— Медленно и постепенно. Знаешь, у них старая цивилизация, ей уже миллионы лет. Они говорят, что космические корабли у них какие-то электрические.

Маккенна попытался, но так и не смог вообразить электрическую ракету.

— И ДНК у них такая же, как у нас. Херб просиял:

— Да, вот это был сюрприз. «Сайентифик американ» предполагает, что летающие в космосе споры занесли ее и к нам.

— Потрясающе. А какова биология этих амфибий?

Херб пожал плечами, сунул в рот жаренный на масле пончик из кукурузной муки и задумчиво

его прожевал. Вокруг галдели собравшиеся на пикник, и Маккенне пришлось сосредоточиться.

— Не знаю. В научных изданиях про это ничего нет. Знаешь, центавриане очень скрытны на этот счет.

— Как пишут на финансовых страницах, они щедро поделились с нами технологиями.

— Еще бы — целые классы новых изделий. Забавные электронные штучки, которые легко продвигать на рынок.

— Так зачем они здесь? Не для того же, чтоб привезти нам подарки? — Могли бы взять и сказать.

— Как говорил Карл Саган, да? Культурный обмен и все такое. Великое приключение, и мы получили его, даже не потратившись на звездолеты или еще что-то.

— Значит, они туристы? Которые платят этими штучками? Херб допил кьянти.

— Я так полагаю, что они одиноки. Услышали наши радиопередачи сто лет назад и принялись мастерить корабль, чтобы прилететь к нам.

— Совсем как мы, если подумать. Для чего еще мы выдумали призраков, ангелов и тому подобное? Чтобы было с кем пообщаться.

— Да только они говорить не могут.

— Но хотя бы пишут. Однако переводить с их

языка трудно. Федералы опубликовали кое-что, позднее обещали еще. Видел эти центаврианские поэмы?

Маккенна смутно припомнил текст с первой полосы газеты:

— Видел, только ни черта не понял. Херб ухмыльнулся:

— Я тоже, но все равно они восхитительны. Все о звездах-близнецах, представить только!

Вернувшись домой, он встал под душ, чтобы пар окутал его и унес усталость. Голова была переполнена и плохо соображала. Подумывая о сне, когда к нему нередко приходили лучшие идеи, он вытерся.

Потрясение настало, когда он протер запотевшее от пара зеркало и увидел старика с покрытой пятнами кожей, прилипшими к черепу седыми волосами, пепельными усами, растущими из глубоких пор. Очевидно, он прожил лет десять или двадцать, не обращая внимания на то, что видит в зеркале.

Ну и правильно, если зеркала тебя настолько глубоко оскорбляют. Он мазнул кремом морщины возле глаз, оделся, втянул живот и отказался снова смотреть в зеркало. Хватит с него на сегодня оскорблений. Со старением он ничего не может

поделать, зато Бадди Джонсон — другое дело.

На рассвете он специально отправился на рыбалку. Требовалось подумать.

Маккенна сидел на своем собственном причале и потягивал апельсиновый сок. Из ведра с кусочками рыбы для наживки попахивало солью, и, словно чтобы помучить его, из крутой волны выпрыгнула пятнистая рыбина, тут же нырнув обратно в пену. Он еще никогда не видел, чтобы рыбы так поступали, и это еще раз доказывало, что мир большой, странный и всегда изменчивый. Другие миры тоже.

Весь первый час утренней смены Маккенна просидел за столом, перебирая бумаги. Он знал, что дело Этана Ансельмо может зайти в тупик. Обычно убийство, не раскрытое в течение двух недель, имеет весьма хлипкие шансы оказаться раскрытым когда-либо вообще. Через две недели оно становится невостребованным трупом в архиве, пылясь там в холодной темноте забвения.

Кроме результатов вскрытия надо изучить отчеты анализа улик. Компьютерные распечатки, потому что большинство детективов до сих пор работает с бумагой. Технические приложения и фотографии. И все это в рамках временных и фи-

нансовых ограничений — часы и бюджет всегда тикают совместно. «Расстановка следственных приоритетов», как это называется в директивах. Не делать ничего дорогостоящего без предварительного кивка шефа.

Поэтому он отправился к старшему офицеру, темнокожему парню, два месяца как назначенному сюда из полиции нравов и все еще входящему в новую работу. И ничего не добился.

— Вы сообщили федералам о связи этого дела с центаврианами, верно? — спросил старший.

— Конечно. На них есть выход через офис ФБР в Мобиле.

Приподнятые брови. — И?

— Пока ничего.

— Тогда будем ждать. Если они захотят расследовать, то сделают это.

— Не похоже, что им неизвестно о том, что центавриане выходят в море на гражданских кораблях.

Маккенна забросил удочку, желая проверить, не знает ли старший что-то еще, но глаза начальника ничего не выдали.

— Возможно, центавриане хотят, чтобы все было именно так, — заметил старший. — Но почему?

— Например, им хочется посмотреть, как обычные люди работают в море?

— Нам надо помнить, что они инопланетяне. Мы не можем думать о них как о людях.

Маккенна не смог представить, как такая идея может помочь делу, поэтому он сидел и ждал. Когда старший ничего больше не сказал, Маккенна вставил:

— Мне должна позвонить вдова Ансельмо.

— Просто скажите ей, что мы работаем. Когда вернется ваш напарник?

— На следующей неделе. Но временный помощник мне не нужен.

Старший пожал плечами:

— Ну, хорошо. Только не ждите, что федералы вам что-либо расскажут. Они здесь такие же гребаные федералы, как и везде.

Маккенна сидел на собрании, где рассказывали о новой процедуре ареста, когда в комнату вошел дежурный офицер и многозначительно на него посмотрел.

Лектор, бубнивший перед копами, был юристом из городского муниципалитета, и большая часть его слушателей клевала носом. Была вторая половина дня, кофейная бодрость давно уже выдохлась — но не юрист.

Маккенна вышел, и дежурный офицер сказал:

— Похоже, у тебя еще один жмурик. Он сейчас на вскрытии.

Тело вынесло на берег в Оранж-Бич, неподалеку от границы с Флоридой, так что честь его обнаружения принадлежала убойному отделу округа Бэлдвин. Никто не знал, кто это, по отпечаткам пальцев опознать тело тоже не удалось. В рапорте из округа Бэлдвин Маккенна прочел, что на мертвеце имелись джинсы, но не было белья.

Когда шериф округа Бэлдвин увидел в Интернете, что по индексу взаимной корреляции его находка аналогична делу Маккенны, тело отправили судмедэксперту в Мобил. На это ушел день, так что труп был уже не таким свежим. Он был уже вскрыт и осмотрен, а медэксперт ждал Маккенну.

— То же самое, что и у вашего парня, — сказал он. — Такие же выпуклые отметины по всему телу.

Надев спецодежду и маски, они подошли к разбухшему телу. Вонь гниющей плоти забила Маккенне горло, но он подавил рвотный рефлекс. Все эти клинические дела давались ему с трудом. Он заставил себя сосредоточиться на том, что показывал эксперт, не замечающий напряженной

позы Маккенны.

Длинные валики покрасневшей морщинистой плоти обвивали торс и спускались на правую ногу. Ступни не было, обескровленная нога стала белой, и, по словам эксперта, похоже, ее откусила акула. Гениталии тоже были обгрызены.

— Скорее всего, черепаха, — сказал эксперт. — Они любят полакомиться.

Маккенна оставил это замечание без внимания и всмотрелся в лицо. Черные глаза, широкий нос, смуглая загорелая кожа.

— Проколы есть?

— Пять, в верхней части валиков. Но сделаны не зубами. Чем — не знаю.

— По зубам идентифицировали?

— Пока нет.

— Мне нужны фотографии, — решил Маккенна.

— Возьмите мой цифровик, и я вам сброшу фото по электронной почте, — предложил эксперт. — Парень похож на мексиканца. Не исключено, что из-за этого у нас нет его отпечатков или зубной карты. Нелегал.

Еще со времен первых больших ураганов, «Катрины» и «Риты», толпы мексиканцев хлынули сюда, чтобы делать грязную работу. Большая

часть их так здесь и осталась, отбивая у местного рабочего класса работу в строительстве, ресторанах и рыбной ловле. Эксперт подготовил инструменты для дальнейшего вскрытия разбухшего тела, а Маккенна знал, что такого зрелища уже не вынесет.

— Где… где его одежда?

Эксперт пристально взглянул Маккенне в глаза:

— Там. Слушайте, может, вам лучше присесть?

— Я в порядке, — хрипло буркнул Маккенна, подошел к мешку с вещественными доказательствами и вытащил джинсы.

В карманах пусто. Он уже заталкивал вывернутые карманы обратно, когда ощутил в ткани что-то твердое. Сзади отыскался внутренний кармашек, пришитый вручную. Маккенна вытащил из него брелок с крабом на цепочке и ключом.

— Брелок внесен в опись?

Он пролистал бумаги, лежащие на стальном столе. Эксперт отложил работу и тоже подошел. Брелок в описи не значился.

— Дешевая пластиковая штучка, — сказал эксперт, поднеся брелок к свету. — Ключ, возможно, от двери. Но не от машины.

— Парень с одним ключом. Может быть, рабо-

тал на кораблях, как Ансельмо.

— Это тот первый, у кого оказались отметины? Маккенна кивнул:

— Есть идеи, что это такое? Эксперт рассматривал краба с брелка.

— Пока нет. Кстати, у обоих мертвецов очень грубая кожа на ладонях. Ручной труд.

— Работяга. Полагаете, он утонул?

— Вероятно. Все обычные признаки имеются. Подождите немного, скоро узнаю.

Маккенна очень постарался не смотреть на тело. Запах ощущался, несмотря на кондиционер, с шумным гудением высасывавший воздух из помещения.

— Возьму заключение потом, — сказал он и немедленно вышел.

Старший офицер глотнул кофе, задумчиво взглянул на звукопоглощающий потолок и изрек:

— Можете проверить, не отыщет ли «ПАЛСНАП» что-либо подобное.

Компьютер с «Программой ареста лиц, совершивших насильственные преступления» проведет перекрестное сравнение ран и сообщит, имелись ли аналогичные раны на телах других утопленников.

— Хорошо. Но я думал, что имеет смысл попробовать отследить того краба на брелке.

Начальник откинулся на спинку и скрестил на груди руки, продемонстрировав на обеих шрамы, похожие на царапины на черном дереве.

— Весьма маловероятно.

— Хочу проверить, узнает ли его кто-нибудь. Иначе парень так и останется безымянным.

— Залив большой. Что говорит эксперт, тело могло приплыть из Мексики?

— Нет. Судя по всему, он местный.

— И все равно побережье очень длинное.

Маккенна кивнул. Тело вынесло на берег в сорока милях восточнее Байю-ла-Бэтри, но течения могли принести его откуда угодно.

— В этом деле я должен положиться на свой инстинкт.

Начальник всмотрелся в лицо Маккенны, словно это была карта. Потом снова изучил потолок и вздохнул:

— Только не угрохайте много времени, хорошо?

В убойном отделе работают разные люди, но Маккенна подразделял их на две категории.

Большинство видели в работе ремесло, мастерство, которому они учились. Он причислял себя к

этой группе, хотя в последнее время стал задумываться, не перемещается ли во вторую — к тем, кто считал, что это миссия всей их жизни, единственное достойное занятие. Таких он называл «говорящие за мертвых».

На месте преступления зарождалась связь, обещание, которое детектив давал разлагающемуся трупу: твоя смерть будет отомщена. Это тоже входило в работу.

А работа, разумеется, была связана со смертью. За всю свою карьеру он застрелил лишь двоих. Одного уложил во время неудачной попытки ареста, когда только начал работать. Вторым оказался некий умник, который, когда его подвела стратегия, решил, что все еще сможет пулями проложить себе выход из конфуза. Ему удалось лишь продырявить машину Маккенны.

Но теперь он ощущал себя ангелом-мстителем в гораздо большей степени, чем в молодости. Ближе к краю. Балансирующим над бездной.

Возможно, это было как-то связано со смертью жены, ее медленным угасанием, но об этом он больше не думал. А может быть, с самой смертью, вечной человеческой проблемой, не имеющей решения. Если не можешь ее решить, то можешь хотя бы над ней работать.

Убийцами командовали эмоции, иногда лишь на тот безумный момент, который формировал весь остаток их жизни. Маккенна был хладнокровным профессионалом, спокойным и уверенным, — или так себе говорил.

Но нечто в смерти Ансельмо — и в его утонувшем и пораженном током теле — взяло Маккенну за живое. А теперь еще и этот безымянный нелегал, молчаливо смирившийся с судьбой.

И все же он, закаленный профессионал, не знал, куда двигаться дальше. Никаких зацепок. Наступила худшая стадия дела, на которой многие заходили в тупик, да так там и оставались. Еще одно дело об убийстве, похороненное вместе с телом.

Маккенна начал с запада, с границы со штатом Миссисипи. Городам по берегам залива здорово досталось, когда на них обрушились «Катрина», «Рита» и еще один ураган несколько лет спустя, название которого никто не мог выговорить. Эти города никогда не оправятся. Залив продолжает их лупить — то ли подпитываемый глобальным потеплением, то ли просто из какой-то природной ярости. «Мать-Земля дает пинка под зад», серия миллион-какая-то.

Он попросил коллегу из технического отдела

обработать на компьютере фото того мексиканца, убрав припухлость и бледность долго пробывшей в воде кожи. С открытыми глазами он казался живым. А потом Маккенна начал показывать это фото всем подряд.

Он говорил со всеми — домовладельцами и посредниками, нанимающими на работу, с мексиканцами, работающими на полях, сотрудниками центров по трудоустройству. Ничего. Тогда он отправился к нанимателям поденщиков, проституткам, воришкам из переулков, мелким бандитам, типам с накачанными бицепсами, медленно и скупо цедящим слова, наркоманам, ко всем, кто процветал на страданиях вокруг них на умирающем побережье. Он увидел немало тлеющего гнева, который когда-нибудь выплеснется на кого-то, скользких типов с короткими стрижками, грязных джинсов и рук, бугрящихся мускулами, которым требовалась работа. Некоторые уже отбыли срок и сядут опять.

И все равно — ничего. Этого мексиканца не вспомнил никто.

Он выходил из магазина садового инвентаря, где работало немало латиносов, когда к нему подошли двое в костюмах. Один очень коротко подстриженный, как ходят морские пехотинцы,

второй в темных очках, и это подсказало ему — федералы.

— Вы местный коп? — осведомился Морпех.

Маккенна молча показал ему свой значок. Очки и Морпех показали свои удостоверения — ФБР, и Очки спросил:

— А не далековато ли вы заехали от Мобила?

— Нам разрешается вести следствие по всему округу, — спокойно ответил Маккенна.

— Можно взглянуть на парня, которого вы ищете? — таким же ровным голосом попросил Морпех.

Маккенна показал фото.

— И что он сделал? — поинтересовался Морпех.

— Умер. Я из убойного отдела.

— Нам сообщили, что вы ищете здесь человека, который работал на кораблях, — небрежно сообщил Очки.

— А почему это интересует ФБР?

— Мы ищем похожего человека. По федеральному делу.

— Это намек, что я должен вам сообщить, если увижу его? Фото есть?

Очки начал было улыбаться, но передумал:

— Поскольку наши дела не перекрываются,

думаю — не надо.

— Но у вас здесь достаточно осведомителей, и как только я засветился, вам сразу стукнули, — невозмутимо проговорил Маккенна и выдержал паузу.

— У нас свои методы работы, — сказал Очки. — Как тот парень умер?

— Утонул.

— Почему вы решили, что это убийство?

— Просто интуиция.

— Что-то мне подсказывает, что у вас есть нечто большее, нежели просто интуиция, — сделал ответный выстрел Морпех.

— Покажите мне ваше, и я покажу свое.

Федералы переглянулись, и Маккенне стало любопытно, дошла ли до них шутка. Они молча развернулись и зашагали прочь.

От куража в разговоре с федералами настроение улучшилось, но дело не продвинулось. Он поразмышлял о ФБР, но потом выкинул эти мысли из головы. Постоянное соперничество между полицией штатов и ФБР не затихало никогда, поскольку федералы могли влезть в любое дело и забрать его себе, если считали, что получат от этого какую-то выгоду. Или раскроют его лучше. Иногда они даже оказывались правы.

Маккенна бродил по местам, где жили латиноамериканцы. Разрушения были все еще видны на всем побережье Мексиканского залива, хотя прошло уже несколько лет после урагана с непроизносимым именем, по сравнению с которым «Катрина» и «Рита» казались всего лишь увертюрами. Продвигаясь на восток, Маккенна видел множество разрушенных причалов, заброшенных домов, у которых сдувало крышу, как только не выдерживали окна, сосновые рощи со сломанными пополам деревьями, сорванные крыши и дома, превратившиеся в болота. Выцветшие плакатики на полуразрушенных стенах напомнили о том, что было после урагана: «В ГРАБИТЕЛЕЙ СТРЕЛЯЕМ», «ПОМОГИТЕ» на крыше, жалобное «МЫ ЗДЕСЬ» и забавное «ПРОДАЕТСЯ: НЕМНОГО ПОВРЕЖДЕНО ВОДОЙ» на полностью выпотрошенном многоквартирном доме. Теперь это уже исторические документы.

Большинство лавочек и магазинчиков здесь стояли закрытыми. По ухабистым дорогам с ревом ползли грузовики с обломками. Рабочие в красных рубашках вывозили тачками мусор из уцелевших кирпичных домов. Прорехи в крышах были затянуты синим брезентом — обещание, что их когда-нибудь починят. Возле пляжей на-

мыло грязно-желтые холмы в человеческий рост — линия, до которой поднялась вода.

Похоже, появление пришельцев с далекой звезды стало для жителей побережья событием куда меньшей важности. И хотя центавриане выбрали для поселения побережья в Таиланде, Африке и Индии, больше всего их обосновалось здесь, поближе к передовой нации. Маккенне хотелось бы узнать, что они думают обо всех этих разрушениях.

Хлынувшая на побережье залива волна мексиканцев-нелегалов привлекла сюда и кое-какие банды из Калифорнии. Они использовали нелегальных рабочих как прикрытие и заняли ниши в торговле наркотиками. Количество убийств на побережье возле Мобила сперва упало от прежних трех-четырех в день почти до нуля, но в следующие два года снова возросло. По большей части это были жертвы войны из-за раздела территорий между наркоторговцами и грабителями из иммигрантов, добычей которых становились небольшие магазины.

Поэтому Маккенна бродил тут в джинсах, старой рубашке и замусоленной шляпе. И слушал. Может быть, центавриане и побудили людей задуматься о звездах и всем прочем, но Маккенна

работал в галактике неудачников: помятые лица, заискивающие взгляды, сползающие с поясницы штаны и протертые коричневые ботинки. Они расскажут слезливую историю своей жизни в ответ на всего лишь брошенный на них взгляд. Их постигли все несчастья, которые только могут обрушиться на человека: друзья-предатели, приятели-паразиты, безнадежная нищета, бессердечные отцы, вечное невезение, внезапные непонятные болезни, тюрьма, автомобильные аварии и, разумеется, вечная песнь несчастной души: женское коварство. То был семинар на великую тему Джонни Бакса.

Потом парень с грустным взглядом, продающий с лотка тако, сказал, что видел человека с фотографии в трейлерном парке. Маккенна направился туда с осторожностью. Если в нем распознают копа, ниточка оборвется.

На стенах универмага неподалеку расплескались граффити на испанском, он прошел мимо испанских мамаш с младенцами, толпящихся у входа в поликлинику округа. Однако стоянка ветхих домиков на колесах оказалась не исключительно испанским анклавом. Здесь обосновалось немало местных бедняков. Пенсионеры обедали в обшарпанных ресторанчиках,

где пожилым посетителям к фирменному блюду давали бесплатный стакан домашнего вина. Рядом в потрепанных ураганом забегаловках без кондиционеров толпились работяги. На перекрестках слонялись группки мужчин с грубыми мозолистыми руками, которые не отвечали на его вопросы — может быть, потому, что не знали английского.

Маккенна шагал вдоль рядов потрепанных трейлеров. Завидев его, сидящие на пособии мамаши начинали испуганно моргать, и он успокаивал их, говоря, что он не из местного самоуправления. Трудно было понять, врет ли ему кто-то, потому что все выглядели оглушенными полуденной жарой. Где-то в глубине трейлерного парка к Маккенне подошел узкогрудый тип в замасленных шортах и вопросил:

— Ты чего лезешь к моим жильцам?

— Ищу друга.

— Зачем?

— Я ему должен.

На узком лице мелькнула ехидная улыбочки:

— Ага, как же.

— Ладно, у меня для него есть работа.

Маккенна показал фото. В глазах мужчины на миг что-то мелькнуло.

— Знаешь его?

— В жизни не видал.

— Твоя брехня и гроша не стоит. Губы сжались.

— Ты спросил, я ответил.

Маккенна вздохнул и показал ему значок. После большого урагана немало фальшивых значков появилось на груди парней, решивших подзаработать, поэтому настороженность хозяина парка была гарантирована. Шерифы округов и полиция штата пытались обеспечивать соблюдение законов, но в таких захолустьях они сдались. Решили, что со временем все утрясется. А кое-кого из таких умников с фальшивыми значками и поубивали.

К удивлению Маккенны, хозяин напрягся и выставил подбородок:

— Мне нечего добавить.

Маккенна подался к нему и очень быстро сказал:

— У тебя здесь все по закону? Никого в твоем трейлерном парке не разыскивают за долги? А как насчет нелегалов? А нарушения правил безопасности? Я видел, как за три домика отсюда из двери в хибару рядом тянется провод. Ты дерешь дополнительную плату с нелегалов, живущих в той палатке с электричеством, но без туалета?

Зуб даю, что дерешь.

Хозяин даже не моргнул. Маккенне это стало доставлять удовольствие.

— Допустим, мы депортируем часть этих ребят. Может, посадим кого-нибудь из твоих жильцов — тех, кто нарушает условия условно-досрочного освобождения, а? И тогда доходы твои упадут, правильно? Может быть, даже сильно. И из службы детских пособий сюда могут заявиться, правильно? Хватит одного звонка. В трейлерном парке всегда найдется несколько таких, кто не хочет делиться своими кровными с той сукой, что охотится на него с адвокатами, верно? А когда их не станет, у тебя появятся свободные домики, приятель. А это означает — нет дохода, поэтому ты станешь гораздо меньше нравиться землевладельцу, который забирает свою часть прибыли. Усек?

Маккенна почти услышал, как в голове его собеседника со скрежетом крутятся шестеренки, в глазах появилась тревога.

— Ладно. Слушай, он ушел неделю назад.

— Куда?

— Знаешь заливчик, две мили на восток отсюда, чуть не доезжая Эйнджел Пойнт? Там есть остров, он пошел туда. Нашел какую-то работу

на корабле.

Плавучие лилии усеивали поросшее ивняком болото. Водяные ниссы свисали над бурой водой, наполняя сумерки ароматом. Волны, расходящиеся из-под носа арендованного ялика, с легким шелестом накатывались на полузатонувшие бревна, кора которых выглядела как шкуры мертвых ламантинов.

За день шея обгорела на солнце, а горло стало сухим, как наждак. Отложив шест, последние полмили он прошел на веслах. Ялик бесшумно дрейфовал к домику. Тот стоял, чуть покосившись на тонких сваях, под огромным шатром вековых дубов. Нос лодки уткнулся в крохотный причал из серых досок, деревянные сваи чуть скользнули назад, когда Маккенна тихо выбрался на причал, левой рукой закрепил швартовочный конец, а правой доставал свой 9-миллиметровый пистолет. Незачем проявлять беззаботность.

Темнота сгущалась. Над южным горизонтом зависла фиолетовая грозовая туча, края которой волшебной желтизной окрашивали молнии. Над причалом висела цепочка лампочек, тускло подсвечивающих в темноте. О них бились насекомые. Возле домика дрейфовали но течению две низкие пироги, позвякивая ржавыми цепями.

Замок был старым, и он открыл его за десять секунд.

Комната пропахла псиной. Он систематически ее обыскал, но не нашел никаких личных вещей, если не считать поношенной одежды и нескольких писем на испанском. Штемпели на марках расплылись из-за сырости, которая никогда не покидала выдвижные ящики стола. Но в другом ящике отыскалось письмо с четким штемпелем, отправленное три недели назад из Веракруса — портового города на длинном изгибе в восточной части мексиканского побережья. Насколько Маккенна помнил из истории Гражданской войны, а ее знание было обязательным для южанина, именно в Веракрусе Грант и Ли едва не погибли. Во время войны с Мексикой они вышли в море на маленькой лодке, чтобы разведать побережье, и артиллерийский снаряд упал в десяти ярдах от них.

В Веракрусе много рыбаков. Парень оттуда умеет обращаться с сетями.

Прихватив письма, Маккенна поискал в других укромных местах. Ни пластикового пакета в бачке клозета. Ничего под полом из грязных сосновых досок. Ни пустотелых ножек у хлипких деревянных стульев. Практически ни один из

преступников, с которыми ему доводилось иметь дело, не прятал что-либо в хитроумных тайниках и не планировал убийства. Ни многомесячных обдумываний, ни тщательной проработки деталей, обеспечения алиби, путей ухода, избавления от оружия. Блистательно разработанные убийства показывают только по телевизору, где коп изображает косноязычного придурка, но все же ловит умного убийцу, ха-ха.

Пришедшая с залива гроза загрохотала по жестяной крыше хижины. Маккенна бродил по пропахшей плесенью хибаре и думал. От исходящих паром полотнищ дождя поднималась клубящаяся дымка. Капли барабанили по листьям за окнами, воздух смешался с резкими и влажными запахами птичьего помета. Стоя в обшарпанной кухне, Маккенна гадал, не идет ли он по ложному следу. Скорее всего, письма на испанском ему не помогут, но они хотя бы не противоречат тому, что внешность у утопленника латиноамериканская. И все же он пока ничего не узнал.

Его интуиция была смесью ассоциаций — туманом, который все никак не мог сконденсироваться. Ливень заставил его подумать о подъеме уровня океанов и потеплении из-за

парникового эффекта. Наша планета может стать более похожей на планету центавриан — еще больше тропических морей и суша, избиваемая штормами. Глядя в заливаемое дождем окно, он задумался о том, плавают ли инопланетяне в океане, проводя часть жизни среди рыбьих стай.

Такие мысли не вели никуда, а на лодыжке появились красные точки блошиных укусов. Маккенна выглянул в заднее окно. Дождь ослабел, и теперь он смог разглядеть в лесу серый трейлер FEMA.[38] Оттуда долетел ветерок. Запахи жареного перца и лука наполнили воздух пикантным обещанием.

Маккенна постучал в дверь трейлера. Ему открыл сухопарый белый мужчина, одетый только в джинсы. «Здравствуйте, сэр» и показанный значок стали для Маккенны пропуском.

В крохотном трейлере FEMA тесно было даже словам. В этих коробках из легкого металла, которые тропический шторм мог подбросить в воздух, как игральную карту, разговаривать приходилось на расстоянии. Маккенне сразу захотелось присесть на корточки, а потом пошутить на эту тему. Мистер Фредсон, с его долговязыми метр

[38] Примечания: 38

FEMA (Federal Emergency Management Agency) — федеральное агентство по чрезвычайным обстоятельствам.

восемьдесят пять, развел руки, показывая, как он может одной коснуться потолка, а другой одновременно — пола. Вешалки в крошечном шкафчике висели наклонно, чтобы в нем поместилась одежда, а рядом со шкафчиком стояла бронзовокожая женщина, старавшаяся не смотреть на Маккенну. — Хочу спросить, не знаете ли вы, кто живет в том домике?

— Он не возвращался уже больше недели.

— Он выглядит так? — Маккенна показал фотографию.

— Да, это Хорхе.

— Хорхе…

— Кастан, — негромко подсказала женщина высоким голосом. Ее пальцы теребили бледно-розовую ткань блузки. — Вы *la migra?*

— Нет, мэм. Боюсь, у меня плохие новости насчет Хорхе.

— Он умер? — спросил Фредсон, потупив взгляд.

— Боюсь, что так. Его вынесло на берег немного восточнее.

— Он работал на кораблях, — пояснил Фредсон, покачивая головой. — Много работал по ночам, замещал кого-нибудь.

— Он ведь мексиканец? Жена в Веракрусе?

— Да. Посылал деньги домой. С ним там жили еще двое парней, хорошие ребята, все работали на кораблях. Больше не живут.

Маккенна осмотрелся, размышляя. Женщина, все еще напряженная, вошла в кухню, переставила с места на место картонные тарелки и пластиковые чашки из дешевого универмага, затем принялась начищать серебристый кофейник. Фредсон вздохнул и присел на жесткую кушеточку. Судя по напрягшейся спине, женщина не выглядела хорошим кандидатом в переводчики писем из Веракруса. Чтобы расслабить ее, нужно задавать правильные вопросы.

— У Хорхе все было в порядке? Его ничто не тревожило? Фредсон подумал, пожал плечами:

— Я заглядывал к нему иногда, когда он уходил на пару дней. Он меня сам об этом просил. В последнее время он плохо спал — простыни были аж спутанные.

— Может, он боялся *la migra?*

Маккенна взглянул на женщину. Та перестала делать вид, будто начищает кофейник, и смотрела на них.

— Многие боятся. — Фредсон выпятил подбородок. — Они приезжают работать, а мы предполагаем, что они будут преступниками.

— У нас система правосудия. — Маккенна не знал, как развить эту мысль, и замолчал.

— Хорхе и на том свете справедливости не получит. — Фредсон вызывающе посмотрел на Маккенну. — Я не религиозный, как некоторые.

— А я и не говорил, что Хорхе сделал что-то непорядочное. — Маккенна перешел на прибрежный акцент — испытанная стратегия по завоеванию доверия. — Я просто хочу понять, была ли его смерть случайной.

— Непорядочное — не то же самое, что бесчестное, — решительно заявил Фредсон, скрестив на груди руки.

Маккенна понял, что и здесь он ничего не узнает.

— Мне надо сообщить о его смерти его жене. У вас не осталось никаких его бумаг? Я могу их переслать.

— *Documente,* — отрывисто произнесла женщина. Фредсон посмотрел на нее и медленно кивнул:

— Пожалуй, придется отдать.

Он встал и сунул руку в набитый одеждой шкафчик. Интересно было бы послушать, как они раздобыли трейлер FEMA, но Маккенна знал, что не стоит на них давить, чтоб не спугнуть удачу.

Фредсон достал мятый конверт из коричневой бумаги и протянул его Маккенне:

— Он попросил меня хранить его документы. Наверное, не совсем был уверен в тех двух парнях, что жили вместе с ним.

Маккенна открыл конверт и увидел мешанину разномастных листков.

— Большое вам спасибо. Я прослежу, чтобы они попали к его жене.

— А откуда вы знаете, где она живет? — вопросил Фредсон.

— Узнал адрес.

— Обыскали его жилье, да?

— Конечно. Ну, я пошел…

— А ордер есть?

Маккенна медленно улыбнулся:

— А у вас есть диплом юриста?

Он взглянул на женщину и подмигнул. Фредсон сжал губы, и Маккенна молча вышел.

По дороге к дому, засыпанной устричными раковинами, он ехал уже в темноте. Свернув за поворот, он едва различил в свете дворового фонаря фигуры двух человек, сидящих на качелях на крыльце его дома. Маккенна тут же свернул с дороги и остановился под деревьями. Ему хотелось поскорее оказаться дома и изучить

бумаги, полученные от Фредсона, но он научился осторожности, поэтому зашагал к дому, положив ладонь на рукоятку пистолета. Воздух под мимозой отдавал морской солью. Бриз перемешал запахи соли, рыбы, чего-то мертвого и чего-то цветущего. Когда он обходил дом, сахарный тростник неподалеку зашелестел под ветерком.

Маккенна тихо вошел через заднюю дверь. Когда он включил свет на крыльце, фигуры на качелях подскочили. Это оказались Дениза и его дальний родственник Херб. Вряд ли они были знакомы.

Маккенна открыл переднюю дверь и впустил их, немного смущенный после таких шпионских приемчиков. Дениза изобразила бурный восторг, а нахмуренные брови Херба подсказывали, что он никак не может взять в толк, почему эта женщина здесь находится. Маккенна тоже хотел бы это знать. Он думал, что достаточно ясно выразился, когда Дениза заявилась сюда в прошлый раз. Ему не нравились назойливые женщины, многие из них одним глазом поглядывали на его значок, а вторым — на его пенсию. Даже подходя к его двери, они выглядели так, как будто чем-то торговали. Что ж, может, так оно и было. Он вырос в те времена, когда женщины на свидания не

напрашивались. И что же случилось с искусством ухаживания?

И не так уж хорошо он ладил с женщинами. Даже на третьем десятке ему столько раз отказывали, что и не сосчитать. Он принес гостям выпить и пока отложил вопрос о том, зачем приехала Дениза.

Они обменялись любезностями, и Маккенна увидел способ решить эту загадку. Херб сказал, что оказался неподалеку и просто заехал на минутку. Прекрасно. Он спросил Херба, не узнал ли тот что-либо новое о центаврианах после пикника у Пизотти, и этого оказалось достаточно. Херб переключился на лекторский режим, а Маккенна откинулся на спинку и принялся наблюдать за реакцией Денизы.

— В Интернете о них чего только не пишут, — со смаком начал Херб. — Похоже, центавриане специально заглушили свои радиостанции, как только засекли первые сигналы Маркони. Понимаете, изучая нашу атмосферу, они уже несколько столетий как определили, что Земля — планета с биологией. И потратили еще несколько веков, создавая электрические звездолеты.

— Боже мой, — тихонько произнесла Дениза.

Херб ответил ей сияющей улыбкой — ему нра-

вились слушатели.

— Некоторые считают, что и НЛО посылали они! Дениза моргнула и удивленно округлила рот.

— Так это были их НЛО?

— Понимаете, те НЛО, что мы видели, они ведь не твердые, так? Центавриане послали их в качестве своеобразного сигнального устройства. Направляли в нашу атмосферу какие-то энергетические лучи и создавали образы этих НЛО. Радары их засекали, потому что они ионизировали атмосферные газы.

Маккенна откровенно наслаждался лекцией:

— Лучи?

Херб кивнул, в глазах плясали огоньки:

— Да, они возбуждали в атмосфере нечто вроде резонансного эффекта. А посылали они эти лучи из нашего пояса астероидов.

Дениза нахмурилась:

— Но они прилетели к нам всего несколько лет назад.

— Они послали автоматические станции, которые прилетели к нам еще в сороковые годы двадцатого века. Они уже тогда запланировали послать к нам такую станцию, чтоб она села и взяла пробы. Вот они и воспользовались теми

лучами, чтобы… ну, не знаю… может быть, чтобы предупредить нас: что-то скоро произойдет.

— Странно как-то, — сказала Дениза. — А что вы скажете о людях, похищенных теми НЛО? Они же проделывали над ними всяческие опыты!

Херб презрительно опустил уголки рта.

— Это всего лишь байки желтой прессы, Дениза.

Маккенна улыбнулся, чтобы сдержать смех, так и рвущийся на волю.

— Ты биологию учил?

— У нас на планете много рептилий. Но лишь некоторые виды живут и на земле, и на суше, — ответил Херб.

Он перевел дух и собрался продолжить лекцию, но тут его перебила Дениза:

— А как насчет аллигаторов?

Херб моргнул, быстро и вежливо улыбнулся и сказал:

— Биологи предположили, что у центавриан водились на островах какие-нибудь хищные рептилии, создавая так называемое давление естественного отбора. И разум у центавриан развился, может быть одолевая этих рептилий, когда их предки выбрались на сушу. Возможно, что они, подобно лягушкам, начинают жизнь

личинками в воде.

— Так они поначалу вроде головастиков? — удивленно спросила Дениза, уставившись на Херба.

— Может быть, может быть. — Хербу нравилась ее реакция, и Маккенна предположил, что он не избалован женским вниманием. Возможно, женщины бывали слишком вежливы, чтобы его прерывать. — Они растут, у них развиваются легкие, ноги, эти смешные ласты, похожие на руки, с противостоящими большими пальцами. А затем и большой мозг, чтобы противостоять рептилиям, когда они выйдут на сушу.

— Значит, они должны ненавидеть наших аллигаторов? — спросил Маккенна.

— Наверное, — допустил Херб. — В районе острова Дофин они точно относятся к ним враждебно. Не исключено, что они, подобно лягушкам, дают обильное потомство. Знаете, ведь большинство головастиков не выживает, даже когда выбирается на берег.

— Но когда один из молодых выползает на берег, взрослым приходится ему помогать, — заметила Дениза. — Защищать от рептилий. Может быть, учить делать орудия труда. Кооперация, но и социальная конкуренция тоже.

Мужчины уставились на нее, и она прочла их безмолвный вопрос.

— У меня диплом по социологии, а вторая специализация по биологии.

Херб уважительно кивнул, глядя на нее по-новому.

— Трудно представить, что существа вроде лягушек способны одолеть крупных рептилий, а?

Сама мысль об этом заставила Денизу хихикнуть, глаза у нее заблестели, и Маккенна встал за дополнительной выпивкой. Однако, когда он вернулся, гости уже собрались уходить. Херб сказал, что ему пора домой, и тут они обнаружили, что живут недалеко друг от друга, и какой сюрприз, что они познакомились так далеко от дома. Словом, они едва заметили, как Маккенна пожелал им доброго пути.

Он смотрел, как они стоят возле машины Денизы и обмениваются номерами телефонов. Эх, если бы он смог оказаться такой же удачливой свахой для самого себя… Но что-то внутри него пока не было к этому готово.

«А что еще есть у тебя в жизни?» — пришла незваная мысль.

Работа. Ах да, еще и бумаги Хорхе, полученные от Фредсона.

Хорхе набил конверт всякой всячиной. Кассовые чеки, какие-то нечитаемые листочки, несколько телефонных номеров, мексиканский паспорт с фотографией, на которой он был очень похож на свой труп.

Маккенна уже складывал их в стопку, когда из нее выпал листок. Записка, написанная на листе со штемпелем компании «Бэйсайд боутс».

Ехать было не очень далеко. Маккенна прибыл туда на рассвете и понаблюдал, как к причалу подходит креветколов. Когда он показал работникам фото Хорхе, того никто не признал. Но менеджер и владелец, седеющий мужчина по фамилии Рандорф, чуть помедлил, прежде чем ответить. Затем покачал головой.

На обратном пути Маккенна проехал мимо причала «Промотанных бабок». Корабль как раз возвращался с ночного лова, и на носу стоял Мерв Питскомб.

— Получили что-нибудь из ОСР по этим случаям? — спросил его начальник.

— Ничего. — Все знали, что отдел специальных расследований был постоянно завален работой и крутил романы с ФБР.

— Какие-либо ППЛ в пределах штата?

ППЛ, «преступления против личности», являл собой недавно придуманный акроним, экранирующий сознание от проклятой реальности и удерживающий от размышлений о бездне.

— Ничего.

— Значит, у вас имеются два утонувших парня, которые работали на кораблях, выходивших в море из одного и того же города. Я бы счел это натяжкой.

Маккенна постарался выглядеть здравомыслящим.

— Я хочу получить ордер на ознакомление с их ведомостями по зарплате. Выяснить, когда работали те двое, и двигаться дальше с этой точки.

Начальник покачал головой:

— Шансы тут невелики.

— Сомневаюсь, что смогу копать глубже без этого.

— Вы очень упорно работали по этому делу. Завтра выходит из отпуска ваш напарник.

— И что?

— Может быть, вам подключить и его? И еще… те двое из ФБР, что к вам подходили. Может, действительно лучше им расследовать это дело?

— От них нам помощи точно не дождаться. И Лебу тоже не поможет, раз у меня нет никаких

новых фактов.

— Гм… — Начальник, конечно, тоже недолюбливал ФБР, но не хотел наступать им на хвост. — Так, посмотрим. Заявка должна пойти на подпись к судье Престону. В последнее время он к нам весьма благосклонен, наверное, завел новую любовницу…

— Разрешите добавить заявку к документам, которые направят к нему сегодня до полудня.

— Хорошо, но потом займитесь и другими делами. Они все копятся и копятся.

У Маккенны имелась форма заявки на получение ордера. Он вывел ее на экран и вставил из другой «рыбы»: «Я почтительно прошу суд выдать ордер и приказ о конфискации в прилагаемой форме, разрешая обыск жилища по адресу… И то, что будет найдено, будет предъявлено суду вместе с прочими уликами, каковые суд может счесть надлежащими». Юристы любят такую хрень.

Лицо Мерва Питскомба исказилось от ярости. Тугодум Бадди Джонсон, бывший зек и спускатель шин, стоял рядом и притворно ухмылялся. Никому из них ордер не понравился, и еще больше не понравилось, когда Маккенна забрал ведомости

по выплате зарплаты.

Этан Ансельмо, разумеется, там значится, и он выходил в море на «Промотанных бабках» за два дня до того, как его тело вынесло на берег. Хорхе Кастана там не было. Зато имелись инициалы, вписанные бухгалтером за неделю до последней записи про Ансельмо и через два дня после этой даты. Этим людям было начислено 178 долларов. Одни инициалы были Г. Б., а вторые Х. К.

Бухгалтеры вынуждены все записывать, даже если что-то необходимо сохранить в тайне. Нелегалы, разумеется, работали неофициально, не имея номера социального страхования. Но баланс-то бухгалтер подводить обязан, правильно? Маккенна обожал бухгалтеров.

— Ладно, — сказал начальник, — у нас достаточные основания, чтобы задержать этого Питскомба и того, второго…

— Рандорфа.

— …задержать и немного обработать. Может быть, они и не преступники, и это были просто несчастные случаи, в которых капитаны не хотят признаваться. Но теперь у нас есть резонное основание для задержания. Привезите их завтра утром. Сейчас уже конец смены.

Под конец рабочего дня всегда случается ка-

кая-нибудь неразбериха с бумагами. Маккенна проделал все необходимое и занялся другими, более мелкими делами, уже подумывая о возвращении домой.

И тут его осенило.

Лет десять назад он научился хорошему трюку от сержанта, который расколол немало крутых парней.

Если у тебя есть двое подозреваемых в убийстве, сажай в кутузку обоих. Продержи их там ночь. И пусть с ними поработает система.

В юридических телешоу закон показан как умная и упорядоченная машина, которая в конце концов, примерно за час, наказывает виновного.

Однако система работает совершенно иначе. Едва попав меж ее жерновов, ты теряешь контроль над своей жизнью и становишься вещью. Ты сидишь в КПЗ, лихорадочно размышляя. Вокруг ни одного знакомого лица. Ты смотришь на сливную дыру в сером бетонном полу, где недавние пятна пробиваются сквозь слой дезинфектанта. На стенах ты видишь грубо нацарапанные рисунки органов и связанных с ними действий, ярко освещенные жужжащими люминесцентными лампами, которые никогда не выключаются. Ты слышишь доносящиеся откуда-то вопли и как

копы стучат дубинками по решетке, чтобы стало тише. Но тише не становится. Поэтому ты опять продолжаешь сидеть наедине со своими лихорадочными мыслями.

Чтобы попасть в нормальную уборную и не мочиться в эту дыру, ты должен просить разрешение. У тебя есть право на звонок, чтоб выбрать себе адвоката из телефонного справочника, но голос на том конце провода отвечает, что адвокат придет завтра. Может быть, придет, а может быть, и нет. Ты ведь не богач, чтобы его заинтересовать.

Копы обращаются к тебе по фамилии и отводят тебя, словно ходячую мебель, в другую камеру, побольше, где сидит больше арестантов. Никто из них не смотрит на тебя — за исключением тех, чей вид внушает серьезные опасения. Потом наступает ночь, свет приглушают, но не намного.

Вот тут и проявляется разница между двумя подозреваемыми. Один будет спать, другой не будет.

Любой, кто кого-то убил, не уходит от трупа белым и пушистым. Убийцы смотрят те же фильмы, что и обычные люди, а телевизор они смотрят еще больше. Днем они сидят возле ящика, заключая сделки с наркодилерами или дожидаясь ночи,

чтобы заняться другими темными делишками. У них куча времени, чтобы подумать о своих делах. Многие из них могут процитировать «Крестного отца». Фильм, разумеется. Никто из них не читает романы или еще что-то. Машина эмоций работает у них постоянно, и после дела они сбрасывают избыток энергии. Пьют, отправляются к бабам, колются.

А потом, если ты все рассчитал правильно, их арестовывают.

И вот тут давление резко спадает. Тяжкий груз напряжения, медленно копящийся стресс, не дающий покоя, — все это позади. Убийца плюхается на тонкий матрац, натягивает грубое шерстяное одеяло на лицо и проваливается в глубокий блаженный сон. Многие едва успевают добрести до койки, прежде чем у них кончается внутренняя энергия.

А теперь подумайте о парне, который не убивал. Он знает, что не убивал, даже если весь проклятый мир этого не знает. Он до смерти напуган, потому что осведомлен уличной культурой о том, что правосудие — шлюха, а борделем заправляют юристы. И поэтому он здесь в реальной опасности. Еще он знает, что должен упорно сражаться, думать, на все обращать внимание.

И при этом еще он взбешен, потому что *не убивал,* а разве это не имеет значения?

Поэтому его трясет, он сидит и не спит. Глаза у него воспалены, а язык заплетается, когда он пытается сказать другим парням в камере, которые уже отвернулись и спят, что он *не убивал.* Он знает, что умнее всего ему было бы стать чем-то вроде дзен-самурая и отключиться, но он не может. Потому что *не убивал.*

Возьмите список распределения арестованных по камерам и пройдите в комнату, где скучающий полноватый полицейский наблюдает за множеством экранов. Проверьте номера на экранах, отыщите нужные камеры, посмотрите на усиленные электроникой картинки. Спящие лежат спиной к свету, завернувшись в одеяла. Те, кто спать не хочет или не может — это не важно, — не обращают внимания на свет. Вы увидите, как они моргают, лежат и думают.

А на следующее утро сержант начинал колоть того, кто спал, и освобождал парня, который так и не смог уснуть. Иногда невиновные едва могли ходить после пережитого. Зато они, по крайней мере, выходили на волю, к солнцу.

Сломить спящих иногда удавалось только через несколько дней. Некоторым попадались умные

или влиятельные адвокаты. По зато он точно, знал, что они убийцы, а в этом и была суть.

Маккенна научился этому столько лет назад, что и думать об этом не хотелось, и этот метод будет работать и тогда, когда его уже давно не будет на этой земле.

Он арестовал Питскомба и Рандорфа на закате. Их зарегистрировали, сфотографировали, сняли отпечатки пальцев. Они проклинали его на все лады, но Маккенна отмалчивался и делал свое дело.

Потом их отправили в камеры.

Дома Маккенну ждала бутылка «Зинфанделя», и в ту ночь он хорошо спал.

Утром и у Питскомба, и у Рандорфа оказались красные глаза, и оба были раздражены.

Его начальник тоже был раздражен:

— Я не говорил, чтобы вы сажали их на ночь.

— Не говорили? Наверное, я ослышался.

Маккенна произнес это с абсолютно каменным лицом. Став детективом, он тренировался перед зеркалом, и это оказалось ценным умением.

Допрашивая Питскомба и Рандорфа, он делал все, что мог, но тот простой факт, что они почти всю ночь не спали, лишил Маккенну уверенности. Он ничего от них не добился. Пришлось их

освободить и попросить полицейских отвезти их домой.

Днем на работу пришел его напарник. Лебу, дородный мужчина, любил подробности, поэтому Маккенна перебросил на него несколько дел о вооруженных ограблениях. Они дожидались внимания, но Маккенна знал, что зацепок по ним не будет. Преступления совершала одна и та же банда чернокожих налетчиков, грабившая мини-маркеты, и они свое дело знали. Видеозаписи показывали только проворных парней в звериных масках. Лебу, похоже, не возражал. Маккенна ввел его в курс дела про утопленников, но не смог предложить, куда двигаться дальше. Эти дела остывали с каждой минутой, готовясь к отправке в архив.

Маккенна не обладал систематичностью Лебу, который соблюдал строгий порядок, даже когда рыбачил. Поэтому когда Лебу спросил: «А как насчет телефонных номеров, найденных у того нелегала?» — настроение у Маккенны окончательно испортилось. Он ведь заметил эти номера на листке из пачки документов, найденных в хижине Кастана, — как раз перед тем, как обнаружить записку из «Бэйсайд боутс». И рванул по этому следу, как гончая, позабыв про телефоны.

Он немедленно занялся ими. Один оказался номером мексиканского консульства в Новом Орлеане — наверное, Хорхе предполагал воспользоваться им в случае, если его арестуют.

По другому ответил каменный голос, произносящий одну фразу: «Наберите ваш код». По остальным ответили на испанском, и там он ничего не выяснил. Он подумал было, что надо привлечь переводчика с испанского, но на них был большой спрос и ждать пришлось бы несколько дней. Никто в убойном отделе не знал испанский лучше ресторанного уровня. Тогда он вернулся к каменному голосу. Номер оказался из Мобила.

Обычно, чтобы определить адрес по номеру, используют обратный справочник опубликованных номеров. Там Маккенна этот номер не нашел. Имелись и менее известные электронные справочники неопубликованных номеров, связывающие номера телефонов с именами и адресами людей. Он отыскал такие справочники в базе данных полиции Мобила. Они включали номера со всей страны и предназначались для тех, кто использовал такой номер для заказа чего-нибудь по телефону. Маккенна задумался о предлоге. Для предлога звонишь в ремонтный

отдел телефонной компании, говоришь, что на линии проблема, и выманиваешь у них адрес, связанный с этим номером. Но чтобы это проделать, требовался ордер, а его кредит у судьи Престона закончился.

Но если он не может выдать себя за кого-то другого, то, может быть, он сумеет выдать свой телефон за чей-то? На профессиональном жаргоне такое называется «спуфинг», «подстава» — сделать так, как будто звонок сделан с другого телефона, а не с его номера в убойном отделе. Тогда тот, кому звонят, с большей вероятностью ответит на звонок, даже если у него есть новые программы, которые отслеживают номер звонящего быстрее чем за секунду. Служебный номер Маккенны не значился в телефонном справочнике, но наверняка числился в специализированных базах данных. А тот каменный голос звучал очень даже профессионально…

Прежде для спуфинга требовалось специальное оборудование, но теперь, когда появилась возможность звонить через Интернет и другие сетевые сервисы, задача оказалась достаточно легкой. Фактически настолько легкой, что справиться с ней мог чуть ли не любой желающий. Но Маккенна в число «любых» не входил. У него

ушел добрый час на расспрос коллег, чтобы выяснить все досконально. Разумеется, все они не упустили возможность развлечься — а то как же, сам «прохфессор» обратился к ним за помощью. К концу этого часа на лице Маккенны появилась окаменевшая улыбка.

Но когда потратишь час, чтобы узнать как, на выполнение уходит меньше минуты.

На сайте, через который он позвонил, оказался даже взламыватель паролей, связанных с номером. Когда каменный голос ответил, Маккенна повторно ввел последние четыре цифры номера, и через несколько секунд в трубке послышался сигнал вызова.

— Алло?

Маккенна промолчал.

— Алло? — повторил голос Темных Очков.

Какое-то время ушло, пока начальник Маккенны по своим каналам выяснял имя Темных Очков. В офисе ФБР ему сказали, что на следующее утро Темные Очки будет в федеральном суде. Там Маккенна его и отыскал.

— Можно вас на пару слов в коридор? — Маккенна уселся рядом с ним, в заднем конце зала суда. Впереди кто-то бубнил, и судья выглядел спящим.

— Кто вы? — осведомился Очки, задрав нос. Сегодня он был без темных очков, и его внешность это не улучшило.

Маккенна показал ему значок:

— Помните меня? Вы были с мистером Морпехом.

— С кем?

— И вы не сказали, что вы еще и адвокат.

— Кто же вам об этом сказал?

— В вашей конторе. В ФБР, помните такую?

Адвокат чуть отодвинулся, все еще задирая подбородок, — первая линия обороны.

— Я жду своей очереди давать показания в федеральном суде.

— Убийство пересекает границы.

На них уставился судебный пристав, потом ткнул пальцем в сторону двери. В коридоре Очки снова изобразил адвокатскую внешность.

— Говорите, только быстро.

Я по делу одного из ваших клиентов, Хорхе Кастана.

— Я не обсуждаю дела своих клиентов.

Он шагнул, собираясь уйти, и Маккенна небрежно остановил его, уперев ладонь в грудь.

— У вас нет права прикасаться ко мне. Прочь!

Маккенна лишь покачал головой.

— Вы все прекрасно знаете. Ваш клиент убит или вроде того. Уже второй подобный случай за неделю. А на сайте ассоциации адвокатов сказано, что до того, как вас взяли на работу в ФБР, вы были иммиграционным адвокатом. И вы должны были знать, что ваш клиент — нелегал, или вы еще тупее, чем выглядите.

— У меня нет склонности оскорблять кого-либо. А вот вы прикоснулись ко мне…

— Вы крепко влипли. Понимаете, убийство — это местное преступление, если только вы не сумеете доказать, что оно проходит по соответствующему федеральному делу, которое важнее местного. Но сумеете ли?

— Я не обязан…

— Обязаны.

— Нет ни крупицы доказательств…

— Приберегите это для судьи. Неправильная позиция, адвокат.

— Я понятия не имею…

— Конечно. Который раз это слышу. Должно быть, вы, парни, смотрите одни и те же фильмы.

— Я адвокат. — Он выпятил грудь.

— Конечно, а я знаю номер ассоциации адвокатов. И то, что вы из ФБР, вас не спасет.

— Я требую ответа на…

Темные Очки еще пыжился, но Маккенна шажок за шажком оттеснял его к мраморной стене, пока тот не уперся в нее лопатками. Тут выражение его лица изменилось, и Маккенна увидел в нем лицо школьника, которого припугнули громилы-старшеклассники. Выходит, он пошел в юристы, на тихую и спокойную работу со словами и бумагами, чтоб сбежать из реального мира, где правят древние законы приматов. Очки даже прижал к груди свой «дипломат», как бы защищаясь, но этот щит не помешал Маккенне ткнуть пальцем в его на удивление мягкий бицепс.

— Теперь ваша подача, адвокат.

— Как юрист…

— Вы обязаны быть лжецом. Наемным.

— Я не отвечаю на оскорбления.

Он начал повторяться и снова задрал подбородок. Маккенна ощутил, как его правая рука дернулась, сжимая кулак, — так сильно ему захотелось врезать этому клоуну в тот самый подбородок.

— Вы знали, когда надо отправиться на поиски Хорхе. Или, может быть, тех, кто его знал. С чего это вдруг?

— Я… я сейчас уйду.

— Не уйдете, если не совсем дурак. Одна из

тех, кто его знал, — тоже нелегал. Может быть, вы хотели использовать это, чтобы заставить ее молчать?

— Это лишь ваши предположения…

— Не совсем, судя по вашему лицу. Нет, вы на кого-то работаете. На какого-то влиятельного человека.

— Мои клиенты и дела…

— Являются секретом ФБР, знаю.

— Я абсолютно уверен, что мои действия абсолютно законны.

Маккенна ухмыльнулся и от души шлепнул по «дипломату» ладонью. Юрист подскочил, выпучив глаза, и снова оказался на школьном дворе во время переменки.

— Я… у меня отношения «клиент — адвокат», которые по конституции…

— А как насчет Библии?

— …требуют, чтобы вы уважали их.

— Следующий мертвец будет на вашей совести, адвокат.

Юрист еще крепче прижал к груди чемоданчик и кивнул, уставясь в пол с таким видом, как будто видел его впервые. Он тихонько вздохнул, полный безнадежного отчаяния.

Сейчас Маккенна использовал метод, разра-

ботанный им годы назад, когда он понял, что юристы — это сплошной треп и никаких мускулов. «Добрый коп и злой коп» давно стали штампом, да только адвокат все ждал, когда же появился добрый коп, но тот все не появлялся.

Адвокат шагнул в сторону, как только Маккенна ему позволил.

— Подумайте лучше, кого вы решили представлять. Кстати, кто это может быть?

— Мой клиент…

— Нет, я другое имел в виду. Кого? Чьи интересы?

— Я… я не понимаю, что вы имеете в виду. Я…

— Вы знаете больше, чем сказали. Этого я и ожидал. Но вам все равно следует думать о том, что вы делаете. — Озорная улыбка. — Всем нам следует.

— Слушайте, мы ведь можем решить все по-хорошему…

— Попробую быть вежливее, если вы попробуете быть умнее. Маккенна сунул в нагрудный карман пиджака Темных Очков свою визитку:

— Позвоните мне. Если я узнаю то же самое раньше вас и окажется, что вы про это знали… Тогда пощады не ждите, правозащитник. Ни на грош.

Маккенна шагнул в сторону и дал адвокату сбежать со школьного двора. Тот умчался, не обернувшись.

Начальник Маккенны откинулся на спинку кресла и нахмурился.

— И вы так поступили, потому что?..

— Для начала потому, что утопленники со странными шрамами не привлекут внимания ФБР без причины.

— Для начала не очень-то много.

— Медэксперт сказал, что не может идентифицировать следы небольших проколов. Как и то, из-за чего появились те странные рубцы.

Шеф кисло улыбнулся:

— Сами знаете, чего стоят вещественные доказательства. Они должны укладываться в полную картину преступления.

— А ее у меня нет.

Шеф развел руки. Манжета соскользнула, обнажив часть татуировки на руке — колючую проволоку розового цвета.

Маккенна где-то прочитал, что эксперт — это человек, совершающий все возможные ошибки в узкой области. А умный человек — это тот, кто совершает их в разных областях. Предполагалось, что это смешно, но для шутки это было слишком

близко к истине.

Поэтому в тот вечер он проследил своего старого приятеля Бадди Джонсона от работы до самого дома. Бадди любил простые радости жизни и первый час провел в баре. Потом вышел на улицу покурить травки. Было уже темно, и Бадди аж подскочил, когда Маккенна внезапно направил луч фонарика ему в глаза.

— Ого, а сигаретка-то пахнет странновато.

— Чего? Ты кто такой?

— Наверное, свет очень яркий? А ты что, не узнаешь меня по голосу?

— Какого… Послушай, я…

Маккенна бросил фонарик, чтобы отвлечь его, скользнул ему за спину и надел на Бадди наручники.

— Немного прокатимся.

Маккенна провел Бадди по грязному переулку и усадил в его же кабриолет. Немного пыхтя, но чувствуя себя отлично, Маккенна пристегнул Бадди ремнем безопасности к пассажирскому сиденью. Затем быстро проехал пару миль и свернул к автомойке. Все ее работники уже находились на улице, собираясь закрывать лавочку. Когда они подошли, Маккенна показал им значок, и они сразу побледнели. Все нелегалы,

разумеется, и не знают английского. Но значок этот они, разумеется, знали. И сразу испарились, как роса после восхода солнца.

Даже с наручниками за спиной Бадди все пытался что-то сказать.

— Забыл, как проколол мне шину?

Маккенна сильно врезал ему по носу, пустив кровь, и Бадди заткнулся. Маккенна загнал машину на моечный конвейер и подошел к панели управления. Надписи на кнопках были на английском, некоторые слова на потертом пластике исчезли. Она набрал «СУПЕРЧИСТКА», «ГОРЯЧИЙ ВОСК» и «ЛЕГКАЯ ПОЛИРОВКА». Потом усмехнулся и отправил Бадди в путь.

Зашипели шланги высокого давления. Большие черные щетки опустились на открытые сиденья и с рокотом завертелись, начищая Бадди. Он завопил, его сильно шлепнули большие пластиковые листы, и вопли оборвались. Маккенна вырубил машину, щетки поднялись. В наступившей тишине было лишь слышно, как падают капли на кожаные сиденья.

Маккенна окликнул Бадди и подождал. Ответа не последовало. Маккенна видел откинутую назад голову Бадди. Не потерял ли тот сознание?

Подумав о двух утопленниках, Маккенна на-

жал кнопки снова.

Щетки едва начали раскручиваться, как из машины донесся пронзительный вопль. Маккенна выключил мойку. Щетки поднялись. Маккенна неторопливо зашлепал по лужам к машине.

— Ты впервые в жизни почти чистый, Бадди. А теперь я дам тебе шанс стать совсем чистым. Облегчи душу, расскажи мне все.

— Я… им это не понравится. — Из уголков его выжидательно открытого рта текла слюна. Глаза закатывались — он был на грани обморока.

— Просто расскажи.

— Им это действительно не понравится…

Маккенна развернулся и направился к панели управления. Жалобное и подвывающее всхлипывание подсказало ему, что можно повернуть обратно. Всегда можно точно определить, когда человек сломался окончательно.

— Куда они плавают?

— Почти до Чандлера.

— До островов?

— Да… далеко… почти всю ночь. К нефтяным вышкам… тем, сломанным.

— Кого вы туда возите?

— Центавров. Обычно одного, иногда двух.

— Одних и тех же?

— Почем я знаю? Для меня они все одинаковые. Питскомб, тот чуть задницу не лизал и центаврам, и федералам, что были с ними, так и он их различить не может.

— Питскомб имеет отношение к смерти Этана?

— Мужик, я в ту ночь не работал.

— Черт. А что другие парни об этом говорили?

— Ничего. Я только знаю, что в одну ночь Этан был на корабле, а на другой день не пришел на работу.

— Кто еще был с центаврами?

— Только федералы.

— Для чего вы выходили в море?

— Не знаю. На борту было что-то в больших пластиковых мешках. А команда уходила с палубы примерно так на час, пока мы кружили вокруг тех раздолбанных нефтяных вышек. ФБР и центавры оставались на палубе. Хрен его знает, чем они там занимались. А потом мы шли обратно.

Маккенна снял с Бадди наручники и помог ему выбраться из машины. К его удивлению, Бадди держался на ногах хорошо.

— Знаешь Хорхе?

— Кого? А, этого мокроспинного?[39]

---

[39] Примечания: 39

Мокроспинными (wetback) в США называют мексиканцев-нелегалов, пробирающихся в страну через пограничную реку Рио-Гранде.

— Его самого. Ты сейчас тоже мокроспинный.

— Что? А, это… — Бадди оценил шутку и, надо отдать ему должное, ухмыльнулся. — Слушай, не сажай меня за травку, и мы в расчете, согласен?

— Ты джентльмен и грамотей, Бадди.

— Чего?

— По рукам. С завтрашнего дня не суй свой нос в эти дела, или я снова привезу тебя сюда, чтоб почистить.

Бадди потупился:

— Знаешь, а ты прав. Пора начинать честную жизнь.

— Со мной ты был честен уже сейчас.

Они даже пожали друг другу руки.

Когда Маккенна свернул на засыпанную устричными раковинами дорогу, в его мусорнике рылся енот, обходящий свои владения. Он шуганул его, затем бросил в мусорник арбуз, который уже начал портиться.

Потом он сидел на крыльце, потягивал каберне и приходил в себя после эмоций на автомойке. Жена как-то сказала ему, что, пройдя все этапы служебной карьеры — сперва рядовой патрульный, потом работа в полиции нравов, потом отдел борьбы с мошенничествами и, наконец, отдел по расследованию убийств, — он стал жестким че-

ловеком. А он никогда не говорил ей, что, может быть, ее долгая болезнь заставляла его быть дома тихим, настороженным и подозрительным… Но в конце концов скорее всего верны оказались обе причины. Его никогда не интересовали светские разговоры, зато он овладел способностью убеждать свидетелей раскрываться.

Сейчас, обработав Бадди, он почти ничего не испытывал. Он проделал это со смутным интуитивным ощущением, что парню необходима пробуждающая встряска. Да, конечно, но пошел он на такое больше из-за того, что его в этом деле явно блокировали. А он не мог выпустить его из рук. Возможно, оно помогало ему заполнить внутреннюю пустоту, которую он ощущал без стыда или чувства утраты, не как отсутствие, а как полое пространство — открытость, из-за которой вздохи ветра и плеск волн были для него не всего лишь фоном, а самой жизнью, проходящей, пока большинство людей игнорирует ее, забалтывает, пытается удержать и пригвоздить ее словами. И на закате, сидя на покоробленных досках своего причала, он вслушивался, как дышит во сне планета. Мир, никогда полностью не раскрывшийся, планета со странностью внутри.

На следующий день они с Лебу работали по

обычным делам, связанным с бандами. И планировали. Лебу был заядлым рыбаком и всегда готов выйти в море, лишь бы нашелся повод. Уговаривать его не пришлось. Никакой другой план им в голову так и не пришел. Их начальнику позвонили из ФБР и, разумеется, облили Маккенну грязью. Но не пожелали ничего сообщить по делу, да еще попытались выведать, что известно Маккенне. Шеф ушел в глухую оборону и послал их подальше. Мексиканский пат.

Незадолго до сумерек Маккенна напылил на себя из баллончика шорты и рубашку. Состав в баллончике был относительно новым, удобным и легким, и ему захотелось его испытать. Шорты были черные, из самого дешевого состава, с дырочками по всей поверхности, чтобы кожа могла дышать. Живот у него был толстоват, а бедра жилистые, но все равно его никто не увидит, если Маккенна сам не захочет. «Умные» волокна чуточку щекотали кожу, сплетаясь на запястьях, формируя манжеты и укладываясь по контурам его тела, а выделяющееся при этом тепло подбодрило Маккенну. Он доехал до лодочной пристани чуть западнее Байю-ла-Бэтри, набирая полные легкие солоноватого закатного бриза и заряжаясь энергией.

Лебу ждал его в алюминиевой лодке с электромотором и запасными аккумуляторами, взятыми напрокат в Мобиле в компании, обслуживающей рыбаков. Отличная посудина для тихой ночной работы, с прожекторами и радиотелефоном. Лебу, радостно ухмыляясь, проворно грузил в нее снаряжение.

— Я тут подумал, что смогу по пути немного порыбачить, — сказал он, укладывая в лодку большой шест и ящик с рыбацкими снастями. Не забыл он и про набор разделочных ножей и ящик со льдом. — Никогда не угадаешь, когда попадется крупная рыбка.

Туфли Маккенны зашуршали по бетону пристани. Внизу негромко шлепала по сваям вода. Лодку поднимал медленно накатывающийся прилив. Мимо проплыла дохлая нутрия с остекленевшими глазами, на ней примостился синий краб, неторопливо закусывая. Обычное дело в кафе «Дарвин».

Чтобы добраться до расчетной точки встречи, они запустили подвесной бензиновый мотор, экономя аккумуляторы. Накануне под вечер Маккенна подсадил на «Промотанные бабки» маячок, заслав на корабль нанятого в Байю-ла-Бэтри темнокожего парня под предлогом поиска работы.

Теперь их устройство слежения — трекер — сразу поймало сигнал микроволнового маячка. С помощью встроенного в трекер приемника GPS они могли держаться примерно в миле от корабля и легко следовать за ним. Лебу совершенно не разбирался в технике и ни разу не назвал Маккенну «прохфессором».

Лебу включил сонар и увидел на экранчике скользящее назад песчаное дно, постепенно переходящее на глубине в илистые наносы. Дул бархатный ветерок. Лодку проглотила ночь.

Поначалу им овладел азарт, но потом они вышли в море, и мерный ритм накатывающихся волн сморил Маккенну. В последние дни он недосыпал, поэтому на первую вахту заступил Лебу, которому не терпелось порыбачить. Отпуск Лебу провел, рыбача возле Форт-Лодердейла, и был счастлив снова заняться любимым делом.

Три часа спустя Лебу разбудил Маккенну.

— Думал, ты разбудишь меня на вахту, — пробурчал Маккенна.

— Ничего, я ведь все равно следил за снастями. Одна рыбина даже сорвалась.

— Как обстановка?

— Судя по трекеру, они дрейфуют.

Они бесшумно приблизились к кораблю на

электромоторе. Трекер поймал сигнал неподвижного предупреждающего радиомаяка.

— Наверное, он на нефтяной платформе, — решил Маккенна.

Лебу немного изменил курс, направив лодку в ту сторону.

Вскоре из мрака появился перекрученный скелет платформы. Главная площадка на четырех пилонах торчала к воде под углом. На ее стальных пластинах валялись обломки разбитого навеса буровой. Три жалких вращающихся маячка подмигивали в беспокойную морскую даль.

— Креветколов далеко? — спросил Лебу.

Маккенна посмотрел на экран трекера, взглянул на шкалу масштаба.

— Ярдов триста. Не движется.

— Давай укроемся под платформой, — предложил Лебу. — Так нас трудно будет заметить.

— Даже не знаю, много ли я разгляжу в инфракрасных очках на таком расстоянии.

— А ты проверь.

Инфракрасные очки ночного видения, которые Лебу выцыганил на складе отдела спецопераций, расположились на голове Маккенны наподобие жирного паразита. В них он смог разглядеть на палубе корабля лишь перемещающиеся точки

— размытые тепловые силуэты людей.

— Еле-еле, — сообщил Маккенна.

— Дай-ка мне попробовать.

Они осторожно завели лодку под стальные плиты футах в двадцати над головой. Лебу закрепил лодку, привязав ее двумя канатами к пилону, и ее стало меньше болтать на волнах. Здесь, из более глубокой темноты, Маккенна смог лучше разглядеть корабль. Понаблюдав за ним некоторое время, он сообщил:

— Они движутся в нашу сторону. Но медленно.

— Хорошо, что мы укрылись. Интересно, почему они выбрали район платформы?

Со стороны платформы, направленной к берегу, многие из ее стальных костей были выдраны и согнуты вниз, и теперь их концы скрывались под волнами. Защитники окружающей среды выжали из этого обстоятельства все возможное, назвав эти обломки местами нереста рыбы. Возможно, так оно и было.

— Может быть, здесь рыбные места.

— Слишком далеко от берега.

Маккенна посмотрел на разодранные ржавые стальные пластины над головой, подпираемые сквозными балками. Его отец погиб двенадцать лет назад на одной из таких платформ, во время

первой атаки урагана. Когда нефтяная вышка начинает крениться и трещать во время сильного шторма, ты цепляешь страховочный пояс к тросу устройства аварийного спуска и прыгаешь с высоты — прямо в темное море, скользя в надежду. Маккенна попытался представить такое, увидеть, что испытал отец.

Когда ты ударяешься о палубу баркаса, привозящего на вышку смену, она уже вровень с водой. Твои ботинки со стальными накладками на пальцах грохочут о палубу, и ты ползешь ничком, и лишь шлем может спасти тебя или хотя бы какие-то воспоминания. Но в борт баркаса, на который спустился его отец, ударила мощная волна, композитный трос не выдержал, и отца смыло за борт. Его пытались спасти, но на нем почему-то не оказалось спасательного жилета, и он утонул.

На полученное от отца наследство Маккенна купил дом на берегу. Он вспомнил свои чувства, когда ему сообщили про отца, и то странное ощущение, словно падаешь в пропасть. И как отец терпеть не мог спасательные жилеты и не надевал их, когда ему предстояла серьезная работа.

До Маккенны внезапно дошло, что на нем тоже нет спасательного жилета. Наверное, тут что-то

генетическое. Он нашел два жилета в шкафчике на корме, надел один из них, а второй бросил Лебу, который колдовал над рыболовными снастями.

— Ты последи, а я проверю другую удочку, — сказал Лебу.

Не успел Маккенна ответить, как услышал в отдалении негромкий рокот. Привязанная лодка покачивалась на волнах. Волны пошлепывали о сталь и еле заметно люминесцировали. Однако Маккенна ничего не мог разглядеть вдали и присел, чтобы надеть инфракрасные очки. Тусклый мерцающий силуэт. Креветколов шел в их сторону, чуть отклоняясь влево.

— Они движутся.

Среди пилонов всплескивала вода — там сталкивались течения. Сейчас три фигуры на палубе корабля различались легче.

Их светящиеся пятнышки были на грани разрешающей способности очков. Затем одна из фигур попала в конус света одного из габаритных огней, что-то показывая жестами другой фигуре. Лица Маккенна различить не мог, но узнал человека мгновенно.

Темные Очки выделялся, как клоун на похоронах.

Человек рядом с ним, должно быть, Питскомб, предположил Маккенна. Третий силуэт оказался более высоким и менее ярким, и Маккенна вдруг понял, что это центаврианин. Вышагивая вдоль борта, тот двигался на палубе изящнее, чем на суше, — его скользящая походка подстраивалась к качке лучше, чем это получалось у людей. Инопланетянин держал нечто большое и темное и, похоже, что-то бросал из этого большого за борт.

Маккенна подстроил резкость, чтобы разобраться в картинке. Да, у центаврианина в руках мешок…

Лебу что-то пробормотал, забрасывая снасть, послышался странный всплеск, затем глухой удар. Лодка дернулась и качнулась как раз в тот момент, когда Маккенна настраивал резкость, и он услышал еще один мощный всплеск.

Маккенна сорвал очки. Несколько секунд глаза привыкали к темноте. От волн исходило слабое свечение. Лебу в лодке не было.

В воде дернулась нога, замолотили руки, взбивая пену. Что-то длинное и быстрое, похожее на веревку, обвило ногу. Маккенна потянулся за веслами. Неожиданно правое бедро пронзила боль, он посмотрел на ногу. Ее быстро обвивал мохнатый шнур, уже обернувшийся вокруг колена и

тянущийся к бедру. В ногу вонзились бесчисленные иголочки боли, которая пробежала вдоль позвоночника. Все его тело содрогнулось, а ногу свела короткая судорога.

Обвив бедро, шнур дернулся. Маккенна упал, сильно ударившись коленом о дно лодки. Еще один шнур пробрался в лодку и угодил в его плечо. Тесно обхватив его, он мгновенно принялся обвивать руку. Мышцы руки свело мощными спазмами — тварь пробилась сквозь пластиковую штормовку и рубашку. Боль вонзилась в грудь.

В лодку стали заползать новые змеящиеся шнуры. Маккенна дернулся и ударился головой о ящик с рыболовными снастями. Он подумал, что один из шнуров схватил его за ухо, но это оказался засов ящика, который он зацепил волосами. Послышался вопль, и он не сразу сообразил, что эти хриплые звуки издает он сам.

Маккенна ударил по шнуру, но его ужалили торчащие из него колючие шипы. Его тряхнуло, и он попытался высвободиться и раздобыть хоть какое-нибудь оружие. Ящик! Он открыл его и схватил разделочный нож. Потом обеими руками затолкал лезвие под шнур на груди. Тот оказался на удивление прочным. Маккенна уперся ногами, потянул нож, и лезвие разрезало плоть. Розовый

шнур выпустил его и замолотил по лодке, а из воды на него кинулась какая-то тварь. Маккенна поймал ее на острие ножа и перевалил на борт. Теперь ему было что резать, и он полоснул ножом вдоль щупальца, пиля его изо всех сил. Оно расщепилось и затихло. Для верности Маккенна разрезал и каждую половину, протянувшуюся до кормы.

О боли в бедре он заставил себя на время забыть, а теперь занялся ногой. Колючки шнура вонзились ему в джинсы. Как и раньше, он сунул под него нож и повернул лезвие. Этот шнур ему удалось разрезать сразу, из него стала сочиться молочная жидкость. Он принялся рубить щупальце, боль ослабела. Через несколько секунд ему удалось его отрезать, и оно упало на дно, извиваясь. Горящими от боли руками он полез в ящик и отыскал рабочие рукавицы. Натянув их, он собрал и выбросил длинные обрезки в море. Они все еще слабо шевелились.

Онемение ползло вверх по ноге, охватывало грудь. Маккенна ощущал странную смесь возбуждения и сонливости, ему хотелось отдохнуть. Моргнув, он понял, что лицо тоже онемело. Все происходило слишком быстро, и ему требовалось отдохнуть. А поразмыслить обо всем этом он

сможет и потом.

И тут через планшир скользнула еще одна розовая веревка. Пошарив вокруг, она зазмеилась к нему, как будто ощущала его тепло или запах. Ее кончик прикоснулся к туфле. Резкая боль прочистила Маккенне мозги.

Нож пошел вниз, и Маккенна несколько раз ткнул острием в щупальце.

Не став резать его на куски, он метнулся к планширу. Взмах ножа перерубил один из крепящих лодку тросов. Перепрыгнув через розовое щупальце, Маккенна перерезал второй трос. Он едва мог видеть. Почти на ощупь пробрался на корму, отыскал кнопку стартера и руль. Подвесной мотор завелся сразу, и он чуть прибавил обороты, чтоб дать ему быстро прогреться.

Маневрируя среди пилонов, Маккенна на секунду-другую включил фонарик, и в его ослепительном после темноты свете увидел, что вокруг в море извиваются розовые щупальца.

И никаких следов Лебу.

Он дал полный газ, вырвался на открытую воду и потянулся к радиотелефону.

Тяжелее всего было ждать.

Языки пламени жгли правую ногу и грудь. Жжение браслетом охватывало бедро. Маккенна

не мог понять, почему медэксперт не сказал, что в телах утопленников полно яда, и лишь позднее сообразил, что его било током, а не жалили ядовитые шипы. Рука и нога непроизвольно подергивались. Он ощупал трепещущие мускулы, смутно припоминая, что было потом.

Он вырвался в темноту, не думая больше о «Промотанных бабках». Через какое-то время подумал, что они могут поплыть за ним, ориентируясь на звук мотора. Тогда он выключил его и лег в дрейф. Потом связался с берегом. К тому времени он уже валялся на дне лодки и корчился от судорог. Дышать было очень трудно, и он несколько раз терял сознание.

Потом из мрака вынырнул вертолет. Он завис над ним, как ангел, и спустил лестницу. В лодку спрыгнули люди в гидрокостюмах. Его пристегнули ремнями, и он, крутясь, вознесся в черное небо. На жестком полу вертолета над ним склонилась женщина, держа большой шприц с эпинефрином. На ее лице читалось беспокойство. Язык у Маккенны стал толстым и неповоротливым, и он не мог ей сказать, что в его случае нужно другое. Она вколола ему полный шприц, сердце заколотилось. Сознание немного прояснилось, но укол не прекратил боль.

Женщина сделала ему и другие инъекции, и после них он вновь увидел трясущийся вертолет. Маккенне казалось, что он смотрит какую-то позднюю телепередачу — слегка интересную и с сюжетом, который смутно припоминаешь, как будто уже когда-то его видел. Она что-то кричала в микрофон шлема и задавала ему вопросы, но теперь все происходящее стало лишь теорией, которая его не касалась.

Следующие несколько часов прошли наподобие фильма, который на следующий день и не вспомнишь. Струи теплого душа стекают на серую больничную кафельную плитку, а он на этом кафеле лежит. Врач в белом объясняет, как им пришлось что-то там сделать, он все бубнит и бубнит нечто занудное, как на уроке химии в старшем классе. Они говорят, что им нужно его согласие на какую-то процедуру, и он с радостью его дает, лишь бы они оставили его в покое.

Он медленно осознает, что врачи из интенсивной терапии не дают ему болеутоляющее из-за Войны с Наркотиками и ее процедурных требований. Какая-то далекая часть его сознания размышляет, каково будет стать работником правоохранительных органов, умершим из-за переизбытка законов. Приходится ждать, пока

доктор А, затем доктор Б и, наконец, доктор С подписывают разрешения. Время приравнивается к боли и ползет, тикая, секунда за секундой.

А потом был демерол, который деликатно завершил все споры.

На следующий день он обнаружил на ноге цепочки крошечных дырочек. И такие же на груди. Маккенна предположил, что у покойников большая часть дырочек закрывалась, когда труп разбухал, поэтому их и обнаружили всего несколько.

Зашел медэксперт и поговорил с Маккенной так, словно тот был восхитительным музейным экспонатом. Но он хотя бы принес мазь с кортизоном — проверить, не поможет ли она, и она помогла. Маккенна припомнил, что эксперт и в самом деле врач с какой-то специализацией. Как-то так вышло, что для него тот всегда был копом.

Два дня спустя несколько агентов ФБР вывели его из больницы и усадили в большой черный фургон. Разумеется, у них был приоритет над местным законом, так что Маккенна едва успел переговорить со своим шефом и начальником полиции

Мобила, который все равно там присутствовал,

в основном для фотографа.

Человек на переднем сиденье фургона обернулся и одарил его улыбкой, в которой не было и грамма дружелюбия. Мистер Морпех.

— А где Темные Очки? — спросил Маккенна, но Морпех лишь озадаченно взглянул на него, потом отвернулся и уставился на дорогу. Никто не произнес ни слова, пока они не оказались на острове Дофин.

Его провели вверх по пандусу, затем по коридору, далее по каким-то наклонным дорожкам через странные шарообразные помещения и наконец привели в комнатку с бледно светящимися стенами. Там пахло сыростью и солью. Сопровождающие вышли.

В дальней стене отодвинулась неприметная дверь. Вошел мужчина, одетый во все белое. Он нес большой и какой-то неуклюжий на вид компьютер. Следом прошлепал центаврианин.

Маккенна сам бы не смог ответить, откуда он это знает, но это определенно был тот центаврианин, которого он видел в ту ночь на корабле. Тот взглянул на него знаменитыми глазами — щелочками. Маккенна уловил странный запах и наморщил нос.

Человек в белом сел на один из двух прине-

сенных с собой складных стульев и жестом предложил Маккенне сесть на второй. Центавр-ианин садиться не стал. Он осторожно поставил на пол какое-то небольшое устройство — емкость с форсункой. Потом встал рядом с мужчиной и положил руки-ласты на большую клавиатуру компьютера. Маккенна слышал об этих особых компьютерах, приспособленных для центавриан.

— Он будет отвечать на вопросы, — пояснил человек в белом. — Потом напечатает ответ. Компьютер выведет перевод на экран.

— Они не могут произносить наши слова, верно? — Маккенна про это читал.

— У них есть аудиоустройство, которое преобразует нашу речь в их звуки. Но наши слова они произносить не могут. Это лучшее, что мы пока смогли придумать. — Похоже, мужчина нервничал.

Центаврианин поднял руку и с помощью устройства обрызгал себя, тщательно смочив всю кожу. Во всяком случае, сейчас она больше напоминала кожу, а не шкуру рептилии, как сперва думал Маккенна.

— Он увлажняет себя, — пояснил мужчина. — Это сухая комната, здесь нам легче находиться.

— А во влажных комнатах…

— На потолках разбрызгиватели. Им надо оставаться влажными, потому что они амфибии. Поэтому им и не понравилось в Калифорнии. Там слишком сухо, даже у воды.

Центаврианин закончил процедуру. Маккенна лихорадочно думал и наконец начал:

— Итак, э-э… зачем вы выходили в море на том корабле? Суставчатые ласты пришельца покрывала ячеистая кожа. Они

зашевелились над клавиатурой, совершая круговые движения. Мужчине пришлось немного приподнять компьютер к инопланетянину, который был ниже среднего человеческого роста. На экране появилось:

«Кормить нашу молодь».

— Это те, кто напал на меня?

«Да. Друг умер».

— Ваша молодь кормится?

«Должна. Скоро выйдет на сушу».

— Почему мы об этом не знаем?

«Размножение требует уединенности и для вас».

Он не мог оторвать взгляда от этих глаз. Чешуйчатая кожа покрывала всю голову. Твердая и темно-зеленая, она надвигалась на большие

сферические глаза, оставляя лишь зрачки внутри щелочек. Маккенна смотрел в их непостижимые мерцающие черные глубины. Глаза шевельнулись, следя за ним, когда он заерзал. Все слова вылетели у Маккенны из головы.

— Я… не могу понять выражение вашего лица. Вообще-то мы ожидали, что инопланетяне будут похожи на людей, как нам показывали в «Звездном пути» и других фильмах.

«Я знаю о ваших визуальных программах. Драму „Путь" мы изучали. Чтобы понять, как вы будете думать о нас».

— Ваши лица не имеют выражения, как наши.

«У нас свои эмоции».

— Конечно. Но я не могу понять, волнует ли вас, что ваша молодь убила двух человек с рыболовных кораблей.

«Они находились близко к воде. Молодые. Голодные. Вашему виду лучше держаться вдали».

— Но мы не знали! Правительство ничего нам не сообщило. Почему?

Мужчина, державший компьютер, открыл было рот, собираясь что-то сказать, но передумал. Инопланетянин написал:

«Перемены трудны и для вас, и для нас. Идеи должны поступать медленно, чтобы стать по-

нятыми».

— Люди не возражают против вашего визита. Но им может не понравиться, что вы засеваете наши океаны своей молодью. И убиваете нас.

На этот раз ответ возник не сразу:

«Те, кого вы называете мертвыми, сейчас живут на темных небесах».

Маккенна моргнул.

— Это религиозная идея?

«Нет. Это выяснили наши небоисторики».

— Ваши небо…

— Неправильный перевод, — сказал тип с компьютером. — Я на прошлой неделе обсуждал это с астрономами. Понимаете, программа перевода комбинирует две концепции. Небо, означающее астрономию, потому что на их планете оно всегда облачное, поэтому ночное небо расположено выше облаков, — и историю. Ближайшее значение перевода — космология, астрономия прошлого.

Маккенна посмотрел в холодные и непроницаемые глаза инопланетянина:

— Значит, это… наука?

«Вы называете это базовое понятие Вселенной „темной энергией". Я модифицирую эти слова, чтобы показать природу вашей темной энергии. Она взламывает Вселенную».

Маккенна не мог понять, в каком направлении движется разговор. Конечно, он читал научно-популярные статьи о том, что называли «темной энергией». Ученые предполагали, что она заставляет Вселенную расширяться все быстрее и быстрее.

— Так что эти… темные небеса… делают?

«Это… субстрат. Связанная информация распространяется в нем наподобие волн. Организованные разумы высокого уровня испускают вероятностные волны высокой сложности. И они сохраняются надолго после смерти исходного излучателя».

Маккенна моргнул.

— Так вы хотите сказать… наши разумы… посылают в пространство…

«Свое присутствие, это более точный термин. Разум излучает присутствие. Оно продолжает существовать в виде волн на темных небесах, которые во Вселенной повсюду. Туда попадают все разумы».

— Очень похоже на религию.

«Вашего разграничения между страхом за свою судьбу и более крупным понятием „наука" мы не разделяем. Чтобы понять это, нам потребовались долгие исследования, поскольку вы намного

более молодая форма жизни. У вас еще не было ни времени, ни опыта, чтоб изучить Вселенную так хорошо».

У Маккенны стало возникать чувство, что все это выше его понимания. У него слегка закружилась голова, он часто задышал, стиснул кулаки.

— Так вы не сожалеете, что те люди умерли?

«Наши эмоции также не соответствуют вашим категориям. Да, мы сожалеем. И одновременно знаем, что утрата есть всего лишь переход, наподобие того, как наша молодь выходит на сушу. Одна форма сменяет другую. Возможно, и за темными небесами есть нечто другое, но мы этого не знаем. Вероятно, этот вопрос лежит за пределами наших категорий. У нас есть ограничения, как и у вас, хотя и не столь большие. Вы молоды. Время у вас есть».

— У нас убийство считается преступлением.

«Мы не с вашей планеты».

— Слушайте, даже если дух, или не важно что, куда-то там перемещается, это не оправдывает убийства.

«Наша молодь не убивает. Они охотятся, едят и растут. Это опять разница в категориях между нашими видами».

— Зато для нас важно, живы мы или мертвы.

«Ты напал на наших молодых. В соответствии с вашей терминологией, ты их убил».

Центаврианин медленно моргнул, шевельнув кожными складками на круглых глазах. Потом наклонился за распылителем. Его окутал туман из мельчайших капелек.

Этот туман каким-то образом затуманил и его мысли. В стоячем воздухе завис странный мускусный запах.

— Я… даже не знаю, что делать дальше. Ваша молодь совершила преступление.

«Общение между звездами разума имеет цену. Мы все ее платим».

Маккенна встал. Его окутывал сырой запах инопланетянина.

— Некоторые платят больше.

Он едва успел на похороны Лебу. То были настоящие похороны, с полным ритуалом. В церкви Маккенна пробормотал слова утешения вдове. Та повисла на нем, всхлипывая. Он знал, что позже она спросит, как умер ее муж. Это читалось в ее умоляющих глазах. А он не знал, что скажет. Или что будет разрешено сказать. Поэтому он уселся на задней скамье побеленной баптистской церкви и попытался переключить внимание на службу. Как напарнику Лебу, ему пришлось что-

то сказать. Усевшись на место, он через секунду уже забыл, что говорил. Люди поглядывали на него странно. На кладбище, как того требовал протокол, он встал возле строя полицейских в форме, которые отсалютовали погибшему коллеге несколькими залпами.

Лебу хотя бы похоронят. Его тело вынесло на берег, когда Маккенна был в больнице. Другие способы прощания Маккенне никогда не нравились, особенно после того, как жена завещала себя кремировать. Он считал, что, имея дело со смертью, надо иметь дело с мертвым. Нынче тела отправляются не в землю, а скорее в воздух. Или в море — в виде праха. Так люди менее привязываются к земле, больше «рассеиваются». А раз тело редко присутствует на похоронах, то колесо, разделяющее живых и мертвых, не может как следует вращаться.

Бог тоже из всего этого куда-то пропал. Приятели Лебу, такие же заядлые рыбаки, вставали и говорили о покойном. Маккенна уже много лет как заметил, что его друзья, когда их провожали в последний путь, становились не покойными мусульманами или методистами, а покойными мотоциклистами, игроками в гольф или серферами. Затем священник произнес возле могилы

слова о мире ином, и все провожающие, несколько сотен человек, отправились на поминки. Там общее настроение довольно резко изменилось. Маккенна услышал, как некий тип в полосатом костюме объявил «заканчиваем» как раз перед тем, как иссякло шардонне.

Уже на закате, возвращаясь домой вдоль берега залива, он опустил окна, впуская солоноватый морской бриз. Маккенна пытался думать об инопланетянине.

Тот сказал, что им хотелось уединенности в их цикле размножения. Но так ли это? Уединенность — понятие человеческое. Центаврианам оно стало известно, потому что они целое столетие переводили наше радио и телепередачи. Однако уединенность может вовсе не быть состоянием, присущим центаврианам. Может быть, они лишь использовали человеческие предубеждения, чтобы получить определенный простор для маневра?

Ему требовалось отдохнуть и подумать. Наверняка возникнет тонна вопросов о том, что произошло ночью в заливе. Он не знал, что скажет или сможет сказать вдове Лебу. Или какие переговоры состоятся между департаментом полиции Мобила и ФБР. Куда ни взгляни, повсюду

сложности. За исключением, возможно, его простой и тугодумной личности.

А ей сейчас требовался стакан зинфанделя и часок на причале.

На шоссе в сотне метров до поворота к его дому стоял черный «форд»-седан. Он выглядел каким-то официальным, сознательно анонимным. Никто в округе не ездит на таких неприметных машинах, без вмятинки или пятнышка ржавчины. Возможно, такие детали ничего не значат, однако Маккенна усвоил то, что один из сержантов называл «чувством улицы», и никогда его не игнорировал.

Он свернул на посыпанную раковинами дорогу к дому, проехал немного и притормозил. Выключил фары и мотор, переключился на нейтралку и дал машине медленно катиться под уклон, укрываясь за сосновой рощицей.

Во влажном ночном воздухе Маккенна хорошо слышал хруст раковин под колесами. Слышен ли он возле дома? Возле поворота дороги перед домом он остановился и дал мотору с легким потрескиванием остывать, а сам сидел и слушал. В соснах шептал ветерок, а он находился в той стороне, откуда дует ветер. Маккенна бесшумно распахнул дверцу машины и достал из бардачка

пистолет. Бардачок он оставил открытым, желая полной тишины.

Ни птичьих криков, ни обычных шорохов и суеты ранней ночи.

Он выскользнул из машины и присел возле дверцы. Луна еще не взошла. С залива наползали облака, маскируя звезды.

Маккенна обогнул дом и подкрался к нему сзади. Со стороны залива за углом в тени стоял мужчина в джинсах и темной рубашке. На его согнутой руке лежал ствол винтовки. Маккенна стал осторожно приближаться, пытаясь опознать его в профиль, тускло освещенный светом с крыльца. На краю сосновой рощицы он осмотрел весь двор, но никого больше не увидел.

Никто не приходит с винтовкой, чтобы арестовывать. А если надо грамотно организовать засаду на приближающуюся жертву, то следует взять ее в «клещи». Так что если здесь притаился второй, он должен находиться на другой стороне от дома, под дубом.

Маккенна вернулся под прикрытие сосен и обошел дом слева, проверяя его с другой стороны. И уже на полпути увидел, как из-за угла высунулась голова другого мужчины. В этой голове, когда она повернулась, осматривая задний двор,

было что-то странное, но в тусклом свете он не смог понять, что именно.

Маккенна решил вернуться к дороге и вызвать подкрепление. Он шагнул в сторону. Это привлекло внимание убийцы, и на него мгновенно нацелилась винтовка. Маккенна поднял пистолет.

Отдача дважды толкнула руку вверх и назад. Время словно замедлилось, и он увидел, как латунные гильзы, кувыркаясь, улетают куда-то в сторону. Убийца упал, и Маккенна увидел, что на голове у него инфракрасные очки.

Маккенна повернулся направо, и как раз вовремя — другой убийца вскинул винтовку. Маккенна прыгнул в сторону и вниз. Из темноты грохнул выстрел. Маккенна перекатился за низкий куст и затаился, наблюдая в просветы между стволами сосен. Убийца исчез. Уперевшись локтями в песчаный грунт, Маккенна держал пистолет обеими руками, зная, что у человека с винтовкой преимущество на таком расстоянии — около двадцати метров.

Он уловил мимолетное движение справа. Противник сейчас находился далеко от стены дома, примерно метрах в тридцати, — он стоял и целился, касаясь стволом винтовки старого

кипариса. Маккенна быстро выстрелил, зная, что первая пуля ушла мимо, но выпустил следом еще четыре. Судя по всему, они прошли близко к цели, но грохот выстрелов отчасти лишил его здравомыслия. Выпустив последнюю пулю, затвор остановился на ствольной задержке. Маккенна вытащил пустую обойму и вставил новую, ловя расширившимися ноздрями острый запах сгоревшего пороха.

От вспышек выстрелов он на некоторое время ослеп. Маккенна лежал неподвижно, прислушиваясь, но в ушах у него после стрельбы звенело. То был самый тяжелый момент, он не знал, что происходит. Он осторожно перекатился влево и укрылся за толстым сосновым стволом. Насколько он мог судить — ни звука.

Интересно, услышали соседи перестрелку? А если да, то сообщили в полицию?

Маккенна сообразил, что это и надо сделать. Он тихо переместился еще левее.

Облака разошлись, чуть просветлело. Он посмотрел туда, где находился второй убийца, и увидел тело на земле слева от дерева. Значит, он завалил обоих.

Он позвонил по мобильному диспетчеру района, шепотом.

Затем настороженно обошел тела. Одним оказался Темные Очки, вторым Морпех. Оба трупы.

У каждого была винтовка М-1А, полуавтоматическая гражданская версия старушки М-14. С глушителем и оптическим прицелом, магазин на двадцать патронов с тупоносыми пулями калибра 7,62. Идеально отрицаемое, не фэбээровское оружие.

Значит, федералы хотят наглухо запереть информацию об инопланетянах. А у Темных Очков, несомненно, был на него зуб. Тот вообще был ходячим комком нервов в костюме.

Маккенна вышел на причал, втянул ноздрями соленый воздух, постепенно успокаиваясь, и посмотрел на мерцающие звезды. Какая красота.

Так затаились ли там темные небеса? Насколько он мог судить, инопланетянин утверждал, что они заполняют Вселенную. И если там существуют какие-то странные волновые пакеты, испускаемые разумными существами, имеет ли это значение?

Похоже, тот центавриан хотел сказать, что убийство не имеет большого значения, потому что это всего лишь переход, а не окончание.

Тогда получается, что его давно ушедшая жена каким-то образом все еще находится в этой

Вселенной? И она, и все когда-либо жившие разумные существа?

Все, кто жил под лучами далеких звезд? Смешавшись каким-то образом с мистером Темные Очки и мистером Морпехом?

Это могло быть величайшим из всех возможных откровений. Окончательным подтверждением правоты религии, глубочайших людских надежд.

Или же всего-навсего чужой теологической теорией, пересказанной неточными словами.

Над ним пролетела цапля. Ночной воздух наполнился стрекотанием и лесными шорохами. После грохота и смерти природа возвращалась к привычным делам.

Обычное дело.

Но Маккенна знал, что это ночное небо уже никогда больше не увидится ему прежним.

Отсюда в Вечность[40]. Эссе

До последнего времени лишь научные фантасты задумывались о такой далекой перспективе, как, скажем, десять тысяч лет. Теперь она заинтересовала и правительство.

В предыдущих статьях я уже упоминал о проекте «Пилот» по захоронению ядерных отходов на соляной равнине в южной части штата Нью-Мексико. Я был консультантом министерства энергетики по прогнозированию долговременных последствий существования подобной ядерной гробницы. Основной задачей стало решить, что установить в качестве постоянного предупредительного знака для будущих поколений — всех трехсот, которые должны народиться за это время, — об опасности, затаившейся на глубине более полукилометра у них под ногами.

Я спросил у одного помешанного на компьютерах приятеля, чем, по его мнению, стоит обозначить место захоронения, на что тот не замедлил ответить:

---

[40] Примечания: 40

© Gregory Benford. Frorn Here To Eternity. F&SF, June 1994.
Перевел Андрей Колобанов.

— Да разбросать вокруг CD-диски. Люди будут их подбирать и из любопытства считывать — вот и все.

Когда я отсмеялся, он обиженно осведомился:

— А что, должно сработать. Цифровая передача информации — это знамение будущего.

На самом деле, это — знамение нашего времени. Но такой взгляд на вещи заставил меня задуматься о современном поклонении скорости и компактности как воплощении идеи коммуникации.

Я представил себе, как какой-нибудь ученый будущего (если таковые сохранятся), интересующийся хрупкими, позабытыми документами конца двадцатого века, наткнется на мои сочинения в хранилище одной из библиотек. Помятый профессор вытащит из пыльного подвала картонный ящик и откроет моё собрание сочинений: сотни трёхдюймовых дискет для персоналки под DOS, с файлами в редакторе Word Perfect 6.0.

И где ему найти такую машину в 2094-ом году? Такое программное обеспечение? А что станется с отшлифованными абзацами, должным образом запечатленными в магнитных ячейках, пронеси он эти дискеты в поисках нужного оборудования мимо какого-нибудь магнитного сканера в

магазине?

Со времен древних шумеров в технологии передачи информации был сделан выбор в пользу непрочных носителей, быстроты считывания и прогресса. Отказаться от глиняных табличек в пользу эфемерной бумаги, на которой так легко смазываются нанесенные знаки, которая так уязвима для огня и воды и к тому же легко превращается в подтирку, им, шумерам, показалось бы полным безумием.

И все же бумага одержала победу над глиной, так что, хотя Моисей выбивал божественные заповеди на каменных скрижалях, читаем мы их на бумаге. Она, а в последнее время и наши верные компьютеры, удешевили передачу и облегчили хранение информации.

Бумага не вечна. Но даже надписи на могильных камнях со временем истираются, и даже сами языки исчезают. Как же пронести предупреждение через века? Как же привлечь внимание потомков? Необходимо научиться писать крупно, понятно, на веки вечные. И может статься, главное все-таки — крупно.

Постройки религиозного и мемориального характера, воздействующие на чувства людей, сохраняются надолго. Кладбища, к примеру,

успешно противостоят напору города. Огромное старинное кладбище на самом въезде в Манхеттен просто поражает воображение, — и ведь сохранилось же, несмотря на соседство с одним из самых дорогих участков земли в мире. В Азии и Европе храмы и церкви надолго переживают гигантские каменные монументы, воздвигнутые в честь всяческих правителей мира.

Конечно, храмы зачастую построены с большим старанием, да и люди не решаются сносить их. Часто служители новых культов просто используют старые здания. Парфенон существовал поначалу как храм Афины, затем в Византии как христианская церковь, позже стал мечетью, а сейчас является всемирно почитаемым памятником величию воздвигших его древних греков.

Порой завоеватели разрушают и святые места, как римляне, в 70-м году н. э. стершие с лица земли храм Соломона. Возможно, какой-нибудь завоеватель будущих тысячелетий наткнется на гигантские плиты, стелы и саркофаги проекта «Пилот» (если, разумеется, саркофаги не будут выставлены на всеобщее обозрение или превращены в аттракцион для туристов…). Видя в них святыни поверженной культуры, полководец может отдать приказ снести, закопать их, стереть

все надписи.

Что-то подобное случалось уже неоднократно, когда европейцы несколько сот лет назад прокатились по планете, уничтожая духовное и культурное наследие целых народов. Майя писали и на бумаге, и на глине, но почти все их труды пропали.

Министерством энергетики нам была поставлена задача предотвратить присутствие на территорию проекта «Пилот» людей. Очень важное дополнение.

Я лично не думаю, что род человеческий останется в целости и сохранности даже через тысячу лет, тем более через десять тысяч. Если только мы вскоре не прекратим бурное развитие биотехнологии и не перестанем вмешиваться в структуру собственных генов, думаю не замедлят появиться вариации на нашу кроманьонскую тему.

Способ мышления других пост-человеческих видов будет значительно отличаться от нашего. Хотя, даже если они получат дополнительные физические свойства (палец вроде отвертки? желудок, способный перерабатывать целлюлозу напрямую в сахар? поясницу покрепче?), надеюсь, они сохранят внутреннюю программу, полученную нами, приматами, еще в давние

времена в африканских саваннах.

Частью этого древнего наследия является выраженное предпочтение к определенным чертам ландшафта. Поэтому все люди в чем-то имеют общие вкусы, поскольку в свое время именно они давали наибольший шанс выжить. Эти «ландшафтные архетипы» столь сильны, так как их дарвинирование[41] заняло многие сотни тысяч лет, по мере того, как маленькие группы охотников-собирателей перемещались по пересеченной местности.

Развитие сознания происходило в результате чрезвычайно быстрого процесса интеграции разума и тела. Ежесекундно завися от природных катаклизмов и милости других видов животных, наши предки ощущали себя частью живого сообщества, замечательного единства природы. Наша невероятная привязанность к этому ощущению — форма ностальгии, ничуть не менее сильная из-за удаленности первоисточника.

Предки людей, предпочитавшие саванны, процветали, те, кому нравились болота или горы, жили похуже. Эти «впаянные» предпочтения не

[41] Примечания: 41

Мы сохранили авторский неологизм, означающий складывание архетипов в процессе естественного отбора, дабы не слишком далеко отступать от киберпанковской стилистики Г. Бенфорда. (Прим. ред.)

имеют сегодня большой важности с точки зрения выживания, но в коре нашего головного мозга громогласный зов прошлого перекрывает шепот будущего.

Биолог Джон Эпплтон верит в существование трех типов обозначений, вознаграждавших доисторических людей, сумевших разгадать их: признаков опасности, возможной находки и убежища. Полные опасностей образы или запахи проникают прямо в мозг, возбуждая беспокойство, которое можно разрешить, лишь действуя: рефлекс «бежать/сражаться».

Действие расслабляет нас, поглощает энергию, может даже доставлять наслаждение. Люди, сильно зависимые от этого, ходят на фильмы ужасов или катаются на американских горках и получают подлинное, обусловленное эволюцией наслаждение. Большинство из нас просто предпочитает знакомые ландшафты: они уравновешивают восприятие и предлагают убежище. Однако, иным интересно бывает также исследовать незнакомые, т.е. *нескучные* места.

Такой образ мышления, в свою очередь, закладывается в мифологическое сознание. По-видимому, наши представления, сложившиеся в процессе эволюции, заложены в базовые мифы,

потому что когда-то они были правдой. Теперь они засели в подсознании, и готовы выскочить в любой момент, чтобы придать смысл окружающему.

Кандидатами на эту роль могут являться: представления об отце, матери, главенстве, детстве, осознание себя, представления о женственности и мужественности, собирании пищи, вечности, кругах и квадратах (эти благородные формы Платона каким-то образом были полезны и в саванне), образы дьявол/зло, бог/богиня/добро (обратите внимание на сходство этих слов по звучанию даже в таком развитом языке, как английский[42]), понятие о сне, боли, смерти, общности. Я бы добавил сюда понятия числа, пространства и времени — но только потому, что являюсь математическим физиком. Возможно, именно перечисленное и слагает самое основание человеческого опыта, порождающего значения, в мифах, языке, религии, искусстве — или заложено в артефактах.

Джозеф Кэмпбелл приобрел широкую известность благодаря популяризации им всеобщих мифологических тем, куда входят: непорочное

---

[42] Примечания: 42
Devil/evil и god/goddess/good.

зачатие; Великая Мать; Мироздание, сотворенное из хаоса пустоты; похищение огня; изобилие Эдема и великолепие рая; возвращение хаоса в виде наводнения или потопа; земля мертвых; умирающий и воскресающий герой/бог; Великий Путь исканий; священное как противовес мирскому; искупление путем страданий и самопожертвования.

Мы вычленяем эти выразительные элементы из окружающего нас мира, потому что запрограммированы «видеть» их, как узор, организующий хаос бытия. Доводом здесь служит следующее: то, что кажется нам значением в мире, на самом деле является нашим проецированием этого значения *внутрь* мира. Но происходит это от использования именно тех фильтров, которые преображают реалии саванны в базовые категории.

Информация на месте захоронения должна сообщать о четырёх главных моментах: просто сообщать («это сделано людьми»), предупреждать («опасно!»), определять («это древнее и технологическое»), и уточнять («радиоактивно — не приближаться»). Первый — главный, потому что до остальных очередь доходит, только если абсолютно точно известно, что всё сооружение — дело рук человека.

Конструкция с первого взгляда должна поразить любого. (Огромный каменный круг в Авесбери, недалеко от Стоунхенджа, не обладает таким качеством. Он не так широко известен, потому что составляющие его камни малы по сравнению со всем сооружением, вследствие чего можно стоять прямо посредине и не осознавать все целое). К тому же наряду со знаком Проекта, будет существовать огромное количество всех современных памятников и несомненное множество будущих: статуи времен Гражданской и грядущих войн; опоры скоростных шоссе; остовы банков и стадионов.

Большинство памятников с гордостью заявляют, что тут, мол, побывал великий Килрой, так что извольте проявить почтение. Сооружения проекта «Пилот» должны отталкивать: «Здесь побывали мы, так что извольте не приближаться». Как же донести наше необычное послание, чтобы победить заведомо почтительную реакцию потомков?

И кое-какие разработки появились. Чтобы отдать дань памяти великим людям или событиям, мы воздвигаем прекрасные, устремленные ввысь монументы, отражающие порывы нашей души, — пирамиды, Игла Клеопатры, обелиск

Вашингтона, да и монолит 2001-го года. Площадка над захоронением должна сообщать об обратном, адресуясь прямо к общественному подсознательному, должна притягивать взгляд, но отвращать душу. Возможно, чему-то можно поучиться у мемориала жертвам геноцида в Берлине, построенного в виде ломаных резких линий, острые края которых дисгармоничны, не дают успокоиться.

Рассмотрим Черную Дыру: большой черный базальтовый монолит, который невыносимо раскаляется под палящими лучами солнца. Во все стороны, под немыслимыми углами расползаются бесформенные выступы, словно трещины, разламывающие сожженную солнцем равнину, предупреждая о бесполезности попыток возделывать или бурить эту землю.

Или Ландшафт Свалки: развороченные динамитом местные камни, сдвинутые бульдозером в огромное каре над площадкой Проекта. Груда грубых обломков главенствует над окружающей местностью, по ней трудно пробираться, — уничтоженный, а не созданный ландшафт.

Соорудить Запретные Блоки будет чуть тяжелее: грубые блоки из глыб камня и бетона, со стороной около двадцати пяти футов, выкрашен-

ные в черный цвет. Очерчивают собой квадрат с хаотично разбросанными «улицами» пяти футов в ширину. Но улицы ведут в никуда, и никто не сможет жить там и возделывать эту землю. Блоки сильно нагреваются, и все это нагромождение категорически противится использованию. Особняком стоят гранитные блоки, покрытые надписями-предупреждениями.

Равнина Шипов по замыслу усеяна гранитными пиками восьмидесяти футов высотой, проклевывающимися прямо из земли. Они выступают под произвольными углами, что может ускорить растрескивание и эрозию. Тем не менее, чтобы сохранить изначальное значение, добавим Поле Шпилей, абсолютно вертикально установленных между Шипами. Если Шипы, упав, не повредят Шпили, то очевидно последние останутся стоять посреди поля развалин.

Большинству членов комиссии больше всего понравился пятидесяти футов в высоту Угрожающий Знак, представляющий собой рвы, которые разбегаются во все стороны из пустого центра площадки. Формой они напоминают молнии, зазубрены, словно стискивают крошечного путника. В центре находится разрушающаяся бетонная камера Проекта «Пилот».

Рядом — огромная напольная карта всех мировых захоронений отходов. И карта Нью-Мексико с указанием местоположения этой точки. Карта выбита на граните и слегка выпукла, чтобы песок сдувало ветром и не застаивалась вода. Расположенная ниже комната содержит детальную информацию о том, что лежит внизу, в глубине соляных копей, так же, как четыре меньших комнаты под самыми большими Рвами. «Говорящие стены» из гранита стоят тут и там по всей площадке.

Общей идеей здесь является неправильная геометрия и ангиэстетитизм незавершённости. Она входит в противоречие с людскими архетипами совершенства в нашем несовершенном мире, которое все же проскальзывает в кругах, квадратах, пирамидах и шпилях. Использование неправильных форм, вопреки устремлениям дизайнеров, сознательно нацелено на отход от идеалов, исключение всякой ценности этого места.

Люди всегда ценят мастерство, а тут всё намеренно сделано грубо, как бы начерно, из щебня и куч земли. И вместе с тем сооружения огромны по размеру, впечатляют, — но вовсе не совершенством, что наводит на мысль об отсутствии культурной ценности.

Эта тема должна прослеживаться во всех надписях. Благоговейный страх, мрачное предчувствие, неконтролируемый ужас — для всех, независимо от языка или культуры. Человеческие фигуры и особенно лица, выступающие барельефами из камня. Лицо с руками, простертыми в неописуемом страхе, как в известной картине Эдварда Мунка «Крик». Или, возможно, искаженное приступом рвоты лицо.

Свист ветра меж монолитов, его скорбные завывания в мрачных закоулках рвов окружат всю долину тревожной и зловещей аурой. Культура каждого народа, заселяющего здешние края, должна будет таким образом нести легенду о проклятии, нависшем над этим местом — даже если и утратится память об истинной причине его появления.

Предусмотрено захоронение целого ряда предметов специально для тех, кто попытается копать там. Каждый из разработчиков помещал в центр сооружения саркофаг. В нем должно находиться большое количество материала разъяснительного свойства: от списков радиоактивных элементов, захороненных в этом месте, до самой периодической таблицы элементов, для сравнения с надписями на стенах.

И все же подземные склепы могут быть разграблены. Но тут стоит обратиться к опыту шумеров. Около третьего тысячелетия до н. э. они начали вести записи на маленьких глиняных табличках, которых к началу нашей эры накопилось видимо-невидимо. Благодаря этому мы имеем теперь непрерывную цепь документов, подробно описывающих религию, верования, экономику, обычаи шумеров.

Подобным же образом мы должны усеять площадку захоронения маленькими керамическими табличками, насыщенными предупреждающей информацией. Так можно перехитрить, с одной стороны, вандалов, всегда покушающихся на большие, внушительные памятники, а с другой стороны, — стихии природы. Под влиянием эрозии таблички выйдут на поверхность: освобожденная временем информация.

С условием, конечно, что местные жители смогут прочесть их. Но современным языкам не суждено без изменений пересечь моря тысячелетий.

Языки меняются непредсказуемо. Они так сложны, что склонность к упрощению какой-то одной части (скажем, английский свел в одно артикли и глагольные формы всех трех родов),

неизбежно приведет к усложнению другой (в том же английском стало больше неправильных глаголов). Исторические события вносят свои коррективы. Основная причина столь значительных отличий фризского языка, на котором разговаривают на севере Нидерландов, от его ближайшего родственника в германской группе языков — английского — в том, что англы подверглись завоеванию норманнов, а фризы — нет.

Даже искусственно сконструированные языки не могут избежать внешних воздействий. Эсперанто, на котором в свое время разговаривали около 50 000 человек, был раз и навсегда лишен будущего, когда США и СССР наложили вето на его использование в качестве рабочего языка ООН. Кроме того, ни один «естественный» язык не появляется сам по себе, в изоляции, с самых древних времен. Наш мир покрыт сетью всевозможных коммуникаций, поэтому эволюция языков будет идти по иному, более сложному пути. Какому же? Предсказать невозможно, потому что еще не разработана общая теория эволюции словесных искусств.

Таким образом, и ожидать нечего возникновения науки, предсказывающей будущие языковые формы, и проблема надписей на строениях про-

екта «Пилот» приобретает огромное значение. По прошествии нескольких столетий лишь эксперты смогут прочесть ранние формы даже их собственного языка; мы с грехом пополам разбираемся в оригинальных текстах Чосера, но сдаемся перед «Беовульфом». Если не произойдет слишком большого культурного разрыва, возможно, пара-тройка знатоков древности будут в состоянии расшифровать английский или какой другой современный язык. Но вандалы редко приглашают в консультанты ученых.

Те, кто найдут это множество захороненных посланий, возможно, не смогут прочитать их, но поймут, что они представляют собой некие знаки. Наше эволюционное наследство — определенная предрасположенность к виденью образных значений: к примеру, мы группируем в сознании предметы, если они обведены линией. Мы четко определяем края и выделяем фигуры из общей картины. И с такой же легкостью расчленяем большие объемы информации на меньшие кусочки.

Символы должны отвечать этой нашей способности. На протяжении тысячелетий людям нравятся истории с продолжением. 11 500 лет назад с наскальных росписей Левантины в Испании

начался настоящий бум первобытного искусства. Существуют пиктограммы, где изображена охота, разнообразное оружие, всякая одежда, древние мужчины и женщины.

Похожие упрощенные рисунки сегодня могут изображать схематические фигурки людей, закапывающих контейнеры с отходами, в то время, как остальные держатся на расстоянии.

На других рисунках можно изобразить людей, которые раскапывают или бурят площадку, фонтан грунтовых вод, а затем искривленные фигурки падающих на землю людей, и, наконец, сцену похорон.

История должна развиваться по-разному, где возможно напоминая великие древние мифы. Гобелены Байо во Франции, японский свиток «Вторжение Монголов», и повествование в картинках индейцев лакота-сиу «Битва на Скользкой Траве» (которую мы знаем как «Последний Оплот Кастера») — все они черпают свою выразительную силу в последовательности образов.

Былинное повествование само по себе очень сильно связывает различные эпохи. Почему бы не использовать местную традицию, чтобы донести наше послание? В конце концов, «Илиада» и «Одиссея» Гомера дошли до нас через тысяче-

летия как устно передаваемые истории. Даже будучи записаны в шестом веке до н. э., они подвергались изменениям еще много веков. Великая сага, которая должна придать проекту «Пилот» мифический статус, может выжить так же долго.

Но, разумеется, никто не в силах в достаточной мере надежно упорядочить миф. Даже если он выживет, пересказываемый вновь и вновь, развиваясь, он может потерять своё предупреждающее значение. Опыт показывает, что записанные устные предания перестают быть великими сказаниями. Книги заставляют исчезнуть рассказчиков.

Так что нам остается история в картинках. И хотя образ может стоить тысячи слов, не всегда сразу понятно *каких именно.* Прямо в нашем столетии свастика из положительного религиозного символа Индии превратилась в ненавистную нацистскую эмблему. Нам хочется, перекричав тысячелетия, сообщить будущим поколениям: «яд — радиоактивные материалы — не приближаться».

Наиболее распространенным символом, обозначающим радиоактивные материалы, является для нас изображение атома урана в виде трех эллипсов, имеющих общий геометрический центр.

Но он лишь описателен и ни о чем не предупреждает. Некоторые думают, что это изображение солнечной системы.

Символ «радиация» международен: «трилистник» из черного кружка с тремя усеченными конусами вокруг. Но это не картинка, а лишь искусственный образ, и он никак не связан с радиацией. Некоторые видят в нем цветок или японский *мон* — герб клана. Один член нашей команды сострил: «Мм, зачем это им было закапывать все эти винты подводных лодок?»

Череп и скрещенные кости относятся ко временам средневековых алхимиков, видевших в этом символе череп и кости Адама, обещающие воскрешение. Лишь позже так стали обозначать яды, и хотя это изображение международно, оно имеет свои недостатки. Когда с трехлетними малышами провели опыт, показав им этот символ, они сразу же закричали: «Пираты!» Как только его приклеили на бутылку, дети стали кричать: «Яд!»

Хотя в образе отделенных от тела голов заложен какой-то первичный ужас. Стив Харрис, физик-исследователь из Калифорнийского университета, заметил мне, что мотив черепа вызывает примитивный страх, подобный боязни

змей. Обезьяны всегда возбуждаются при виде отрезанных обезьяньих голов или других частей тела. Это понятно в рамках эволюции, потому что хищники, охотящиеся на приматов, часто оставляют за собой такие «знаки». Людям также свойственен подобный страх. (На самом деле я убежден, что «Озимандии» Шелли черпают часть своей силы в огромном образе отделенной от тела головы).

Даже если ни один символ не просуществует десять тысяч лет, возможно, поможет их совокупность. «Мистер Фу», недавно принятое обозначение ядов, выглядит как Счастливое личико, с оскалом вместо улыбки, глазами навыкате и высунутым языком. Совместить его можно, скажем, с перечеркнутым кругом и другими зачеркнутыми картинками.

Но что зачеркивать? Буровую установку легко перепутать с нашим Знаком. Пиктограмма копающего человечка не подходит, потому что на самом деле никто не сможет добраться до захоронения подобным образом.

Большую проблему представляет то, что для проявления воздействия радиации требуется долгое время. Один из способов передать эту информацию — составить рассказ в картинках,

начинающийся с образа ребенка, нашедшего захоронение, представленное, скажем, трилистником. Затем панель, где радиоактивный символ изображен уже на груди фигурки, вокруг которой выросли молодые низкие деревца. На следующей панели деревья выросли, а ребенок стал взрослым, который лежит на земле, оскалившись, болезненно скорчившись. Просто, доходчиво — Смотри, Дик, Беги От Радиоактивной Смерти.

Это может помочь передать послание даже после того, как всякая языковая связь с нами будет утеряна потомками. Несколько историков, возможно, будут в состоянии расшифровать надписи, но кочевые разбойники вряд ли обратятся за помощью в университет.

Некоторые члены группы считали, что, будучи негармоничными, монументы, чтобы нести свое основное угрожающее послание, должны быть эстетически выдержаны. «Прекрасное сохраняется, а уродливое исчезает», — сказал один из них. Пирамиды выжили, возможно, и потому, что поражают воображение, — они единственное из древних чудес света, дожившее до наших дней, — такая же мощь может оказаться полезной и для Знаков Проекта «Пилот». «Дар нашего века будущему», — предположил другой. Еще

один предложил поручить художникам создание крупномасштабной природной скульптуры.

Но мне кажется, что здесь кроется беда. То же показалось и другому члену нашей группы, Джону Ломбергу, разрабатывавшему вместе с Карлом Саганом некоторые из межпланетных диаграмм, погруженных на борт «Вояджера». «Даже если нам кажется, что эти строения некрасивы. — сказал Джон, — откуда известно, что их не примут в будущем за произведения искусства?»

Искусство часто двусмысленно. В качестве универсального языка оно мало что говорит о намерениях художника. Наскальные изображения животных не объясняют причины их создания. Изобразительное искусство справляется с этим лучше, чем символическое, но все дизайны Знаков довольно символичны, как и вся крупномасштабная скульптура. Вспомните, как часто зрители подолгу пытаются разгадать намерения абстрактных художников.

— Далее, — продолжал Ломберг, — даже если мы сможем создать достаточно великий памятник, чтобы он превратился в чудо света, слава которого будет жить три сотни поколений, сам факт такой значимости памятника приведет скорее к мысли о его культурном, а не коммуни-

кативном значении.

Огромная, мощная скульптура, изолированная посреди пустыни, будет выглядеть скорее, как гора Рашмор[43], место с единственным, возвышенным значением. Туристический аттракцион.

Искусство часто лишено назначения; это факт. Даже, когда оно пытается быть ужасающим, как в случае с искаженными лицами, то не всегда достигает цели. «Герника» Пикассо на самом деле предупреждала не об испанской гражданской войне. В ней идет речь о более общем ужасе и страдании.

Хуже того, искусство привлекает толпу. «Мы же хотим, чтобы люди не приближались к этому месту, а вовсе не приезжали издалека увидеть его», — заметил Ломберг. Что, если оно и вправду привлечет туристов, желающих увидеть древнее чудо. Им понадобится гостиница, которой нужна вода, начнется бурение скважин…

И можно ли ожидать, что правительство может управиться с созданием великого произведения искусства? У него и так достаточно проблем в согласовании взглядов на всего лишь интересное,

[43] Примечания: 43

Рашмор — скала, на которой высечены гигантские барельефы четырех президентов США — Вашингтона, Джефферсона, Линкольна, Рузвельта.

но уже очень противоречивое творчество фотографов и художников. Ломберг отметил, что на каждый удачный проект приходится сотня провалов, от мемориала принца Альберта в Лондоне («архитектурной комнаты смеха») до мемориала летчиков в Торонто, известного в округе под именем «Гамби едет в небеса».

Ломберг подчеркнул, что искусство во многом антинаучно, не представительно, благоволит разобщенности, нигилизму. Джон поставил под сомнение способность нашего современного художественного сообщества к созданию или даже простому выбору дизайна, соответствующего многим научным и техническим требованиям, связанным, к примеру, с наступлением пустыни, выносливостью материалов, технологиями будущего.

Объявление большого конкурса идей подразумевает, что одна из них, подходящая или нет, все равно будет выбрана.

— Они там решат отметить захоронение гигантским надувным гамбургером, — сказал Ломберг, улыбаясь.

Предположим далее, что проект «Пилот» станет моделью для будущих ему подобных. Станут ли французы или китайцы использовать такую

же систему знаков, — символов, изображений и всего остального, — как мы? Или соперничество между государствами сыграет свою роль? Через две тысячи лет тяжело будет догадаться, что все эти по-разному спроектированные и построенные монументы несут общее значение.

Поэтому современное человечество должно, задумавшись о далеком будущем, избавиться от расовых предрассудков. Проект «Пилот» будет завершен только в 2030 году, и лишь тогда ему понадобится предупредительная табличка, но ее проектирование началось уже сейчас, потому что мы должны пробить себе путь в незримое будущее — в котором исчезнем не только мы, но и, возможно, вся наша культура. Это первый могильник радиоактивных отходов в мире, и он может стать образцом для всех последующих, погребут ли в них радионуклиды или ещё что.

Это всего лишь наша первая сознательная попытка наладить связь сквозь тьму времен. Будут и другие, а бессознательные способы самопредставления могут оказаться нашим самым надежным завещанием будущему. Люди того времени будут знать нас в основном по нашему мусору — и нашему проектированию.

А может мы и кинем туда пару Си-Ди Ромов, ну

на всякий случай.